

fantasy

1

КОНАН

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ

Северо-Запад®

Роберт Говард,
Стив Перри

KONAN
И
ЧЕТЫРЕ
СТИХИИ

Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
1993

Перевод с английского
Геннадия Белова и Елены Федотовой

*Перепечатка отдельных глав
и произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое использование
настоящего перевода может быть осуществлено
исключительно с ведома издателя.*

© Г. Белов, Е. Федотова,
перевод, 1992
© В. Асадулин, оформление, 1992
® ~~свойство~~. Зарегистрированная
торговая марка. Тиражирование
запрещено.

ISBN 5-8352-0201-6

...И создал Творец новый мир для Эно,
ибо тесно тому было в старом мире.

Апокриф

Вот так всегда и бывает. Когда героям становится тесно в реальном мире, их создатели сотворяют для них новые. Так поступали Лукиан и Данте, Рабле и Свифт, и многие другие. С тридцатых годов XX века двери в такие миры стали открываться все чаще, в основном в жанре научной фантастики и фэнтези, а после того, как в конце пятидесятых распахнулись врата в величественное Средиземье Толкиена, все новые раскрываются ежегодно, а то и по нескольку раз в год.

Миры, в которые ведут эти двери, могут оказаться крохотными и огромными, тусклыми и яркими, неопределенно-расплывчатыми или выписанными до последней мелочи. Иные забываешь почти сразу, другие запоминаешь навсегда, словно реальные страны, в которых побывал и в которые тянет вернуться.

Когда в декабрьском номере журнала «Weird Tales» за 1932 год появилась первая повесть о варваре-киммерийце Конане «Феникс на мече», никто еще не подозревал, что двадцатилетний американский писатель Роберт Ирвин Говард сотворил для своего героя именно такой мир.

Всего четыре года вел читателей по просторам этого мира автор. В 1936 году Говард трагически погиб. Но мир «Конана» остался.

В нем странствуют миллионы читателей. Кинематографисты запечатлевают его на пленке. Художники изображают его на иллюстрациях и составляют его карты. И, что очень редко можно встретить в истории литературы, десятки других писателей продолжают эпопею приключений Конана.

Откроем же книгу, как маг отверзает Портал, Врата Иной Реальности. Войдем в нее.

...Ванахейм и Асгард соседствуют с Гипербореей и Киммерией. Рядом с Пустошами Пиктов тянутся Боссонские Топи. В степях Турана течет в море Вилайет река Запорожка и по ней гуляет казакская воляница. А на берегах далекого Стикса грозные жрецы зловещего Сета поклоняются ему в подземных покоях огромных пирамид... Смешалось все: народы, страны, эпохи. Словно озорной

ребенок взял разрезную картинку «Джиг-со» — «Сложи так» — и сложил ее шиворот-навыворот. Чуть какала-то. Несуразица.

А может быть, не такая уж и чужья?

Попробуем разобраться. И, прежде всего, займемся принципами конструирования вымышленных миров.

Во-первых, можно перенести героя на другое небесное тело. Лукиан описал путешествие на Луну, Сирано де Бержерак — империю Луны и Солнца. Метод был взят на вооружение научной фантастикой, и теперь трудно отыскать неосвоенную ею планету в нашей вселенной. Правда, авторы фантастики редко прибегали к этому приему.

Во-вторых, можно использовать иные измерения, от четвертого и вплоть до астрального. Никто не знает, что это такое, но тем и лучше.

Отсюда уже лишь один шаг до миров типа «Где-то, когда-то», существующих неизвестно где и неизвестно когда. При всей неопределенности этих параметров, такие миры могут быть вполне конкретными, описанными до мельчайших подробностей. Недаром именно к ним относятся Средиземье и Земноморье.

Ну, а если переместиться не в пространстве, а во времени? Научная фантастика предпочитает в этом случае будущее, а фантастика — прошлое. И вот тут в случае тщательной научной реконструкции появится «Тезей» Мэри Рено, а в случае реконструкции фантастической — «Конан».

Итак, место действия — наша планета. Время действия — пятнадцать тысяч лет назад.

На самом-то деле это конец последнего оледенения. До возникновения первых городов и государств пройдет около семи тысяч лет. Но ведь реконструкция фантастическая!

У Говарда Европа и Азия еще не отделены от Африки. Британские острова составляют с материком одно целое, Северное и Балтийское моря еще не образовались. Нет ни Средиземного, ни Красного морей. Отсутствуют Мраморное, Черное, Аральское. Только на месте Каспия с юга на север протянулось узкое, напоминающее рифт море Вилайт.

Вся эта территория заселена самыми разными народами. процветают рабовладельческие и феодальные государства. Люди поклоняются Митре и Иштар, Асуре и Сету. Еще жива память о поглощенных морем Атлантиде и Му. Помнят и древнюю империю магов Ахерон, владевшую всей Европой и рухнувшую под натиском пришельцев с запада, гибборийцев. От их имени и образовано название эпохи Конана — Хайборийская Эра (Hyborian age).

Откуда же Говард берет это имя?

У Аполлония Родосского в «Аргонавтике» есть упоминание о «гиборейцах далеких», но вероятнее всего, что это ошибка переписчика, выпустившего слог в слове «гипербореи».

Западным краем ойкумены у греков были Столпы Геракла, Иберия, которую они часто смешивали с Гипербореей. Именно из Гипербореи-Иберии, из Тартесса отплыл Геракл на запад, к острову Гесперид, за золотыми яблоками.

К моменту создания «Конана» Говард уже написал ряд повестей о древних кельтах и пиктах. «У меня только одно увлече-

ние, — писал он. — И оно полностью захватывает меня и сейчас... Речь идет о моем интересе к народу, который называют пиктами». Слив в одном слове кельтскую Иберию и Гиперборею Запада, он сотворяет Гиборию (Хайборию).

Если верить И. Чубахе, автору послесловия к сборнику «Конан-варвар» («СМАРТ», 1991 г.), то «Говард пристрастился к чтению: Сабатини, Верроуз, Гарольд Лемб... журналы «Аргози», «Ол-стори». Кажется, о существовании других изданий он и не подозревал». Откуда же у Говарда такие знания по истории древнего мира?

Поверим лучше другу Говарда, писателю Г. Ф. Лавкрафту. В статье «Памяти Роберта Ирвина Говарда» он пишет: «Как читатель он [Говард] предпочитал серьезные научные труды, относящиеся к столь далеким друг от друга областям, как история юго-запада Америки, Британии и Ирландии или Востока и Африки в доисторические времена».

Правда, И. Чубаха писал о юношеских годах Говарда, а Лавкрафт несколько преувеличил серьезность научных трудов, читавшихся писателем. Так что, подводя итог, скажем, что Роберт Говард был неплохим историком-самоучкой.

Так для чего же вся эта историческая и географическая путаница?

Ответ прост.

Автору нужен был именно такой «невероятный мир», чтобы его герой чувствовал себя в нем просторно и привольно. И этого Говард добился в полной мере. Он создал мир внешне невероятный и непротиворечивый внутренне. Хайборийцы и шемиты, стигийцы и народы Востока прекрасно уживаются в нем. Что с того, что одни поклоняются персидскому Митре, другие — вавилонской Иштар, третьи — индийскому Асуре, а стигийцы чтят Темного Сета, вопреки традиции ставшему змееглавым. Что с того, что названия одних стран взяты автором прямо из мифологии, другие целиком придуманы, а третьи...

Вот и поговорим о топонимике гибборийской эры.

На Крайнем Севере таятся таинственные страны Ванахейм и Асгард. Это «Дом Ванов» и «Город Асов» в мифах древних скандинавов. Взятая из греческой мифологии Гиперборея, «Страна живущих дальше северных ветров», примыкает к ним с востока. Южнее, граница и с Ванахеймом и с Асгардом, протянулась гористая Киммерия, страна теней и ночи. Но это не позднегреческая Праксия, расположенная в южных степях России, а Киммерия древних, на далеком северо-западе, где, по словам Одиссея, расположен вход в царство Аида и никогда не видят солнца живущие в тумане киммерийцы.

Дальше на юг тянутся вдоль берега Моря Запада Пустоши Пиктов. Море Запада — это будущая Атлантика. Под его волнами покоится поглощенная морем Атлантида, которая у Говарда не напоминает ни традиционную платоновскую, ни оккультную Скотта-Эллиота, ни фантастическую Бульвер-Литтона. Это просто погибая прародина народов Запада, так же, как говардовская Му в Тихом океане лишь очень отдаленно напоминает континент Му у Черчуорда, взорвавшийся и затонувший в результате разрушения огромных подземных полостей.

С Пустошами Пиктов граничат на востоке бывшие владения исчезнувшей империи Ахерон. В мифах древних греков это имя означает «Источник зла». Название столицы Ахерона, Пифон, взято отсюда же. Оно принадлежало чудовищному змию. Теперь на территории бывшего царства черных магов располагается несколько государств, важнейшим из которых является Аквилония. Ее королем и становится Конан.

С востока Аквилонию отделяют от Пустошей Пиктов Боссонские топи. Северная часть ее называется Гандерланд, а южная — Пуантен или Пуантания.

С Гандерландом все ясно. На старогерманском это значит «Страна людей, занимающихся псовой охотой». Боссоном в старых хрониках именуется будущая Нормандия. А вот Аквилония, Пуантен...

Больше всего это похоже на «слова-кошельки» Льюиса Кэрролла. «Варкалось. Хливкие шорьки пырялись по наве»...

Только, в отличие от «Алисы», у Говарда «кошельками» становятся топонимы. Мы уже проследили происхождение названия «Гибория». Что же до Аквилонии, то на первый взгляд она названа по имени ветра. «Страна Аквилона». Но только на первый взгляд. Расположение ее на континенте совпадает с современной Францией. И вполне вероятно, что Говард просто сливает Аквилон с Аквитанией. А уж Пуантен-то наверняка представляет собой контаминацию той же Аквитании с Пуатье. Правда, словно спохватившись, Говард маскирует это сходство тем, что помещает на территории Аквилонии города, чьи имена звучат совершенно не по-европейски. Если столица страны, Тарантия, еще напоминает Тарент, то тут же мы находим Танасул, Гальпаран, Шамар...

На востоке с Аквилонией граничит Немедия — гибрид воинственного королевства Немед из кельтских легенд с исторической Нумидией. За ней, гранича с Гипербореей, простирается Бритуния, прародина бриттов до их вторжения на запад. «Уния» в этом названии намекает на союз племен бриттов.

На юго-западе, соответствуя современной Испании, находится Зингара, что значит «Страна цыган». Крупнейший ее город — Кордава.

Вот тут-то мы и сталкиваемся с другим приемом Говарда. Меняя одну или несколько букв в названиях вполне исторически реальных городов, он создает архаическое звучание этих названий. И первый пример — Кордова — Кордава.

К юго-западу от Зингары мы находим Аргос, обязанный своим именем не столько своему древнегреческому тезке, сколько мореплавателям-аргонавтам, ибо это морская торговая республика. Имена ее граждан вполне романские, а главный порт — Мессантия — носит древнейшее название сицилийской Мессины.

За Аргосом, на землях, которым будет суждено впоследствии скрыться под волнами Средиземного моря, Говард размещает сказочные царства — Офир и Котх (иначе Коф). Первое он берет прямо из Библии, второе — из «Тысячи и одной ночи». Столице первого он выдумывает певучее название Ианта, столицей второго делает хеттский Кархемиш, изменяя лишь «а» на «о», а «х» на «ш».

Простирающийся с запада на восток от Аргоса до Турана Шем — это, конечно, страна шемитов, то есть семитов, а в назва-

нии прибрежного города Асгалун легко угадывается библейский Аскалон. Шем отделяет Коф на севере, от Стигии на юге.

Стигия, мрачная страна фанатичных поклонников зловещего змееголового Сета, естественно, является в мире гибридной эры эквивалентом Древнего Египта в период его расцвета. И неважно, что Нил называется Стиксом и течет с юга на север лишь в верхнем своем течении, а потом круто поворачивает на запад и впадает в Море Запада. Средиземного-то моря пока еще нет, а впадать куда-то все равно надо. Зато название «Стикс» — Река Смерти в греческой мифологии — усиливает атмосферу страха этой страны культа мертвых, а заодно напоминает и о греческой колонизации Египта. Правда, названия стигийских городов у Говарда не слишком удачны. В Луксуре без труда узнается Луксор, а вот словом «Кеми», ставшим у автора именем портового города, древние египтяне называли всю свою страну, и значило это «Черная земля». Имя южного стигийского города Сухмет — лишь искажение имени львиноголовой богини Сохмет.

К югу от Стигии расположены выходящий к берегу Моря Запада Куш (так в Древнем Египте называли Нубию), населенный людоедами Дарфар и полудикий Кешан, обращенный к верхнему течению Стикса. За Стиксом находится Пунт, очевидно, тот самый легендарный Пунт, куда посылали по Красному морю экспедиции фараоны Египта. Но ведь Красного моря тоже пока еще не существует, и Пунт граничит на востоке с Тураном, а на юге с царством Зембабве, в котором легко угадать Зимбабве.

На юг от Куша, Дарфара и Кешана простираются земли Черных королевств, в том числе Атлы и Амазона. Говард, очевидно, был сторонником модной тогда теории Фробениуса, утверждавшего, что высокая культура древней Африки была принесена туда беглецами-атлантами после гибели Южной Атлантиды. Отсюда и Атла, и названия городов этих земель: Ксутал и Ксухотл. Что же до Амазона, то хотя традиция помещает амазонок у Черного моря, рядом со скифами, известно, что именно у владык негритянских царств в Центральной Африке была гвардия, составленная из женщин-воинов, а власть передавалась по женской, а не по мужской линии.

Теперь снова вернемся на север, а точнее на северо-восток. Там, примыкая на западе к Офиру и Немедии, а на востоке — к Бритунии, лежит небольшая страна Коринтия с грядой Карпашских гор. Это, конечно, Карпаты, а вот имя самой Коринтии соединило и древнегреческий Коринф, и Ориентию — так одно время называли север Балканского полуострова от Иллирии до Македонии.

Гранича с Коринтией с востока и соседствуя с Кофом на юге, протянувшись до Кезанкийских гор страна Замора, имя которой, как и названия ее городов — Шадизар и Аренджун, — не имеет аналогий и является, по-видимому, собственным изобретением Говарда. Зато расположенные у южной границы Кофа маленькие королевства Хорайя и Хауран носят названия, напоминающие древнетюркские и персидские формы.

Между Кезанкийскими горами и морем Вилайет от Зембабве и Иранистана на юге и до пустынь, степей и тундр севера протянулся Туран. В его западной части, рядом с пустынями и горами,

отделяющими эту страну от Шема и Стигии, среди пальмовых рощ стоят полностью выдуманные автором города Замбула и Кутхемес. На побережье моря Вилайет и у реки Ильбарс («Тигриной»), за которой высятся горы того же названия, можно найти и поселения с сирийскими названиями — Акит, Самарра (правда, без второго «р», что приближает звучание к тюркскому), и города с именами, несущими тюрко-индийские элементы — Султанапур, то есть «Крепость султана», Аграпур, что значит «Крепость на холме», и даже Хоарезм, в котором слились сирийский Хоар (Хавар) и среднеазиатский Хорезм. Наиболее странным кажется название самого моря. Ведь «Вилайет» по-турецки означает «провинция», «губернаторство». Но, возможно, Говард хотел таким образом подчеркнуть претензии Турана на полную власть над этим морем.

От Ильбарса начинается дорога на Иранистан, от гор на юге моря Вилайет — дорога в далекую Вендию. С востока в южную часть Вилайета впадает река Запорожка или, иначе, Запороска, в имени которой автор соединяет Запорожье и росов, то есть русских. Казахская вольница раздольно гуляет по ней, тревожа покой могущественного Турана. За степями Запорожья начинаются земли Гиркании и лежит дорога в Кхитай, к краю мира у Моря Востока.

На юго-восток от Турана встают горы Иранистана, «Страны Ирана». Там обитают племена горцев иракзаев («Людей Ирака») и афгулов, отважных воинов и грабителей. А за покрытой вечными снегами грядой Гималийских (читай «Гималайских») гор простирается Вендия, омываемая Морем Юга.

Вендия — это, конечно, Индия. Крупнейшее из древнеиндийских государств называлось Виндхья, а уж название столицы Вендии, Айодхья, взято прямо из «Махабхараты».

Таков мир гиборийской эры в изображении Говарда.

А люди, живущие в этом мире?

Пожалуй, единственный человек, носящий кельтское имя и поминающий кельтского бога Крома, — это сам Конан. В странах северо-запада преобладают римские и германские имена. Однако их можно встретить даже в Кофе и Хауране. В Аргосе они итальянизированы, в Зингаре больше напоминают по форме испанские. И быть бы им всем добрыми христианами, да вот беда: до рождения Христа еще целых тринадцать тысячелетий. Поэтому они поклоняются персидскому Митре, но иные из них молятся древне-вавилонской Иштар, а то и вендийскому Асуре.

Имена жителей Турана и Иранистана тюркские и арабские. В Вендии — индийские. А вот имена жителей Стигии почти не упоминаются, кроме имен жрецов Сета. Все они почему-то включают в себя ту или иную форму имени бога Тота. Тот-Амон, Тутотмес, Тотмекр... И даже в далекой Замбуле жрец вендийского божества Ханумана носит вполне стигийское имя Тотразмех.

Черные маги, основные противники Конана, носят, как правило, «атлантические» имена: Тзота-Ланти, Ксальтотун.

Изредка появляются имена неожиданные. Так, Тараск Неме-дийский носит баскское имя чудовища, опустошавшего, по легенде, юг Франции. Арам Бакш, хозяин зловещего постоялого двора в Замбуле — парфянин. Имя царицы Хаурана Тамирис — это слегка измененное имя скифской повелительницы амазонок Томирис,

а ее сестра-близнец, ведьма с красным полумесяцем на груди — тезка библейской Саломеи. У Варданеса из Заморы имя персидское. А Ольгерд Владислав, бывший предводитель запорожцев, вероятнее всего обрусевший варяг или литвин.

И только одну ошибку допускает Говард. Черные корсары не могли дать Конану прозвище «Амра» — Лев. Слово это арабское. Негры же называли бы его «Симба». Так они продолжают называть льва даже в тех районах Африки, которые испытали сильное и длительное арабское влияние.

Вот, пожалуй, и все об именах и названиях.

В чем-то мир «Конана» сродни миру «Гаргантюа и Пантагрюэля». Рабле, миру, где мирно соседствуют великаны и люди, а обычная французская деревушка, монастырь или городок, расположение которых общеизвестно, могут оказаться во владениях короля дипсодов. Но, в отличие от этого мира, он создан с иной целью. Его почва — не почва для сатиры и аллегорий великого француза. Это почва мира для Приключения.

Создавая такой мир, можно, конечно, по примеру Толкиена тщательно и любовно придумать его космогонию и мифологию, историю и географию, языки и письменности. Можно дать имя каждой горной вершине, каждому лесу, реке, заливу и озеру и нанести их на карту. Можно выписать мир как монументальное полотно, но с изяществом миниатюры и точностью фотографии. По этому пути шли Урсула Ле Гуин в «Волшебнике Земноморья», Роберт Сильверберг в «Замке Лорда Валентайна» и многие другие. Более того, еще в 1914 году некий Нелло Венето выпустил в Италии ничтожным тиражом в сто экземпляров трехтомный труд о фантастической стране Эллоне, населенной совершенно невероятными существами, приложив к нему 23 карты, 66, талантливо выполненных иллюстраций, а также учебник эллонского языка и его словарь в 24 000 слов.

Говард не ставил перед собой подобной задачи.

Двадцать одну историю о Конане успел он написать за последние четыре года своей жизни, отразив в них путь подростка-варвара, вора, корсара, воина и, наконец, короля. Но всегда — человека. И притом человека действия.

Действие — вот лейтмотив этих историй. Оно стремительно, почти молниеносно. Меч и мужество против злого колдовства. Меч и мужество против несправедливости, предательства и угнетения. А если ломается меч, остается сила тела и духа. Но прежде всего действие. Действие, а не эпическое деяние.

Для такой пьесы не нужны монументальные реалистические декорации. Правда, пустая сцена шекспировского театра с табличками «Лес», «Дворец», «Поле битвы» тоже не годится. И Говард создает свои декорации, яркие, условные, фантастические, словно к фьябам Карло Гоцци.

Это и есть мир «Конана».

Сергей Троицкий

10 Марта 1936 года

Дорогой мистер Миллер!

Я польщен Вашим и доктора Кларка интересом к Конану. Я благодарен Вам за то, что Вы взяли на себя труд составить описание жизни моего варвара и нарисовать карту его мира. И жизнеописание, и карта на удивление точны, если принять во внимание ту небольшую информацию, которой Вы располагали. Оригинальная карта — имеется в виду та, которую я нарисовал сам, когда только начал писать о Конане, — вероятно, где-то валяется. Я попробую ее отыскать, чтобы Вы взглянули на нее. К сожалению, на ней Вы найдете только страны западнее моря Вилайет и севернее Куша. У меня не было времени изобразить южные и восточные государства, несмотря на довольно ясное представление об их географическом положении. Когда я пишу о них, то позволяю себе некоторые вольности, ибо представляю себе народы западных хайборийских стран так, как в средневековой Европе представляли Африку и Азию. Когда я пишу о хайборийском Западе, то чувствую себя связанным колебимыми рамками и канонами, в то время как при описании других частей древнего мира я даю своей фантазии полный простор. Полно и четко разработанная география, а также этимология, таят в себе угрозу сковать автора по рукам и ногам, когда уже все предопределено и ничего не изменить. Так что о Востоке и Западе я не могу сказать ничего определенного или остановиться на какой-то одной картинке.

Что касается Куша, то это одно из черных королевств к югу от Стигии, которое, чтобы быть точным, дало свое имя всему побережью к северу от него. Поэтому, когда человек хайборийской эры говорит о Куше, он подразумевает под этим, как правило, не само королевство, а черное побережье в целом, и легко может случиться так, что «кушитом» он назовет любого, у кого черная кожа, не разбираясь, кто он в действительности — кешани, дарфари, пунтиец или в самом деле кушит. Это легко объясняется тем, что кушитами были первыми черными, с кем познакомились хайборийцы — бараханские пираты, которые нападали на чернокожих и грабили.

Какова дальнейшая судьба Конана? Честно говоря, я и сам этого пока не знаю. Описывая его приключения, я постоянно испытываю такое чувство, будто он сам мне все рассказывает. Поэтому у моих произведений нет настоящего хронологического порядка. Когда бродяга говорит о своей беспорядочной жизни, он обычно не придерживается определенной последовательности. Он вспоминает лица и события, отстоящие друг от друга и по времени, и территориально.

Ваше описание жизни Конана выглядит примерно так же, как и я себе ее представляю. Конану едва исполнилось 17 лет, когда он представит читателю в «Слоновой башне». Он еще не совсем взрослый, однако гораздо более зрелый человек, чем юноша его возраста из цивилизованных областей.

Конан родился на поле боя во время битвы между его родом и грабительской ордой. Страна, которую его клан считал своей, лежала к северо-западу от Киммерии. Кровь Конана была смешанной, но по рождению и по духу он киммериец. Его дед принадлежал к южному киммерийскому роду, покинул родной очаг из-за кровной мести и после долгих скитаний прибил к одному из кланов севера. Перед тем, как покинуть свою прежнюю родину, в юности, он участвовал в многочисленных разбойничьих набегах в хайборийские пределы. Может быть, рассказы деда пробудили в мальчике Конане потребность увидеть эти земли собственными глазами?

В жизни Конана много такого, чего я и сам толком не знаю. Я, например, не знаю, когда он впервые столкнулся с цивилизованными, если их можно так назвать, людьми. Может быть, в Венарии или, возможно, еще задолго до этого он нанес дружеский визит какому-нибудь пограничному городу. В Венарии Конан в свои 15 лет был уже противником, достойным внимания — довольно рослым и 170 фунтов весом.

Между Венарией и его жизнью в городе воров лежит временной промежуток примерно в один год, за это время он вернулся на север к своему племени, а после предпринял свою первую вылазку за пределы Киммерии. Как это произошло, я точно не знаю, во всяком случае, он провел несколько месяцев у одного племени под названием «эсир». Вместе с ними он сражался против воинов и гипербореев. Наверное, в это время в нем и проснулась ненависть к последним, которую он не смог преодолеть до конца своей жизни. Он попал к гиперборейцам в плен, однако ему удалось бежать на юг и он прибыл в Заморю как раз вовремя, к самому своему дебюту в развлекательной литературе.

Я не могу сказать определенно, произошло ли приключение с Багряным Жрецом именно в Замо-ре. Описанное мною противоборство политических группировок говорит против этого, потому что в Замо-ре царил деспотический абсолютизм, в условиях которого какие-либо политические движения были бы просто немислимы. Я держусь того мнения, что этот город был одним из небольших городов-государств где-то к западу от Заморы, куда Конан явился, покинув город воров.

Хронологическая последовательность его приключений примерно такова, как Вы и мистер Кларк описали, только с той поправкой, что они заняли несколько меньший объем времени. Конану было сорок, когда он надел корону Аквилонии.

У моего варвара не было потомков мужского пола, поскольку он не удосужился найти время и, соблюдая все формальности, сделать какую-нибудь женщину королевой, а его сыновья от наложниц (их у него было внушительное количество) не могли считаться наследниками престола.

Царствовал Конан, я думаю, много лет. Будучи королем Аквилонии в бурное время, когда тайборийская цивилизация достигла своего наивысшего развития и каждый правитель мечтал о предельном расширении своей державы, Конан воевал сначала только обороняясь, но под конец из чувства самосохранения он, наверное, был вынужден перейти к нападению. Я не знаю, удалось ли ему создать мировую державу, или же эта попытка привела варвара к гибели.

Он много пережил, не только до того, как сел на трон, но и после, когда стал королем. Он посетил Кхитай и Гирканию и еще менее известные области к северу и к югу от них, а также безымянный континент в западном полушарии. Сколько еще приключений Конана появится в печати, нельзя точно предсказать.

Большой интерес вызвали Ваши замыслы относительно наводок на полуострове Ямал. Я слышу от этого впервые. Без сомнения, Конан вступал в контакт с народом, который развил эту культуру, или, по крайней мере, с предками этого племени.

Я надеюсь, что «Хайборийская эра!» и далее будет находить отклик в Вашем сердце.

К письму я прилагаю копию своей карты. Да, кстати, Наполи представляет Конана довольно хорошо, несмотря на то, что он то и дело придает ему южные черты, которые не подходят этому типу лица. Но это важно не настолько, чтобы об этом волноваться.

Я надеюсь, что полностью ответил на Ваши вопросы. Помните, я всегда буду рад обсудить любые вопросы, касающиеся жизни Конана, хайборийской истории и географии.

Еще раз большое спасибо за Ваш интерес.

С лучшими пожеланиями Вам и доктору Кларку, сердечно Ваш

Роберт Говард.

Роберт Говард

ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭРА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это эссе Говард написал в те годы, когда только приступил к созданию цикла историй о Конане. Он сочинил псевдоисторию некоего доисторического времени, которая служит фоном для всех его рассказов об этом герое. Говард вовсе не имел в виду изложить нечто, что принималось бы всерьез, как подлинно научная история. В предисловии он писал:

«Ничто в этой статье не должно восприниматься как попытка создать теорию, которая полемизирует с известными исторической науке фактами. Моя статья — всего лишь более подробное изображение фона, на котором происходит действие серии выдуманных приключений. Когда несколько лет назад я начал писать цикл повестей о Конане, я и выдумал эту «историю» его эпохи и народов, населявших землю, чтобы моя сага приобрела некоторый налет реальности. Я задумал это так, что «факты» и сам дух этой псевдоистории облегчат мне задачу представить себе Конана человеком из плоти и крови и таким показывать его читателю, а не малевать железобетонного героя очередного сериала. Когда я писал о нем и его приключениях, случавшихся в различных государствах той эпохи, я придерживался «фактов» и характера выдуманной мною эры точно так же, как автор исторического романа придерживается подлинной истории. Предлагаемая читателю «история» была моей путеводной нитью для всех приключений серии о Конане».

О той эпохе, которую немедийские хронисты называют допотопной, нам известно крайне мало, за исключением, быть может, последнего отрезка времени, но даже и он скрыт вуалью легенд и домыслов. Абрис истории проступает сквозь это покрывало с того момента, как пали цивилизации, процветавшие до потопа. Среди них главенствовали королевства Камелия, Валузия, Верулия, Грондар, Тула и Коммория. Люди, населявшие эти страны, говорили на родственных языках, что позволяет высказывать предположение об их общих предках. Существовали и другие государства, с не менее развитой цивилизацией, население которых, однако, принадлежало к другим, очевидно более древним, расам.

Варварами той эпохи были пикты, которые населяли группу островов далеко в западном океане; атланты, родиной которых был небольшой континент, расположенный между островами пиктов и огромным континентом Турией; и лемурийцы, считавшие своим домом цепь больших островов в восточном полушарии.

Здесь имеется немало белых пятен. Королевства — очаги древней цивилизации — несмотря на свое огромное влияние, занимали лишь очень незначительную часть планеты. Валузия была самым западным государством на континенте Турия, Грондар — самым восточным. Еще восточнее Грондара, народ которого был менее развит и менее цивилизован, чем в других королевствах, простирались дикие суровые земли, по большей части пустыни. Лишь в немногих из этих бесплодных областей, в джунглях и в горах жили разрозненные кланы и племена примитивных туземцев. Далеко на юге находилась загадочная цивилизация, которая не имела ничего общего с культурой Турии, и, вероятнее всего, происхождение ее было дочеловеческим. Дальневосточное побережье континента было заселено иной расой, человеческой, но тоже таинственной и нетурийской, с которой время от времени вступали в контакт лемурийцы. Эти люди, скорее всего, происходили с малоизвестного безымянного континента, расположенного много восточнее лемурийских островов.

Цивилизация Турии угасала; армии ее королевств состояли по большей части из наемников-варваров. Пикты, атланты и лемурийцы занимали в ней посты

генералов, политиков и — нередко — правителей. О раздорах между отдельными государствами и войнах между Валузией и Комморией, как и о захватнических походах, с помощью которых атланты основали на континенте свое королевство, мы больше узнаем из легенд, чем из исторических описаний.

Затем мир был потрясен грандиозным катаклизмом. Атлантида и Лемурия были поглощены Океаном, а острова пиктов поднялись из вод и стали вершинами гор нового континента. Части турийского континента исчезли под волнами или сформировали во впадинах большие внутренние моря. Бурная вулканическая деятельность и страшные землетрясения превратили в ничто роскошные города. Исчезали целые народы.

Варварам пришлось несколько легче, чем цивилизованным расам. Население островов пиктов также было уничтожено, однако уцелела большая колония пиктов, которые переселились в горы на южной границе с Валузией, чтобы прикрывать свою родину в случае возможной агрессии. Пережило катаклизм и континентальное королевство атлантов, и тысячи сородичей континентальных атлантов прибыли туда на кораблях, спасаясь из своей затонувшей страны в поисках убежища. Множество лемурийцев бежали на восточное побережье турийского континента, которое сравнительно дешево отделалось. Но там они были поработены древней расой, уже жившей на этом берегу, и вся их история на тысячелетия превратилась в историю беспросветного рабства.

На западной части континента благодаря изменившимся условиям жизни появились новые, необычные растения и животные. Густые джунгли покрывали равнины, широкие реки проложили себе русла к морю, поднялись крутые горы, и моря захлестнули руины древних городов в плодородных равнинах. Из затонувших областей неисчислимо множество зверей и диких — в том числе человекообразных обезьян — хлынуло на континентальное королевство атлантов. Несмотря на то, что атланты были вынуждены постоянно сражаться за свою жизнь, им все же удалось сохранить свой прежний статус достаточно развитой варварской цивилизации. Лишенные месторождений металлов, они обрабатывали камень, как их далекие предки, и уже достигли поистине удивитель-

ной ловкости и искусности, когда их развивающаяся культура встретила с могущественным народом пиктов. Пикты тоже были вынужденно отброшены к каменному веку, но во всем, что касалось политики и войны, они развивались быстрее. Они были лишены творческой жилки, которая имела у склонных к искусству атлантов. Это были толстокожие, практичные, крепкие, бесстрашные люди. Они не оставили после себя ни рисунков, ни резьбы по слоновой кости, как их враги, но зато было найдено впоследствии огромное количество на удивление хорошего каменного оружия, изготовленного ими.

Два этих государства новой каменной эры сражались друг с другом, и после ряда кровопролитных войн атланты, значительно сократившиеся в численности, впали в глубочайшее варварство; эволюция же пиктов остановилась.

Спустя пять столетий после катаклизма варварские королевства исчезли окончательно. На их месте мы видим теперь один дикарский народ (пиктов), который ведет непрекращающиеся войны против другого дикарского народа (атлантов). Пикты имели ряд преимуществ: большую численность и единство, в то время как атланты были раздроблены на небольшие кланы, лишь слабо связанные между собой. Таков был в то время запад.

На дальнем востоке, отрезанном от всего остального мира появлением гигантских гор и образованием сети озер, лемурийцы сохранялись лишь в качестве рабов под властью одной из древних рас. Далекий же юг теряется под покровом таинственности. Не затронутая катаклизмом, его история продолжает оставаться дочеловеческой. Из других цивилизованных народов турийского континента сохранились в невысоких горах юго-востока остатки земри — невалузийского народа. Тут и там, рассеянные по миру, встречаются племена обезьяноподобных дикарей, которые вообще ничего не знают ни о расцвете, ни о падении древней цивилизации. На далеком севере, однако, постепенно зарождается новый род людей.

Во время катаклизма кучка дикарей, развитие которых недалеко ушло от уровня неандертальцев, бежала в сторону севера, спасаясь от гибели. В странах,

покрытых снегом, куда они попали, существовали, правда, уже человекообразные виды снежных обезьян — это были огромные косматые белые звери, рожденные этим суровым климатом. Дикари победили их и прогнали за северный полярный круг, где те, как полагали пришельцы, и нашли свою смерть. Однако в действительности последнего не произошло, поскольку снежные обезьяны покорили и эту, еще более суровую, среду и вполне там процветали.

После того, как пикто-атлантские войны окончательно уничтожили то, что, возможно, привело бы к развитию новой культуры, еще один, более слабый, катаклизм изменил лик изначального континента. Он создал на месте цепи озер внутреннее море, которое еще больше отделило восток от запада; а землетрясения, наводнения и вулканическая деятельность довершили то, что начали варвары своими межплеменными войнами.

На тысячу лет после этого западный мир превратился в дикую местность, покрытую джунглями, озерами и бурными реками. Между заросшими лесом горами северо-запада кочевали толпы человекообразных обезьян. У них не было речи, они не знали огня и не использовали орудий труда. Это были потомки атлантов, которые погрузились в беспорядочное живое существование обитателей джунглей, откуда их предки выбирались с таким трудом. На юго-западе существовали рассеянные кланы обитателей пещер, у которых имелся примитивный язык. Они сохранили название «пиктов», но у них это слово служило просто для наименования «человека» — то есть их самих, чтобы отделять самих себя от настоящих зверей, с которыми они сражались за жизнь и пропитание. Это имя было единственной связью между ними и их предками. Ни одичавшие пикты, ни скатившиеся к состоянию обезьяны атланты не имели никаких связей с другими племенами и народами.

Далеко на востоке лемурийцы, приниженные своим нечеловеческим рабством до звериного состояния, поднялись и уничтожили своих господ. Теперь среди руин странной цивилизации жили дикари. Те из представителей этой непонятной культуры, кто избежал мести своих бывших рабов, бежали на запад. Они напали

на загадочное, дочеловеческое царство, завоевали его, навязали ему свою культуру, которая, благодаря контактам с древними расами, несколько модифицировалась. Это новое королевство было названо Стигией. Остатки старых жителей этой земли уцелели после завоевания и даже были весьма почитаемы, в то время как их раса как таковая была уничтожена.

Здесь и там в мире у небольших групп дикарей замечается некий прогресс, но достижения его разрозненны и беспорядочны. На севере стали подниматься новые племена. Эти люди называли себя хайборийцами или хайбори; богом их был Бори — Великий Владыка, который, согласно легенде, был более могуч, чем король, выведший свой народ в северные пределы в дни великого катаклизма. О нем еще вспоминали древние саги.

Эти племена распространились по всему северу и вторглись в страны, расположенные южнее. До сей поры они еще не имели контактов с другими расами. Они вели войны между собой. За пять тысяч лет сформировалось племя северных людей. Они были высокого роста, со светлыми волосами и серыми глазами. Они были воинственны, полны жизненных сил и в то же время не лишены способностей к поэзии и искусствам. Большей частью средства к существованию доставляла им охота, хотя некоторые, более южные, племена уже несколько столетий разводили скот. Но было и исключение из правила их почти полной (до определенной поры) изоляции от остального человечества. Один человек, который отправился в путь далеко на север, возвратился с известием, что в ледяной пустыне, почитавшейся пустой и безжизненной, обитает большое племя обезьяноподобных людей, которые — он клялся в этом — отличаются от зверей и которых их предки выгнали из менее суровой страны, захватив ее для себя. Он настаивал на большом военном походе против этих человеко-зверей за полярный круг, чтобы истребить их. Эти звери — в чем он тоже поклялся — превратились в настоящих людей. Его высмеяли. Но тем не менее набольшой отряд молодых воинов в поисках приключений отправился с ним в поход. Ни один из них назад не вернулся.

Постепенно все племена хайборийцев переселялись южнее и с увеличением их населения избирали именно это направление для миграций. Последующая эпоха

стала эрой путешествий и завоеваний. По всему миру началось передвижение и переселение племен, и панорама постоянно менялась.

Поглядим на этот мир спустя еще пять сотен лет. Племена светловолосых хайборийцев передвинулись к югу и западу, они завоевали или уничтожили множество маленьких кланов. Благодаря тому, что они смешивались с покоренными народами, потомки древних завоевателей приобрели черты изменения расы, и эти новые расы были тут же сметены с пути новыми племенами, переселявшимися в те края, мощно и равнодушно, как метла сметает мусор. При этом они снова смешались и еще сильнее слились со старыми племенами.

Но до сих пор еще захватчики не вступали в контакт с древними народами. На юго-востоке пришельцы из племен земли — которые снова поднялись и стали многочисленны благодаря притоку свежей крови от смешанных браков с аборигенами — вновь попытались создать хотя бы отголоски своей прежней древней культуры. На западе обезьяноподобные атланты вновь начали длинное восхождение. Они давным-давно уже забыли прежнее свое бытие в качестве людей. Ничего не зная об иных стадиях развития, они начали свой путь вверх без помощи и без вдохновляющих воспоминаний. Пикты на юге оставались дикарями и являли собой очевидную насмешку над законами природы, не развиваясь и не деградируя. Еще дальше к югу существовало древнее таинственное королевство Стигия. У ее восточных границ текли кланы диких кочевников, известных в те времена как «Сыновья Шема».

Соседом пиктов в большой долине Цингт, охраняемой мощными горами, был безымянный примитивный народец, который в конце концов, как предполагают, породнился с шемитами.

Еще одно обстоятельство дало новый толчок к миграции племен хайборийцев: одно из этих племен открыло для себя строительные возможности камня. Постепенно возникло первое хайборийское государство — суровое варварское королевство Гиперборея, началом которого послужили грубо сляпанные крепости из скальных блоков, наваленных друг на друга. Их задачей было отражать нападение других племен. Люди этого племени вскоре отказались от своих палаток

из лошадиных шкур и переселились в каменные дома, которые хотя и были неуклюжи, но зато долговечны. Защищенные таким образом, они стали сильны. Немного еще есть событий, достойных упоминания, при описании дикого королевства Гиперборея, народ которой столь внезапно отказался от своей кочевой жизни и начал сооружать себе жилища из камня, обнося их толстыми стенами, — раса, почти не знавшая каменного века и по чистой случайности познавшая первые основы архитектуры.

Появление этого государства вынудило к переселению многие другие племена, которые были разбиты в войне или же просто не находились в дружественных отношениях со своими родичами, проживающими в замках. Они пустились в долгое странствие, в результате которого обошли почти полсвета. И вот на северные племена напали гигантские белокурые дикари, которые по уровню своего развития недалеко ушли от обезьяны.

История последующих тысячи лет — это история возвышения хайборийцев, воинственные племена которых занимали доминирующее положение на западе. Примитивные королевства обретали форму. Светловолосые захватчики напали на пиктов и прогнали их в пустынные области запада. Потомки атлантов, которые без всякой помощи опять развились до стадии примитивного варварства, еще не вступали в контакт с хайборийцами. Далеко на востоке появилась своеобразная, странная полуцивилизация лемурийцев. На юге хайборийцы основали королевство Коф на границе с пустынями, известными как Страна Шема, и дикари этой страны уже поднялись над стадией варварства — частично благодаря связям с хайборийцами, частично же благодаря стигийцам, которых они грабили на протяжении столетий. Белокурые дикари дальнего севера возросли и численностью, и силой, так что северные хайборийские племена были вынуждены переселиться южнее. Старое королевство Гиперборея было завоевано одним из этих северных племен, однако сохранило свое прежнее название. К юго-востоку от Гиперборея появилось королевство народа земли, названное За мора. На юго-востоке одно из племен пиктов вторглось в плодородную долину Цингга, под-

чило себе местный народ, занимающийся сельским хозяйством, и осталось жить среди него. Это смешанное племя было позднее завоевано соседним родом хайборийцев, и из этого нового сплава народов выросло королевство Цингара, или Зингара.

Окончательно государство сформировались еще пятьсот лет спустя. Царства хайборийцев — Аквилония, Немедия, Бритуния, Гиперборея, Коф, Офир, Аргос, Коринфия и еще одно, которое именовали Пограничным, — владычествовали над западным миром. Замора лежит к востоку, а Зингара — к юго-западу от этих государств. Населения этих двух царств сходны между собой смуглой кожей и экзотическими обычаями, однако не являлись родственными. Далеко на юге дремлет Стигия, еще не затронутая чужеземной агрессией. Жители Шема уже сбросили стигийское иго, чтобы променять его на менее жестокую зависимость от Кофа. Темные владыки гнали их южнее великих потоков Стикса и Нила, которые вытекают из окутанных покровом тайны Нижних Стран, образуют множество петель и изгибов и исчезают в песках Шема, чтобы донести свои воды до моря. Севернее Аквилонии, самого западного из хайборийских государств, жили киммерийцы, дикие варвары, которых завоеватели не сумели себе подчинить, но которые, однако, благодаря столкновениям с ними, очень быстро развились. Это были потомки атлантов, эволюция которых прогрессировала куда стремительнее, чем у их древних врагов, пиктов, продолжавших жить в дикости западнее Аквилонии.

В последующие пятьсот лет хайборийские народы создали такую мощную цивилизацию, что одно только знакомство с ней было способно вырвать дикие племена из оков примитивности. Самым могущественным было королевство Аквилония, но остальные вполне могли соперничать с ним в силе и великолепии. Хайборийцы были на удивление неоднородной расой. На первоначальную основу их рода наложились впоследствии черты гундеров — племени из Гундерланда, северной провинции Аквилонии. Это, однако, не ослабило род хайборийцев. Они по-прежнему доминировали в западном мире, несмотря на возвышение варваров пустынных земель.

На севере золотоволосые, голубоглазые варвары, потомки белых арктических дикарей, выгнали из снежных стран остатки хайборийских племен, за исключением старого королевства Гиперборея, которое сумело противостоять их натиску. Их страна называлась Нордхейм, и они делились на рыжеволосых ваниров из Ванахейма и желтоволосых эзиров из Азгарда.

На сцене истории вновь появляются лемурийцы — под именем гирканцев. Столетиями пробивались они к западу, и теперь одно из их племен обосновалось на южных берегах большого внутреннего моря Вилайет и основало там королевство Туран. Между морем Вилайет и восточной границей с другими королевствами простираются необозримые степи, а с севера и юга — пустыни. Негирканские обитатели этих областей раздроблены и ведут кочевой образ жизни без каких-либо племенных союзов. На юге они связаны с шемитами, и лишь изредка встречаются следы хайборийской крови. Ближе к концу описываемого периода и другие гирканские племена вторглись к западу от северного побережья внутреннего моря и столкнулись там с восточными пограничными постами гиперборийцев.

Бросим беглый взгляд на другие народности этой эпохи. Преобладающие среди населения Земли хайборийцы внешне не являются больше светловолосыми и сероглазыми. Они смешались с другими расами. Люди из Кофа и — в меньшей степени — также из Аргоса имеют отчетливо узнаваемые шемитские и даже стигийские черты. Аргоситы имеют также признаки близкого смешения с зингарийцами. Восточные бритунцы завязали связи с темнокожими заморийцами, а люди из южной Аквилонии — с коричневыми зингарийцами, вплоть до того, что в южной провинции этой страны преобладают черные волосы и карие глаза. Старое королевство Гиперборея, несмотря на свою изоляцию, также влило немало чужеземной крови в свои жилы благодаря обычаю похищать женщин из других племен — гирканок, эзирянок, замориек. Только в провинции Гундерланд, где не было рабства, род хайборийцев до сих пор сохранился в чистоте. Варвары также оставались неизменными: киммерийцы высоки ростом, сильны, у них темные волосы и синие или серые глаза. Люди из Нордхейма сходны с ними фигурой, но кожа у них более светлая, глаза голубые и

волосы рыжие или белокурые. Пикты также остались тем типом людей, который всегда их характеризовал: невысокого роста, очень смуглые, черноглазые и черноволосые. Гирканцы — смуглые люди и по большей части рослые и стройные, хотя постепенно в их среде появились люди приземистые, с миндалевидными глазами. Это случилось благодаря смешению со странным племенем умных, низкорослых туземцев, которые обитали в горах восточнее озера Вилайет и были покорены гирканцами во время их миграции на запад. Шемиты чаще всего среднего роста, однако в тех случаях, когда преобладает стигийская кровь, могут быть огромны, широкоплечи, крепко сбиты, темноглазые, с иссиня-черными волосами и горбатыми носами. Стигийцы высоки, темны, у них тонкие черты лица — то есть к этому типу относятся представители стигийской аристократии. Низшие касты произошли от смешения негроидной, стигийской, шемитской и даже хайборийской крови. Южнее Стигии находятся могущественные черные царства амазонок, кушитов, атлантов и гибридное государство Зимбабве.

Между Аквилонией и местом обитания дикарей-пиктов находится плодородная Боссонитская низменность, где живут потомки туземной расы, которые к началу хайборийской миграции были покорены одним из племен хайборийцев. Этот смешанный народ никогда не достигал того уровня цивилизации, который характерен для чистокровных хайборийцев, и был отодвинут последними на самые окраины цивилизованного мира. Боссониты среднего телосложения, у них не очень смуглая кожа, карие или серые глаза. Они занимаются большей частью земледелием, живут в больших деревнях под защитой стен и считаются подданными Аквилонии. Их низменная равнина простирается от внешнего королевства на севере до Зингары на юго-западе и образует нечто вроде буфера между Аквилонией и киммерийцами, а также и пиктами. Они отважные защитники, а столетия ведения войн против варваров севера и запада научили их обороне, которую не способно сломить ни одно прямое нападение.

Таким был мир во времена киммерийца Конана.

1936

Пролог

Ледяной холод царствовал в этом покое. Холод, который не мог исходить только от влажных, заплесневелых стен. Это был неестественный холод, охватывающий самую душу, а не только лишь воздух; вечная мерзлота древнего праха, погребенного в самом сердце ледника, мертвый хрусталь которого был древним уже тогда, когда дворцы Атлантиды еще гордо возвышались среди водной глади. Посреди этого холода стоял Совартус, волшебник Черного Квадрата.

Он бормотал арканское заклинание, составленное из мрачных формул Зла. Тело волшебника сотрясало под натиском сил, пронизывающих его. Хриплым, низким голосом он произносил:

— Выйди, выйди, дитя Серых Стран! Выйди, о выйди, порождение ада! Выйди, выйди, ибо я тебе повелеваю!

Затем он добавил Семь Слов Пергамента. Ему стоило огромных трудов выговорить каждое из Семи Слов. Любая небрежность могла означать немедленную смерть: одно неправильно произнесенное слово — и демон может вырваться из связавшей его пентаграммы, которая была начертана на каменных плитах.

Из недр горы поднялся страшный крик, словно кто-то погружал в расплавленный свинец некое существо, не принадлежащее к этому миру.

В центре пентаграммы за клубился дым. Истекая из одной точки пространства, он расплзался отвратительно смердящими темно-красными облаками, сме-

шанными с ярко-желтым туманом, и в воздухе покоя словно открылись зияющие раны. Адские вспышки света слепили глаза; затем послышался запах серы. Неожиданно внутри геометрической фигуры оказался демон. Черная слизь струилась по его телу; каждая его пора источала смрад. В высоту он был полтора человеческих роста. Кожа его была цвета свежей крови. Обнаженный и безволосый, стоял он в магическом узоре на полу. Только слепой не увидел бы его жуткой мужественности.

— Кто осмелился? — проскрежетал демон. Он подскочил к Совартусу, чтобы схватить за горло этого человека с угольно-черными волосами и клиновидной бородкой, который улыбался ему. Силовая стена, замыкающая пентаграмму, оттолкнула демона. Гигантские мышцы вздулись на руках чудовища, когда он ударил по невидимой преграде кулаками. Он закричал. В этом крике звучала вся ярость преисподней. Демон обнажил длинные белые клыки...

— Тысячу лет ты будешь просить меня о смерти!

Голос его скрежетал, словно терлись друг о друга толстые медные плиты.

Совартус покачал головой:

— О нет, порождение ада. Я вызвал тебя, и ты будешь повиноваться моим приказаниям. — Волшебник громко рассмеялся. — Ты действительно будешь служить мне, Дивул.

Демон отшатнулся и вытянул перед собой когтистые лапы, прикрывая ими лицо, искаженное страхом.

— Вы знаете мое имя?

— Да. И ты будешь подчиняться мне или же останешься заключенным в мою пентаграмму до скончания века.

Черный пот выступил на теле Дивула и закапал на каменные плиты пола. Соприкасаясь с камнем, жидкость превращалась в облачка едкого дыма. Потекли вязкие потоки бурой жижи, но перед границей пентаграммы, начерченной Совартусом, они остановились. Дивул посмотрел на человека и спросил:

— Вы из магов Черного Круга?

— Не Круга, дитя ночи. Я — Совартус из Черного Квадрата, недавно посвященный, но уже ставший Магистром Четырех Дорог. Меня не интересуют обманы пурпурных снов черного лотоса, и я не дилетант,

занимающийся общедоступной некромантией, как эти стигийские хвастуны. Не Круг, но во много раз более могущественный Квадрат связал и победил тебя сейчас, Дивул. Знают ли о Квадрате в безднах ада?

Дивул скрипнул зубами.

— Мы знаем его.

— Ага. Ты будешь выполнять то, что я прикажу?

— Я буду служить вам, — обещал Дивул и еще раз сверкнул клыками. — Но будьте внимательны, человек, потому что одна-единственная ошибка — и...

— Не угрожай мне, демон! Я могу приковать тебя к скале и отправить к морю Вилайет, чтобы ты остаток своих дней созерцал его илестые берега.

Глаза Дивула засветились красным светом, однако он промолчал.

Совартус отвернулся от демона и посмотрел на стену. Там томились трое детей, два мальчика и девочка, такие же пленники, как и демон, но связанные вполне земными путами — они были прикованы к серой стене. Дети, казалось, не испытывали страха. Они молча смотрели прямо перед собой, и создавалось впечатление, что они находятся под действием какого-то одурманивающего снадобья. Их было трое — всего лишь трое.

Совартус приказал демону:

— Взгляни на этих детей!

Демон бросил на них взгляд и кивнул:

— Я вижу их.

— Ты знаешь их?

— Я знаю их, — ответил Дивул. — Это Трое из Четырех. Девочка — Вода, мальчики — Земля и Воздух.

— Отлично. Стало быть, ты сумеешь узнать Четвертую, если увидишь ее?

— Я сумею узнать ее.

Совартус кивнул и улыбнулся. Его белые зубы блеснули в черной бороде.

— Я так и думал. Это и есть твое задание, демон. На юго-востоке расположен город Морнстадинос. В этом городе находится дитя Огня — разумеется, скрытно. Выследи ее и доставь ко мне, живую и невредимую.

Дивул сверкнул на волшебника глазами и спросил:

— А потом?

— После этого я отпущу тебя, разрешу вернуться к твоим друзьям в геенну.

— Я был бы счастлив видеть тебя именно там, человек.

Совартус рассмеялся:

— Не сомневаюсь. Но если я и попаду в ад, то только в качестве твоего господина, демон. И тебе даже придется помогать мне в этом. Поэтому работай как следует и не сердь меня.

Демон скрипнул острыми клыками и проговорил металлическим голосом:

— Вижу... — И внезапно замолчал.

Глаза Совартуса блеснули в свете дрожащих факелов на стене.

— Да? Говори!

Демон помедлил, но кивнул и сказал:

— Так же ясно, как истинную сущность этих троих детей, вижу я и вашу истинную сущность, волшебник. В вас заключена Сила, много Силы, и обещание еще большего могущества окутывает вас, как плащ.

— Для того, кто рожден во мраке преисподней, ты обладаешь весьма острым зрением. Значит ли это, что ты понял также, что проку тебе в этом не будет — или...

— Да, Черные Души многому научились от людей. Вы в состоянии исполнить все свои угрозы. Я буду служить вам, человек. Мне совсем не улыбается провести десять тысяч лет в черном иле моря Вилайет.

— Ты очень умен для обыкновенного демона, — проговорил Совартус. — Если через пару тысяч лет я вступлю в правление преисподней — после того, как наскучит владычествовать здесь, — мне, вероятно, потребуются неглупые помощники, вроде тебя. Помни об этом, когда будешь выполнять мои приказы. Служи хорошо! — Он погладил свою бородку. — На сегодня я разрешаю тебе уйти. Скорее делай то, что тебе поручили, и возвращайся назад.

Демон подобрался и произнес:

— Я слышал, о господин, и я повинуюсь.

Мощные мышцы стали особенно заметны, когда чудовище присело, чтобы прыгнуть вверх. При этом взлете в темном покое снова засверкало. Затем Дивул исчез. Там, где он стоял, остались вязкие лужицы.

Совартус опять засмеялся и посмотрел на детей.

Скоро он получит Четвертую, скоро он соберет воедино все стихии, заключенные в этих детях. И тогда он сможет повелевать всеми четырьмя первоэлементами, а не только духами воды и чертями ветра, не только саламандрами, не одними лишь вервольфами. Нет, как только он получит, наконец, всех Четырех, он будет в состоянии создать и высвободить такой источник Силы, такой мощный потенциал, что даже Черные Души Сэта склонятся перед ним.

Совартус резко повернулся, взметнув свое черное шелковое одеяние. Он — самый могущественный из всех волшебников Черного Квадрата, и он был таким всегда — если не считать Огистума.

Огистум пытался скрыть от него Силу, в то время как сам он хранил ее в себе. Старик заколдовал молодую женщину, и она зачала. Четверых младенцев сразу родила она. И каждое дитя несло в себе знаки и могущество одной из четырех стихий. Сразу после рождения они были разлучены и развезены по разным сторонам света, чтобы Совартус не смог до них добраться.

Тринадцать лет потратил он на поиски. Тринадцать бесконечных лет. И все это время он продолжал постигать тайные учения Арканы, оттачивая свое мастерство. В поисках детей и нового знания он забирался на край света. В далеких восточных джунглях Кхитая он сражался с чародеями, чьи лица напоминают маски, а кожа желтого цвета. В развалинах стигийских храмов он овладел искусствами Черного Круга. Своими собственными глазами волшебник видел в башне Йары, что в Арэнджуне, городе воров, неземное чудовище с изумрудно-зеленой кожей и бесформенной слоновой головой. Да, в области Зла он получил обширное образование. Даже не владея силой Четырех, Совартус был тем, кого нельзя недооценивать. Во всей Коринфии нет второго чародея, способного сравниться с ним. Но и такой власти было ему мало, потому что он хотел стать наивысшей силой этого мира.

Покидая покой и спускаясь по темному переходу в главный зал, высеченный в скальных породах горы Слотт, Совартус улыбался. Когда он проходил, крысы разбегались с писком и пауки карабкались наверх в свои паутины.

Огистум мертв — отравлен рукой Совартуса, а план убитого чародея превратился в жалкое воспоминание. Дети выслежены и находятся в его власти. Эти трое стоили Совартусу целого состояния. Его сыщики нашли их в Туране, Офире и Пуантэне. Разве не ирония судьбы — отыскать последнего ребенка здесь, в Коринфии, практически возле самой двери?

Трое детей в его руках. Трупы тех смертных, которые помогали ему или что-то знали об этом деле, давно уже кормят рыб или каких-нибудь других водных тварей, а некоторые умирают там, куда не заглянет глаз простого смертного. Как только демон доставит четвертого ребенка, можно считать себя победившим. Жаль, что старик Огистум умер и не увидит этого! Совартусу это доставило бы истинное наслаждение. Может быть, воскресить Огистума? Он мог бы это сделать. Да, великолепное развлечение! Вернуть старику жизнь только для того, чтобы он сумел увидеть свое поражение и торжество Совартуса.

При этой мысли он расхохотался. Он сделает это! Во имя Сэта! В конце концов, далеко не каждый умеет возвращать из Серых Стран своего убитого отца.

Глава первая

Возле перевала через Карпашские горы, по пути из Заморы в Коринфию, в безымянной деревушке стояла полуразвалившаяся харчевня, казавшаяся необитаемой. К этой развалюхе подъехал высокий крепкий парень на великолепном жеребце. Благородное животное несло на себе роскошное седло и шелковую, экзотически разукрашенную попону. Серебряные украшения поводьев были сделаны в виде фигурок журавлей и лягушек. Было совершенно очевидно, что некогда конь принадлежал богатому человеку.

Всадник же был одет в потертую кожаную куртку. У него не было ни доспехов, ни шлема. Штаны казались мятыми от старости и пота. Плащ, хоть и сшитый из тонкой шерсти, был изрядно потрепан. Под мышкой в кожаных ножнах висел кинжал, который выглядел довольно внушительно. Большой широкий меч с простой рукоятью был вложен в ножны еще менее изящные, чем прочие вещи всадника. Вечерний ветер трепал спутанную гриву длинных черных волос молодого человека. Глубоко посаженные глаза отражали свет заходящего солнца, словно излучая голубой огонь. Это был Конан из Киммерии. И если кто-нибудь и удивлялся контрасту между конем и всадником, когда оба они приблизились к харчевне, то на замечание не отважился никто.

У входа в харчевню, которая, подобно деревне, не могла похвастаться каким-либо звучным именем, сто-

ял мальчик лет двенадцати. Всадник наклонился в седле и поманил его.

— Эй, малыш, тут у вас есть стойло?

— Конечно. — Мальчик оценивающе посмотрел на одежду Конана. — Для тех, кто может заплатить.

Взгляд мальчика развеселил Конана. Он хмыкнул и вынул из кошелька, висевшего у него на поясе, маленькую серебряную монетку, которую бросил мальчику. Тот ловко поймал ее на лету и ухмыльнулся от уха до уха.

— Митра! Да за эти деньги вы можете купить всю нашу конюшню!

— Будет вполне достаточно, если мой конь получит овес и воду, и если его почистят, — сказал Конан. — Кто знает, может быть, для тебя найдется еще одна монетка, если завтра он вдруг окажется чистым.

— Будет сиять ярче солнца, — заверил мальчик. Он подбежал, чтобы схватить поводья.

— Еще минутку подожди, — остановил его Конан. Он снял две тяжелые седельные сумки. При этом он позаботился о том, чтобы золотые монеты в них не звенели. Эти сумки проведут ночь рядом с ним, а не на конюшне — сохранней будут. Конан знал воров. Он и сам был воров.

Мальчик увел коня, а Конан направился в комнату для посетителей.

Внутренняя отделка помещения полностью соответствовала внешнему виду здания. Комната была грязной и полной дыма, который клубился из закопченного камина. Окон не было. Источниками света служили лишь немногочисленные масляные лампы на деревянных столах и щели в низком потолке.

Жирный мужчина в грязном фартуке поспешил Конану навстречу. Широкая улыбка открывала его почерневшие гнилые зубы.

— А, добрый вечер, господин. Чем могу служить?

Конан огляделся. Примерно десять человек находились тут, и все они выглядели такими же опустившимися и замызганными, как и сама харчевня. Здесь были, разумеется, смуглые заморанцы, а двое посетителей с глазами, как щели, вероятно, были гирканцы. Две женщины с печальными глазами и усталыми лицами, облаченные в драные шаровары, могли быть

только представительницами древнейшего в мире ремесла. И наконец, на лавке сгорбился еще один человек, маленький, толстый, седоволосый, который поглядывал на Конана, как ястреб на змею.

Конан спросил хозяина:

— Есть ли в этом притоне что-нибудь еще, кроме заплесневелого хлеба, — что-нибудь съедобное? И еще вино — вино, которое не успело еще стать уксусом?

— Само собой, господин...

— И спальня? — прервал его Конан. — Комната с дверью и замком?

— Митра позаботился о том, чтобы в моей харчевне было все, что вам необходимо, — ответил хозяин и снова продемонстрировал свои гнилые зубы.

Конан провоцировал:

— Ну так принеси мне поесть. Я погляжу, распрягаются ли милости Митры на твою страпню. И вино — лучшее, какое у тебя есть!

Человек, казалось, колебался — к какой ступени общества отнести Конана. Прежде чем он успел что-либо сказать, тот швырнул ему монету. Глаза толстяка расширились, когда в тусклом свете лампы он различил блеск желтого металла. Он спрятал маленький кружок быстрее, чем коршун хватает свою добычу. Потом осторожно приоткрыл кулак — так, чтобы другие не могли увидеть монету. Блеск золота не лгал.

— Золото! — алчно прошептал он, одновременно восхищенный и исполненный благоговейного ужаса. Он тут же сделал попытку куснуть монету, чтобы проверить чистоту благородного металла, однако осуществить это намерение ему помешало состояние зубов. Он взвесил ее на ладони. Когда он судорожно сжал пальцы над мерцающим кружком и недоверчиво обвел глазами своих посетителей, он напоминал жирную крысу.

Конан потянулся. Было слышно, как хрустнули суставы, когда он расправил свои сильные плечи и развел мускулистые руки. Шорох и движение вырвали владельца харчевни из мира алчных грез. Он низко склонился, пробормотал что-то и исчез, но почти тут же вернулся назад с кувшином вина и стаканом. И то и другое он вкрадчиво поставил на стол перед Конаном.

— Ваш ужин скоро будет готов, господин.

Конан ухмыльнулся. Темные личности, собравшиеся в этом притоне, уставились на него. Он пренебрежительно отодвинул стакан, взял кувшин и опорожнил его. Жиденькое красное вино было немного горьковатым на вкус, но хорошо охлажденным. Конан сделал три больших глотка, прежде чем отставить кувшин и перевести дыхание. После этого он еще раз потянулся. Мускулы заиграли под загорелой кожей. Затем он уселся на лавку.

Прочие посетители снова вернулись к своим делам — в том числе и тот маленький толстяк, который постоянно наблюдал за молодым парнем уголками своих бесцветных глаз.

Вскоре хозяин вернулся с деревянным подносом в руках, на котором лежал здоровенный кусок дымящейся говядины. Кусок был толщиной в руку Конана. С него капала кровь. Киммерийца это не смутило. Своим острым как бритва карпашийским кинжалом он отрезал большие куски и жевал с наслаждением, заливая полусырое мясо потоками жидкого красного вина. Это было не лучшее жаркое, съеденное им в жизни, но Конану было довольно и такого.

Пожевав мясо и уничтожив большую часть вина, он опять поискал глазами хозяина. С быстротой молнии этот сообразительный молодец с гнилыми зубами скользнул к киммерийцу.

— Да, господин?

— Никакой я не господин, — заметил ему Конан, чувствуя себя сытым и добрым. — Но я устал. И хочу видеть комнату, которую Митра приготовил для меня в этом... в этой харчевне.

— Сю секунду.

Хозяин вывел Конана из дымной комнаты и провел по узкому коридору к крутой лестнице. При каждом шаге ступеньки скрипели и трещали, выдавая трели не хуже какой-нибудь птицы, исполняющей песнь любви. Он усмехнулся. Вот и хорошо. Ни одному вору не забраться по этой лестнице незамеченным, чтобы, скажем, обокрасть кого-нибудь.

Комната была лишь немногим лучше той, что Конан видел внизу. Она была совершенно пустой, если не считать кучи чистой соломы и шерстяного одеяла. На внешней стороне была прорублена круглая ды-

ра — величина позволяла ей считаться окном, пропускающим свежий воздух или свет луны, однако человек сквозь него бы не протиснулся. Дверь производила довольно солидное впечатление. Хорошо смазанная медная задвижка легко скользнула на место. Это было самое важное. Замок был наиболее добротной вещью во всем доме. Конан отослал хозяйина движением руки и бросил седельные сумки с добычей в угол.

Что-то зашуршало и пискнуло в соломе при глухом стуке падения золота и серебра. В темноте ничего не было видно. Конан вынул из ножен кинжал. Синие глаза киммерийца блеснули. Он поворошил солому в углу.

Оттуда выскочила крыса и бросилась бежать, но бедняжка была слишком неповоротлива. С поразительной быстротой Конан метнул кинжал и пригвоздил тело животного к полу.

Конан улыбнулся. По крайней мере, эта тварь не будет ползать по нему сегодня ночью. Он встал и высунул кинжал за окно. Убитая крыса соскользнула с клинка и пропала в ночной темноте. Конан вытер клинок соломой, вложил кинжал в ножны и улегся спать.

Рассвет еще не наступил. В этот серый час тишину нарушил слабый звук. Для слуха обычного человека он был бы неотличим от прочих ночных шорохов старого дома. Но Конан мгновенно проснулся. Все чувства его обострились.

Скрип. Скрип. Ночной нарушитель спокойствия, должно быть, невелик ростом. Но ничего хорошего он замыслить не мог, потому что Конан различил звук, который очень напоминал трение металла о металл. Только человек использует предметы из железа или латуни, а человек в этот час мог означать только одно: опасность.

Сквозь дыру в окне сочился слабый свет заходящей луны и гаснущих звезд. При таком освещении и кошка не нашла бы дороги домой, но зрение у киммерийца было острее, чем у других людей, и кроме того, он привык к различным опасностям. Конан обвел взглядом комнату и остановился на том месте, откуда доносился звук.

В тусклом свете увидел, как между дверью и хорошо смазанным засовом двигается кусок проволоки. На мгновение по спине Конана пробежали мурашки. Никто из рожденных земной женщиной не смог бы подняться по лестнице бесшумно. В этом он готов был бытись об заклад. Киммериец схватился за меч.

Внезапно задвижка подалась, и дверь распахнулась. Трое с обнаженными кинжалами ворвались в комнату.

Конан вскочил, выдернул меч из ножен и набросился на непрошенных гостей. Поскольку они полагали найти в комнате спящего человека и заколоть его без всяких помех, прямо во сне, они ужасно смутились.

Первый из грабителей был убит прежде, чем вообще осознал, насколько смертельной была грозившая ему опасность. Когда киммериец выдернул меч из его тела, бандит опустился на пол с предсмертным хрипом. Конан взметнул тяжелый клинок с легкостью, которая была под силу только человеку незаурядной мощи. Второй убийца повернулся вполоборота, и ему удалось поднять кинжал. Но эта попытка защититься оказалась тщетной. Брызнули искры, когда широкий меч скрестился с клинком кинжала и отбросил его, словно перышко. При этом меч Конана глубоко вонзился в бок негодяя, круша ребра. Грабитель вытянулся на грязных досках пола и затих.

Третий, с искаженным от ужаса лицом, отступил назад, к узкому коридору. Спина убийцы-неудачника коснулась стены. В панике он озирался по сторонам, но, казалось, понял, что этот берсерк настигнет его даже в том случае, если он отыщет нужное направление и ударится в бегство. Он поудобнее взялся за рукоять кинжала и держал его теперь, как меч.

В этот момент лестница закрипела под тяжестью шагов. Желтые призрачные огни коптящих свечей выхватили из мрака новых участников этой сцены. Однако внимание Конана было по-прежнему полностью сосредоточено на воре, грозившем ему кинжалом. В отчаянии тот бросился на киммерийца, направляя острие своего кинжала Конану в пах. Конан легко отскочил в сторону, поднял меч и изо всех сил обрушил его на своего противника. Острый клинок раскрыл голову пополам, словно спелую дыню. Кровь брызнула на стены коридора, который был теперь освещен

свечами, — их держали хозяин харчевни и тот толстяк, что накануне не спускал с Конана глаз.

Конан направил окровавленное острие в сторону хозяина, облаченного в грязную ночную сорочку.

Хозяин побелел от ужаса и начал жутко заикаться:

— П-пожалуйста, г-госп-подин... У меня с-семья!..

Конан уставился на него неподвижным взглядом. Глаза его пылали синим пламенем. Наконец он удосужился поглядеть на скорбные останки тех, кто убил бы его, будь он менее осторожным.

— Кто эти мерзавцы? — спросил он, указывая острием меча на распростертые трупы.

— Н-не знаю, г-госп-подин. Я н-не знаю их, — пробормотал хозяин. Пот струился по его лицу.

Заговорил толстяк:

— Судя по их виду, это заморанские карманники. Они только сегодня появились в харчевне.

Конан смерил его взглядом.

— Меня зовут Конан из Киммерии, хотя сейчас я иду из Шадизара. А вы кто?

— Логанаро, друг мой, купец из Морнстадиноса Коринфского. Я возвращаюсь из Кофа, где у меня... э-э... были важные дела.

Конан кивнул и снова взялся за бледного хозяина.

— Как эти стервятники попали в мою комнату, ты, владелец этой проклятой богами конуры? Уж никак не по скрипучей лестнице, верно?

— Правильно говорите, господин. На другом конце коридора есть другая лестница, она прочнее этой.

— Понятно. А теперь объясни мне, зачем тебе понадобилось смазывать замок, ты, пес!

— Замок? Он... он только совсем недавно был врезан в дверь, господин! Наверное, мастер его и смазал. — Хозяин судорожно глотал воздух и дергался, как марионетка на ниточках. — Да, господин, так дело и было. Мастер, наверное, это и сделал.

Конан покачал головой:

— Звучит очень убедительно. Но я почему-то начинаю чувствовать желание найти этого мастера и потолковать с ним.

Хозяин посерел.

— Н-но... его нет в деревне. Он... э... он в Туран подался. Да.

Конан сплюнул на пол, наклонился и вытер клинок о заношенный плащ одного из убитых. Потом поискал, нет ли на стали царапин. Ни одной. Кинжал вора, вероятно, был сделан из плохой стали.

Конан выпрямился и посмотрел на дрожащего хозяина сверху вниз.

— Убери разгром в моей комнате! — распорядился он. — Я хочу еще немного поспать, только так, чтобы мне не мешали.

— П-поспать? — Казалось, это удивило хозяина.

— Ну и что? Еще петухи не пели, а я устал. Поторопись! Возможно, утром я и забуду все эти фокусы со смазанными замками.

Увидев завтрак, который подал ему хозяин, Конан ухмыльнулся. Еда была горячей и хорошо приготовленной. Когда он сыто рыгнул, владелец собачьей конуры, прозываемой почему-то «харчевней», мгновенно подскочил к нему с вопросом, не может ли он еще чем-нибудь услужить...

Пока Конан трудился над своим завтраком, маленький толстый купец подсел к нему за стол и вступил с киммерийцем в беседу.

— Вы едете на запад просто так?

— Да. В Немедию.

— Тогда вам нужно идти по левой ветке коринфской дороги через Перевал Духов.

— Перевал Духов?

Купец улыбнулся.

— Это название, несомненно, хорошо для того, чтобы пугать им детей. Пролетая над скалами, ветер поет свои странные песни. Отвесные скалы многократно отражают звуки, трудно переносимые человеческим ухом.

Конан засмеялся и отломил большой кусок от третьей ковриги хлеба, поданной хозяином. Хлеб он запил хорошим глотком вина.

— В той стране, где я родился, известны такие ветровые трубы, — сказал он. — В Киммерии даже маленькие дети не боятся этих звуков — а тем более их не испугается мужчина, который видел уже восемнадцать зим.

Логанаро поднял плечи под темно-коричневым одеянием.

— Есть там еще совсем недалеко от перевала заколдованное озеро. Оно называется Спокезхо.

— А в этом заколдованном озере путешественников пугают заколдованные рыбы, пуская пузыри в самый неожиданный момент?

Конану пришлось смеяться над своей шуткой в одиночку. Лицо купца осталось серьезным.

— Нет, в этом озере нет рыбы. О существах, обитающих там, лучше вообще не говорить. И в любом случае необходимо держаться подальше от тех мест...

Настал черед Конана пожимать плечами.

— Я еду из Коринфии в Немедию, а этот перевал лежит у меня на дороге, и тут ничего не изменят ни ветровые трубы, ни бабкины сказки.

Логанаро улыбнулся.

— Вы отважный человек. Возвращаясь домой, я по чистой случайности избрал именно эту дорогу. Может быть, разделим опасности, подстерегающие нас на пути?

Конан качнул головой.

— Нет, купец. Я предпочитаю путешествовать один.

— Как угодно, — сказал купец, передернув плечами. — В любом случае, я буду либо впереди, либо позади вас. Так что не пугайтесь, если вдруг заметите, что я иду по вашим следам.

— Одного купца недостаточно для того, чтобы испугать меня, Логанаро.

Толстяк кивнул и замолчал; но что-то, казалось, привело его в хорошее настроение. Создавалось впечатление, что он скрывал от молодого киммерийца глубокую и мрачную тайну.

Глава вторая

С нег, покрытый толстой коркой наста, лежал на скалах по обе стороны от перевала. Пар от дыхания Конана и его коня клубился в ледяном воздухе. Конан не слишком много внимания обращал на холод — он просто поплотнее запахнул свой плащ.

Конанов буланный безошибочно находил дорогу, взбираясь все выше по крутой тропе. Ветер дул не-

сильно, однако было слышно, как он завывает вдаль над высокими скалами. Неустанному цокоту лошадиных копыт вторило слабое эхо.

Вдруг Конан увидел небольшое озеро, о котором ему рассказывал Логанаро. Киммериец тряхнул головой. Его прямые черные волосы стали от мороза совсем жесткими и негнущимися и почти не шевельнулись при этом движении. Озеро замерзло — оно было покрыто льдом от одного берега до другого. Конан мог бы поспорить на половину того золота, которое лежало в его седельных сумках, что лед был не тоньше, чем его мускулистое бедро. Было в высшей степени невероятно, что в этом озере кто-то купается — пусть даже какие-то злые духи.

Тропа пролежала прямо по берегу. Мерные шаги коня укачивали всадника.

Пройдя половину пути, конь неожиданно остановился, повернул голову и уставился на поверхность озерного льда. Конан тоже поглядел туда, но не заметил ничего мало-мальски интересного. Он ударил коня пятками.

— Вперед! Шевелись!

Конь заржал, затряс головой, словно отвечая ему, попятился и отступил в сторону.

— Дурья башка! — проворчал Конан и сильнее ударил коня по бокам. — Если ты не будешь шевелиться, то сегодня вечером у меня на ужин будет конина.

В тишине стал отчетливо слышен треск. Конан перевел взгляд с упрямого коня на озеро. На поверхности льда появилась длинная зубчатая трещина. Потом быстро возникла вторая, за ней третья. Создавалось впечатление, что кто-то долбит изнутри толстую корку льда.

Лед разломился. Белые глыбы размером с крупных овец взлетели на воздух, и из полыни выбрались какие-то существа! Каждое ростом с человека, однако выглядели они скорее как мартышки. Все они были белоснежного цвета и не имели лица — ни рта, ни носа, ни глаз. Целая дюжина этих тварей выскочила из озера, вскарабкалась на лед и умчалась прочь.

Конан сперва решил, что они спасаются от кого-то бегством и что им до него нет никакого дела, потому что они бежали в направлении, противоположном то-

му, в котором Конан ехал. Однако вскоре ему стало ясно, что они делают, — они отрезали ему путь к отступлению!

Конан снова ударил пятками коня и угостил его хорошим тумакон, чтобы заставить его тронуться с места. Но первобытный инстинктивный ужас охватил животное. Жеребец дрожал и пытался сбросить всадника. Конан сжал коленями бока охваченного паникой буланого. Только благодаря своей незаурядной физической силе киммериец сумел удержаться в седле. Конь перестал взвизгивать на дыбы и замер, исполненный страха, словно статуя на морозе.

Белые чудища, раскинув руки, шаркали по снегу прямо к Конану.

К черту коня! Конан соскочил с седла, высоко поднял свой широкий меч и напал на ближайшее к нему чудище. Меч опустился со страшной силой.

Клинок отрубил кисть руки ледяного монстра. С глухим стуком она упала на землю. Но в этом ледяном теле текла не кровь. Вместо горячего темного сока жизни из обрубка хлынула струя прозрачной жидкости — прозрачной, как вода.

Ледяные пальцы впились Конану в плечо. Он резко обернулся. Перед ним стояло еще одно существо, гладкое, как полированное стекло. Меч зазвенел, когда Конан нанес удар, чувствуя полное отчаяние. На сей раз ему помогла удача, и он снес ледяному чудищу голову. Оно содрогнулось и разжало пальцы, вонзившиеся было в тело человека. И снова брызнула кристальная жидкость.

Во имя Крома! Эти жуткие бестии все-таки умирают! Однако их оставалось еще десять — против одного. Скверно. Но ведь Конан, в конце концов, не идиот. Ему нужно прорваться. А брешь в их цепи он сумеет себе проложить.

Сильные мышцы вздулись на его руках, когда он обрушил сталь на обитателей озера. Трижды его хватали холодные руки, и трижды он обрубал их. Он бил, колот, рубил — и шел. Земля была усеяна частями тел безликих водяных тварей. Их все еще оставалось много, но это преимущество оказалось ничтожным — они были беспомощны перед человеком с его быстрой реакцией.

Конан впал в ярость. Он уничтожил еще троих. Жидкость из их тел тут же застыла на морозе.

Это сражение закончилось бы не в пользу Конана, если бы он вздумал не уходить отсюда, не прикончив их всех. Он устал. Меч казался ему тяжелым. А тварей оставалось еще целых восемь. Пора уходить!

Конан внезапно помчался в том направлении, откуда пришел. Безглазые побежали за ним гуськом. Несмотря на изнеможение, Конан не удержался от ухмылки. Хорошо! Они не только беспомощны, они еще и плохие стратеги.

Он резко затормозил, обернулся и опять напал. Теперь они были слишком далеко друг от друга, чтобы навалиться на киммерийца всей толпой. В настоящий момент ему предстояло иметь дело с чудищем, которое было больше других. Конан легко уклонился от кулака и поднял меч. Сталь вонзилась в ногу врага и отрубила ее. Безмолвно, с глухим стуком опустился ледяной монстр на землю и перекрыл Конану дорогу. Тогда киммериец снова побежал вперед. Если бы сейчас у него была эта проклятая лошадь!

Громкое ржание заставило его остановиться. Он увидел, как множество других ледяных чудищ волокут его жеребца к полынье. Все больше этих противных тварей выскакивало из озера и пыталось схватить жеребца. Теперь их было, без сомнения, больше двадцати. Половина из них вязала лошадь, остальные бежали к Конану.

Жеребец, все съестные припасы, все награбленное золото и серебро сейчас безвозвратно исчезнут на дне озера Спокезхо! С высоко поднятым мечом Конан помчался было к озеру, но на полпути остановился. Ни одна лошадь не стоит того, чтобы за нее умирать. На свете много лошадей и немало золота, и все это Конан сможет украсть, если будет жить.

— Чтоб вас всех забрал Кром! — проворчал он, обращаясь к кристально прозрачным бескровным чудовищам. Потом повернулся и побежал прочь.

Спускаясь с перевала, Конан заметил вдали всадника. Несмотря на то, что с шага Конан перешел на бег и в конце концов помчался изо всех сил, он не смог приблизиться к этой фигуре. Конан прокричал

нечто приветственное, но ответа не получил. Всадник не останавливался. Может быть, это тот самый купец, которого он встретил в нишей дыре, именуемой харчевней? Если это так, то зачем всаднику стараться сохранять между собой и киммерийцем все время одно и то же расстояние? Конан побежал дальше, попутно проклиная обитателей озера, утопивших его лошадь.

После дня утомительного перехода Конан добрался до города Морнстадиноса, первого коринфского города, увиденного им. Морнстадинос не украшали высокие башни, подобные тем, что высились в Шадизаре или Арэнджуне, однако это поселение могло похвастаться крепкими стенами и многочисленными зданиями, хотя они и выглядели более приземистыми, чем строения тех городов, где Конан побывал прежде. Однако киммерийца этот город вполне устраивал. Если он хочет двигаться дальше, в Немедию, то ему необходима новая лошадь, а также серебро и золото. Здесь он сумеет добыть и то, и другое, и третье — нужна научит.

Но самое малое еще один день ему придется пройти пешком. Навстречу ему не попался ни один путник, что было весьма некстати. Какой-нибудь жирный купец наверняка имел бы при себе недурные закуски и ценные вещицы, — а в этом Конан испытывал сейчас большую нужду. Кроме меча, карпашийского кинжала и одежды у киммерийца оставался еще кошелек с несколькими медяками, которых, вероятно, хватит для ночлега и ужина с кувшином скверного вина. Какая гнусная перспектива! Но к такому он с годами привык. Не в первый раз ему быть голодным.

В конце концов! Перед Конаном раскинулся город, а его желудку придется довольствоваться съедобными корешками и водой из реки, пока он не доберется до городских ворот. Конан, не задумываясь, зашагал дальше.

Логанаро прикинул расстояние: рослый варвар должен отставать от него примерно на час ходьбы, поскольку сам купец неся галопом. Лошадь его была вся в пене, но это неважно. Важно только то, что у Логанаро теперь есть время связаться с одним из своих покровителей (в данном случае — с покровительницей).

Пока лошадь щипала траву и отдыхала, он начал подготовку к телепатическим переговорам, далеко не легкому чародейству, за владение которым он дорого заплатил и продолжал платить каждый раз при каждом новом обращении к своему дару. Из складок плаща Логанаро вытащил кинжал с коротким широким клинком и крепко сжал его в правой руке. Потом закатал рукав. Всю левую руку покрывали тонкие шрамы. Некоторые из них были старыми и бледными, другие еще свежими, красными или розоватыми. Логанаро нашел место между двумя прежними надрезами и, сжав зубы, вонзил нож в мясо, как иглу.

Брызнула кровь, когда он рванул клинок вниз по руке, и на загорелой коже появилась новая тонкая линия, сочащаяся алыми каплями. Боль считалась необходимой частью колдовства, однако главным элементом чар была все-таки кровь. Кинжал сделал свое дело, и Логанаро отложил его в сторону. Он провел средним пальцем по кровоточащей ране, пока весь палец не покрылся кровью. Потом поднял к небу руки и произнес заклинание, которому его обучили:

ХЕМАТУС ЦЕПХИЛ АУТМЕНТУМ СИЦХТУСР!

Сразу же вслед за этими словами Логанаро начертал кровью три арканских символа, завершающих чародейство: знак услышанного призыва, свою личную печать и двойную кривую, которая обозначала его покровительницу. Потом стал ждать.

Пять минут протекли после этого, сливаясь с бесчисленными волнами времени, которые плыли впереди. К началу шестой минуты до Логанаро донесся голос — женский голос, звучавший шепотом, но очень пронзительный и выдающий большую силу:

— Зачем ты позвал меня?

Логанаро произнес в вечерний воздух:

— Госпожа, мне показалось, что я нашел то, что вы ищете.

— Многие вещи я ищу, *Insectus Minor**. О какой из них речь?

— О той, что придаст совершенство вашему заклятию, госпожа, и вдохнет жизнь в прекрасного Принца Копья из эбенового дерева.

* *Insectus minor* (лат.) — ничтожное насекомое.

— Многие предлагали мне эту последнюю недостающую составную часть, раб. Но все они оказались бесполезными.

— На этот раз ошибки нет, госпожа. Я видел, как этот человек уложил трех отъявленных негодяев и при этом затратил усилий не больше, чем другому потребуется на то, чтобы вытереть испачканные вином губы. К тому же, он прошел Перевал Духов без помощи какого-либо защитного или отворотного колдовства.

— Этому человеку повезло, что духи озера спали!

— О нет, госпожа! Эти создания не спали подолгом заколдованного озера. Они вышли многочисленной толпой и попытались затянуть этого смертного в свои подводные жилища. Он убил многих из них. Они взяли его лошадь. Одно мгновение я было думал, что он сам прыгнет под лед, чтобы забрать своего коня.

— И это он сделал без всякой помощи?

— Так оно и было. Я счел за лучшее не показываться ему на глаза.

— Никогда я не числила тебя среди тех, кто может мне вдохнуть жизнь в моего Принца. Но этот человек заинтересовал меня. Следи за ним и дальше! Я буду держать с тобой связь.

— А моя награда?

— Не бойся, человек! Золото, которым ты так дорожишь, будет твоим, если сердце этого человека окажется достаточно отважным. Дювула-ведьма держит слово.

— Не сомневаюсь, госпожа.

— Имеет ли этот человек имя?

— Его зовут Конан, госпожа. Варвар из Киммерии.

В своем доме в Морнстадиносе Дювула закончила магический разговор с Логанаро и вышла, держа в руках полированное металлическое зеркало — источник мистической энергии. Она посмотрела на свое отражение: тридцатилетняя женщина с огненно-рыжими волосами, а выглядит она лет на десять моложе. Тонкое одеяние из простого шелка позволяло любоваться изящными очертаниями тела, искушенного в плотских наслаждениях. В металлическом зеркале отразилась и недобрая улыбка этой грандиозной колдуньи, и казалось, что зеркало способно отражать

также ее мысли и чувства. Ни один из сыновей земных женщин не мог быть парой Дювуле в искусстве любви. Это она знала. Многие пытались, но все терпели поражение.

Когда Дювуле стало известно, что никто из смертных мужчин не сможет надолго сделать ее счастливой, она решила создать себе возлюбленного искусственно, некоего вечного раба, который будет удовлетворять любой самый причудливый ее каприз. Поначалу все шло очень хорошо, поскольку колдовское мастерство чародейки как раз и было предназначено для подобных дел. Но, к сожалению, некоторые элементы идеального образа найти очень непросто. И принц Копья с кожей цвета эбенового дерева лежал в спальном покое, не будучи пока в состоянии приступить к несению своей службы, потому что отсутствовала последняя, важнейшая составная часть чародейства: живое сердце по-настоящему смелого человека. Ведьма перепробовала уже дюжину сердец. Но ни одного из них не хватило на то, чтобы оживить ее возлюбленного. Эти, казалось бы, такие мужественные сердца оказались на поверку вообще бесильными. Дювула была очень рассержена.

Несмотря на низкое положение Логанаро, его можно было считать в целом вполне надежным человеком. Возможно, он действительно нашел то, что ей требовалось. Этой мысли было достаточно, чтобы Дювула улыбнулась, эту улыбку и отразило ее зеркало. В любом случае ей необходимо приготовить волшебные растворы.

Возле обугленного ствола дерева, прислоненного к гранитной стене, стоял высокий человек. Здесь проходила граница огромного поместья, принадлежавшего сенатору Лемпариусу.

В руках этот человек бережно держал странный предмет из золота и меди, сделанный в виде шара, заключенного в кубе, но так своеобразно повернутого, что описать это почти невозможно. Из прибора доносился голос — голос Логанаро, низшего посредника, который разговаривал с ведьмой Дювулой. Беседа отнюдь не была предназначена для ушей Лемпариуса, однако сенатор никогда не испытывал нравственных терзаний, подслушивая чужие разговоры. Если он считал, что в этом есть смысл, он слушал. В таких случаях использовалась Сторора, «магическое ухо»,

созданное безвестным стигийским мастером, который умер много лет назад.

— ...Конан, госпожа. Варвар из Киммерии.

Лемпариус засмеялся. Смех его прозвучал отрывисто, как лай. Он что-то поменял в механизме прибора. Голоса толстого посредника и ведьмы стали тише и, наконец, смолкли. Сенатор заботливо спрятал прибор в щель между стеной и стволом дерева. Там находилось специальное хранилище для Стороры, высеченное из камня. Сенатор не хотел, чтобы с его магическим стигийским прибором приключилась беда. «Ухо» было в высшей степени полезно и, насколько знал сенатор, уникально.

Убедившись в том, что прибор надежно спрятан, сенатор обернулся. Теплый ветер взметнул его длинные белокурые волосы, которые словно сияли, взлетая надо лбом. Солнце светило ему в глаза. Яркий свет придавал его зрачкам странное сходство со зрачками существа, высматривающего себе добычу, — но не человека... Совершенно спокойно, методично Лемпариус освободился от своей одежды. Сперва туника и шелковые шаровары, за ними последовали сандалии — и вот он стоит обнаженный на песчаной земле, возле стены высотой в три человеческих роста. Он был здесь один, и не нашлось никого, кто стал бы свидетелем его наготы.

И никто не видел, что произошло потом.

Лемпариус начал меняться. Исказились черты его лица, кожа и мышцы деформировались, словно сырая глина под пальцами гончара. Трещали кости, тянулись хрящи и сухожилия. Белокурые волосы стали гуще, постепенно превращаясь в мех животного — блестящий мех солнечного цвета. Волосы росли быстро, как растет сорняк в садах преисподней. Лицо Лемпариуса опустилось, нос стал плоским, ноздри расширились, рот растянулся. Зубы сузились и удлинились, превращаясь в клыки.

Со стоном опустилось на четвереньки то, что было человеком. На месте ногтей появились когти, руки и ноги стали лапами. Тело съеживалось и тянулось. Когда, наконец, метаморфоза полностью завершилась, существо, полное сил и жизни, не имело уже ничего общего с человеком.

Тот, кто стоял на границе владений Лемпарису, члена правящего триумвирата в Сенате, принадлежал к роду кошачьих.

Лемпарис — пантера — оборотень...

И большая кошка была голодна.

Глава третья

Конан вошел в Морнстадинос, когда утреннее солнце только-только начало свой путь по небу. Рассматривая город издали, киммериец не мог отчетливо разглядеть узкие извилистые улицы. Теперь он шагал по путанице переулков, тупиков, проходных дворов и улиц, вымощенных таким булыжником, какой мог уложить только пьяный, слепой или сумасшедший. Если у этого лабиринта и был какой-либо план, то Конану, во всяком случае, он был неизвестен. Вот конюшня, из которой разит навозом и прелым сеном; рядом с ней храм, битком набитый какими-то собратьями в одеяниях с капюшонами. Непосредственно за этим строением помещается крытый рынок, где торгуют овощами и выпечкой.

Живот варвара настойчиво заворчал и доложил в очередной раз о своем стремлении наполниться пищей. Пока Конан обходил рынок, его мускулистая фигура не раз привлекала к себе взгляды. Из плетеной корзинки он вытащил краюху черствого черного хлеба. Потыкав в нее пальцем, он подсунул хлеб под нос старухе-торговке:

— Почему?

Старуха назвала сумму: четыре медяка. Конан замолтал головой.

— Ну нет, бабуся. Я же не собираюсь покупать твой дом вместе с проживающими там внуками. Только вот этот сухой хлебец.

Старая женщина ответила:

— Раз уж вы, судя по всему, здесь чужой, так и быть, сделаю скидку. Три.

— Еще раз повторяю: речь идет не о всей твоей корзине с булыжниками, которые ты выдаешь за хлеб. Всего-то одну краюху. — Конан повертел в пальцах хлеб и довольно мрачно поглядел на него.

— Горе мне! Вы лишаете бедную старуху ее скудного заработка — и это за такую тяжелую работу! Ну ладно. Я возьму с вас всего две монеты, теща себя надеждой, что вы будете потрясены таким гостеприимством Алмаза Коринфии.

— Где же твой нож, бабуля? Карманнику, срезающему кошелек, он необходим. До этого ты и сама могла бы додуматься — ведь у тебя такой острый ум и такой болтливый язык.

Женщина хихикнула.

— Вы такой симпатичный юноша. Похожи на моего сыночка. Я не могу видеть, как вы умираете от голода только потому, что вам не хватило одного медяка. Одна монета — и вы купили лучший хлеб на всей улице.

— По рукам, мамаша.

Конан вытащил одну из своих немногочисленных монет и протянул ее старой женщине. Старуха кивнула и улыбнулась.

— Еще один вопрос, — сказал Конан. — Ты права, называя меня чужеземцем. Где в этом городе мужчина может найти кабака с вином, чтобы размочить лучший на всей улице хлеб?

— Состоятельному человеку путей много. Но для того, кто торгуется со старухой из-за нескольких нищенских медяков, выбор невелик. Поглядим-ка. Вниз по улице, дважды направо и один раз налево. Там этот мужчина найдет харчевню «Молоко волчицы». А если упомянутый мужчина пришел из чужой страны и не умеет читать надписи на цивилизованном языке, ему нужно просто поискать на двери изображение волка.

— Какого еще волка?

— Волка, стоящего на задних лапах и готового к прыжку, — объяснила старуха, снова хихикнув.

— Спасибо, мамаша-булочница. Будь здорова!

Без особого труда Конан отыскал харчевню «Молоко волчицы» и вошел, держа краюху хлеба под мышкой. То, что час был ранний, ничего не значило: в харчевне было полно посетителей, которые сидели и стояли за длинными деревянными столами. Большинство из них, несомненно, были местные жители, о чем можно было судить по их внешности и одежде. Несколько женщин таскались с дымящимися блюдами,

другие сулили радости, не имевшие ничего общего с едой и питьем. Конан посещал подобные заведения довольно часто, они были, как правило, вполне сносны и дешевы.

Киммериец нашел место на краю стола и присел. Он осмотрел помещение и быстро оценил состав публики. Большая часть посетителей состояла из людей, несомненно, бедных, но честных и добропорядочных: бондарей, кузнецов, торговцев и им подобных. Слева от Конана разместилась менее приятная компания: скорее всего, карманники или грабители. Самый крупный из них был среднего роста, но широкий в кости и мускулистый, с темными глазами и иссиня-черными волосами. Кроме того, он обладал могучим крючкова-тым носом, напоминающим клюв хищной птицы. Подобных людей Конан уже встречал. В жилах неприятного соседа текла шемитская и стигийская кровь. Мощный нос-клюв выглядел устрашающе. К такому человеку лучше спиной не поворачиваться.

Рядом с четырьмя стервятниками устроилась любопытная парочка: пожилой мужчина с белыми волосами, согбенные плечи которого несли на себе груз шестидесяти или семидесяти лет, и девочка лет двенадцати-тринадцати. На старике было длинное одеяние с широкими рукавами. Девочка с каштановыми волосами была одета в голубые шаровары, сапожки и короткую курточку из выделанной кожи. Кроме того, за широкий пояс был заткнут короткий меч в туранском стиле.

— Что угодно господину?

Конан поднял глаза. Толстая потаскушка в просторной, заляпанной сальными пятнами одежде стояла перед ним. Варвар вынул одну из трех своих медных монет и поднял ее на уровень глаз.

— Смогу ли я получить за это стакан приличного вина?

— Вы сможете купить на это целый кувшин. А насколько приличным окажется вино — это вам судить.

— Неужели так плохо? Ну, я не могу себе позволить быть разборчивым. Придется рискнуть.

Женщина взяла монету Конана и исчезла. Киммериец сел так, чтобы видеть старика и девочку с каштановыми волосами.

Конан быстро заметил, что не он один заинтересовался странной парочкой. Те четверо, которых Конан определил как стервятников, тоже выказывали необычайное любопытство. Это, по мнению Конана, ничего хорошего не сулило. Однако лично его все это не касается. Он снова увидел трактирную служанку, которая несла глиняный кувшин, до краев наполненный красной жидкостью. Немного вина выплеснулось из кувшина, когда служанка плюхнула его на стол. Не произнеся ни слова, любезная особа направилась к другим посетителям.

Конан попробовал вино. В сущности, не так уж плохо. Конечно, ему доводилось пить и получше, но встречал он и более скверное. Он хотел размочить в нем хлеб и перво-наперво набить желудок. А потом придет время позаботиться и о последующих трапезах. Он отломил кусок хлеба и впился в него своими крепкими зубами. Хлеб тоже оказался вполне съедобным. Конан жевал медленно, с наслаждением.

Обладатель чудовищного носа быстрым движением головы указал на старика с девочкой. Двое из его компании встали и направились к этой паре. Один поигрывал кинжалом, другой теребил редкую бородку.

С интересом поглядывая на них, Конан оторвал еще кусочек от своей краюхи.

Когда обоим стервятникам оставалось пройти всего несколько шагов, чтобы придвинуться к старику вплотную, люди, сидевшие и стоявшие возле двери, вдруг заговорили громко и удивленно. Конан поглядел туда. Люди поспешно отодвигались от прохода. Причину этого беспокойства Конан не мог еще понять. Со стороны казалось, будто ветер гонит высокие колосья в разные стороны. Когда толпа, наконец, разделилась на две части, все стало ясно.

По полу, усыпанному опилками, полз паук. Никогда еще киммериец не видел подобных созданий. Паук был размером с кулак и к тому же весь покрыт тонкими волосками. Он пылал, как фонарь с рубиновыми стеклами. И эта штука пульсировала, словно живое сердце.

Паук без колебаний подбежал к столику старика. В мгновении ока вскарабкался по ножке. Не лишенным грации прыжком этот пылающий представитель паучьей породы вскочил на кувшин вина, который

старик держал узловатыми пальцами. Вино закипело с громким шипением. Послышался щелчок. Затем над кувшином появилось маленькое кроваво-красное облячко.

Теперь все глаза были прикованы к старику. Он улыбнулся, спокойно поднес кувшин к губам и начал пить.

Компании стервятников неожиданно пришла в голову мысль о том, что у них имеются неотложные дела где-то в совсем другом месте, что они ужасно опаздывают и любое промедление может иметь катастрофические последствия. Во всяком случае, именно такое впечатление сложилось у Конана, глядевшего, как они сломя голову выскакивают из трактира. Позади Конана кто-то выругался и пробормотал:

— Колдовство!

В этот момент девочка, сидевшая рядом со стариком, вскочила и подбросила в воздух апельсин. Конан догадался, что сейчас произойдет. Мгновением позже девочка выхватила свой меч и ударила им по падающему апельсину. Поначалу можно было подумать, что она его не задела, поскольку апельсин продолжал падать, но от острых глаз Конана не скрылось, что малышка разрубила его на четыре части.

Киммериец снова принялся жевать свой хлеб. Итак, все, кто завтракал нынешним утром в «Молоке волчицы», были поставлены в известность: старый человек и девочка были далеко не так беззащитны, как это могло показаться. Куда более разумно, друзья, поискать себе жертву где-нибудь в другом месте.

Горбоносый решил, что все это не внушает радости. Он злобно сверкнул на старика глазами и сжал свой стакан столь воинственно, что костяшки его смуглых пальцев побелели.

И снова возле двери послышались громкие возгласы удивления. Появился второй паук. На сей раз он прошествовал к столу горбоносого. Без всяких приказаний волосатая тварь вскарабкалась на стол из неструганых досок и плюхнулась в вино.

Конан засмеялся. Вызов! Отважится ли он пить?

Онемев от ярости, горбоносый вскочил и отшвырнул от себя стакан. Сосуд и его содержимое полетели прямо в лицо Конану.

Конан поднял руку, чтобы отразить летящий в него стакан. К несчастью, для этого он избрал именно ту руку, в которой держал хлеб. Когда стакан обрушился на него, вино выплеснулось на хлеб, и завтрак Конана упал на грязный пол. Конан видел, как крошка покатила по полу, причем слой грязи на ней рос неудержимо.

В лучшие времена он нашел бы подобную историю очень смешной, особенно если бы она приключилась с кем-нибудь другим; но теперь он не мог увидеть в ней ничего забавного, сколько ни старался. Сначала он лишается своей лошади и своего золота, а под конец теряет и завтрак. Киммериец втянул носом воздух. Его гнев разгорался, как костер под ветром.

Горбоносый вытащил клинок и двинулся на старика, в котором видел уже свою жертву. Девочка храбро бросилась защищать своего седоволосого спутника коротеньким мечом. Широкий клинок Конана со свистом вылетел из ножен. Обеими руками взялся он за рукоять, поднимая меч над головой.

— Ты... ты подонок! — взревел Конан.

Горбоносый удивленно обернулся. То, что он увидел, вызвало у него тревогу. Он попытался привести меч в оборонительную позицию, одновременно с этим отступив назад, но ни того, ни другого сделать ему не удалось. Меч Конана вонзился ему в грудь, и острая сталь, проникая в тело на глубину ладони, разрежала человека от груди до паха, как при вскрытии. Ужас исказил лицо разбойника, когда из раны на животе выпали внутренности. Он рухнул на пол, и душа его отправилась в путь на поиски предков.

Но ярость Конана улеглась лишь частично. Он поискал глазами четвертого члена банды. Но того почему-то не было видно. Конан засверкал глазами на посетителей харчевни. Все они предусмотрительно отшатнулись от молодого великана с окровавленным мечом в руках. Все, кроме одного.

Девочка, улыбаясь, приблизилась к Конану. Свой меч она вложила в ножны. Когда она подошла совсем близко, стало видно, что ростом она едва достигает Конану до груди. Чуть помедлив, киммериец опустил меч и поглядел на девочку сверху вниз.

— Ну?

— Спасибо, господин, вы спасли нас.

Голос прозвучал тепло. Да, казалось, самый воздух стал теплее, когда она вот так стояла рядом и смотрела на рослого киммерийца.

— Можешь не благодарить, — сказал Конан все еще грубым и злым тоном. — Этот ходячий кусок дерьма погубил мой завтрак. Лучше бы он зарезался. Тогда я бы с удовольствием оставил его мучиться.

При этих словах Конана рот девочки округлился и на лице отразилось смущение.

В харчевне возобновились разговоры.

— ...как он ему врезал! Вот это сила!

— ...разрубил, как курицу!

— ...прибыл из провинции...

Худой человек со шрамом, пересекающим верхнюю губу и проходящим возле левой ноздри, не выпускал из глаз обнаженный клинок варвара. Из-за шрама казалось, что человек постоянно усмехается. На нем был изрядно замызганный фартук, который изначально имел белый цвет, но со временем, после неоднократно пролитого на него вина и собранных в него же объедков, приобрел серый оттенок. Скорее всего, хозяин харчевни, предположил Конан.

Хозяин бросил взгляд на убитого. При этом его вечная ухмылка стала еще шире.

— Ну вот, Аршева из Кеми нарвался, наконец, на жертву себе не по зубам. — Он покосился на Конана. — Немногие до такой степени заслужили того, чтобы их вышвырнули из жизни, как этот тип. О нем никто не пожалеет, вот уж точно. — После краткого некролога хозяин извлек из кармана своего фартука тряпочку и протянул ее Конану. — Вот, вытрите ваш клинок, господин, чтобы от поганой крови Аршевы не появилась ржавчина на благородной стали.

Конан взял грязный лоскут и тщательно обтер клинок.

— Однако может нагрязнеть городская стража и поинтересоваться, почему и кем прерван земной путь нашего Аршевы, — сказал Хозяин. — Я полагаю, господин, что у вас были достаточные основания отправить его в мир иной.

Конан вложил меч в ножны.

— Несомненно, — начал он, — причина была. Этот негодяй...

— ...хотел напасть на меня и мою помощницу, — перебил его старик. — Этот человек — наш телохранитель. Он просто добросовестно выполнил свою работу и защитил нас.

Конан удивленно воззрился на старика. Что это значит? Он хотел заговорить, но старик не дал ему вставить ни слова.

— Пока мы будем ждать солдат, мы хотели бы завершить наш завтрак. Если вы будете настолько любезны и замените моему другу его утраченную во время битвы порцию, а также принесете еще кувшин вина, я вам буду очень признателен. — Старик поднял морщинистую руку. Блеснула серебряная монета. — А это за ваши труды.

Человек со шрамом взял монету.

— Не сомневайтесь. Такой благородный и состоятельный господин, каким вы, вне всякого сомнения, являетесь, запросто сумеет втолковать солдатам свою точку зрения на события. — Он придвинул к столу старика еще один стул — для Конана. — Я сейчас же позабочусь о закуске для вас.

Теперь Конан сидел рядом со стариком и девочкой и ждал ответа на свои невысказанные вопросы. Поначалу он молчал, поскольку решил, что у старика действительно есть все основания ему помогать. Может, он просто хочет его отблагодарить за то, что киммериец распотрошил негодяя, напавшего на девочку. Разумеется, Конан оказал ему услугу — пусть даже не преднамеренно. Но потом варвар заподозрил, что за всем этим скрывается нечто большее и что он услышит сейчас не просто слова благодарности.

Прежде чем заговорить, старик дождался, чтобы их стол перестал быть объектом всеобщего внимания.

— Я Витариус, а это, — он указал на девочку рукой в просторном рукаве, — это Элдия, моя помощница. Я немного приколдовываю, особых талантов в этом искусстве у меня нет. Мы хотели бы отблагодарить вас за помощь.

Конан кивнул и стал ждать.

— У меня возникло ощущение, что вы вот-вот назовете истинную причину вашего поединка с этим пожирателем душ, — ведь он погубил ваш хлеб. Поэтому я вас и перебил.

И снова Конан кивнул. У старика острый ум, и он очень наблюдателен.

— Солдаты, которые будут вас допрашивать, в большинстве своем продажны. Немного серебра — и дело, без сомнения, будет решено в вашу пользу. Однако распороть человеку живот только за то, что он выбил из ваших рук на пол краюху хлеба, — это в глазах сената города Морнстадиноса вряд ли может выглядеть справедливым возмездием. Куда более убедительно было бы обнажить меч, защищая своего господина от грабительского нападения.

Молодой великан кивнул.

— Я Конан из Киммерии. Я оказал услугу вам, вы — мне. Мы квиты.

— Так, — сказал Витариус. — По меньшей мере, до окончания завтрака.

— Ясное дело, это я учту.

Служанка принесла поднос, на котором громоздились хлебцы, овощи и блюдо жирной свинины, а кроме того, захватила еще вина — явно лучшего, чем то, что Конан пробовал вначале. Он ел с аппетитом и пил с удовольствием.

Витариус наблюдал за ним с огромным интересом. Когда киммериец покончил с трапезой, волшебник сказал:

— Мы в расчете. Но тем не менее, позвольте сделать вам предложение, которое, возможно, придется вам по душе. Элдия и я — мы показываем фокусы на площадях и под окнами. Такой человек, как вы, был бы нам очень полезен.

Конан покачал головой:

— С колдовством я не связываюсь.

— Колдовство? Не смотрите на мои оптические фокусы как на колдовство! О нет, я использую лишь простейшие формулы, не более того! Неужели я бы оказался в таком месте, как это, будь я настоящим волшебником?

Конан задумался. Да, похоже, он прав.

— Но чем я могу быть полезен чародею-фокуснику?

Витариус покосился на Элдию, затем снова обратился к Конану:

— Ваш меч — это во-первых. Ваша сила — во-вторых. Мы с Элдией почти не в состоянии защитить себя от подонков вроде того, которого вы сегодня

зарубили. Она умеет проделывать со своим мечом удивительные кунштуки, требующие быстроты и ловкости, но серьезной дуэли со взрослым мужчиной не выдержит. Мои же фокусы могут вызвать суеверный страх, однако настоящего убийцу не испугают, в чем вы имели возможность убедиться.

Конан прикусил губу.

— Но я иду в Немедию.

— Я уверен, что такое длинное путешествие значительно облегчит хорошая лошадь и солидные припасы.

— Как это вы догадались, что у меня всего этого нет?

Витариус обвел взглядом харчевню. Потом обратился опять к Конану:

— Разве состоятельный человек потерпел бы такое окружение?

Это было очевидно. Конан продвинул рассуждение Витариуса еще на один шаг.

— А почему же вы, добрый чародей, оказались в подобном месте?

Витариус рассмеялся и хлопнул себя по бедрам.

— Простите меня, Конан из Киммерии, я недооценил вас! Если твой собеседник — варвар, то это далеко не всегда означает, что у него нет мозгов. Нет, просто мы с Элдией очень экономно расходует наши деньги, потому что хотим купить кое-какое снаряжение. Мы тоже собираемся покинуть этот милый город и двинуться на запад. Но сначала нам нужно заглянуть на юг, к Аргосу. Мы бы хотели... гм... путешествовать известным образом... с вооруженным караваном... и тем самым избежать столкновений с бандитами на офирской дороге.

— Понимаю.

Конан смерил взглядом Витариуса и Элдию. Хотя он и был вором, но от честного заработка тоже не отказывался — если это, конечно, ненадолго. К тому же, и в Немедию он не слишком торопился. И в любом случае этот путь действительно легче проделать на хорошей лошади, чем пешком.

— Серебряная монета в день, — сказал Витариус. — По моим оценкам, мы отправимся в путь в течение этого месяца.

Конан подумал о плачевном состоянии своего кошелька. Приличную лошадь и вооружение можно

приобрести за двадцать-тридцать серебряных монет. А охранять чародея и его помощницу от трусливых воров в течение месяца-двух — не слишком утомительное занятие. Конан улыбнулся Витариусу:

— Повелитель паляющих пауков, вы завербовали себе телохранителя.

Скрываясь под жреческим плащом с капюшоном, Логанаро наблюдал за тем, как киммериец разговаривает со стариком и девочкой. Посредник Дювулы улыбался — он был доволен. Быстрая и бесстрашная расправа варвара с убийцей была весьма впечатляющей. Логанаро все больше убеждался в том, что нашел, наконец, человека, которого недоставало ведьме. Здесь он, без сомнения, имел дело с мужественным воином. Видения золота и драгоценностей сменяли друг друга в мыслях Логанаро, когда он прислонился к стене и прильнул к своему стакану. Скоро, очень скоро сердце этого великана-варвара с пламенными глазами оживит любовника ведьмы.

Глава четвертая

Молодой киммериец и помощница чародея шли следом за Витариусом, пробираясь сквозь пеструю толпу людей, пришедших на празднование совершеннолетия дочери одного местного винодела. Глядя на старика, который шел впереди, Конан замечал, что тот на самом деле значительнее, чем хочет казаться. Киммериец часто становился свидетелем того, как старые люди оставляют в тени молодых, и поэтому не считал стариков беспомощными. Если у человека нет крепких мышц, он нередко заменяет их мудростью.

— Мы хотим найти место поближе к виноделу, — объяснила Конану Элдия. — Там собрались самые богатые друзья его дочери, и за наше представление там заплатят куда более щедро.

Конан молчал. Он смотрел, как крепкий юноша вел в поводу трех лошадей, одна из которых напоминала похищенную несколько дней назад духами озера. В его глазах засветилась злость.

В этот момент Витариус обернулся.

— Кажется, вас что-то угнетает, Конан, — сказал он.

— Только одно противное воспоминание, Витариус. У меня была лошадь, похожая на ту, что прошла сейчас мимо. У меня отобрали ее.

— Мне трудно в это поверить. Во всяком случае, я не хотел бы быть тем человеком, который оказался бы настолько глуп, что попытался бы избавить вас от части вашего имущества. Тем более — от лошади хорошей породы.

Конан горестно усмехнулся:

— Это был не человек. Я ехал через заснеженный перевал к востоку отсюда. Там на меня напали какие-то водяные твари, каких я никогда еще не видел. Они были белые, безликие. Кровь у них прозрачная, как вода.

— Ундины! — Голос Витариуса звучал удивленно и слегка испуганно.

— Так вы их знаете?

— Конечно. Духи воды — вот кто они.

Витариус обменялся с Эдией многозначительными взглядами. Потом он испытующе поглядел на Конана, словно пытаясь догадаться, как киммериец все это расценил. Элдия стояла рядом с ним. И снова он ощутил то особенное тепло, которое, казалось, излучала девочка. Воздух словно сиял. Солнце поднялось высоко, и под его лучами на многих лицах выступил пот; но это новое тепло было жарче.

Наконец Витариус сказал:

— Поговаривают, будто теперь ундины подчиняются Совартусу, волшебнику Черного Квадрата. Это злой волшебник, который, если верить слухам, ищет в Морнстадиносе что-то... или кого-то. Кроме ундин этот мерзавец держит в своих когтях других неземных существ, которые помогают ему в поисках.

— Совартус? — Конан проговорил это имя вслух и напряженно задумался. — Ну так вот что. Если этот чародей и впрямь повелевает какими-то бестиями, стянувшими у меня лошадь, то пусть возместит мне убыток.

— Было бы глупо требовать этого, Конан. Совартус не наделен совестью, зато располагает очень большой магической силой. Он убивает, не задумываясь.

— И все-таки! Преступлений я не забываю — безразлично, мои собственные это преступления или чьи-то там еще.

— Некоторые вещи все же лучше забыть, — негромко сказал Витариус и снова начал прокладывать себе дорогу сквозь толпу.

Логанаро выглядел отнюдь не внушительно, когда стоял перед высоким подиумом и креслом сенатора Лемпариуса, могущественного политика, имевшего большой вес в Морнстадиносе, а может быть, даже во всей Коринфии. Не в пользу маленького человечка служило и то, что он оказался между двух блюстителей порядка, причем острия кинжалов этих последних были приставлены к его горлу.

— Это, должно быть, ошибка, ваше превосходительство. Я никогда не нарушал законов Алмаза Коринфии и...

Лемпариус рассмеялся, сверкая белыми зубами:

— Тебе только придворным дурачком быть, Логанаро. Если все твои преступления раздать по одному на жителей города, то наши тюрьмы переполнятся. Только за те шутки, о которых я знаю, тебя уже нужно сто раз предать проклятию, и трижды по сто раз — если подтвердится только половина из тех, о которых я подозреваю.

Логанаро глотнул. Он уже видел себя болтающимся на виселице. При этой мысли колени его стали ватными. Такого оборота дела он не ожидал. Все шло к тому, что пережить сегодняшний день ему уже не удастся. Что же он такого сделал, что восстановило против него правящий сенат? И еще важнее был вопрос: как им удалось его выследить?

Лемпариус равнодушно махнул рукой:

— Оставьте нас одних!

Оба вооруженных воина поклонились и спрятали кинжалы в ножны. Затем они четко повернулись и, шагая в ногу, покинули покой. Логанаро чувствовал, как холодные капли пота покатились по его спине, но попытался придать себе спокойный вид.

— Я мог бы приказать высечь тебя и опустить в чан с кипящей соленой водой. Но это не входит в мои намерения — по крайней мере, сейчас. — Лемпариус

поднялся. Он играл с рукояткой ножа, висевшего в ножнах на его правом бедре.

Логанаро неподвижно смотрел на тонкие длинные пальцы сенатора, ласкавшие оружие. Маленький толстый человек чувствовал себя так, словно его сковали какие-то злые чары. Он не мог отвести глаз от этих холеных рук.

Лемпариус опять засмеялся:

— Любуешься моим стальным зубом?

Высокий белокурый человек вынул нож из кожаных ножен и поднял его на высоту груди. От рукояти до острия оружие это было изогнуто, как лук. Оно вызывало в воображении неприятные картины: клык или коготь, готовый растерзать добычу. Рукоятка была сделана из отполированного до блеска черного дерева — может быть, эбенового? Логанаро видел медные крепления, соединяющие стальной клинок с рукояткой. Там, где начинался клинок, сидела медная пластина, которая не столько выполняла защитную функцию, сколько служила цветным переходом от черноты рукояти к серебру клинка. Клинок был довольно коротким, длиной примерно с палец взрослого человека, с острым как игла острием. Внешняя сторона клинка была утолщена и на четверть длины зазубрена, а внутренняя закруглена и остро отточена.

— Ты видел хоть раз саблезубую киску? — спросил Лемпариус. — Нет? Какая жалость! Это действительно великолепные животные. К сожалению, число их сокращается. Каждая из таких гигантских кошек имеет по два огромных клыка. Этот нож сделан по их подобию, — сенатор покрутил нож в пальцах, — так что он может разорвать почти все, что ходит или ползает. Я использовал один из чудесных клыков в качестве модели при изготовлении моего стального зуба. Поэтому иногда я чувствую себя... я сравниваю себя с огромной кошкой.

Логанаро глупо кивнул.

— Но ты, конечно, хочешь, чтобы я показал тебе мой нож в действии?

— Вовсе нет, ваше превосходительство, высокочтимый сенатор, в этом нет необходи...

— Нет-нет, я убежден, что это нужно. Логанаро, иди за мной!

Лемпариус повел его вниз по узкому коридору, освещая путь коптящей свечой, затем спустился по каменной лестнице в помещение, служившее передней подвального комплекса. Логанаро безмолвно молил всех богов, чтобы ему сохранили жизнь.

В грязной клетке, размером чуть больше гроба, лежал человек неопределенного возраста. Волосы его свалились, всклокоченная борода торчала, безумный блеск мелькал в диких глазах.

Перед этой клеткой Лемпариус остановился. Улыбаясь, он обернулся к Логанаро.

— У тебя есть кинжал. Дай его мне!

Логанаро поспешно повиновался и подал сенатору свое оружие с широким клинком. Сенатор просунул кинжал сквозь ржавые железные прутья клетки. С быстротой молнии человек схватил кинжал и ткнул им сквозь решетку так далеко, как только мог. Но попытка ранить сенатора осталась бесплодной. Логанаро при этом нападении испуганно отскочил; на лице Лемпариуса не дрогнул ни один мускул.

— Этот человек приговорен к смерти, — пояснил Сенатор. — Было бы чересчур утомительно перечислять здесь все его редкостные злодеяния. Его randevu с палачом состоится завтра. Но у меня вдруг возникло такое чувство, что он может не прийти на свидание.

После этого Лемпариус коснулся острием ножа запястья заключенного. Движение казалось очень легким — по крайней мере, для Логанаро, — но таким стремительным, что у несчастного в клетке не осталось ни мгновения, чтобы отдернуть руку. Когда он убрал ее на безопасное расстояние, из раны длиной в большой палец, рассекающей запястье, хлынула кровь. Он отчаянно взвыл.

Лемпариус сорвал с клетки замок и широко распахнул дверь. Затем он сделал два шага по направлению к Логанаро. Тот поспешно отодвинулся на расстояние вдвое большее. Сенатор явно сошел с ума! Приговоренному к смерти терять нечего. Если он их обоих прикончит, хуже ему уже не будет.

Заключенный выскочил из клетки. Он ухмылялся, как оживший скелет. На мгновение он остановился и набрал в рот кровь из раны, потом выплюнул ее на грязные каменные плиты себе под ноги, снова громко вскрикнул и набросился на Лемпариуса. Короткий

кинжал он держал опущенным, намереваясь всадить его сенатору в живот. При всей своей опытности Логанаро никогда еще не видел никого, кто двигался бы так стремительно, как сенатор. Со сверхъестественной быстротой, словно кошка, бросился он к заключенному, держа в правой руке свой стальной зуб. Очертания ножа расплылись, так быстро вонзился он в шею обреченного. Прежде чем тот успел отреагировать, клык хищного зверя был выдернут и снова всажен в рану. На этот раз он ударил с другой стороны. Потом Лемпариус отскочил от своей жертвы.

Логанаро знал толк в смертельных ранах. К тому же, он имел непосредственное отношение к некоторым из них. Но ничего подобного он никогда прежде не видел. Важнейшие артерии были начисто перерезаны. Светящиеся алые фонтаны били при каждом ударе сердца. Один миг умирающий стоял, как дерево с подрубленными корнями, не в силах двинуться. Затем он рухнул на пол. За несколько секунд он истек кровью и теперь лежал бледный, как призрак. Мертв.

Большим и указательным пальцами Лемпариус вытер с клинка кровь. А потом улыбнулся испуганному Логанаро:

— И еще одно. Когда я переворачиваю рукоять моей безделушки вот так, — он подбросил нож в воздух, снова поймал его и взял оружие так, что рукоять стала показывать в потолок, а острие в пол, — я могу немного поранить мужчину между ног — как этого в горло. Такая рана несмертельна. Просто после этого невозможно... поменьше мужественности.

Логанаро глотнул, словно неожиданно в горло ему попал песок.

— Ты так притих, посредник. Что, язык проглотил?

Логанаро прикусил губы, пересохшие, точно выбеленные солнцем кости в пустыне.

— Что я должен для вас сделать, ваше превосходительство?

Лемпариус снова вложил нож в ножны и похлопал посредника по плечу.

— Ты находишься на службе у ведьмы по имени Дювула. Тебе известно, что у нее имеется братец-демон? Нет? Ну, неважно! В настоящее время ты зани-

маешься варваром, которого зовут Конан. Да, так, кажется, его имя — Конан. Нашей ведьмочке понадобится его сердце, чтобы оживить изготовленное ею изображение.

— От-куда в-вам это в-все изв-вестно?..

— У меня свои методы. Главное, что я это знаю. Я тоже в последнее время стал интересоваться варварами. Мне понадобится твоя помощь, чтобы изловить этого человека. — Лемпариус жестоко улыбнулся.

— Я... я не могу. — Голос Логанаро был еле слышен.

— Извини, дружище, у меня что-то со слухом. Только что мне вдруг показалось, будто ты сказал, что не можешь помочь мне в этом деле.

— Ваше превосходительство, Дювула насадит мою голову на кол и воткнет его в выгребную яму в своем отхожем месте!

— Послушай-ка, малыш, о такой участи ты сам попросишь меня на коленях, когда я возьмусь за тебя всерьез, — если ты отклонишь мою маленькую просьбу, конечно. От коготков Дювулы я тебя спасу. Не сомневайся.

Логанаро снова глотнул.

— Могу я узнать, как у вас возникло подобное желание?

— Теперь, когда ты принят ко мне на службу, у меня нет сомнений относительно твоей преданности. Я тебе все расскажу. Насколько тебе известно, Дювула не берет себе больше любовников из числа людей. Но я хотел бы, чтоб она взяла еще одного, прежде чем оживит своего Принца.

— Вас, ваше превосходительство? Но... но... я ду-мал... — Логанаро оборвал сам себя, когда сообразил, что он, собственно, хочет сказать.

Лемпариус засмеялся. Он совершенно не был обижен и даже продолжил мысль Логанаро:

— Ты подумал, что я, как и многие другие, наслаждался бы этой сомнительной честью и, не будучи слишком хорош, в конце концов подвергся бы плачевной участи?

— Простите меня, сенатор...

— Твое предположение в целом верно. Так было. Во всяком случае, так продолжалось довольно долго. За эти годы я приобрел известную силу... ну, скажем,

своего рода животную силу. Обладая этой новой энергией, я могу быть уверен, что мой дебют на той арене, где заправляет Дювула, будет весьма удачен.

— Но если дело обстоит именно так, почему вы просто не вступите с ней в контакт?

— Я вижу, ты смутно представляешь себе, что такое женщина. Она вбила себе что-то в голову, и переубедить ее можно лишь с большим трудом. Если я не сумею добиться ее доверия, мне понадобится нечто в качестве объекта для переговоров. Заполучив этого варвара, я смог бы потребовать за него выкуп. И когда мои услуги покажутся Дювуле неудовлетворительными, она получит возможность оживить своего Принца. Должен признаться, мне эта затея кажется малоосуществимой, но мое предложение ей наверняка понравится. В конце концов, при этом она в любом случае ничего не теряет.

— Понимаю. И у вас есть убежище, где вы сможете защитить своих посредников в том случае, если они вдруг рассердят Дювулу?

— Само собой разумеется.

Логанаро взвесил свои шансы. У него не было другого выбора, как только подчиниться сенатору. Если план Лемпариуса провалится, Дювула — и это очевидно — сожрет предателя заживо. С другой стороны, если сейчас возразить сенатору, то лучше уж сразу быть покойником. Так что предпочтительнее рискнуть неясным будущим, чем рисковать вполне конкретным настоящим.

— После того, как вы рассказали о своих побуждениях, я вас прошу, ваше превосходительство, считать меня своим слугой.

— Я так и знал, что ты трезво смотришь на вещи, Логанаро. Мой приказ прост и несложен: продолжай следить за варваром. Избегай разговоров об этом с Дювулой, но поддерживай с ней связь. Если она прикажет тебе схватить этого Конана, известишь меня и получишь дальнейшие указания.

— Ваше желание — закон для меня, ваше превосходительство.

— Начиная с этой минуты, можешь называть меня просто Лемпариус, дружище. В конце концов, ты мой полномочный представитель, которому я хорошо плачу за верную службу.

После того, как Логанаро ушел, Лемпарииус вернулся к трупам заключенных и задумчиво уставился на него. Он улыбнулся. Дювула непременно станет его возлюбленной, когда он делом подтвердит хвастливые слова относительно своей обновленной мужской силы. Что касается Логанаро... Было бы невероятным предположить, что она простит перебежчика. А жаль! Маленький хитрец довольно ловок в шпионаже. Он мог бы быть полезен. Жаль, что придется уничтожить его, чтобы утолить злобу ведьмы. Но лучше он, чем я, подумал Лемпарииус.

Сенатор смотрел на труп на полу и чувствовал голод. Ну, что! Было бы бессмысленно дать этому превосходному свежему мясу пропасть.

Никто не видел, в какое существо превратился сенатор Лемпарииус и что он сделал. Стражники найдут потом куда меньше останков казненного, чем обычно выходит из рук палача. Сегодня ночью пантера уснет сытой.

Вечерняя тень уже упала на рассеянную толпу, когда Конан вместе с остальными зеваками развлекался фокусами Витариуса на празднике в честь дочери винодела. А старик совсем неплох, решил Конан. Волшебник вынимал летающих птиц из женских рукавов, превращал стакан вина в стакан уксуса, вытряхивал из пустой бутылки ворох атласных лент. Элдия бегала вокруг и собирала монеты у смеющихся людей. То и дело она показывала свой трюк с мечом, разрубая пражку от туники или каравай хлеба на фигурные части. Это было хорошее представление, и медные монеты так и сыпались в кубок, который подставляла Элдия.

Конан мог спокойно глазеть на фокусы. Работы у него было немного. Ни один карманник не приближался к чародею, несмотря на то, что немало их шныряло в толпе. Поскольку они не трогали его подопечных, Конан ничего не имел против. Сам вор, он был снисходителен к подобным вещам. В конце концов, человек должен на что-то жить, а эти люди не обеднеют, если у них стянут пару медяков.

Как и все опытные деятели искусства, Витариус приберег свой лучший фокус на конец выступления.

Но ему неплохо бы поторопиться, подумал Конан, а то все разойдутся и унесут с собой свои денежки.

Зрители притихли, когда Витариус приготовился к демонстрации своего финального трюка. Некоторые кивали и смеялись. Конан слышал, как одна женщина говорила: «Его последний фокус — самый лучший. Подожди, увидишь!»

Старик бурно жестикулировал и бормотал заклинания. Он исполнял нечто вроде танца, переминаясь с ноги на ногу. Зрители смеялись, и Конан вместе со всеми.

Наконец Витариус готов. Он сделал людям знак приблизиться и с драматическим жестом провозгласил:

— Вот оно!

Вспышка света. Плотное белое облако дыма заволокло площадь. Когда дым немного рассеялся, Конан разглядел в тумане фигуру. Угрожающе высилось что-то большое и темное.

Толпа вскрикнула. Дым пропал — и стал виден демон! Чудище было ростом в полтора человеческих и весило, по оценке Конана (если оно только было живым и имело вес), добрых два его собственных веса, а киммериец отнюдь не был перышком. Светящийся, красный, впечатляюще мужественный демон ухмылялся, и такие зубы, как торчали из его пасти, могли присниться лишь в кошмарном сне. Спина у Конана похолодела. Все прочие видения, вызываемые Витариусом, не шли ни в какое сравнение с этим. Даже на варвара оно произвело сильное впечатление. Но когда он встретился глазами с Элдией, стоявшей на расстоянии вытянутой руки от него, она проговорила нечто, поразившее его, как удар. Девочка перевела взгляд с демона на киммерийца и произнесла тихо, но отчетливо:

— Этого он не вызывал, Конан. Этот — настоящий!

Демон шагнул к Витариусу. Он произнес голосом, звучащим, как металл, царапающий о металл.

— Где она, Белая Голова?

Витариус не ответил. Демон обвел толпу глазами, сверкавшими адским пламенем. Когда взгляд его упал на Элдию, демон широко ухмыльнулся, оскалив зубы.

Оставляя за собой следы мокроты и слизи, он отвернулся от волшебника и двинулся к девочке.

Элдия обнажила меч, смело глядя на чудовище.

Зрители поняли, что при последнем заклинании случилось что-то не то, и рассеялись, как осенняя листва под сильным ветром.

— Стой! — крикнул Конан.

Демон посмотрел на него сверху вниз.

— Это ты мне, комар?

— Конечно, демон. Но я скорее оса с ядовитым жалом, чем комар, учти это.

Конан вытащил из ножен свой широкий меч и поднял его обеими руками, направив острие в живот демона.

— До тебя мне нет дела. Мы не ссорились, оса, — загремел демон. — Мое поручение касается только этого человеческого детеныша женского пола. Убейся.

— Ты ошибаешься, порождение ада! Я охраняю ее. Если ты угрожаешь ей, то тем самым подвергаешь опасности себя.

— Опасности? Только не смей меня, оса! Я уже объелся твоим остроумием по самые уши. Лети прочь, пока я тебя по земле не размазал.

Конан поднял меч к злобному лицу демона.

— Конан-киммериец еще никогда не бегал от таких, как ты, нечистая тварь.

— Тогда молись своим богам, насекомое, потому что твое время истекает.

Демон протянул к Конану черные когтистые лапы, привстал на носки и прыгнул.

Глава пятая

Как ни скор был демон, Конан был быстрее. Киммериец прыгнул одновременно с порождением бездны, но не вперед, а в сторону, и демон проскочил мимо. Как канаты, вздулись вены на сильных руках Конана, когда он занес меч. Он целил в горло демона. Мощный удар старого клинка рассек воздух, и меч не то простонал, не то просвистел.

Но и демон не стоял без дела в ожидании, пока ему снесут голову. Вместо этого он подпрыгнул высоко

в воздух и сжал свое могучее тело в комок. Такому сальто мог позавидовать любой акробат. И прежде чем Конан успел привести свой меч в позицию, из которой снова мог сделать выпад, демон опять стоял на ногах, слегка пританцовывая.

— Ну и где твое жало, оса? — издевательски поинтересовался он.

Конан не ответил. Он рванулся вперед, готовясь нанести второй удар.

Демон стремительно отошел назад и при этом разнес подвернувшуюся под ноги лавку с такой легкостью, как будто она была сделана из паутины. Улыбаясь, он уклонился от холодной стали.

Краем глаза Конан видел, как Элдия двинулась вперед с опущенным мечом в руке и как Витариус остановил ее.

— Не туда! — крикнул старый волшебник.

Теперь ему нельзя отвлекаться — это Конан знал. Демон, вероятно, боится стали, но очень он велик, силен и дьявольски скор. Своими когтями он может растерзать человека так легко, как будто у него на лапах растет целая дюжина добрых кинжалов. В намерения Конана не входило позволить эдакой твари всадить когти себе в шкуру. Киммериец размахивал мечом, как веером, пытаясь пронзить им кроваво-красное чудовище. Бестия рванулась прочь, продираясь сквозь остатки зеленой лавки. Конан следовал за ним, полностью сосредоточив свое внимание на противнике.

Это было ошибкой. Конан не заметил раздавленной дыни, наступил на нее и поскользнулся. Он рухнул на землю, и спасла его только врожденная быстрота движений, потому что демон реагировал стремительно и тут же бросился на упавшего Конана, протягивая к нему когтистую лапу с явным намерением схватить человека за горло.

В тот же миг, как Конан упал на колени, его клинок описал дугу. Теперь он держал меч только в одной руке, потому что другой опирался о землю, стараясь восстановить равновесие. Сталь, сделанная человеком, встретила на своем пути нечеловеческую плоть и черные кости. И... древний меч перерубил запястье демона. Адская лапа упала на землю. Поднялся дым, и слизь закапала в пыль, как навозная

жижа. Пальцы отрубленной руки с силой сжались несколько раз, словно были все еще связаны с мускулами, которые ими управляли.

Демон взревел. От страшного шума в соседних домах зазвенели стекла. У Конана заложило уши, так что он вообще перестал что-либо слышать. Пока киммериец пытался снова обрести равновесие, бушующее от ярости чудовище решило перейти в наступление. Обрубком руки оно выбило высоко поднятый меч из рук Конана. Брызнула кровь. Варвару удалось откатиться в сторону и избежать смертоносных когтей. Он вскочил и собрался уже схватить красного злыдня голыми руками. Конан ощущал зловонный запах своей близкой смерти. Он понимал, что безоружный не справится с демоном. Но он не позволит себе сдаться. Во имя Крома! Свой конец он встретит в битве, с высоко поднятой головой.

Демон приготовился нанести ему смертельный удар. Но внезапно голубой поток пламени заструился по его плечам, отчего красноватая кожа побагровела. Порождение преисподней взревело еще раз; но сверхъестественное сияние только усилилось. Несколько столбов дыма поднялись в небо от горящей кожи. Конан обернулся, ища глазами источник огня. Он увидел Витариуса. Одну руку волшебник простирал по направлению к демону, вторая покоилась на голове Элдии, которая тоже была окутана голубым сиянием.

— Нет! — возопил подпаленный демон. Сверкнула бледно-желтая вспышка света, затем темно-красная — и демон исчез так же, как и появился.

Осталась только кисть его правой руки. Она все еще дергалась и сжималась на булыжниках мостовой возле Конана, словно пытаясь схватить виновника своего увечья.

Витариус подошел к Конану и посмотрел на руку демона. Несколько секунд оба безмолвствовали. Наконец Конан прервал молчание:

— Мне кажется, ваше заявление насчет того, что вы слабенький чародей, дало трещину, Витариус. Ни одно «примитивное» заклинание не вызвало бы сюда такую дрянь, и ни одна «галлюцинация» на такие подвиги не способна.

— Это так, — ответил старик. Он выглядел усталым. — Я должен вам кое-что объяснить. Вы этого

стоите, Конан. Если бы вас здесь сейчас не оказалось, Элдия уже попала бы в лапы прислужников Совартуса. Последствия этого непредсказуемы.

— Я жду. Рассказывайте вашу историю.

— Конечно, конечно. Как вы уже предполагали, Элдия и я — не совсем то, за кого себя выдаем. Я...

Старик прервал себя на полуслове и обернулся через плечо. Если не считать его самого и Конана, улица была совершенно пуста.

— Элдия! Она исчезла!

Конан озираясь в поисках девочки, но ее нигде не было видно.

— Но демон... — начал он.

— Нет! Он удрал один! Мы должны найти ее, Конан! Если ее доставят Совартусу, то ее судьба и судьба многих будет предreshена. Я даю вам слово, что все вам объясню; но сначала нам нужно отыскать девочку. Вы должны верить мне.

Недолго раздумывая, Конан кивнул. У него почти не было оснований верить Витариусу, потому что старик его уже один раз обманул; но Конан был человеком действия и полагался больше на инстинкт, чем на рассудок. Ни Витариус, ни Элдия не излучали зла, а демон, без сомнения, убил бы его, если бы они не пришли к нему на помощь. Конан подобрал свой меч и указал на улицу:

— Я пойду в ту сторону. Вы в другую.

Витариус кивнул, и Конан побежал прочь. Бросив взгляд через плечо, он заметил, как старик быстро схватил руку демона и спрятал ее в свою торбу.

Будуар Дювулы неожиданно наполнился желтым и пурпурно-красным дымом. Посреди этого безобразия возник Дивул, сжимающий обрубок правой руки пальцами левой. Дверь будуара распахнулась, и в комнату ворвалась ведьма, чтобы выяснить причину неожиданного посягательства на ее святая святых.

— Братец-демон! Что случилось?

Дивул начал ругаться. Редкостное богатство выражений, бытующих в преисподней, полилось с его губ. Даже неодушевленная темная фигура, лежавшая на постели ведьмы, заворочалась под мощью этих проклятий. Затем раненый демон прохрипел:

— Рука! Моя рука!

Дювула, казалось, немного успокоилась.

— Но, братишка, почему это так тебя заботит? Новенькая лапка вырастет на месте старенькой и займет ее место...

— Идиотка! Я не о руке — о том, как я ее потерял! Началось с того, что я попался в плен к Совартусу, волшебнику Черного Квадрата...

Дювула задыхнулась от удивления.

— Ага, ты его знаешь, — сказал Дивул и мрачно посмотрел на сестру.

— Разумеется. Очень мощный мужчина.

— Поскольку я в его власти, мне это известно и без тебя, ты, плоть моего проклятого папаша. Я пострадал при попытке выполнить его приказ. То, что я ищу, охраняется человеком сверхъестественной силы. Вместо того, чтобы расстаться со своей подзащитной, он украл мою руку!

— Как мне помочь тебе, милый братец?

— Я должен вернуться назад и доложить Совартусу о... о возникших трудностях. Его все это не обрадует. Мне бы очень не помешало, если бы я мог ему сказать, что нашел выход из этой ситуации. Может быть, даже составил новый план, как добыть то, что ему требуется.

— Нас связывают узы крови, — заявила Дювула. — Конечно, я буду помогать тебе изо всех сил.

— Ладно. Так вот, Совартусу понадобилась маленькая девчонка, известная под именем Элдия, — одна из Четверых, ты это поймешь, если увидишь ее. Остальных Трех он уже заполучил. Эта Элдия странствует в обществе одного Белого Мага, возможно, он принадлежит к Белому Кругу, но я не уверен. И кроме того, с ними шляется какой-то гигант, происхождение которого мне не известно. Это ему я обязан... — Дивул выразительно покачал обрубком руки. Рана уже затянулась и была покрыта гладкой, похожей на полированный обсидиан, черной кожей.

Дювула кивнула. Выводы из рассказа ее брата-демона были таковы. Если Совартусу удастся получить власть над всеми четырьмя детьми, в которых скрываются силы Четырех Дорог, это сделает его самой могущественной магической фигурой на земле. Если Дювула продаст Совартусу недостающий элемент — девочку Элдию — то, возможно, от его великой вла-

сти что-нибудь перепадет и ей, Дювуле. А человек, который отрубил руку ее брату, вполне годится в участники ее собственного чародейства. Она поглядела на безмолвную фигуру Принца.

Одно мгновение Дювула еще поразмыслила надо всем услышанным. Потом улыбнулась Дивулу.

— Я помогу тебе изловить этого ребенка, — сказала она. — Скажи мне, где ты их оставил?

Логанаро скорчился под обрушившейся планкой зеленой лавки, наблюдая за тем, как варвар бежит по пустынной улице. Посредник явился как раз вовремя, чтобы застать финал выступления Витариуса. Больше, чем когда-либо, Логанаро был убежден в том, что Конан — настоящий мужчина, способный вдохнуть жизнь в идеального возлюбленного Дювулы. Несомненно, ей придется немало заплатить за этого варвара из Киммерии, если сенатор Лемпарис сумеет его изловить. Однако поймать такого ох как просто! Это может дорого обойтись, подумал Логанаро. И так мало монет осядет потом в его кошельке!

Варвар бежал слишком быстро, чтобы следовать за ним. К тому же, здесь не было укрытия, так что один взгляд через плечо — и слежка будет обнаружена. Логанаро решил сесть на хвост старому волшебнику. Он был уверен, что рано или поздно Конан вернется к старику.

Стук сапог Конана раздавался по грубой булыжной мостовой. По мере того как приближался вечер, темнело, и сумрак окутывал дома своим покрывалом. Острые синие глаза варвара быстро ошупывали на бегу все боковые переулки и мгновенно схватывали любую тень. Элдии видно не было.

Он побежал по узкому проулку, где начиналась уже городская свалка. Торопливый взгляд — и Конан остановился. Он внимательно осматрел задний двор. В этой темной дыре ничего не шевелилось — в этом он был уверен. Там высилась гора отбросов: тряпки, обрывки шкур животных, разбитые глиняные горшки... поленища дров. Этот двор был похож на десятки тех, мимо которых он прошел, и все-таки здесь было нечто такое, что насторожило его. Он улавливал какую-то

мелочь, совершенно ничтожную, но в данном случае важную. Что-то здесь было не так.

Вот! В темном углу возле поленницы светилось маленькое белое пятнышко! Конан мгновенно сообразил: человеческий глаз, в котором отражается слабый свет встающей луны. С мечом в руке он вошел во двор. Острые клинка он направил прямо в глаза человека, прятавшегося в темноте.

Когда варвар немного привык к мраку, он различил фигуру, скорчившуюся возле колотых дров. Фигура поднялась. В неверном лунном свете блеснула сталь.

— Остановись! — прокричал детский голос. — Это Конан, это друг!

Элдия!

Теперь Конан отчетливо видел женщину, которая прикрывала собой Элдию. Женщина держала кинжал с «пламенеющим» клинком.

— Элдия, выйди на свет! — крикнул Конан.

— Нет, — отозвалась женщина. Ее голос звучал так, словно мед растекался по стали, — мягко и непреклонно.

Конан замер. Он понимал, что опасность ему не грозит. Меч он сунул в ножны и вытянул руки, показывая, что они пусты.

Женщина шагнула вперед. Таинственный лунный свет делал ее прекрасной. Конан прикинул ее возраст — не больше восемнадцати. Волосы цвета воронова крыла окутывали ее до пояса. На ней была шелковая блуза и тонкие кожаные брюки. Ноги женщины были обуты в ременные сандалии изящной выделки. Но куда изящней было ее тело — стройные ноги, тяжелая грудь под тонким голубым шелком. Безукоризненные черты ее лица вдруг показались Конану знакомыми. Он был уверен, что если бы хоть раз прежде встретил такую красоту, то не смог бы забыть ее. И все же он знал это лицо. В этом не может быть сомнений...

Элдия выступила на свет, так что он увидел и ее. Теперь киммериец понял, где он видел эту красавицу с волосами, как крылья ворона: это была Элдия в образе зрелой цветущей женщины. Но она слишком молода, чтобы быть матерью Элдии, значит, она...

— Ты ее сестра. — Конан высказал свою мысль вслух, как только она пришла ему на ум.

— Правильно, — ответила юная женщина. — Я пришла, чтобы забрать мою девочку у негодяев, которые украли ее из отчего дома.

Конан пожал плечами и безмолвно повеселился, глядя на эту серьезную юную красавицу.

— Лично я никаких детей не крал, — заявил он. — Мне показалось, что Элдия путешествует вместе с Витариусом вполне добровольно.

Женщина бросила взгляд на выход со двора, затем снова перевела его на Конана и подняла свой кинжал немного выше. Конан увидел, как побелели ее пальцы, когда она стиснула рукоятку.

— Она кричала, когда ее волокли в темноту. Мой отец был убит, и мать мою постигла та же участь. Но прежде чем умереть, мать открыла мне, что Элдия — другая, что у нее есть братья и одна сестра, мои сводные братья и моя сводная сестра, о которых она нам никогда не рассказывала. Она взяла с меня клятву, что я при любых обстоятельствах найду Элдию и спрячу от тех, кто хочет использовать ее в своих грязных целях.

Конан поглядывал на Элдию, которая искренне сочувствовала тому, что говорила ее сестра.

— Витариус — он тоже из этих мерзавцев?

Элдия покачала головой:

— Нет, но...

— Довольно, хватит, Элдия, — прервала ее сестра. — Ты не обязана ничего объяснять этому... этому варвару.

— Но кто-нибудь должен разъяснить все и мне, — спокойно сказал Конан. — Я сыт по горло. Меня выставляют дурачком в игре, которую затеяли вы с Витариусом. Сейчас мы пойдем к этому простому «фокуснику», и пусть он расскажет нам всю историю полностью, с деталями и подробностями.

— Нет! — сказала женщина. — Мы идем домой.

— Сначала я получу удовлетворительное объяснение тому, что на меня среди бела дня нападает какой-то гнусный демон, — заявил Конан. В нем закипала злость.

— Нет, — повторила сестра Элдии и направила клинок в сторону Конана. — Исчезни, или я проткну тебя насквозь и брошу твой труп крысам.

Конан безмолвно подскочил к женщине. Он схватил ее за запястье прежде, чем она успела приступить к исполнению своей угрозы, и так сильно дернул ее руку вниз, что женщина с криком боли выронила кинжал.

Внезапно двор словно ожил. Маленькие существа зашмыгали по отбросам и поленьям. Стало отчетливо слышно шуршание сотен крошечных ножек. Конан увидел, что земля и стены зашевелились, словно по ним прокатывались волны.

— Кром!

Он выпустил женщину и сделал шаг назад. Быстро и ловко вытащил он меч. Но врага не увидел. Что-то коснулось его сапога. Горящими глазами он уставился на то, что было внизу.

Саламандра. Животное размером со средний палец его руки решительно карабкалось по его сапогу. Конану верилось во все это с трудом. Обычно ящерики, завидев человека, тут же удирали прочь, однако, судя по шороху, их в этом заднем дворе было около сотни. Как они здесь оказались?

— Остановитесь! — промолвила Элдия.

В то же мгновение шуршание маленьких лапок стихло. Саламандра застыла на сапоге Конана, словно превратившись в каменную статуэтку.

Элдия посмотрела на свою сестру.

— Конан дважды спасал мою жизнь, — сказала она. — А Витариус — он тоже хотел мне помочь. Мы должны дать ему возможность получить все объяснения. — Она кивнула Конану. — Да и тебе, сестра, нужно послушать то, что скажет Витариус, прежде чем мы вернемся домой. Если бы демон не нагнал на меня столько страха, я попросила бы тебя остаться.

Элдия сделала знак саламандре, сидевшей на сапоге Конана: — Прочь!

Ящерица послушно сползла вниз и исчезла. В ночном воздухе был слышен шорох — саламандры уходили. Затем снова воцарилась тишина.

Конан уставился на Элдию.

— Ну что, идем? — спросила она спокойно. Сестра девочки и киммериец переглянулись и кивнули. Но

Конану все это не понравилось. Решительно не понравилось.

— Чурбан! — орал Совартус. — Дубина! Головешка! Дать обыкновенному человеку себя изувечить!

Дивул стоял, вытянувшись, в центре пентаграммы и внимал волшебнику.

— О нет, чародей из рода чело­веков, это был не обыкновенный человек! За тысячу лет я сотни раз бился с людьми не на жизнь, а на смерть. Их кости давно истлели в гробницах, рассеянных по белому свету. Никогда еще я не бывал побежден в такой битве. Но этот совсем другой, чем остальные. Да и кроме того, его поддерживали магические силы, иначе я одолел бы его, невзирая на всю его мощь и ловкость. Мы столкнулись с кем-то из Белых, Совартус.

— Витариус! — Голос Совартуса был полон жгучей ненависти.

— Я не знаю его имени, но он направил на меня силы Огня, а этого я не вынес.

— Будь ты проклят!

— Поздно браниться, волшебник! Но не все еще потеряно. У меня есть сестра, ведьма в облике женщины, которая имеет в городе немалое влияние — в том городе, где скрывается наша дичь. Вы получите этого ребенка. А я — человека, который поступил со мной вот так.

Дивул поднял правую руку и посмотрел на обрубок, из которого уже начала расти новая кисть.

Из недр замка Слотт донесся крик, предвещающий нечто ужасное...

Глава шестая

Вокруг четверых посетителей, занявших столик возле камина в харчевне «Молоко волчицы», мгновенно образовалась пустота. Конан подозревал, что многие из тех, кто глазел по сторонам, тщательно избегая встречаться взглядом с ним и его спутниками, побывали на выступлении Витариуса. Их нервозность не раздражала киммерийца. Он и сам чувствовал себя не вполне уютно в обществе людей, занимающихся чародейством. Злые

искры в глазах Конана вспыхивали уже реже, но отнюдь не исчезли, когда он принялся слушать рассказ Витариуса.

— ...Элдия — одна из Четырех. Их мать — она твоя мать тоже, — Витариус указал носом на молодую женщину, сидевшую напротив Конана, — была заколдована одним могущественным чародеем, когда она понесла от него.

— Ты хочешь сказать, что у меня был другой отец, не тот, кого я знала всю мою жизнь?

Элдия смотрела на волшебника острее и жестче, чем этого можно было ждать от девочки ее лет.

— Да. Твоей матери было позволено оставить себе только одно дитя из четырех. Вашего отца звали Огистум из Серого Круга. Остальных детей он забрал, чтобы поместить их в разных концах света.

— Зачем? — Конан, Элдия и молодая женщина — она называла себя Кинна — спросили в один голос.

Витариус вздохнул и потряс головой.

— Это очень трудно понять. Огистум открыл одно древнее волшебство. Он нашел руны, происхождение которых теряется в сером начале времен. Ему удалось расшифровать эти знаки, и с их помощью он постиг, как соединить живые души с четырьмя первоэлементами. Огистум был вовсе не плохой человек, только очень любопытный. Поскольку он принадлежал к числу Серых, он мог использовать свою магию как в добрых, так и в злых целях. Обычно он практиковал именно Белую Магию. Волшебство, связывающее человека со стихией, нельзя считать ни злым, ни добрым. Это зависит от того, как им воспользоваться. Огистум не имел намерения подчинить себе стихии. Он просто хотел посмотреть, в состоянии ли он совершить такое чудо.

— Откуда вы все знаете? — Голос Кинны звучал столь же сладко, как в ту минуту, когда она вышла из темноты навстречу Конану.

Старик помедлил мгновение и смочил губы вином, которое стояло перед ним на столе.

— Огистум имел двух учеников, — продолжал он. — Один из них был его родным сыном, второй имел довольно сносные дарования в области чародейства, но происходил из низшей касты. — Витариус

обвел глазами своих слушателей одного за другим. — Учеником из низшей касты был я.

Конан кивнул. Эта подробность биографии Витариуса его не очень удивила. В частности, здесь крылась разгадка победы старика над демоном.

Волшебник продолжал:

— Поскольку жена его умерла, Огистум нашел молодую женщину из числа своих домашних, дочь своего старого последователя. На ней он и испробовал древнее чародейство, когда она легла в его постель.

— Какой.. позор! — пробормотала Кинна.

— Я допускаю, что это можно воспринимать и так, — сказал Витариус. — По истечении положенного срока родилось четверо детей. Все они были наделены особой силой.

— Мне трудно во все это поверить, — прервала его Кинна.

Старик посмотрел на молодую женщину из-под полуопущенных век, как старая мудрая сова.

— А, в самом деле? Разве во время вашей жизни с сестрой вам не бросались в глаза некоторые ее.. особенности? Скажите, мерз ли кто-нибудь, если она рядом? Разве постель Элдии, даже в самые лютые зимние ночи, не остается теплой? Ну и кроме того, конечно, саламандры..

При последнем слове глаза Конана опять запылали. Ясное дело, девочка каким-то образом общается с этими созданиями. Конан поглядел на Кинну. Она кивнула, хотя все в ней сопротивлялось и не хотело верить.

— Элдия — одна из вершин Квадрата, — продолжал Витариус, — она — дитя Огня, Ткущая Пламя, повелительница огненных духов — саламандр. Ее сестра Атэна — дочь Воды, которой подчиняются ундины. Ее братья — Люфт, сын воздуха, властелин ветра, и Йорд, отпрыск Земли, повелитель вервольфов и троллей. Я ничего не хочу оценивать, я просто говорю то, что есть.

Что-то зашевелилось, заскребло на душе у Конана, как мышь. Что-то, о чем Витариус вскользь упомянул. Наконец он вспомнил.

— Вы говорили еще о втором ученике Огистума — том, который приходился ему родным сыном. Где он? Что с ним случилось?

Витариус кивнул, как будто ждал этого вопрос.

— С ним вы уже познакомились, правда, только косвенно. Он украл вашу лошадь.

— Совартус?

— Да. Он отравил своего отца и все эти годы провел в поисках детей, которых Огистум так заботливо спрятал. Совартус хочет владеть ими безраздельно. И теперь все они у него — все, за исключением Элдии.

— Огистум был неосторожен, как мне кажется, — высказался Конан и повертел в руке кувшин с вином. — Он мертв, и сын его почти достиг своей цели.

— Верно. Лишь Элдию мне удалось вырвать из рук его лазутчиков прежде, чем они успели передать ее чародею. В других случаях я приходил слишком поздно. С помощью тех троих он может оказывать влияние на три вершины Квадрата: Землю, Воздух и Воду. Если он сумеет заполнить Квадрат, он получит в свое распоряжение нечто более сильное, чем простая сумма его составных. Это будет настолько чудовищная власть, что даже боги могут оказаться бессильны.

Конан ерзал на лавке. Неожиданно он почувствовал себя очень неудобно. Во время разговоров о чародействе такое случалось с ним сплошь и рядом. Все эти шутки вообще не должны касаться простых людей.

Кинна склонилась над столом. Ее упругая грудь слегка коснулась тыльной стороны ладони Конана, но она не заметила этого, поглощенная разговором.

— И что вы намерены предпринять теперь, Витариус?

— Я должен защитить Элдию, помочь ей избежать когтей Совартуса. А потом мне предстоит найти способ освободить из-под его власти и остальных...

— И ты сделаешь это? — спокойно проговорила Элдия. — Ты можешь спасти моих братьев и сестру от нашего... нашего сводного брата?

Витариус покачал головой:

— Не знаю. Он принадлежит к Черным и располагает силами, которых у меня нет. Совартус применял в своей магии даже простую некромантию и призывал на помощь легионы мертвецов. И кроме того, он властвует над тремя вершинами Квадрата, а у меня

лишь одна. Боюсь, он сильнее меня. Я только могу попытаться. Большого я сделать не в состоянии — но и меньшего тоже.

Кинна откинулась назад.

— Хорошо! Я буду помогать вам, как сумею. Пока живет Совартус, Элдия в опасности. Мы должны уничтожить его. — Она посмотрела на Конана. — Что это с вами?

Киммериец скрестил на груди свои сильные руки и разглядывал молодую женщину. Она была чудо как хороша, но даже ее красота не могла заставить его сунуть голову в петлю магии и чародейства.

— Лично я иду в Немедию, — сказал он. — Здесь я задержусь ненадолго, только для того, чтобы заработать на более приятное путешествие. А меня обманули. Я не хочу работать на лгунов, особенно на таких, которые подставляют мою голову под удар, даже не предупредив заранее. И еще меньше мне нравятся те, кто балуется с чародейством. Я желаю вам успеха, но с этой минуты наши дороги расходятся.

Кинна сверкала на Конана глазами, но Элдия, как и Витариус, кивнула согласно. Волшебник сказал:

— Я не могу ни в чем вас упрекнуть, Конан. Вы были очень отважны, а мы отблагодарили вас неискренностью. Мы очень признательны вам за помощь и желаем вам всего доброго в вашем путешествии.

Конан хотел было встать. Витариус остановил его:

— Задержитесь еще на минутку! Мы вам кое-что задолжали. Здесь серебро за сегодняшний день и сверх того еще немного монет, которые вы тоже честно заработали. И поскольку на эту ночь я снял две комнаты, одна из них в вашем распоряжении.

Конан сунул деньги в кошелек.

— Хорошо, посплю сегодня в комнате. Уж это-то я заслужил.

Молодой киммериец встал и пошел по коридору к лестнице, которая вела в верхние комнаты харчевни. Позади был длинный день, и он устал.

Помещение было немногим лучше того, в котором Конан ночевал в прошлый раз, но и здесь вся мебель состояла из мешка с сеном, разложенного на потертом коврике. Оконные ставни открывались изнутри, так

что жильцы могли любоваться с третьего этажа городским пейзажем. В углу коптил огарок свечи, посылая к потолку столбики дыма. По крайней мере, крысы в постели не гнездились, как установил Конан. Он придавил фитиль, потом растянулся на соломенном ложе, пристроив рядом меч. Сон окутал его, как покрывало.

Прошло всего два часа, и Конан внезапно проснулся. Блестящие синие глаза варвара обвели темное помещение, но ничего не было видно. Чернота оказалась непроницаемой даже для острых глаз киммерийца. Он затаил дыхание, чтобы лучше слышать, однако уловил только шум ветра, пролетавшего за ставнями, и скрип старого ветшающего дома. Удары сердца гремели у него в ушах. Никакой явной опасности не наблюдалось, но Конан слишком доверял своему инстинкту, чтобы пренебречь этим неожиданным пробуждением. Он схватился за меч. Когда он ощутил под ладонью обмотанную ремнями рукоять, то почувствовал себя лучше.

Наверное, это все-таки был просто ветер, подумал он, снова укладываясь на тюфяк. Долгое время ничего не шевелилось в старом доме, и Конан опять уснул, крепко сжав пальцы на рукояти меча.

В замке Слотт было темно, и лишь в одном зале рассеянным желтоватым светом светила лампа. Ее сумрачные лучи падали на Совартуса. Узкие пальцы чародея жестоко сдавили плечо одного из троих детей, прикованных цепью к сырой стене. Фигуры чародея и его пленника были охвачены слабым сиянием. Через некоторое время сияние стало ярче, и наконец хлынул поток света. Нестерпимая вспышка резанула глаза. Когда Совартус почувствовал, как энергия мальчика перетекает к нему, он громко рассмеялся. Вот так-то!

Скрываясь в темноте, у стен харчевни «Молоко волчицы» стояла ведьма Дювула. Ветер развеивал ее черное шелковое покрывало. Она знала совершенно точно, что нужная ей девочка находится там, внутри, вместе со своим защитником Белого Квадрата. Чтобы выяснить это, ей всего-навсего потребовалось пустить в ход деньги. Пара вовремя врученных серебряных

монет способна сотворить среди людей чудо не хуже любого заклинания. Кроме девочки Дювула искала и того варвара, который изувечил ее брата-демона. Такой человек наверняка должен обладать горячим темпераментом и сильным, отважным сердцем.

Касалось дыхание ветра и приземистой фигуры Логанаро, который прятался позади отхожего места, выстроенного поблизости от той харчевни, где мирно спал Конан-киммериец. Он с нетерпением поджидал шестерых отъявленных головорезов, которых нанял, заплатив им золотом из богатой казны Лемпариуса. Шестерых будет довольно для того, чтобы одолеть молодого великана. А если несколько убийц при этом погибнут — плевать. Таково было мнение Лемпариуса, высказанное в ответ на доклад Логанаро о том, что Конан хочет расстаться со стариком, девочкой и какой-то неизвестно откуда взявшейся женщиной. Все было подготовлено в страшной спешке. Логанаро предпочел бы иметь побольше времени для того, чтобы подобрать себе команду, но ему пришлось довольствоваться тем, что имелось. Куда больше беспокойства причиняла ему мысль о гнев Дювулы, который обрушится на несчастного посредника, когда ведьма узнает, что он перебежал на другую сторону. То, что при этом у него не было выбора, никакой роли не играло. Этот жуткий страх лежал у него на душе тяжким грузом, и он прикидывал: где же может находиться Дювула в настоящий момент? И где, черт побери, эти проклятые головорезы шляются?

По темным улицам, беспорядочно застроенным домами, избегая света луны или чьей-либо свечи, скользила бледная тень. Собаки испуганно скулили, когда она проходила мимо. Быть может, их пугал запах существа, которое было слишком велико для домашней кошки — хотя оно, несомненно, принадлежало к породе кошачьих. В мыслях пантеры-оборотня звучал смешок, однако то, что срывалось с клыкастой пасти, ничуть не походило на обыкновенный смех. Собаки Морнстадиноса замолкали, слыша этот голос, словно боясь привлечь к себе внимание каким-либо звуком.

Но собакам-то как раз бояться было нечего. Хищник-оборотень интересовался совершенно иным — что

ему какие-то псы! Он получал наслаждение от дичи двуногой. А этого добра в городе полным-полно. Шестеро уже прошли в темноте мимо гигантской кошки, даже не заметив ее присутствия. Пантера пропустила их, потому что за лбом зверя таился ум человека, и этот ум отметил, что шестеро идут по делу, в котором заинтересован сам Лемпариус. И успех этого дела доставит ему радость совсем иного толка, чем еда.

Обычно крепкий сон Конана был в эту ночь беспокойным. Он метался по соломенному тюфяку, ворочался с боку на бок. Потом он опять проснулся, но, как и в первый раз, не мог найти ничего, что могло бы показаться ему тревожным. Приснилось что-то, подумал он. Когда он второй раз за эту ночь заснул, в ушах у него гудел шум ветра. Судя по всему, поднялась буря.

Глава седьмая

На улицах Морнстадиноса завывал ветер, и негде было укрыться от него. Смерчи подхватывали мусор и легкие предметы и крутили их в воздухе. Тяжелые капли дождя барабанили по черепицам крыш, и неосмотрительные пешеходы мгновенно промокали до нитки. Вспышки, яркие, как день, разрывали ночную тьму. Гром гремел, словно приглушенный голос разгневанного бога. Буря, которая не потрудилась заявить о своем приближении ломотой в костях предсказателей погоды, распахнула над городом небесные шлюзы и бушевала с тропическим размахом, что для этой местности было довольно редким явлением.

— Проклятье Митры на этот ливень! — сказал один из висельников, который прятался под выступом кровли дома, расположенного напротив харчевни «Мо-локо волчицы».

Двое или трое из той же милой компании с жаром поддерживали его мысль. Логанаро яростным взглядом заставил их замолчать.

— Вы что, ребята, — пироги с изюмом, чтобы бояться какого-то там дождика? — спросил он.

— Нет, — ответил предводитель шестерых, — но нынче скверная погода, господин, неподходящая для добывания денег. Даже крысы — и те сегодня не высовываются.

— Вот уж о крысах вам можно не беспокоиться, — проворчал Логанаро недовольным тоном. — Вам платят не за охрану этих очаровательных домашних животных, а за то, чтоб вы доставили мне человека, спящего вон там. — Логанаро показал на харчевню.

Головорез кивнул. Он носил кожаную повязку через глаз, а темные волосы свидетельствовали о заморанском происхождении бывалого авантюриста.

— Ясно, — произнес одноглазый. — Но мои товарищи и я — мы хотим перекинуться с вами еще парой словечек о нашем заработке.

Человек с повязкой говорил с сильным акцентом и уснащал свою речь обрывками международного воровского жаргона.

Логанаро уставился на него.

— Поговорить? Зачем?

— Да мы тут слыхали, что этот парень, которого мы должны повязать, подрался, оказывается, с красным монстром на пьянке у винодела.

— Ну так и что? Вы шестером уже наложили в штаны, испугавшись одного человека?

— Не-е... Не испугались мы. Но уважаем. Он, должно быть, быстрый, как дьявол, и сильный, как медведь. Если это так, то мы с корешами так решили, что повязать его будет трудновато. Такое дельце должно и оплачиваться получше.

Логанаро поджал губы.

— Ну и насколько «получше»?

Одноглазый осклабился, показав плохие желтые зубы.

— Ну, одна золотая кругляшка на рыло — это было бы как раз не кисло.

— Вот уж нет! Мы договаривались о двенадцати серебряных за это дело.

— Это когда было... Теперь нам бы по восемнадцать.

— Исключено. Может быть, добавлю еще по паре монет на нос — и все.

Одноглазый пожал плечами:

— Дождь, однако, холодный. Пойдем, ребята, поищем, где посуше. — И отвернулся.

— Две дополнительные монеты, — в бешенстве произнес Логанаро.

— Пять. — Бандит опять повернулся к Логанаро.

Логанаро подумал о человеке, которого видел убитым в подземельях сената, и глотнул. Сильные порывы ветра леденили ему спину, холодный дождь стекал за воротник. Торговаться ли ему еще с этими люмпенами? Мысль о том, чтобы потерять еще часть своих денег, была ему невыносима. Но все золото Коринфии будет ему без надобности, если он умрет и не сможет им воспользоваться. Он глубоко вздохнул.

— Ладно, пять монет сверху. После поимки варара.

Одноглазый снова показал гнилые зубы.

— Тип-топ, папаша.

На какой-то миг ярость бури улеглась. Логанаро махнул рукой в сторону харчевни:

— Вперед! Давайте!

Шесть человек помчались к харчевне, разбрызгивая лужи, которые к тому времени уже превратились в небольшие озера.

Пантера зарычала, но голос ее утонул в грохоте грома. мех зверя слился от дождя. Хищник чувствовал себя не слишком хорошо. В такую погоду его добыча отсиживается за крепкими стенами, надежно укрывшись от охотничьих набегов. Но и тех, кто не добрался до дома, нелегко выследить, потому что потоки воды уносили запахи следов. Бродить под штормовым ливнем было занятием, не способствующим ни чистоте меха, ни хорошему настроению.

Пантера прекратила охоту и помчалась к одному из многих укромных мест, заранее подготовленных для ночных вылазок Лемпариуса. Собственно, это была всего лишь хижина, где он прятал одежду, подходящую для сенатора-инкогнито.

Под прикрытием этой хижины странно тянулись и сокращались суставы и части тела пантеры, и постепенно хищник превращался в существо, на которое несколькими минутами раньше охотился, считая его своей законной добычей.

Гроз Конан не боялся, но проснувшись в очередной раз, он немедленно схватился за свой меч, потому что кроме бури, бушевавшей за стенами харчевни, услышал шорох в коридоре. Кто-то наступил на скрипучую доску.

Гибким движением варвар вскочил с тюфяка, откинул щеколду и рванул дверь. Один прыжок — и он стоит в коридоре с мечом в руке.

Перед ним вырисовывалась фигура, завернутая в тонкое одеяло. Кинна.

Конан опустил меч и воззрился на юную женщину. Одеяло закутывало ее почти целиком, оставляя открытыми только длинные ноги. Красивые ноги — насколько Конан разбирался в таких вещах. Сильные — что тоже весьма эффектно.

Кинна уловила его интерес и попыталась прикрыть одеялом ноги тоже. Но при этом открылась верхняя часть тела. Прежде чем она успела снова натянуть одеяло, перед глазами киммерийца мелькнула ее полная грудь.

Конан ухмыльнулся.

— Что ты потеряла в этом месте и в такое время?

— Я... я слышала что-то под моим окном. Какой-то странный шум.

— Мы находимся на высоте третьего этажа, — сказал Конан. — В высшей степени невероятно, чтоб кто-то шлялся возле твоего окна, Кинна. Это ветер.

Кинна кивнула. Мягкой волной упали ее черные волосы.

— И я так решила. Но не смогла заснуть. Вот и пришла сюда, чтобы...

Она остановилась и смущенно посмотрела себе под ноги.

— Чтобы — что? — с любопытством спросил Конан.

Кинна бросила взгляд на коридор, в сторону своей спальни, покраснела, но ничего не ответила.

Конан проследил ее взгляд и понял. Ну да, женщины! Как это можно находить вот такие ночные визиты чем-то постыдным — этого он никогда не понимал. У всех в равной степени могут возникать естественные потребности — зачем же от этого шарахаться?

Молчание затягивалось и становилось мучительным. Конан не испытывал ни малейшего желания

вступать в переговоры. Окончательно пробудившись ото сна, он разглядывал молодую женщину.

— Этот шум — он беспокоил также твою сестру и Витариуса?

— Нет. Эддия спит сном невинности и так глубоко, словно готовится уснуть навеки.

— Поскольку я уже проснулся, осмотрю-ка я на всякий случай твоё окошко и поищу, что же там так странно шумит.

Конан заметил в её глазах облегчение, которое быстро сменилось довольно-таки откровенным ехидством.

— О, нет! Вы не должны брать на себя столь тяжкий труд. Я ни в коем случае не хочу быть помехой вашему путешествию в Немедию, — сказала она колко.

Конан пожал плечами.

— Как хочешь.

И сделал шаг к своей комнате.

— Подождите! — Кинна коснулась его плеча. Рука у неё была теплая. — Простите меня! Я так грубо разговаривала с вами, а ведь вы этого совсем не заслужили. Эддия рассказала мне, как вы сегодня спасли её от грабителей, да и я сама видела, как вы встали между ней и демоном. Я не должна была злиться на вас за то, что вы не хотите больше рисковать своей жизнью ради нас, а предпочитаете идти своей дорогой.

Конан задумчиво смотрел на неё. Женщина, получившая хорошее воспитание. Рука её все ещё лежит на его плече, словно она позабыла её там.

— И мне будет ужасно приятно, если вы все-таки осмотрите моё окно. — Она улыбнулась ему. — А потом, может быть, исследуем ставни и в вашей комнате.

В первый момент до Конана не все дошло. Он чуть было не брякнул, что в его комнате со ставнями все в порядке. Но потом увидел улыбку Кинны и улыбнулся ей в ответ.

— С удовольствием, — сказал он.

Легким шагом Конан проскользнул мимо спящих Эддии и Витариуса. Кинна светила ему сальной свечкой. Он потрогал засов на ставнях. Все было на месте.

Он уже предвкушал поход в свою комнату вместе с Кинной.

— Держи ладонь перед пламенем, — шепнул он ей. Затем отодвинул засов, раскрыл ставни и посмотрел вниз, в дождливую ночь.

За короткий миг одна за другой сверкнули две молнии, так что варвар отчетливо увидел стены и низкие крыши домов. Насколько он мог разглядеть, на улицах все было спокойно, не считая, конечно, бури.

Он уже хотел прикрыть деревянные ставни, когда по стене харчевни что-то с силой забарабанило, словно целая толпа мальчишек швырнула пригоршни гальки. Острые осколки льда попали по рукам Конана. Он тихо выругался.

Кинна удивленно спросила:

— Что такое?

— Град!

Стук стал громче. Внезапный ледяной порыв ветра вырвал ставни из рук киммерийца.

— Глаза Бэла!

Конан высунулся наружу, чтобы схватить болтающийся ставень. Град избивал его немилосердно. Ему уже удалось вцепиться в один ставень, и он почти поймал второй, когда буря стала затихать и град прекратился. Только сильный дождь поливал улицы города. Тогда он услышал странный звук, отчетливо различимый в относительной тишине, наступившей после града. Сначала он принял его за отдаленный гром, но шум был слишком ровным и слишком долгим.

Кинна подошла к окну и встала рядом с Конаном.

— Что там случилось?

Конан покачал головой.

— Не знаю, — пробормотал он. Вспыхнула молния, и они увидели страшную картину: по городу мчался смерч, разрушая все, что попадалось ему на пути. Неистовый водоворот, казалось, надвигается прямо на харчевню.

В комнате зашевелились. Голос Витариуса перекрыл шум ветра и дождя:

— Что вы там увидели?

Конан молча указал ему вниз. Молнии больше не сверкали, но и без них все было хорошо видно. В глубине смерча почти непрерывно вспыхивали огни, желтовато-голубоватый свет которых был таким жут-

ким, что даже киммерийца передернуло. Он в жизни не встречал ничего подобного.

— Кром! — тихо вскрикнул он. — Сатанинский ветер!

Витариус выглянул в окно.

— Вы правы, этот ураган вызван к жизни не природой. Посмотрите, как ровно он движется! Ни один обычный смерч так себя не ведет. То, что мы видим, — дело рук Совартуса. Он развязал силы Воздуха и направил их против нас. Огонь нам здесь не поможет. Нам нужно бежать, иначе смерч утащит нас с собой.

Кинна быстро разбудила Элдию, пока Витариус, бросая в свою торбу все необходимое. Конан не выпускал из глаз столб смерча, который целенаправленно приближался к харчевне.

— Нам нужен погреб или подземный ход, — сказал он.

— Только не в этом случае, — возразил Витариус, вскидывая торбу на плечо. — Смерч просто остановится над нами и вытащит нас из норы, как кротов. Наша единственная надежда заключается в том, чтобы оказаться у него за спиной. Даже если Совартус повелевает стихией Воздуха, он не может изменить направление бури в считанные минуты.

Все четверо спустились по темной лестнице в общую комнату. Света двух коптящих масляных ламп было довольно для того, чтобы Конан сразу нашел выход.

— Здесь, вдоль стены! — приказал он.

В этот миг дверь распахнулась, и в харчевню вломились полдюжины молодцов. Все они были вооружены мечами и кинжалами. У одного из негодяев была с собой, кроме того, еще веревка. Их предводитель носил повязку через глаз, однако другим глазом он видел достаточно хорошо. Неожиданно он остановился и показал на Конана:

— Вот он, ребята! Избавил вас от труда бегать по лестницам!

В сумрачном свете ламп блеснули клинки, когда шестеро убийц приблизились и окружили Конана. Киммериец не стал предаваться долгим размышлениям и даже не задался вопросом, чем же он так не

угодил этим бравым парням. Он обнажил свой широкий меч и встал перед ними.

— Конан, у нас нет времени! — вмешался Витариус.

Конан зло улыбнулся, не отрывая глаз от своих противников.

— Я освобожусь так быстро, как только смогу.

Двое встали у двери, остальные окружили Конана. Варвар улыбался. Вот эта драка была ему по сердцу! Сталь и мышцы — и никакого чародейства! Он выбрал первую цель: человек с волчьим лицом, вооруженный коротким мечом. Конан не колебался ни секунды. Обими руками он плавно занес свой двуручный меч и опустил его. Волк тоже поднял клинок, но было слишком поздно. Удар Конана открыл на горле нападавшего зияющую рану, в которой был виден позвонок, и убийца, хрипя, упал на пол.

Второй напал на Конана сзади. Он поднял свой меч так высоко, что удар его должен был разрубить варвара пополам. Конан мгновенно обернулся, и оба клинка запели, когда сталь зазвенела о сталь. Внезапно Конан ослабил руку, и враг его потерял равновесие. Киммериец скользнул вперед и вонзил острие меча ему под ребра. Потом уперся сапогом в грудь своего противника и выдернул меч из тела, после чего резко повернулся, отражая нападение одновременно двух негодяев. Конан приготовился к прыжку. Лучше было нападать самому, прежде чем они опомнятся; четверо — худшее число противников, с которым он сталкивался за все свои многочисленные драки.

Харчевня зашаталась, словно ее начала трясти гигантская рука.

— Конан! Сатанинский ветер! — закричала Кинна.

— А... Я ранен! — заорал один из тех, кто охранял дверь. Этим он привлек к себе внимание тех двоих, что хотели наброситься на Конана.

Киммериец тоже взглянул в сторону выхода. Это Элдия нанесла убийце удар своим коротким мечом. От ловкости маленькой фехтовальщицы захватывало дыхание. Негодяй отчаянно защищался длинным кинжалом. На глазах у Конана девочка снова атаковала и нанесла своему противнику еще одну резаную рану.

— Проклятая девчонка! — взревел тот, шарахаясь к двери и налетая на своего товарища.

Витариус пытался пустить в ход какое-нибудь заклинание. Он бормотал себе под нос и размахивал руками, но без особого успеха. Во всяком случае, никакой пользы от этого киммериец пока что не видел.

Он снова повернулся к тем двоим и двинулся на них с твердым намерением отметить их тела своей острой как бритва сталью.

Один из разбойников был толстоват и потому медлителен. Толстяк закричал, пытаясь всадить свой меч Конану в бок.

И снова харчевня затряслась. С шумом ветра и грохотом боя смешались голоса, донесшиеся с верхних этажей. С криком радости Конан набросился на человека с повязкой через один глаз.

Логанаро стоял как вкопанный и смотрел на приближающуюся гибель. Никогда, ни в одном из своих многочисленных путешествий он не видел подобной бури. Ему было совершенно ясно, что она не может иметь обыкновенного происхождения. Но кто наслал этот чудовищный смерч и зачем? Эти вопросы теснились у него в голове, однако они быстро испарились под влиянием страха. С небес посыпались нечистоты, град жестоко избивал маленького жулика. Его банда убийц сама во всем разберется — если выживет. Не так варвар важен теперь, как какое-нибудь укрытие, потому что очень хочется пожить еще немного. Логанаро помчался прочь от вихря так быстро, как только мог. О том, что рассказать Лемпарису, он подумает позже.

Дивула была уже почти дома, когда увидела вызванный чародейством смерч, который мчался по лабиринту улиц Морнстандиноса, как кошка, бегущая за крысой. Ее искушенный в оккультизме глаз мгновенно уловил, чем в действительности является эта буря и кем она послана. Ведьма тотчас повернула назад и понеслась сквозь штормовой ливень, расплескивая лужи, обратно к харчевне. Если смерч, которым повелевал Совартус, захватит девочку, Дивула утратит бесценную возможность приобщиться к мировому господству. Да и кроме того, она думала о варваре с таким храбрым сердцем. Разумеется, послед-

ний был не так важен. Логанаро нашел для нее еще одного кандидата, но она не вполне доверяла суждениям посредника. Человек, который отрубил руку демону и остался после этого в живых, должен быть чем-то выдающимся. Но главным объектом интересов Дивулы все-таки оставалась девочка.

Следом за разрушительным вихрем бред, тяжело ступая, красный великан, надежно скрытый от человеческих глаз. Краснокожий и однорукий, он что-то бормотал себе под нос. Голос его разрастался, смешиваясь с громом:

— Ошибаешься, чародей, ошибаешься, если думаешь обмануть меня, лишить меня сладкой мести! Ты не найдешь других средств для достижения своих черных целей! Только я сумею поймать этого человека!

Стены харчевни «Молоко волчицы» вздыхали и стонали, словно предчувствуя свою скорую гибель. Входную дверь рвануло наружу с такой силой, что медные крючки, заросшие толстым слоем грязи, не сумели удержать ее на месте. Вывеска сорвалась со стены и закатилась в распахнутую дверь. «Готовый к прыжку» волк, наконец прыгнул. Вывеска удачно приземлилась на стол.

Конан загнал одноглазого в угол. Тот отчаянно дрался за свою жизнь. Тем временем Элдия своим маленьким, но очень опасным мечом отогнала второго разбойника от выхода. Сестра ее стояла рядом с кинжалом в руке. Заклинания Витариуса наконец сработали, потому что неожиданно закричал толстый бандит. Одежда на нем загорелась, и через несколько мгновений он рухнул на пол.

Витариус прокричал, стараясь, чтобы его услышали сквозь оглушительный грохот смерча, который подошел уже совсем близко:

— Конан! Бежим! Немедленно!

Вместо ответа киммериец набросился на одноглазого. Тому удалось отразить удар, но при этом он оставил голову неприкрытой. Конан немедленно сжал кулак и нанес ему удар в подбородок. Хрустнули кости. Разбойник сильно ударился о стену и уже в бессознательном состоянии соскользнул на пол. Конан отвернулся.

— Теперь бежим!

Витариус оставил толстяка гореть и с воплями кататься по полу. Элдия и Кинна отступились от своих противников, которые, впрочем, не сделали ни малейшей попытки их преследовать, когда обе сестры побежали к двери. Киммериец шел впереди с окровавленным мечом в руке.

На улице буря прижала их с такой страшной силой, что они не смогли сделать ни шага. Только Конан стоял прямо. Но и его силы не хватило на то, чтобы проташить против ветра старика и обеих сестер.

Витариус яростно жестикулировал. Слова, которые он произносил, тонули в вихре, но Конан понял, что хотел сказать старик. Им нужно пробираться вперед, используя в качестве укрытия здания.

Словно мухи, все четверо вжались в стену. Им удалось добраться до угла. Там Конан крепко схватил за руку Кинну. Та держала свою сестру, а девочка вцепилась в костлявую руку Витариуса. Ветер трепал эту цепочку людей, как осеннюю листву, гоняя их по улице. Они бежали так быстро, что Конан то и дело спотыкался. Он вспомнил о совете Витариуса и рванулся к подветренной стороне одного из храмов. Своих трех спутников он поволок за собой. Здесь они впервые перевели дыхание.

Следующее здание было наполовину разрушено ураганом. Конан указал на него и крикнул:

— Туда!

Они собрали все свои силы и побежали дальше, укрываясь за стенами домов и заборами. Дьявольский ветер слегка поменял направление и лишь коснулся «Молока волчицы». Конан посмотрел на бушующее творение злых чар, которое все время вспыхивало призрачными огнями. Он увидел, как ветер тащит наемных убийц и как они исчезают в пасти адского смерча. Вот тот, которого он убил, а вот и толстяк. Человека с одним глазом он разглядеть не мог. Зато он разглядел другое: теперь ветер собирался преследовать их. Но страха Конан не испытывал. Он бросил буре вызов. Во имя Крома! Ни одна буря не сравнится в ловкости с уроженцем Киммерии!

Ветер разворачивался. Буря медленно захватывала тяжелые грозовые тучи. Беглецов встречали развалины и руины, но Конан не выпускал из руки руку

женщины, и сапоги его ступали уверенно среди хлама, валявшегося на мостовой. Один раз Витариус оступился. Ветер был таким сильным, что струя воздуха стекала с теплого рукава Элдии, как флаг. К счастью, девочка держалась крепко, иначе ее унесло бы вихрем.

Ураган оставлял за собой опустошенные дома и разрушенные храмы. Балки ломались, как соломинки, и взлетали на воздух, словно копы, угрожая проткнуть все, что встретится им на пути. Одна из таких «стрел» пронзила толстый забор с такой легкостью, как будто она была сделана из стали. Смерч, казалось, тянул руки к своим жертвам. Все, что оказывало ему сопротивление, сдувалось, как крошки со стола. Такая сила казалась неодолимой. Но на самом деле ничто не сравнится с человеком, его силой и ловкостью. Когда Конан решил, что они убежали уже достаточно далеко, он повернулся и встал против ветра. После нескольких секунд, показавшихся Конану вечностью, ветер очутился на одной линии с ними. Еще мгновение — смерч прошел мимо.

Смерч остановился и попытался изменить направление. Затаив дыхание, Конан следил за ним. После бесконечной секунды смерч снова двинулся в путь, прочь от молодого киммерийца и его спутников.

Буря была побеждена. Неожиданно клубящиеся облака рассеялись, исчезла чернота, несущая уничтожение, и страшный призрак, сверкавший в темноте, пропал.

Глава восьмая

Конан увидел демона первым. Ветер постепенно стихал, облака расходились, из вышин погромыхивало и ворчало. Ураган прошел, и теперь лил обыкновенный дождь. Конан вел Витариуса, Элдию и Кинну по тропинке — вернее сказать, по просеке, которую смерч проложил в городской улице.

По следам урагана брел красный демон. Он заметил человека в тот же самый миг, когда человек обнаружил его присутствие. Несмотря на проливной дождь, киммериец разглядел, что лицо демона иска-

жено от ненависти. Конан выхватил меч. Чудовище помчалось к нему.

— Витариус! — вскрикнула Элдия, указывая на приближающегося монстра.

Старый волшебник обернулся и торопливо положил руку на голову девочки. Вторую руку он простер по направлению к демону.

Тот резко затормозил и остановился шагах в двадцати.

— О, нет! — громко произнес он. — Не жги меня больше твоим огнем!

Витариус заколебался и бросил взгляд на Конана. Киммериец качнул головой.

— Не надо, — сказал он. — Я думаю, он хочет что-то сказать. Пусть говорит.

Демон выпрямился по весь свой впечатляющий рост.

— Вам я могу спокойно доверить мое имя, — заговорил он. — Ведь вы принадлежите к Белым и не сможете использовать это знание мне во вред, даже в том случае, если бы я не принадлежал бы сейчас другому чародею, а был бы свободен. Я — Дивул.

На миг Конан опустил свой меч.

— Почему нас это все должно касаться, демон?

— Я послан найти тебя, оса, но и без приказаний моего господина твоя жизнь обречена. Ты кое-что задолжал мне. — Демон поднял обрубок руки. — Ты ранил меня так, как ни один человек до сих пор. Поэтому ты должен узнать имя того, кто отправит тебя в Серые Страны. Этот путь тебе предстоит совершать долго-долго, оса.

Витариус снова поднял руку, направляя ее на демона. Но Конан опять покачал головой.

— Нет, волшебник. У меня есть мой меч. Я не нуждаюсь в вашем покровительстве. Пусть он подойдет!

Конан пошире расставил ноги и крепко сжал обмотанную ремнями рукоять.

— Один раз я уже добрался до тебя, Дивун, сын преисподней. Иди сюда, я сделаю это вторично!

Конан страхнул с ресниц каплю дождя. Дивул посмотрел на Витариуса и Элдию, потом перевел взгляд на Конана.

— Я тебе не верю, оса.

— Волшебник не будет помогать мне, — повторил Конан и немного продвинулся вперед. Под его сапогами хрустнули какие-то осколки.

Дивун засмеялся:

— Уже многие Дети Ночи были погублены тем, что поверили слову человека. Сейчас не время и здесь не место. Но мы еще увидимся, оса. — Дивун бросил взгляд горящих красных глаз на Витариуса. — И тебя я еще повстречаю, Белый.

С грохотом, который вполне мог составить конкуренцию грому, Дивул исчез.

Дождь все еще шел. Конан обернулся к Витариусу.

— По-моему, я приобрел на свою голову врага.

— Это моя вина, — сказал Витариус.

— Мне кажется, ты приобрел больше, чем одного врага, — заметила Кинна, которая все еще смотрела на то место, откуда исчез Дивул.

Киммериец покосился на нее.

— Например?

— Люди, которые напали на нас в харчевне, когда мы хотели бежать. Они приходили убить тебя. Вспомни, что сказал тот парень с повязкой через глаз.

В памяти Конана всплыли слова: «Вот он, ребята! Избавил нас от труда бегать по лестнице!» Кинна права. Но... зачем им заплатили за его голову? Здесь у него не было врагов — за исключением этого Дивула, порождения преисподней. Демону он крепко насолил, что верно, то верно, однако было бы совершенной нелепостью предполагать, что демон нанял убийц. Кто же тогда послал этих людей? Эта загадка нравилась Конану все меньше и меньше.

— Может быть, нам лучше уйти с дождя? — предложил Витариус. — В сухом месте, под крышей, мы сможем обсудить наши дела лучше, чем здесь.

— Хорошо, — согласился Конан. Он все еще недоумевал.

Дивула видела, как ее брат ссорится с женщиной, прекрасным, словно на картине. Она улыбнулась. О, да, это, несомненно, то, что она искала. Не обращая внимания на дождь, она с нежностью рассматривала варвара. Какие у него стальные мускулы! И как великолепен гнев в его сверкающих синих глазах — вот сейчас, когда он стоит с мечом в руке против

Дивула. Это сердце оживит ее Принца лучше, чем любое другое.

Дивул исчез в геенне.

Ведьма скользнула назад, под прикрытие стены. До поры до времени не нужно показываться ему на глаза. Одно мгновение Дивула боролась с собой: так удобно было бы сейчас схватить их! Девочка, воплощение стихии Огня, светилась в тумане, как маяк, — по крайней мере, так выглядело это для того, кто умеет различать подобные вещи, например, для многоопытной ведьмы. И тут же был этот варвар с таким прекрасным телом. О, как она хочет заполучить его!

Быть может, улыбнулась ведьма, прежде чем вынуть его сильное сердце, она позволит этому человеку то, что разрешала прежде и иным смертным. Кто знает? В варваре должно было сохраниться что-то дикое, первобытное. Она могла бы его даже использовать... некоторое время. Так что во всех отношениях он весьма полезен.

Дивула встряхнула головой, словно отгоняя неуместные фантазии. Сперва ей нужно подумать о девочке. Она негромко рассмеялась. Почему бы ей одним ударом не убить двух зайцев? Если действовать осторожно, то обоих — мужчину и ребенка — она поймает одновременно. Правда, это будет непросто. Белый Маг уже доказал свое могущество на ее брате, и ведьма страшилась смотреть в глаза Дивула, когда он стоял перед стариком. Нет, ей нужно быть осмотрительной и применять хитрость там, где другие применяют силу. В голове Дивулы созрел план. План, для выполнения которого она использует свои уникальные способности...

Сенатор Лемпариус уже избавился от мокрой одежды и погрузился в горячую ванну, которую держали для него в постоянной готовности. Когда он скользнул в воду, теплые потоки закрыли его с головой. Запах распаренной мяты ударил ему в ноздри.

Один из его вооруженных слуг вошел и поклонился.

— Господин мой и сенатор, страшный ураган разрушил в городе множество домов и убил десятки горожан.

Лемпариус высунул плечи из приятной теплой воды.

— Ну и что? Что случилось, то случилось. Почему ты мешаешь мне принимать ванну?

Бессердечие сенатора, казалось, совсем не смутило его слугу.

— Человек, принесший это известие, ждет снаружи — не найдется ли у вас минуты побеседовать с ним об одном происшествии, связанном с этой катастрофой.

— Отошли его прочь! — Лемпариус махнул рукой. Прохладный воздух ванной комнаты охлаждал его мокрую кожу.

— Как прикажете, господин. Но этот человек просил меня назвать вам его имя. Его зовут Логанаро.

Сенатор Лемпариус усмехнулся.

— А, это другое дело. Веди его сюда!

Когда слуга вышел, Лемпариус снова опустил в ароматизированную воду. Какая жалость, что кошки так ненавидят купание!

В покой вошел Логанаро. Он вымок до нитки и с ног до головы был залепан грязью. На его лице отражалось смешение крысиного лукавства и страха.

Сенатор приподнялся так, чтобы вода не попадала ему в рот.

— Где ты оставил моего варвара? Ведь ты поймал его?

— Ваше превосходительство, возникло одно затруднение...

— Затруднение? Об этом ни слова! На службе у меня всякие «затруднения» приводят к некоторому сокращению частей тела, если ты понимаешь, о чем я говорю.

Толстяк судорожно глотнул. Вода стекла с его седых волос.

— Но... но этого нельзя было предвидеть, господин! Поднялся страшный ураган как раз в тот момент, когда мои головорезы были готовы схватить этого человека. Харчевня, где он квартировал, разрушена, сметена с лица земли. С этим ничего нельзя было поделать!

Лемпариус сел и ткнул в него острым ногтем.

— Этим ты хочешь, вероятно, сказать, что ветер унес и мою добычу.

— Н-нет, ваше превосходительство. Только... моих людей. Каким-то образом киммериец и его друзья избежали этой участи.

— И где они теперь?

— Мои сыщики напали на след. Как только они их где-нибудь увидят, они тотчас сообщат.

Лемпариус снова расслабился и скользнул обратно в свою огромную ванну.

— Ну, так я не вижу никаких затруднений, кроме маленькой отсрочки. Как только варвар будет выслежен, ты его запросто схватишь, не так ли? Но позаботься о том, чтобы он как-нибудь не вырвался снова, Логанаро. В противном случае дело может дойти до упомянутого упрощения организма.

Логанаро перевел дыхание и кивнул. Его жирное лицо смертельно побледнело.

После того как посредник ушел, Лемпариус позволил себе улыбнуться. Потом он набрал побольше воздуха и опустил в воду так, что она покрыла его закрытые глаза и волосы.

Замок Слотт содрогнулся от вопля своего владельца.

— Проклятье! Пусть все погибнет! Клянусь Огнем Вечности, я сумею ее поймать!

Трое детей на железной цепи возле ледяной стены отшатнулись, как будто хотели скрыться от ярости Совартуса, вжавшись в камень.

Совартус смотрел на них с глубочайшей ненавистью, особенно на того мальчика, в котором была заключена стихия Воздуха.

— Ты посмел мне противоречить! — завопил волшебник. — Иначе ветер схватил бы проклятую девчонку и доставил бы ее мне. Этого я тебе никогда не забуду, можешь не сомневаться!

С этими словами Совартус оставил троих детей. В мыслях он уже перебирал новые способы достичь своей цели, бормоча на ходу:

— Где же, в конце концов, мой демон? Если он не в состоянии схватить девчонку, он должен, по крайней мере, следить за ней! А куда я дел мои метательные шары? Ах, черт! Чтоб Черные Души все побрали!..

Хижина служила для хранения и сушки мяса и рыбы. Она вовсе не предназначалась для того, чтобы

быть убежищем человеку. Но здесь было сухо, хотя и тесновато. Конан стоял под потолочными полками, на которых коптили рыбу, и мрачно смотрел на Витариса. Старик говорил:

— Я не знаю, кто послал наемных убийц, если они действительно были таковыми. Судя по отдельным их крикам, я предполагаю, что им было поручено не убить, а только поймать вас.

Конан тряхнул головой, отбрасывая с лица густые черные волосы.

— Звучит по-идиотски, — заявил он. — В этих краях меня никто не знает. Стало быть, и оснований ловить меня тоже нет.

— Может быть, старый враг? — спросила Кинна. Она пыталась зажечь огарок свечи. Искры, как падающие звезды, вспыхивали в темноте.

— Большинство моих врагов мертвы, — ответил Конан. — А живые... Ни один из них не возьмет на себя труд гнаться за мной из тех мест, где мы стали врагами.

Одна из искр попала на фитиль, который на миг загорелся и тут же погас. Конану показалось, что он слышит, как Кинна ругается, но она говорила очень тихо, и он не разобрал ни слова.

Элдия машинально протянула к свече указательный палец. Фитиль запылал сам собой. В свете маленького огонька на потолке и стенах хижины заплесали тени.

— С чего ты думаешь начать? — спросила Кинна. Вместо того, чтобы смотреть на чудом загоревшуюся свечу, она смотрела на Конана.

Он размышлял о том, какие возможности для него существуют. К тем, кто практикует магию, безразлично какую — черную, белую или еще какого-нибудь цвета, киммериец испытывал стойкое недоверие. Лучшее всего было бы покинуть этот город как можно скорее. Нумалия манила его.* Любому идиоту ясно, что никаких богатств ему не видать, если он ввяжется в битвы с демонами и чародеями, не говоря уж о безвестных личностях, которым не лень было нанять шайку головорезов.

* Нумалия — столица Немедии.

С другой стороны, Конан чувствовал, как в нем растет своего рода протест, — ведь ему посмели угрожать! Ну, у адского демона имеется причина для ненависти. Господину головорезов, которых он покромшил на куски, тоже есть о чем подумать. Но ведь Конан, в конце концов, вынужден был позаботиться о себе! Его вызвали на драку, его спровоцировали. Умный человек увидел бы здесь знак своих богов-покровителей, недвусмысленный совет уносить отсюда ноги. Но киммериец далеко не всегда бывал столь умен. Конан жутко злился на тех, кто причинял ему столько неприятностей. Люди, почитающие своим богом Крома, никогда не празднуют труса. Кром был суровым богом и лишь немного давал он людям; он был жесток, мрачен, он приносил смерть. И больше всего Кром ненавидел трусов. Он вливал мужество и волю в жилы человека, как только тот появлялся на свет. Если же воин бежит от опасности, безразлично какой, — Кром не станет ему помогать.

Конан посмотрел на трио возле свечи. Его целью была Немедия, это несомненно. И никакой волшебник не в силах его задержать. Но здесь у него оставалось еще несколько дел, и он не уедет, не разобравшись с ними.

Они ждали, что скажет Конан. Наконец он заговорил.

— Мне кажется, что мы связаны уже давным-давно, — сказал киммериец ворчливо и обратил взгляд на Витариуса. — Я так понимаю, у вас имеется какой-то план, как нам победить наших общих врагов.

Старый волшебник улыбнулся:

— В определенной степени, да, Конан.

Глава девятая

Логанаро стоял перед неразрешимой загадкой: где спрятался варвар? То, что он наврал Лемпариусу, ничуть его не тяготило. В конце концов, он же видел, как Конан выбежал из разрушенной харчевни. Какая жалость, что не нашлось ни одного шпиона-добровольца, который полез бы за Конаном в смерч.

Вранье было просто элементарной мерой предосторожности. Логанаро использовал подобные меры сплошь и рядом, поскольку часто имел дело с сильными мира сего. Каким-то образом Конану удалось остаться в живых. А выследить его — это дело времени и техники. Если бы у Лемпариуса возникло хотя бы подозрение, что Логанаро мог выпустить варвара из виду, то разговор вполне мог принять несколько иное направление — с уклоном в сторону «упрощения». Логанаро точно знал, что означало это выражение в устах сенатора.

Этим серым утром маленький человек очень спешил. Ураган совершенно изменил облик улиц и дворов. Логанаро проложил себе путь к остаткам харчевни «Молоко волчицы».

Несмотря на то, что харчевне не довелось испытать на себе всю силу бури, опознать ее можно было с большим трудом. Деревянный каркас здания разлетелся на куски. Только одна стена, как последний часовой, несла вахту над грудой развалин. Логанаро почувствовал, что его тянет к этой стене. Он вообще не знал, зачем вернулся сюда. К его услугам была такая развитая сеть шпионов и соглядатаев, какой не имел в Морнстадиносе никто. Ему бы поискать глаза и уши, способные выследить Варвара. Но неизвестно, по какой причине его принесло на руины.

Многочисленные горожане, как оглушенные, бродили по развалинам в поисках своих друзей и родных или погребенного под обломками добра. Логанаро поглазел на них некоторое время, но потом нашел, что занятие это пустое. Он повернулся, чтобы уйти.

Из груди шебня послышался стон. Логанаро подошел поближе, влекомый любопытством. Из-под перевернутого стола появилась рука, которая цеплялась за остатки стены.

Несмотря на то, что Логанаро редко делал что-либо, не позаботившись предварительно о собственной выгоде, он наклонился и начал разгребать мусор и обломки, засыпавшие владельца руки. Вскоре после этого открылось и лицо человека. Это был одноглазый, один из нанятых Логанаро убийц. Логанаро помог ему выбраться из развалин. Заморанец казался невредимым, если не считать того, что подбородок его сильно опух.

— Что тут случилось? — спросил одноглазый с трудом, преодолевая боль.

— Кому же это знать, как не тебе?

— Я могу вспомнить только этого верзилу. Солидный парень, а? А где остальные?

— Смерч утащил их с собой. И это все тоже направила буря. — Логанаро ткнул жирной рукой в сторону разрушенной харчевни.

— И варвара он тоже уволок?

— Нет. Он и его дружки ускользнули.

Одноглазый провел рукой по распухшему подбородку.

— Стало быть, ты все еще разыскиваешь того мужика, ага. — Это не было вопросом.

— Разумеется. Плата будет повышена.

Логанаро не думал об этом до того мгновения, как выговорил вслух последнюю фразу. Нужно отметить, что он не испытывал ни малейшей потребности уже сейчас расставаться с жизнью. А деньги у него были. Он успел сколотить себе изрядное состояние из различных нерегулярных поступлений. Впрочем, к накопительству подвигала его не столько любовь к рискованным предприятиям, сколько страх отправиться к праотцам раньше времени.

— Тридцать золотых, — изрек Логанаро и сам удивился.

Одноглазого даже передернуло.

— Гм, симпатичная сумма! Звучит просто чарующе. Но тот, кто вздумает положить себе в карман эти кругляшки, должен сперва немного потрудиться. Двое или трое были уже убиты, прежде чем этот громила взялся за меня. Смерч утащил с собой больше трупов, чем живых. Парень, которого вы ищете, задолжал мне изрядно.

— Но живой, — заявил Логанаро. — Ты должен доставить его мне живым.

— Ясное дело, живым. Только немного попорченным.

Логанаро кивнул. По слухам, одноглазый был самой талантливой личностью в Морнстадиносе по части подобных дел. Ну и не повредит, конечно, и то, что у него появились свои счета с киммерийцем.

— Если ты доставишь его в течение двух ближайших дней, тебя ждет прибавка в пять золотых, — сказал Логанаро.

Одноглазый хотел было ухмыльнуться, но сдержался, поскольку его вынуждал к тому распухший подбородок.

— Порядок, благородный господин с деньгами. Получите вы своего варвара. Живьем.

— Я серьезно подозреваю, что кроме Совартуса и его верного кнехта демона кое-кто еще точит на нас зуб. Нам пока лучше не попадаться людям на глаза, — сказал Витариус.

Конан прислонился к штабелям сушеной рыбы и начал безрадостно жевать кусок солонины. Мясо было очень жестким и очень соленым. Он бы сейчас не отказался от глотка вина, чтобы смочить губы. «С тем же успехом я мог бы пожелать себе дворец в Шади-заре», — подумал Конан. Вслух же он произнес:

— В вашем плане я вижу несколько слабых мест.

Кинна сняла с кинжала своей сестры кусок сушеной рыбы и воззрилась на него с легким отвращением.

— Какие это слабые места?

— Наш магистр чародейских искусств предлагает покинуть этот город как можно быстрее, причем на лошадях и с хорошим снаряжением, и таким образом ускользнуть из логова льва. Прямой путь без всяких хитростей — это как раз в моем вкусе. Однако возникает вопрос: где мы все это возьмем? Или у нас есть золото и серебро, о которых я не знаю?

Конан посмотрел на своих собеседников. Все трое отрицательно качали головами.

— Я так и думал. И как мы, по-вашему, будем доставать хороших лошадей, сбрую, припасы? Вы можете все это наколдовать?

— К сожалению, нет, — ответил Витариус. — Белая Магия почти не приносит личной выгоды тем, кто ее практикует.

— Ну и зря. Если уж заниматься колдовством, так хоть чтоб польза какая-то была. — Конан поковырял в зубах кинжалом. — Мне так кажется, что мы с вами столкнулись с проблемой, разрешить которую помогут м о и профессиональные навыки.

Элдия отрубила мечом кусок сушеного мяса, подбросила в воздух и поймала раскрытым ртом. Она ела с удовольствием. Похоже, ей нравились сухари.

— О чем вы, Конан?

Конан ответил не сразу. Он приоткрыл дверь хижины, и в темное помещение хлынул свет утреннего солнца, ярко горевшего на синем безоблачном небе. Киммериец снова поглядел на своих собеседников.

— Скажите, кто самые богатые люди в городе?

Витариус задумчиво почесал щеку.

— Ну, торговец коврами Тонорес, несомненно, принадлежит к их числу. Стефанос из Пунта. И Лемпариус, сенатор. Зачем вам это?

Конан пропустил вопрос мимо ушей и продолжал допытываться:

— В каком виде эти люди содержат свое богатство? Золото? Ювелирные камни?

— Деньги Тонореса — это, главным образом, его товар. У него собраны ковры из Иранистана и даже из Замбабвей. Кроме того, он коллекционирует произведения искусства, большей частью статуи и картины. Стефанос — владелец недвижимости. По-моему, его состояние заключено в основном в кабаках, домах веселья и тому подобных заведениях, которым дьявольская буря вчера нанесла большой урон.

— А как дела у Лемпариуса, сенатора? Кто он вообще такой?

— Он — самый могущественный человек в Сенате. Во многих городах-государствах Коринфии власть сосредоточена в руках короля, однако Морнстадиносом управляет Сенат. Многие члены Сената — богатые люди, но Лемпариус, кажется, богаче всех.

— Где он хранит деньги?

— Говорят, у него необычайно роскошный дворец. Еще он питает слабость к магическим и механическим безделушкам, которых у него накопилось на огромную сумму. И кроме того, я уверен, что в тайниках он прячет несколько мешков с серебром и золотом.

Конан расцвел улыбкой.

— То, что нужно!

Кинна выплюнула на пол косточку.

— Почему тебя интересует это, Конан?

Конан поглядел на молодую женщину. Даже гнусная обстановка склада не могла повредить ее красоте.

— Почему? Потому, Кинна, что нам нужны лошади и снаряжение. Потому что у нас нет ни времени, ни сил на то, чтобы честно заработать денег и купить все это.

Элдия сообразила раньше, чем ее сестра.

— Ты хочешь сказать, мы должны...

— ...обокрасть сенатора, — завершил Конан. — Разумеется, малышка. Именно это мы и сделаем.

Среди основных умений ведьмы было одно заклятие, которое позволяло создавать невидимые волшебные нити, очень длинные и прочные. Когда Дювула увидела, что прекрасный варвар вместе со своими друзьями скрылся в хижине, она прибегла именно к этому знанию. С большими предосторожностями натянула она нитку поперек порога хижины и закрепила ее с обоих концов. Когда обитатели склада солонины покинут его, нить потянется за ними, растягиваясь все больше по мере того, как они будут удаляться от порога. Хозяйке заклятия останется просто проследить, куда ведет светящаяся линия, невидимая для тех, кто не обладает магическими способностями. Существовала вероятность, что нитку обнаружит старый волшебник, но эта опасность была сравнительно невелика. Заклинание было таким простым, а действие нити настолько внешне безобидным, что чаще всего никто ничего не замечал даже в тех случаях, когда его специально пытались обнаружить.

Сделав все необходимое, Дювула поспешила домой. Для реализации ее нового замысла требовалось несколько большее количество предметов, чем то, что она постоянно имела при себе. Если заклятие сработает, она всегда сможет вернуться к нити и дожидаться возможности побыть со своим прекрасным варваром наедине. И тогда он сам передаст девочку в руки Дювуле. При этой мысли она просияла.

Некоторую опасность представлял старый волшебник. Черноволосую женщину тоже необходимо удерживать от варвара на расстоянии. Но риск невелик, а успех сулит блестящие перспективы!

Оказавшись у себя дома, Дювула быстро скинула одежду. Теперь она, обнаженная, стояла перед полированным магическим заркалом. Нагота была необходимым условием большинства ее заклинаний. Дювуле

это давно уже не мешало. Напротив, она наслаждалась прикосновением свежего воздуха к голому телу. Шелковистая кожа — одеяние, данное самой природой, — была для ее чародейства куда более уместным платьем, чем любая одежда, сшитая людьми.

Витариусу была известна еще одна харчевня, которая находилась в отдалении от разрушенного ураганом «Молока волчицы». Туда он и повел Конана и обеих сестер. Когда они покидали склад сушеной рыбы и солонины, Конану показалось, что он задел ногой паутину. Он обтерся, но ничего не увидел и скоро об этом забыл.

Даже в эпицентре разрухи люди ковырялись в развалинах в поисках своего добра. Повозки развозили щебень и упавшие балки. Четверо спутников стали свидетелями еще одного несчастья. Семь или восемь человек тянули канаты, привязанные к покосившемуся балкону, который был расположен под самой крышей. Балкон опасно наклонился на полуразрушенной стене. Конан понял, что они хотят таким образом опрокинуть остатки стены. Немного же они соображают в том деле, за которое взялись! Двое или трое находились прямо под тяжелым балконом. И если он обвалится...

Прямо на его глазах балкон рухнул. Один рабочий успел отскочить в безопасное место, другой оказался менее проворным. Балкон придавил несчастного к земле, так что он остался лежать под ним, как змея под сандалией. От боли человек закричал. Остальные тут же попытались поднять балкон, но с проклятиями отступились, поскольку сил у них не хватало. Дело казалось безнадежным.

Конан рванулся на место происшествия так стремительно, что люди шарахнулись в стороны, явно принимая его за бандита.

Киммериец не удостоил их внимания. Он присел, подsunул свое крепкое плечо под край упавшего балкона и уперся грудью в дерево. Потом пошире расставил ноги и попытался встать. Жилы на его руках и ногах натянулись, как канаты, мышцы зашевелились, словно под кожей забегали дикие звери. Балкон не сдвинулся с места.

Конан схватил его покренче, глубоко вздохнул и коротко, гортанно вскрикнул. Молодой великан напрягся так, что его каменные мышцы задрожали, и встал. Затем разжим движением он отшвырнул балком в сторону от попавшего в беду человека.

— Другой раз будь повнимательнее, — сказал Конан, встряхнувшись и расправив плечи. — Я не каждый день буду проходить мимо.

После чего отвернулся и направился к своим друзьям, которые смотрели на него в изумлении. Кинна первой нарушила молчание:

— Клянусь Митрой! Человек не может быть таким сильным!

Конан усмехнулся.

— Почему же не может? Только потому, что я поднимал эту штуку? А что, в тех краях, откуда ты родом, не водятся мужики?

Голос Кинны был полон восхищения:

— Таких, как ты, — нет.

Конан расплылся в самодовольной улыбке. Да, работенка была для настоящего мужчины. Быстрота реакции, физическая сила — и вот уже все женщины (как и все мужчины, впрочем) затаили дыхание...

Киммериец ощутил нежное, как дуновение ветерка, прикосновение к ноге, там, где штанина задралась над сапогом. Но когда он бросил туда взгляд, то ничего не увидел.

Харчевня «Куращая кошка» была сработана по тому же образцу, что и «Молоко волчицы». Такие же лавки и столы, даже прислуга такая же. Однако посетителей здесь собралось не так много, поскольку дел хватало и на улице. Конан и его спутники заняли место у стола и заказали завтрак с кувшином вина.

— Мы можем спокойно выложить все деньги, какие у нас есть, — заявил киммериец. — Скоро у нас будет намного больше.

— Обокрасть богача — это, наверное, очень опасно, — предположила Элдия.

Конан улыбнулся девочке.

— Конечно. Но у меня есть... известный опыт в подобных делах.

— Владения Лемпариуса обнесены высокой стеной, — сказал Витариус.

— Стена, на которую не может забраться киммериец, еще не создана человечеством, — сообщил Конан и одним махом осушил свой кубок.

Кинна посмотрела на него с любопытством и, наконец, сказала:

— Почему ты такой сильный, такой ловкий, Конан?

Он небрежно пожал плечами.

— Киммерия — страна скал. Часто высокие горы преграждают путь. Приходится оттаскивать в сторону валуны, некоторые попадаются тяжелые. А что до моей ловкости... ну, мужчина учится выживать.

— И как мы осуществим это... э-э-э... заимствование ценных предметов? — спросил Витариус.

— Не мы, волшебник, а я! Я предпочитаю работать в одиночку. Вы уже сегодня можете начинать поиски припасов. Утром я вернусь к вам с деньгами, чтобы это оплатить. Очень просто.

Конан поднес к губам второй бокал и опять улыбнулся. Вот такая жизнь ему более чем по вкусу! Он сделает то, что задумал, и никогда больше не попадет в эту запутанную сеть чародейства, которую так ненавидел.

Ведьма Дювула тихо посмеивалась, идя по следу светящейся нити, которая вела прямо к ее добыче. Скоро, очень скоро все они будут в ее власти!

Одноглазый негодяй в злобной усмешке оскалил зубы при виде того, как варвар опустошает третий кубок вина. Отлично. Чем сильнее напьется этот тип, тем лучше! Сначала одноглазый думал привести с собой компанию висельников, но когда он увидел варвара, в нем поднялась мощная волна ненависти, которая мгновенно затопила все разумные мысли. Нет! Он нанесет удар в тот момент, когда враг меньше всего будет ожидать нападения. И тогда он хорошим ударом лишит его сознания и будет топтать и бить бесчувственное тело, пока не утихнет жгучая жажда мести. Да, только так! Совсем один! Это прольет бальзам на раны истерзанной гордости. Никто еще из тех, кто оскорблял одноглазого, не уходил от страшной расплаты. Никто!

Конан решил поспать несколько часов, чтобы приступить в своем ночному предприятию свежим и отдохнувшим. Пока остальные занимались подготовкой к завтрашнему путешествию, варвар поднялся по лестнице к тем двум комнатам, которые они сняли на эту ночь. Апартаменты как две капли воды были похожи на те, что они видели в «Молоке волчицы». Конан запер за собой дверь на задвижку. Затем растянулся на тюфяке и мгновенно заснул.

Дювула вошла в харчевню и поднялась по ступенькам. Волшебная нить исчезала за дверью одной из спален. Кто-то из тех, кого она разыскивала, находился там, внутри. Было, очевидно, очень важно застать симпатичного варвара наедине. Если рядом с ним окажется какая-нибудь другая женщина, в колдовстве будет очень мало проку. Как же выяснить, с кем он там?

Тут ей в голову пришла идея. Дювула быстро сбежала вниз и нашла мальчика, убиравшего со столов.

— Не хочешь ли заработать пару медяков, малыш?

— С удовольствием, госпожа. Кого мне убить ради вас?

— Так много я вовсе не потребую. Тебе нужно только постучать в ту дверь, которую я тебе покажу, и уточнить, сколько человек находится в комнате. Скажешь им просто, что должен поменять постель.

Дювула дала мальчику медную монету и пошла за ним наверх. Показав ему дверь, она опять спустилась. Мальчик быстро вернулся.

— Ну что?

— В комнате только один постоялец, госпожа. Кажется, у него плохое настроение. Он сказал, что наделает во мне лишних дырок, если я осмелюсь еще раз беспокоить его из-за такой ерунды.

— Как он выглядит, мой мальчик?

— Великан такой, госпожа. Варвар.

Дювула улыбнулась и протянула мальчишке пригоршню медных монет.

— И никому ни слова, договорились?

— Конечно, — заверил ее мальчик. — Иначе хозяин отнимет у меня деньги быстрее, чем муха отыщет коровью лепешку.

Когда Дювула осталась в коридоре одна, она извлекла из-под своего шелкового плаща флакон, закрытый пробкой и залитый воском. В прозрачном стеклянном сосуде булькала жидкость, слегка светившаяся, как фосфор. Она вынула пробку и плеснула немного жидкости на порог. Поднялось густое облако желтого дыма. Колдунья поспешно отпрянула.

Внезапно Конан проснулся. Что-то здесь было не то... Станный запах ворвался в его сон. Он сел и уставился на дверь. При свете, сочащемся сквозь неплотно прикрытые ставни, он увидел, как в комнату вползает желтая полоса тумана. Он потянул носом и чихнул, когда едкий дым проник в легкие. Харчевня горит, что ли? Нет, такого запаха он еще не встречал. Никакая харчевня не дымит во время пожара так ядовито...

Неожиданно в нем вспыхнуло сильное чувство, не имеющее ничего общего с любопытством. Ему казалось, что он сейчас треснет от желания.

Кто-то постучал. Женский голос позвал:

— Открой же мне, мой прекрасный варвар!

Конан смешался. Голос звучал призывно и, разливаясь теплой патокой, сулил невиданное блаженство. Вожделение стало разгораться. Конан шагнул к выходу, отодвинул засов и раскрыл дверь.

Перед ним стояла женщина, с головы до ног закутанная в темно-синий шелковый плащ. Пока киммериец смотрел на нее, женщина откинула своими белыми руками капюшон, скрывающий лицо. Во имя всех богов! Она была изумительно хороша! Огненно-рыжие волосы, белоснежная кожа, рубиново-алый смеющийся рот.

— Мне придется стоять в коридоре, на сквозняке? — спросила она.

Помедлив, Конан сделал два шага назад. Женщина пошла за ним, легко ступая по полу. Тихо закрыла она за собой дверь и улыбнулась ему. Одно мгновение она стояла неподвижно, затем ловким движением руки расстегнула плащ и отбросила его. Под синим шелком было нагое тело.

Конан закусил внезапно пересохшие губы. Митра! Какая женщина! Фантастическая женщина! Ноги, грудь — великолепная фигура!

Таинственная незнакомка протянула ему руки.

Желание стало непомерным. Он схватил женщину сильными руками, прижал к себе и поднял. Он чувствовал ее острые ногти, царапавшие ему спину, но это было ему безразлично. Мир перестал существовать, в целой Вселенной не было ничего — ничего, кроме наслаждения, которое обещала киммерийцу эта незнакомка!

Мальчик показал на дверь спальни.

— Вот комната, которую вы ищете, господин.

Одноглазый бросил мальчишке серебряную монету. Он не скупился: ведь скоро он будет на тридцать пять золотых богаче — так много ли значило для него какое-то серебро? Он подождал, пока мальчик уйдет. Потом скользнул к двери, за которой скрывался ненавистный варвар. Жажда мести — жаждой мести, а осторожность не помешает.

Когда одноглазый приложил ухо к двери, она слегка шевельнулась. Не заперта! Черная рука Сэта! Он ухмыльнулся. Варвар совсем идиот, он не запер дверь! Это и решит его судьбу. Очень тихо одноглазый обнажил свой меч.

Из комнаты донесся приглушенный стон. Одноглазый замер и склонил голову набок. Это еще что такое? Звучит так, словно...

Негодяй широко улыбнулся. Ах, ну что за удача! Азура улыбалась ему. Варвар сейчас вообще ничего не замечает. Можно входить свободно, поскольку его враг занят сейчас... совсем другим. Одноглазый набрал в грудь воздуха, поднял клинок и распахнул дверь.

Конан не понимал, почему он внезапно ощутил эту похоть и почему вдруг появилась женщина, которая явно была полна решимости удовлетворить его желание. Справедливости ради нужно заметить, что он не слишком ломал себе над этим голову. Но когда в комнату вломился человек с поднятым мечом, Конан мгновенно пришел в себя. Чары, наведенные на него, моментально исчезли.

Женщина забилась в руках киммерийца, увидев выражение его лица.

— Что?..

Она обернулась и, проследив взгляд Конана, тоже заметила человека с мечом в руках. Конан грубо отшвырнул от себя обнаженную женщину.

— Ты, потаскуха, хотела отвлечь меня!

— Нет! — вскричала женщина.

Времени для дискуссии явно не оставалось. Конан покатился по полу, уворачиваясь от удара. Меч одноглазого перерубил тюфяк, не задев киммерийца. Конан схватил свое оружие и вскочил на ноги. Он увидел лицо негодяя. Кром! Так это тот, одноглазый, с которым он дрался в харчевне во время бури!

За спинами разъяренных мужчин ругалась женщина, прибегая к таким выражениям, от которых покраснели бы и матросы. Киммериец злобно усмехнулся и сделал полшага вперед.

— Ты пришел за следующей порцией, приятель?

— Слякки уже пробил твой смертный час, варвар, — зарычал одноглазый. — Тебя хотят взять в плен живьем, но никто еще не оставался в живых после оскорбления, нанесенного мне! Так что считай себя трупом!

Конан растянул рот еще шире.

— Когда мы с тобой встречались в последний раз, я ухитрился выжить, — так что поглядим, чей смертный час пробил слякки!

Одноглазый сделал ложный выпад и описал клинком полукруг, намереваясь снести Конану голову. Тот не стал уклоняться, а вместо этого шагнул к противнику. Клинок бандита сцепился с мечом Конана и треснул. Одноглазый выругался.

Киммериец поднял меч, желая разрубить убийцу пополам. Но прежде чем он сумел ударить, тот вытащил из-за пояса короткий кинжал и попытался вонзить его в Конана. Киммериец успел отскочить, однако кинжал оставил глубокую царапину на его бедре. Кровь потекла на сапог.

Конан опустил пальцы в рану, поднял руку к губам, лизнул кровь и громко рассмеялся, увидев страх на лице одноглазого. Молниеносным движением руки он стряхнул кровь, целясь при этом в глаз своего врага.

Разбойник ругнулся и отпрянул. Конан обошел его слева. Одноглазый поднял кинжал, встречая меч киммерийца, но это ему не помогло. Конан безжалостно использовал промах своего противника, который имел неосторожность оставить брешь в обороне, и с криком вонзил свой меч в грудь одноглазого. Острие снова появилось на свет между лопаток.

— Будь проклят! — успел выговорить одноглазый, падая.

Сильно отклонившись назад, Конан вырвал свой меч из тела умирающего. Потом он обернулся. На стервятника можно было больше не обращать внимание. Он искал глазами женщину, которая навела на него чары.

Но та исчезла бесследно.

Хозяин взял на себя труд убрать труп и заменить окровавленный тюфяк. Когда он почтительно заглянул в комнату, Конан вручил ему серебряную монету — последнюю, что у него оставалась, — и велел держать вооруженную стражу сената на расстоянии хотя бы на несколько часов. За это время он уже смоется, и тогда пусть его ищут.

Вытирая клинок и заглаживая оселком царапины, Конан размышлял о нападении. Жаль, что они с той женщиной не успели завершить знакомство до того, как в комнату вторгся придурок с мечом. Появление одноглазого было, конечно, неприятным сюрпризом. Но и женщина, похоже, вовсе его не ждала. А раз так, то убитый висельник с ней никак не связан. Странно.

И все-таки! Она его заколдовала — возможно, с помощью пахучего дыма. Но если обольщение не было составной частью плана убийства, то к т о ж е тогда эта незнакомка? Все это было более чем неприятно. Киммериец до сих пор ощущал таинственный аромат колдовства, которому так не доверял. Здесь и в самом деле не место для человека чести, которого постоянно загоняют в липкую паутину, сотканную волшебниками, демонами и ведьмами. Чем быстрее он покончит с этим делом, тем лучше! Если все пойдет по плану, завтра утром он выедет на лошади через западные ворота Морнстадиноса. Ну и останется суший пустяк — заняться каким-то там злым волшебником, который засел в своем замке.

Конан тряхнул головой и снова погрузился в работу. Он чистил оружие.

Полная черного бешенства, сидела Дювула в своих покоях. Кто был этот одноглазый идиот? Он сказал, что должен изловить варвара живым, стало быть, его кто-то нанял. Но кто? Кто отваживается идти поперек ее пути, да еще так бесцеремонно? Этот человек будет глубоко несчастен, если Дювула в конце концов выяснит его личность. Смертельно несчастен!

Увидев труп одноглазого, Логанаро покачал головой. Этот кретин дорого заплатил за свое самонадеянное решение ловить варвара в одиночку. Но что же теперь делать ему, Логанаро?

Совартус повелительно взмахнул рукой.

— Иди и найди девочку и этого нечеловечески сильного парня! — приказал он Дивулу. — Я вызову тебя, когда ты мне понадобишься.

— С вашего разрешения, — произнес демон своим скрипучим голосом и исчез.

В столовой своего дворца Лемпарииус отодвинул от себя тарелку. Он самодовольно улыбался. Позднее, вечером, он будет есть кое-что другое.

Кое-что... Или кое-кого...

Глава одиннадцатая

Морнстадинос был окутан глубокой ночной тьмой. Конан приблизился к стенам, окружающим владения Лемпарииуса. Несмотря на повязку через резаную рану на бедре, киммериец двигался легко. Рана была неглубокой и не причиняла ему беспокойства. Он получал куда более скверные дырки в теле и все-таки оставался жив. Человек, нанеший ему эту рану, более не пребывал в числе живых. Небольшую боль Конан охотно брал в придачу к чувству глубокого удовлетворения по поводу гибели своего врага.

Стена была сложена гладкими гранитными блоками, скрепленными цементным раствором. Снаружи

этот раствор был аккуратно счищен. В высоту стена превышала рост Конана в добрых три раза. Киммериец негромко рассмеялся. Детская игра, подумал он, разглядывая трещины в кладке. Обыкновенному человеку стена показалась бы совершенно гладкой, но для киммерийца она была чем-то вроде лестницы. Если Лемпарииус возлагал основную надежду на высокие заборы, то он очень плохо защищен от непрошенных ночных посетителей.

Для того чтобы забраться наверх, Конану потребовалось всего лишь несколько минут. Наверху были насыпаны острые камни. Здесь можно опасно пораниться, если, конечно, быть полным болваном и не глядя прыгнуть на осколки. Конан снова ухмыльнулся. Будучи в состоянии забраться на стену, он мог предвидеть и шипы наверху. Наивные предосторожности строителей не повредили ему ни в малейшей степени. Он спускался по внутренней стороне стены, пока не оказался на высоте своего роста над землей. Тогда он прыгнул и легко приземлился.

Дворец находился на расстоянии ста шагов. Наверное, дворец — слишком уж громкое слово, подумал Конан. Конечно, дом был большим, но в то же время не таким уж великолепным по сравнению с некоторыми зданиями, которые он видел в Шадизаре. А с разрушенной Слоновой Башней в Арэнджуне этот дом вообще не идет ни в какое сравнение. Но если там, внутри, найдется то, что он ищет, тогда сойдет и такой.

Дом также был построен из камней, скрепленных раствором, счищенным так, что открывалась фактура камня. Не было ни рва, ни стражи у дверей, ни собак, ни птиц. Подобный расклад показался Конану весьма странным.

Конан отважно зашагал ко дворцу, надеясь смутить этим предполагаемого сторожа. Если его кто-то увидит, он успеет подойти достаточно близко, чтобы помешать поднять тревогу.

Но никакого сторожа на темном углу не было. Конан больше не обнаружил никаких укрытий для стражников или постовых. Он покачал головой. Этот Лемпарииус — просто подарок Бэла всем местным воюгам, подумал он. Просто удивительно, что на воротах еще не вывешена табличка с приглашением что-нибудь стяннуть.

Несмотря на то, что до сих пор никаких препятствий не встречалось, Конан не терял осторожности. Сперва он думал проникнуть в здание через главный вход, не мудрствуя лукаво, но потом отказался от этого намерения, справедливо считая такую наглость чрезмерной. Лучше не испытывать судьбу. Окошко — тоже вполне подходящая вещь.

Так как пока что все ему удавалось без труда. Конан начал искать незапертое окно. Его ожидания не были обмануты — ставни легко раскрылись, и он преспокойно забрался внутрь.

Киммериец оказался в кладовой, где хранилась в ожидании грядущих пиров битая дичь — насколько он мог разглядеть в слабом свете свечи из коридора. Вор ловко проскользнул между качающихся мертвых птиц, стараясь не задеть резко пахнущее мясо, и выглянул в коридор.

И снова киммериец улыбнулся. Пусто! Он расслабился. Такой человек, как владелец этого дома, просто заслуживает того, чтобы его обокрали. Наверняка это на редкость экстравагантная личность.

Конан шагнул в коридор. Он ступал на цыпочках, чтобы его не услышали. Эту меру предосторожности он принял автоматически. Незачем отказываться от полезных привычек только потому, что кража показалась тебе простой.

Коридор привел его в большое помещение с ванной, полной горячей воды. Пар оседал на стенах, и капли стекали вниз, образуя маленькие лужицы. Но где же обитатели этого дома? Возможное ли дело, чтобы все они спали, не выставив ни одного охранника? Какое безумие!

Конан прошел мимо нескольких открытых дверей. Он видел дорогую мебель и ковры, картины и скульптуры. В некоторых комнатах стояли механические приборы, но назначение их было ему неясно.

Наконец киммериец оказался перед запертой дверью. Он усмехнулся. Время! Он наклонился, чтобы получше рассмотреть замок, и расцвел. Такой замок откроет и ребенок. А Конан уже не ребенок. Он просунул острие кинжала между краем двери и косяком. Простой поворот клинка — и замок открыт. Дверь без всяких усилий распахнулась вовнутрь.

Конан дрихнул свечу из коридора и поднял ее,

вступая в комнату. Он остановился на пороге, затаив дыхание Кром!

Свет коптящей свечи упал на сокровища. Здесь стояли золотые статуэтки, украшенные драгоценными камнями, большей частью изображавшие кошек. Слоновые бивни, обитые спиралями из золота и серебра, лежали целой кучей. Инкрустированные доски столешниц, кожаные кошельки — без сомнения, набитые монетами, — громоздились в беспорядке повсюду.

Он достиг цели. Конан тихо притворил за собой дверь и поднял свечу повыше. Опыт прошлых краж научил его брать только те вещи, которые легче всего превратить в звонкую монету. Здесь валялись кошельки с деньгами, и это ему было очень на руку. Но если некоторые из этих кошельков набиты драгоценными камнями, то отказываться от них в высшей степени глупо. Конан вовсе не собирался проявлять чрезмерной жадности. Сотня-другая золотых монет и немного драгоценных камешков — как раз столько, чтобы хватило на покупку одной королевы (не больше), — и его потребности, можно считать, полностью удовлетворены. Он чуть было не расхохотался во весь голос. Какая досада, что он не пригнал сюда телегу! Меры по охране дворца столь убоги, что он мог бы незаметно нагрузить сокровищами повозку средней величины и вывезти ее за ворота.

Киммериец принялся исследовать кошельки. Один кожаный кошелек был туго набит золотыми монетами, другой был полон граненых изумрудов. Эти дорогие зеленые камни вор спрятал в свой собственный кошелек, решив приберечь их для себя лично. В следующем мешочке Конан обнаружил около шестидесяти серебряных монет. Он оставил их на месте. Слишком тяжело таскать, да и к тому же серебро по сравнению с остальными богатствами не слишком его прельщало.

Конан натолкал в большой кожаный кисет такое количество золотых монет, что тройные швы затрещали. И снова киммерийцу пришлось взять себя в руки, чтобы не засмеяться. Он поедет в Немедию не только с удобствами, но и как богатый человек. Теперь можно нанять целую армию, чтобы осадить чародея, захватившего в плен сестру и братьев Элдии. Или вообще купить своего личного мага — пусть сражается!

Киммериец хотел уже было уйти, когда взгляд его упал на предмет, которого он вначале не заметил. Небольшая вещица стояла у двери на резной подставке из слоновой кости. Конан остановился, желая рассмотреть странный прибор поближе. Это был шар в кубе, сделанный из золота или латуни. В чем-то конструкция казалась очень своеобразной, но Конан не мог сказать, в чем именно. Раз эта вещь стоит на таком дорогом пьедестале, она, несомненно, должна быть очень ценной. Конан поразмыслил, куда бы засунуть безделушку, потом пожал плечами. Нет, довольно. Хороший вор знает, когда остановиться.

— Умное решение, — слышался мужской голос. — Раз ты не знаешь, что такое Сторора и как к ней подступиться, она пропадет у тебя зря.

Еще до того, как фраза была закончена, Конан резко повернулся в поисках говорящего. Правой рукой он извлек меч из ножен, в левой сжал мешок с деньгами. Свеча упала на пол и погасла. Темнота окутала комнату, так что молодой киммериец теперь ничего не мог разглядеть. Хорошо! Если он ослеп, то и его противник в этом мраке не стал видеть лучше.

Голос зазвучал снова, и в нем проскользнула издевательская нотка:

— Если ты думаешь так легко от меня отделаться, то заблуждаешься. Я вижу тебя, и твоя участь решена, вор.

Вот это мы еще посмотрим, подумал Конан. С мечом в руке он двинулся к тому месту, откуда раздавался голос.

— Нет, так просто ты меня не найдешь.

Теперь голос переместился и звучал слева от Конана. Вор повернулся туда. Его глаза уже немного привыкли к мраку. Прямо перед ним на темном фоне вырисовывался плотный сгусток черноты; но он не был уверен в том, что это и есть его собеседник. Единственный лучик света пробивался из-под закрытой двери, и темное пятно могло быть просто слабой тенью.

— Смело могу утверждать, что ты — чужеземец, — сказал человек (или тень). — Потому что ни один житель Морнстадиноса не может быть обижен богами до такой степени, чтобы решиться обокрасть дом Лемпариуса.

Источник звука опять переместился на другое место.

Конан подумал о том, какими возможностями он располагает. Здесь он имел дело с человеком, который явно ориентировался в темноте лучше, чем это возможно. Кроме того, ему удавалось перемещаться так, что киммериец ничего при этом не слышал. У Конана была с собой добыча, и он видел полоску света там, где находился коридор. Удачливый вор — это тот, кому удается уйти вместе с награбленным. Именно это он и собирался сейчас сделать.

Конан прыгнул к двери.

Что-то мелькнуло, перечеркивая полосу света двумя темными полосами. Ноги, подумал он. И если эти ноги носят владельца таинственного голоса, то они принадлежат человеку невероятной быстроты. Конан не представлял себе, как можно было преодолеть расстояние между тем местом, откуда только что звучал голос, и дверью за считанные доли секунды. Варвар ударил мечом, чтобы разрубить пополам все еще невидимую фигуру. Меч скользнул в пустоту.

— Для идиота ты довольно проворен, — насмешливо произнес голос. — Но это тебя не спасет.

Конан не удостоил его ответом. Он принялся что есть силы крутить меч, отступая к двери. Сталь звенела в темноте. Пусть только невидимый собеседник попытается прорвать этот барьер!

Конану удалось добраться до двери. Он чувствовал спиной ручку. Что делать дальше? Все не так просто! Он не решался повернуться к невидимке спиной в этой темноте. Открыть дверь с тяжелым мешком в руке было довольно-таки сложным делом. Однако не вполне безнадежным. Но вполне возможно, что помощники хозяина притаились в коридоре и ждут, когда вор выйдет.

Конан тряхнул головой. Слишком много думать — вредно! Если все взвешивать да обдумывать, то есть шанс умереть от старости. К черту! Конан нащупал ручку, повернул ее и открыл дверь. Одним прыжком киммериец выскочил в коридор.

Никого. Конан засмеялся и помчался прочь. Позади себя он услышал шорох, но когда обернулся, то ничего не увидел. Еще один поворот — и он будет возле

кладовки, через которую проник в дом. Если он вырвется на волю, он побежит прямо к воротам, это быстрее, чем карабкаться по стене.

Едва свернув за угол, он остановился с проклятием. Его мощная грудь все еще бурно вздымалась.

В конце коридора дорогу ему преградили около дюжины людей, вооруженных мечами и пиками. Там не пройти. Он повернулся и помчался назад по тому пути, по которому пришел сюда. Лучше встретиться лицом к лицу с одним человеком, пусть даже в темноте, чем с дюжиной солдат, подумал он. Хорошо, что теперь за спиной у него ярко освещенный коридор. Сворачивая за угол, киммериец заметил, что эти люди за ним не гонятся. Непонятно почему, но это обеспокоило его куда больше, чем если бы они наступали ему на пятки.

В тридцати шагах от Конана стоял человек, и он был совершенно один. Высокий, белокурый, с очень белой кожей, он держал в руке лишь кривой нож. Меча у него не было. Он смотрел на Конана так спокойно, словно вышел на увеселительную прогулку.

Какое-то мгновение Конан хотел отшвырнуть его в сторону ударом меча и промчаться мимо. Но что-то в поведении этого человека заставило киммерийца замедлить бег и в конце концов пойти шагом. За три шага до спокойно стоящего человека Конан остановился и уставился на того, кто преградил ему путь. Он чуял запах опасности от того, кто преградил ему путь. Он чуял запах опасности и еще чего-то неестественного, такого, от чего волосы становились дыбом.

— Ну что ж, ты далеко не так глуп, как выглядишь, — сказал незнакомец. — Позволь представить. Я — сенатор Лемпарииус, владелец дома, который ты хотел обокрасть. Что скажешь, вор?

— Отойдите! — угрожающе произнес Конан. — Я не хотел бы убивать вас.

Лемпарииус рассмеялся, весело и пронзительно.

— Право, ты очень любезен! — Он подбросил нож, похожий на клык. Нож перевернулся в воздухе, и сенатор ловко поймал его. Презрительно посмотрел он на меч Конана. — Иди ближе и попытайся проскочить мимо меня, ты, дурак-чужестранец! Если ты это сделаешь, я оставляю тебя в живых. Если нет, мухи облепят твой труп еще до первого солнечного луча.

Конан подскочил к Лемпарииусу. Мышцы вздулись на его сильных руках, когда он изо всех сил опустил свой острый широкий меч. Если бы он достиг цели, сенатор был бы разрублен пополам. Если бы он достиг ее!

Ловко, как кошка, сенатор уклонился в сторону, и меч просвистел мимо. Быстрее, чем могли уследить человеческие глаза, Лемпарииус задел своим кривым ножом руку Конана. Это прикосновение казалось почти нежным и очень легким, но из тонкого пореза, едва длиннее среднего пальца руки, хлынула кровь. Сенатор засмеялся.

Конан качнул в руке тяжелый мешок с золотом. Этого движения сенатор не ожидал. Монеты сильно ударили его по ребрам. Лемпарииус зашатался, однако ему быстро удалось восстановить равновесие.

— Не так паршиво, — заметил Лемпарииус. — Ты проворней, чем я думал.

Он набрал в грудь воздуха и резко дунул в свисток.

За спиной Конана послышался громкий стук сандалий о каменные плиты пола. Приближалась вооруженная стража.

— Если у тебя есть какие-то боги, то заключи с ними мир, — сказал Лемпарииус. — И поторопись!

Киммериец бросил мешок с золотом и взялся за меч обеими руками. Лемпарииус, конечно, скор в движениях, но сумеет ли он своим дурацким ножом отразить удар, в который Конан вложит всю свою силу, — об этом можно только гадать, да и то при наличии живого воображения. Конан прыгнул вперед. Меч сверкнул, как молния.

Лемпарииус отшатнулся, и выпад Конана остался бесплодным. Но Конан быстро опомнился и отогнал Лемпарииуса еще немного назад. Киммериец уже начал лелеять надежду, что ему удастся оттеснить сенатора так быстро, что преследователи не сумеют его догнать. Он шел вперед, как сеятель по свежевспаханному полю, короткими, быстрыми ударами заставляя своего врага отступать.

Сделав очередной шаг, Лемпарииус остунился и растянулся на спине. Ошарашенное выражение его лица примирило Конана с потерей золота. Он поднял меч.

И в этот момент его надежда на бегство рухнула. Позади Лемпариуса возникло по меньшей мере с десяток людей с мечами и пиками. Они бежали по коридору навстречу киммерийцу. Ловушка!

Конан повернулся. Дверь, ведущая в сокровищницу, находилась как раз между ним и первой группой вооруженных людей. Если он попадет в комнату, то, может быть, сможет забаррикадировать дверь. А если повезет, то там найдется и другая дорога к свободе. У него уже не оставалось выбора. Даже если из сокровищницы нет другого выхода, там, по крайней мере, достаточно места для того, чтобы взмахнуть мечом. Он еще сумеет постоять за себя. И Кром встретит его в Серых Странах более приветливо, если он прихватит с собой дюжину собственноручно убитых неприятелей.

— Сдавайся! — крикнул ему один из вооруженных пиками.

— Я — Конан из Киммерии и не сдамся никому!

Краем глаза Конан видел, как Лемпариус снова утверждается на ногах.

— Конан? — переспросил Лемпариус.

На этот вопрос киммериец коротко кивнул. Этого мгновения было достаточно, чтобы передние солдаты успели подбежать на близкое расстояние. Когда одна из пик нацелилась железным наконечником Конану в лицо, киммериец нанес мечом удар в сторону и завершил оборот клинка, дернув его вниз. Солдат с пикой закричал, когда меч вонзился в его тело. Его товарищи замешкались, и Конан успел подскочить к двери.

— Надо же! Конан! Вот так чудеса!

Удивленный, Конан обернулся и поглядел на Лемпариуса. Этого мига было довольно, чтобы увидеть, как сенатор поднимает мешок с золотом, брошенный киммерийцем, и запускает им в голову вора.

Все окутала тьма.

Глава двенадцатая

Киммериец медленно выплывал из глубины пульсирующего красного тумана. Чем реже становился туман, тем больше прояснялось у него в голове. Когда Конан открыл глаза, он уже полностью пришел в сознание. Он лежал в полной

темноте. Воздух был затхлый, и пахло здесь омерзительно. Как он попал сюда? Затем всплыло воспоминание, и он живо увидел Лемпариуса, метнувшего в него мешок с золотом.

Конан сделал попытку приподняться. Голова у него раскалывалась, однако ему удалось сесть. На руке он обнаружил небольшой разрез, не очень опасный. И немного побаливала нога. Он осторожно соскользнул с жесткой лавки, на которой сидел, и босиком встал на холодный пол. Меч и большая часть его одежды пропали. Ему оставили только набедренную повязку и пояс с кожаным кошельком. Конан засунул пальцы в кошель. Пусто... нет, погоди, вот что-то... Камень, который закатился в складку. Он вынул камень и поднес его к лицу. В темноте не было ни единого лучика света, однако по форме камня Конан определил, что держит в руке один из тех изумрудов, что приберет для себя. Обыскивая его перед тем, как бросить в этот мерзкий подвал, они проглядели камень.

Конан спрятал камень обратно и закрыл кошель. Если ему удастся удрать, изумруд придется очень кстати. Но пока он здесь, ему куда большегодились бы меч, кинжал и сведения о расположении комнат.

Исследование помещения, в котором он находился, заняло лишь несколько минут. Оно было квадратным. Длина каждой из стен не превышала шести локтей. С одной стороны имелась массивная деревянная дверь, обитая железными прутьями, немного ржавыми, и, как он подозревал, надежно запертая. Конан не обнаружил шарниров. Стало быть, дверь открывается наружу. Он уперся босыми ногами в сырые каменные плиты пола, а руками в дерево и изо всех сил налег на дверь.

Эта дверь могла бы с большим успехом изображать из себя, например, скалу. Она не сдвинулась ни на волос. Он отступил назад, так что теперь мог коснуться дерева лишь кончиками пальцев. Потом собрался с силами и прыгнул, наваливаясь на дверь всей мощью своих плеч. Тщетно.

Конан глубоко вздохнул и сжал кулаки. Он и в самом деле попался! Ему очень хотелось поколотить дверь кулаками и вволю побушевать, но он обуздал

свою ярость. Такое поведение было бы ребяческим и привело бы к пустой трате сил.

Вместо этого киммериец отступил назад к лавке, на которой он очнулся. Теперь он без труда передвигался в комнате. Он прислонился спиной к стене и начал ждать.

Прошло немногим более часа. В коридоре послышались звучные шаги. Дверь раскрылась. Конан остался на месте и только зажмурился от неожиданно яркого света факелов. Он видел по меньшей мере дюжину факелов, которые несли такое же количество хорошо вооруженных людей. Любая попытка раскидать их голыми руками была бы самоубийством.

В камеру вошел сенатор Лемпариус.

— Так, — произнес он, — ты наконец очнулся. Хорошо. Я уж было думал, что влил тебе слишком крепко. Хотя это почти не имеет значения, потому что ты нужен мне вовсе не ради твоих мозгов, Конан-Черт-Знает-Откуда. — Лемпариус улыбнулся. — Ну не странная ли штука — жизнь? Я так старался разыскать тебя, но ты ускользал, словно кокетливая девица. И вот ты сам по доброй воле являешься ко мне в дом. Разве это не удивительно?

Конан промолчал.

— О, боги мои! Я и не надеялся, что отбил тебе голос.

Конан сверкнул глазами.

— Так значит, это ты натравил на меня шайку головорезов во время бури?

— Разумеется. — Лемпариус уверенно улыбался.

— Тебе нужно получше присматривать себе людей — те были просто плохо подобранные идиоты.

— Сейчас это уже неважно, раз ты здесь, в моей власти. Важно только то, что я достиг своей цели, варвар.

Конан кивнул. Это было справедливо. Но он еще дышал, и руки-ноги были еще целы. Он не умер еще, черт возьми!

— Ты, несомненно, хотел бы знать, с какой это радости мне вдруг понадобилось твое общество. — Лемпариус взвел брови.

— Во все нет. — Он не доставит удовольствия этому насмешнику, обнаруживая свое любопытство.

Улыбка сенатора слегка потускнела.

— Нет? Так ты не хочешь знать свою будущую судьбу, Конан из Варварии? Тебе не интересно послушать, как ты проведешь последние часы своей жизни?

Полуприкрыв глаза, Конан оценивал расстояние между собой и сенатором. Возможно, он успеет добраться до Лемпариуса, прежде чем эта храбрая когорта заколет его. Но сенатор дьявольски быстр. Если ему удастся заманить Лемпариуса хотя бы на шаг поближе, шансы на удачу возрастут.

Конан сказал:

— Я знаю одно: вонь в моей камере стала в десять раз противней с тех пор, как ты, пес, сюда явился. Может быть, потому, что ты жрешь дерьмо?

Лемпариус больше не улыбался, и взгляд его стал мрачен. Он уже хотел подойти к Конану. Киммериец слегка передвинулся на скамье, чтобы ловчее прыгнуть.

Но Лемпариус остановился и снова хмыкнул.

— Ха, но я еще не слаб мозгами, чтобы купиться на такой дешевый трюк! Тебе придется придумать что-нибудь другое. Смотри сюда, варвар!

Лемпариус поднял руку. Один из его спутников вышел вперед и встал рядом с сенатором. У этого человека был арбалет, и болт с крюком на конце был направлен прямо в сердце Конана. Лемпариус сделал второй знак. Еще один человек, вооруженный так же, как и первый, встал рядом. Постепенно тут станет очень тесно, подумал Конан.

— Далиус, он стоит слева, мастер стрельбы из арбалета, лучший во всей Коринфии. Может с десяти шагов пригвоздить к стене голову. На этом расстоянии мне достаточно произнести словечко «правый» или «левый», чтобы указать, какой из двух глаз пробить, если потребуется пригвоздить к стене твою голову.

Лемпариус помолчал несколько секунд, чтобы дать Конану возможность понять его правильно. Потом кивнул на второго стрелка:

— Карлинос пришел ко мне из Бритунии, где он был лучшим в своем деле. Хотя он не столь же меток, сколь Далиус, но вполне может с ним сравниться. Второй твой глаз будет пробит прежде, чем первый болт скроется в стене.

Конан развязно откинулся на лавке и вполголоса рассмеялся.

Было совершенно очевидно, что Лемпариус хотел заполучить его живым при любых обстоятельствах. Конан ничего не знал о планах этого человека, но он был уверен в том, что смерть варвара в расчеты сенатора не входит. Во всяком случае, пока не входит.

Позади стрелков послышался женский голос:

— Вот он!

Вместе с голосом в камеру ворвался аромат экзотической косметики. Запах и голос вызвали в памяти Конана воспоминание, и он сразу сообразил, где впервые слышал их: в харчевне! Это была та женщина, что наводила на него чары. Во имя Крома! Что здесь происходит, в конце концов?

Услышав женский голос, Лемпариус слегка отклонился в сторону, и Конан мгновенно увидел свой шанс, который заключался в том, что арбалетчики не станут стрелять без прямого приказа. Киммериец рванулся вперед. У него было мало надежды придушить Лемпариуса до того, как его добьют стражники, но радость врезать ему от души икупала все опасности, сопряженные с такой попыткой. Из всех сил Конан лягнул его между ног. Сенатор побелел и застонал. Это киммериец еще успел заметить. Потом он снова погрузился в клубы красного тумана.

— ...Я собственными руками вырву его сердце!

— Нет! Теперь он принадлежит мне. Ты его мне подарил.

Конан не мог еще ясно видеть, но слышал он хорошо. Он бы вскочил, если бы в тот же миг ему не пришли на ум кое-какие соображения. Он лежал теперь не на лавке в вонючей камере, а на мягкой постели. Может быть, пока его считают бесчувственным, он подслушает нечто такое, что пригодится ему в дальнейшем? Да и кроме того, он был связан мягкими, но прочными веревками. Поэтому киммериец притворился спящим, а сам начал внимать разговору.

— ...вышел на него? — Это был голос женщины, которую сенатор называл Дювулой.

— Да так... Один забавный чудака по имени Логанаро явился ко мне с предложением продать варвара за порядочную сумму.

А это говорил Лемпариус. Имя... Где он слышал это имя? Логанаро... Ах да, тот толстый хорек, которого он встретил в неизвестном трактире по ту сторону перевала!

Дювула спросила:

— Почему же он это сделал? Какую пользу ты собирался извлечь из варвара?

Конан не мог видеть лица женщины, но не почувствовать ее ярость было невозможно.

— Никакой. Но Логанаро упомянул, что ты заинтересовалась этим дикарем. Я хотел взять его для тебя — из чистой любезности.

— Любезность. Понимаю. И что же ты хотел у меня потребовать в обмен на эту... любезность?

— Дорогая Дювула, давай не будем изображать из себя торгашей. Ты абсолютно ничего мне не должна за этого болвана.

Возникла пауза. Конан размышлял, можно ли ему приоткрыть глаза. Он решился на это, но увидел только несколько розовых подушек, которые скрывали от него собеседников. Хотелось, конечно, пошевелиться, но вряд ли это будет умно. Он проверил пути: они держали прочно.

Снова заговорил Лемпариус:

— Вспомни, как у нас с тобой было раньше, бесценная моя!

— Ты отлично знаешь, что все кончено навсегда. Я больше не... дружу с мужчинами из племени людей.

— Но я изменил себя, Дювула! Теперь я сильнее, чем прежде.

Женщина засмеялась.

— Не считаешь ли ты мои способности настолько ограниченными, что надеешься открыть для меня что-то новое?

— Любовь моя, я ни в коем случае не хотел унижить твою божественную силу. Я только хотел объяснить, что добился новой мужской энергии, используя определенную... животную силу, которой прежде у меня не было.

Дювула опять засмеялась.

— Я уверена, что тебе далеко до моего Принца. Бьюсь об заклад.

— Возможно! Возможно! — Лемпариус понизил голос. — Я действительно смог бы удовлетворить тебя,

любовь моя. Я это докажу, если ты только дашь мне такую возможность.

— Я знаю мужчин, таких, как ты, Лемпарийус, и подозреваю, что ты обещаешь куда больше, чем можешь дать.

— Но один шанс, Дювула! Ты ничего не потеряешь, если позволишь мне доказать... мои способности. Если я обману твои ожидания, у тебя останется этот мешок мышц для твоего Принца. И если... нет, никаких «если». После того, как я докажу тебе, тебе уже не потребуется никакой Принц.

И снова повисло молчание. На этот раз более продолжительное. Конан попытался немного поменять положение, чтобы ему было лучше видно, но розовая подушка размером с кобылу намертво загоразживала от него комнату.

— То, что ты говоришь, не совсем лишено смысла, Лемпарийус, — сказала Дювула и после краткой паузы завершила: — Ну, хорошо! Давай, демонстрируй свои выдающиеся таланты!

— Здесь? Сейчас?

— Почему бы и нет? Твои люди так отделали этого варвара, что он будет спать еще целый день. А если он проснется, пусть поглядит, мне это не мешает. А что, у тебя это вызовет затруднения?

Лемпарийус рассмеялся, но смех его прозвучал натянуто.

— Никаких, — сказал он. — Приступим!

До острого слуха Конана донеслось шуршание одежды. Он тут же использовал подвернувшуюся возможность и еще немного подвинулся: теперь он видел деревянную колонну и кусок балдахина, который, несомненно, относился к роскошной постели, на которой и лежал пленник. Спасибо хоть руки они связали ему так, что он мог дотянуться до веревок зубами. Медленно и осторожно поднес он руки к лицу, пока шелковый шнур не коснулся его губ. Он принялся жевать шелк. Ему стало ясно, что жевать придется еще долго.

— Чтоб Сэт унес этого проклятого варвара! — громко произнес Лемпарийус.

— Что, Лемпарийус, проблемы? — Голос Дювулы был сладок, как березовый сок по весне.

— Да ты же видишь! Я ранен! Этот подонок пнул меня ногой! Я... у меня адские боли в... если я попытаюсь...

— Какая досада! — перебила его Дювула. — Вот и ответ на все твои поползновения, а заодно и характеристика твоей «животной силы».

— Это не может считаться настоящим испытанием, Дювула! Ты должна дать мне время оправиться от ран!

— Я должна? — Женщина рассмеялась. — Ну, положим, пару дней я могу еще подождать, пока мой Принц Копья не проснется к жизни. Я даю тебе три вечера, Лемпарийус. Возможно, до тех пор мои капризы удовлетворит варвар.

— Ты издеваешься!

— О нет, Лемпарийус, никогда. Просто у меня хорошее настроение. А варвар и в самом деле храбрый мужчина. Его сердце будет биться для меня в груди моего Принца. А до того я великодушно дарю тебе и ему три дня.

Конан услышал достаточно. Итак, он будет принесен в жертву какому-то гнусному магическому ритуалу! Он резко сел. Рядом с ним в постели покоился мертвый (или бесчувственный) черный человек героических пропорций.

Лемпарийус и Дювула лежали на подушках неподалеку от кровати. Оба были раздеты. Они уставились на Конана.

Конан держал руки у лица. Потом набрал в грудь воздуха и коротко, гортанно вскрикнул. В тот же миг молодой воин натянул изрядно пожеванные шнуры, связывающие его запястья. Мышцы плеч и спины зашевелились, суставы затрещали. Неожиданно ткань подалась. Глухой треск — и руки свободны.

Конан схватил ближайшую к нему шелковую подушку и швырнул ее в Лемпарийуса. Подушка была мягкой, но увесистой. Она угодила в нож, который выхватил Лемпарийус, и вместе с оружием упала на пол. Лемпарийус зашатался и рухнул на голую спину.

Не теряя времени, Конан нагнулся и рванул веревки на ногах. Едва он успел освободить ноги и поднять глаза, как увидел, что Лемпарийус уже вскочил.

Конан прыгнул ему навстречу. Сенатор, конечно, человек с быстрой реакцией, но и киммериец ведь не

увалень. Прошла всего доля секунды, и Конан схватил сенатора мощными руками за кисти рук. Когда тот сделал попытку резко ударить его по колену, Конан зажал его ногу. Сенатор ощутил новое неделикатное прикосновение к поврежденной благородной части тела. Оба противника сцепились и рухнули на пол. Конан был сильнее, это он знал, но прежде чем он победит, все равно должно пройти какое-то время.

Тонкие волоски на запястьях Лемпариуса начали густеть прямо под ладонями Конана. Странная игра света делала лицо сенатора неподвижным, как маска, и слегка вытянутым...

Кром! Он не был больше человеком! Он начал превращаться в крупного хищника! Во рту выросли клыки, на пальцах когти, и то, что было сенатором Лемпариусом, рычало и пыталось отгрызть Конану голову!

Выругавшись, он изо всех сил отшвырнул в сторону это существо, наполовину человека, наполовину хищную кошку, так что чудовище грохнуло о стену.

Пантера-оборотень! Конан знал о вервольфах, о людях, которые умели превращаться в волков, но никогда еще ему не доводилось слышать о превращении в кошку. Драться голыми руками с такой противостественной тварью ему было вовсе не по душе. К тому же, говорят, обыкновенное оружие не может повредить оборотню. Так что ему не помог бы сейчас и его широкий меч.

Пантера оттолкнулась от стены и приземлилась на мягкие подушечки лап. Она повернулась, зарычала и зафыркала угрожающе. Медленно-медленно приближался зверь к киммерийцу. Он мог бы поклясться, что пантера улыбалась!

Оружие! Ему нужно оружие! Конан озирался по сторонам, но здесь ничего не было. Нет, стоп! Кривой нож Лемпариуса лежал возле самых босых ног киммерийца. Он быстро поднял стальной зуб. С ножом в руке он почувствовал себя лучше.

— Не смей убивать его! — взвизгнула Дювула.

Конан бросил взгляд на женщину: она вступилась за него, а не за пантеру. Хищник не обратил на просьбу никакого внимания. Но когда Конан выставил кривой нож, оборотень остановился и зашипел.

Конан метнул взгляд на нож. Поскольку оружие принадлежит Лемпариусу, оно обладает, вероятно, какими-то особенными свойствами, которых Конан не знал. Может быть, оно-то и способно уничтожить оборотня?

Для Конана мысль и поступок часто сливались воедино. Он подскочил к пантере с изогнутым ножом в руке. Зверь хотел ударить его лапой, но тут же предусмотрительно отдернул ее, когда Конан увернулся. Киммериец увидел, что лишь несколько шагов отделяют его от двери спального покоя. Ну что ж, пришло время прощаться! Он начал яростно размахивать перед собой ножом, чтобы отгонять пантеру и без помех отойти к выходу, двигаясь спиной вперед. Зверь рычал, но слишком близко не подходил.

Конан добрался до двери, пнул ее и выскочил наружу. Кошка решила на отчаянный прыжок и лапой задела ногу Конана. Киммериец ответил ударом своего оружия, похожего на клык. Жуткая тварь взревела от боли и поспешно отдернула лапу. В солнечно-желтом мехе стала видна карминно-красная резаная рана. Пантера отступала, угрожающе рыча. В этот момент Конан захлопнул обитую медными пластинами тяжелую дверь. Так как в коридоре он не обнаружил ничего, что было бы в силах его задержать, он бросился бежать. Киммериец мчался так, словно за ним гнались демоны.

Не оборачиваясь...

Глава тринадцатая

Сенатор отбыл домой. Ему нужно было срочно созвать своих ищеек. Дювула сидела одна в своем будуаре и задумчиво изучала безжизненную фигуру Принца. Сказать, что она была зла, было бы самым крупным преуменьшением, какое знал тогдашний мир. Она осатанела. Лемпариус выглядел в ее глазах законченным идиотом. Вообразить, что этот маскарад с пантерой изменит его анатомию или сделает его неотразимым в постели! Но еще более скверным было то, что превосходный экземпляр сильного мужика сумел улизнуть. За это сенатор еще заплатит!

И кроме того, имелся Логанаро, посредник. Предатель! Варвар, которого он собирался продать, и Конан — один и тот же человек. И эта жирная жаба предлагает его претенденту на ее постель! Подобную ошибку этот слабоумный будет искупать долго, очень-очень долго и мучительно! А между тем человек, отрубивший руку ее брату-демону, был уже вне пределов досягаемости. Дювуле срочно требовалось сорвать на ком-нибудь свою злость.

Пурпурно-красный дым, пронизанный желтыми вспышками, заполнил ее будуар. Посмотрим, посмотрим! Кого же это принесло? Кто выбрал столь удачный момент для визита?

Пригнув голову, чтобы не стукнуться о потолок, перед ведьмой стоял Дивул.

— Сестрица, — проскрежетал он, — я чую, что ты изловила мою дичь.

Дювула пронзительно захохотала.

— Лучше поздно, чем никогда, верно, братишка?

— Не говори со мной загадками, женщина!

— Удрал он, удрал твой Варвар-Отсекатель-Рук! Благодарю за это безмозглого сенатора, который вообразил себя бесподобным Копьеносцем.

— Я сделаю из его пустого черепа суповую миску!

— Ну нет, братец! Он — мой! Мне не составит большого труда выследить нашего общего друга, потому что у меня остались его одежда и меч. Я наговорю тебе специальные заклинания, чтобы ты мог вычислить его с математической точностью. Но прежде, чем вымещать на нем свою злобу, доставь его мне.

— Не обманешь, сеструха?

— Нет. Но скажу тебе еще раз: ты можешь делать с этим человеком все, что захочешь, но только после того, как я выну сердце из его живого тела.

Дивул хмыкнул.

— Ты все еще возишься со своей новой игрушкой? — Демон мотнул головой в сторону постели Дювулы. — Я могу достать для тебя в преисподней и получше, сестренка. Да и сам я с удовольствием отдам себя и свои достоинства в твоё распоряжение...

— Нет уж, спасибо! — прервала его Дювула. — Я еще не сошла с ума, чтобы улечься под демона, независимо от того, насколько он хорош и опытен. Цена слишком велика.

Дивул засмеялся.

— Ладно, будь я на твоём месте, я, наверное, тоже отказался бы. Но ведь предложить-то не грех, верно?

— От тебя я ничего другого и не ждала, братец. А теперь извини. Мне еще нужно приготовить заклятия.

Витариус, пораженный, вскинул глаза на Конана, вломившегося в комнату.

— Где вы пропадали? — спросил старый волшебник. — Мы ждали вас сегодня утром...

— Ладно, я потом объясню. Вы достали припасы? Можно ехать?

— Да. Элдия и ее сестра сейчас у торговца. Я решил, что лучше дождусь вас здесь, потому что...

— Тогда идем, Витариус!

— Вы достали деньги?

— Нам нужно спешить, старик. Не будем терять времени. Возникли некоторые трудности, пока я улаживал это дело. Чем скорее городские ворота останутся у нас за спиной, тем лучше.

Конан торопливо свернул в кривой переулок и увидел, наконец, Элдию и Кинну, которые стояли возле четырех лошадей. Старшая из сестер присмотрела себе толстый, обитый медью шест. Увидев киммерийца и Белого Мага, Кинна тотчас заговорила:

— Конан! А где твоя одежда?

— Было жарко, — ответил он.

Молодая женщина хотела спросить еще что-то, но было очевидно, что для пользы дела лучше держать рот закрытым, поэтому она замолчала. Конан прошел мимо нее к магазину.

Хозяин лавки оказался щедрым человечком с темной кожей. В свете полуденного солнца, ломившегося в широкие окна, отчетливо сверкал его золотой зуб. Он без особой охоты выставил сей предмет роскоши, когда к нему подошел молодой великан.

— Мне нужен меч, — сказал Конан. — Длинный и тяжелый. И плащ.

— И то и другое в большом выборе имеется на складе, — отозвался человек с золотым зубом. — А также штаны, туники, сапоги...

— Сапоги — это вещь.

Хозяин магазина повел Конана на свой склад. Конан начал примерять сапоги, но все они были ему малы. Он взял сандалии на толстой подошве и с ременным переплетом. Сойдут и такие, он ведь поедет верхом, а не поплетется своим ходом.

Хозяин набросил ему на плечи шерстяной плащ цвета индиго. Конан кивнул. Недурно. Наконец он принялся искать меч. Он нашел один с обоюдоострым клинком, который укладывался в расстояние от середины груди до кончиков пальцев вытянутой руки. Рукоять и чашка были украшены более вычурно, чем хотелось бы киммерийцу, но сталь на вид казалась неплохой, и острое было заточено так, что можно было сбрасывать волосы на тыльной стороне ладони. Лучше всего было бы получить назад его старый меч, но и этот выглядел вполне подходящим.

— Умный выбор, — сказал Золотой Зуб. — Выкован из полос крепкой и надежной стали. Это было далеко отсюда, в Туране, и...

— Ты разбираешься в драгоценных камнях? — перебил его Конан.

— Само собой, само собой. Я...

— Тогда посмотри на эту игрушку!

Конан вынул из кошелька изумруд, единственный свой трофей, оставшийся после набега на дом Лемпариуса. Он подбросил камень вверх.

Золотой Зуб ловко подхватил его на лету. Он поднес камень к свету и впился в него взглядом. Затем выудил из кармана куртки увеличительное стекло и с помощью этого инструмента принялся исследовать камень. Конан смотрел, как глаза у Золотого Зуба лезут на лоб.

— Ну?

— Он... э... не очень ценный, — сказал Золотой Зуб. Судя по тому, как говорил торговец, можно было решить, что во рту у него пересохло.

— Этого достаточно, чтобы заплатить за наше снаряжение?

Торговец хотел было улыбнуться, но замер, и лицо у него перекошилось.

— Ну... э... он мог бы покрыть стоимость... э-э... ну, скажем, половины... Где-то так.

Конан довольно часто имел дело с людьми вроде этого Золотого Зуба. Они без длительных раздумий надуют собственную мамашу, прежде всего, конечно, в тех случаях, когда речь заходит о деньгах.

— В Заморе, — заявил Конан, — за камень такой же ценности давали дюжину лошадей и припасов в пять раз больше, чем продал нам ты.

Глаза Золотого Зуба сузились, но голос звучал равнодушно:

— Все может быть, да мы-то не в Заморе! Наверное, я смогу засчитать этот... э... камешек... в уплату трех четвертей той суммы, что вы мне должны.

Конан покачал головой. Его синие глаза прямо-таки сверлили торговца.

— У меня слишком мало времени, чтобы транжирить его на твой убогий блеф. Ты можешь взять камень в качестве платы за наше снаряжение. Это последнее слово.

— Ах, так? А мне показалось, что и я могу вставить в разговор словечко, чужестранец. Я ведь могу и не покупать.

Однако, явно противореча собственному высказыванию, он сжал изумруд в кулаке. На хитрой роже торговца была прочно оттиснута алчность.

Конан извлек новый меч из еще жестких кожаных ножен и приставил острое к горлу торговца.

— Прекрати свое елейное нытье, торгош! Покупай, продавай и живи! Не подвергай себя излишним опасностям!

— Я... э... могу... э... позвать моих людей... — Голос Золотого Зуба дрожал.

— Ну так зови! — потребовал Конан. — Это даст мне несказанное удовольствие. Обильные пятна крови на твоём барахле будут, несомненно, иметь большой успех у покупателей. Давай, зови!

Золотой Зуб глотнул и снова облизал губы.

— Я нахожу... э-э... я готов нести убытки... и согласиться на ваш обмен... э-э... в интересах дальнейших... э... деловых контактов.

Конан ухмыльнулся.

— Я так и думал, что ты не совсем осел.

Он повернулся и в развевающемся плаще вышел на улицу, где его ждали Витариус и сестры.

— На коней! — приказал Конан. — Пора расстаться с этой кроличьей обителью.

Лемпариус поднял левую руку и яростно взревел:

— Пятьдесят золотых тому, кто доставит мне варвара! И медленные пытки тому, по чьей вине варвар умрет прежде, чем я увижу его.

Сто человек посмотрели на сенатора и согласно кивнули. Никто не произнес ни слова.

— Вперед! Я не допущу, чтобы он ускользнул!

Вооруженные люди быстрым шагом вышли со двора. Сенатор сжал в кулак левую руку. Правая была туго забинтована и покоилась на повязке, — Лемпариус берег рану, проникшую до кости. Конан распорол сенатору руку от локтя до запястья. Если бы рана была нанесена обыкновенным оружием, от нее бы уже не осталось и следа. Но поскольку речь шла о его собственном ноже, повторяющем по форме клык саблезубого тигра и скрывающем в себе заклятье Кошки, лечение затянулось, и рана заживала так же медленно, как у любого простого смертного.

Проклятый варвар! Он еще успеет изучить науку боли, как только его доставят сюда. Дювуле больше не понадобится его сердце, в этом Лемпариус был уверен, потому что он сам сможет утихомирить ее бешеный темперамент. А Конан сильно задолжал ему — за рану и за позор.

Логанаро был близок к панике. Конан и его спутники наострились бежать. Это было ясно и идиоту. Как задержать их? Мысль о том, чтобы пойти наперекор Лемпариусу, заставляла толстяка дрожать мелкой дрожью. Но перспектива сцепиться с могучим и диким варваром была еще менее вдохновляющей.

Прямо на глазах у Логанаро эти четверо сели на лошадей. Великий Яма! Он не может дать им просто уйти. Как угодно, но он обязан любыми байками, любым враньем задержать варвара в Морнстадиносе, пока не подоспеет помощь.

С этой мыслью Логанаро побежал вперед. Его мозги работали изо всех сил.

— Господин! Господин! — воззвал он. — Постойте, одно мгновение! Ведь вы вспомнили меня, правда? Я Логанаро. Мы встречались с вами в той деревне...

Он остановился и уставился на Конана. Две вещи мгновенно бросились ему в глаза. Во-первых, варвар угрожающе тронул меч — новый, судя по внешнему виду, — а во-вторых, и это было ужасно, за пояс его был заткнут кривой нож Лемпариуса!

Конан смерил толстяка мрачным взглядом. Охотнее всего киммериец раскроил бы ему голову, но для этого здесь было слишком людно. Кто-нибудь наверняка начнет призывать блюстителей порядка, вмешиваться, все испортит. А у него и без того немало неприятностей. Потом Конан набрел на удачную мысль и припомнил тот разговор, который подслушал в спальне ведьмы, пока притворялся спящим.

— Нет, Жирное Брюхо, — сказал он. — Не стану я марать мой новый меч о твой труп. Много чести.

— Молодой господин, что вы имеете в виду? Я еще ничего вам не сделал.

— Однако нельзя сказать, что ты не пытался! Ты узнаешь этот нож, верно?

— Н-нет. Я никогда его не видел.

— Прежний его владелец — твой господин, подлец! Я говорю о Лемпариусе, сенаторе, пантере-оборотне!

— Пантера-оборотень?

— Ах, ты этого тоже не знал? Ну, плевать. Для тебя это уже неважно, потому что ты почитай уже покойник. Имеется также одна женщина — ведьма...

— Дювула!

Конан улыбнулся.

— Так, ее ты тоже знаешь? Очень хорошо для тебя, потому что как раз она собирается сварить суп из твоих потрохов.

— Но... почему, почему?

— Твой прежний повелитель выдал тебя ей, дворянка. Кажется, дама не осталась равнодушной к твоим привычкам менять хозяев, как перчатки. Поскольку ты хочешь служить двум господам одновременно, то оба они решили прикончить тебя, так сказать, совместными усилиями.

— Нет!!!

Конан рассмеялся.

— Будь я на твоём месте, Жирное Брюхо, я перенёс бы свой бизнес в какой-нибудь другой город. Или даже в другую страну. Причём быстро.

Логанаро помчался прочь, ругаясь во весь голос. Конану редко выпадало видеть что-либо настолько смешное. Он хохотал так, что едва не рухнул с лошади.

Витариус сказал:

— Я и не знал, что вы знакомы с таким отъявленным плутом, как Логанаро.

— Очень поверхностно, — ответил Конан.

Витариус повел их по узким переулкам к западным воротам Морнстадиноса. Элдия и Кинна следовали за ним, а Конан замыкал процессию и зорко следил за тем, нет ли погони или слежки. Один раз он видел отделение солдат сената, но они только перешли дорогу и двинулись дальше. Вот и хорошо.

Западные ворота охранялись только одним стражником. Он оперся на свою пику и погрузился в оживлённую беседу со смуглой, стриженной, обильно накрашенной девкой. Когда Конан проезжал мимо, тот как раз врал насчёт денег и вообще никого не замечал.

Солнце уже перевалило за полдень, когда все четверо беспрепятственно покинули Морнстадинос. Конан не мог припомнить места, которое он покидал бы столь охотно. По сравнению с интригами и двоедушием граждан Морнстадиноса, нападение на чародея в его защищённой коловством цитадели казалось ему детской забавой.

Глава четырнадцатая

Немало часов прошло после того, как четверо путников выехали из западных ворот города, и только тогда они сделали первую остановку, чтобы дать лошадям отдохнуть. Конан не обнаружил на дороге других путников. Коринфский тракт был пуст.

Витариус пил из меха. Вино стекало ему в рот тонкой струйкой и капало с подбородка. Потом он передал мех Конану, который пил много и шумно.

Элдия и Кинна направились к густому кустарнику.

— Будьте осторожны! — крикнул Конан им вслед. Кинна показала на свой шест.

— Не беспокойся. Этой штукой я убиваю кроликов и тушканчиков.

Витариус заметил:

— Вы хотели что-то рассказать, Конан.

— Верно.

Конан поведал о своих последних приключениях. Вскоре после того, как он начал говорить, сестры вернулись назад. Когда он закончил рассказ, Кинна покачала головой.

— Мне кажется, Конан, твою жизнь охраняют боги.

— Может быть, и так. Но я не рассчитываю на их помощь. — Он погладил жесткой ладонью свой меч. — Сталь куда надёжней. Хороший меч делает все, что потребует от него человек. И сам он — как верный друг. Боги действуют по своему усмотрению, и полагаться только на них в минуту опасности нельзя.

— Ты думаешь, что сенатор отрядил за нами погоню? — спросила Элдия.

Киммериец пожал плечами.

— Возможно. Он не слишком-то меня жалуёт. Если любитель потаскушек, который нес вахту у ворот, вспомнит, как мы проезжали мимо, Лемпарийс наверняка спустит на нас своих собак. Я смотрел назад с холма, но не видел на дороге никаких облаков пыли. Если нас и преследуют, то у нас, по крайней мере, в запасе несколько часов.

— Это наименьшая из наших забот, — сказал Витариус. — У Совартуса есть некие... дозорные на дороге, ведущей из Морнстадиноса. Мы находимся ещё в пяти днях езды до равнины Додлигия, где стоит его отвратительный замок. Прежде чем мы доберёмся до нее, нам придется пройти мимо всех его стражей... Я уж молчу о Блоддольковом Лесе.

— Блоддольков Лес? — переспросил молодой киммериец.

— Да. Место, где бродят странные существа и растут ещё более странные деревья. Он расположен на севере, немного в стороне от коринфийской дороги. Нам придется идти через него, чтобы добраться до владений Совартуса. Редкий путник выбирает эту до-

рогу. А из тех, кто отважился на такое, лишь немногие возвратились назад.

Конан пожал плечами. Лес этот был где-то в будущем, и не стоило ломать из-за него голову сейчас.

— Поехали дальше, — сказал он. — Если за нами все-таки гонятся, то к нам подходят ближе, пока мы расхищаемся.

Все четверо сели на лошадей и двинулись в путь.

Дювула металась по комнате. Ее обнаженное тело блестело от пота. Она стонала и прижимала к себе одежду, которую тискала в руках. Одежду Конана.

Дивул глазел на нее с любопытством. Вид обнаженного женского тела не пробуждал в нем никаких инстинктов. Единственное, что его занимало, была поимка варвара, который посмел поднять на него руку.

Дювула опустила на пол. Потом поднялась с тяжелым вздохом, швырнула одежду и сказала, обращая к своему родственнику из преисподней:

— Он скачет по коринфийской дороге, вместе с девчонкой и двумя остальными. Они уже полдня как в пути.

Дивул кивнул:

— Отлично. Тогда я пошел.

— Будь осторожен, брат! Со времени вашей последней встречи он не стал слабее.

Дивул поднял поврежденную руку. Из обрубка уже начали вырастать новые пальцы.

— Я научился быть осмотрительным, когда встречаю Огненное Дитя. Для нападения я выберу правильный момент.

— Очень советую. И помни вот о чем: я хочу иметь живое сердце варвара — а как будет выглядеть все остальное, мне безразлично.

Дивул усмехнулся. С его пальцев капала слезь.

— Получишь, сестричка. Ему оно больше не понадобится, если я наконец доберусь до него.

Ипуская зловещее сияние, Дивул исчез.

Три дня спустя после того, как Конан сбежал из ее будуара, к Дювуле явился посетитель. Собственно говоря, гостей было двое: Лемпариус и с ним Логанаро.

Подталкивая толстяка перед собой, сенатор приволок его в комнату. Руки Логанаро были связаны, жирное лицо покрыто потом и искажено страхом.

— А вот и подарок для тебя, дорогая, — провозгласил Лемпариус.

Дювула улыбнулась, сверкнув ровными белыми зубами.

— Нет, ну как это мило с твоей стороны, Лемпариус! Это как раз то, чего я так хотела!

— Хорошо. Я так и думал. И еще одно, любовь моя. Я тоже кое-чего хотел.

Улыбка Дювулы стала еще сердечнее.

— Понятно. А как твое... ранение?

— Первое... первое зажило. Резаная рана тоже вот-вот заживет. Я велел зашить ее волосами из гривы саблезубой кошки.

— Тогда вперед! Идем в мою спальню, Лемпариус. А Логанаро с удовольствием подождет нас тут, — правда, Логанаро?

Логанаро был чересчур перепуган, чтобы говорить. Он только тупо кивнул.

Дювула взяла Лемпариуса под руку и прошествовала с ним к постели.

Прошло очень много времени. Во всяком случае, так показалось Логанаро. Время от времени из спальни доносились короткие выкрики, но посредник знал, что кричат не от боли.

Ему чудилось, что он ждет уже годы — хотя прошел всего час, — прежде чем снова открылась дверь и в комнату ввалился Лемпариус. Он выглядел так, словно возвращался с поля боя. Лицо его пылало, обнаженное тело лоснилось потом. Он двигался неверным шагом человека, вдвое старшего, чем он был. Вскоре следом за сенатором в приемную вышла и Дювула. Она тоже была голая.

— Ну что ты, Лемпариус! Идем! — сказала она. — Мы же только начали.

Лемпариус затряс головой.

— Нет, женщина! Я полностью выдохся. Ты выпила из меня все соки. Не могу я больше.

— А как же твоя телесная мощь? — Голос ведьмы звучал сладко и нежно, как у девственной послушницы.

Лемпариус глотнул. Он бы лучше прилег сейчас прямо на пол.

— Не издевайся, баба! Ни один мужчина не мог бы сделать больше.

— Ну, здесь ты себя переоцениваешь. Еще как смог — и, кстати, не один! — сказала Дювула. Голос ее стал немного жестче. Она сжала руку в кулак и уперла его в обнаженное бедро.

Лемпариус зарычал. Этот звериный рык нагнал нового ужаса на несчастного посредника.

— Факт остается фактом, — продолжала Дювула. — Евнух с легкостью повторил бы все твои «подвиги». Во всяком случае, я так предполагаю.

Сенатор оборвал ее:

— Ведьма! Ты еще расквесишься!

Полный страха, Логанаро увидел, как человек, которого он знал, начал меняться, постепенно превращаясь в золотистую кошку, яростно хлеставшую себя хвостом по бокам. Хищник зарычал, пристально глядя на женщину.

Логанаро медленно передвинулся к выходу. Сердце его стучало, как взбесившийся барабан.

— Так, — произнесла Дювула, — ты хочешь повесить мне на шею еще и это животное?

Пантера сделала шаг вперед.

Логанаро плотнее прижался к двери. Ему показалось, что оба противника не обратили на это внимания. Во имя Митры, Ямы и Сэта! Если он выберется отсюда невредимым, он лучше станет монахом и никогда-никогда-никогда, покуда жив, не совершит больше нечестного поступка!

Дювула поднесла к лицу сжатый кулак.

— Ты не умеешь проигрывать, сенатор. Превращайся назад в человека и проваливай отсюда! Тогда я, может быть, прощу тебе твоё плохое поведение...

Хищная кошка приблизилась еще на шаг. Хвост яростно хлестал по ребрам. Она присела и приготовилась к прыжку.

Логанаро уже добрался до двери. Связанными руками он поднял засов.

Дювула резко выбросила вперед кулак, сунув его пантере под нос, и разжала пальцы. Тонкая белая пыль полетела зверю в морду.

Кошка чихнула — один, два, три раза. Потом отвернулась и принялась тереть лапой нос.

— Я заколдовала тебя, киска, бывший сенатор! — сказала Дювула с насмешливой улыбкой. — С этого часа ты не сможешь больше никогда сделать три вещи: ты не сможешь напасть на меня, ты не сможешь изменить свой теперешний облик и стать прежним, и ты никогда не сможешь овладеть пантерой-самкой, если таковую найдешь.

Ведьма засмеялась низким горловым смехом, развеселившись до глубины души.

Пантера фыркнула и подскочила к женщине. Но в двух шагах от ведьмы она наткнулась на невидимую стену. Кошка отскочила и прыгнула снова. И снова невидимая стена отшвырнула зверя назад.

Дювула приложила ко рту руку, издевательски хихикая.

Логанаро больше не медлил. Он рванул дверь и пустился наутек. Кто бы мог подумать, что этот шарообразный пройдоха в состоянии развивать такую скорость! Он остановился только тогда, когда проделал половину пути до западных ворот. Торопливо отдышавшись, он стремительно полетел дальше.

— Здесь мы встанем на ночь, — заявил Конан. Впереди был виден уже край леса, которого так боялся Витариус. Несмотря на свою внешнюю беззаботность, киммерийцу вовсе не улыбалось разбивать лагерь в подобном месте.

Спустились сумерки. Конан собрал дров для костра. Ему постоянно казалось, что за ним наблюдают. Несколько раз он стремительно оборачивался, но никого здесь не обнаружил. Однако он научился доверять своему инстинкту, поэтому решил держать ухо востро.

Когда он рассказал об этом Витариусу, старик кивнул.

— Я тоже чувствую взгляды невидимых глаз, которые направлены на меня. Может быть, это всего лишь дикие звери, но не надо забывать, что мы уже недалеко от Леса. Поэтому я и счел необходимым принять меры предосторожности. Я применил одно небольшое колдовство. Волшебное кольцо, которое ок-

ружает наш лагерь. Если что-нибудь крупнее мыши приблизится к нам, мы это тотчас услышим.

Конан нехотя кивнул. Если бы спросили о его мнении, он бы ответил, что с удовольствием отказался бы от любых видов чародейства. Но если кто-то — или что-то — наблюдает за ним, причем так, что ускользает даже от острых глаз варвара, то это, скорее всего, существо наподобие ламии. Конану и одной-то ведьмы хватило по горло. Витариус может спокойно накладывать свои заклятия — Конан будет спать, не снимая руки с меча. И не слишком крепко.

Когда запылал костер, киммериец почувствовал себя лучше. Ни один зверь не осмелится подойти к огню близко.

После холодного ужина — сушеной свинины и овощей — Витариус завернулся в свое одеяло и тотчас уснул. Элдия вскоре последовала его примеру. Она улеглась поближе к огню. Когда тени пробегали по ее лицу, она казалась совсем малышкой.

Кинна подсела к Конану. Некоторое время оба безмолвно смотрели в костер. Киммериец чувствовал близость молодой женщины и жар ее тела — совсем иное тепло, чем то, которое дает огонь.

Наконец Кинна нарушила молчание.

— Для меня это все так непривычно. Ты много бродил по свету и пережил немало приключений. А я, наоборот, провела всю свою жизнь дома, ведь я дочь крестьянина и никогда еще так далеко не отлучалась. До сих пор.

Конан посмотрел на молодую женщину, но промолчал.

— Я никогда еще не встречала человека, который был бы таким смелым и таким сильным, как ты, Конан. Ты играешь своей жизнью ради того, что не имеет к тебе никакого отношения.

— Совартус задолжал мне за лошадь, — сказал он. — И вообще, он доставил мне целую кучу неприятностей. Из-за него на меня кидаются всякие ведьмы и прочие гнусные бестии. Мужчина приходит за своим долгом.

Кинна ласково положила руку на его сильное плечо.

— Та ночь в харчевне, когда бушевал ураган... Ты помнишь, как мы хотели проверить, плотно ли закры-

то окно в твоей комнате — еще до того, как нам помешали?

Конан улыбнулся.

— Ну конечно, разве такое забудешь?

Она провела рукой по его голой спине под плащом.

— Может быть, мы могли бы сейчас...

Конан протянул руку и сгреб Кинну к себе под плащ. Потом заглянул ей в лицо и проговорил:

— Ну вот! Я уверен, что для нашей инспекции все готово.

В двадцати шагах от кольца оранжевого света тихо заворчал Дивул, который без всякого удовольствия глазел на варвара и женщину. Внешняя граница заградительного круга — творения Белой Магии — поблескивала едва заметно на расстоянии вытянутой руки от демона. Любое прикосновение к полосе заколдованного воздуха вызовет такой шум и озарит лагерь таким светом, что все местные покойники повыскакивают из могил. Злобно наблюдая за парочкой, Дивул скрежетал своими похожими на кинжалы клыками.

— Ты еще поглядишь, как я ее истерзаю, прежде чем сам подохнешь, человечиска. Ты еще повизжишь, умолая, чтоб я добил тебя. Придет, придет твое время...

Полуночная луна висела над двумя сонными часовыми у западных ворот Морнстадиноса. На ясном небе горели звезды. Их свет смешивался со светом коптящих факелов на стенах. И тут люди совершенно отчетливо увидели на улице золотистую пантеру, которая двигалась прямо на них. Зверь бежал настолько стремительно, что у стражников не осталось времени даже на то, чтобы спрятаться, и кошка пролетела мимо и пропала в темноте за аркой ворот.

Позднее оба охранника клялись, что они не были пьяны и не накурились конопли, и что пантера не привиделась им в мутных грезах. Такое животное было для этой местности редким, но не невозможным явлением. Никто не мог бросить стражникам упрека в том, что они не изловили хищника, потому что зверь

появился неожиданно. Однако оба они в своем докладе промолчали о том, что на передней лапе зверя была глубокая резаная рана, которая выглядела почти полностью залеченной... и зашитой. После долгих размышлений стражники нашли, что этой части их истории лучше оставаться за сценой.

Под бледной луной коринфийской ночи двигалась пантера, которая прежде была человеком; скорее крокодилом, чем хищный зверь. У этой пантеры была цель, и она бежала сквозь тьму, свою родную стихию, с одной-единственной мыслью, засевшей в получеловеческом мозгу: с мыслью о смертельной мести Конану-киммерийцу.

Глава пятнадцатая

Открыв глаза, Конан увидел Витариуса, который с улыбкой глядел на него сверху вниз. Вернее сказать, на них, потому что Кинна спала рядом, завернувшись в плащ киммерийца.

— Доброе утро, — произнес старый волшебник. — Нам нужно пораньше встать, чтобы проехать Лес до того, как наступит ночь. А это при самых благоприятных обстоятельствах целый день быстрого марша.

Конан толкнул Кинну. Она улыбнулась во сне.

— Потом, — пробормотала она. — Я устала.

Элдия высунулась из-за спины Витариуса и засмеялась.

Почему-то Конан почувствовал себя не вполне уютно, когда девочка посмотрела на свою спящую сестру. Не то что ему и в самом деле стало стыдно, но почти...

— Просыпайся, Кинна! — резко крикнул он.

Кинна продрала глаза и улыбнулась Конану. Потом она увидела волшебника и девочку. Она зажмурилась и наконец с трудом покинула страну сновидений.

— Что уставились? — спросила она. — Вы достаточно взрослый человек, Витариус, чтобы уже повидать на своем веку, как мужчина и женщина спят вместе. А тебе, сестра, не нужно ничего объяснять, ведь ты выросла на крестьянском дворе, верно?

— Да, — ответила Элдия и хихикнула. — Конечно, Кинна.

— Тогда уйдите, чтобы я могла одеться.

Конан услышал, как Элдия хихикнула, однако девочка ушла к своей лошади, не возражая. Витариус скатал одеяло.

Кинна и киммериец поглядели друг на друга и приснули.

В лесу их окутал неприятный затхлый воздух. Пахло плесенью и перегнившими за тысячелетия растениями. Высокие ели стояли стеной. Мощная кора напоминала серую черепицу. Толстые ковры осыпавшихся коричневых игл лежали на земле и скрывали под собой корни. В солнечных местах встречались заросли ежевики. Но света здесь было мало. Зеленая листва, как ни странно, не давала свежести. На путников давил тошнотворный тяжелый дух. Не пела ни одна птица, не жужжало ни одно насекомое, не прошуршал ни один зверек. Конан теперь хорошо понимал, откуда у Витариуса такое отвращение к этой местности. Он высказал свои мысли вслух.

— И это только край леса, — заявил Витариус, — глубже, в чащобе, вообще появляется чувство, что все вокруг отравлено.

Конан содрогнулся. В последнее время он почему-то все время связывается с разнообразными сверхъестественными штуками. Это ему совершенно не нравилось.

Был слышен только стук копыт по дороге, хотя густая растительность, казалось, проглатывала все звуки. Деревья придвигались все ближе. Свет стал совсем тусклым.

Конану показалось, что он видит, как что-то красное мелькнуло между деревьев и спряталось за могучим стволом примерно в тридцати шагах от них. Внимательно посмотрел туда, но ничего не увидел. Почудилось? Он хотел было подъехать и поискать, но оставил эту затею. Лучше поскорей добраться до другого края Леса, пока не наступила ночь.

Около полудня они остановились, чтобы дать лошадям роздых, перекусить и размяться после долгой езды верхом. Густые кроны деревьев загораживали солнечный свет. Довольно неприятно было сознать,

что солнце стоит в зените, яркое и светлое, но его лучи почти не проникают сквозь темный колпак леса.

Чувство, что за ним наблюдают, не оставляло Конана.

— Не расходитесь! — сказал он остальным.

— Если я не ошибаюсь, — сказал Витариус, — тут неподалеку течет река. Нам придется переправляться через нее, она пересекает дорогу. Но в такое время года сделать это нетрудно. А вот весной она превращается в ревущий поток.

Конан молчал. Он снова заметил красноватое мерцание между деревьев. Ну, хватит, подумал он и вытащил меч.

— Что ты хочешь делать? — спросила Кинна, почесывая свою лошадь за ухом.

— Кто-то шляется вокруг нас, — ответил киммериец. — Теперь он спрятался в лесу. Хотел бы я знать, кто он и что ему от нас нужно.

Витариус поднял костлявую руку.

— Уберите ваш клинок, Конан! В подобных лесах постоянно видишь, как вокруг выплывают разнообразные странные создания. Как правило, жители леса безобидны, самое большое — любопытны. Лучше не делать их своими врагами.

Конан опустил меч. Наверное, старик прав. Пусть эти жители Леса глазают на него, лишь бы держались подальше. А вечером они уже доберутся до равнины.

Через час они вышли к реке, о которой упоминал Витариус. Но как им перебраться на другой берег? Огромное дерево упало на тропу, ведущую к броду, и лежало прямо у кромки воды. Человек еще может вскарабкаться на толстый ствол, но лошадь — вряд ли. Они, конечно, могли бы объехать упавшее дерево, но тогда возникали другие сложности.

— Здесь единственное мелкое место на милю в обе стороны, — объяснил Витариус. — На повороте река намыла песок. По обе стороны от брода глубина достигает двенадцати шагов. Если мы поедем в обход, мы потеряем слишком много времени.

— Мы не можем пережечь ствол? — спросила Элдия.

Конан посмотрел на девочку, потом перевел взгляд на старика. Волшебник покачал головой:

— Нет. Естественному огню на это потребуется несколько дней. А если мы используем известные силы, желая ускорить события, вполне вероятно, обратим на себя внимание, что весьма нежелательно. Кое-какие существа почувствуют притяжение огромной энергии. Существа, с которыми я предпочел бы не встречаться.

— Что же нам тогда делать?

— Ехать в обход, — ответил Конан. — Можно подумать, что наши лошади умеют плавать. Лично мне в этот их дар верится с трудом. Если следующий брод находится всего в одной миле от этого, мы сможем перебраться на другой берег и через один-два часа снова выйти на нашу дорогу.

— Это значит, что нам придется провести ночь в лесу, — добавил Витариус.

Конан пожал плечами. Изменить-то ничего нельзя. Когда они проезжали мимо корней упавшего дерева, ему бросилось в глаза то, что земля на корнях была еще влажная и свежая. Странно. С тех пор, как они покинули Морнстадинос, не было ни одной бури.

После получасового марша путники добрались до излучины, где река была мелкой. Русло было довольно широким, но вода текла медленно, не быстрее, чем на переправе возле упавшего дерева.

— Здесь, — сказал Конан и направил свою лошадь в воду.

— Конан, подождите! — крикнул Витариус. Он указал на дерево, росшее на противоположном берегу.

Конан стал рассматривать дерево. У него была странная форма. В десять раз превышая рост человека, оно, скорее, напоминало колючий кустарник. Колючки были невероятной длины. У подножия валялись какие-то отбросы. Киммериец прищурил глаза и разглядел: кости. Скелеты по меньшей мере дюжины зверей — от мускусной крысы до кого-то, кто был размером с собаку...

Витариус выпрямился и взял пустой мех из-под вина. Потом подошел к воде и опустил мех в реку. Поплыли пузыри.

— Что вы делаете? — спросил Конан.

Витариус выпрямился и завязал горлышко. Ему было тяжело держать мешок, полный воды.

— Конан, вы можете бросить вот это через реку, к корням?

Киммериец прыгнул с лошади и взял мех.

— Думаю, да. А зачем?

— Бросайте, тогда увидите!

Конан поглядел на старика. Он что, окончательно спятил? Киммериец покачал головой, но сделал Витариусу знак отойти, собираясь размахнуться как следует. Интересно, что старик хочет ему показать? Мех, конечно, лопнет, ударившись о ствол, и колющее дерево бесплатно получит воду, вот и все.

От места, где стоял Конан, до дерева было около пятнадцати шагов. Он раскрутил над головой кожаный мех и при последнем обороте выпустил сосуд с водой из рук.

Мех двигался медленно, как лист, слетающий с дерева. В нескольких футах от дерева он упал на землю и подкатился к стволу. Мастерница, которая сшила этот мех, заслуживала величайшей похвалы, потому что он не порвался.

То, что произошло потом, разыгралось с молниеносной быстротой. Три ветки стремительно наклонились, словно это были хлысты, сплетенные из ослиной кожи. Дюжина колючек, каждая длиной с палец, проткнула мех, как небольшие копы. Вода брызнула маленькими фонтанчиками. Мех опустел буквально в одно мгновение, и ветви поднялись вверх так же быстро, как и опустились.

Конан повернулся к Витариусу. Лица у Элдии и Кинны были удивленные. Конан мог только надеяться на то, что у него самого был менее глупый вид.

— Я же говорил, что в этом лесу в высшей степени странная флора. Там, на берегу, стоит дерево Поцелуй-Копье, мимо которого пройти довольно трудно.

— Ясно теперь, откуда здесь кости, — сказал Конан.

— Колебание почвы над корнями вызывает ответную реакцию ветвей. Дерево питается кровью и другими соками своих жертв, имевших неосторожность пробежать мимо корней. Чем крупнее добыча, тем больше ветвей направляет дерево, чтобы схватить ее.

По спине Кинны пробежал холодок.

— Ну и что же нам делать? — спросил Конан.

Витариус показал на Элдию:

— Малышка...

Девочка кивнула, сжала бока лошади пятками и поскакала на мель. Конан хотел было схватить поводья, и Кинна крикнула:

— Нет!

— Ей не угрожает опасность! Пустите ее! — сказал Витариус.

Конан бросил на Элдию вопросительный взгляд. Девочка кивнула:

— Он прав. Со мной ничего не случится.

— Нет!

Кинна тронула лошадь и хотела подъехать к своей сестре, но Витариус преградил ей путь. Молодой женщине нужно было смести старика с дороги или остановиться.

— Она еще ребенок! Вы же видели, что эта... эта дрянь сделала с мехом!

Но Элдия уже добралась до противоположного берега. Все видели, как вздрогнули ветви дерева при первом прикосновении копыт к земле...

...и как они вспыхнули! Ветки, похожие на бичи, угрожающе утыканные острыми шипами, отчаянно раскачивались, но этим они только раздували пламя. Горящее дерево шипело, как жир, капающий в огонь.

Витариус сел на лошадь.

— Маленькая искра, не очень много Силы. Я не думаю, чтобы это выдало нас.

Путь в обход занял у небольшого отряда около двух часов. Когда стемнело настолько, что глаза перестали различать нитку дороги, Конан остановился и обернулся к Витариусу. Тот покачал головой.

— Нам осталось самое меньшее час пути до края леса. Ночью идти опасно.

— Значит, заночуем здесь, — решил Конан.

Дивул присел за деревом, внимательно наблюдая за происходящим. Он не сомневался в том, что Белый Маг снова установит своего магического сторожа. Но избежать разоблачения довольно просто: нужно только заблаговременно попасть внутрь круга. На дороге или позднее, на равнине, будет уже невозможно соблюдать большую осторожность. Для того демон и

свалил дерево. Его будущие жертвы, девочка и варвар, потратили из-за этой преграды достаточно много времени, чтобы темнота застала их в лесу.

Дивул пополз поближе к дороге. Хоть он и знал, что темнота делает его почти невидимым, все же он очень старался стать абсолютно бесшумным, насколько это возможно для демона. Трудновато ему пришлось. У демонов мало причин учиться ползать на брюхе. Но ведь было так важно, чтобы его ни в коем случае не обнаружили, и демон был предельно осторожен: ни одна ветка не хрустнула под его тяжелыми мозолистыми ступнями, не зашуршала ни одна травинка. Для того чтобы сделать эти несколько шагов, ему потребовался почти час. Но в конце концов Дивулу удалось оказаться на расстоянии всего двух прыжков от человека, которого он поклялся убить.

— Волшебный сторож установлен, — сказал Витариус. — Теперь мы можем спокойно отдыхать.

Конан кивнул. Однако втайне по-прежнему не доверяя чародейству любого рода, он положил обнаженный меч рядом с одеялом Кинны.

Но когда молодая женщина скользнула ему в руки под шерстяной плащ, он забыл обо всех опасностях, которые таил в себе Лес.

Это был запах. Не шорох, не звук, а именно запах разбудил Конана. Смердящий дух преисподней ударил ему в ноздри. В тот же миг он понял, что демон, с которым однажды он уже сцепился, каким-то образом выследил их. Конан раскрыл глаза и потянулся за своим мечом.

— Ищешь что-то?

Резкий металлический голос демона звучал совсем близко. Конан выбрался из-под одеяла и вскочил на ноги. Красный демон стоял в двух шагах от него. И в руках нечистый держал меч Конана.

Рядом зашевелилась Кинна.

— Конан... что случилось?

Дивул оскалился в усмешке. Он махнул в сторону женщины головой и передразнил:

— «Конан... что случилось?»

Дивул выбросил меч в темноту. Костер уже прогорел, но несмотря на это было так светло, что Конан видел своего врага вполне отчетливо.

— Я — Смерть, Конан, и я хочу взять тебя. Конечно, не здесь. Для начала я приготовил парочку прелестных развлечений.

Кинна села. Конан видел это краем глаза. Меч его пропал, но на месте оставался кривой нож Лемпариса. Если он сумеет схватить его с одеяла...

— Конан! Где Элдия?

Конан метнул взгляд на одеяло девочки. Пусто. Ухмылка Дивула стала еще шире.

— Я удалил ее. Я не нуждаюсь в том, чтобы она вместе со старой перечницей поливала меня своим огнем. Эдак я не успею закончить мои дела.

Витариус пошевелился.

— Что здесь.. о!

— Иди же, оса! — издевался Дивул. — Давай устроим показательное сражение, чтобы я мог позавтракать какой-нибудь оторванной конечностью. Вкуснятина-то, а?

Конан метнулся к своему одеялу и схватил нож. Потом снова встал и направил стальной клик на Дивула.

— Твое жало сильно усохло, оса, — засмеялся Дивул. — Давай, иди сюда с этой штуковиной! Я тебя одной рукой...

Когти Дивула скрежетали, как кинжалы. Конан двинулся вперед.

Дивул прыгнул. Он схватил нож Конана и надавил рукой на спину варвара. Конан почувствовал позвоночником тяжесть демоновой культи. Киммериец хотел пнуть демона коленом в причинное место, но вместо этого врезался в твердокаменное красное бедро. Оба рухнули на землю. Они сплелись, словно действительно устроили состязание в борьбе.

Как бы ни был силен Конан, но в тисках Дивула он казался ребенком. Демон вырвал у него нож и забросил в темноту, где тот, свистнув, и сгинул. Мгновение спустя Дивул отшвырнул от себя молодого великана, как краюху траченного мышами хлеба. Киммериец ударился так сильно, что задохнулся.

Дивул подскочил к нему.

— Ты дался мне слишком легко, оса!

Он хотел схватить Конана. Киммериец увидел, как Кинна раскачивает свой шест, сработанный из тяжелого дерева. Шест просвистел в воздухе, ударил Дивула в спину, в область почки, и разлетелся в щепки. Дивул только хрюкнул и слегка пошатнулся. Потом он повернулся и пошарил вытянутой рукой. Схватив Кинну за плечо, он швырнул ее на землю.

За это время Конан успел подняться на ноги. Он услышал крик Витариуса:

— Конан! Ловите!

Седоволосый волшебник что-то бросил молодому человеку.

Конан ожидал увидеть, как блеснет нож. Но никакого клинка он не обнаружил. На ощупь это было что-то вроде промасленного пергамента, натянутого на деревянную болванку. На одном конце ее было несколько шипов, нечто вроде небольших кинжалов. Конан мгновенно сообразил: отрубленная рука Дивула!

Демон повернулся и взглянул на Конана. Свет костра плясал на его клыках, слизь капала из раскрытой пасти, когда он набросился на человека. Очевидно, он ожидал, что Конан отшатнется, но тот сделал обратное. Он кинулся навстречу чудовищу. У него был только один шанс, и киммериец решил не упускать его. Конан поднял отрубленную руку и изо всех сил ударил когтями по лицу ее бывшего владельца.

Высохшие пальцы растопырились. Указательный и средний пальцы до третьего сустава вонзились в глаза Дивула.

Демон оглушительно взвыл. Вопль его заставил задрожать ночной воздух. В ушах у Конана зазвенело. Он чуть не оглох. Дивул, шатаясь, схватил живой рукой мертвую. Он дергал ужасное оружие, причинявшее ему такие муки, но оно, казалось, приросло к лицу. Все еще завывая, демон упал на колени. Странный оранжевый свет, пронизанный копотью, струился от его лица. На глазах у потрясенных зрителей это сияние охватило все тело демона. Окутав Дивула с головы до ног, оно внезапно погасло. Дивул ничком рухнул на землю. Его тело растеклось, как жидкий воск, и превратилось в красную кипящую лужу, которая расплзлась по хвое, и от нее осталось просто жирное пятно...

В одной из комнат замка Слотт неожиданно вспыхнула ярким оранжевым огнем тщательно начерченная на каменных плитах пентаграмма. Когда пламя погасло, пентаграмма исчезла вместе с ним...

И в городе Морнстадиносе ведьма Дивула распахнула глаза, внезапно вырванная из своего легкого сна без сновидений. Она закричала; но напрасно было теперь все. Ее брата не существовало больше на земле.

Глава шестнадцатая

В свете костра, разложенного снова, сидели Конан, Витариус и вернувшаяся Элдия. Девочка была перенесена с того места, где она спала, совсем недалеко, в пределах заградительного круга.

— Он должен был находиться совсем близко от нас, когда я читал заклинание, — сказал Витариус. — Граница не была нарушена.

Конана эти подробности не интересовали.

— Что с ним произошло?

Он покосился на жирное пятно, которое раньше было Дивулом.

— Поскольку я принадлежу к Белым, я не мог использовать против Дивула его имя. Демон знал это. Но плоть от его плоти, как выяснилось, — куда более мощное оружие.

Кинна спросила:

— Откуда вы знали, что случится?

Витариус покачал головой.

— Я ничего не знал. Белый Круг не учит подобным вещам. Но кое-какие слухи до меня доходили. Когда живешь так долго, то рано или поздно, так или иначе узнаешь что-нибудь эдакое. Много лет назад я наткнулся на древний пергамент, страницу из огромного труда. Одна мудрая душа сожгла его почти без остатка. На этой странице было написано, что плоть, отрубленная от тела демона, вновь воссоединится с прежним своим владельцем, если коснется его. Если бы Конан приложил мертвую руку к обручку, демон излечился бы от своего уродства. Но, кажется, плоть демона не слишком разборчива — рука приросла к первому же месту, которого коснулась.

Кинну передернуло.

— Вы хотите сказать, что рука пустила корни... в лицо этой твари?

— Кажется, так. Поскольку глаза — вопиюще неподходящее место для руки, то она попросту убила демона.

— По заслугам, — сказал Конан. — Я буду спать спокойнее, зная, что этот выродок из преисподней не наступает мне на пятки.

На обочине коринфийской дороги спал Логанаро, посредник. Спал он беспокойно. Ночной холод пробирал его до костей, несмотря на то, что посредник накопил солидный жирок. У него не было ни одеяла, ни припасов. Все это он в страшной спешке бросил в Морнстадинос. Ему удалось перегрызть веревки на руках. Но кроме той одежды, что была на нем, он не имел больше ничего.

Толстяка разбудило что-то невидимое глазу. Он проснулся и стал напряженно вглядываться в темноту. До его слуха доносился лишь далекий крик ночной птицы, которая звала подругу. Ночные шорохи, больше ничего. Морнстадинос (и страшный сенатор) далеко, он может не бояться. Здесь он в безопасности.

Он немного успокоился. Конечно, он привык путешествовать в более комфортабельных условиях, но ему недолго быть беглецом. Во многих городах Коринфии у него большие связи. И даже в некоторых маленьких королевствах, расположенных к югу отсюда. Кого-нибудь из своих знакомых он вмиг уговорит снабдить его лошастью. А после этого он уже сможет податься в одно из многих укромных мест, где у него припрятаны сокровища.

Разумеется, Морнстадинос — Алмаз Коринфии, но это же не единственный город на свете. Может быть, он отправится в Немедию или в Офир, а может быть, даже в Коф. Во всех этих краях у него прочные и солидные связи.

Свое поспешное обещание жить честно и даже уйти в послушники в храм Логанаро вспоминал с усмешкой. Экая глупость! Все призывают богов в минуту большой нужды. Если боги кому-нибудь и помогают, то это их дело, не его. Он уже давал дюжину подобных обетов и тут же нарушал их. Боги, как правило, не проявляли интереса к клятвопреступлениям. Логанаро

имел обширный опыт по этой части. Человек делает то, что считает нужным делать в определенной ситуации. А положение меняется быстро, как ветер. Важно только одно: он жив и может снова приступить к своим делам. В преисподнюю богов!

Медленно исчезала на лице Логанаро улыбка, когда он снова заснул, убаюканный криками далекой птицы.

По дороге, освещенной звездами, бежало золотистое существо. Близился рассвет. Пантера дышала устало. Кроме того, она была голодна. С тех пор, как она покинула город, она бежала без передышки. Она поймала только кролика и одного крота. Это не еда даже для дикой кошки и тем более для такого огромного зверя, как пантера. Хищника окрыляла месть, но месть не насыщает, как мясо и свежая кровь.

Словно благосклонные божества услышали на небесах пантеру. Внезапно в чуткий нос зверя ударил запах свежего мяса. Здесь, прямо перед ней, возле этого дерева! Кошка пошла медленнее и, наконец поползла к своей добыче на брюхе.

Мясо спало. Хорошо! Это упрощает дело. Теперь можно беспрепятственно добраться до глотки и выпить в нее. А если человек окажет сопротивление, то разорвать ему когтями живот и вытащить кишки.

Тихо, как призрак, подкрадывалась страшная кошка. Но несмотря на это, мясо вдруг испугалось. Может быть, интуитивно оно ощутило свой близкий конец. Человек распахнул глаза и попытался вскочить на ноги. Потом вскричал:

— Нет! Только не это! Простите меня, о боги, я выполню обет! Я сделаю все, в чем поклялся! Клянусь!

Хищный зверь, который прежде был человеком, оскалился, показывая длинные клыки. Вот и славно! Именно жирный предатель и послужит ему завтраком! Необычайно все это ко времени, думала пантера, изготовившись к прыжку.

Птица, зовущая в ночи свою подругу, вдруг замолчала. Воцарилась глубокая тишь...

...Если не считать звуков, которые доносились с обочины, где пантера торопливо заглатывала свою жертву.

Когда деревья Блодолькова Леса остались позади, Конан почувствовал себя намного лучше. Перед ним простиралась большая равнина. Кое-где поднимались холмы и скальные обнажения. Здесь ему нравилось. Здесь человек может заметить опасность еще издали и подготовиться встретить ее достойно и заблаговременно. И никто не сможет следить за ним, притаившись в двух шагах за деревьями и кустами, от которых отвернулись боги.

Витариус и Элдия ехали бок о бок и негромко переговаривались. Лошадь Кинны следовала за ними. При случае молодая женщина оборачивалась через плечо и улыбалась Конану. Женщина такой редкой красоты и такого страстного темперамента, — нет, Конану не на что жаловаться. Напряжение, мучившее Конана с первой же минуты его встречи с ведьмой, исчезло. Улыбаясь себе под нос, он толкнул лошадь, желая подъехать ближе.

— Эй, Витариус! — крикнул Конан. — Может быть, теперь, когда проклятый лес остался позади, нам сделать привал и позавтракать как следует?

— Считайте, что нам очень посчастливилось проехать лес так беспрепятственно, — сказал Витариус.

— Посчастливилось? Беспрепятственно? Дерево, явно страдающее какими-то извращениями, чуть не сожрало нас, а красный демон едва не прикончил!

— Это сущие пустяки по сравнению с тем, что выпадало другим. По меньшей мере, мы остались живы и можем рассказать о пережитом.

Конан кивнул — здесь старик прав.

Четверо путников остановили лошадей и вытащили солонину и сушеные фрукты, намереваясь закусить. Во время завтрака Конан поделился с Витариусом своими соображениями насчет того, насколько эта местность милее ему, чем коварный лес.

Витариус задумчиво жевал какие-то коричневые слипшиеся в комок плоды.

— Да, в обычной ситуации я бы с вами согласился. Но эта равнина называется Додлигия. Она далеко не так проста, как выглядит теперь. Полдня пути — и мы будем в пределах видимости из замка Слотт. А до него еще один день ехать. На этой равнине тоже встречаются препятствия. Я подозреваю, что мы не сталкивались с часовыми только потому, что едем к

самому Совартусу, иначе мы имели бы с ними дело еще на коринфийской дороге. Он просто не ожидает, что муха сама полетит прямо в его паутину.

Старик еще раз откусил от своего фрукта.

— Но можете быть уверены, что Совартус не оставит свой замок без охраны, даже если он и не ждет нас. Он наделал себе немало врагов. Слишком многих он с удовольствием бы увидел болтающимися на виселице. А если бы все, кто охотно плюнул на его труп, выстроились друг за другом, то процессия ушла бы далеко за горизонт.

— Я стояла бы первой, — сказала Элдия, чересчур сурово для маленькой девочки.

— А я опередил бы тебя, чтобы успеть забрать причитающуюся мне лошадь прежде, чем остальные разграбят замок! — Конан засмеялся.

Витариус нахмурил лоб.

— Поберегите вашу веселость до тех времен, когда мы завершим нашу миссию. Если я не ошибаюсь, у Совартуса всегда было плохо с чувством юмора. Кроме того, нам нужно помнить, что у земли здесь тоже есть уши и что скоро нас увидят из замка.

Конан приложил ладони ко рту, сложив их рупором.

— Эй вы, в замке! Чтоб лошадь была готова к моему прибытию! — крикнул он.

Потом, смеясь, повернулся к своим друзьям. В его глазах вспыхнул синий огонь.

Но никто не улыбнулся в ответ.

Когда солнце проделало половину своего пути над землей, четверо путников увидели вдаль вершину. Удивительная скала, подумал Конан. Она стояла прямо на плато, возвышаясь одиноко и напоминая по форме конус. Ни горных отрогов, ни холмов. Вершина скалы была еще более странной. Она расширялась над узкой перемычкой, как верхняя часть песочных часов.

— Замок Слотт, — объявил Витариус.

Конан покосился недоверчиво.

— Так это скала, что ли?

— Большая ее часть. Скала пронизана коридорами и пещерами, которые соединены между собой переходами. Эта выпуклая вершина создана не природой. Ее

творцы — магия и человек. Отсюда она кажется маленькой, но когда подходишь ближе, то видишь, что она в десять раз больше самого большого дворца в Морнстадиносе. Верхние комнаты сообщаются с нижними с помощью тоннелей. Если иметь с собой достаточно припасов, то можно бродить по замку годами и никогда не повторять уже пройденной дороги. Начиная с этого момента мы должны быть настороже, — предупредил Витариус.

Конан уставился на замок. Разглядывая это строение, навевающее безотчетный ужас, киммериец почувствовал, как его веселье улетучивается.

Дювула надзирала за тем, как ее Принца Копья перекладывают в экипаж.

— Осторожней, ты, балбес! Если ты уронишь ящик, я тебе все поотрываю! Оно тебе явно лишнее!

Рабочий раскрыл глаза и удвоил осторожность. Дювула направилась в дом, чтобы запаковать свой сундучок с порошками и растворами.

Бережно перебирая пузатые сосуды, заполненные светящимися разноцветными жидкостями, чародейка покачивала головой. Ей вовсе не светило шляться по пыльным дорогам, но тут уж ничего не поделаешь. Дивул мертв. Хотя причин для его кончины нашлось бы немало, в глубине души Дювула была уверена, что ее братец-демон принял смерть от рук варвара, старого волшебника и огненной девочки. Теперь ведьмой руководила не только алчность, но и желание отомстить. В любом случае, она не собирается просто сорвать на варваре злобу. Ее отношения с Дивулом базировались больше на взаимной выгоде, чем на искреннем чувстве. И все же демон был ее родственником. Еще один счет, который она предъявит своим жертвам.

После блистательного провала великого борца на арене любви Лемпарису стало еще важнее заполучить Конана — ради Принца.

И конечно, девочку ни в коем случае нельзя упустить. Если бы огненный ребенок попал в руки ведьме, она могла бы получить взамен услуги Совартуса. Теперь, когда Дивул мертв, ведьма так нуждалась в сильном покровителе! По всем этим соображениям она

и решила идти по следам варвара и девочки, которую тот оберегает.

Колдунья улыбнулась. К счастью, ей не придется долго тащиться по коринфийской дороге. Она владела могущественным заклинанием, которому научил ее Дивул и с помощью которого она могла проходить сквозь пространство. Несколько часов по тропам преисподней соответствуют долгим дням езды по хорошим дорогам этого мира.

Путешествие небезопасно даже для ведьмы с ее опытом. Между пространств, по Срединным мирам, бродят существа, которые вызывают ужас у любого демона, не говоря уж о женщине. Под серым солнцем опрометчивого путника поджидает тысяча смертей тысячи жутких видов. Но Дювула не раз уже ездила этой дорогой. Она была осторожна. Ей приходится идти на риск, чтобы не упустить свою добычу.

При последней мысли неутомимая сладострастница улыбнулась и снова взялась за упаковку магического снаряжения.

Вечером Конан обнаружил новую неприятность. Насколько видел глаз, до самого горизонта, равнина слева от киммерийца была совершенно пуста. В следующее мгновение в двадцати шагах оказалось какое-то существо. Оно было выше Конана на фут и напоминало огромную собаку, стоящую на задних лапах. Лапы эти были похожи, скорее, на человеческие ноги, а передние конечности тоже напоминали руки человекообразной обезьяны. Но в целом чудище выглядело все же как собака: острые уши, длинная морда с острыми клыками, черный нос.

Конан хотел было обернуться к Витариусу, но зверь мгновенно исчез. Конан выругался. То есть, то нет — в воздухе он растворился, что ли?

Киммериец окликнул Витариуса и кратко описал ему странное явление.

— Полуволк, — кивнул старый волшебник. — Зверь Земли, через брата Элдии ее контролирует Совартус.

— Это существо магическое? Он так странно исчез...

— Нет, полуволки живут в тоннелях под землей. Полуволок, которого вы видели, как раз вышел из потайного лаза и поэтому попался вам на глаза.

— Ага... — Такое объяснение понравилось Конану. Зверя — контролирует его там волшебник или не контролирует — можно прикончить мечом.

— Без сомнения, Совартус тут же будет извещен о том, что мы здесь, — сказал Витариус. — Лучше всего просто продолжать путь. Эта земля вся изрыта волчьими тоннелями, как улей.

— И что же эти волки будут делать?

Витариус пожал костлявыми плечами. Его плащ слегка шевельнулся при этом движении.

— Они в любом случае попытаются связаться со своим повелителем. Гонца пошлют, а может быть, с помощью магии. Полуволки не обладают развитым сознанием. Но того, что у них имеется, будет довольно, чтобы доставить вполне точное описание нашей внешности. Я не сомневаюсь ни секунды, что Совартус уже знает о нашем появлении.

— И что этот чернокнижник предпримет? — спросила Кинна.

Старик качнул головой.

— Не знаю. Мы поедем дальше к его гнезду. Он может напасть на нас сейчас или подождет, пока мы прибудем.

— Тогда на нашей стороне больше не будет преимуществ внезапности, — заметил Конан.

— На это я и не рассчитывал, — ответил Витариус.

— Может быть, вы все-таки поделитесь со мной своим планом, волшебник?

Конану вообще ужасно не понравилось появление полуволка.

— Когда мы будем возле замка, я использую свою магию для отвлекающего маневра. Я высвобожу много энергии и взорву огромные запасы Силы, чтобы обратить все внимание Совартуса на себя. Пока он будет занят этим, вам останется только проникнуть в замок, найти и освободить детей.

— И это — ваш план? — Конан покачал головой. — Я должен вскарабкаться по гигантской скале, вломиться в замок, обыскать никак не меньше тысячи комнат, пока не найду детей, раскидать стражников,

которые там, несомненно, кишат, охраняя могучего чародея, и вернуться назад, имея на руках троих детишек?

— Да, это мой план.

— Ах, вот как? А я-то боялся, что наше предприятие может оказаться трудным! Какая глупость с моей стороны! Тут всего-то кота за хвост подергать...

— Оставьте сарказм при себе, Конан. Я готов принять любое разумное предложение.

Киммериец покачал головой.

— Да ладно... Ваш план показался мне не таким уж отвратительным. — Он ударил ладонью по рукояти меча. — В любом случае, я положусь лучше на мой клинок, чем на сложные стратегические маневры.

— Я пойду с тобой, — заявила Кинна.

Конан засмеялся.

— Я еще раньше говорил и повторяю опять, что предпочитаю работать в одиночку.

Кинна яростно возразила:

— Если бы я была мужчиной, ты взял бы меня с собой!

— Я не взял бы тебя даже в том случае, если бы ты была ручным драконом, который по команде изрыгает потоки пламени. Лучше всего мне работает, когда я один. Кроме того, я действительно рад тому, что ты женщина, Кинна. Ничего иного я бы и не хотел.

Конан читал на ее лице, как гнев уступает место другому чувству. Наконец она сказала:

— Да, я тоже рада тому, что я женщина, Конан.

Серые Страны, лежащие между пространствами, никогда не отличались приветливостью, по меньшей мере, такими знала их Дювула. Штормовые дожди с громом и молниями бушевали, уносясь на юг и восток. Атмосфера вокруг ведьмы была насыщена электричеством. Срединные миры закручивали прямые линии в спирали, округляли углы. Здесь царил бесконечный, всеохватывающий обман, сплошное искажение.

Дювула понукала испуганных лошадей, запряженных в экипаж. Внезапно что-то темное пролетело перед ней, громко скрежеща на ходу. Лошади споткнулись и хотели повернуть назад. Только пустив в ход

длинный бич, Дювула смогла заставить их двигаться вперед. Несмотря на шоры, несмотря на успокаивающие заклинания, животные сильно пугались. Может быть, они чувствовали опасность, которая когда-то погубила одну из пристяжных Дювулы. Тогда ведьму спас покойный Дивул — она едва не разделила судьбу своей лошади и не оказалась в брюхе безобразного чудовища.

У Дювулы похолодела спина. Ей страстно захотелось, чтобы Дивул был жив и сейчас сидел бы рядом с ней.

По ее подсчетам, она должна была еще минут десять находиться на этой адской дороге, прежде чем вернуться назад, в свой собственный мир... и оказаться впереди своих жертв. У нее был уже готов четкий план, как обращаться с варваром и волшебником. Только бы все получилось!

Не успела она это подумать, как земля вздыбилась. Перед колдуньей выросла башня, как будто взлетела и застыла струя фонтана. Потом земляной пузырь лопнул с оглушительным треском, словно из куска дерева вырвали огромный гвоздь. Перед волшебницей распахнулась зияющая пропасть с рядом острых каменных зубов, уходящих в черную глубину. Дювула не сомневалась ни мгновения, что этот подземный демон проглотил ее вместе с лошадьми и повозкой.

Лошадей не нужно было упрашивать остановиться. Пока они находились вне пределов достигаемости дорожного проглота, Дювула предпочла не двигаться дальше. Доверять безопасности этой дороги было совершеннейшим легкомыслием. Как ни хотелось ведьме опередить преследуемых, ей пришлось покинуть Серые Страны раньше времени. У подземного чудовища, видимо, были свои взгляды на гастрономию, поскольку оно довольно быстро придвигалось к ведьминой повозке, раскрыв пасть, как аллигатор. Быстро, но четко перепуганная чародейка выговорила заклинание. Все вокруг завертелось, яркие молнии вывели в воздухе свои огненные кривые...

...И Дювула оказалась на узкой тропинке на краю сумрачного леса. Она мгновенно сообразила, что добралась до северной околицы Блодолькова Леса. С помощью чародейства, наведенного на одежду Конана, ведьма определила, что варвар имеет преимущество,

по меньшей мере, в полдня. Проклятье! Теперь ей придется заколдовать лошадей, чтобы они могли скакать всю ночь и догнать в конце концов этих людей. Или опять заглянуть в Срединные Миры? Но воспоминание о чудовище быстро обуздало чересчур резвые мысли.

Ведьма хлестнула коренного между ушей. Животные помчались галопом. Одна лошадь заржала и нервно задрала голову. Дювула бросила взгляд в сторону.

Устроившись на полую ветку кривого дерева, лежала спящая пантера. Дювула выругалась:

— Вот ведь глупая скотина! После всех кошмаров, которые ты видела в преисподней, шарахаться от спящего зверя?

Она угостила лошадь хлыстом, и экипаж покатиł дальше, мимо неподвижного хищника, которого Дювула тут же выбросила из головы.

Глава семнадцатая

Лагерь уже спал, и костер догорел. Витариус снова поставил свою магическую охрану. Конан пристроился рядом с Кинной и погрузился в легкую дремоту.

Вдруг невероятная какофония вырвала его из объятий сна. Гремело и завывало так, словно наступил конец света. Скрежет разрывал барабанные перепонки — он был громче, чем вопли умирающего демона. Рев сопровождался ослепительными вспышками разноцветных огней. Конану потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что случилось: кто-то коснулся магического круга.

Киммериец откатился в сторону, схватил свой меч и легким прыжком вскочил на ноги. Ночное небо было затянуто облаками, но вспышки света оказались достаточно яркими для того, чтобы увидеть, что произошло: полуволки наступали!

Витариус выбрался из-под одеяла и помчался к Элдии, которая стояла со своим коротким мечом наготове. Кинна держала кривой нож Конана. Киммериец бросился навстречу первому волку, ворвавшемуся в лагерь. Мышцы зверя заиграли под темным мехом,

когда он прыгнул на Конана, выставив сверкающие клыки и пытаясь вцепиться человеку в горло.

Но эти клыки сомкнулись в смертельном оскале, когда Конан одним ударом меча отрубил волку голову. Не останавливаясь ни на миг, киммериец ловко повернулся на пятках и встал лицом к другой бестии. Эта сама напоролась на острие и громко взвыла, повиснув на клинке.

К несчастью, умирающий полуволок упал так резко, что рукоять меча выскользнула из сильной руки киммерийца. Конан выругался и наклонился, желая вытащить меч из трупа, из-за чего третий волк, напавший на киммерийца, промахнулся и, вместо того чтобы впиться клыками в его горло, сделал в воздухе сальто и сильно ударился хребтом о землю.

Конан потянул меч, но тяжесть мертвого волка крепко держала сталь. Опомнившийся от удара зверь снова поднялся и изготавился к прыжку.

Киммериец отказался от своего прежнего намерения и все внимание сосредоточил на нападающем звере. Конан зарычал, подражая волку. Внезапно лохматая тварь отвлеклась от него и переключила свое внимание на нечто иное: коротенький меч Элдии вонзился в его брюхо, а Кинна в тот же миг разрешила лапу до кости кривым ножом. Зверь отчаянно взвыл.

Конан не медлил ни секунды. Он уперся ногой в мертвого волка и дернул свой меч изо всех сил.

В этот момент Витариус наконец добрался до Элдии. Старый волшебник положил руку на голову девочки и послал в небо слова защитительного заклинания, перекрывая грохот разорванного магического круга.

У Конана не было времени глазеть на магическое действие, потому что в лагерь ворвалась новая когорта полуволоков, которые явно намеревались закусить свежей человечинкой. Конан зло рассмеялся и побежал навстречу новым ночным визитерам, весь в крови их убитых собратьев.

Свистящий меч Конана раскидал целую стаю. Звери были стремительны, но они слишком суетились и толкали друг друга в нетерпении напасть. Их было чересчур много. Один из волков не успел вовремя отступить за пределы досягаемости меча и в резуль-

тате стал собратом по увечью покойного демона Дивула.

И тут вспыхнул сверхъестественный синий свет. Постепенно превращаясь в узкий луч, он пронзил одного из волков. Второго. Третьего. Как сказочное копье, синий луч протыкал зверей насквозь. Густой дым и вонь поднялись от трупов волкоподобных чудищ.

Элдия!

Оставшиеся в живых волки завопили от страха и рассеялись. Конан повернулся очень своевременно: темная тень, как призрак, притаилась за спинами Элдии и Витариуса. Киммериец выкрикнул предостережение и кинулся к ним. Но он опоздал. Рука, сжимающая дубину, ударила старика по уху, и он упал. Связь между волшебником и огненной стихией была прервана. Голубое пламя погасло, словно кто-то сжал пальцами фитиль горящей свечи. У Конана все еще было темно в глазах, когда он подбежал к неизвестному, пытавшемуся схватить Элдию. Короткий меч девочки свистнул в темноте. Волк отскочил на шаг назад.

Короткого замешательства в стане врага было достаточно. Конан с лошадиным топотом помчался вперед, не переводя дыхания, пока не налетел на полуволок. Молодой великан резко ударился плечами о грудь зверя, швырнул его на землю и ткнул мечом. По крайней мере, эта бестия больше не будет доставлять хлопот!

Обернувшись, он увидел, что Витариус с трудом пытается встать. Он торопливо помог старику подняться на ноги.

Контуженный волшебник прошептал:

— Что... что произошло?

— Вас ударили сзади. Зверя я прикончил.

Витариус потряс головой.

— Волки...

— Большинство из них мертвы, остальные удрали. Я не вижу ни одного, который бы шевелился.

Старик кивнул. И вдруг ужас появился на его лице.

— Элдия! Кинна! Где они?

Конан посмотрел кругом. Обеих сестер не было и следа.

В темной вышине замка Слотт ликующий Совартус из Черного Квадрата хохотал, как безумный. Она принадлежит теперь ему! Его рабы, его полуволки схватили ее! Только что прилетел ворон, принес донесение от повелителя полуволок: дитя Огня находится на полпути в замок, ее ведут по подземным переходам — плоду трудов тысяч поколений полуволок.

Совартус стоял в пустом зале своей башни. Повсюду гирилями свисала паутина. Этим помещением не пользовались уже много лет; но темные пятна на каменных плитах пола безмолвно свидетельствовали о его жутком предназначении. Этот круглый зал находился на самом верху. На каждую из четырех сторон света выходило окно. Именно здесь хотел Совартус соединить стихии и стать могущественнейшим чародеем со времен гибели Атлантиды.

Он прошелся вдоль стены, останавливаясь возле каждого из четырех полукруглых окон и выглядывая наружу. Скоро каждое окно станет рамой для каждой из стихий. На востоке будет взвиваться ураганный ветер, на западе вставать на дыбы земля, с севера будут изливаться вселенские потоки, а с юга — да, наконец-то! — с юга поднимутся огненные столбы, такие горячие, что сожгут обитателей ада. Когда стихии займут свои места, он, Совартус из Черного Квадрата, повелит им соединиться. Так родится Создание Силы.

Да, так сольются воедино Четверо, и будет у них силы гораздо больше, чем прежде, когда они были разделены. Идея была зачатием, воплощение ее — рождением. Мир задрожит и содрогнется при этом рождении — и падет перед человеком, который станет дирижером вселенского оркестра!

Совартус рассмеялся и ударил в ладоши. В зал немедленно вошли несколько фигур в черных одеяниях. В тени капюшонов лица их были не видны. Они безмолвствовали и лишь низко склонились перед чародеем.

— Приведите Троих! — приказал Совартус. — Мой стол-талисман, мои приборы. И, разумеется, мой плащ, сотканный из волос молодых девушек.

Фигуры в черном опять поклонились и выскользнули из зала. Совартус снова остался один. Когда слуги удалились, он задумчиво посмотрел на темные пятна,

покрывавшие пол. Скоро, думал он, города людей станут подобны этим пятнам, если не подчинятся его воле. Имя «Совартус» будет вызывать страх и трепет у любого мужчины и любой женщины. Да, скоро. Скоро!

Конан нашел окровавленный нож возле одной из дыр в земле. Это был тот самый нож, которым так мастерски владел Лемпариус-оборотень и которым Кинна сражалась с полуволками. Он посмотрел на отверстие в земле, которое было достаточно большим для того, чтобы туда мог проникнуть человек.

Рядом оказался Витариус.

— Один из входов в подземные тоннели полуволок. Они утащили сестер под землю.

Конан кивнул и, не раздумывая, полез туда. Витариус сжал плечо молодого человека своей костлявой рукой.

— Нет, Конан. Возможно, ваш Кром и живет внутри горы, но эта земля принадлежит волкам. Вы никогда не выследите их в подземном мраке. Да и кроме того, они, несомненно, уже далеко продвинулись к замку.

Конан отвернулся от входа в царство полуволок.

— Тогда едем к замку. Им придется преодолеть то же расстояние, что и нам, независимо от того, под землей это или на земле. А если мы поспешим, то будем там раньше их, и сестры не попадут в лапы к Совартусу.

— Сейчас темно, — начал Витариус. — Утром...

— Лично я темноты не боюсь, — перебил его Конан. — Если какие-то твари передвигаются во мраке, то мы тоже сумеем сделать это. Если вы желаете остаться, я поеду один.

— Нет, — просто сказал Витариус. — Я с вами.

Оба направились к своим лошадям.

Экипаж ведьмы Дювулы был окутан волшебным покрывалом темноты, так что для обыкновенных глаз он оставался невидимым. Женщина с огненно-рыжими волосами стояла, выпрямившись, и следила за тем, как Конан и Волшебник Белого Круга садятся на

лошадей. Когда они ускакали прочь, ведьма вполголо-са выругалась: ее охватило бешенство против тех сил, которые так испортили ее путешествие.

То, что здесь произошло, было ясно с первого же взгляда, потому что вокруг повсюду валялись трупы полуволков. Нападение увенчалось успехом, и девчонка, дитя Огня, принадлежит теперь обитателям подземелий, а вскоре она окажется у Совартуса. Проклятье! Быть почти у цели — и все напрасно!

Дювула перебрала все имеющиеся у нее шансы. Она все еще не потеряла надежды получить сердце варвара, что было немалым утешением. И, вероятно, она все же сумеет немного погреться в сиянии восходящего Совартусова солнца. В конце концов, он всего лишь мужчина и поэтому вполне может стать жертвой вожделения, которое обуревает всех людей, способных еще хоть на что-нибудь и не страдающих извращенными желаниями. О Совартусе рассказывают множество скверных историй, но Дювула никогда не слыхала, чтобы он отдавал предпочтение мальчикам. В своих же собственных талантах она не сомневалась.

Да, лучше всего будет ехать дальше. Она вернулась к экипажу и забралась на козлы.

В темноте, под высохшим кустом, лежала пантера, которая прежде была человеком, и смотрела на разгневанную женщину. Вот она садится в свой окутанный искусственным мраком экипаж и трогает с места. Даже обыкновенная кошка хорошо видит в темноте. А эта хищная тварь видела особенно хорошо. За звериным лбом скрывался мозг человека. С каждым часом разум чудовища становился все примитивнее, так что по прошествии определенного срока эта пантера станет обыкновенным зверем; но сейчас в животном еще вспыхивали искры человеческого сознания.

У него не было иного выбора, как только преследовать своих врагов. Напасть на ведьму прямо он не мог, но, возможно, найдется способ уничтожить ее каким-нибудь хитроумным трюком. А варвар — всего лишь человек, и несмотря на то, что он владеет волшебным ножом, может быть испуган, удивлен — и побежден.

Впервые с того момента, как Лемпариус, обреченный доживать жизнь в шкуре хищного зверя, стал пантерой навеки, он почувствовал прилив счастья. Холодная вода мести стала теплее.

В самой высокой башне замка Слотт начались приготовления. Фигуры в черных одеяниях с капюшонами сновали туда-сюда, выполняя распоряжения Совартуса. Под окнами были прикованы дочь и оба сына Огистума. Три из четырех стихий уже находились здесь, а четвертая скоро прибудет.

Совартус подошел к окну. Возбужденные были стихии снова стали спокойны, словно и они ожидали окончательного торжества чародея. Ни ветерка, ни дождика, ни маленького землетрясения. Все тихо.

В центре зала стоял стол-талисман. Он был четырехугольным; резьба одновременно украшала его и заключала в себе магические символы. Четыре точеных ножки, напоминающие по форме струи воды, покоились на четырех кубках — это были черный оникс, черный жемчуг, черный жад и огненный опал. В центре магического стола лежала книга, переплетенная в кожу, цвета воронова крыла и тоже квадратная. Полночь была главенствующей краской этого зала, но еще темнее было его мрачное предназначение.

Совартус находил, что дела идут превосходно. Улыбка не исчезала с его лица. Скоро его титанический труд будет завершен. И тогда начало нового труда потрясет Вселенную.

Глава восемнадцатая

Витариус и Конан были еще довольно далеко от замка, когда старик натянул поводья и сделал Конану знак последовать его примеру.

— Почему мы остановились? Мы еще не...

— Молчите! — оборвал его Витариус. В его голосе послышались властные нотки, которые еще ни разу не звучали в присутствии Конана. Сила, вложенная в одно-единственное слово, удивила киммерийца.

Старый волшебник спешил и сделал несколько шагов вперед к какой-то незримой цели. Затем он протянул руки, словно хотел нащупать что-то в ночном воздухе. Конан ровным счетом ничего не видел. Мгновение спустя Витариус кивнул и отступил назад.

— Совартус поставил волшебное ограждение. Мы как раз на границе.

Конан напряженно посмотрел в темноту.

— Но до замка еще далеко.

Витариус что-то забормotal и начал выписывать руками странные фигуры. В воздухе перед обоими путниками стало заметно слабое красноватое сияние.

— Как вы видите, волшебство охватывает значительную территорию. Как только мы на нее ступим, нас сразу заметят в замке. А я с моей магией привлеку к себе внимания еще больше, чем обычный путник. Прежде чем мы шагнем на эту землю, я должен подготовиться. Здесь наверняка имеется охрана, натравленная на людей, и — если Совартус не дурак, конечно, — прежде всего на таких, которые разбираются в магии и могут использовать ее во вред Черному Квадрату. Я должен вооружиться.

Конан слез с лошади и растянулся на земле. Витариус уселся, скрестив ноги, и начал тихо выпевать заклинания. Киммериец изнемогал от нетерпения. Он хотел поскорей пустить в ход свой клинок. Он сыт по горло всем этим чародейским идиотизмом. Если Совартуса покрошить в капусту с помощью обыкновенной холодной стали, он очень быстро испустит дух без всякой там магии. Вот здесь Конан был готов поспорить на что угодно. Различные гороскопы и прочая дребедень действовали юноше на нервы, словно его гладили против шерсти. Он хотел разобраться с этим делом как можно быстрее и был более чем готов прорубить себе путь мечом, без хитрых затей.

Время шло, и Конан терял терпение. Что он там бормочет, этот старик? Кром, так они досидят здесь до зимы!

— Я готов, — заявил Витариус.

Снова Конана поразила звук его голоса. Это был все тот же знакомый киммерийцу сильный низкий голос, но теперь он звучал иначе. Казалось, он принадлежит молодому человеку. И хотя Конан не замечал в облике

Витариуса явных перемен, волшебник даже двигался теперь иначе — легко и ловко. В нем появилась уверенность, которой не было прежде.

Они вскочили в седла и приблизились к полосе светящегося воздуха.

Когда они прошли сквозь волшебное кольцо, Конан не заметил никаких изменений. Не засверкали огни, и никто не закричал в ночи на разные голоса. Но Витариус произнес:

— Он знает, что мы пришли. Будьте начеку. Он не может уделять нам все свое внимание, потому что занят подготовкой к своему отвратительному эксперименту. Но он располагает большими силами — и нам еще предстоит опасная работенка...

Киммериец вынул меч из ножен и положил его поперек седла.

— Вот и хорошо, — сказал Конан.

Порыв ветра швырнул горсть песка в лицо Конану. Лошадь заржала и шарахнулась в сторону, но киммериец удержал ее и заставил идти вперед.

— Совартус, — сказал волшебник. — Он хочет испытать нас.

Конан кивнул.

— Такой-то ветерок нас не остановит.

Вдруг ветер стал сильнее. Внезапный шквал заставил Конана качнуться в седле. Он зажмурился, отворачиваясь от песчаного вихря и прикрывая свободной рукой глаза лошади от песка. Неожиданно ветер улегся.

— Это Люфт, — объяснил Витариус. — Но сегодня не так сильно. Мне кажется, он считает нас сравнительно безобидными существами.

— Я заранее радуюсь тому, что этот болван впал в такое прискорбное заблуждение, — заметил Конан.

— Возможно, ваш оптимизм имеет какие-то основания, — отозвался Витариус.

Дювула потуже затянула шаль и прикрыла от песка лицо. Она не хотела применять против Совартуса никаких заклинаний. Поскольку оба они практиковали Черную Магию, ведьма считала весьма ма-

ловоятным, чтобы колдун напал на нее непосредственно. А перед смертными стражами, которых она замечала на всей дороге через равнину Додлигия к замку Слотт, она не испытывала страха.

Дювула ощутила силу Белой Энергии старого волшебника, под воздействием которой ветер улегся. Так... У старика-то сил побольше, чем она предполагала! Каким же могущественным был он на самом деле, если сумел так лихо связать воедино силы Белых Энергий и отклонить ночной шторм Совартуса, сметающий с пути людей, как надоедливых насекомых! Интересно!

Однако неплохо бы позаботиться о том, как самой избежать воздействия Белых Сил, если волшебник вдруг обнаружит, что она следит за ним. Ей нужно дожидаться момента, когда Конан и старик из Белого Круга отъедут друг от друга на достаточно большое расстояние. Тогда она сможет нанести варвару долгожданный удар.

Замок становился все ближе и ближе. Как же ей встретиться с Совартусом? Впрочем, у нее еще достаточно времени, чтобы обмозговать свои дела...

Пантера бежала по следу экипажа. То и дело грязь с дороги летела зверю в глаза. Пантера оставалась и терла морду лапой. Хищник двигался осторожно, чтобы не попасть под тень магического покрывала, которое окутывало ведьму и ее экипаж. По его расчетам, колдунья не знала, что гигантская кошка преследует ее. Не должна — ни в коем случае не должна. Один раз уже Дювула унизила оборотня своей страшной магией. Второго раза он не переживет.

Двигаясь следом за экипажем, оборотень-неудачник в сотый раз прикидывал, как ему уничтожить ведьму. Она сделала его бессильным, но он может избрать другие пути для своей мести и уничтожить ведьму каким-то иным, косвенным образом, не прикасаясь к ней непосредственно. Но как?

В какой-то миг зверь был на расстоянии вытянутой руки от экипажа. Против своего желания Лемпариус зарычал. Ему пришлось напрячь всю свою волю, чтобы не прыгнуть на запряженных в повозку лошадей и не разорвать их на части, чтобы напиться

крови, а потом наброситься на Дювулу и придать ее смерти.

Но кровавый порыв прошел, и сознание человека вновь взяло верх над дикими инстинктами животного. Было бы абсолютным слабоумием поддаться страстям, обуревавшим хищного зверя. Это была бы бесцельная трата сил, с самого начала обреченная на поражение.

Оборотень потряс головой. Он должен что-то предпринять как можно скорее, пока окончательно не потерял в себе человека и не превратился в обычную пантеру не только внешне, но и разумом. А надежда у него осталась только одна: если Дювула умрет, возможно, вместе с ее жизнью закончатся и наложенные на него чары. И, может быть, тогда он вновь обретет свой человеческий облик. Эта надежда была слабой, в чем он отдавал себе ясный отчет, но она же была и единственной.

А Конан должен умереть в любом случае. И кем он будет убит — пантерой или человеком — не играет никакой роли. Главное, что он умрет. Но это должно произойти таким образом, чтобы Дювула — если она все-таки будет еще жива — не смогла заполучить его сердце. Эту радость он сумеет у нее украсть. Пусть даже она переживет свое поражение лишь на секунду.

Месть была деликатесом, которым нужно наслаждаться медленно, считал Лемпариус. Нужно мстить обстоятельно и с расстановкой, прежде чем нанести окончательный удар.

Пыльная буря улеглась; но чуткий нос оборотня чуял в ночном воздухе что-то неприятное. Скоро пойдет дождь.

Лемпариус подавил в себе желание зафыркать и зарычать. Проявлять неудовольствие — это он мог позволить себе только мысленно, но отнюдь не вслух.

Ливень отвесно хлестал по равнине. Его сопровождали раскаты грома и вспышки молний. В их ярком свете Конан увидел, как первые крупные капли дождя тяжело упали на иссохшую землю, поднимая облачка пыли. Потом на путников, казалось, обрушилась стена воды, которая грозила опрокинуть обоих.

Несмотря на то, что воздух был тяжелым от воды, волосы на руках и затылке Конана поднялись, как это иногда бывает, когда зимним днем стаскиваешь с

себя шерстяной плащ. Лошадь его зашаталась, и Конану стоило немало сил ее успокоить.

Витариус простер к небу руки с растопыренными пальцами и выкрикнул несколько слов.

Острое копьё света сорвалось с неба прямо возле обоих всадников. Конан видел, как это огненное лезвие таинственным образом разлетелось над их головами на множество кусков. И гром, который последовал за этим, прозвучал несколько приглушенно, так что они его скорее почувствовали, чем слышали.

Витариус был теперь окружен слабым сиянием, напоминающим то, которым озаряют небо зарницы. Дождь, обещавший промочить их до нитки, падал по обе стороны от всадников, словно над ними был натянут невидимый навес. Ливень бушевал над щитом, молнии яростно дубасили в него, гром грохотал, град размером с Конанов кулак барабанил по чистому воздуху, как по крыше. Земля, не попавшая под защитный навес Витариуса, превратилась в топь, но Конан дышал пылью, которую вздымали копыта его лошади.

Ненастье было вызвано сверхъестественными силами, Конан знал это. Если бы он встретил такой ураган беззащитным, ему пришлось бы дорого заплатить за свое легкомыслие. Может быть, даже жизнью. Несмотря на отвращение, которое он питал к любого рода магии, сейчас Конан был рад тому, что старый волшебник оказался рядом. И кстати, очень рад. Как ни странно...

Дождь, обрушившийся с небес отвесным потоком, просочился сквозь льняной навес, который был натянут над экипажем Дювулы, хотя ткань и была очень плотной. Ведьма не решилась прибегать к помощи чародейства, чтобы случайно не привлечь к себе внимание Витариуса. Она отважилась только на то, чтобы создать укрытие для лошадей, опасаясь, что иначе град забьет животных до бессознательного состояния. Зерна градин гремели по крыше экипажа и в некоторых местах пробили большие дыры, а когда кусок льда ударил по планке колеса, послышался сильный грохот.

Дювула лежала на постели рядом с ящиком, в котором она хранила своего Принца. Она гладила полированное дерево и разговаривала с фигурой, скрытой внутри, словно та была живой.

— Не бойся ничего, возлюбленный! Мы, может быть, немного промокнем, но это ненадолго. Пусть этот шум не тревожит твоего сна...

Пантера прокралась под экипажем ведьмы и лежала там тихо-тихо. Она даже дышала мелко. Дювула вряд ли что-нибудь услышит в грохоте бури, но это вовсе не означает, что можно забыть об осторожности.

В этой части равнины негде было спрятаться от простого дождя, не то что от урагана, который наслала волшебная сила. Несмотря на то, что пантера легко осваивалась с любыми обыкновенными опасностями, против магии Сорвартуса она была явно слаба. Тяжелый град, пробивающий дыры в земле, мог также с легкостью наделать дырок в черепе. В его собственном черепе!

Тем временем возле колес образовалась большая лужа, которая грозила потечь под экипаж. Лемпарису бы отодвинулся, но град прекратился. В относительной тишине ведьма запросто может услышать его. Так что пантера осталась лежать, а холодные струи воды подтекали ей под брюхо.

Ноздри зверя расширились, он яростно прижал уши. Еще одно унижение, за которое заплатит Дювула. Он мысленно проклинал все на свете; но с виду оставался неподвижен, как каменная статуя, а холодная мутная вода между тем пропитывала светлый мех.

Дождь прекратился так же неожиданно, как и начался. На небосклоне в просветах между облаками открылись звезды и серебрянный серп луны. Сияние вокруг Витариуса становилось слабее. Какое-то мгновение волшебник выглядел усталым. Он глубоко вздохнул, выпрямился и стряхнул с себя усталость, как собака отряхивает воду.

— А мы тут довольно долго развлекались, — заметил Витариус. — Я уж отвык от таких игр.

Несмотря на то, что Конан никоим образом не разделял интереса волшебника к магии, киммериец счел своим долгом сказать:

— Вы проделали великоленную работу.

— Ну да, это всего лишь небольшая проверка на прочность. Если Совартус действительно соберет свои силы, мне придется поднапрячься.

Киммериец кивнул.

— Чем скорее мы доберемся до замка, тем быстрее эта проклятая равнина останется позади.

— Да, Конан, вы правы. Вперед!

Они снова тронули лошадей.

Сидя высоко наверху в своем замке, Совартус заметил какие-то помехи. Что-то было не так в действии мистических сил, которыми он повелевал. На равнине Додлигия возникло слабое свечение противодействующих энергий, которым там быть не полагалось. Станный зуд на совершенно здоровой коже. Ну да ладно. У него нет сейчас времени этим заниматься. Он послал туда ветер, чтобы стереть с равнины все лишнее.

Совартус снова полностью погрузился в приготовления к встрече огненной девочки. Он возложил на себя покрывало, сотканное из волос девственниц, и ощутил знакомую силу, которую заключала в себе ткань. Затем он велел принести себе лучшего старинного вина. Потягивая его маленькими глотками, он размышлял о своем новом месте в космическом порядке вещей. О, какой властью он будет обладать!

Что-то засвербило у него в боку, но это был не зуд телесный, а внутренний. Он снова переключил внимание на равнину и начал искать источник досадного ощущения.

Проклятье! Несмотря на то, что он подмел свои владения ночным ураганом, свечение на равнине не погасло. Ну что ж, придется оторвать еще один миг от своего грядущего триумфа. Внутри территории, полностью подчиненной его влиянию, Совартус не обязательно должен был обращаться к тем Троим, которых держал взаперти. Он располагал и своими собственными силами, особенно здесь, у самого своего гнезда. Он вызвал бурю и насытил ее дьявольской силой. А потом швырнул тропический ливень в то место, где предполагалось наличие неприятности, как мальчиш-

ка бросает мяч в сетку. Уничтожить назойливое насекомое!

И тут же зуд стал намного острее. Подавив приступ изумления по поводу того, что какое-то ничтожество продолжает существовать вопреки его желанию, Совартус наконец сообразил, с кем имеет дело. Витариус из Белых выступил против него!

Поистине удивительно! Старик-то мог бы знать расклад сил и получше! Он уже не раз попадал впросак со своей магией — эти Белые используют Силу в личных целях крайне редко. Но даже если он впал в старческое слабоумие, то все же должен знать, насколько нелепо идти против Черного, пытаюсь захватить его в его же собственном Квадрате Силы.

После того, как дитя Огня было захвачено, Совартус выбросил из головы все мысли о Витариусе, поскольку тот уже никогда не посмеет даже надеяться опробовать свои слабенькие силеньки на вселенной мощи Совартуса. Подобный поединок — чистейшей воды самоубийство, и старику неплохо бы иметь это в виду. Даже в том случае, если бы Совартус не владел Созданием Силы, здесь он непобедим. Белый Круг может оказывать лишь еле заметное влияние там, где Черный Квадрат почти всемогущ. Их учитель, Огистум, учил их обоих, что у Черного и Белого разные места на земле. Равнина Додлигия принадлежит Полночи, и это непреложно, как непреложно то, что следом за ясным днем наступает темная ночь. Витариус был лучшим из учеников великого чародея. Он д о л ж е н все это знать!

Однако складывалось такое впечатление, что Витариус располагает неким скрытым источником Силы, какой-то хитростью, которую он применит, чтобы в последний момент сокрушить ничего не подозревающего противника.

Совартус провел рукой по лицу. Вероятно, так и есть! У старика имеется еще какой-то неучтенный туз, которого он приберегает.

«Лучше выяснить, что это такое, прежде чем я совершу промах, — подумал Совартус. — Попробуем посмотреть, как будет реагировать Витариус».

Совартус улыбнулся, довольный собой. У него как раз есть то, что нужно, чтобы раскрутить своего старого товарища по учебе. Как раз то, что нужно...

Уже занимался рассвет, когда Витариус сделал Конану знак остановиться. Оба они стояли недалеко от подножья горы, на которой высился замок. Конан надеялся, что туда они заберутся без дальнейших колдовских манипуляций. Однако этому не суждено было сбыться.

Витариус сказал:

— Наш враг хочет пощунать нас еще раз. И нас ожидает теперь уже не мелочь, вроде дождика. Я считаю, что будет лучше, если мы разделимся, Конан. Вам нужно скакать к замку и искать детей и Кинну. А я между тем приложу все свои силы для того, чтобы отвлечь Совартуса. И да защитит вас Белая Сила, Конан из Киммерии!

Конан ударил по рукояти меча.

— Я возлагаю свои надежды на нечто иное, старик. Но я желаю вам удачи. Я вернусь с детьми и Кинной так быстро, как это только возможно.

Старый волшебник слез с лошади и уселся на земле, скрестив ноги. Конан бросил на него еще один прощальный взгляд, прежде чем его внимание полностью сосредоточилось на замке Слотт... и на лошади.

У Дювулы мурашки побежали по коже, когда она приблизилась к старому волшебнику. Воздух был пронизан лучами энергии. Даже под своим покрывалом темноты, окутавшем экипаж, ведьма почувствовала озноб.

Она почти было миновала старика, сидевшего на земле с закрытыми глазами, — и тут он окликнул ее. При звуке этого голоса Дювула вздрогнула.

— Эй, ведьма! Ступай-ка ты прочь из этих мест! Мое столкновение с Совартусом легко может вылиться в повсеместное крупное безобразие.

Дювула хотела было ответить, но вовремя спохватилась. Неужели он и в самом деле ее видит?

Витариус немедленно ответил на ее невысказанный вопрос:

— Разумеется, ведьма. Я уже сто лет как знаю, что ты преследуешь нас. Я вижу и то, что скрывает тебя. Каковы бы ни были твои цели, гораздо лучшую службу ты сослужишь себе, если немедленно уберешься отсюда. Мои предчувствия будущего, как правило, не

очень отчетливы, но в данном случае я вижу останки многих и многих, оказавшихся поблизости от того, чем я собираюсь заняться.

Дювула устала на Белого Мага. Что он хочет сказать словами: «то, что скрывает тебя»? И что означает его неприятное предсказание? Дювуле стало еще холоднее. Она даже заглянула за угол своего экипажа — не подкрадывается ли кто-нибудь сзади с предательским камнем за пазухой? Никого не видно.

Она немного подумала над словами старика, но в конце концов решила не обращать на них внимания. Скоро он пожнет плоды магического гнева Совартуса. Ей ничто не грозит. Куда важнее было то, что варвар больше не находится под защитой Белого.

Ведьма улыбнулась. Конан наверняка помчался вперед, к замку. Он близко, и она его обязательно найдет. Ведьма хлопнула бичом.

Белый волшебник, не открывая глаз, проговорил проезжающей мимо Дювуле всего три слова. Всего три слова, которые он словно выжиг в ее мозгу раскаленным железом:

— Я — тебя — предупредил.

Глава девятнадцатая

В первых лучах утреннего света Конан рассматривал вход в огромную пещеру у подножия гор. Отверстие в скале было достаточно большим, чтобы в него мог проехать всадник. Это было нечто вроде приглашения посетить обитель чародея.

Конан хмыкнул. Вход в пещеру казался чересчур уж приветливым и открытым. Воровской опыт многое дал киммерийцу и, между прочим, научил беречься того, что кажется слишком простым. В памяти Конана было еще свежо воспоминание о легкомысленной прогулке по дому сенатора Лемпариуса. Только дурак не извлечет урока из своих же ошибок. А уж Конан из Киммерии не полезет в такую коварно раскрытую дверь.

Но как же ему попасть в замок? Он улыбнулся и взглянул вверх, на отвесную скалу. В конце концов, он все же киммериец! Еще не возникли в мире те горы, на которые нельзя забраться, а Конан ведет свое

происхождение от суровых людей севера. Он найдет дорогу и залезет наверх.

Но в этот момент что-то еще возбудило его любопытство. В лесочке неподалеку от того места, где он теперь стоял, он отметил нечто подозрительное. Топотали какие-то животные, и остро пахло потом.

Конан спрыгнул с седла и придавил большим камнем к земле поводья своей лошади. С кошачьей ловкостью он проскользнул к деревьям, чтобы выяснить, кто же за ними скрывается.

Лошади! Целый загон, полный пасущихся лошадей. Их охранял всего один человек, который был одет в длинный черный плащ. На одной стороне загона находился плетеный навес, обмазанный глиной, где лежали кучи овса и сена.

Скрытый густым кустарником, Конан ухмылялся от уха до уха. Превосходно!

Киммериец ушел от загона. Но он сюда непременно вернется, как только покончит с этим Совартусом. И именно поэтому в первую очередь он займется чародеем.

Конан снял со своей лошади седло, поводья и отпустил ее пастись. Он не имел ни малейшего представления о том, сколько времени займет его миссия, поэтому не хотел, чтобы животное мучилось, пока хозяин шляется неизвестно где. Он заботливо спрятал седло и взял с собой фляжку с вином и немного солонины, чтобы пожевать по дороге. Напоследок он удостоверился в том, что его меч и нож Лемпарисуса крепко сидят в ножнах.

Приблизившись к скале, Конан снял сандалии и начал свое восхождение.

Совартус сидел у стола-талисмана, полностью погружившись в сложные чары вызывания космического огненного дождя. Эти чары означали для объекта их приложения полное уничтожение. И мощная, отягощенная проклятием энергия сейчас концентрировалась на Витариусе из Белого Круга. Очень редко эти смертоносные дожди не достигали своей цели, очень редко...

Поглядим-ка, как ты ускользнешь на этот раз, старый школьный друг!

Один из слуг в черном капюшоне вошел в зал и оторвал Совартуса от заклятий. Капюшон низко поклонился и безмолвно указал на вход. Совартус обернулся.

Там стояла толпа полуволков. Они были очень взволнованы, оказавшись в самом замке Слотт. Но самым важным было то, что они привезли с собой ребенка. Девочку! Дитя Огня — наконец-то!

Совартус был так захвачен этим упоительным мгновением, что лишь потом увидел рядом с девочкой молодую женщину и спросил:

— Кто ты?

Женщина выпрямилась и резко ответила:

— Я — Кинна, сестра тех детей, которых ты похитил!

Совартус широко улыбнулся, показывая все свои зубы, сверкающие, как кости, выбеленные солнцем.

— Ага, — сказал он, — тогда ты и мне приходишься сестрой.

— О нет, черная душа. Тебе я не сестра. Самое большее — сводная, да и то с большой неохотой.

Взгляд Совартуса ползал по красивому лицу Кинны.

— Неважно, — сказал он, — зато я уверен, что найду тебе хорошее применение, моя дорогая. Правда, наши отношения мы можем выяснить позднее — сейчас мне нужно позаботиться о другом.

Он хлопнул в ладоши, и на призыв явилось еще несколько слуг в капюшонах. Совартус указал им на девочку.

— Вы двое доставите Элдию к братьям.

Потом он обратился к Элдии:

— Я ждал тебя с того часа, как ты родилась, моя девочка. Несомненно, ты очень обрадуешься возможности повидать своих братьев и сестру, пусть даже на несколько мгновений.

— Что ты хочешь делать с ними? — спросила Кинна.

Совартус пожал плечами.

— После того, как из них будет извлечена квинт-эссенция Силы, я больше не вижу им применения. Во всяком случае, для моей магии. Но предполагаю, что мне может прийти в голову какое-нибудь развлечение, для которого потребуются нежные и хрупкие создания... — Он сделал знак остальным слугам. — Запри-

те ее где-нибудь понадежнее, не давайте ей есть и пить, чтобы она была в порядке, когда я позднее захочу... побеседовать с ней. — Затем чародей повернулся к полуволкам. — Вы можете идти. И дайте совет остальным: было бы неплохо на какое-то время спуститься в нижние тоннели. Поверхность равнины Додлигия в ближайшие часы станет местом, не очень полезным для здоровья.

В развевающемся плаще Совартус побежал к башне. Наконец! Наконец!

Утреннее солнце светило ярко, но не так ярко, как пожирающий огонь, который низвергается с неба на равнину. Пантере приходилось метаться, уклоняясь от него. Если бы хищник был сейчас в своем человеческом облики, он бы отчаянно ругался. Это все ужасно его задерживает! Первую глупость он сделал, заснув не ко времени, и ведьма проехала мимо него. Он просто ничего не мог поделать. Даже его сверхъестественные звериные силы имели свои границы, а он не отдыхал и не ел уже целые сутки. Теперь ему нужно было торопиться, чтобы догнать Дювулу; но это нашествие чар снова его задерживает...

Спасаясь от ослепительных красных и оранжевых потоков огня, пантера зажмурила глаза. Но что это? Равнина не была пуста! Хищник увидел сидящую фигуру, отгородившуюся от жара белым сиянием. Старый волшебник! Должно быть, это он, хотя кошачьи глаза не могли различить деталей в столь ярком свете.

Пока пантера, прежде бывшая сенатором, напряженно всматривалась в незнакомца, тот поднялся и воздел руку. Ладонь, казалось, сама собой зажгла холодное синее пламя. Пламя увеличивалось и превращалось в шар, размером в половину роста чародея. Из шара вырвался луч цвета индиго, и огненный дождь ни капель не задел его. Пылающий луч прочертил дугу от своего создателя до замковой горы. Там, где он вонзился в скалу, брызнул фонтан синих искр.

Пантера отвернулась и прыгнула прочь. Что бы здесь ни происходило, она не собиралась принимать в

этом участия! У нее свои собственные планы, и в них явно не входит дать себя изжарить заживо.

Дювула стояла перед пещерой и всматривалась в темноту. Она была уверена, что вход охраняется. Ведьма понимала также, что пройти мимо стражников без чьей-либо помощи ей не удастся. Совартус наверняка охраняет свои личные покои даже от тех, кто ходит по Черным Тропам. Ее возможности — и это однозначно — нельзя даже сравнивать с силами Совартуса. Женская хитрость не поможет ей против фигур в капюшонах, которые служат повелителю Черного Квадрата, потому что эти твари созданы не так, как обыкновенные мужчины, которым время от времени до зарезу нужна женщина. Но тем не менее выход из ситуации имелся. Капюшоны обладали совершенно неразвитым сознанием, и ими можно было управлять с помощью самого примитивного колдовства. К этому и собиралась прибегнуть Дювула, невзирая на то, что Совартус не придет в восторг от ее самоуправства. Самый быстрый и верный путь в замок Слотт — найти себе эскорт из тех созданий, которые охраняют его. А одно из этих существ как раз стояло неподалеку, возле лошадиного загона.

Дювула направилась к своему экипажу.

Конан висел на голой скале. Прилепившись к ней, как муха, он цеплялся пальцами рук и босых ног за едва приметные трещинки. Над ним на высоте его роста зиял узкий проход в маленькую пещеру. «Как раз то, что я искал», — подумал он.

Киммериец забрался уже довольно высоко и теперь находился по меньшей мере на высоте тридцати человеческих ростов над землей. Сорваться отсюда означало верную смерть. Но Конан не испытывал страха. Еще никогда, забираясь на скалы, он не боялся упасть, поскольку начал заниматься этим, едва научившись ходить. А взрослые киммерийцы крайне редко срываются со своих холодных круч.

Когда Конан схватился за очередной выступ, гору неожиданно затрясло, словно какой-то великан ударил по ней гигантским кулаком. Уголкем глаз киммериец видел, как брызги синего огня ударились о скалу над его головой. Потом он был слишком занят

тем, чтобы не потерять равновесие. Одна рука сорвалась; вибрация скалы выбила упор из-под ног. Мгновение Конан висел всего лишь на четырех пальцах, и только сила мышц спасла его от смертельного падения. Он не тратил энергии на брань. Прижав ноги к скале, он отчаянно искал, где бы их утвердить. Прижав ноги, он просунул пальцы ног в трещину. Левая рука нашла выступ и уцепилась за него. Снова в безопасности! По крайней мере, на эту секунду.

Конан быстро полез вверх. Усталости он позволит подобраться чуть позже. Он не знал, что означает этот синий свет, да и не хотел знать. Теперь он хотел только одного: поскорей добраться до безопасного места. То, что произошло минутой позже, может и повториться, а в следующий раз синий огонь ударит сильнее или окажется ближе.

Подстегиваемый этими мыслями, Конан добрался до пещеры. Он втянул туда свое тело и только тогда перевел дыхание. Потом отвязал от пояса сандалии и надел их.

Ну, посмотрим, куда ведет эта пещерка! Он обнажил меч и шагнул в темноту.

Совартус вздрогнул, когда земля под его ногами зашаталась. Он бросил подозрительный взгляд на детей, которые были прикованы каждый к своему окну, но от них к колдуну не текло пока никакой энергии... Правда, новенькая девочка пыталась испепелить его, но это ей не удалось. Силенки слабоваты. Многоопытный волшебник так просто не поддается. Значит, сила, которая встряхнула замок, пришла извне...

Витариус! От радости, что девочка наконец-то в его власти, он совсем забыл о Волшебнике Белого Круга. Совартус поискал старого чародея.

Да, это был Витариус. Это он направил против замка Слотт луч Белой Магии. Он и в самом деле намного сильнее, чем предполагал Совартус. Космический огонь сыпался на старика сверху, и, несмотря на это, у него еще хватает наглости отвечать. Удивительно!

Совартус был крайне раздосадован тем, что на его замок покушаются. Но с другой стороны, стены замка могли выдержать гораздо большее.

И вообще, у него есть дело, о котором он должен беспокоиться в первую очередь. Да, несомненно, времени заниматься каким-то Витариусом у него нет.

Так что старик может спокойно бушевать и дальше. Скоро все это будет бессмысленно. Как только Создание Силы начнет действовать, весь Белый Круг вместе взятый не сможет ничего с ним поделать. Поэтому старика можно в расчет не принимать. Когда он воплотит свой замысел, раздавить Витариуса будет не сложнее, чем прихлопнуть комара.

Совартус подошел к своему столу и возложил на него ладони. Он проговорил первую часть заклинания, которое за долгие годы выучил наизусть. Стол засветился адским красным светом.

Когда колдун произнес вторую часть, четверо детей тихо застонали. Их тоже охватил тот же кровавый неземной свет. Совартус улыбался. Он с трудом подавил желание громко расхохотаться.

Конан снова почувствовал колебание горы, но на этот раз сила толчка показалась ему слабее. Может быть потому, что теперь он не висел на скале.

Пройдя по темному узкому тоннелю, где временами приходилось протискиваться боком, он вышел к освещенному коридору. Факелы коптели в своих гнездах, удаленные друг от друга на двенадцать шагов. Этот новый ход разбегался в обе стороны. Конан не имел ни малейшего представления о том, какое направление выбрать. Он решил пойти налево, потому что дорога шла слегка в гору и в конце концов должна была вывести наверх, к самому гнезду чародея.

Конан прошел мимо множества узких коридоров, которые ответвлялись от главного хода в обе стороны. Киммериец все больше убеждался в том, что он на правильном пути, потому что этот коридор был, судя по всему, главным, связывающим между собой все остальные.

То и дело пол под ногами колебался, как при слабом землетрясении, но толчки были так незначи-

тельны, что для Конана не составляло труда крепко стоять на ногах.

Через некоторое время тоннель стал шире и, наконец, привел взломщика в огромный зал, высеченный в скале. Потолок его был так высок, что свет факелов терялся где-то под невидимым черным сводом, а сами факелы на стенах казались крошечными свечками.

Киммериец посчитал за глупость идти по пещере таких размеров практически в полном мраке. Он вернулся на несколько шагов назад и взял со стены факел. Не успел киммериец сжать в руке гладкое дерево, как увидел несколько коптящих огоньков, которые двигались прямо в его сторону. Он быстро сунул факел назад и пристроился таким образом, что глубокая тень укрыла его целиком. Там он стал ждать с мечом в руке.

Фигура в черном одеянии, с лицом, скрытым под капюшоном, медленно прошла по коридору. То и дело она останавливалась. Конан видел, как человек — если это только был человек — заменял прогоревшие факелы новыми. Свежие он вынимал из большого мешка, висевшего у него на спине. Он... оно?... задерживалось лишь настолько, сколько требовалось для того, чтобы зажечь новый факел, а потом двигалось дальше.

Первой реакцией Конана было острое желание отрезать существу в капюшоне голову, потому что внезапно его охватила уверенность в том, что создание в черном балахоне не было настоящим человеком. Тот способ, каким передвигалась эта тварь, показался наблюдательному киммерийцу неестественным и фальшивым. Ну, в том, что подручные Черного Мага окажутся мерзкими и злыми гадинами, нет ничего удивительного.

Молодой киммериец отступил еще дальше под прикрытие темноты. Он, конечно, мог зарубить одетую в черное фигуру. Но, с другой стороны, он мог оставить ее в живых и проследовать за ней. Когда-нибудь у нее закончатся факелы, и ей придется взять новые на складе. Если она не идет туда уже прямо сейчас. Да, неплохо он придумал — взять себе провожатого!

В темноте черная фигура прошла мимо и медленно прошествовала в огромную пещеру. Бесшумно, как тень, следовал за ней Конан.

Дювула легко шла за своим заколдованным провожатым по переходам замка Слотт, постепенно поднимающимся в гору. Из страха быть обнаруженной Совартусом, она не решалась использовать магию, если не считать чар, наложенных на прислугу. Эту тварь она подобрала возле замка. Существо находилось за пределами крепости, и к тому же все разыгралось так стремительно, что Совартус, вероятно, проглядел ее вторжение.

Дювула предусмотрительно захватила с собой меч и одежду Конана, чтобы время от времени наводить на них чары и выяснить таким образом точное местопребывание варвара. С какой охотой она проделала бы это и сейчас! Тук с одеждой и оружием киммерийца она навьючила на спину существа, которого избрала себе в спутники. Однако заняться колдовством в самом сердце замка Слотт она не отважилась.

Она знала только одно: варвар проник в замок. Где-нибудь здесь она его и отыщет.

Острый запах, исходивший от существа в черном одеянии, ударил в ноздри пантере, когда она прыгнула на скалистое основание замка. Пестрый мех и густая тень спасали ее от наблюдателей. Черные стражники были смердящими нелюдьми, и к тому же не слишком бдительными. Дюжина этих существ стояла на страже у входа в пещеру. Каждый был вооружен обоюдоострой пикой и клинком длиной в человеческую руку. Наверняка эти клинки смочены каким-нибудь волшебным раствором, так что одного удара вполне хватит, чтобы ранить даже пантеру-оборотня. Но не могут же они зарубить то, чего не видят! Зверь, наделенный способностями хищной кошки и разумом человека, легко обведет их вокруг пальца. Лемпариус проскользнул мимо стражей, невидимый, беззвучный, незаметный.

После того, как запах закутанных в плащи нелюдей рассеялся, пантера опять взяла след своей добычи — благоухающей всеми возможными духами и притираниями ведьмы. А поскольку милая дама выслеживает варвара, этот великан-человекоубийца тоже должен находиться в замке. Скоро, думала пантера, теперь уже скоро!

Существо в черном балахоне двигалось методически-тупо. Вскоре Конан убедился, что оно его, скорее всего, не обнаружит: эта тварь не смотрела по сторонам.

Конан начинал проникаться большим уважением к тому, кто создал этот лабиринт тоннелей и пещер, которому, казалось, не предвиделось конца. Здесь ощущались столетия упорного труда — либо же сильнейшая магия. О второй возможности Конан предпочитал не думать.

Следуя по выщербленной дороге, киммериец установил, что она действительно поднимается. В тоннеле, по которому они шли, каменные плиты пола отчетливо указывали вверх. Хорошо. Конан надеялся только на одно: найти Кинну и детей прежде, чем его накроют.

Перед ним промелькнул яркий свет. Конан немного поотстал от своего провожатого. Он не хотел терять слугу Совартуса из виду, но совсем не был готов к тому, чтобы кто-то увидел его самого. Еще рано.

Снова открылась большая комната, высеченная в граните скалы. Она была ярко освещена факелами на стенах и свечами в канделябрах, достигших высоты человеческого роста.

Факельщик остановился посреди помещения. Рядом с ним появились две фигуры, выглядевшие точно так же, только вместо факелов у них были длинные пики. Эти трое явно о чем-то разговаривали между собой, несмотря на то, что даже изощренный слух Конана не мог уловить ни звука.

Теперь киммериец стоял перед новой проблемой. Если он последует за своим вожатым, ему придется пройти мимо вооруженных стражников. Это непременно вызовет беспокойство, которое обратит на себя внимание проводника.

Конан осторожно заглянул за угол и посмотрел в комнату. Слева от него в стене было множество дверей, забранных железными решетками. Напротив них начинался еще один освещенный тоннель, который уводил прочь — неизвестно куда...

На противоположной стене висел огромный гобелен с волнообразным орнаментом по краю. На темном

фоне была изображена адская сцена: демоны гонятся за перепуганными людьми.

Конан крепче сжал рукоять меча. Он был человеком действия. Со времени его знакомства со старым волшебником и сестрами он чересчур много имел дел с магией и маловато честного боя. Демоны, чародеи, твари в капюшонах — с него довольно. Он предпочитает проблемы, которые можно разрешить клинком и железным кулаком, а не темными чарами.

Что-то светлое мелькнуло в темноте, привлекая его внимание. Лицо? За одной из решеток? Тогда это своего рода темница — еще одна вещь, которую он терпеть не мог. Если враг его врага, возможно, и не друг Конана, он все равно может оказаться полезен...

Кинна! Конан узнал молодую женщину в тот самый миг, как она увидела киммерийца. Он сделал ей знак молчать, но было слишком поздно. Она удивленно вскрикнула.

Трое в капюшонах обернулись одновременно и посмотрели на узницу. Потом — снова как один человек — поглядели по сторонам, отыскивая причину ее удивления. Сначала Конан хотел отскочить в сторону, чтобы они его не заметили, но в следующий миг решил поступить иначе. Хватит прятаться! Он выхватил меч и вышел вперед.

Трое его противников мгновенно отбежали друг от друга, словно один большой разум велел им разойтись. Пикинеры склонили свои пики, направив их на незнамого пришельца. Факельщик, стоявший прямо напротив Конана, вынул два факела из связки на спине и прикоснулся ими к уже горящим. Новые факелы запылали. В первый раз Конан отчетливо увидел руки этого существа. В свете огня они отливали зеленью. Кожа была чешуйчатой, как брюхо змеи.

Киммериец тряхнул головой. Что же это за человек, который держит у себя подобных слуг? Совартус был ему более чем отвратителен.

Стражник, стоявший с правой стороны от Конана, придвинулся к нему ближе. Конан сделал три быстрых шага вперед и опустил свой меч с силой, которая разрубила бы пополам обыкновенного человека. Но тварь в капюшоне отразила удар. Сталь зазвенела о сталь, брызнули искры. Силу ответного удара Конан ощутил всей рукой, до самого плеча. Он не мог вон-

зить в своего противника меч, потому что этому помешала пика. Для такого маневра потребовалась бы уже сверхсила. А бестии в капюшонах были кем угодно, только не слабаками.

— Конан! Сзади!

Киммериец оправился от своего удивления как раз вовремя и сумел отскочить в сторону, когда вторая пика просвистела в воздухе. Конан резко повернулся и ударил мечом сверху вниз, как человек, который рубит дрова. Его клинок встретил на своем пути пику. Несмотря на свою фантастическую силу, человек-ящерица вынужден был выпустить из рук ствол пики, и та упала. Из-под капюшона донеслось рассерженное шипение, когда зеленая тварь отпрыгнула назад, избегая удара.

Факельщик тут же отступил за пределы досягаемости Конана. Киммериец улыбнулся. Вот и хорошо. Они хотели тягаться с ним и пришли к выводу, что к нему нужно относиться с уважением.

Первый стражник замахнулся пикой, чтобы всадить ее Конану в спину. Но киммериец краем глаза уловил это движение. Его положение было таково, что требовалась исключительная точность движений. Он слегка согнул колени и подпрыгнул прямо вверх.

Пика просвистела под ногами Конана. Когда существо беспомощно наклонилось вперед, Конан ударил нападавшего. Прежде чем человек-ящерица смог подняться, Конан дотянулся клинком до его горла. Бестия пронзительно вскрикнула, и зеленая жидкость хлынула из раны на каменные плиты.

У Конана не было времени удивляться. Он отбежал от убитого ко второму стражнику, который уже поднимал свое оружие. Человеку-ящерице тут же стало ясно, что дальнейшая попытка сделать это означает верную смерть, поэтому вместо того, чтобы поднимать пику, он бросился к Конану, изловчился и схватил его запястья своими чешуйчатыми руками.

Киммериец ощутил жесткость его крепкой хватки, когда попытался пустить в дело свой меч. Руку словно зажали в тиски. Киммериец выпустил меч, который упал на пол, задев по пути обнаженную зеленую руку. Змееподобная тварь зашипела. Отвратительная вонь ударила Конану в нос. Он уловил движение сзади, рванул противника на себя, потом набок и ловко

подставил его под удар. Счастье улыбнулось Конану: факельщик ткнул двумя горящими факелами в лицо своего товарища, вместо того чтобы ударить Конана.

Киммериец сильно пнул его коленом между ног, но не ощутил при этом у своего противника деликатной части тела. Там попросту ничего не было.

Конан развернулся вместе с человеком-ящерицей и уклонился от факела, которым тыкала в него чешуйчатая бестия. Долго так продолжаться не может, это Конан знал. Зеленая ошибка природы сильнее его, и к тому же у нее есть поддержка.

Хватит! В киммерийце зашевелилась злость. Он взревел. Собрав всю свою силу, он отшвырнул врага от себя прямо на массивный бронзовый канделябр. Стойка треснула, так что металлические подсвечники упали зеленой твари на голову. Черное одеяние вспыхнуло, и порождение ада превратилось в живой костер. Змееподобное существо громко завопило и помчалось изо всех сил, гонимое болью, к противоположной стене, где и рухнуло догорать, мертвое.

Факельщик выронил оружие на пол и тоже побежал. Он спешил к выходу, который Конан уже приметил. Не раздумывая, Конан схватил одну из валявшихся на полу пик и метнул ее. Четырехугольное острие пробило спину удиравшему слуге Совартуса между лопаток. Одно мгновение он стоял, пронзенный насквозь, потом упал как подкошенный. Пика вонзилась так глубоко, что теперь торчала из трупа, как дерево.

Конан подобрал свой меч и поспешно подошел к решетчатой двери, за которой находилась Кинна. Дверь была заперта на простой замок, однако на такой высоте, что заключенный не мог до него дотянуться. Конан сбил его, и Кинна упала в объятия киммерийца.

— Конан, Конан! Я уже думала, что никогда тебя не увижу!

Конан погладил молодую женщину по волосам.

— Он держит Элдию и остальных в какой-то башне, как мне кажется, — проговорила Кинна. — А что с Витариусом?

Конан ответил:

— Витариус остался на равнине. Я думаю, что уже ощутил силу его искусства, когда гора затряслась.

— Нам нужно добраться до Совартуса, прежде чем он выпустит на волю свое чудовищное Создание Силы, — сказала Кинна. — Но я не уверена, что смогу найти дорогу.

Конан указал острием меча на выход.

— Туда! Эта ящероподобная гадина бежала туда, прежде чем я ее свалил. Если она полагала найти там помощь, значит и нам нужно идти в ту сторону. То есть, я хочу сказать, мы не нужно туда идти. А ты лучше оставайся здесь.

Вместо ответа Кинна высвободилась из его рук и взяла вторую пику. Ее глаза сверкнули.

— Я пойду с тобой, Конан. Я пойду с тобой — или же одна.

Конан коротко рассмеялся.

— Да, тебя так просто не остановить, Кинна. Хорошо! Пойдем, отыщем колдуна. А тогда уж мы сумеем отправить его к праотцам.

Эскорт Дювулы двигался безмолвно и безостановочно, пока они не оказались в тюремном зале. Здесь человек-ящерица внезапно остановился. Удивленная ведьма с любопытством заглянула ему через плечо.

Трое стражников-ящерич лежали убитые. Одного из них едва можно было опознать, так он обгорел. Труп еще дымился.

Дело рук варвара. Судя по свернувшейся змеиной крови на полу, он не мог быть далеко отсюда.

Улыбаясь, Дювула ткнула своего провожатого острым ногтем. Существо двинулось дальше; ведьма — следом.

Пантера остановилась бы, если б мясо только что убитых нелюдей было съедобно. Но тонкие, обостренные органы чувств хищника предупреждали его об обратном. Для любого природного существа это мясо — яд; даже оборотень не был исключением из этого правила. Впрочем, еда сейчас не главное. Запах ведьмы витал в воздухе. Она находилась в нескольких шагах перед ним, в коридоре.

Поесть можно и потом — если не ее мясо, так мясо варвара. Конечно, в том случае, если Лемпариус к

тому времени все еще вынужден будет оставаться пантерой!

Кошка бесшумно бежала по каменным плитам.

С самой высокой башни замка Слотт Совартус видел, как медленно пробуждается к жизни Создание Силы. Энергия, прежде заключенная в детях, теперь сплелась в клубок, и Совартус контролировал его. Равнина словно ожила, когда резкий ветер взвыл над взбудораженной землей. Рвались и сталкивались облака; от земли к небу и от неба до земли летали молнии. А сама земля безумствовала. Из расщелин вырывалось пламя, стремясь воссоединиться с другими стихиями...

Четверо детей, казалось, спали и не слышали, что четыре первоэлемента вырвались на равнину. Но Совартус чувствовал, как магические силы словно рвут его на части. Только благодаря его огромному мастерству безумие стихий не разнесло их властелина в клочья.

Слуги завернулись в свои плащи и испуганно скорчились возле двери. Совартус смеялся, глядя на них. Вот сейчас, после всех мучений, после долгого ожидания, вот сейчас произойдет...

Ураганы-близнецы свились над дрожащей землей в гигантские черные смерчи, несущиеся с бешеной скоростью. На глазах Совартуса они двинулись против ветра, гнавшего облака, остановились на одном месте, сойдясь с противоположных сторон, и вгрызлись в землю, как два гигантских бура, вздымая вихри пыли.

Да, да! Совартус дрожал, переполняемый Силой.

В воздух летели куски земли размером с дома и небольшие скалы. Они поднимались над вихрями и формировали торс невиданного богатыря.

И снова рассмеялся Совартус, воздевая руки к небу. Вторая пара вихрей, немного меньших, чем первая, оторвалась от ураганов и стала руками чудовищного существа.

Гора зашаталась. Голубая вспышка света пролетела над равниной, образуя дугу между горой и некоей отдаленной точкой. Совартус лишь головой мотнул. Слишком поздно, старый дурак!

Магистр Черного Квадрата опустил руки и пальцами указал на грозовые тучи. Из центрального спле-

тения туч слепилось одно-единственное шарообразное облако. Извергая молнии, оно двинулось к великану, повисло над ним и затем опустилось. В облаке раскрылись три отверстия, которые напоминали глаза и рот. Молнии легли зигзагами, образуя зубы в раскрытой пасти.

Черный Маг подбежал к окну и высунулся наружу, склоняясь вниз, под дождь. Земля все еще изрыгала огонь, который под дождем сразу же гас и стелился белым дымом. Совартус повернул руки ладонями вверх и воздел их. Пламя разгорелось сильнее. Два огненных шара выкатились из расщелин и поднялись вверх. словно демонические светляки летели эти сгустки материи, пока не достигли головы, созданной из грозовых туч и сидевшей на плечах земляного великана, который высился на ногах ураганных смерчей. С шипением влетели огненные шары в пустые глазницы...

Совартус набрал в грудь воздуха и прокричал последнее слово. Заключительное слово самых могущественных чар из всех, какие только были созданы им или любым другим магом.

Буря улеглась. Земля закрылась, и пламя, вырывавшееся из ее недр, погасло. Снова стало тихо, если не считать того шума, который производила фигура, высившаяся над равниной и ростом равная замку Слотт. Существо, состоявшее из всех четырех стихий, поворачивалось кругом, давая Совартусу возможность рассмотреть его. Оно сверкало глазами живого огня и прятало их за веками грозовых туч, беспокойных от жара. Когда эти веки снова поднялись, Совартус понял — цель достигнута. Торжественно и медленно великан склонился перед Совартусом.

Создание Силы живет.

И Сорватус — его повелитель.

Глава двадцать первая

Кинна шла первой, поскольку дорогу в Совартусовом гнезде она запомнила лучше, чем предполагала. Прошло совсем немного времени, и они с Конаном поднялись из скального фундамента в замок. Камни, из которых были сложены

стены, казались такими же древними, как и сама скала. На стенах сохранились следы копоты множества факелов и свечей, прогоревших за неслучайные годы. Здесь, как и внизу, извилистые переходы образовали настоящий лабиринт. Однако плотную влажную темноту здесь разрывал свет, сочившийся сквозь нерегулярно прорубленные окна.

Два человека поднялись на такую высоту, что Конан, высунувшись в окно, увидел существо, закрывшее собой почти всю равнину. Глядя на него, киммериец остолбенел.

— Что там такое? — спросила Кинна.

Конан безмолвно кивнул на окно.

Молодая женщина взглянула туда, куда киммериец показывал пальцем. От ужаса она лишилась дара речи.

— Да, — произнес Конан. — Из всех злых дел это, несомненно, самое жуткое.

Он уставился на смерчи, на бурлящую, точно вода, землю; потом он увидел, как из грозовых туч возникла голова и как зажглись глаза из огненных шаров. А затем Создание Силы посмотрело словно бы прямо в глаза Конану и поклонилось.

Конан отвернулся.

— Нам нужно спешить, — сказал он, — чем бы это ни было, им владеет Совартус — не нам же оно поклонилось...

Они бежали по коридору, круто поднимающемуся наверх, так стремительно, что едва не оказались на волосок от гибели. Обостренное чутье Конана вовремя уловило дух ящероподобных существ. Он схватил Кинну за руку и зажал ей ладонью рот, чтобы женщина не вскрикнула от удивления.

— Тсс! Там, за углом, опять бестии в капюшонах.

Кинна подергала Конана за руку. Он отнял ладонь от ее губ.

— Откуда ты знаешь? — прошептала она.

— Запах. Жди здесь!

Конан оставил Кинну в тени и скользнул по коридору до угла. Там он опустился на колени и осторожно заглянул за угол, прижимаясь щекой к влажной стене.

Коридор вел в помещение, которое было не больше спального покоя в богатом доме. У стен стояли девять рептилий в своих обычных одеждах: каждый воору-

жен такой же пикой, какая теперь была у Кинны. Судя по их боевому порядку, они охраняли полукруглую арку на противоположной стене. Глубоко в подсознании Конана росла уверенность, что за этой аркой скрывается Совартус — и с ним Элдия, ее братья и сестра!

Конан прокрался назад, прежде чем его обнаружили. Они должны пройти через эту комнату. Но прогуливаться под носом девяти чертовски быстрых и сильных ящероподобных тварей — весьма небезопасное занятие. Он тихо рассказал Кинне обо всем, что увидел.

Дювула, повинувшись возникшему у нее предчувствию, приказала своему провожатому остановиться, прежде чем он проведет ее за следующий поворот коридора, и на цыпочках вышла вперед, чтобы украдкой бросить взгляд за угол.

В коптящем свете свечи, посылавшей в потолок кольца дыма, стоял варвар и беседовал с молодой женщиной. Наконец-то! Теперь она его схватит, во имя Сэта!

Из свертка, который ведьма навьючила на своего слугу поневоле, Дювула вынула два предмета. Во-первых, сосуд необычной формы, обладавший магическим свойством долгое время сохранять живым любой орган. Вторым предметом была тонкостенная фарфоровая колба. Ее Дювула с большими предосторожностями завернула в кусок плотной овечьей шкуры. Колба содержала измельченные в пыль лепестки черного лотоса. Ведьма выменяла смертоносный порошок на одно заклинание у жреца Йуна. Рыжеволосая колдунья была запаслива. Вдруг понадобится немедленно умертвить какое-нибудь существо, способное дышать? Вдохнувший мельчайшие пылинки автоматически становился трупом. Так говорил желтолицый жрец. И для убедительности продемонстрировал силу порошка на собаке к полному удовольствию Дювулы.

Ведьма взяла фарфоровую колбу в левую руку и вытащила маленький острый кинжальчик из-за пояса. Она уже накопила солидный хирургический опыт по вырезанию сердец — все ее прежние неудачные

попытки оживить Принца. Варвар не должен убежать до того, как черный лотос совершит свое дело.

Дювула кольнула существо в капюшоне своим кинжальчиком.

— Иди! — приказала она. — Доставь мне этого человека. Вон там, впереди!

Рептилия двинулась вперед. За ее спиной злобно улыбалась Дювула. Безразлично, убьет варвар этого ящера или не успеет. Ей требуется отвлечь киммерийца лишь на мгновение, чтобы бросить яд. А тогда все, кто находится поблизости, умрут. Причем моментально...

В сознании пантеры инстинкты хищного зверя перемежались вспышками человеческого разума. Только большим усилием воли Лемпариусу кое-как удавалось сохранять свое человеческое «я» в облике гигантской кошки, в которую он был превращен. Страх заставлял преследовать ведьму с большой поспешностью. Если он не сумеет добраться до нее в ближайшие часы, он — и это однозначно — проиграл и обречен окончить свои дни простой пантерой. Самое худшее заключалось в том, что его сознание постепенно превращалось в сознание дикого зверя. И со временем уже ничто человеческое не вспыхнет в мозгу хищника, темном, как бесконечная стигийская ночь.

Гонимая этим страхом, гибкая кошка неслась, не разбирая дороги. И внезапно замерла у поворота в коридоре этой замшелой, кишачей крысами крепости — как раз позади Дювулы.

Человек в Лемпариусе знал, что ему поставлен заслон, который не позволит напасть на огненно-волосую женщину; но хищник уже одерживал верх. Лемпариус, бывший сенатор, бывший человек, зарычал от ярости, и его голос был голосом взбесившейся пантеры.

Звук этот испугал женщину. Она отшатнулась и громко выругалась, и лишь потом сообразила, что этой невесте откуда взявшейся кошки она может не бояться.

Разум Лемпариуса отчаянно цеплялся за контроль над телом. Он боролся даже тогда, когда пантера

приготовилась к прыжку. И ему почти удалось победить — но только «почти».

Пантера-оборотень прыгнула на ведьму.

Конан резко обернулся, услышав звук шагов по каменным плитам. И тогда ход событий словно замедлился тем особенным образом, как это иногда случается в минуты большой опасности. Казалось, даже воздух сгустился и стал неподвижен.

Из темноты показалась одна из рептилий. За ней торопливо шла женщина — ведьма Дювула. Конан узнал ее. Затем в воздух взвилась золотистая тень — пантера, пытающаяся вцепиться в горло ведьме. Конану показалось, что и этот зверь ему знаком.

На передней лапе хищника киммериец увидел шрам от резаной раны. Он понял, что не ошибся. Это Лемпариус. Но почему он нападает на Дювулу?

В этот момент пантера ударилась о невидимую стену, которая защищала его жертву. Опять колдовство!

Конан не стал разбираться, как все его враги оказались в одном месте, да еще у него за спиной. Вместо этого он вытащил меч. Одетый в черное стражник уже на расстоянии удара... А рев хищника привлекает сюда и остальных. В этом Конан был уверен. Не время думать! Только дело может теперь спасти положение!

Конан сделал шаг в сторону и опустил клинок, когда тварь в капюшоне прыгнула к нему. Она была бессильна против острой стали, и клинок остался торчать у нее в чешуйчатой спине. Как подкошенный снап, рептилия рухнула на пол и увлекла за собой меч. Варвар выругался и наклонился, чтобы вытащить клинок.

Тут он услышал легкие шаги. Обернувшись, Конан увидел, как еще один стражник появляется из-за угла. Это было ошибкой бедняги — Кинна тут же ударила его пикой. Она насадила его на острие, как ломоть жареной свинины.

Пантера снова зарычала и опять врезалась в защитную стену, которая предохраняла ведьму от нападения. Ворча и фыркая, вне себя от ярости, зверь

обернулся и увидел Конана. Теперь он набросился на киммерийца.

Четыре или пять ящероподобных существ с выставленными пиками завернули за угол. Оружие Кинны все еще торчало в животе убитого.

— Кинна! Сюда!

Конан видел, как ведьма возится с каким-то предметом. Что бы это ни было, оно едва не выпало у нее из рук, и ведьма поймала его только в последний момент, грязно выругавшись.

Конану пришлось всерьез заняться пантерой. Слишком поздно до него дошло, что одного меча явно недостаточно для защиты от оборотня.

Хищник попытался схватить Конана за горло. Рослый киммериец ударил без колебаний. Клинок глубоко вонзился в бок зверя и перерубил ребра, так что пантера повалилась. Но едва она коснулась пола, кровь перестала течь, и рана мгновенно затянулась.

Киммериец бросил свой меч Кинне.

— Лови! — крикнул он.

Затем выхватил из-за пояса кривой нож Лемпариуса. Кошка снова прыгнула. Конан упал на колени, подняв клинок вверх. Острие вонзилось пантере под глотку. Сила прыжка рванула пантеру вперед, над пригнувшимся киммерийцем, так что магический клинок разрезал ее от горла до середины живота. Вывалились внутренности. Пантера упала на пол, откатилась в сторону и испустила дух.

— Конан!

Это крикнула Кинна, которая яростно взмахивала тяжелым мечом варвара, не без успеха оттесняя толпу ящериц.

Конан велел ей бросить ему меч и тут же всадил клинок одной из рептилий под подбородок. Смертельно раненый, слуга Совартуса скорчился и замер.

— Вот я тебя и достала! — воскликнул кто-то позади Конана.

Он отскочил от пикинеров, чтобы поглядеть в коридор за своей спиной.

Там стояла ведьма Дювула и держала над головой маленький круглый сосудик.

— Пришел твой час, варвар, твой и всех, кто рядом с тобой!

Замок задрожал, стены начали мерцать голубым светом. Витариус! Он продолжает бороться! Это очень хорошо, подумал Конан, потому что его собственная участь и судьба Кинны, похоже, уже решены...

Дювула вскрикнула, когда пол закачался под ее ногами, и она потеряла равновесие. Фарфоровая колба выскользнула из ее пальцев. Она отчаянно закричала:

— Нет!

Сосуд ударился о каменные плиты в тот самый миг, когда голубое мерцание погасло. Из осколков колбы поднялись густые зеленовато-желтые облачка пыли, которые быстро заполняли коридор.

Конан уже понял, что это были за облака. Он видел такой порошок в действии, когда вместе с одним немедийским вором лез на Слоновую Башню в Арэнджуе. Этот вор давно уже мертв, но его слова остались в памяти Конана. Порошок черного лотоса — вдохнуть его — мгновенная смерть!

Конан действовал чисто инстинктивно. Он схватил Кинну за руку.

— Задержи дыхание, девочка! Ни в коем случае не дыши! И беги во имя твоей жизни!

И он повлек Кинну в облака смерти.

Хотя киммериец и не дышал, все же он ощутил тошнотворно сладкий, противоестественный аромат, когда густое облако сомкнулось над ним. Он споткнулся о распростертую на полу ведьму, едва не упав, но удержался на ногах и помчался дальше, волоча за собой Кинну.

Потом Конан услышал именно то, что и рассчитывал услышать: шаги. Рептилии гнались за ними.

Мужчина и женщина выскочили из облака, но Конан бежал дальше, чтобы стряхнуть последние зернышки порошка, которые, возможно, уцепились за одежду. Остановившись, он все еще не дышал. Сперва он заботливо отряхнул одежду Кинны и свою, потом отошел еще на несколько шагов и наконец выпустил из легких воздух. Очень осторожно Конан вдохнул, но смертоносного запаха не ощутил. Тогда он кивнул Кинне.

— Дыши! — сказал он.

Кинна захрипела. Как только она снова смогла говорить, она спросила:

— Что с теми, в капюшонах?

— Слушай! — ответил Конан.

До его ушей доносился шорох, как будто тяжелые тела падали на каменные плиты.

— Я ничего не слышу, — сказала Кинна.

— Подожди! — оборвал он.

Через некоторое время облако пыли опустилось и наконец полностью рассеялось. Теперь отчетливо были видны немые фигуры рептилий на полу. Среди них беглецы заметили тела ведьмы Дювулы, которая хотела добыть сердце Конана для своего жестокого колдовства, и обнаженного мужчины. Он лежал на спине, и живот у него был распорот.

— Что это?

— Яд, — объяснил Конан. — Однажды я уже видел, как он убивает. Витариус заставил гору колебаться. Ведьма выронила колбу с ядом и уничтожила саму себя.

— А кто этот человек?

— Лемпариус. Он был пантерой, а теперь ни то и ни другое. Идем, нам нужно освободить детей. И прежде всего мы должны покончить с Совартусом, иначе это чудовище с равнины всех нас поработит.

Глава двадцать вторая

Когда голубой луч света ударился о замок. Совартус чуть не вывалился из окна, так затряслось все сооружение. Он ухватился за карниз и сумел забраться наверх, в башенный покой. Чародей бросил испепеляющий взор на невидимую отсюда фигуру своего одноклассника, и лицо его искалось от ненависти. Не будь он таким ловким, он бы сейчас наверняка разбился насмерть! Это было бы поистине жестокой иронией судьбы — погибнуть из-за легкомыслия и глупости в то время, как ему подчиняется нечто столь могучее.

Совартус выпрямился в полный рост и улыбнулся. Настало время рассчитывать со старым школьным другом! Магистр Черного Квадрата посмотрел на Создание Силы, и творение Совартуса отвечало на его взгляд взглядом неподвижных огненных глаз.

— Иди и размажь по земле это надоедливое насекомое! — приказал Совартус, сопровождая свои слова повелительным взмахом руки.

Создание Силы, заключившее в себе все четыре стихии, отвернулось от замка и зашагало со страшной скоростью. Гигантскими шагами передвигалось оно на ногах-смерчах.

С пустой равнины сорвалась голубая стрела света. В земляном теле Создания Силы задымилась черная рана, но чудовище не замедлило шагов.

Совартус усмехнулся. Потом посмотрел, не видит ли его торжества кто-нибудь из детей. Нет, пленники сидели неподвижно, с закрытыми глазами, и дышали совсем медленно.

Ничего, подумал чародей, хватит и того, что это вижу я!

В несколько мгновений Создание Силы стало таким маленьким, что теперь оно казалось не больше человека, идущего по противоположной стороне улицы. Третий луч поднялся с земли и вонзился в чудовище, которое почти добралось до стрелка.

Совартус смотрел, как Создание Силы, одним только видом наводящее ужас, наклоняется и поднимает руку. Потом рука опустилась, как молот. Сила этого удара потрясла землю и стала ощутима даже в замке. Совартус почувствовал, как вздрогнул пол под подошвами его сапог.

Этот удар многое означал для Совартуса — о, очень многое! Теперь он знал, что Витариуса, ученика Огистума, заклятого врага Черного Квадрата, больше нет. Он уничтожен. И для этого не потребовалось сильно напрягаться, нужно было только приказать.

Теперь ничто уже не сможет противостоять ему. Совартус знал это определенно, потому что не существует в мире силы, способной остановить его детище, повелителем которого он стал. После гибели Атлантиды никогда еще не собиралось столько власти в руках одного человека. Что ж, теперь он может жить вечно!

Пока Создание Силы шло назад, Совартус не выпускал его из глаз. Скоро перед ним склонятся народы всего мира, и он начнет разрушать города, опустошать целые страны и разбрасывать армии, если жители откажутся воздать ему почести. Скоро он будет

властвовать над миром, и мир будет повиноваться любому его капризу — либо умолкнет навеки!

Эта мысль наполняла Совартуса глубокой черной радостью.

Коридор привел в комнату. Конан увидел спины двух постовых-ящериц. Но их внимание было приковано к чему-то другому. Заглянув в комнату мимо часовых, Конан увидел, что так приворожило их: щуплый человек с черными волосами и клиновидной бородкой, в плаще, сотканном из волос. Он глядел в окно.

— Совартус! — шепнула Кинна.

— Ну вот и все, — сказал Конан и выдернул меч из ножен.

Что-то встревожило ящериц, потому что они обернулись одновременно и поглядели на Конана и Кинну. Потом они подняли пики.

— Левый — мой, — заявила Кинна.

Конан не колебался и с ходу атаковал фигуры в плащах с капюшонами. Совартус бросил на них короткий взгляд, но потом снова углубился в созерцание того, что видел в окно, как будто более важных забот у него быть не могло.

Конан успел изучить быстроту и силу ящериц, и в этом заключалось небольшое преимущество. Он не стал наносить рубящий удар, а вместо этого отбил в сторону пику. Один-единственный выпад позволил Конану выяснить, с сопротивлением какой силы ему предстоит иметь дело. Он быстро огляделся и увидел, как Кинна всадила пику в своего противника. Рептилия злобно зашипела. Конан взмахнул мечом и опустил его на шею ящерицы. Та безмолвно опустилась на пол. Рослый киммериец ворвался в башенный зал. Элдия лежала в цепях под своим окном. Остальные трое были прикованы таким же образом. Все дети выглядели так, словно они были уже в объятиях смерти. Конан взревел от ярости и шагнул к Совартусу.

Чародей отвернулся от окна и взмахнул рукой в сторону Конана, щелкнув при этом пальцами.

Внезапно рукоять меча стала обжигающе горячей, и несмотря на то, что она была обмотана кожаными

ремнями, Конан не смог удержать ее. Конан взял оружие в другую руку, но жар стал еще сильнее. Сыромятные ремни начали дымиться и вспыхнули. Киммериец выронил меч. Клинок покраснел, потом стал синевато-белым и таким светлым, что Конану пришлось отвести глаза. Потом он услышал дребезжащий звук. Меч исчез. Осталось только пятно на полу.

За спиной киммерийца вскрикнула Кинна. Снова послышался звон, когда ее пика упала на каменные плиты. Он увидел вспышку и понял, что и это оружие уничтожено.

Конан бесстрашно вытащил кривой нож, которым убил Лемпариуса, и хотел наброситься на Совартуса. Нож заключал в себе чары, и, возможно, это подействует...

Нож сам собой вырвался из руки Конана, пролетел по воздуху, и магический стол-талисман поглотил его.

Дьявольские штучки!

Конан зарычал от ярости. У него еще остаются руки, во имя Крома! Рослый киммериец рванулся вперед, намереваясь размозжить хилого человечка молотоподобным кулаком.

Невидимый сапог ударил Конана в живот. Его тренированные мышцы достойно встретили удар, но он потерял равновесие и упал.

Совартус злобно улыбнулся и поднял руку. И снова Конана сильно ударили, на этот раз в бок. Он хотел было схватиться с этим врагом, но никого не смог увидеть. Тут просвистел третий удар, по голове, и оглушил его.

Кинна попыталась подбежать к Конану, но и ее отшвырнула волшебная рука. Женщина упала на пол и на миг задохнулась. Конан с трудом поднялся на колени, упираясь ладонями в каменные плиты, потом встал.

Совартус рассмеялся.

— Идиот! Ты не можешь со мной равняться! Я твой новый бог! Склонись же передо мной, и тогда я подарю тебе жизнь, потому что ты будешь первым, кто вознесет ко мне молитву.

— Никогда! — заявил Конан.

Незримый сапог ударил Конана под подбородок, так что он снова опрокинулся на спину. Пытаясь сесть, киммериец непроизвольно простонал.

Откровенно развеселившись, Совартус разглядывал его.

За спиной Совартуса в своих цепях очнулась Элдия. Она раскрыла глаза, моргнула, посмотрела на Конана, потом на Совартуса.

Конан покачал головой, предупреждая Элдию, чтобы она молчала. Элдия пристально глядела на Совартуса. Потом подняла руку и пальцем указала на странное одеяние волшебника. Совартус, должно быть, что-то услышал, потому что хотел уже было повернуться к девочке.

Конан набрал побольше воздуха и плюнул в чародея. Тот немедленно перевел свое внимание обратно на киммерийца.

— А вот за это ты умрешь, несчастный дурак!

Он уже поднял руку...

...и в этот миг его одеяние внезапно вспыхнуло! Чародей резко обернулся.

— Что?!

Но широкий плащ разметал складки и только раздул огонь еще сильнее. Совартус выругался, срывая с себя плащ. Теперь он выпустил огромного киммерийца из глаз.

Конан собрал всю свою силу и прыгнул. На этот раз он достиг цели. Как тиски, обхватили его руки горло Совартуса. Оба упали на пол и покатались по пылающему плащу. Совартус тоже вцепился Конану в горло. Несмотря на то, что чародей был таким тощим, он обладал значительной физической силой, которую удвоило отчаяние. Как стальные клыки, терзали его пальцы шею Конана. Киммериец напряг на шее мышцы и сжал руки еще сильнее.

Хватка Совартуса слабела. Лицо волшебника стало темно-красным, почти лиловым. Глаза вылезли из орбит, кровь хлынула из носа. Губы втянулись.

Руки Совартуса соскользнули с шеи Конана, он бессильно обмяк. Недолго прожил он в облике бога...

В горе поднялся страшный шум — бессловесный вопль ярости и предсмертной боли, который пробрал Конана до мозга костей. Он выглянул в окно.

На равнине дрожало и размахивало руками огромное чудовище. Снова испустило оно крик. Земля сыпалась с его тела, настоящая лавина обрушилась с торса. Живой огонь глаз загорелся. Молнии вылетели

изо рта, когда оно закричало в третий раз. Чудовище надвигалось на замок.

Конан взял пику и просунул ее в металлическое кольцо, которым Элдия была прикована к стене. Потом он глубоко вздохнул и дернул цепь.

— Помоги разбудить остальных, если сумеешь, — обратился он к Кинне. — Сюда идет чудовище с равнины.

Конан быстро сорвал цепи с детей и потряс их за плечи. Трое почти пришли в сознание, но были все еще оглушены.

Пол зашатался, когда чудовище подошло ближе. Конан бросил взгляд на равнину. Создание Силы дрожало и кружилось. Казалось, в каждый миг оно могло рухнуть. Огромные скалы срывались с его тела и скатывались вниз. Еще горели глаза и сверкали молнии, но ветры рук и ног уже улетели прочь.

— Вставайте! — крикнул Конан и схватил полу-сонную девочку. — Бежим отсюда! Нам нельзя здесь оставаться!

Кинна потащила одного из мальчиков. Элдия шла следом. Конан нес двух оставшихся детей. Они бежали так, словно за ними гнались демоны из преисподней. Собственно, так оно и было.

Не доходя до места, где погибли ведьма и оборотень, Конан остановился.

— Медленнее, — приказал он, — чтобы снова не поднять пыль!

Киммериец возглавил шествие. Перешагивая через труп рептилии, он споткнулся. Из свертка на спине ящерицы высовывалось острое меч. Конан осторожно наклонился и развернул пакет. Он нашел там одежду — свою одежду! — и свой двуручный меч. Конан не смог подавить улыбки. Ведьма, должно быть, заколдовала эту тварь, подумал он. Он взял меч и одежду осторожно, чтобы не отравиться.

— Дальше! — сказал Конан.

Они двинулись по извилистому коридору. То и дело они проходили мимо неподвижных рептилий. Конан предположил, что смерть их господина предопределила и их судьбу.

Киммериец вел Кинну и детей в глубь замковой горы. Резкий удар потряс скалу. Он был таким

сильным, что беглецы не сумели удержаться на ногах.

— Чудовище уже здесь, — сказал Конан. — Я думаю, умирая, оно хочет прихватить с собой замок.

Все шестеро встали и побежали так быстро, как только могли. Переходы, казалось, не имели конца. Под ударами чудовища пол колебался так, что они порой не могли найти себе твердой опоры. Один раз из скального потолка сорвался огромный кусок, который едва не похоронил под собой беглецов.

Наконец они добрались до выхода из тоннеля.

— Туда! — крикнул Конан, перекрывая гудение земли. — Там лошади, если они еще целы.

Чудовище стояло по другую сторону горы и ударило по замку. Буря, родившаяся из его конечностей, вздымала пыль и листву.

Конан бежал к загону. Лошади были охвачены паникой, но еще не вырвались из загона. Под раскаты грома Конану удалось посадить Кинну и детей на лошадей. Потом он сам вскочил на коня.

— Теперь помчались! — крикнул Конан.

Конан сделал знак остановиться. Маленький отряд посмотрел назад, на замок. Чудовище, созданное из четырех стихий, уже снесло верхнюю часть замка. Слотт и бушевало теперь над скалой. Огромные глыбы гранита летали в воздухе. Маленькие камни долетали даже туда, где стояли Конан и его спутники.

— Смотри! — крикнула Кинна.

Создание Силы зашаталось. Большая часть горы раскололась. Вместе с ней опустилось и чудовище, которое рассыпалось, подняв густое облако каменной пыли.

Одно мгновение все безмолствовало. Потом Конан нарушил молчание.

— Оно сделало свое дело и погибло.

Всадники поехали по додлигийской дороге. Вдруг Конан заметил вдали фигуру, которая размахивала руками, и вытащил меч. Они подъехали еще ближе. Киммериец, улыбнувшись, вложил клинок обратно в ножны. Эта знакомая фигура не таила в себе угрозы.

Элдия радостно вскрикнула:

— Витариус!

— Да, да, старый Витариус, — сказал человек, когда они оказались возле него. — И никто не подумал о лошади для меня. Придется ехать на одной лошадке с Элдией.

— Мы подумали, что вы... — начала Кинна.

— Умер? Да, Совартус с радостью сплясал бы на моей могиле. Он послал свое Создание Силы раздавить меня. Я попал в него несколько раз лучами, но это была война комара и осла. Когда оно подошло слишком близко, я пришел к выводу, что неплохо бы отправиться куда-нибудь в другое место, подальше от него.

Конан посмотрел на голую равнину.

— Какой-нибудь колдовской трюк?

— Я с удовольствием украсил бы себя павлиньими перьями, — ответил Витариус, — но тут, право, нечем хвастаться. Я забрался в один из волчьих тоннелей и спрятался там так хорошо, как только мог. То, что было убито монстром, — всего лишь призрак. Я ведь неплохо умею вызывать всякие фантомы.

— Я помню, — сухо заметил Конан.

Глава двадцать третья

Расскажете вы мне или нет? Как все это было? — приставал Витариус.

Конан ухмыльнулся и доложил ему обо всем, что они пережили с того момента, как расстались. Витариус кивал и время от времени удивленно восклицал. Наконец он прервал рассказ вопросом:

— Но как вышло, что одежда Совартуса загорелась?

Конан показал на Элдию.

— Странно! — сказал волшебник. — Я думал, что при формировании Создания Силы у детей были отняты все их способности.

Элдия кивнула.

— Так и было. Во мне нет больше огня с тех пор, как Совартус заколдовал меня. Весь мой огонь перешел к Созданию. Но когда я проснулась и увидела,

что Конан ранен, я почувствовала, что где-то во мне прячется последняя искорка. И я послала ее на плащ Совартуса.

— Я рад, что она это сделала, — добавил Конан.

Он развернул сверток с одеждой, который забрал у мертвого стражника. Когда он вытащил оттуда свои штаны, из них посыпались мерцающие зеленые камни.

— Что это? — спросила Кинна.

Конан расхохотался.

— Изумруды! Лемпариус, должно быть, сунул их туда, чтобы позднее забрать! Одним из таких камешков я заплатил за все наше снаряжение, а их здесь около пятидесяти.

— Значит, ты теперь богат, — сказала Кинна.

Конан покачал головой.

— Нет, мы теперь богаты. Так звучит лучше. Мы поделим их между собой. В конце концов, мы заработали их вместе.

Он разложил драгоценные камни на семь равных частей. Под конец у каждого стало по семь изумрудов. Оставались еще два. Эти он вручил Кинне.

— Ты найдешь им лучшее применение, чем я, — сказал он. — Теперь тебе кормить еще три рта.

— Да, — ответила она. — Я вернусь на нашу землю и построю чудесный дом. Мы не будем больше бедны. Пойдем с нами, Витариус!

Старик кивнул.

— С удовольствием. Теплый огонь, чтобы греть мои старые кости, и такое милое общество — это меня привлекает. А может, я научу ребятшек паре волшебных фокусов — конечно, только для развлечения...

Кинна обратилась к Конану:

— А ты, Конан? Я всегда рада видеть тебя в своем доме... и в своей постели.

Конан качнул головой.

— У меня иная дорога, Кинна. Когда я встретил вас, я шел в Немедию. Я хотел бы продолжить свой путь.

— Понимаю. Мне трудно представить тебя кресть-

янином, владельцем поместья. Но я всегда буду помнить о тебе.

— И я о тебе, — сказал он.

Конан смотрел, как они едут прочь. Потом повернул коня на запад, в сторону Немедии. У него была новая лошадь, благодаря Совартусу из Черного Квадрата, и изумруды, вдвое более ценные, чем то золото, которое он потерял в Коринфии. В конце концов, не такой уж плохой обмен. К тому же он жив и может получать удовольствие от того и другого.

Улыбаясь, он ехал навстречу заходящему солнцу

КОНЕЦ

Глава первая

Ледяной ветер, бушевавший в отвесных ущельях Кецанкиана, становился здесь еще холоднее — в самом сердце неприступных скал. Порывы его, словно бич, хлестали стены каменного замка, вырастающего прямо из безымянного гранитного утеса. Отважные горцы, не испытывающие страха даже перед самым смертельным врагом, делают большой крюк, огибая эту мрачную цитадель, и складывают пальцы «рогами» в отвращающий знак, чтобы одно только упоминание о ней не накликало беды.

Аманар, чародей, шел по коридору, высеченному прямо в камне скалы, и нечеловеческие существа сопровождали его. Он был строен, этот волшебник, и красив на свой сумрачный лад, с аккуратно подстриженной черной бородой. Но в его коротких волосах, словно змей, тянулись серебряные струны, и красные точки вспыхивали в его глазах, окрашивая его взгляд и подчиняя его воле любого, кто был столь глуп, что не отвел мгновенно глаз от этого взора. Если посмотреть на его подручных рассеянно и с некоторого расстояния, то их можно было бы принять за обыкновенных людей. Но лица их были неестественно узки, глаза, блестевшие из-под шлемов с гребнями, отливали красноватым огнем, и их шелушащаяся кожа напоминала змеиную. Длинные пальцы, обвивающие древки копий, заканчивались не ногтями, а когтями. На боку у них висели кривые мечи — у каждого, за

исключением того, кто шел рядом с Аманаром. Сита, правитель с'тарра, подобный ящерице, нес алебарду. Небольшой отряд подошел к высокой двери, прорубленной в каменной стене, которая, как и дверные створки, была украшена рельефами с изображением змей.

— Сита, — произнес Аманар и, не останавливаясь, прошел в дверь.

Человек-ящерица последовал за ним шаг в шаг и прикрыл дверь за своим господином, который этого почти не заметил. Двух обнаженных пленников — мужчину и женщину, которые, скованные, с завязанными ртами, лежали в стороне, за выстроенными в круг колоннами большого зала, он тоже не удостоил взгляда. Мозаика пола изображала золотую змею, окруженную чем-то вроде солнечных лучей. Змеи, переплетающиеся на спине черного одеяния Аманара, переползали на его плечи, так что их головы сходились у него на груди. Глаза вышитых змей блестели, словно живые.

— Мужчину, Сита, — приказал чародей.

Пленники отчаянно извивались, стараясь порвать связывающие их веревки. Но слуга, мускулы которого бугрились, словно железные, превосходил мужчину силой. Несколько раз ударило сердце — и узник с раскинутыми руками и ногами уже лежал на пестром, в красно-коричневых пятнах, мраморном алтаре. Узкий желобок, идущий по краю алтаря, заканчивался трубой над большой золотой чашей. Сита вырвал у пленника изо рта кляп и отошел назад.

Тот, кого привязали к алтарю — бледная жертва — заскрежетал зубами.

— Кто бы ты ни был, ты ничего не сможешь выманить у меня, порождение мрака! Я не стану просить за свою жизнь! Слышишь, ты? Ни одной жалобы не сорвется с моих губ, паршивый пес! Я не...

Аманар совершенно не обращал на него внимания. Он нащупал под своим черным одеянием амулет, изображающий золотую змею в когтях серебряного ястреба. Этот амулет помогал ему во всем, о чем он просил, но каждый раз чародей чувствовал силу, которой он противостоял — и которую он покорил. Эти

болваны из Стигии, которые называют себя Магами Черного Круга, так надменно повелели ему склониться к их ногам, потому что они имели глупость всерьез поверить в то, что он почитает их чуть ли не молитвенно. Но прежде чем стало слишком поздно, они почувствовали презрение, которое, как нарыв, зрело в его сердце. Они похвалялись тем, что их сила в служении Сэту, Князю Тьмы. Однако ни один из них не заходил так далеко, чтобы отважиться потревожить страшную Книгу Тифона. А он, Аманар, решился на это.

Он приступил к заклинанию. Позади алтаря закрутился туман, золотисто-красный, в цвет огня. За ним в бесконечность простиралась чернота. Исполненный ужаса, связанный молчал, и только постукивали его зубы.

Было известно, что смертный дух не в состоянии принять страшное знание, заключенное в этой Книге. Ни одного слова оттуда не может он постигнуть без того, чтоб его не ожидали смерть или безумие. Но Аманар изучал ее. Конечно, не всю — только одну-единственную страницу. Сверхъестественные силы Книги, казалось, разорвали в клочья его сознание и превратили в студень его кости, они ранили его смертельного и, как воющего волка, погнали из города Кеми в пустыню. Но в своем безумии, блуждая по безводной пустыне под палящим солнцем, он сумел сохранить в памяти эту страницу.

В темноте и из темноты выросла фигура. В безмолвном ужасе глаза связанного вылезли из орбит. Женщина кричала сквозь свой кляп. Золотой череп, который колыхался над ними в клубящейся темноте и который не принадлежал ни змее, ни ящерице, был окружен кольцом из двенадцати шупалец, каждое из которых было длиннее, чем туловище человека. Во мраке терялось тело змеи, покрытое золотой чешуей. Оно простиралось вдаль настолько, насколько видел его глаз и осознавал разум. Раздвоенный язык играл между острых клыков, а глаза, в которых, казалось, отразился огонь всех кузнечных горнов, рассматривали Аманара — жадно, как почудилось колдуну, поспешно положившему руку на амулет.

По выжженному песку, иссохший и изнемогающий

от жажды, брел он, твердя текст страницы, и не в состоянии был умереть. Наконец он добрался до Птеона Проклятого — руин города, куда забредают только духи, города, который уже во времена мрачного Ахерона, когда Стигия была не более чем песчаной пустыней, был заброшен. В безымянных покинутых пещерах под городом нашел он Мората-Аминэ. Его заточили там, ибо он восстал против Сэта — заточили еще в те времена, когда называющие себя людьми ходили на четвереньках и искали под камнями личинок себе на пропитание. Призвав на помощь память о той странице — неужели она никогда не перестанет полыхать в нем, словно написанная огнем? — он сумел освободить демона и покорить его, несмотря на то, что невидимые нити были очень тонки, — и защитить себя. Так он обрел власть.

— Морат-Аминэ! — крикнул он голосом, который был средним между свистом и высокой певучей нотой. — О Пожирателе Душ, чье третье имя — Смерть! Сказать Смерть, Услышать Смерть! Твой слуга Аманар приносит тебе эту жертву!

Он протянул руку. Сита вложил в нее кинжал с золотой рукояткой и позолоченным клинком. Предназначенный в жертву раскрыл рот, чтобы закричать, и захрипел, когда Аманар перерезал ему горло. В этот миг золотые щупальца демона схватили человека с алтаря, избегая, однако, приближаться к Аманару.

— Ешь, о Морат-Аминэ! — прошептал колдун. Он посмотрел жертве в глаза и стал ждать подходящего момента.

Ужас, искажавший черты убитого, исчезал по мере того, как он осознавал, что он мертв. И все же он не находил смерти. Не это было ему суждено.

Аманар слышал довольное чавканье демона. Глаза жертвы наполнились отчаянием. Он понял, что у него похитили больше, чем просто жизнь. Колдун смотрел, как глаза эти теряли жизненность, не становясь мертвыми, как они превращались в пустые окна, отворенные в глубину, откуда вынули душу.

— Проси меня о смерти! — потребовал Аманар.

Губы отчаявшегося попытались произнести хоть слово, но он уже был не властен над ними. Аманар улыбнулся. Он протянул руку к груди, которая стре-

мительно распахнулась, и вынул пульсирующее сердце. Оно сжалось еще раз, когда он поднес его к глазам жертвы.

— Уми! — приказал волшебник. Демон выпустил человека, и тело поникло, охваченное, наконец, сном смерти.

Сита подошел с золотым подносом к чародею, который положил на него сердце. Оно также хорошо послужит его черному искусству. Льяным платком, который протянул ему человек-ящерица, он вытер свои окровавленные руки. Сита отвернулся.

— Аманар! — шипящий голос демона разнесся среди стен. — Ты используешь мою жертву для своих целей, Опустошитель Душ.

Прежде чем ответить, Аманар поспешно оглянулся. Женщина, близкая к безумию, извивалась в своих путах. Она не слышала ничего, кроме своего собственного крика, задушенного кляпом. Сита прошел к двери жертвенного покоя, словно он ничего не слышал. С'тарра не способны мыслить самостоятельно, они умеют только выполнять приказы. Сите было велено убрать сердце в чашу, на которую было наложено заклятие — сохранять свое содержимое свежим. Но прежде чем он выполнил это приказание, ему словно что-то еще пришло в голову — насколько его бескрылый дух был вообще в состоянии порождать какие-либо мысли.

Колдун склонил голову — внешне это выглядело так смиренно, как только можно себе представить — касаясь подбородком груди. — О великий Морат-Аминэ, я твой покорный слуга. Твой раб, который освободил тебя из заточения во мраке.

Боги и демоны не умеют забывать, во всяком случае, не так, как люди, но зачастую они предпочитают кое о чем не вспоминать, особенно если они оказались обязаны чем-то смертным. Такое напоминание не помешает.

Щупальце, покрытое золотистой кожей, потянулось к Аманару, который призвал на помощь всю свою силу воли, чтобы не отшатнуться, — и тут же поспешно отдернулось.

— Ты все еще носишь амулет.

— О величайший среди владык и власть имущих!

Столь незначителен я перед тобой, что ты можешь раздавить меня, как червяка, попавшегося на твоём пути, и не заметить этого. Я ношу этот амулет лишь для того, чтоб дать тебе знать о своём существовании. Ведь если ты раздавишь меня, я не смогу служить тебе и прославлять тебя.

— Служи мне хорошо, и тогда в тот день, когда Сэт будет заточен подобно тому, как был заточен я, и когда я буду безраздельно властвовать над силами тьмы, я отдам тебе в рабство тех, кто называет себя людьми, и ты будешь приводить их ко мне, чтоб я был сыт.

— Твое слово — мой приказ, великий Морат-Аминэ.

Аманар заметил, что вернулся Сита в сопровождении еще двух с'тарра. Чародей сделал повелительный жест, и оба они поспешили к залитому кровью алтарю. Но прежде чем приблизиться к черному мраморному блоку, они пали ниц. Пока они снимали путы с жертвы и тащили ее к жертвеннику, они не поднимали глаз на демона.

Неожиданный стук заставил волшебника удивленно повернуться к двери. Никто не осмелится мешать этому ритуалу! Но стук повторился. Аманар вздрогнул, когда в его мозгу просвистел голос демона:

— Иди, Аманар. Это нечто важное для тебя.

Чародей бросил через плечо еще один взгляд на большую золотую змеевидную фигуру, которая неподвижно возвышалась над алтарем. Пламенные глаза наблюдали за ним — как? Насмешливо?

— Готовь следующую жертву, Сита.

Связанная женщина отчаянно сопротивлялась, когда сухие руки слуг подняли ее с пола.

Перед стражниками-с'тарра стоял взволнованный туранец с клиновидной бородкой. Его дородная фигура в развевающемся желтом одеянии являла собой разительный контраст одетому в чешуйчатую кольчугу тонкому стражнику с пустыми красными глазами. Человек попытался заглянуть через плечо волшебника в жертвенный покой, но Аманар поспешно закрыл дверь. У него в замке вообще было очень мало слуг из людей, которым он мог доверять, и не пришлось еще время им узнать, к т о тот, кому они служат.

— Почему ты покинул Аграпур, Тевик? — прошипел он.

Толстый человек раболепно улыбнулся и скрестил руки на груди.

— Это не моя вина, магистр. Я умоляю вас поверить.

— Что ты там бормочешь, человек?

— То, что я должен был охранять, магистр, — того нет уже больше в сокровищнице короля Илдиза.

Аманар побледнел. Тевик принял это за признак гнева и испуганно вздрогнул, в то время как стражник-с'тарра беспокойно переминался с ноги на ногу. Однако чародея охватил не гнев — то был страх. Он схватил туранца за одежду и подтащил его к себе.

— Где он теперь? Говори, человек, если тебе дорога твоя жизнь!

— В Шадизаре, повелитель! Я клянусь в этом!

Аманар сверкнул глазами, пронзая его взглядом. Морат-Аменэ знал, как важен этот визит, и, без сомнения, знает он и о том, что находится сейчас в Шадизаре. Этому необходимо новое укрытие, но сначала он должен заполучить в свои руки то, что пропало, — то, что он непременно должен охранять от Мората-Аменэ. Однако, чтобы добиться своей цели, ему придется принести это в пределы досягаемости демона. Ах, этот риск! Этот риск!

Он совершенно не осознавал, что все еще держит в руке жертвенный кинжал, пока он не скользнул по ребрам туранца. Он не понял, почему его рука машинально вонзила нож ему под ребра. Он взглянул на лицо, которое уставилось на него, исполненное ненависти, и ощутил сожаление. Слуги из людей пригодны для многого из того, для чего он не может использовать с'тарра. Да, они чересчур полезны, чтобы ими так просто кидаться.

Волшебник почувствовал, как что-то вонзилось ему в грудь, и бросил взгляд вниз. Из его черного одеяния торчала рукоятка кинжала, которую только что выпустила рука туранца. С презрением Аманар оттолкнул от себя умирающего. Затем он выдернул кинжал и поднес окровавленный клинок к глазам человека, распростертого на полу, который захрипел, ибо пришла его последняя минута.

— Ты болван! — сказал Аманар. — Сперва ты должен был убить мою душу, чтоб оружие смертного могло причинить мне хоть малейший вред.

Он отвернулся. Пристрастие стражников к свежему мясу вряд ли оставит от Тевика хоть что-нибудь. Он должен как следует ублажить Мората-Аминэ. Ему нужно выиграть время для того, чтоб сделать то, что он должен сделать. Другие пленники должны быть подготовлены, ему нужны жертвы, много жертв для Пожирателя Душ. Аманар возвратился в жертвенный покой.

Глава вторая

Город Шадизар с его пурпурными куполами и шпилями имел дурную славу и был известен как «Преданный Осуждению», но разврат и излишества, которым предавались высокомерные аристократы, их бездушные супруги и увешанные жемчугом дочери, бледнели рядом с повседневной жизнью обитателей той части города, которая носила название «Пустынька». В ее узких кривых улочках и грязных переулках, прибежище воров, похитителей людей, убийц из-за угла и прочих подонков, человеческая жизнь стоила медяк, а душа вообще ничего.

У высоченного молодого парня, который сидел на кровати в верхнем этаже постоялого двора Абулетеса, расположенного в самом сердце Пустыньки, в тот момент даже мысли не мелькало о тех, кто, возможно, именно сейчас испускает дух среди вонючей грязи улиц. Его ярко-синие, как горный ледник, глаза под гривой прямых черных волос, не отрываясь, смотрели на женщину с оливковой кожей на другой стороне комнаты. Она тербила позолоченные медные чаши, которые больше обнажали, чем скрывали ее колыхающуюся грудь. Остальное ее одеяние состояло из тонких прозрачных шаровар, которые были украшены разрезами от талии до щиколоток, и позолоченного пояса шириной не более чем в два пальца, обвивающего полные бедра. Она носила четыре кольца с разными самоцветами: зеленый перидот и красный гранат на левой руке, бледно-голубой топаз и красновато-зеленый александрит на правой.

— И не говори, Конан, — пробормотала она, не глядя на него.

— Чего не говорить? — ворчливо спросил он.

Судя по его ясному лицу, он видел не более двадцати зим, но выражение его глаз свидетельствовало о том, что то были зимы железа и крови.

Он отбросил одеяло, сшитое из шкур, и встал, чтобы одеться. Как всегда, прежде всего он позаботился о том, чтоб оружие было под рукой: старый широкий меч в ножнах из лошадиной кожи на поясе и карпашийский кинжал с черным клинком на кожаном ремне под мышкой слева.

— Я не хочу от тебя ничего из того, что продаю другим. Ты не можешь довольствоваться этим?

— Тебе совершенно не обязательно заниматься твоим ремеслом, Семирамис. Я лучший вор в Шадизаре, да и во всей Заморе.

Когда она рассмеялась, его пальцы так поспешно вцепились в обмотанную ремнем рукоять меча, что даже побелели на сгибах. Его гордость была оскорблена, хотя бы Семирамис и не подозревала об этом. Разве не он убил волшебника, не привел бессмертного к смерти, не спас трон, не сокрушил многих? Кто еще в его годы мог похвастаться подобным? Но он никогда не рассказывал об этом Семирамис, потому что слава для вора — это начало его конца.

— И несмотря на всю твою ловкость, что у тебя есть? — насмехалась она. — Каждая монета, которую ты украдешь, утекает у тебя между пальцев, как вода.

— Кром! Неужели это и есть та причина, по которой ты не хочешь быть только моей? Деньги?

— Ты идиот! — прошипела она. Прежде чем он смог что-либо возразить, она уже вышла из комнаты с высоко поднятой головой.

Несколько мгновений он тупо смотрел на голые стены. Семирамис не знала, в какие тиски он угодил. Он действительно был самым удачливым взломщиком в Шадизаре, и теперь его достижения становились для него опасными. Тучные купцы и тщеславные аристократы, чьи изысканные покои он опустошал, решили назначить вознаграждение за его поимку. И в то же время были среди них люди, которые — собствен-

ной персоной! — обращались к нему с просьбой выкрасть компрометирующее письмо или подарок, недуманно преподнесенный лживой женщине. И то, что он знал об их тайных делах, было гораздо большим основанием назначить цену за его голову, чем его воровские подвиги. Это первое; а второе — склонность их пылких дочерей, которых привлекала запретная связь с этим могучим, стройным варваром.

Он сердито набросил на плечи свой черный кауранский плащ с золотыми украшениями. Все эти ссоры бессмысленны. Он вор и должен наконец приступить к работе.

Он спустился по крутой лестнице в переполненную харчевню и в бешенстве заскрежетал зубами. Семирамис восседала на коленях охотника за рабами из Кофа с узенькой бородкой, одетого в полосатый плащ. Золотые браслеты украшали его играющие мускулами предплечья, а в смуглом ухе качалось золотое кольцо. Правая рука этого лоснящегося типа покоилась на груди Семирамис, а левая шарилась под столом. Девушка соблазнительно изгибалась и тихонько посмеивалась, словно кофитянин нашенгивал ей на ухо что-то очень забавное. Конан прошествовал к стойке, делая вид, что не замечает парочку.

— Вина! — потребовал он.

Он пошарил в кожаном кошельке на своем поясе и вытащил пару медных монет — почти последнее, что у него оставалось.

Монеты исчезли в толстых лапах Абулетеса, и хозяин поставил перед Конаном кружку с молодым вином. Грязные подушки жира напозлали на воротник застиранной желтой рубахи Абулетеса. Глубоко посаженные глазки прощупывали до последней монетки кошелек каждого, кто приближался к нему более чем на двадцать шагов. Он стоял за стойкой и изучал Конана тайно, с неподвижным лицом.

Каждый раз, когда в харчевню входил новый посетитель, запах жиденького винца и подгоревшего мяса с кухни перемешивался с уличным зловонием. До наступления ночи оставалось еще целых три склянки, но к столам уже потянулись карманники, сводники и уличные грабители. Полногрудая девица со звенящими латунными колокольчиками на ножных браслетах,

одежду которой составляли две узкие полоски желтого шелка на бедрах, предлагала свои услуги, соблазнительно улыбаясь при этом.

Взгляд Конана бродил по лицам присутствующих, и он исподтишка смотрел на глаза тех, кто казался ему опасным. Какой-то кецанкиец, рассматривая девицу, провел кончиком языка по губам. И два иранистанца с темной кожей, одетые в шаровары и дубленые куртки, глазели на нее с жадностью. Из-за нее запросто может вспыхнуть ссора. Туранский фальшивомонетчик склонился над своей кружкой. Его клиновидная бородка вздрагивала, когда он что-то бормотал себе под нос. В Пустыньке знали решительно все его тайну: он был жестоко обманут и, сжигаемый гневом, мечтал отомстить — с помощью своего кинжала длиной в три ступни. Третий иранистанец, одетый так же, как двое других, но имевший, кроме того, серебряную цепь на голой груди, пришел к мысли спросить о своем будущем у карточной гадалки.

— Как ты думаешь, Конан, что дальше будет? — внезапно спросил Абулетес.

— Дальше? — эхом откликнулся Конан. До его сознания не дошел смысл слов хозяина.

Гадалка не была морщинистой старухой, как многие из тех, кто занимается этим ремеслом. Рыжевато-каштановые шелковистые волосы выбивались из-под капюшона ее просторного коричневого плаща, обрамляя ее лицо сердечком. Изумрудно-зеленые глаза под высокими бровями слегка косили. Ее плащ и платье под ним были из домотканой шерсти, но тонкие пальцы, державшие гадальные карты, выглядели холеными.

— Тебя что, не интересует ничего, что не касается твоего воровства? — проворчал Абулетес. — В последние месяцы бесследно пропало семь караванов на пути в Туран и из Турана. Тиридат послал на охоту за Рыжим Ястребом целую армию, но они не видели эту чертовку даже издали. Почему в этот раз должно быть иначе? А если солдаты снова вернуться с пустыми руками, купцы своими громкими воплями вынудят короля навести порядок хотя бы здесь, в Пустыньке.

— И все это будет не в первый раз, — ответил Конан, улыбаясь. — Но ведь все всегда остается по-старому.

Иранистанец что-то произнес с гнусной ухмылкой. Гадалка подняла на него глаза, в которых вспыхнули опасные искры, однако продолжала раскладывать карты. Иранистанец, несомненно, думает так же, как и я, решил Конан. Семирамис сама себе подписала приговор, наконец-то ей придется заниматься своим ремеслом не так открыто у него на глазах. Не глядя в сторону парочки, он произнес:

— Откуда вообще взялась эта мысль, что именно Рыжий Ястреб виной тому, что пропадают караваны? Семь — это не слишком много для одной разбойницы?

Абулетес возмущенно засопел:

— А кто еще это мог быть? Кецанкианцы орудуют только вблизи гор. Так что остается она. В конце концов, никто не знает, сколько у нее людей. Я слышал такие сплетни, будто у нее их пятьсот и они покорны ей, как охотничьи псы своему хозяину.

Конан уже приготовился к язвительному ответу, когда за столом гадалки произошла ссора. Иранистанец положил ей на плечо руку, которую она сбросила. Тогда он схватил ее за плащ и возбужденно прошептал ей кое-что на ухо, причем звякая монетами в своем кошельке.

— Поищи себе лучше мальчика! — фыркнула она.

Удар тыльной стороной ладони по его лицу прозвучал, как хлопок бича. Иранистанец отшатнулся с красным полыхающим лицом и схватился за широкий туранский кинжал.

— Шлюха! — взвыл он.

Двумя прыжками, как пантера, Конан пересек комнату. Его могучая рука схватила иранистанца за запястье и подняла крепкого мужчину со стула. Ярость иранистанца сменилась испугом, когда он попытался заколоть высокого молодого парня, и кинжал внезапно выскользнул у него из ослабевших пальцев. Железная хватка Конана стиснула его руку так, что приток крови прекратился.

С презрительной легкостью варвар швырнул иранистанца на пол между столами.

— Она прощает тебе твою назойливость! — сказал он резко.

— Шлюхино отродье! — взвыл мужчина. Левой рукой он вырвал у туранского фальшивомонетчика его нож и набросился на Конана.

Варвар подцепил ногой перевернутый стул и швырнул его под ноги иранистанцу. Тот упал, однако, падая, успел извернуться. Прежде чем он твердо встал на ноги, Конан пнул его сапогом в колено. Он снова рухнул на пол, как раз рядом с фальшивомонетчиком, который вырвал у него свой кинжал и алчным взором уставился на его туго набитый кошелек.

Конан повернулся к прекрасной гадалке, и ему показалось, что он видит, как в складках ее плаща исчезает нож.

— Я помог тебе отделаться от приставаний этого типа — ты, вероятно, позволишь мне пригласить тебя на стакан вина?

Она скривила губы.

— Я не нуждаюсь в помощи мальчишки варвара.

Она отвела глаза. Конан отскочил в сторону, и по этой причине кривая сабля одного из иранистанцев воткнулась в крышку стола, а не в его горло.

В прыжке Конан согнул плечи, перекатился через ноги и вытащил из ножен свой широкий меч. Оба иранистанца, которые одни занимали целый стол, встали перед ним в позу ожидающего бойца, с обнаженными саблями, колени слегка согнуты. Расстояние между противниками не превышало длину стола. Столики, находившиеся в непосредственной близости, были поспешно освобождены, но все остальные посетители продолжали заниматься каждый своим делом. Кровавые стычки были повседневным явлением в кабаках Пустыньки, и не проходило дня, чтоб по меньшей мере один человек не расставался здесь с жизнью.

— Порождение мамы, которая никогда не знала даже имени твоего отца! — обругал его один из длинноносых. — Ты будешь лкать свою собственную кровь, отродье жабы! Ты будешь...

Конан не видел никакого смысла в том, чтобы прислушиваться к оскорблениям. Он испустил дикий боевой клич киммерийцев, поднял меч над головой и

напал первым. Презрительная улыбка играла на смуглом лице ближайшего к нему иранистанца, и он сделал выпад, собираясь проткнуть саблей широкоплечего юношу, прежде чем тот сможет завершить свой удар сверху — неуклюжий, как казалось со стороны. Но Конан вовсе не был так глуп, чтобы нападать, не думая о защите. Когда иранистанец нанес удар, он уклонился вправо и присел на корточки, отставив в сторону левую ногу.

В темных глазах своего противника, которые вылезали из орбит, он прочитал предчувствие смерти. В тот момент, когда сверкающий синеватый клинок кривой сабли просвистел у него над плечом, широкий меч описал полукруг, пропорол кожаную куртку и глубоко вонзился под ребра иранистанца.

Конан ощутил, как под тяжестью удара хрустнули кости, и увидел, что остальные иранистанцы, срежесца зубами, с простертыми саблями, приготовились его атаковать. Конан взвалил умирающего себе на плечо, поднял его и швырнул им в его товарищей, выдерживая свой меч. Мертвец упал прямо в ноги второму иранистанцу. Тот перепрыгнул через тело и занес кривой клинок. Удар Конана выбил саблю у него из рук, и меч, свистя, перерубил противнику шею. Выпучив глаза, он отшатнулся назад и опрокинул стол, на котором и обрел вечный покой.

Конан увидел, что Семирамис поднимается по лестнице, причем тяжелая рука кофитянина по-хозяйски лежит на ее упругом заду. Он поморщился и принялся вытирать клинок о шаровары последнего из своих противников. К черту ее, если она не желает видеть, что заполучила уже лучшего мужчину в Шадизаре! Он повернулся к столику рыжеволосой гадалки. Он был пуст. Конан в ярости выругался.

— А этот тоже мертв, — проворчал Абулетес. Толстый хозяин опустился на колени возле иранистанца с серебряной цепью, которую его пухлые пальцы принялись стаскивать через голову. — Ты сломал ему шею. Во имя Камней Ханумана, Конан, ты прикончил трех весьма щедрых клиентов. Мне бы ужасно хотелось попросить тебя впредь не осчастливливать меня своим присутствием.

— Это ты получишь в любой момент, — буркнул Конан, разозлившись. — Теперь тебе не надо пичкать их своим разбавленным пойлом. Но мне ты вполне можешь принести кружечку твоего лучшего киросского. За их счет!

Он уселся за стол возле стены и мрачно задумался о женщинах. По меньшей мере рыжеволосая могла бы выказать хоть немного признательности. Он защитил ее от одного-двух омерзительных моментов, если не от худшего. А Семирамис...

Абулетес поставил перед ним глиняный кувшин и протянул руку, не слишком чистую. Конан рассматривал последнего из троих мертвых иранистанцев. Два прислужника, которые зарабатывали пару медяков такими и подобными же услугами в различных кабаках, как раз волокли его через порог. Конан отчетливо видел, что кошельки всех троих мертвецов исчезли под засаленным фартуком Абулетеса. После короткого раздумья Абулетес вытер о фартук руки и зашаркал прочь. Конан принялся топить свою досаду в вине.

Глава третья

Столы, которые были покинуты во время потасовки, очень быстро снова были заняты. Никто не бросил даже беглого взгляда на мертвых, когда их выносили из харчевни, и пьяные вопли кутил не притихли ни на миг. Полуголая девица рассматривала широкие плечи Конана с откровенной жадностью, но, увидев бешенство на его лице, отвернулась.

Его положение никак не улучшить с помощью обыкновенной удачной кражи, размышлял он, осушив четвертый стакан сладкого вина. Если бы он был состоятельным человеком, рыжеволосая, конечно же, посмотрела бы на него приветливо, и Семирамис не считала бы для себя таким уж важным делом заниматься своим ремеслом. Но за золотые чаши из парадных покоев тучных купцов и жемчужные ожерелья с туалетных столиков нежных и благородных дам скупщики краденого в Пустыньке едва давали десятую часть их истинной стоимости. Искусством копить

и распределять деньги Конан не владел. Азартные игры и вино поглощали то, что оставляли ему девушки. Единственная возможность хоть чего-то добыть — это крупная кража со взломом. Но где?

Конечно, имеется дворец. Король Тиридат считает своими несчитанные сокровища. Король — горький пьяница с тех пор, как злой волшебник Йара сделался подлинным владыкой Заморы. Хотя бы ради справедливости король обязан уделить толику своего богатства человеку, который сокрушил Йару и сравнял с землей его Слоновую Башню. Но он ничего не знает о деяниях этого человека, иначе он добровольно отдал бы ему часть своего состояния. Несмотря на это, король, как полагал Конан, был ему кое-что должен. И востребовать долг — даже и без ведома Тиридата — вовсе не значит украсть.

Кроме того, есть еще Ларша, древний, проклятый город, лежащий в руинах недалеко от Шадизара. Происхождение этих разрушенных башен и рассыпавшихся стен теряется в дымке прошедшего. Но любой и каждый уверен: там лежат сокровища — сокровища и проклятие! Лет десять назад, когда Тиридат был еще вполне дееспособным королем, он среди ясно-го дня послал к этим развалинам целую роту солдат. Ни один не вернулся назад, и крики умирающих повергли свиту и телохранителей короля в такой ужас, что они мчались оттуда, сломя голову, и Тиридат был вынужден бежать вместе с ними. Если кто-то и вправду нашел свое счастье в этих руинах, то он, по меньшей мере, не возвращался назад, чтоб похвастаться этим.

Конан проклятия не боялся — разве сам он уже не оказывался проклятием и ужасом для волшебников? — и точно так же не было у него колебаний насчет королевского дворца. Но на что же ему решиться? Несомненно, стянуть драгоценности из дворца так же трудно, как взять их из-под руин, на которых лежит заклятие. Что же потребует больше усилий?

Он почувствовал на себе чей-то взгляд и поднял глаза. Смуглый остроносый человек с пурпурным покрывалом на голове, схваченным золотым обручем, изучающе разглядывал его. Просторное пурпурное одеяние из шелка ниспадало с его костлявых плеч. Че-

ловек опирался на посох из необработанного, отполированного руками дерева, достигавший в высоту до плеча. Несмотря на то, что у него не было никакого другого оружия и он явно не принадлежал к обитателям Пустыньки, в его глазах не было страха быть ограбленным — в них вообще не было никакого страха.

— Ты, вероятно, Конан из Киммерии. — Это прозвучало отнюдь не как вопрос. — Говорят, ты лучший вор в Шадизаре.

— А вы кто такой, — спросил Конан осторожно, — что позволяете себе подозревать честного гражданина в занятиях воровством? Я телохранитель.

Не возражая, человек уселся напротив Конана. Он не выпускал посоха из рук, и Конан догадался, что для него он и был оружием.

— Я Анкар, купец, который торгует очень необычным товаром. Я нуждаюсь в помощи лучшего шадизарского взломщика.

Конан с самодовольной улыбкой прильнул к своему вину. Теперь он был на своей территории.

— Что это за необычный товар, которым вы хотите заняться?

— Для начала тебе нужно знать, что вознаграждение, которое я готов за это заплатить, составит десять тысяч золотых.

Конан поставил свой стакан так поспешно, что он опрокинулся, и вино плеснуло ему на руки. Во имя Владыки Гор! — имея десять тысяч он может больше не оставаться вором, ему придется самому искать защиты от воров.

— Что я должен для вас украсть?

Легкая улыбка тронула тонкие губы Анкара.

— Стало быть, ты вор по имени Конан. Хотя бы это мы установили. Знаешь ли ты, что Илдиз Туранский и Тиридат пришли к соглашению положить конец нападениям на торговые караваны на всем протяжении их совместной границы?

— Я слышал об этом, но для вора это неинтересно.

— Ты так полагаешь? Тогда узнай, что короли скрепили этот пакт, который будет действовать в течение пяти лет, взаимными подарками. Илдиз послал Тиридату пять танцовщиц с золотым дарцом,

крышка которого выложена пятью аметистами, пятью сапфирами и пятью топазами. А в нем находятся пять подвесок, каждая с камнем, подобного которому никогда еще не видели глаза смертного.

Конана утомил поучающий тон чужака. Этот человек принимает его за грубого необразованного варвара — каковым он, Конан, конечно, является — но во всяком случае, он же не дурак.

— Так что вы хотите, чтоб я украл подвески, но не трогал ларец?

Когда он увидел, как раскрылись глаза Анкара, он почувствовал некоторое удовлетворение. Купец положил обе руки на посох.

— Как ты догадался, киммериец?

Вопрос прозвучал угрожающе.

— Подделать ларец можно за гораздо меньшую цену, чем вы мне предложили. — Он подумал о том, сколько же лет его собеседнику, и с улыбкой добавил: — Если вы не имели в виду танцовщиц.

Анкар не ответил на его улыбку, продолжая рассматривать Конана, полузакрыв глаза.

— Ты не глуп... — он поспешно прервал себя.

Конан загнал улыбку внутрь. Не глуп — для варвара! Касательно варваров он научит кое-чему этого человека!

— Где они, эти подвески? — буркнул он. — Если их хранят в сокровищнице, мне потребуется некоторое время для моего плана...

— Тиридат греется в лучах могущественного монарха. Ларец служит бесспорным доказательством того, что Илдиз подписал с ним соглашение. Он выставлен в зале возле тронного на всеобщее обозрение, чтобы все, кто входит туда, могли им восхищаться.

— Мне необходимо время, — заявил Конан. — Десять дней на подготовку.

— Невозможно! Сократи твои приготовления. Три дня!

— Недостаточная подготовленность приведет лишь к тому, что вы никогда не получите эти подвески в свою собственность, а моя голова будет украшать собою копьё над западными воротами. Восемь дней!

Анкар провел кончиком языка по тонким губам. В первый раз за время их беседы он выдал свое беспо-

койство. Его глаза прикрылись, как будто он хотел спрятать свои мысли.

— Пять... четыре дня! И ни мгновением больше.

— Пять дней, — снизошел Конан. — Иначе подвески останутся у Тиридата.

И снова глаза Анкара затуманились.

— Пять дней, — произнес он наконец удовлетворенно.

— Согласен. — Конан вынужден был скрыть гримасу. Он предполагал стащить подвески еще сегодня. Он блефовал со временем только для того, чтобы купец не счел его подвиг пустяковым делом. Если он требовал десять дней и согласился на пять как на крайний срок, а доставит подвески уже на следующее утро, он будет выглядеть настоящим чудотворцем.

— Речь шла о десяти тысячах золотых, Анкар.

Смуглый человек извлек из складок своего одеяния кошелек и положил его на стол.

— Двадцать золотых сейчас, сто потом, если твой план удастся, остаток после реализации товара.

— Скудноватый аванс для такой суммы, — проворчал Конан, однако внутренне он был вовсе не так уж недоволен. Даже двадцать золотых было много по сравнению с тем, что он имел сейчас, а остаток будет принадлежать ему уже утром.

Он взял кошелек. Внезапно Анкар протянул над столом руку и положил ее на ладонь Конана, прикрывшую кошелек с золотом. Конан невольно ощутил ужас. Рука этого человека была холодна, словно у трупа.

— Слушай меня, Конан из Киммерии, — просвистел темнокожий. — Если ты меня обманешь, ты своих богов станешь умолять о том, чтоб твоя голова действительно украсила копьё над воротами.

Конан выдернул руку. Он заметил, что не чувствует своих пальцев, потому что ледяная рука, казалось, вытянула из них все тепло.

— Я же сказал, что согласен, — колко ответил он, — а я еще не настолько цивилизован, чтоб нарушать свое слово.

Какое-то мгновение ему казалось, что остроносый издевательски улыбнется, и он знал, случись это, он

убил бы его на месте. Анкар, однако, удовольствовался кивком.

— Тогда смотри, киммериец, чтоб тебе не забыть данное тобой слово.

Он поднялся и вышел, прежде чем Конан собрался ему ответить.

Еще долго после ухода смуглолицего Конан сидел с мрачным видом и напряженно думал. Участь, достойная дурака: отдать подвески после того, как они попадут в его руки. Но он дал слово. А решение было принято без его участия. Он получает столь необходимое ему богатство. Конан встряхнул кошелек, и золотой кругляшок с зубчатым краем и отчеканенной головой Тиридата выкатился на стол. Дурное настроение пропало как по волшебству.

— Абулетес! — заорал он. — Вина для всех!

Он может потратить много, потому что теперь у него есть десять тысяч.

Человек, назвавший себя Анкаром, покинул Пустыню. До самых крайних ее границ его сопровождали по запутанным вонючим улочкам люди из породы шакалов. Однако они чуяли истинную сущность этого человека и не отважились приближаться к нему. Со своей стороны он не удостоил их ни единого взгляда, потому что одними только глазами он мог сломить волю человека и одним движением руки отнять у него жизнь. Его настоящее имя было Имхеп-Атон, и те немногие, кто знал его, содрогались при одном его звуке.

Дверь дома, снятого им в Хафире — одном из лучших кварталов Шадизара — открыл мускулистый шемит, такой же могучий, как и Конан, с мечом на боку. Купец, торгующий редкими самоцветами — так он был известен среди аристократов города — нуждался в телохранителе. Шемит следил за тем, чтоб не подходить слишком близко к костлявому волшебнику, когда он закрывал и поспешно запирали на засов дверь за его спиной.

Имхеп-Атон торопливо зашел в дом, затем в подвал и в покои, расположенные еще ниже. Он снял этот дом именно из-за комнат, выстроенных глубоко под

землей. Подобные дела лучше всего делать там, куда не проникает ни единый луч солнца.

В передней его личных апартаментов две юные, но уже пышные девушки лет шестнадцати бросились на колени при его появлении. Они были совершенно обнажены, если не считать золотых цепочек на запястьях и щиколотках, вокруг талии и шеи. Их большие круглые глаза молитвенно лучились, устремляясь на него. Они полностью были подчинены его воле, и выполнять каждое его желание было величайшим счастьем их безрадостного существования. Колдовство, которое сотворило это, убивало их в течение двух лет. Это огорчало чародея, потому что требовало создания новых прислужниц, к которым ему опять придется привыкать.

Девушки прижались лбами к полу у его ног, когда он коротко распорядился принести его посох от двери к внутренним покоям. Деревянный посох тут же превратился в змею, которая свернулась клубком и принялась следить за окружающими холодными глазами, которые казались принадлежащими существу, наделенному разумом. Имхеп-Атон мог не бояться нападения людей, пока она его охраняла.

Для рабочего кабинета волшебника этот внутренний покой был чересчур скуден. Вокруг не лежали кучи человеческих костей, используемых в качестве топлива для поддержания нечестивого огня, не было и расчлененных мумий, части которых, истолченные в порошок, входили в состав колдовских зелий. Однако то немногое, что можно было увидеть здесь, наполнило бы ужасом любого нормального смертного. На каждом конце длинной доски стояли тонкие масляные курильницы с двумя черными свечами. Они были сделаны из жира, вытопленного из тела девушки, удушенной волосами ее матери и обесчещенной уже после смерти ее отцом. Между ними лежала переплетенная в человеческую кожу волшебная книга, полная таких зловещих тайн, что вряд ли во всей Стигии можно было бы найти что-нибудь страшнее. Рядом стоял сосуд, повторяющий по форме материнскую утробу, с жидкостью, в которой плавала неоформившаяся плоть новорожденного младенца.

За этим столом Имхеп-Атон начертил магическую формулу и пробормотал заклинание, известное не более чем маленькой горстке людей в мире. Гомункулус вздрогнул в своей прозрачной утробе. Боль исказила его уродливое личико, когда крошечные веки мучительно поднялись.

— Кто зовет меня?

Несмотря на то, что голос этот был хриплым и дребезжащим, он звучал повелительно. Это обстоятельство выдало Имхеп-Атону, кто именно отвечал ему за много миль отсюда из старого Кеми в Стигии, используя подобного же монстра — Тот-Амон, Верховный Заклинатель Черного Круга.

— Это я, Имхеп-Атон. Все готово. Скоро Аманар будет заточен во мраке.

— Так Аманар еще жив. А Тот-Чье-Имя-Нельзя-Произносить-Вслух продолжает марать честь Сэта. Делай то, что тебе поручено. Ты знаешь, что случится с тобой, если ты не справишься!

Пот выступил на лбу Имхеп-Атона. Это он посвятил Аманара в Черный Круг. Он вспомнил, что стал свидетелем того, как жрец-изменник предал Сэта под темными сводами в глубинах Кеми, и судорожно глотнул.

— Я справлюсь, — пробормотал он, затем попытался придать своему голосу силу, чтобы гомункулус мог его слышать и передал его слова собеседнику. — Я справлюсь! То, ради чего я прибыл в Шадизар, через пять дней будет у меня в руках. Аманар и Тот-Чье-Имя-Нельзя-Произносить-Вслух будут отданы во власть Сэта.

— Не мне ты обязан тем, что получил этот шанс. И если ты не сумеешь...

— Исключено. Один вор, неизвестный никому варвар, который знает о действительности лишь немногим больше, чем о золотой монете...

Страшный, высокий, звенящий голос из стеклянной утробы прервал его:

— Твои методы меня не интересуют. Не интересуют они и Сэта. Смотри, чтобы твое предприятие удалось, иначе тебе придется платить!

Маленькие веки закрылись, и гомункулус теснее свернулся клубком. Связь закончилась.

Имхеп-Атон вытер влажные ладони о пурпурное покрывало. Те силы, которые отнял у него этот разговор, он восполнит в передней комнате за счет обеих девушек. Они знают свое место в общем порядке, но они не подозревают о том, как мало они могут ему служить. От подобных им мало что можно взять. Другое дело этот вор. Киммериец вообразил, что он равня ему, Имхеп-Атону, если вообще не считал себя, на свой диковинный варварский лад, выше. Один только тот факт, что он живест, вызвал у волшебника в памяти тот миг, когда его прошиб пот от страха. Как только он получит подвески, Конан получит свое вознаграждение — но не деньги, а смерть.

Глава четвертая

А лебастровые стены дворца Тиридата превышали рост пяти человек, поставленных друг другу на плечи, и на их бруствере ходили дозорные королевской лейб-гвардии — в позолоченных латах и шлемах с гребнями, на которых развевались султаны из конских волос. Пока солнце еще не село, внизу, среди диковинных чужеземных цветов, расхаживали важные павлины, и разряженные прислужницы плясали для упившегося короля. Сейчас, темной ночью, на фоне неба вырисовывались башни из слоновой кости с резными арками и позолоченными куполами.

Конан считал шаги постовых в тени площади перед дворцом. Они приближались друг к другу и, встретившись, расходились снова. Сапоги и плащ он засунул в заплочный мешок, чтобы инструменты не звякали. Меч он пристроил за спиной, так что рукоятка его торчала над правым плечом, а свой карнабийский кинжал засунул в ножны под левой мышкой. Он держал в руке трос из витого черного шелка с абордажным крюком на одном конце. Когда стражники снова встретились и разошлись, он выскочил из своего укрытия и пробежал между ними. Его босые ноги беззвучно касались серой брусчатки площади. На бегу он принялся раскручивать трос. У него было совсем мало времени до того, как стражники дойдут до

конца и повернуться в его сторону. Добежав до подножия стены, он забросил на нее крюк. Крюк зацепился с приглушенным стуком. Конан потянул трос — проверить, прочно ли держит крюк, после чего вскарабкался по стене так быстро, как другие люди поднимаются по лестнице.

Он распростерся на стене и осмотрел свой абордажный крюк. Прочно держал только один зубец, и царапина на камне свидетельствовала о том, что он соскальзывал. Еще бы сдвинулся к краю на толщину пальца и... Однако для подобных размышлений у него не было времени. Он вытянул черный трос и спустил его по другую сторону стены в сад. Сжавшись, чтоб уменьшить силу толчка, он приземлился между шуршащими кустами, росшими прямо напротив стены.

Над ним два стражника приближались друг к другу. Их шаги гулко звучали по камню. Конан затаил дыхание. Если они заметят крюк, они несомненно поднимут тревогу. Стражники обменялись невнятными репликами и разошлись. Конан подождал, пока их шаги удалятся, и легко помчался через заросли высокого папоротника, который рос выше его головы, и высоких растений, покрытых светлыми цветами.

Где-то в саду закричал павлин голосом плачущей женщины. Конан послал проклятие тому, кто шляется по саду среди ночи и разбудил птицу. Несомненно, этот крик привлечет внимание стражников. Он ускорила шаг. Он непременно должен добраться до дворца прежде, чем кто-нибудь явится сюда и его увидит.

Опыт уже научил его, что чем дальше он успеет уйти от входа, тем вероятнее, что его примут за того, кто имеет право находиться в доме — в том случае, если он будет обнаружен. Если он будет идти из нижних этажей в верхние, его, вероятно, остановят, но в противоположном случае — нет, никогда. И если его кто-нибудь встретит, то решит, что перед ним слуга или телохранитель, который возвращается к себе после дня службы господину. На ходу он осматривал белые мраморные стены дворца и искал среди балконов такой, в окне за которым не горела бы ни одна лампа. Под самой крышей, на высоте около ста ступеней над садом, он нашел одно такое.

Гладкая мраморная стена была украшена цветочным барельефом, отличной опорой для пальцев рук и ног. Для того, кто в детстве играл на отвесных скалах Киммерии, это было все равно что ровная дорога. Когда он поставил ногу на мраморную ограду балкона, снова закричал павлин, и на этот раз его крик оборвался почти в тот же миг, словно птицу придушили. Конан бросил взгляд на стражника внизу. Казалось, там ни о чем не догадываются. Однако было необходимо заполучить эти подвески как можно скорее и снова исчезнуть. Какой кретин тут разгуливает — и, предположительно, душит павлинов — это рано или поздно заинтересует стражников, сомнений нет.

Он проскользнул за камчатый занавес в скрытую балконную дверь и уже прошел половину покоя, расположенного за балконом, когда вдруг осознал, что он не один. Под балдахином на большой кровати кто-то дышал — кто-то, кто внезапно зашевелился под одеялом.

Молниеносно вытащив кинжал, он прыгнул к кровати. Шелковые занавеси полога разорвались, и его дикий рывок швырнул его вместе с тем, кто лежал в постели, на мраморный мозаичный пол по другую сторону кровати. Только теперь он почувствовал нежное и округлое тело того, с кем он свалился на пол, и сладкий аромат, который окутал его. Конан отбросил покрывало в сторону.

Сначала обнажились стройные ноги, которые яростно от него отбивались, потом полные бедра, узкая талия и, наконец, прелестное личико с темными глазами, испуганно смотревшими на него поверх ладони, которой он зажал ей рот. Между маленьких крепких грудей висел оправленный в серебро черный камень. Ее наготу прикрывали — и то лишь частично — черные волосы, доходившие до бедер.

— Ты кто, девочка? — Он отодвинул руку, чтоб она могла говорить, но не убрал ее совсем от губ девушки, намереваясь сразу зажать ей рот, если она вздумает звать на помощь.

Розовый язычок коснулся полных губ.

— Меня называют Велита, благородный господин. Я простая невольница. Пожалуйста, не трогай меня.

— И не собираюсь.

Он поспешно оглядывал увешанный дорогими коврами покой в поисках чего-либо, чем ее можно было бы связать. Ни в коем случае нельзя допустить, чтоб она подняла тревогу. Неожиданно ему пришло в голову, что это помещение ни в коей мере не подходит для роли опочивальни простой рабыни.

— Что ты здесь делаешь, Велита? Только правду! Ты ждешь здесь кого-нибудь?

— Никого, клянусь. — Она произнесла это тихо, с опущенной головой. — Король позвал меня, но потом он предпочел мальчика из Коринфии, а я не могла вернуться в гарем. Ах, как бы я хотела снова оказаться в Аграпуре!

— Аграпур? Так ты танцовщица, из тех, что прислал Илдиз?

Она вскинула прелестную головку.

— Я была лучшей танцовщицей туранского королевского двора. Он не имел права дарить меня. — Внезапно она испуганно задохнулась. — Вы не из дворца! Вы взломщик? Пожалуйста! Я хочу принадлежать вам, если вы освободите меня от этого спившегося владыки, который предпочитает маленьких мальчиков прекрасным женщинам!

Конан улыбнулся. Его развеселила мысль украсть из королевского дворца танцовщицу. Несмотря на то, что она такая нежная, она будет представлять собой изрядный груз, если перетаскивать ее через стену. Но он был молодой мужчина, сильный и гордый.

— Я возьму тебя с собой, Велита, но в мои планы не входит иметь рабынь. Ты свободно уйдешь туда, куда захочешь, и я дам тебе впридачу сто золотых. Я клянусь в этом Кромом и Белом, покровителем воров.

Широкий жест, подумал он про себя, но он может это себе позволить. У него останутся еще девять тысяч девятьсот золотых.

Губы Велиты задрожали.

— Вы не шутите надо мной? Снова быть свободной? — Она вскинула руки на его плечи. — Я буду тебе служить, я клянусь тебе, и танцевать для тебя, и...

Одно мгновение Конан с удовольствием ощущал приятное прикосновение ее маленьких грудей, однако затем он счел необходимым прекратить это объятие.

— Довольно, девушка. Тебе нужно только помочь мне в том, ради чего я сюда пришел. Известны ли тебе подвески, которые Тиридат получил в подарок?

— Конечно. Посмотри, вот один из них.

Она сняла через голову серебряную цепочку и вложила ее ему в руку.

Он заинтересованно осмотрел подвеску. Как вор с определенным опытом он мог оценить стоимость драгоценного камня. Серебряная оправа и цепочка были хорошей ручной работы, изысканные и простые. Что касается камня... Черный овал, длиной с верхний сустав его указательного пальца, гладкий, как жемчуг, однако это был не жемчуг. Слово красные искорки вспыхивали на его поверхности и мгновенно пропадали в глубине. Внезапно он оторвал взгляд от камня.

— Что ты делаешь с ним, Велита? Я слышал, что подвески выставлены в передней тронного зала в золотом ларце.

— Ларец действительно находится там, но Тиридат хотел, чтоб мы надевали эти подвески, когда танцуем для него. Мы все сегодня надели их к ночи.

Конан сел на корточки и спрятал кинжал в ножны.

— Ты можешь привести остальных девушек, Велита?

Она покачала головой.

— Ясмин и Суза сейчас у военачальников лейб-гвардии, Консуэла у гофмейстера, а Арамита у советника. Поскольку король проявляет очень мало интереса к женщинам, другие используют подвернувшуюся возможность. Означает... Означает ли это, что теперь ты не возьмешь меня с собой?

— Я тебе обещал, — проворчал он.

Он сжал подвеску в руке. Анкар, несомненно, не заплатит за одну, но отправиться за остальными к четырем другим танцовщицам, когда каждая из них проводит время в обществе мужчины, именитого и занимающего высокий пост, конечно, невозможно. Он сердито повесил цепочку обратно ей на шею.

— Я заберу тебя отсюда, но тебе придется остаться здесь еще на одну ночь.

— Еще одна ночь? Если бы это было так! Но почему?

— Я приду сюда снова завтра в это же время. Ты должна доставить в этот покой все остальные подвески, вместе с девушками или без них. Я могу взять с собой за стену только одну, но остальным танцовщицам не причиню никакого вреда, обещаю тебе.

Велита прикусила нижнюю губу мелкими белыми зубами.

— Им-то клетка не мешает, ведь она золотая, — пробормотала она. — То, о чем ты меня просишь, не так уж безопасно.

— Это я понимаю. Если ты полагаешь, что тебе не удастся это сделать, то скажи. Тогда я заберу тебя отсюда прямо сегодня, и посмотрю, сколько выручу за одну подвеску.

Хмурясь, она стояла на коленях среди доскутов разорванного шелкового одеяла.

— Ты поставил на карту свою жизнь, а я рискую только тем, что меня отстегают плетью. Я сделаю то, чего ты требуешь, что...

Он быстро прикрыл ладонью ее рот, когда дверь темного покоя открылась. Человек в кольчуге, с красным конским султаном на шлеме — знаком своего капитанского достоинства — топтался в темноте. Он был даже выше, чем Конан, но уже в плечах.

— Ты где, девушка? — Капитан громко захохотал, входя в комнату. — Я знаю, что ты здесь, ведьмочка с горячей кровью. Прислуга видела тебя бегущей из покоев нашего доброго короля, и личико твое пылало. Тебе нужен настоящий мужчина... Что?..

Конан бросился на капитана. Он отпрыгнул и схватился за свой меч. Киммериец схватил его за правое запястье, левой рукой вцепившись в его горло. Ни в коем случае крики не должны выдать его, а капитан может успеть заорать, когда получит удар кинжалом под ребра.

Грудь с грудью сошлись двое крупных мужчин, пытаясь крепче утвердиться ногами на полу, чтоб найти точку опоры для решительного броска. Рука лейб-гвардейца, оставшаяся свободной, была Конана

по затылку. Киммериец выпустил горло заморийца и крепко обхватил его руками. Бугры мышц на его руках вздулись от напряжения, когда он попытался оттянуть голову в шлеме назад. Высоченный гвардеец отказался от своего намерения дотянуться до своего меча. Внезапно он схватил голову Конана обеими руками и сжал ее изо всех сил.

Дыхание его перехватило, кровь застучала в висках. Запах пота — его собственного и его противника — бил ему в ноздри. Рычанье сорвалось с его губ. Он рванул голову капитана назад со страшной силой. Внезапно послышался треск, и гвардеец склонился ему на грудь.

Задыхаясь, Конан отступил, давая ему упасть. Голова в шлеме была страшным образом вывернута.

— Ты убил его! — выдохнула Велита. — Ты... Я знаю его. Это Мариат, капитан лейб-гвардии. Если его здесь найдут...

— Этого не случится, — заверил ее Конан.

Он быстро оттащил мертвеца на балкон и вынул черный шелковый трос из своего запячного мешка. Шнура хватило едва до середины стены. Он укрепил крюк на каменной ограде балкона и опустил конец веревки вниз.

— Когда я свистну, отпустишь крюк, Велита.

Он связал запястья гвардейца его же поясом, затем просунул в эту петлю голову и правую руку. Когда он выпрямился, мертвец повис на его спине, как мешок — тяжеленный мешок. Но думал он о десяти тысячах золотых.

— Что ты хочешь делать? — спросила девушка. — И как тебя зовут? Я даже имени твоего не знаю.

— Я беспокоюсь только о том, чтобы труп не нашли в этом покое.

Он взобрался на ограду и еще раз уверился в том, что abordажный крюк держится крепко. Ни в коем случае он не должен сорваться. Велита, в одном покрывале на голом теле, заботливо следила за ним.

— Я Конан из Киммерии, — сказал он гордо и, перебирая руками веревку, начал спускаться вниз.

Он чувствовал тяжесть, солидную даже для его крепких рук и плеч. Он был довольно силен, но заморийец весил несколько больше, чем птичье перо. Свя-

занные руки сдавили Конану горло, но выравнивать вес было невозможно, потому что они болтались на высоте полусотни ступней.

Тренированным взглядом горца Конан оценил расстояние и угол наклона и остановился на участке стены, противоположном той, где был балкон Велиты. Сильными ногами он оттолкнулся, сделал два шага по стене, затем качнулся назад, к той точке, откуда начал двигаться, и снова полетел в обратную сторону. Он ускорил шаг, пробежал вдоль стены и описал еще более широкую дугу. Поначалу мертвец мешал ему, но теперь его дополнительный вес давал ему большую силу инерции и приближал его к цели — к балкону внизу и справа от первого.

Еще оставалось десять шагов до выступающей каменной ограды, затем пять, затем три. Потом ему стало ясно, что веревки не хватает. Он не может вскарабкаться по тросу назад — руки мертвеца душили его — и он не может приблизиться к цели больше ни на шаг.

Он качнулся влево и начал свой бег к балкону. Он знал, что это последняя попытка. Если он не доберется до цели, которая вырисовывается перед ним в темноте, он упадет. Десять шагов. Пять. Три. Два. Ни разу еще он не был так близко. В отчаянии он уперся одной рукой в барельеф на стене, второй выпустил трос и протянул ее к парапету. Его пальцы вцепились за него, но они не могли удержаться прочно. Теперь он висел между тросом и балконом. Покойник пережимал его горячее дыхание. Плечи его трещали. Он подтянулся к парапету ближе. А затем он просунул ногу между прутьями решетки. Все еще держась за веревку, он перекинул свое тело через ограду. Он упал на прохладный мраморный пол и жадно вдохнул ночной воздух.

Он мог позволить себе лишь короткую передышку, потому что не чувствовал себя здесь уверенно. Он быстро освободился от заморийца и перегнулся через парапет, чтобы тихонько свистнуть. Трос упал сверху. Абордажный крюк был отцеплен. Велита не растерялась и не забыла об их уговоре, чему он был бесконечно рад. Он спрятал трос в свой мешок. Теперь он должен еще избавиться от Мариата.

Он надел на него пояс. Со следами ремня на запястьях убитого он ничего не мог поделывать. Конан перебросил его через ограду с той стороны стены, на которую не выходил балкон Велиты. Послышался треск ломаемых кустов, и это было все.

Улыбаясь, Конан спустился вниз. Мраморные листья барельефа украшающие стену, служили ему надежной опорой. Сломанные ветви были доказательством падения капитана. Сам он, с разбросанными руками и ногами, лежал посреди экзотического куста, и очень может быть, что повреждения, причиненные этому редкостному растению, огорчат короля куда больше, чем потеря лейб-гвардейца. Самое лучшее во всем этом было то, что капитан мог унестись с любого балкона, но только не с балкона Велиты.

Через сад Конан пробрался к стене. Снова считал он шаги постовых и снова ему удалось перебраться через стену незамеченным. Когда он был уже в безопасности, в тени, на площади, ему показалось, что из сада или со стены донесся крик, но в его намерения не входило оставаться здесь надолго с тем, чтоб удостовериться, кричат там или ему слышалось. С мгновенной быстротой он натянул сапоги, накинул плащ и надел перевязь с мечом в ножнах.

Когда он шел по черным широким улицам, прилегающим к дворцу, где не разило и не воняло, — шел, направляясь к Пустыньке, он думал о том, что, быть может, в последний раз возвращается в этот дурной квартал. Когда он получит свое золото, он сможет позволить себе лучшее.

Со стороны дворца в ночи разнесся удар гонга.

Глава пятая

Наутро после своего налета на дворец Конан проснулся довольно рано. В кабаке никого не было, только Абулетес подсчитывал свои доходы на прилавке, да два тощих старика подметали пол. Толстый хозяин покосился на киммерийца недоверчиво и поспешно прикрыл ладонью рассыпанные монеты.

— Вина, — заказал Конан и выудил последние медяки из своего кошелька. Несмотря на вчерашний кутеж, он еще сохранил шесть золотых из тех денег, что дал ему темнокожий купец.

— Я не ворую у друзей, — добавил он, когда Абулетес отгреб рукой деньги с прилавка.

— У друзей? Какие друзья? В Пустыньке нет никаких друзей. — Абулетес наполнил глиняную кружку вином из бочки и поставил ее перед киммерийцем. — Или, может быть, ты вообразил, что сумеешь купить себе друзей на то золото, которое ты вчера ночью разбрасывал вокруг себя? Вообще, откуда у тебя золото? Может быть, ты приложил руку к тому, что случилось этой ночью во дворце? Нет, этого вообще не может быть. Ты швырял деньгами, словно ты сам царь Илдиз, собственной персоной, еще до того, как это произошло. Тебе надо быть поаккуратнее и не демонстрировать в Пустыньке золото так откровенно.

Хозяин бы еще долго разглагольствовал, но Конан прервал его.

— А что такого случилось во дворце? — Он задал вопрос совершенно равнодушно и сделал большой глоток вина.

— Убит советник короля, еще пара придворных и дюжина лейб-гвардейцев.

— Дюжина!

— Я же сказал — дюжина. Убитые стражники повсюду. Исчезли подарки Илдиза Тиридату. И при том никто не видел даже тени грабителя. Ни одна душа во всем дворце. — Абулетес поскреб грязной ладонью свой многослойный подбородок. — Правда, двое часовых видели какого-то человека, бегущего из дворца. Крупного, высокого человека. Наверное, такого же высокого, как ты.

— Конечно, это я и был, — фыркнул Конан. — Я перепрыгнул через стену и вернулся обратно, со всем, что я там нагреб, на спине. Ты сказал, украли все подарки? — Он осушил свою кружку и поставил ее перед толстяком. — Еще раз того же самого.

— Пять драгоценных камней, пять танцовщиц и золотой ларец. — Абулетес отвернул кран бочки и снова протянул кружку Конану. — Говорят, было еще

больше. Во всяком случае, это все украли. Я вижу, ты там не был, но почему тебя это так интересует?

— Я вор. Кто-то проделал трудную работу. Теперь мне нужно учиться у него ремеслу.

У кого? — спрашивал он себя. Совершенно очевидно, что Анкар никому, кроме него, не поручал этого дела, тут он был спокоен. Конечно, оставались стражники, которые не удержались от соблазна и стянули танцовщиц и драгоценности, устлая себе путь телами своих верных присяге товарищей. Или лейб-гвардейцы, которые впустили вора тайком во дворец, были убиты им из чувства признательности.

Абулетес откашлялся и плюнул на пеструю тряпку, которой затем протер прилавок.

— Я бы лучше на твоём месте держался от этого дела подальше. Воры явно не из Пустыньки. С теми, кто обворовывает королей, лучше не связываться. Это могут быть и колдуны. Соображай сам: ведь никто не видел даже тени их.

Конечно, это могли быть и колдуны, подумал Конан. Но почему колдуны (или кто это там был) пошли на такой риск — украсть из дворца пять девушек — этого он не мог понять. И кроме того, волшебники не встречаются в таких количествах, это он знал твердо.

— Никак ты заботаешься обо мне, Абулетес? Не ты ли говорил, что в Пустыньке не бывает друзей?

— Ты слишком легко обращаешься с деньгами, — кисло ответил хозяин. — Вот и все. Не воображай, что за этим что-то кроется. Тот, кто ведет такую игру, слишком крупная фигура для таких, как ты. Это может стоить тебе головы, а у меня будет одним постояльцем меньше.

— Наверное, ты прав. Клянусь Бэлом! Мне необходимо немного свежего воздуха. Бездельничать и обсуждать при этом чужую добычу — это вызывает у меня желудочные колики.

Толстый хозяин мрачно пробормотал себе что-то под нос, когда Конан вышел на улицу. Воздух Пустыньки был каким угодно, только не свежим. Вонь, распространяемая гнильем всех видов и сортов, смешивалась с запахом человеческих экскрементов и блевотины. Камни мостовой — там, где не было неболь-

ших озер, наполненных жидкой грязью, были покрыты густым слоем липких нечистот. Из переулка, который был настолько узок, что едва позволял протиснуться пешеходу, доносились хныкающие жалобы жертвы налета, взывающей о помощи. А может быть, то была подсадная утка. Одно было так же вероятно, как и другое.

Конан целеустремленно шагал по вонючим улочкам воровского квартала, несмотря на то, что, в сущности, он совершенно не был уверен в своих целях. Скупщик краденого в жилете, тускло блеснувшем серебряной вышивкой, проходя мимо, приветственно кивнул ему. Обнаженная девка, всю одежду которой составляли медные колокольчики у щиколоток, занявшая свой пост в подворотне, улыбнулась широкоплечему молодому парню и внезапно почувствовала себя не такой уж усталой. Конан почти не заметил их, как не заметил и «слепого» нищего в черных лохмотьях, который ощупывал улицу выломанной в лесу палкой и, бросив взгляд на свирепое лицо варвара, спрятал под грязным тряпьем свой нож. Столь же мало внимания уделил он троице, что шли за ним по извилистым улицам, скрывая лица платками и судорожно сжимая под изношенными плащами свои тяжелые трости, — шли до тех пор, пока мускулы его рук и мощный меч на его боку не убедили их в необходимости избрать себе другую дорогу.

Конан пытался уговорить себя: подвески были для него недостижимы. У него не было и тени предположения, кто мог бы их выкрасть, и ни малейшего понятия о том, где они могут сейчас находиться. Однако десять тысяч золотых не были чем-то таким, что можно было так запросто упустить. И кроме того, оставалась Велита, рабыня, которая была бы счастлива с любым господином, обращайся он с ней ласково и которой он обещал — нет, поклялся — ее освободить. Поклялся Бэлом и Кромом. Так что налицо клятва и десять тысяч.

Только теперь он осознал, что покинул уже пределы Пустыньки и находится на улице Серебряной Рыбы, недалеко от вывески «Танцора с быками». Посреди широкой улицы был обсаженный деревьями бульвар. Паланкины, несомые рабами, встречались

здесь не реже, чем просто пешеходы, а нищих не было вообще ни одного. Здесь была далеко не Пустынька, но все же у него были друзья и здесь — или, по меньшей мере, знакомые. Вывеска кабачка — стройный юноша в кожаном поясе демонстрирует свое танцевальное искусство между острых рогов быка — скрипела под ветром, когда он подошел ближе.

Кабаки, думал Конан, высматривая знакомое лицо, все одинаковы, независимо от того, в Пустыньке они находятся или за ее пределами. Вместо карманников и взломщиков за столами восседают тучные купцы в пурпурном шелке и зеленом бархате, а различаются они лишь методами, с помощью которых присваивают чужое. Вместо фальшивомонетчика здесь лишал людей их денег некий тощий человек, который доставал их через черный ход в королевские покои. Сводники одевались здесь как аристократы в багряные одежды и вешали в уши изумруды, а кое-кто из них и в самом деле был аристократом, и все равно это сводники. Девки носили золото вместо меди и рубины вместо хрусталя, но они были такие же голые и занимались тем же самым ремеслом.

Конан обнаружил того, кого искал, за столиком возле стены. Купца Ампартеса мало беспокоило, благоприятно ли королевское правление для того товара, который он покупал. Как только в Шадизаре что-нибудь происходило, Ампартес мгновенно был в курсе. Стул против кругленького купца затрещал под тяжестью киммерийца, когда Конан рухнул на него — звук, сходный с тем, что сорвался с губ Ампартеса. Лоснящиеся щеки купца вздрогнули, темные глаза округлились, беспокойные пальцы вцепились в клиновидную бородку.

— Что ты здесь делаешь, Конан? — прошипел он и побледнел от страха, что кто-нибудь услышит это имя. — У меня сейчас нет надобности в... в твоём особом товаре.

— Но я имею надобность в твоём. Расскажи-ка мне, что случилось в городе прошлой ночью.

— Ты... Ты имеешь в виду, во дворце? — пискнул Ампартес.

— Нет, — ответил Конан и подавил улыбку, когда заметил облегчение, мелькнувшее на лице собеседника.

Он взял оловянный кубок с подноса служанки, единственное одеяние которой состояло из полосы алого шелка шириной в ладонь, повязанной над бедрами, и наполнил его вином из покрытого голубой глазурью кувшина Ампартеса. Девушка одарила его призывной улыбкой, но не будучи удостоена повторного взгляда, оскорбленно вскинула белокурую голову и поспешила дальше.

— Но все остальное, что было необычного, — все!

Последующие два часа купец выбалтывал все, что только было возможно — счастливый тем, что Конан не собирается впутывать его в дело о краже из дворца.

Конан узнал, что прошедшей ночью торговец вином удавил свою возлюбленную, потому что застукал ее со своим сыном. Что один ювелир был заколот своей женой по причине, неизвестной никому. Что была похищена племянница одного аристократа, но при этом те, кто его знают, уверяли, что деньги за выкуп, которые, он выплатит из ее наследства, пойдут на оплату его многочисленных долгов. Что воры обчистили пять купеческих домов и два аристократических. Что у одного господина уличные грабители отобрали даже его паланкин и нательное белье. Что одному торговцу рабами перерезали горло в его собственном доме, где он проводил аукционы; одни полагают, что это случилось во время поисков ворами ключей от его сундуков с золотом, другие считают это прискорбное событие следствием того, что он не следил за происхождением своего товара и имел неосторожность продать украденную аристократку из Кофа. Что один купец из Акифа, который посетил один уважаемый дом своих друзей, называемый Домом Ягненка Хебраса...

— Довольно! — Конан хлопнул ладонью по столу. Ампартес уставился на него с полуоткрытым ртом. — То, что ты мне до сих пор рассказывал, может случиться в Шадизаре каждую ночь, и все это совершенно обычные вещи. Не надо говорить о золоте и кражах. Только о том, что было необычного.

— Я не понимаю, чего ты хочешь, — жалобно сказал купец. — Есть еще история с пилигримами, но на

ней не заработаешь. Я не понимаю вообще, зачем я теряю с тобой время.

— Пилигримы? — быстро переспросил Конан. — А что с ними было странного?

— Во имя Митры, почему ты хочешь... — Ампартес судорожно глотнул, когда его пронзил взгляд ярко-синих глаз Конана. — Ну, хорошо. Они пришли из Аргоса, далеко с запада, и целой процессией направляются к одному ларю, который находится в Вендии, не менее далеко на Востоке.

— Я не нуждаюсь в лекции по географии, — проворчал Конан. — Я слышал об этих странах. Что такого необычного натворили эти пилигримы?

— Они покинули город за два часа до первых петухов — вот что было странно. Как я слышал, это связано с какой-то клятвой или с обетом не находиться ни в одном городе на рассвете. Примерно так я понял. Ну, что тебе это дает?

— Это мое дело. Просто рассказывай то, что я хочу услышать. Что за люди эти пилигримы?

Качнув головой, Ампартес посмотрел на Конана с укоризной. — Клянусь Колоколом Зандруса, человек! Ты, вероятно, ожидаешь, что я знаю о компании пилигримов больше, чем то, что она просто есть?

— Ожидая, — сухо ответил Конан, — что ты всегда знаешь, какие аристократы сколько проиграли в карты, кто с чьей женой спит и как часто чихает наш добрый король. Пилигримы, Ампартес. Немножко напряги свои мозги...

— Но я больше не знаю...

Толстый купец вздрогнул, когда Конан положил на стол левую руку. Ножны под мышкой были пусты, а правая рука Конана скрывалась под столом.

— Это были просто паломники, что еще можно к этому добавить? Мужчины в плащах с капюшонами из домотканой шерсти, которые полностью их скрывали. Они сопровождали тела своих пяти собратьев, которые скончались по дороге, и находились теперь в винных бочках, притороченных к седлам верблюдов. Вероятно, они дали клятву, что до этого сундука или ларя доберутся все, кто начал паломничество, живые или мертвые. Лошади у них были не лучше и не хуже,

чем у других пилигримов. Во имя Митры, Конан, разве можно много рассказать о пилигримах?

Пять тел, думал Конан в ярости, пять танцовщиц!

— Их сопровождали воины или вообще кто-нибудь вооруженный?

Ампартес покачал головой.

— Как я слышал, никто не видел у них даже перочинного ножика. Они заявили страже у ворот Меченосца, что охраной им служит дух их божества. А стражник тогда заметил, что хороший меч вернее и что одних только солдатских сапог маловато.

— Что за солдатские сапоги?

— О боги! Я что, должен знать тебе еще что-то об их сапогах? — Он стиснул руки. — Ну ладно. Я слышал, что на одном из них были кавалерийские полусапожки. Его плащ при подъеме распахнулся, и они были видны. — Его интонация стала насмешливой. — Ты хочешь еще знать, как они выглядели? Красные, с украшениями в виде змей. Необычно, но так оно и было. И это все, что я знаю об этих проклятых пилигримах, Конан. Ты удовлетворил, наконец, свое любопытство? Что, во имя всех богов, нужно от пилигримов такому, как ты?

— Может быть, я хочу немного приобщиться к религии, — ответил киммериец и засунул свой кинжал обратно в ножны. Купец расхохотался так, что слезы потекли по его крепким щекам и он не заметил, как Конан его покинул.

Варвар спешил через весь Шадизар к конюшне, где он поставил своего коня. Теперь он знал, что не ошибается. В этом убедили его не только пять «трупов» в бочках, но и тот факт, что они покинули город через ворота Трех Мечей. Оттуда начиналась дорога на северо-восток к караванному пути из Хесрона через горы Кецанкиана на Султаналур. Несмотря на то, что слово «Вендия» было для него просто звуком, он знал, что отправляясь туда, нужно выехать через ворота Черного Трона и двигаться дальше через Туран и море Вилайет.

Как только он оказался в седле, он покинул город через ворота Трех Мечей и бросился в погоню за Велитой, подвесками и десятью тысячами золотых.

Глава шестая

Человек в боевом облачении разительно отличался от остальных собравшихся в аудиенц-зале короля Тиридата. От поножей, надетых поверх полусапог, до кольчуги и кирасы его доспех был угольно-черным и не отражал света. Даже султан из конского волоса на гребне его шлема, который он держал под мышкой, был темно-красным, вместо багряного. Это был Гаранидес, капитан конницы, который пробил себе путь в жизни без ходатаев и родственных связей. Иногда остроносый капитан задавался вопросом, стоило ли вообще это восхождение затраченных на него сил.

Из остальных присутствовавших в этом покое, облицованном пластинами слоновой кости, достойны упоминания еще двое. Тиридат, король Заморы, в небрежной позе развалился на троне, подлокотники которого были сделаны в форме золотых охотящихся леопардов, готовых прыгнуть, а спинка — в форме павлина, раскрывшего хвост, с опереньем из изумрудов, рубинов, сапфиров и жемчугов. Вялыми пальцами монарх держал золотой кубок с вином. Его одеяние цвета аметиста было измято и покрыто пятнами. Он едва был в состоянии держать глаза открытыми. Свободной рукой он гладил плечо стройной белокурой девушки, которая стояла возле трона на коленях, одетая лишь в ароматное облако шелка и широкий жемчужный воротник на лебединой шее. Юноша, тоже белокурый и стройный, точно так же одетый (или, вернее, раздетый), как и девушка, стоял на коленях по другую сторону трона и дулся, потому что король предпочел сейчас не его.

Второй человек, который заслуживал внимания больше, чем король, стоял на три шага правее трона. Он был седовлас, от возраста слегка сутулился, и его круглое лицо выражало ум. Он носил украшенное золотом платье и золотую печать Заморы на изумрудной цепи. Его звали Агарес. Печать попала к нему вследствие смерти Мальдера, прежнего советника короля, погибшего прошлой ночью.

— Знаете ли вы, зачем вас призвали, капитан? — спросил Агарес.

— Нет, монсеньер, — твердо ответил капитан. Советник смотрел на него выжидающе, пока он, наконец, не добавил: — Я позволю себе предположить, что это как-то связано с событиями прошедшей ночи.

— Правильно, капитан. А вы не подозреваете, почему мы пригласили сюда именно вас и никого другого?

— Нет, монсеньер.

На этот раз он действительно не имел ни малейших догадок. Вскоре после того, как рассвело, его сняли с внешнего поста на кофийской границе и вернули в столицу. Ему никогда не давали легких поручений, но на что же еще может рассчитывать офицер без связей?

— Выбор пал на вас потому, что вы в прошлом году несли службу вне стен Шадизара. — Гаранидес моргнул, и советник улыбнулся. — Я замечаю ваше удивление, капитан, несмотря на то, что вы так искусно пытаетесь его скрыть. Удивительная способность для военного. Поскольку вас не было в городе, вы не можете быть причастны к заговору, который сделал возможными события вчерашней ночи.

— Заговор! — вырвалось у капитана. — Простите, монсеньер, но королевская лейб-гвардия всегда была верна трону!

— Верность своим товарищам — хорошая черта, капитан. — Голос советника стал суровым. — Но она не должна заводить вас слишком далеко. Те, кто нес службу этой ночью во дворце, будут подвергнуты допросу.

Гаранидес ощутил, как пот выступил у него на лопатках. У него не было ни малейшего желания составить компанию тем, кто будет пользоваться усиленным вниманием королевских заплочных дел мастеров.

— Монсеньер, я всегда был честным и преданным солдатом.

— Сегодня утром я анализировал ваши действия, — задумчиво сказал Агарес. — Ваше возвращение в город сейчас — словно знак, посланный Митрой. Наступили опасные времена, капитан.

— Их головы! — внезапно фыркнул король. Его затуманенный взор блуждал от капитана к советни-

ку. Гаранидес был потрясен мыслью, что он, оказываясь, совершенно забыл о присутствии своего повелителя.

— Я хочу, чтоб их головы торчали на копьях, Агарес. Они украли мою... мою дань, полученную от Илдиза. Моих танцовщиц. — С мрачной улыбкой он бросил беглый взгляд на рабыню, а затем повернулся к Гаранидесу. — Вы вернете их мне, капитан, слышите? Девушек, подвески, ларец. И головы, головы!

Рыгнув, монарх рухнул на трон, как мешок.

— Больше вина, — пробормотал он.

Белокурый юнец поспешно вышел и вернулся вскоре с хрустальным кувшином в руке и лстивой улыбкой на устах.

Капитан pokrылся испариной. Хотя все вокруг знали, что король — горький пьяница, все же видеть это своими глазами было для него ужасно.

— Оскорбление, нанесенное этим похищением его величеству, разумеется, чудовищно, капитан, — сказал Агарес, украдкой бросив взгляд на короля, который почти зарылся лицом в кубок. — Однако более дальновидные соображения заставляют думать о том, что убит ведь был Главный Советник короля.

— Вы полагаете, монсеньер, что это и есть основная причина, а все остальное должно только отвлекать нас от нее?

— А вы неглупы, капитан. Вы еще можете далеко пойти. Да, все остальное не имело смысла! Некие силы за рубежом имели несомненное основание желать смерти Главного Советника. Может быть, это был сам Илдиз, собственной персоной? Он мечтает о власти над миром, а Мальдер вставлял ему палки в колеса. — Агарес в задумчивости играл цепочкой, на которой висела печать. — В любом случае бесспорно одно: Илдиз или кто там отвечает за это послал своих людей, и они проникли во дворец. Один из допрашиваемых офицеров в агонии прокричал имя Рыжего Ястреба.

— Это всего лишь разбойница, монсеньер.

— И все же тот человек повторял его, умирая. Ведь она из тех, кто отважится ради золота на любой риск. И мы вообще не знаем, где нам искать, пока кто-нибудь из допрашиваемых не выболтает еще чего-

нибудь. — По его тону было ясно, что пытки будут продолжены, пока он не узнает достаточно много. Гаранидес содрогнулся. — Вы, капитан, возьмете два эскадрона кавалерии и поскачете на охоту за Рыжим Ястребом. Поймайте ее и в цепях доставьте сюда. А тогда мы быстро узнаем, имеет ли она отношение к этому делу.

Гаранидес набрал в грудь воздуха.

— Монсеньер, мне нужно хоть какое-то указание, в каком направлении вести поиски. Эта разбойница творит свои непотребства по всей стране.

Невнятно хихикнул не то невольник, не то невольница — кто именно, понять было невозможно, потому что Тиридат прижал к своей груди обе белокурые головы.

Советник бросил на короля беглый взгляд и скриivil губы.

— Перед самым рассветом через ворота Меченосца Шадизар покинули несколько всадников, которые выдавали себя за пилигримов. Я полагаю, что это были люди Рыжего Ястреба.

— Я выступаю сейчас же, монсеньер. — Гаранидес низко поклонился. Он боялся, что солдаты, которые в то время несли вахту у ворот, тоже попали в число допрашиваемых. — С вашего разрешения, монсеньер? Ваше величество?

— Найдите эту банду, капитан, — сказал Агарес, — и вы получите свою награду.

Костлявой рукой он сделал капитану знак, что тот может идти, но в то время, как Гаранидес поворачивался, король зашатался и при этом уронил на пол обоих своих бледнокожих любимцев.

— Найдите мои подвески! — заорал пьяный монарх. — Найдите мой золотой ларец и моих танцовщиц! Найдите мои подарки от Илдиза, капитан, или я прикажу увенчать вашей башкой копые! Убирайтесь!

Ощущая во рту какой-то кислый привкус, Гаранидес поклонился еще раз и, пятясь, вышел из покоя.

В саду дома, снятого Имхеп-Атоном, легкий ветерок шуршал в деревьях и качал пестрые цветы. Это был прелестный сад, но волшебник был не рад ему.

Он был уверен, что варвар, требуя пяти дней для приготовлений к похищению подвесок, блефовал, — потому что чародей имел опыт общения с ворами и ходы их мыслей были ему знакомы. Однако он никак не ожидал, что киммериец впадет в такое варварство и превратит дворец в бойню. И еще ему понадобилось убить королевского Главного Советника, во имя Сэта!

Разумеется, ему было безразлично, сколько заморийцев умрет и каким образом это случится, но этот идиот своими убийствами поставил на ноги весь город. Теперь надо беспокоиться о том, чтоб вор не попался прежде, чем отдаст подвески.

Волшебник расхаживал взад-вперед, когда его шемитский слуга явился в сад. Гигант невольно вздрогнул при виде искаженного лица своего господина.

— Я выполнил ваш приказ, магистр.

— Где киммериец? — голос волшебника был опасно ласковым. Если этот слабоумный вел себя как последний остопоп...

— Он исчез, магистр. С раннего утра его не видели на постоялом дворе.

— Исчез!

Шемит, сильный, как медведь, поднял руки, словно защищаясь от ярости своего господина.

— Так мне сказали, магистр. Он послал передать одной девке в этом кабаке, что отлучится на некоторое время, и ускакал на северо-восток.

Имхеп-Атон нахмурился еще мрачнее. Северо-восток? На северо-востоке ничего нет, кроме караванной тропы из Хесрона в Султананур. Разве что варвар хочет продать подвески в страну, откуда их вывезли? Совершенно очевидно, что он решил работать на себя. Но, во имя Сэта, почему он взял с собой танцовщиц? Он тряхнул головой, похожей на голову хищной птицы. Побуждения этого дикаря бессмысленны.

— Позаботься о верховых и вьючных животных для нас обоих. Мы тоже отправляемся на северо-восток.

Киммериец дорого заплатит за свое предательство!

Колодец Королей лежал на расстоянии многих конных переходов на северо-восток от Шадизара. Он был обнесен огромными, разбросанными как попало черными каменными глыбами, источенными беспощадным временем. Некоторые считали их остатками древней стены, однако никто не мог сказать, когда они были воздвигнуты, точно так же, как никто не знал, каким королям этот колодец когда-то принадлежал.

Конан направил своего коня в щель между каменными глыб к кривым деревьям, росшим возле колодца, сложенного необработанными булыжниками, где он и спешился. Между деревьями, по другую сторону колодца, удобно расположились четыре темнокожих человека с покрывалами, которые защищали от солнца пустыни их головы и плечи. Они следили за ним темными глазами, которые то и дело обращались с откровенной жадностью к его коню. Он отбросил назад край своего кауранского плаща, чтобы они могли заодно увидеть и его меч, и вытащил из глубины колодца ведро воды. Кроме плаща на нем была только набедренная повязка — Конан решил не обременять себя лишней одеждой.

Четверо соединили головы и зашептались, не глядя в его сторону. Один из них, который, судя по почтительному обращению остальных, был их предводителем, носил кольчугу, в то время как остальные довольствовались кожаными латами. На боку каждого из них висело по кривой старой сабле того рода, что покупается у честного торговца оружием за небольшие деньги, несмотря на вполне приличное состояние. Позади них Конан увидел связанную нагую женщину; запястья и локти стянуты за спиной, колени под подбородком, а пятки крепко привязаны к ее заду. Она подняла голову, отбросила назад гриву рыжих волос и удивленно уставилась на него поверх кляпа, сделанного из грязной тряпки, зелеными, слегка косящими глазами. Это была гадалка.

Конан вылил ведро воды в каменное корыто для своего коня и вытащил второе — для себя. Когда он видел эту женщину в последний раз, она проявила

свою благодарность тем, что не предупредила его о нападении двух иранистанцев. И кроме того, он должен искать Велиту. Он плеснул себе воды в лицо, но в такую жару это мало освежало. Остаток воды он вылил себе на голову. Четверо продолжали шептаться.

До сих пор ему удавалось выследить пилигримов, расспрашивая тех путников, которые не бросались бежать при виде человека такого роста. Они видели достаточно для того, чтоб указывать ему направление. Однако со вчерашнего дня он встретил только старика, который забросал его камнями и быстро спрятался за кустами, и мальчика, который вообще ничего не видел.

— Не встречали ли вы пилигримов? — крикнул он четверым напротив, доставая третье ведро из колодца. — Закутанных людей на лошадях и с выючными верблюдами.

Горбатый нос предводителя клюнул воздух.

— И что нам с того будет?

— Пара монет, если вы скажете мне, где они.

Лучше было бы не вводить в соблазн этих ребят. У него не было желания терять время на убийство этих стервятников. Он попытался изобразить дружескую улыбку.

— Если бы у меня было золото и серебро, я не гонялся бы за пилигримами, а лакал бы вино в Шадизаре. — Он вытер руки о свой плащ.

— Что тебе от них вообще надо? — спросил предводитель.

— Это мое дело, — ответил Конан. — И ваше. Вы получите за него медные монеты, если сможете мне помочь.

— Мы видели их, — заверил его тот, что был в кольчуге. Он потер руки и встал. Он подошел к Конану, протягивая правую ладонь. — Сперва покажи монеты.

Конан запустил пальцы в кожаный кошелек на своем поясе. Предводитель издевательски ухмыльнулся и внезапно выхватил кинжал с трехгранным лезвием. С зловещим смехом трое остальных вытащили свои кривые сабли и подбежали к предводителю, чтобы и им досталось кое-что из добычи.

Конан поднял левой рукой полное ведро воды и с силой опустил его на голову предводителя, так что вода расплескалась во все стороны, прежде чем парнишка рухнул на землю. Почти одновременно с этим он извлек из ножен под мышкой свой кинжал, и вот уже рукоятка торчит из горла следующего из троих оставшихся. И только теперь он обнажил меч.

— Да поможет мне Бэл! — крикнул он.

Он перепрыгнул через умирающего, который корчился на земле, пытаясь вытащить клинок из горла. Широкий взмах меча, и третье тело, как мешок, падает на землю, а голова отлетает в сторону. Последний поднял саблю над плечом, когда киммериец напал на него, держа меч двумя руками, и клинок проткнул насквозь кожаный доспех, так что острие вышло со спины. Черные глаза остановились, и он повалился набок, все еще задирая вверх свою саблю.

Конан извлек кинжал и меч из тел убитых и заботливо протер их. Женщина следила за ним большими глазами и откинулась так далеко, как только смогла, когда он приблизился к ней. Но он осторожно разрезал стягивающие ее путы и снова отвернулся, пряча свой кинжал.

— Если у тебя не было лошади, — сказал он, — ты можешь взять одну из тех, что принадлежали этим мерзавцам. Остальные мои. Можешь забрать оружие, а кроме того, получишь кое-что в качестве возмещения тех неприятностей, которые ты пережила.

Но не очень много, подумал он. Он ничего ей не простил. А лошади, даже если это не более, чем простые клячи, ему пригодятся, если ему придется еще долго гоняться за этими проклятыми пилигримами.

Рыжеволосая женщина подошла к убитым, растирая запястья. Ее нагота ее абсолютно не беспокоила. Она была красавица с белоснежной кожей, с длинными ногами, нежной округлой грудью. Она двигалась так плавно, что он невольно спросил себя, не танцовщица ли это часом. Она схватила кривую саблю и внимательно осмотрела клинок, покрытый точками ржавчины. Внезапно она поставила ногу на грудь убитого.

— Скотина! — прошипела она.

Конан стал обладателем еще пяти лошадей, и одна из них была лучше, чем четыре остальных. Кони были разных достоинств в зависимости от ранга их прежних владельцев. Неожиданно женщина резко повернулась к нему, прижимая кулаки к бедрам. С растрепанными волосами, которые падали ей на лицо, как рыжая грива, она казалась львицей, принявшей человеческий облик.

— Они напали на меня неожиданно, — заявила она.

— Конечно, — проворчал Конан. — Я думаю отдать тебе вороного, он лучше остальных...

Он связал поводья остальных четырех — косматых степных животных, на две ладони ниже в холке его собственного серого, и закрепил узел на высокой дуге своего седла.

— Будет лучше всего, если ты немедленно вернешься в Шадизар. Женщине без провожатого опасно находиться здесь. Как ты вообще пустилась в путь одна?

Она стремительно шагнула к нему.

— Я же сказала — они застали меня врасплох. Иначе мой клинок быстро познакомил бы их со смертью.

— А я сказал — «конечно». Я не могу проводить тебя до города. Я преследую людей, которые кое-что у меня украли. Нечто... нечто мое.

У нее вырвалось рычание, как у пантеры. Он успел отшатнуться и броситься между лошадьми, уклоняясь от удара ее сабли, которой она едва не срубила ему голову.

— Разрази тебя Деркэто! — выругалась она и пролезла под животом лошади, пытаясь его догнать. Он увернулся в сторону, и острие сабли воткнулось в пересохшую землю в том месте, где только что находилась его голова.

Он бросился на спину и попытался избежать удара ее клинка и лошадиных копыт. Лошади рассерженно топтались, пока они носились вокруг них. Наконец беспокойные движения животных позволили ему проскользнуть под лохматым животом коня, как раз когда она ткнула саблей, в очередной раз нападая. В падении он ударил ее руками под колени. Оба они

рухнули на жесткую глину, и внезапно он почувствовал на себе руки дикой кошки в человеческом обличье, которая царапалась и пыталась освободить свой клинок. Нежные округлости ее тела скрывали сильные мышцы, и ему было нелегко удерживать ее.

— Ты что, женщина — одержимая буйством? — заорал он.

Вместо ответа она впиалась зубами в его плечо.

— Кром!

Он отшвырнул ее от себя. Она перекатилась на земле и вскочила на ноги. С удивлением он увидел, что она все еще держит в руках ржавую саблю.

— Мне не нужен защитник-мужчина! — прошипела она. — Я не изнеженная наложница!

— Я этого и не говорил, — огрызнулся он.

Наконец-то он получил возможность вытащить из ножен свой меч, когда она с диким криком снова набросилась на него. Ее зеленые глаза сверкали, ее лицо было искажено яростью. Он поднял меч, отражая удар ее сабли. С треском сломался ржавый клинок, и она, словно не веря, уставилась на короткий обломок, который остался у нее в руке.

Без малейшего колебания она швырнула бесполезный кусок железа в лицо Конану и повернулась, чтобы умчаться к убитым, лежавшим возле колодца, потому что их оружие все еще находилось при них. Конан подкрался к ней сзади, и когда она наклонилась, чтобы поднять саблю, шлепнул ее мечом плашмя по соблазнительному заднику. Когда сталь коснулась ее упругих округлостей, она отпрянула со злобным криком. Она делала один ошибочный выпад за другим, поскользнулась в луже крови и перелетела через каменную ограду колодца.

Конан склонился, чтоб вытащить ее. Его руки схватили гибкое тело, и тяжесть его затащила Конана в колодец почти до подмышек. Он вытащил рыжую до щиколоток из воды, и она болталась в его руках над глубиной колодца.

— Разрази тебя Деркэто! — ругалась она. — Отпусти меня, безродный пес!

— В Шадизаре, — сказал он неторопливо, — я спас тебя по меньшей мере от оскорблений. Ты обозвала меня мальчишкой варваром, допустила, чтоб мне

чуть не снесли голову и под конец исчезла без единого слова благодарности.

— Сын спившегося болвана! Шлюхино отродье! Выпусти меня наконец!

— Здесь, — продолжал он, словно вообще не слышал ее, — я избавил тебя от бесчестья или, по крайней мере, от участи быть проданной на невольничьем рынке. А может быть, они просто перерезали бы тебе глотку после того, как вдоволь натешились бы с тобой.

Она резко дернулась в его руках, и он ниже наклонился над краем колодца, опуская ее в воду глубже еще на ширину ступни. Ее вопли отразились от стен колодца, и она затихла.

— Ты и не собирался меня спасти, — прохрипела она. — Ты бы просто-напросто проехал мимо, если бы эти псы не затеяли бы с тобой ссоры.

— Независимо от того, проехал бы ли я мимо или они убили бы меня, тебе бы сейчас пришлось рассуждать самой с собой о том, сколько за тебя заплатят покупатели.

— А тебе в награду ничего, конечно, не нужно, — сказала она, чуть не плача. — Проклятье Деркэто на твою голову, ты, вонючий остолоп из варварской страны!

— Я утомился слушать твои оскорбления, — свирепо сказал он. — И я хочу, чтобы ты сейчас же поклялась мне именем Деркэто — раз уж ты постоянно поминаешь богиню любви и смерти. Ты должна дать мне обет, что никогда больше бранное слово в мой адрес не сорвется с твоих губ и ты никогда больше не поднимешь на меня руку.

— Волосатый кретин! Плоскостопный варвар! Ты что, вообразил, что ты можешь меня заставить...

Он прервал ее.

— У меня устали руки. Я не могу больше ждать, твои ноги так легко скользят по камню.

— Я поклянусь. — Ее голос вдруг стал ясным и отчетливым. — Вытащи меня, и я поклянусь тебе на коленях, в чем ты только захочешь.

— Сначала клянись, — приказал он. — Я не хотел бы снова кидать тебя в колодец. Сначала определимся с видами на будущее.

Ему показалось, что он слышит, как маленький кулак в бешенстве ударил о каменную стену колодца. Он улыбнулся.

— Ты безобразная обезьяна! — выругалась она с прежней горячностью. — Хорошо, я клянусь тебе именем Деркэто, что я никогда не скажу тебе дурного слова и никогда не подниму на тебя руку. Я клянусь. Теперь ты доволен?

Он вытащил ее и бережно опустил на землю возле колодца.

— Ты... — она прикусила губу и сверкнула на него глазами снизу вверх. — Тебе не обязательно быть таким грубым, — сказала она почти беззвучно.

Вместо ответа он расстегнул свой пояс и прислонил ножны с мечом к колодцу.

— Что... что ты собираешься делать?

— Ты что-то говорила о вознаграждении. — Он выскользнул из своей набедренной повязки. — И поскольку я уже отчаялся услышать из твоих уст хоть слово благодарности, я все равно свое получу.

— Так ты простой насильник, — горько сказала она.

— Это очень похоже на слово оскорбления, девушка. О насилии не может быть и речи. Тебе нужно только сказать «стой» — и я со своей стороны могу тебе обещать, что ты уедешь отсюда нетронутой, словно девственница.

Он улегся на нее, и несмотря на то, что она забарабанила кулаками по его плечам и выкрикнула дикое проклятие, к словечку «стой» однако же не прибегла, и очень скоро их восклицания зазвучали совершенно иначе, потому что она была пылкой цветущей женщиной, а в женщинах Конан кое-что принимал.

Пока он снова надевал свою набедренную повязку и застегивал пояс, она искала среди вещей убитых что-нибудь, чем можно было бы прикрыть наготу. Ее собственную одежду, как она сказала, негодяи порвали в клочья. Ему пришло в голову, что она выбирает себе оружие, однако у него не было сомнений, поворачиваться ли к ней спиной, даже тогда, когда она будет вооружена.

Он наполнил водой свою флягу из выделанной козьей кожи и приторочил ее к седлу.

— Подожди! — крикнула она. — Как тебя зовут?

На ней были солнечно-желтые, не особенно чистые шаровары, и изумрудно-зеленая куртка, которая была ей чересчур узка на груди, а на талии болталась свободно. Золотая лента с бахромой охватывала рыжие волосы, поднимая их над лицом. Ленту она вытащила из мешка одного из убитых, как успел заметить Конан.

— Конан, — ответил он. — Конан из Киммерии. А ты?

— Мое имя Карела, — гордо произнесла она. — И притом Карела из той страны, где нахожусь — по мере надобности. Скажи-ка, эти пилигримы, за которыми ты гонишься. — они что-то украли у тебя? Что-то важное? Я не в состоянии представить себе тебя набожным человеком, Конан из Киммерии.

Если он ей расскажет о подвесках, она бесспорно захочет участвовать в этом деле. То, как она умеет владеть саблей, не оставляло сомнений — она стоит воина-мужчины. Но он не хотел бы брать ее с собой. Если она почует запах десяти тысяч золотых, ему придется спать с открытыми глазами, давала она там клятву или не давала. В этом-то он был уверен.

— Да, кое-что важное для одного человека из Шадизара, — вскользь пояснил он. — Танцовщица, которая сбежала с этими пилигримами. А может быть — и это вполне вероятно, кстати, — они ее украли. Как бы то ни было, он влюблен в нее до глупости и готов заплатить пять золотых, если получит ее назад.

— Не много для прогулок по этой стране. Здесь бродят опасные бандиты, вроде этих сукиных сынов. — Она метнула взор на трупы, которые Конан оттащил подальше от колодца.

— Я ищу пилигримов, а не бандитов, — возразил он с улыбкой. — Они не окажут серьезного сопротивления. Будь здорова, Карела.

Он повернулся, чтобы уехать прочь, но ее следующая реплика заставила его остановить коня.

— Так ты не хочешь знать, где эти пилигримы?

Он удивленно воззрился на нее, и она встретила его взгляд большими зелеными глазами, совершенно невинными.

— Если ты знаешь, где они, почему ты до сих пор не упоминала об этом? И вообще, почему ты говоришь о них только сейчас? Мне кажется, на тебя непохоже добровольно рассказывать такие вещи.

— Эти шакалы — они совершенно вывели меня из терпения. — Она скроила гримаску, но ее взгляд быстро снова стал ясным. — Я была помешана от ярости, Конан. У меня была потребность излить ее на кого-нибудь. Но ведь ты, в конце концов, спас мне жизнь.

Конан задумчиво кивнул. Ее объяснение могло быть и правдой. Однако столь же вероятно могло быть и то, что она решила направить его по ложному пути. Но он все равно потерял след пилигримов, и ему предстояло, так или иначе, ехать наугад.

— Где ты их видела?

— К северу отсюда. Они стояли лагерем под каким-то невысоким холмом. Я покажу тебе. — Она вскочила в седло своего вороного. — Ну что, ты хочешь, чтоб я провела тебя в их лагерь или ты будешь стоять тут целый день?

Он не видел иной возможности заставить ее говорить, кроме как снова окунуть ее в колодец. Он отбросил край своего плаща, чтоб рукоять меча была свободна, и сделал ей знак трогаться в путь.

— Я знаю, — сказала она, улыбнувшись, и ударила коня пятками. — Тебе пейзаж нравится.

Да, здесь она права, подумал он. Однако он постоянно следил за ней одним глазом, потому что предательство с ее стороны считал вполне вероятным. Запасные лошади скакали за ними.

Глава восьмая

О статок дня они ехали на север по холмистой равнине, на которой изредка встречались низкие кустарники. Когда они становились лагерем на ночь, Конан поинтересовался:

— Далеко они еще?

Карела пожала плечами. Ее крепкие круглые груди, казалось, вот-вот порвут зеленую куртку.

— Если мы отправимся в путь на рассвете, то будем там еще ранним утром.

Она принялась обламывать тонкие ветки кустов, росших поблизости, для костра, но он пинком разбросал хворост.

— Нам лучше никому не выдавать нашего присутствия, — буркнул он. — Почему ты вообще думаешь, что они еще там?

Она спрятала кресало обратно в свой заплечный мешок и улыбнулась ему, развеселившись.

— Если они и ушли, то ты по меньшей мере будешь ближе к ним, чем был до сих пор. Кто этот человек из Шадизара, который хочет вернуть невольницу?

— Если мы выступаем рано, то сейчас нам лучше спать, — ответил он, никак не реагируя на ее вопрос, и она улыбнулась снова.

Он укрылся своим плащом, однако не уснул. Вместо этого потихоньку наблюдал за ней. Она завернулась в одеяло, которое служило попоной ее вороному, а в качестве подушки использовала высокое седло из выделанной красной кожи. Он совершенно не верил, что она не задумала исчезнуть среди ночи со всеми лошадьми, однако через несколько минут он действительно убедился в том, что она собирается спать.

Ночь была соткана из глубокого мрака, звезды сверкали, как алмазы на черном бархате. Конан все еще не смыкал глаз. Выглянул прибывающий серп луны, и когда он поднялся над ним, Конан вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Незаметно он вытащил из ножен кинжал с узким лезвием, расстегнул бронзовую пряжку, скалывающую его плащ, и ползком скользнул в ночь. Трижды он проползал вокруг лагеря, и все это время чувствовал на себе глаза, но он не только не видел никого, но и не нашел следов, которые мог бы оставить невидимый шпион. И внезапно чувство, что кто-то за ним наблюдает, исчезло. Еще раз он обошел лагерь, но снова ничего необычного не заметил. Злой на самого себя он встал и вернулся назад к своему плащу. Карела все еще спала. Обессиленный, он укрылся плащом. Во всем вино-

вата женщина. Он все время ждал предательства с ее стороны — и из-за этого начал видеть и чувствовать вещи, которых не существует.

Когда красное солнце поднялось над горизонтом, Карела проснулась, и они снова поскакали на север. Постепенно волнистая равнина превратилась в гористую местность. Конан спрашивал себя, что нужно этим людям так далеко к северу от караванной дороги. Внезапно девушка помчалась галопом.

— Там! — крикнула она. — За следующим холмом!

Он помчался за ней.

— Карела, назад! Карела!

Она неслась вперед и скоро пропала за холмом. Чокнутая, подумал он. Если паломники все еще там, она непременно обратит на себя внимание. Поднявшись на холм, он остановил коня. Ее нигде не было видно, и он не слышал больше стука копыт ее вороного.

— Конан!

Он повернулся на ее крик. Карела на своем вороном стояла на вершине холма справа от него.

— Кром! Девушка, что ты...

— Я Карела! — крикнула она. — Я Рыжий Ястреб!

Она пронзительно свистнула, и тотчас в ложбинах между холмами из-под земли выросла орда каких-то людей — пестрое смешение ярких одежд и оружия самых разных родов и видов. В мгновение ока он оказался в центре кольца стоящих плечом к плечу бандитов. Он осторожно сложил руки на луке седла. Одно неверное движение, и в него воткнутся четыре болта из четырех арбалетов, которые он обнаружил сразу, а возможно, имеются еще другие.

— Карела, — громко сказал он, — ты сдержишь обещание?

— Я не огорчила тебя неприветливым словом, — колко ответила она, — и не подняла на тебя руки. Я не сделаю этого и впредь. Но я боюсь, что не смогу сказать того же о моих людях. Ордо!

Крепкий чернобородый человек с кожаным браслетом на левой руке вывел своего коня из круга разбойников и остановился перед Конаном. Неровный шрам

пересекал его лицо от брови до щетинистой бороды, под которой исчезал. Эта сторона его лица была искажена постоянной издевательской улыбкой. Его кольчуга несомненно раньше принадлежала состоятельному человеку, еще сейчас были заметны следы позолоты. В его ушах качались большие золотые кольца, на боку висел послуживший кривой меч.

— Она назвала тебя «Конан», — сказал рослый бандит. — А я Ордо, капитан Рыжего Ястреба. Я хочу знать — то есть, мы все хотели бы знать, почему мы прямо здесь и прямо сейчас не должны перерезать тебе горло.

— Карела привела меня сюда, — начал Конан и оборвал себя, когда Ордо ударил его кулаком размером с добрый окорок. Уцелевший глаз бандита, казалось, выскочит из орбиты, когда Конан отразил его удар.

Один миг оба они были неподвижны, а потом Ордо взревел: — Взять его!

Десятки рук схватили киммерийца, вырвали у него меч и сбросили его с седла. Но из-за большого их количества нападающие мешали друг другу, и одолеть его было не так-то просто. Его кинжал нашел себе новое прибежище между ребер, скрытых желтой одеждой — в давке он не рассмотрел, кому они принадлежали; неосмотрительная рука была сломана в локтевом суставе, и несколько большее число людей, чем один, выплевывало выбитые зубы после того, как их лица познакомились с его могучими кулаками. Но численное превосходство было слишком велико, и в конце концов его противникам удалось связать ему руки за спиной и затянуть на его щиколотках кожаный ремень длиной в две ступни. После чего те, кто был обут в сапоги, начали пинать его под ребра. Наконец Ордо разогнал их дикими ругательствами и поднял голову Конана, держа его за волосы.

— Мы называем ее Рыжий Ястреб, — проворчал он. — Ты должен называть ее «госпожа», и не отваживайся больше никогда осквернять ее имя своим грязным ртом! Иначе тебе не жить!

— А почему он вообще должен жить? — спросил человек с лицом хорька, одетый в трофейную кирасу и лейб-гвардейский шлем, которому не доставало кон-

ского султана. — Гепакмах захлебнулся в собственной крови из-за кинжала этого парня. А я... — Он неожиданно скривился и выплюнул зуб. — Перережь ему глотку, и мы избавимся от него.

Ухмыляясь, Ордо извлек свой вендийский кинжал с «пламенеющим» клинком.

— Абериусу пришла в голову неплохая мысль.

Внезапно Карела пробилась на своем коне сквозь толпу, обступившую Конана, и ее зеленые кошаьчи глаза сверкнули над ним.

— А тебе ничего интересного в голову не приходит, Ордо?

— А, так ты все-таки верна своей клятве? — проворчал Конан. — Милая награда за то, что я спас тебя от невольничьего рынка или кое-чего похуже.

Ордо отпустил его волосы, и голова Конана упала обратно на землю.

— Рыжий Ястреб не может быть спасена — никем и ни от чего! — запальчиво рявкнул он. — Она получше любого мужчины управляется как с мечом, так и со своими мозгами! Не забывай этого!

Карела звонко рассмеялась.

— Конечно, я такая, дружок Конан. Если тебя кто-то и ударил, то это руки моих людей, но не мои. Ордо, мы забираем его в лагерь. Там ты в тишине и покое обдумаешь, что ты с ним хочешь сделать.

Человек со шрамом прокричал приказ, и под руки Конана мгновенно была продета веревка. Разбойники залезали в свои седла. Ордо схватил конец веревки, и они рысью пустились вскачь. Копыта лошадей вздымали пыль, и мелкие камешки, которые дождем летели в лицо киммерийцу.

Конан сцепил зубы. Поскольку они связали ему руки за спиной, ему пришлось перевернуться на живот. Острые камни царапали его грудь, и жесткие комья глины раздирали кожу.

Когда лошади остановились, Конан выплюнул павший в рот песок и грязь, и жадно глотнул свежего воздуха. Казалось, не было такого мускула, такой кости, которые бы не болели, и кровь капала из тех его ссадин и царапин, которые не были еще забиты пылью. Он был вовсе не уверен в том, что умереть,

волочась в пыли за скачущей лошастью, — это худшая участь, чем та, которую они для него приготовили.

— Ордо! — радостно крикнула Карела. — Ты уже разбил мою палатку!

Она соскочила с седла и побежала к красной полосатой палатке — единственной в лагере. Она стояла, укрытая в ложбине между двумя высокими подковообразными холмами. Скомканные одеяла лежали возле доброго десятка погасших кострищ. Несколько человек принялись снова раскладывать огонь, в то время как остальные вытащили кувшин с килом, крепкой пряной водкой, и пустили его по кругу.

Конан откатился в сторону, когда Ордо оказался рядом.

— Ты бандит, — прохрипел киммериец, — зачем тебе королевское сокровище?

Ордо не удостоил его ни единого взгляда.

— Вбейте колья! — заорал он. — И привяжите его!

— Пять подвесок с драгоценными камнями, золотой ларец, усыпанный самоцветами, — продолжал Конан, — подарки Илдиза Тиридату.

Ему совсем не по душе было, что эти негодяи узнают, из-за каких предметов он оказался в этих краях, ему будет нелегко сохранить свою жизнь и еще труднее — получить даже малую часть того, что он уже привык считать своей собственностью. Но если он этого не сделает, то вряд ли ему вообще удастся спасти свою жизнь.

— Оторвите задницы от земли! — рявкнул бородастый. — Пить вы сможете и потом!

— Десять тысяч золотых, — сказал Конан. — Столько этот человек готов выложить за одни только подвески. Может быть, кто-нибудь другой может дать за них больше. И еще имеется ларец.

В первый раз за то время, что они находились в лагере, Ордо повернулся в его сторону. Единственный глаз разбойника сверкал.

— Рыжий Ястреб хочет твоей смерти. Мы всегда видели от нее только добро, и поэтому ее желание — это и мое желание тоже.

Явилось около двадцати уже полупьяных вояк, чтоб поднять Конана и доставить его на место, где

они вколотили в сухую землю четыре колышка. Он яростно отбивался, но их было слишком много, и вскоре он, с раскинутыми руками и ногами, был привязан сыromятными ремнями к этим кольям. На солнце его царапины рассыхались и трескались, становясь все более болезненными.

— Почему Ордо не хочет, чтоб вы получили десять тысяч золотых? — заорал Конан хрипло. Все, кроме одноглазого капитана, замерли, и пьяные вопли стихли, как по волшебству.

Дико ругаясь, одноглазый подскочил к нему. Конан попытался отвернуть голову, когда Ордо оказался рядом. В единственном глазе сверкали молнии.

— Заткни свою лживую пасть! — взревел капитан.

Абериус поднял голову и мрачно посмотрел на одноглазого: хорек, изображающий из себя дога.

— О чем это он говорит, Ордо? — коварно спросил он.

— Заткнись! — рявкнул на него Ордо, но Абериус был отнюдь не пуглив.

— Пусть он говорит! — произнес он с угрозой в голосе, и остальные согласно загудели. Ордо в ярости метнул на них взгляд, но промолчал.

Конан втайне ухмыльнулся. Если так пойдет и дальше, эти бандюги освободят его и привяжут к колышкам на его место Ордо и Карелу. Однако в его планы не входило позволить им украсть подвески, из-за которых он уже так много рисковал.

— Пять подвесок; — заявил он, — и золотой ларец, весь усыпанный драгоценностями. Они были похищены дней четырнадцать назад из дворца Тиридата, я гонюсь за ними. Один человек обещал мне за одни только подвески десять тысяч золотых, а если кто-то платит, то другой может заплатить дорожке. Ларец принесет столько же, если не больше.

Люди вокруг жадно облизывались и сгрудились над ним еще теснее.

— Что же в них кроется такое, что делает их столь драгоценными? — спросил Абериус. — Я никогда не слышал о подвесках, которые бы были настолько ценными и дорогими.

Конан позволил себе улыбку.

— Но эти были подарены королю Тиридату королем Илдизом. Драгоценные камни, которых до сих пор не видел ни единый смертный. И такие же украшают ларец, — добавил он, несколько отступая от истины.

Внезапно Карела растолкала собравшихся вокруг Конана людей, которые при виде ее искаженного гневом лица поспешно шарахнулись в стороны. Она больше не была одета в трофейные шаровары. Золотые чаши, покрытые серебряной филигранью, прикрывали ее грудь, и жемчужный пояс шириной в палец, обвивал ее бедра. Ее стройные ноги были обуты в сапожки из мягкой красной кожи, доходившие до середины икр, а эфес ее кривой сабли был украшен сапфиром размером с голубиное яйцо.

— Этот пес лжет! — прошипела она.

Люди отступили еще на шаг, но не увидеть на их лицах жадность было невозможно.

— Он ищет не драгоценности, а какую-то невольницу. Это он сам говорил мне. Он просто покрытый мышцами охотник за рабами, нанятый большим от страсти болваном из Шадизара. Сознайся, что ты лжешь, Конан!

— Я говорю правду!

Или, по меньшей мере, часть ее, добавил он про себя.

Она резко повернулась, пальцы ее, сжимавшие эфес, побелели на сгибах.

— Ползучая тварь! Сознайся, что ты лжешь, или я велю с живого содрать с тебя кожу!

— Ты нарушила первую половину клятвы, — спокойно ответил он. — Злое слово.

— Разрази тебя Деркэто! — С диким криком она ударила его под ребра носком сапога. Он не сумел удержаться от стога. — Придумай для него медленную и мучительную смерть, Ордо, — распорядилась она. — Он скоро сознается, что лжет.

Внезапно она взялась за свою саблю, и острый, как бритва, клинок на длину ладони вышел из кожаных ножен, изящно украшенных.

— Или кто-нибудь из вас хочет возразить мне?

— Нет! — взревели они, и к своему удивлению Конан увидел страх не на одном лице, покрытом боевыми шрамами. Удовлетворенно кивнув, Карела

опустила клинок в ножны и быстрым шагом направилась к своей палатке. Люди толкались, уступая Кареле дорогу.

— И вторая половина клятвы! — крикнул Конан ей в спину. — Ты ударила меня! Ты нарушила слово, данное именем Деркэто. Как ты думаешь, какой мести захочет богиня любви и смерти от тебя и от каждого, кто ей поклоняется?

Она слегка замедлила шаг, но не обернулась. Вскоре после этого она закрыла за собой вход в свою палатку.

— Ты умрешь более легкой смертью, если придержишь свой язык, Конан, — проворчал Ордо. — У меня руки чешутся вообще его отрезать, но кое-кто из ребят хотел бы послушать, не поболтаешь ли ты еще об этом славном сокровище.

— Вы собаки, которых отхлестали кнутом, — презрительно сказал Конан. — Неужели ни у кого из вас нет собственной воли?

Ордо покачал лохматой головой.

— Сейчас я кое-что расскажу тебе, и если ты вынудишь меня потом снова заговорить об этом, я проткну тебя насквозь. Никто не знает, откуда она пришла. Мы нашли ее в этих краях, она бродила, нагая, как дитя, и годами она была немного старше ребенка, но уже тогда она держала в руке саблю, которую носит до сих пор. Тот, кто был тогда нашим вожаком, его звали Константиус, решил вдоволь с ней натешиться, а после продать. Он был лучший фехтовальщик среди нас, но она убила его, словно лисица курицу, а когда двое из его приближенных попытались схватить ее, она убила и их, и притом так же быстро. С тех пор она ведет нас. И добыча, которую она нам доставляет, всегда хороша, и никто из тех, кто выполняет ее приказы, ни разу не попал в руки врага. Она приказывает — а мы слушаемся и довольны.

Ордо повернулся и пошел прочь. Конан прислушался к остальным, которые предавались кутежу, сидя у костра. С грубым хохотом они обсуждали, как повеселятся за его счет. Много говорилось о горячих углях и раскаленных шомполах, и о том, сколько кожи можно содрать с человека, не убивая его совсем.

Солнце поднималось выше, и день становился все жарче. Язык Конана распух от жажды, губы пересохли и потрескались. Пот высох на его коже, и солнце жгло ее. Абериус и еще один мерзавец с рыбьими глазами развлекались тем, что лили воду на землю рядом с его головой, так что струя текла возле его рта, но ни одна капля не попадала туда, куда он мог бы дотянуться. Но даже когда свежая влага была так близко, что он щекой мог чувствовать прохладу, он не шелохнулся. Этой радости он им не доставит.

Через некоторое время Рыбий Глаз прекратил это, а Абериус присел на корточки возле головы Конана с глиняным кувшином воды в руках.

— Тебя убьет вода, правда, парень? — тихо спросил Хорек. Он тайком бросил взгляд через плечо на разбойников, которые продолжали напиваться и избивать для киммерийца всевозможные муки. — Расскажи мне о том сокровище, и я дам тебе воды.

— Десять... тысяч... золотых... монет... — прохрипел Конан. Слова, как острые камни, кололи его пересохший язык.

Абериус жадно облизнулся.

— Еще! Где это сокровище? Скажи мне, и я сделаю так, что тебя развяжут.

— Сначала... раз... вязать...

— Ты идиот! Без моей помощи тебе не освободиться, так что говори, где...

Он испуганно вскрикнул, когда могучая лапа Ордо вздернула его за воротник. Одноглазый встряхнул Хорька, как собака пойманную крысу. Ноги Абериуса болтались над землей.

— Чем это ты здесь занят? — грозно спросил Ордо. — Он ни с кем не должен разговаривать!

— Я немного подшутил тут над ним, — Абериус выдавил из себя вымученную улыбку. — Я только поразвлекся чуток — и все...

— Ха! — Ордо презрительно сплюнул и отшвырнул шуплого разбойника таким резким движением, что тот упал в пыль. — Мы займемся с ним более серьезными вещами, чем просто шутки. Смотри, чтоб я тебя здесь больше не видел!

Он подождал, пока Абериус доплетется до остальных, наблюдая за ним с ухмылкой, а затем повернулся к Конану.

— Молись своим богам, варвар. Позже у тебя не будет для этого времени.

Конан попытался облизнуть сухие губы, чтобы выговорить хоть несколько слов.

— Стало быть, деньги вам не нужны, а, Ордо?

— А ты их вообще никогда не увидишь, варвар!

Конан заметил еще салог, взмывающий в воздух совсем рядом, а потом мир наполнился огнем и треснул.

Глава девятая

Когда киммериец снова пришел в себя, была ночь, и горели костры. Несколько разбойников еще пускали по кругу кувшин с киллом, но и они уже были изрядно утомлены буйством и с трудом могли произнести несколько слов. Большинство уже лежали вокруг, там, где они были сражены сном, и храпели. В палатке еще горел свет, и Конан видел красиво очерченный силуэт Карелы на полосатой стене.

Сыромятные ремни были так сильно стянуты, что они глубоко врезались в кожу. Он почти не чувствовал рук. Если он еще какое-то время проваляется здесь, он уже не сможет быть хорошим бойцом, если даже освободится. Он напряг мощные мускулы рук и дернул, но путы не поддались. Он потянул снова, подключив к рывку и мышцы живота. Опять и опять. Он почувствовал на запястьях кровь, там, где ремень врезался особенно глубоко, и несколько капель сползло на землю. Он дернул еще. Ремень на левом запястье слегка ослаб.

Внезапно он замер. Как и прошлой ночью, его охватило чувство, что за ним кто-то следит, но теперь оно было тем сильнее, что таинственный наблюдатель подошел ближе. Он осторожно огляделся. Люди возле погашенных костров лежали вповалку, и их храп гремел куда громче, чем прежде их пьяные беседы. Если не принимать во внимание сонное храпение, в

лагере было тихо. И несмотря на это, он ощущал чьи-то приближающиеся глаза. У него волосы встали дыбом, потому что неожиданно ему стало совершенно ясно, что эти глаза остановились прямо над ним — и все-таки никого не было видно.

Он яростно задергал левой рукой, все сильнее и резче, не обращая внимания на жгучую боль. Если над ним действительно кто-то склонился — а он уже достаточно сделал в своей жизни открытий, чтоб не сомневаться, что это кто-то из тех, кто умеет уходить от человеческого взгляда, — он не собирался дать себя зарезать, словно ягненка на жертвеннике.

Бешенство придало ему дополнительные силы, и неожиданно он вырвал из земли колышек, к которому была привязана его левая рука. Он мгновенно повернулся на правый бок, схватил ремень обеими руками и потянул изо всех сил. Постепенно он выволок и правый колышек.

Когда он сел, кости его страшно болели. Открытые раны на запястьях были такими глубокими, что ремненная полоса врезалась чуть ли не до кости. Он выдрал ремень, морщась от боли, и начал освобождать ноги, что ему удалось сделать ценой немалого напряжения. Любой другой на его месте, испытывая такую жажду, бросился бы к ближайшей фляге с водой, но он первым делом позаботился о том, чтобы вернуть своим мускулам их гибкость и силу. Когда он наконец поднялся на ноги, он, конечно, был не в лучшей своей форме, но тем не менее представлял собой опасного противника.

Бесшумно, как кошка, он проскользнул между спящими. Он мог бы легко их прикончить, но это было бы не в его духе — убивать пьяных, беспомощных людей. Он нашел свой меч и свой кинжал в ножнах и надел перевязь. Его красные туранские сапоги лежали возле углей погасшего костра. Плаща нигде не было видно, и он не надеялся получить назад пропавшие у него монеты, потому что тогда ему пришлось бы обыскивать спящих. Он натянул сапоги, чтобы полностью быть готовым продолжать погоню за подвесками. Ему еще предстоит разогнать лошадей, чтобы разбойники не смогли сразу броситься за ним в погоню.

— Конан!

Этот зов прогремел над ложбиной, словно его прокричала дюжина глоток. Но ни одной фигуры, приближающейся к лагерю, не было видно.

Киммериец выругался, когда разбойники, вырванные из объятий пьяного сна, начали подниматься с ошеломленным видом. Он все еще находился среди них, и ему не выбраться отсюда, не пробив себе дорогу клинком. Он обнажил свой широкий меч, когда Карела зажгла свет в своей палатке.

— Конан! Где подвески?

Этот гремющий голос напоминал Конану уже слышанный когда-то. Но огромный человек, который приближался к нему, был ему незнаком. На нем был высокий шлем, кольчуга, достигающая до колен, в правой руке он держал двойную боевую секиру, а в левой — круглый щит.

— Ты кто? — спросил Конан.

Разбойники поднялись на ноги уже все, и Карела вышла из палатки.

— Я — Крато. — Воин остановился на расстоянии вытянутой руки от Конана. Его глаза под шлемом были стеклянными и безжизненными. — Я раб Имхеп-Атона. Где подвески, которые ты должен был ему доставить?

Ледяной пот заструился у Конана по лопаткам. Он узнал наконец этот голос. Он принадлежал Анкару.

За его спиной Абериус выкрикнул:

— Так он все же не лгал! Подвески существуют!

— У меня их нет, Анкар, — сказал Конан. — Я преследую людей, которые их украли — их и девушку, которой я кое-что обещал.

— Ты знаешь слишком много, — пробормотал гигант голосом Имхеп-Атона. — И подвесок у тебя нет. Ты больше не нужен, киммериец!

Без предупреждения секира опустилась на Конана. Киммериец отскочил назад, и острие оставило только тонкую красную полоску на его груди. Одержимый быстро восстановил равновесие и снова напал на Конана, выставив вперед щит и подняв секиру. Если это тело действительно находится во власти волшебника, то человек, которому оно принадлежит, должен быть опасным бойцом.

Конан снова отступил назад, одновременно изготовившись к удару мечом. Если он замахнется для броска, то он раскроется, а эта секира вполне может разрубить человека пополам. Конан быстро сообразил, что следить за этими неживыми глазами бесполезно. Вместо этого он сосредоточил все свое внимание на тяжелых плечах противника, произвольные движения которых выдавали ему намерения гиганта.

Правое плечо под кольчугой легко дернулось, и Конан присел. Секира просвистела у него над головой. В тот же миг широкий меч ударил и вонзился, разорвав кольчугу, в бедро врага. Он перекатился по земле, увернувшись от удара слева секирой, и, готовый к бою, встал перед противником. Кровь хлестала из раненой ноги секироносца, но он напал снова.

Конан встал справа, со стороны секиры. Этим он усложнил Крато возможность атаковать его. Секира нанесла неловкий удар с левой стороны. Конан сделал выпад. Клинок перерубил кость. Секира и отрубленная рука вместе упали на землю. Вслед за ними Крато швырнул щит и упал. Конан наклонился, отбросил щит и меч в сторону, но пока он выпрямлялся, Крато был снова на ногах, с секирой в левой руке.

Кровь хлестала широкой струей из обрубка руки, и человек — или волшебник, который захватил его тело — казалось, чувствовал, что умирает. С криком он набросился на киммерийца со свистящей секирой в руке. Конан отразил удар своим мечом и сильно ударил его в грудь коленом. Гигантский шемит зашатался, но снова поднял вверх свою могучую секиру. Меч Конана разрубил его плечо, и рука с секирой беспомощно повисла. Хрипя, Крато опустился на колени.

— Конан! — проскрипел голос Имхеп-Атона. — Ты умрешь!

Широкий меч ударил в последний раз, и голова в шлеме откатилась в пыль.

— Еще нет! — возразил киммериец в ярости.

Когда он оторвал взгляд от убитого, он увидел, что разбойники окружили его плотным кольцом. Некоторые держали в руках сабли, другие смотрели на него, полуоткрыв рты. Карела стояла напротив него с обнаженной шашкой. Она смотрела на мертвого, но все ее внимание было сосредоточено на киммерийце. Выра-

жение ее лица было необычным для нее — она колебалась. Слегка склонив голову набок, она рассматривала его сквозь ресницы.

— Так ты хочешь нас покинуть, Конан? — сказала она. — Кто бы ни был этот Крато, мы все благодарны ему за то, что он помешал тебе сделать это.

— Подвески! — крикнул кто-то из толпы. — Подвески существуют на самом деле!

— Кто это сказал? — рявкнул Ордо. Бородатый капитан Рыжего Ястреба жестким взглядом осмотрел стоящих вокруг, и каждый из них опустил глаза. — Существуют они на самом деле или нет, Рыжий Ястреб говорит, что этот человек умрет!

— Мне кажется, что двадцать тысяч золотых — вещь вполне реальная, — бросил ему Абериус. — Чересчур реальная, чтобы торговаться так опрометчиво!

Челюсть Ордо дрогнула от ярости. Он хотел отшвырнуть прочь хилого разбойника, но остановился в изумлении, когда Карела приставила клинок к его груди. Она молча покачала головой и вложила клинок обратно в ножны.

Конан смотрел на женщину и спрашивал себя, что же происходит у нее в голове. Ее лицо было непроницаемо, и она не смотрела на него. Он не собирался делить свои подвески с кем бы то ни было, но если она изменит свое решение, он сможет покинуть эту долину между двумя холмами без дальнейшей борьбы.

— А если они есть на самом деле! — сказал он громко. — Великое сокровище, которое, возможно, стоит еще дороже, чем двадцать тысяч.

Ему пришлось остановиться, чтобы облизать губы — во рту пересохло от жажды и говорить ему было трудно. Но он не собирался просить у них воды. Малейший признак слабости, и они решатся на то, чтобы снова наброситься на него и вырвать у него тайну пытками и мучениями.

— Я могу вас вывести на похитителей. А вы должны сообразить, что люди, которые грабят королей, владеют несметными богатствами. — Он обернулся и медленно обвел глазами разбойников, одного за другим. — Рубины, изумруды, алмазы и жемчуг, мешки, набитые золотыми монетами.

В их глазах зажглась жадность.

— Золото, а? — фыркнул Ордо. — И где мы найдем всю эту роскошь? Во дворце или в крепости, окруженной могучими каменными стенами и охраняемой стражниками, вооруженными до зубов?

— У людей, которых я преследую, — ответил Конан. — Закутанных, ибо они выдают себя за паломников. Они украли пять женщин, когда похищали сокровища из дворца. Пять танцовщиц, принадлежавших раньше двору Илдиза. Одна из них моя, но остальные четыре, вероятно, не скажут «нет» храбрым мужчинам с кошельками, полными золота.

Веселые смейки стали громче, и несколько бандитов приняли изысканные позы.

— Закутанные, говоришь? — переспросил Абериус, хмурия лоб. — И пять женщин?

— Хватит! — крикнул Ордо. — Клянусь Черным Троном Ерликса, разве вы не видите, что здесь в игру вступает волшебство? Кто-нибудь из вас видел этого Крато вблизи? Вы заметили, что он одержим? Никому не показались странными его глаза, его голос? Ни один умирающий не разговаривает таким голосом, который гремит, словно далекая гроза.

— Но он достаточно мертв сейчас, — проворчал толстый человек с широким шрамом, пересекающим переносицу. — И это сделала сталь в руках Конана.

— А все, что связано с волшебством, — быстро добавил Конан, — всегда особенно ценно. Или кто-нибудь когда-нибудь слышал, что волшебники довольствуются меньшим, чем драгоценнейшее на свете?

Ордо неуверенно взглянул на Карелу, но она слушала, сохраняя равнодушный вид, как будто все это ее совершенно не касалось. Одноглазый пробурчал что-то себе в бороду, прежде чем спросил:

— И где мы будем искать этих закутанных? Эта страна велика. В каком направлении скакать? Конан сам сказал, что он не знает, где они. Он приехал сюда вслед за Рыжим Ястребом потому, что думал, что она ведет его к паломникам.

— Я видел их, — крикнул Абериус и вызывающе оглянулся, когда все глаза обратились к нему. — Я и Гепаксах, и Алвар. Это было два дня назад, и они ехали на Восток. Примерно двадцать закутанных и

пять связанных женщин на верблюдах. Скажи сам, Алвар.

Толстый человек с перебитым носом утвердительно кивнул.

— Да, мы видели их.

— Их было многовато для нас троих, — торопливо продолжал Абериус, — а когда мы вернулись сюда, Рыжий Ястреб еще не появлялась, поэтому мы о них не упомянули. Ты бы ни в жизнь не допустил, Ордо, чтоб мы что-нибудь предприняли без нее.

Поднялся свирепый ропот, в котором звучало согласие с этими словами.

Ордо злобно сверкнул глазами в его сторону, однако когда он заговорил, в голосе его звучали примирительные нотки:

— Два дня назад? И что нам это дает? Они уже могли давно добраться до Вендии.

Ропот стал громче, свирепее, и Абериус шагнул к одноглазому.

— Почему ты это говоришь? Все здесь знают, что я могу выследить пустынную ящерицу по следу, который она оставит на камнях, и птицу, пролетевшую по воздуху над ней. Следы двухдневной давности для меня словно широкая улица.

— А что стало с Гепаксиахом? — проворчал Ордо. — Ты уже забыл клинок киммерийца, вонзившийся под ребра твоему другу?

Хорек пожал плечами.

— С таким количеством золота легко найти новых друзей.

Ордо поднял руку и повернулся к Кареле.

— Решай. Что мы будем делать? Должен этот Конан умереть или нет?

Рыжая впервые за все это время посмотрела прямо на Конана. Ее косящие зеленые глаза казались холодными и безжизненными.

— Он хороший воин, и, если мы догоним этих паломников, нам пригодится такой человек. Снимайте лагерь и приведите сюда его коня.

Разбойники принялись выполнять ее приказ, возбужденно переговариваясь и хохоча. Ордо сверкнул глазом на Конана, затем покачал головой и, тяжело ступая, пошел прочь. В несколько мгновений лагерь

превратился в разворошенный муравейник. Палатку сняли, одеяла скатали и лошадей оседлали. Конан стоял неподвижно и смотрел на Карелу, которая не двигалась с места и не поднимала на него глаз.

— Кто эта женщина? — спросила она внезапно. Ее голос звучал совсем тихо. — Та, о которой ты сказал, что она принадлежит тебе.

— Невольница, — ответил он, — как я и говорил.

Ее лицо осталось неподвижным, но она вложила свою шашку в ножны с таким видом, словно пронзала ею киммерийца.

— Ты сеешь беспокойство, Конан из Киммерии. Смотри, не переусердствуй в этом! — Она резко повернулась и зашагала к лошадям.

Конан вздохнул и посмотрел на восток, где красное солнце поднималось над горизонтом. Утренняя роса прибила пыль к земле, и воздух был прохладным и ясным.

Ему теперь предстояли сущие пустяки: найти паломников, освободить Велиту, забрать себе подвески и, занимаясь всем этим, постоянно следить за тем, чтобы никто из бандитов не всадил ему нож в спину, когда они решат, что он им больше не нужен, — и в первую очередь, не выпускать из виду пылкую Карелу. Ну и еще неплохо было бы позаботиться о том, чтобы не оказаться вынужденным делить эти подвески с бандитами, и потихоньку подыскать нового покупателя. Ибо нападение Крато означало в его глазах разрыв отношений с Анкаром, или Имхеп-Атоном, или как там его настоящее имя. А этот приятель оказался еще и ко всему волшебником, как будто мало неприятностей за последнее время повисло у него на шее! Теперь не хватало только одного: встретить заморанскую армию. Он принялся искать свой плащ и хоть какую-нибудь бутылку с питьевой водой.

Глава десятая

К опыта лошадей нескольких эскадронов заморанской конницы вздымали плотные облака пыли, когда всадники пересекали холмистую равнину, лишь кое-где поросшую кустами. Наконечники копий и доспехи были выкрашены в черный цвет,

чтобы солнце, отразившись в них, не выдало их врагу. Они скакали сдвоенными рядами. Круглые щиты висели на седлах наготове. Гаранидес возглавлял отряд, состоявший из придиричиво отобранных, испытанных в бою солдат.

Капитан постоянно всматривался в равнину, пытаясь увидеть многозначительный блеск солнца, отразившегося от металла. Поскольку он знал только направление, в котором надлежало вести поиски, ему не оставалось ничего иного, как положиться на удачу. Добрая половина его людей была послана на поиски в обе стороны от остальных, и каждый из них имел с собой зеркало, чтобы иметь возможность дать сигнал.

Гаранидес поморщился, когда его адъютант галопом поскакал к нему, покинув свое место непосредственно перед колонной. Ахеранатес был стройным юношей с красивыми точеными чертами лица и большими темными глазами, которые, казалось, больше приучены к пылкам взглядам на дворцовых прислужниках, чем к зрелищу боя и смерти. Молодой человек примкнул к нему в самый последний момент. Несмотря на то, что он был младше Гаранидеса на десять лет, он уже через два года получит ранг более высокий, чем сейчас у капитана. Его отец, который находился в ближайшем окружении короля, решил, что сыну неплохо получить немного боевого опыта, но прежде всего он, конечно, исходил из того, чтобы мальчик откусил от пирога славы, когда Рыжий Ястреб в цепях будет валяться у ног короля.

— Что вам нужно? — проворчал Гаранидес. Если его миссия будет выполнена успешно, он всегда сможет отказаться от расположения папаши своего адъютанта. А если нет, то даже он не сможет защитить его от ярости короля.

— Я думаю о том, почему мы не можем догнать Рыжего Ястреба, — сказал Ахеранатес. Гаранидес бросил на него острый взгляд, и юноша прибавил: — Сэр. Ведь так было нам предписано или нет, сэр?

Гаранидес напряг всю свою силу воли, чтобы сдержаться.

— И где вы ее найдете, чтобы догнать, лейтенант?

В какой стороне? Или вас не удовлетворяет эта скачка — после пышных парадов в столице?

— Просто она немного не такая, как меня учили... как меня учили вести колонну всадников... с э р.

— И где это вас этому обучали, позвольте вас спросить... — Вспышка на востоке прервала его. Один раз. Два раза. Три. — Ответьте на сигнал, лейтенант. Зеркалом, — добавил он поспешно, когда тот повернул свою лошадь. — Не нужно излишним шумом выдавать наше присутствие. И поверните колонну на восток.

— Как прикажете... сэр.

На этот раз капитан не обратил внимания на насмешливую интонацию лейтенантского голоса. Сигнал мог означать только одно, **д о л ж е н** был это означать, во имя Митры! Ему с трудом удалось заставить себя не вырваться вперед и не помчаться галопом. Достаточно и широкой рыси. Лошадей надо поберечь для погони. Он мог только надеяться, что это случится уже скоро. Люди, посланные на разведку в восточном направлении, ждали, получив ответный сигнал, и, поравнявшись с колонной, присоединились к ней. Те, что были дальше, чем тот, кто первым подал сигнал, отразив зеркалом луч солнца, двинулись ближе к колонне, чтобы также примкнуть к ней. Если это ложная тревога, думал Гаранидес...

Они перевалили через вершину холма, где их уже ждали несколько человек из эскадрона. Когда они подъехали ближе, один из них поскакал к ним поближе. Один из солдат приблизился, приветственно приложив ладонь ко лбу.

— Сэр, местность выглядит так, словно здесь был недавно разбит лагерь, однако...

Гаранидес сделал ему знак замолчать. Он сам видел все, что было необычного в этой ложбине между двух холмов. Черные стервятники с голыми, красными черепами расположились для пиршества и, сидя на земле, настороженно смотрели на четырех шакалов, которые также хотели немного полакомиться.

— Подождите здесь, пока я не дам сигнала, — приказал Гаранидес и направил свою лошадь к ложбине. Он сосчитал кучи золы, оставшиеся от десяти прогоревших костров.

Шакалы шарахнулись от всадника, заворчали и быстро поползли прочь, утаскивая в зубах несколько костей с остатками мяса. Недоверчивый взгляд стервятников от шакалов обратился к людям. Полуобъединенный ими череп свидетельствовал о том, что то, что лежало сейчас на земле — жалкие останки — было прежде человеком.

Гаранидес увидел, что Ахеранатес скачет к нему галопом по склону холма.

— Митра! Что это?

— Доказательство того, что здесь стояли лагерем бандиты, лейтенант. Потому что никто иной не оставил бы мертвеца пожирателям падали.

— Я возьму людей и...

— Вы возьмете только десять человек и с ними пойдете сюда. — Теперь он мог найти в себе силы и терпение, потому что он обрел уверенность. — Было бы бессмысленно затоптать копытами все то, что мы здесь обнаружили. И еще, лейтенант. Возьмите двух человек из этих десяти, чтобы похоронить мертвого. Позаботьтесь об этом лично.

Ахеранатес избегал смотреть на окровавленные кости. Его лицо позеленело.

— Я? Но...

— И немедленно, лейтенант! Рыжий Ястреб — а с ней и ваша слава уходят от вас все дальше с каждым мгновением.

Лейтенант застыл с полуоткрытым ртом, потом глотнул и повернул своего коня. Гаранидес не смотрел ему вслед. Он слез с седла и повел свою кобылу медленно через лагерь разбойников. Вокруг кострищ можно было видеть следы, свидетельствующие о том, что здесь спали люди. Пятьдесят, определил он. В некотором отдалении от кострищ он увидел дыры, оставшиеся от кольев и шестов палатки. И еще четыре дырки, которые заинтересовали его не меньше.

Маленький кривоногий кавалерист подбежал к нему и приложил ко лбу ладонь.

— Простите, сэр, но лейтенант велел мне сказать вам, что он нашел место, где были привязаны их лошади. — Его голос прозвучал приглушенно, когда он продолжал: — Лейтенант велел передать вам, что там было около ста лошадей, сэр.

Гаранидес посмотрел на двух солдат, которые копали могилу на склоне холма. Ахеранатес совершенно явно решил удалиться куда-нибудь в сторону, пока они выполняли то, что он приказал.

— Резаро, — произнес капитан. — Ты уже двадцать лет — или даже больше — служишь в кавалерии. Сколько лошадей там было, как бы ты сам решил? Если бы лейтенант не велел передать, что их было сто, разумеется, — добавил он, когда кавалерист заколебался.

— Я не смею возражать лейтенанту, сэр, но я бы сказал, что их было пятьдесят три. Они оставили помет, а лошади стояли не слишком близко одна к другой. Некоторые из них были вьючные, сэр.

— Очень хорошо, Резаро. Иди назад к лейтенанту и скажи ему, что я... — Он замолчал, потому что увидел на лице кавалериста напряженное выражение. — Еще что-то, что ты хочешь мне сказать?

Маленький человек нерешительно переступил с ноги на ногу.

— Ну... сэр, лейтенант говорит, что мы ошибаемся, но Карезус и я — мы нашли дорогу, которую они выбрали, когда уходили отсюда. Они, правда, пытались немного запутать следы, но недостаточно. Они поскакали в направлении ост-норд-ост.

— Вы уверены? — быстро спросил Гаранидес.

— Абсолютно, сэр.

Капитан кивнул. Это был путь в сторону гор Кецанкиана, но почему-то в стороне от караванной тропы, проложенной через горы и ведущей на Султанапур.

— Скажи лейтенанту, что я хотел бы его видеть, Резаро.

Кавалерист приложил руку ко лбу и отправился выполнять приказ. Гаранидес взобрался на холм, расположенный к востоку от лагеря и внимательно вгляделся в равнину, уходившую к горам Кецанкиана, которые лежали за горизонтом.

Когда Ахеранатес предстал перед ним, он держал в руке каменный флакончик.

— Вот что я нашел на том месте, где была палатка, — сказал он. — Кто-то из них таскает за собой свою возлюбленную.

Гаранидес взял в руки крошечную безделушку. Хотя флакончик был пуст, он все еще сохранял запах

офирских благовоний. Он бросил флакончик Ахеранатесу назад.

— Я думаю, это ваш первый сувенир от Рыжего Ястреба.

Лейтенант раскрыл рот. Наконец он спросил:

— Почему вы так уверены, что мы нашли лагерь этой потаскухи? С тем же успехом это мог быть караван, который сбился с дороги. А тот человек вернулся назад, чтобы еще что-то доделать из своих дел, и здесь его убили дикие звери. А может быть, он вообще не имеет никакого отношения к тем, кто здесь ночевал. Он же мог прийти сюда потом и...

— Здесь был привязан пленник к четырем колышкам, вбитым в землю, — холодно прервал его Гаранидес. — И я думаю, это тот, кого они бросили здесь мертвым. А второе — здесь не было верблюдов. Вы когда-нибудь слышали о караване без верблюдов — если не считать караваны охотников за рабами? А здесь не было следов загона для рабов. И кроме того, здесь была только одна палатка. Караван таких размеров — это по меньшей мере десять палаток или еще больше. И потом, меня очень интересует, почему это вы внезапно потеряли всякую охоту гнаться за Рыжим Ястребом? Потому что у нее, как вы полагаете, сто человек? Не бойтесь, их меньше пятидесяти. Однако я могу допустить, что когда дойдет до драки, то легко может показаться, что их больше сотни.

— Вы не имеете никакого права так со мной разговаривать! Манерксес, мой отец...

— Сэр лейтенант! Прикажите людям идти по следу, который вы не сочли достаточно интересным для того, чтобы доложить о нем!

Какое-то время они стояли, глядя друг другу в глаза: Гаранидес — полный ледяного презрения, Ахеранатес — кипя от злости. Наконец лейтенант швырнул флакончик на землю.

— Слушаюсь, сэр! — прошипел он, повернулся всем корпусом и пошел вниз с холма.

Гаранидес нагнулся и поднял изящную вещицу. Нежный аромат цветов нарисовал ему чарующий образ женщины, который никак не вязался с его привычным представлением о ней как об увешанной оружием потаскухе. Но почему она скачет в сторону гор?

Ответ на этот вопрос может означать его дальнейшее восхождение по служебной лестнице. Успех и Агарес расчистят ему широкую дорогу к вершине. Но если он их обманет, то советник короля не вспомнит о нем ни единого мгновения, потому что Тиридат велит выставить его голову над западными воротами. Он засунул флакончик в свой кошелек у пояса и присоединился к своим людям.

Глава одиннадцатая

Когда разбойники все ближе подбирались к горам Кецанкиана, Конан вглядывался в гребень каждого холма и часто оборачивался и смотрел назад. В холмистой долине, которую они покинули днем раньше, что-то двигалось. Конан оценивал, насколько разбойники сумели вырваться вперед и спрашивал себя, достаточно ли велико это преимущество.

— Куда ты все время смотришь? — спросил Ордо и поравнял своего коня с серым Конана.

Разбойники взбирались все выше и выше по поросшему редким лесом склону на перевал, возвышавшийся перед ними — крутые склоны темного гранита. Карела, как всегда, скакала впереди. Ее изумрудно-зеленый плащ с золотой подкладкой развевался на ветру.

— Солдаты, — кратко ответил Конан.

— Солдаты? Где?

Конан показал направление. Черная лента — всадники, которые приближались к предгорьям. Казалось, что они двигались по мерцающему воздуху, а не по твердой земле. Только солдаты сохраняют ровный строй, передвигаясь по безводной пустыне. Они находились еще довольно далеко, но пока оба — Ордо и Конан — смотрели на них, черная змея, растянувшись по долине, росла. Конечно, по долине солдаты двигаются гораздо быстрее, чем разбойники по горам. Расстояние между ними скоро сократится.

— Ерунда, — пробормотал одноглазый. — Здесь наверху они нас не догонят.

— А, вы уже делите между собой добычу! — Абериус направил свою лошадь в сторону, чтобы присоединиться к этим двоим. — Но вам придется подождать, пока она попадет к вам в руки. И может быть, вы не попадете в число тех, кто останется после этого жить... Эге! Что это? Всадники!

Другие услышали его и повернулись в седлах, чтобы посмотреть.

— Горцы? — спросил остроносый иранистанец по имени Реза.

— Маловероятно, — ответил бородатый кофитянин, которого звали Талбор и у которого был отрублен кончик носа. — Горные войны не удаляются обычно от своих укрытий такой большой толпой.

— Правильно, — буркнул Абериус. Он посмотрел на Конана, на Ордо. — Ведь это солдаты, не так ли? Вы посадили нам на хвост солдат?

Люди вокруг заговорили возбужденно.

— Солдаты! — Позади нас целая армия! — Они насадят наши головы на копыта! — Целый полк! — Королевская лейб-гвардия!

— Заткнитесь! — взревел Ордо. — Их в самом худшем случае около двухсот, и они самое малое на расстоянии дня пути.

— Это все-таки пять против одного, — проворчал Абериус.

— Эти горы не для нас, — мрачно сказал Реза. — Мы здесь как крысы в ловушке.

— Если мы здесь не дома, — сказал Ордо, — то они тем более.

Другие его не слушали.

— Мы гонимся за тенью! — брюзжал Талбор. Он поднялся на каменное возвышение и обратил свою речь ко всем, кто был вокруг. — Мы едем в эти проклятые горы, гоняясь за призраками. Это кончится тем, что заморанские пики приколуют нас к этим скалам.

Абериус рванул поводья, так что его лошадь затанцевала на отвесном склоне.

— Ты хочешь этим сказать, что я не умею читать следы, Талбор? След, по которому мы идем, — это именно тот, который я видел.

Он положил руку на рукоять сабли.

— Ты мне угрожаешь, Абериус? — крикнул кофитянин. Его пальцы скользнули по луке седла к шашке.

Внезапно Карела с обнаженным клинком в руке растолкала их.

— Я убью первого из вас, кто потянет саблю из ножен! — Ее кошачьи глаза переходили с одного лица на другое, и оба мужчины поспешно сняли пальцы с оружия. — А теперь я хочу знать, почему вы так возбуждены, что затеяли свару, словно две наложницы в гареме?

— Солдаты, — промямлил Абериус.

— Эти проклятые подвески, — одновременно с ним брякнул Талбор.

— Солдаты? — Карела вскинула голову и, казалось, легко вздохнула, увидев вдаль на равнине черную змею. — Ты что, Абериус, боишься солдат, которые так далеко от тебя? — издевательски спросила она. — Тогда ты, наверно, боишься и старую бабу с палкой в руке, если она подошла к тебе близко?

— Я вообще не люблю, когда меня преследует кто бы то ни было, — ответил Абериус ворчливо. — Или ты думаешь, что они ищут не нас?

— Мне безразлично, преследуют они нас или нет, — бросила она. — Вы — люди Рыжего Ястреба. Вы идете за мной! Вы должны бояться того, чего я прикажу вам бояться — и ничего иного. Так, теперь вперед, все наверх! Там есть равнина, где мы сегодня заночуем.

— Мы можем еще полдня ехать вперед, — возразил Ордо.

Она окинула его взглядом сверкающих зеленых глаз.

— Ты что, не слышал мой приказ? Я сказала, что мы заночуем там, наверху! Киммериец, ты остаешься здесь!

Ее одноглазый капитан поворчал, но направил свою лошадь вперед, вверх по склону, и остальные поехали за ним. Угрюмое молчание нарушал только скрип седел и стук лошадиных копыт по камню.

Конан настороженно следил за рыжеволосой. Она подняла саблю, словно ей очень хотелось воткнуть клинок ему в грудь, однако потом она засунула клинок обратно в ножны.

— Так кто эта девушка, Конан? Как ее зовут?

— Ее зовут Велита, — ответил он. Он уже несколько раз говорил ей это и был уверен, что она не забыла имени. Со временем она скажет то, что хочет сказать. Он снова обернулся, чтобы еще раз посмотреть на солдат. — Они подходят ближе, Карела. Нам надо ехать дальше.

— Мы отправимся дальше, если я скажу! И останемся, если я скажу. А ты не хочешь развлечься, Конан?

Он снова повернулся к ней. Ее зеленые глаза были полны желания, но какого рода было это чувство, он не мог разгадать.

— Не больше, чем ты, Карела.

То, что она фыркнула, сказало ему больше, чем ее слова.

— Сокровища из королевского дворца, говоришь ты, и молчишь, как убитый об этой бабенке, которой ты обещал свободу — как ты утверждаешь. Почему тогда похитители уходят в эти горы, где никто не живет, кроме коз и дикарей, которые немногим лучше, чем козы?

— Не знаю, — ответил он. — Но я все больше убеждаюсь в том, что это именно те, кого мы ищем. Честные пилигримы не поехали бы через горы Кецанкиана, если они хотят попасть в Вендию.

— Да уж наверно, — пробормотала она и снова поглядела на солдат, которые были так далеко внизу. Улыбаясь, она гарцевала на своем вороном жеребце. — Вот кретины! Они никогда не сломают крыльев Рыжему Ястребу!

— Я думаю, у них, скорее, приказ найти подвески Тиридата, а вовсе не поймать тебя.

Рыжая сверкнула на него глазами.

— Заморанская армия постоянно охотится за мной, киммериец. Конечно, им меня не заполучить. Если эта бесконечная охота становится нам в тягость, мои люди делятся на группы и нанимаются проводниками и охранниками караванов, и как раз на той тропе, где мы забираем нашу лучшую добычу. Из страха перед Рыжим Ястребом там охотно берут дополнительных охранников, а оплата недурна. — Она весело расхохоталась.

А его втайне развеселило совсем другое. Он понял, что она восприняла его слова о том, что солдаты, быть может, ищут вовсе не ее, как личное оскорбление.

— Извини, Карела, просто я подумал о том, что вы за шесть месяцев ограбили семь караванов. Эта добыча без сомнения соизмерима с кражей из дворца Тиридата.

— Я не имею к этому никакого отношения, — презрительно заявила она. — От этих караванов ничего не осталось — ни людей, ни лошадей, ни верблюдов. Когда я нападаю на караван, я отпускаю тех, кто стар, болен или истощен, на свободу и даю им с собой продукты и воду, чтобы они могли добраться до ближайшего города. А остальных мы продаем на невольничьем рынке.

— Но если это были не вы — тогда кто же?

— Почему я должна это знать? Последний караван мы обобрали восемь месяцев назад. Мы забрали тогда хорошую добычу, что нас, конечно, очень порадовало. Когда мы после этого покинули Арэнджун, мы узнали, что нас повсюду ищут как раз из-за этих исчезнувших караванов. Поэтому я приказала моим людям превратиться в охранников на караванной тропе, а я сама последние четыре месяца раскладывала гадальные карты в Шадизаре под самым носом у королевских гвардейцев. — Она поджала губы. — Я все еще здесь, потому что риск, на который я иду, снова созвав моих людей, кажется мне куда меньшим злом, чем позор постоянно быть раздеваемой мужскими глазами, которые все до одного в открытую только об одном и думают — как бы со мной переспать.

Ее мрачный взгляд, казалось, был направлен на мужчин всего мира.

— Станные вещи происходят в горах Кецанкиана, — сказал Конан задумчиво. — Может быть, те, за кем мы гонимся, как-то связаны с этими пропавшими караванами.

— У тебя слишком живое воображение, — пробормотала она, и он заметил странное выражение на ее лице. — Пойдем в мою палатку, киммериец. Я хочу с тобой поговорить.

Она направила вороного в гору, прежде чем он успел ответить.

Конан хотел следовать за ней, когда он вдруг понял, что со стороны крутых гор на юге за ним следят. Он сразу же подумал о кепанкианских воинах, но когда волосы встали у него дыбом, ему стало ясно, что это были снова те невидимые глаза, которые он почувствовал на себе еще той первой ночью с Карелой и потом снова, незадолго до поединка с Крато. Имхеп-Атон, стало быть, преследует его.

Он расправил широкие плечи, вскинул голову и крикнул:

— Я тебя не боюсь, колдун!

Гремящее эхо разнеслось вокруг. «Боюсь... колдун...» Со свирепым видом он начал подниматься вверх.

Красная полосатая палатка Карелы была разбита на маленькой равнине среди скал, на каменистой почве. Разбойники уже разложили костры, и их каменные чаши с килом переходили из рук в руки.

— Что ты там орал? — спросил Абериус, когда Конан слез с коня.

— Ничего, — ответил тот.

Хорек подошел к нему, ведя за собой небольшую компанию разбойников и настороженно остановился напротив. Конан равнодушно положил ладонь на обмотанную ремнями рукоять своего широкого меча, и совершенно в открытую напомнил этим бородатым, исполосованным шрамами людям, как он использовал его в сражении против Крато.

— Кое-кто из нас думал тут об этих солдатах, — сказал Абериус.

— Это ты о них думал, — пробормотал один, однако Абериус не обратил на него ни малейшего внимания.

— И что вы там думали? — поинтересовался Конан.

Абериус помедлил и в поисках поддержки оглянулся на своих товарищей, однако никто из них его не поддержал. Тогда он продолжил:

— Мы еще никогда прежде не забирались в эти горы — разве что на один день, чтобы скрыться. Нам негде здесь разместиться. Нам приходится идти туда, куда допускают нас эти скалы, а не туда, куда нам надо идти. И еще это пятикратное преимущество врагов, которые ждут нас среди этих скал.

— Если вы растеряли ваш боевой дух, вам лучше скрыться, — предложил им Конан. — Я бы с удовольствием пошел дальше один.

— Да, чтобы одному заполучить все сокровища, — брюзгливо сказал Абериус. — И подвески, и все остальное. Я уже думал о том, что при дележке ты не хотел бы оказаться в одной компании с нами.

Ярко-синие глаза Конана, полные презрения, переходили с одного лица на другое. Даже Абериус сжался под этим взглядом.

— Решайтесь. Если вы боитесь солдат — тогда бегите и прячьтесь в безопасном месте. А если нет — идемте вместе по следу подвесок. Или — или. Сочетать одно с другим невозможно.

— Ты приведешь нас туда, где солдаты смогут нас разбить, — сказал Абериус. — Но и ты не выживешь тогда...

Конан прервал его.

— Делайте, что хотите. Ранним утром я выезжаю дальше за своими подвесками. — Он равнодушно прошел между ними. Они недовольно ворчали.

Он спросил себя, что лучше — остаться или одному ехать дальше. В его глазах у них не было никаких прав на подвески. Однако то, что они теперь в горах, — это заслуга Абериуса, который так хорошо читает следы. Парень с первого взгляда видит, что оставило на камне царапину — копыто лошади или просто упавший сверху камень. И кроме всего, ему приходится постоянно считаться с тем, что Хорек в любую минуту может воткнуть ему нож в спину. Киммериец глубоко вздохнул. То, что поначалу представлялось ему только дерзкой кражей, обычной, но очень богатой, запуталось в сложный клубок, как змеи в норе, и притом его не оставляло чувство, что он не познал еще все сложности дела в их полном объеме.

Он приблизился к полосатой палатке Карелы, которая стояла на скалистом уступе, привязанная к камням, потому что земля была слишком жесткой для того, чтобы вбивать в нее колышки, когда неожиданно перед ним вырос Ордо.

— Чего тебе здесь нужно? — сурово спросил его одноглазый.

Настроение Конана было не лучшее из возможных с тех пор, как он понял, что Имхеп-Атон преследует его по пятам, и к тому же он был обозлен стычкой с Абериусом.

— Иду туда, куда хочу, — проворчал он и столкнул разбойника со шрамом на лице плечом со своей дороги.

Бандит качнулся и пропустил Конана, но затем резко повернулся и выхватил свой палаш. Когда Конан услышал визг стали по коже, он мгновенно обнажил меч, и когда кривой клинок обрушился на него, парировал его быстрым движением. Бородатый сделал выпад с удивительной для его возраста легкостью. Шрам, протянувшийся от пустой глазницы до бороды налился кровью.

— У тебя достаточно мускулов, киммериец, — прорычал он, — но маловато мозгов.

Конан рассмеялся — коротко и безрадостно.

— Ты думаешь, я хочу занять твое место и стать капитаном? Я вор, а не налетчик и не грабитель караванов.

Его широкий меч был тяжелым оружием, однако он легко держал его над головой из предосторожности.

— Немедленно спрячьте мечи! — раздался голос Карелы у него за спиной.

Не отводя взгляда от Ордо, Конан сделал два быстрых шага влево и повернулся так, чтобы видеть и бородатого разбойника, и рыжеволосую женщину одновременно. Карела стояла у входа в палатку. На ней был изумрудно-зеленый плащ, который скрывал ее от шеи до пят. Ее зеленые глаза рассматривали обоих повелительно.

— Он хотел войти в твою палатку, — проворчал Ордо.

— Как я ему велела, — ответила она холодно. — По меньшей мере ты должен был бы знать, Ордо, что я не терплю, когда мои люди поднимают оружие друг на друга. За это я велела бы убить и Абериуса, и Талбора. Вы оба виновны в том же. И мне надо подумать о том, не стоит ли на эту ночь связать вам руки и ноги, прикрутив их вам за спину.

Ордо был потрясен ее гневом. Он спрятал палаш в ножны.

— Но я всего лишь хотел защитить тебя! — сказал он.

Ее скулы напряглись.

— Ты что, воображил, что мне нужна защита? Иди, Ордо, иди, пока я не забыла те годы, что ты верно служил мне.

Одноглазый колебался какое-то время, потом бросил острый взгляд на Конана и заковылял к кострам.

— Ты разговариваешь как королева, а не как разбойница. — Конан вложил меч в ножны. Она неподвижно смотрела на него, но он не отвечал на ее взгляд.

— Другие заканчивают свою жизнь на плахе или на невольничьем рынке, Конан, но ни один из моих людей никогда еще не попадал в плен. За это я требую повиновения. О, не слепого повиновения солдат, однако если я приказываю, это должно быть немедленно выполнено — каждый мой приказ! Здесь слова Рыжего Ястреба — закон. Кто не следует ему, тот должен нас или покинуть — или умереть.

— Я плоховат, когда речь заходит о повиновении, — спокойно возразил он.

— Входи. — Она исчезла в палатке, и Конан последовал за ней.

Палатка была выстелена мягкими туранскими коврами, покрытыми узором, а у одной стены была кровать из блестящих черных шкур, выложенная шелковыми подушками и мягким стеганым пуховым одеялом. Большие толстые подушки лежали возле стола из полированного дерева. Позолоченные масляные светильники освещали всю палатку.

— Закрой входной клапан, — сказала она. И, явно преодолевая себя, добавила: — Пожалуйста.

Конан застегнул застегжку. Он держался настороже, потому что не мог понять странное настроение Карелы.

— Ты должна лучше относиться к Ордо. Он кажется мне единственным из всех, кто предан тебе из-за тебя самой, а не из-за твоей удачливости.

— Ордо, скорее, верный пес, чем мужчина.

— Ты не знаешь ему цены. Он лучший из всех.

— Он совсем не то, что я понимаю под словом «мужчина».

Внезапно она сбросила плащ на ковры. Конан не смог удержаться от изумленного возгласа.

Карела стояла перед ним, ее наготу слегка прикрывали лишь ее растрепанные рыжие волосы. Нитка дорогих, подобранных по величине жемчужин обвивала ее нежные округлые бедра и поблескивала на коже цвета слоновой кости, на красиво очерченном животе. На упругую грудь она нанесла румяна, и от нее исходил волнующий аромат, когда она стояла вот так, слегка согнув одно колено, расправив плечи и отведя назад руки — в позе, которая казалась одновременно призывной и отталкивающей.

Конан сделал шаг к ней. Внезапно она подняла руку с кинжалом. Его острый клинок был не толще, чем ее палец, но достаточно длинный для того, чтобы достать его сердце. Ее косящие глаза не отрывались от его лица.

— Ты среди моих людей, как волк в своре собак, киммериец. Даже Ордо перед тобой — половинка волка, но не волк. Еще ни один мужчина не называл меня своей, потому что когда женщина отдается мужчине, тот начинает воображать, будто она ему принадлежит. Если женщина должна быть рабыней мужчины, я лучше не буду женщиной. Я не стану покорно бегать за мужчиной, распутничая ради его удовольствия и танцуя по его свистку. Я — Рыжий Ястреб. Я приказываю. Я!

Он осторожно вынул кинжал из ее руки и отбросил его в сторону.

— Ты женщина, Карела, хочешь ты этого или нет. Может ли так быть, чтобы один из нас приказывал другому? Когда мне было едва шестнадцать лет, я носил цепи раба, и не пожелаю их никому.

Он ласково уложил ее на шкуры.

— Если ты меня обманываешь, — прошептала она, — я насажу твою голову на копье прямо у входа в мою палатку. Я... А, Деркэто.

С ее губ сорвался возглас, подавить который она была уже не в силах.

П окои, где Аманар занимался чародейством, находились на самом верху самой высокой башни его цитадели, удаленные от жертвенного зала на самое большое расстояние, насколько это было возможно в этой мрачной крепости. Аманар, конечно, знал, что Морат-Аминэ ни в коем случае не может быть ограничен отведенными ему покоями в самом сердце горы, но это расстояние придавало ему все же немного уверенности.

По стенам круглого каменного помещения рядами стояли книги, переплетенные в кожу юных девушек, и светильники в стеклянных шарах канделябров горели, зажженные силой чародейства. Окон здесь не было, а дверь была только одна, тяжелая, обитая железом. Дым зажженных, еле слышно шипящих курильниц, которые окутывали цветным пламенем бронзовые жаровенки, смешивался с запахом кипящего варева, бурлящего в каменном сосуде над огнем, разложенном не дровами, а человеческими костями. На столах лежали рассыпавшиеся в пыль мумии — они ждали часа, когда будут использованы для приготовления волшебных отваров — бесечно оставленные среди сосудов со смертельным ядом и связками редкостных растений и корней.

Чародей стоял, восторженно глядя на бурлящую жидкость, которая начинала пениться. Едва заметно поколебавшись, он снял с шеи свой амулет. Несмотря на то, что он продолжал держать талисман в руке, во время этой короткой разлуки с ним по его спине пробежал холодный пот. Но снять амулет было необходимо. Прежде чем черная пена поднялась до края сосуда, он опустил амулет в жидкость, держа его за цепочку, пока змея и орел не скрылись полностью. Серебряная цепь стала холодной, и ледяной металл обжигал его неправдоподобно длинные пальцы. Пена опустилась, несмотря на то, что черная жидкость кипела теперь еще сильнее. Камень, из которого был вырезан сосуд, начал светиться красным огнем. Аманар нараспев произнес заклинание.

Глаз мангусты, вепря зуб,
В порошок истертый труп,
Сердце девы, шлюхи тело,
Кровь орла, — во имя чар,
Вы смешайтесь, чтоб кипело,
Чтобы в огненной купели
Амулет крестил отвар.

Дрожащими пальцами Аманар вынул амулет из сосуда. Он хотел как можно скорее вытереть его насухо и снова повесить себе на шею, но именно в этой части его колдовства он должен быть особенно осторожным. Длинными бронзовыми щипцами он снял каменный сосуд с огня. Поблизости на белой мраморной подставке стоял маленький, прозрачный, как стекло, сосуд, вырезанный из цельного кристалла, который, отражаясь в этом гладком нежном камне, казался бесконечным. Чародей осторожно наклонил чашу и вылил кипящую жидкость в хрустальную шкатулку.

Слова, которые он при этом бормотал, были известны лишь немногим из живущих на земле. Все еще бурлящая жидкость заполнила маленький прозрачный сосудик. Кристалл пронзительно запел, словно раскалывался на тысячи осколков. Жидкость словно сгустилась и поднялась вверх, испаряясь. Слово из дальней дали раздалось крики, звон. Мангуста и вепрь. Девственница и блудница. Внезапно воцарилась тишина. Варевое иссякло, не осталось больше ни капли. Хрустальные стенки шкатулки сохраняли лишь сероватое облачко, которое вращалось, и, словно разметанное ветром, испарялось.

Тяжело дыша, Аманар поставил сосуд и положил рядом щипцы. Уверенный в своих силах, повернулся назад. Убежище — даже если оно послужит недолго — было подготовлено. Он очистил амулет и внимательно осмотрел его, прежде чем снова повесить себе на шею.

Внизу по цитадели разнесся низкий звучный удар большого бронзового гонга. Улыбаясь, волшебник раскрыл створки и с хрустальной шкатулкой под мышкой вышел. Снова прозвучал гонг.

Аманар прямоком направился в приемную с алебастровыми стенами, высокий купол которой поддерживали покрытые искусной резьбой колонны из слоновой

кости, обхватом равные корпусу человека. Позади трона возвышалась огромная золотая змея. Подлокотники изображали кофианских гадюк, ножки — вендийских полозов, все это было сделано из золота. Разглядывая собравшихся перед ним, чародей ничем не выдал своего удивления. С'тарра, которые ждали его, преклонили перед ним колени и опустили головы. Однако увидеть пять юных женщин в прозрачных шелковых покрывалах он никак не ожидал. Их руки были связаны за спиной, и они лежали перед троном, словно тоже преклоняя колени.

Аманар уселся на трон и осторожно поставил хрустальную шкатулку себе на колени.

— Вы принесли то, за чем я вас посылал? — спросил он.

Сита вышел вперед.

— Мы принесли это, магистр.

Правитель с'тарра поставил перед ним изящный богато украшенный ларец, крышка которого была выложена драгоценными камнями.

Чародей вынужден был заставить себя держаться сдержанно, но пальцы его дрожали, когда он открывал крышку. Один за другим вынимал он четыре драгоценных камня, подобных которым лишь немногие из живущих видели в своей жизни и которые были оправлены в серебро в виде подвесок — и бросал их на мозаичный пол: кроваво-красный жемчуг, размером с два больших пальца мужской руки; бриллиант, черный, как вороново крыло и большой, как куриное яйцо; самородное золото, по форме напоминающее сердце — таким оно было найдено в земле; нежную филигрань с бледным лазуритом. Все они не интересовали его. Когда он вынул последнюю подвеску, вся рука его дрожала. Камень был размером с сустав указательного пальца, черный, как полночь, в которой вспыхивали красноватые искры. Они словно танцевали в глубине камня, когда он взял камень в руки. Это и была та подвеска, которую он должен был беречь от Мората-Аминэ.

— Все остальное убрать, Сита, — приказал он. Его слуга-с'тарра поклонился и нагнулся, чтобы поднять брошенные подвески.

Почти нежно Аманар завернул темный камень в тончайший шелк, прежде чем убрать его в хрустальную шкатулку. Когда он закрыл крышку, он вздохнул с облегчением. Наконец-то спокоен! Никогда теперь Морат-Аминэ не сможет узнать, что здесь находится, по крайней мере, длительное время. И прежде чем это произойдет, он отыщет новое укрытие камню, так что демон не сможет найти его так легко.

Он крепко прижал шкатулку к себе и теперь обратил свое внимание на женщин, которые лежали лицом вниз на пестрых каменных плитах пола. Он с удовольствием отметил, что они дрожат.

— Откуда вы взяли этих женщин? — спросил он.

Суракса, который возглавлял отряд, поднял голову, покрытую чешуйчатыми пластинами. Его темное лицо было неподвижно, когда он заговорил свистящим голосом:

— На подходе к городу Шадизару, магистр, мы произнесли слова, которым ты нас научил, и проглотили порошок, чтобы обрести силу и чтобы никто не мог нас увидеть.

— Женщины, — нетерпеливо прервал Аманар поток его речи. — Не все, что вы там пережили, а только женщины.

Он вздохнул, когда увидел напряженное выражение красных глаз с'тарра. Для людей-ящеров было очень трудно пропустить часть того, что они вытвердили.

— Дворец, магистр, — прошелестел Суракса наконец. — Невидимые, мы проникли во дворец Тиридата, но когда мы прибыли на то место, где находилось то, за чем мы были посланы, мы нашли только ларец. Мы взяли его с собой и обыскали весь дворец. Мы спрашивали некоторых людей и затем убивали их, чтобы они не могли о нас кому-нибудь потом рассказать. Так мы нашли этих женщин, которые носили подвески на шее. Мы убили также мужчин, которые находились при них. Затем мы покинули дворец, и, как вы нас предостерегали, некий волшебник начал нас преследовать. Затем мы закутались в одеяния...

— Хватит! — приказал Аманар, и человек-ящерца тут же замолчал. Из-за ограниченности их сознания, Аманар велел с'тарра принести все пять подвесок, потому что он боялся, что они перепутают черный бриллиант с тем темным камнем, который был ему

нужен. Несмотря на его подробные указания, они несколько преувеличили опасность не распознать требуемое и захватили с собой заодно и женщин. В нем кипела ярость и тем большая, что он знал, что их провинность была провинностью преданных псов. Они будут терпеливо сносить все, что он с ними сделает, не понимая, почему и за что он делает это с ними. С'тарра, казалось, понял, что с ним происходит. Он испроизвольно отодвинулся назад.

— Доставьте женщин ко мне, — приказал волшебник.

Женщин поспешно поставили на колени и сорвали с их тел прозрачные покрывала. На Аманара уставились испуганные глаза пяти обнаженных девушек. Волшебник поднялся и задумчиво прошелся вдоль ряда пленниц. Они смотрелись превосходно — каждая по отдельности и все вместе, но еще дорожке для него был их, столь заметный, страх перед ним.

Он остановился возле бледной белокурой девушки с нежной кожей цвета слоновой кости.

— Твое имя, девушка?

— Суза. — Он поднял одну бровь. Тут же она поспешно прибавила: — Магистр. Меня называют Суза, если вам это нравится, магистр.

— Вы пять — танцовщицы, которых Илдиэ прислал Тиридату?

Его темные глаза сверлили ее голубенькие глазки. Он заметил, что она все больше дрожит.

— Да, ма... магистр, — пролепетала она.

Он погладил подбородок и кивнул. Королевские танцовщицы. Вполне подходят для того, кто будет властвовать над миром. А когда они выполняют свое предназначение, он сможет скормить их пустые души Морату-Аминэ.

— Конан освободит нас! — внезапно крикнула одна из девушек. — Он вас убьет!

Аманар медленно прошелся в самый конец их ряда и остановился перед девушкой. Она была стройна, с длинными ногами, и ее большие темные глаза смотрели на него строптиво, несмотря на то, что она дрожала всем телом.

— А как зовут тебя? — Его слова были ласковы, но тон его голоса вызвал у нее невольный стон.

— Велита, — сказала она наконец.

Он заметил, что она поспешно сцепила зубы, чтоб не произнести «магистр». От этой девчонки он получает большое удовольствие.

— А кто этот Конан, который вас освободит?

Велита молчала, но Сурасса произнес:

— Простите, магистр. В Шадизаре произносилось это имя. Это один вор, довольно надоедливый.

— Ах, вор! — Аманар рассмеялся. — Ну, малышка Велита, что же мне предпринять против твоего освободителя? Сита, передай твоим людям одно распоряжение. Когда вы поймаете этого человека, Конана, вы принесете мне его кожу. Не человека, ты слышишь? Только его кожу.

Велита зарыдала. Она сжалась и прижала свое залитое слезами лицо к коленям. Остальные женщины смотрели на нее, исполненные ужаса. Но их страху предстояло еще вырасти до невероятных размеров.

— Каждый вечер вы будете танцевать для меня — все пять. Та, что порадует меня больше всех, получит право делить со мной постель в эту ночь. Три из вас, которых я признаю посредственными, будут высечены кнутом, а та, которая доставит мне самое меньшее удовольствие... — Он помолчал, чтобы нагнать на них побольше страха. — Та отправится на эту ночь к Сите. Он грубоват, но тем не менее знает, что нужно делать с женщиной.

Женщины, стоящие на коленях, бросали испуганные взгляды на человека-ящерицу, который теперь глазел на них весело. Они начали плакать, смиренно склоняясь лбами к полу и умоляя о пощаде. Аманар наслаждался их страхом. Вероятно, это было то же самое чувство, которое испытывал демон, когда пожирал души. Он нежно погладил свою хрустальную шкатулку и, сопровождаяемый криками ужаса, покинул аудиенц-зал.

Глава тринадцатая

Конан бросил взгляд на левый гребень узкой долины, по которой сейчас ехали разбойники. Что-то двигалось там, наверху, оно мелькнуло всего на одно мгновение, но его острые глаза успели это заметить. И это было уже не в первый раз.

Он направил своего коня вперед, к Ордо. Карела скакала во главе отряда, уперев кулак в бедро, и озиралась окрестности с таким видом, словно она вела армию, а не пеструю толпу, состоявшую из трех дюжин разбойников, которые следовали за ней, вытянувшись в длинный хвост, один за другим.

— За нами наблюдают, — сказал Конан, поравнявшись с одноглазым.

Ордо сплюнул.

— Ты думаешь, я не знаю этого уже давно?

— Кецанкианцы?

— Конечно. — Разбойник со шрамом на лице нахмурился. — А ты что думаешь?

— Я не знаю, — ответил Конан. — Но беглый взгляд уловил не тюрбан, а шлем.

— Солдаты позади нас, — задумчиво сказал Ордо. — Талбор и Танадес дадут нам знать, когда они подойдут ближе.

Оба разбойника получили задание следовать в арьергарде и не выпускать из виду заморанскую армию. Конан подавил желание высказать предположение, что они оба, вероятно, в своем страхе отбились от отряда или что Карела в своем презрении к солдатам несколько недооценивает их.

— Где бы они ни были, — сказал он, — мы только можем надеяться, что они нападут на нас не здесь.

Ордо осматривал крутые, поросшие тощим кустарником склоны по обе стороны от долины и скривился.

— Митра! Будем надеяться, что их не так много, несмотря на то, что дюжина славных бойцов... — Он прервал себя, когда Абериус, хлеща свою лошадь, подскочил к ним, выйдя из общего ряда.

— Мне это не нравится, — пробормотал Конан.

Ордо заворчал что-то неудобопонятное. Оба дали шпоры лошадям и оказались возле Карелы, когда к ним подъехал Хсрек.

— Кецанкианцы! — хрипло сказал Абериус. Маслянистый пот струился по его лицу. — Самое малое семь или восемь дюжин. Они стоят лагерем поперек нашей дороги и уже приготовились напасть на нас.

Не имело смысла говорить лишние слова об опасности, грозившей им со стороны кецанкианцев. Они никому не подчинялись, кроме самих себя, несмотря

на то, что как Туран, так и Замора прилагали все усилия к тому, чтобы подчинить их. Они обращались с чужими на свой собственный лад, который был быстрым и смертоносным. Каждый, даже если это был кецанкианец, но другого рода, рассматривался здесь как враг. А врагов надо убивать.

— Они идут в этом направлении? — спокойно спросила Карела. Когда Абериус озабоченно кивнул, она тихонько выругалась.

— А солдаты сзади, — буркнул Ордо.

Зеленые глаза Карелы сверкнули.

— Возраст сделал тебя трусливым, Ордо?

— Я не вижу никакой радости в том, чтобы очутиться между молотом и наковальней, — возразил Ордо. — Мой возраст тут ни при чем.

— Позаботься о том, чтоб тебе не оказаться старой бабой, — издевательски сказала она. — Мы свернем с дороги, тогда кецанкианцы и солдаты смогут вцепиться друг другу в горло. Пусть дерут друг на друге волосы. Может быть, нам откроется с гребня холма очаровательный вид...

Конан расхохотался и расправил плечи, когда рыжая повернулась к нему, держа ладонь на рукоятке сабли. Если ему придется ее разоружить — он не думал, что он сможет ее убить, даже в том случае, если речь пойдет о его жизни — ему без сомнения придется обороняться еще и от Ордо, а может быть и от бандитов, которые следовали за ними по скалистой тропе.

— Твое предложение бросить их в объятия друг другу вполне приемлемо, — сказал он. — Но если мы попытаемся заставить лошадей карабкаться по этим отвесам, боюсь, на это нам потребуется целая неделя.

— У тебя есть план получше, киммериец? — Ее голос был острым, как бритва, но она сняла ладонь с эфеса.

— Да. Основная часть нашего отряда отправится по дороге назад и в сторону, к ущелью, через которое мы пробирались.

— Назад, в сторону солдат! — возмущенно вскричал Ордо.

— Кецанкианцы хорошо умеют читать следы, — звенящим голосом вставил Абериус. — Если они на-

пали на наш след — а они это сделали! — то именно мы будем теми, на кого они нападут, мы, а не проклятые заморанцы!

— Я хочу напомнить, что это еще не весь твой план, — мягко сказала Карела. — Неужели выяснится, что ты все-таки болван... — Она не закончила своей мысли, но ее косящие глаза сверкнули опасно. Конан знал, что она никогда не простит ему позора, если окажется, что она делила постель с болваном.

— Я сказал, основная часть, — спокойно продолжал киммериец. — Я возьму с собой несколько людей и поеду вперед, к кецанкианцам.

Абериус расхохотался — язвительно и испуганно.

— И ты хочешь разбить семь или даже восемь дюжин воинов? Или, может быть, ты вообразил, что твое очаровательное лицо и твой надменный тон неотразимо вышибут оружие из их рук?

— Молчать! — приказала Карела. Она коснулась кончиком языка полных губ, прежде чем заговорила спокойным голосом: — Если ты и болван, Конан, то, по крайней мере, храбрый болван.

— Я нападу на кецанкианцев, — сказал Конан, — но когда они обратят на меня внимание, я тут же брошусь бежать. Я приведу их как раз на то место, откуда основная часть отряда свернет с дороги, напрямик к солдатам. Пока они будут сражаться друг против друга, мы — я и те люди, что будут со мной, тихоньку присоединимся к остальным.

— Или те, или другие сошьют себе веревки из твоих кишков, — фыркнул Абериус.

— А потом из твоих, — резко сказала Карела. — И из моих. Потому что ты и я — мы будем его сопровождать.

Хорек сжал зубы и замолчал. Конан открыл рот, чтобы возразить, но рыжая не дала ему сказать ни слова.

— Я возглавляю отряд, киммериец, и я не пошлю никого навстречу опасности, если сама буду при этом находиться в укрытии. Примирись с этим, или я прикажу привязать тебя к твоему седлу и тогда тебе придется остаться с остальными.

Конан рассмеялся негромким гортанным смехом.

— Нет на свете клинка, который я охотнее имел бы на своей стороне, чем твой. Я только подумал, что эти висельники без тебя, вероятно, удерут из этих гор совсем.

Она присоединилась к его смеху.

— Нет, Конан, потому что они знают, что я тогда буду гнаться за ними на край света. Да и Ордо будет держать моих собак на коротком поводке. Что скажешь, старый друг?

Ордо уставился на нее мрачным взглядом.

— Там, где Рыжий Ястреб обнажает свой клинок, — сказал он тихо, — там должен быть и я.

Конан ожидал, что рыжая снова вспылит, но вместо этого она посмотрела на Ордо так, словно никогда прежде его не видела. Наконец она произнесла:

— Хорошо. Я думаю, что когда-нибудь ты потеряешь и второй свой глаз, если не будешь меня слушаться. Смотри, чтоб остальные не отстали.

Одноглазый оскалился в дикой гримасе и повернул коня.

— Хороший человек, — сказал Конан.

Карела сверкнула на него глазами.

— Не смей меня порицать!

Отряд разбойников галопом поскакал по наезженной дороге назад и скоро скрылся из глаз. Ордо быстро нагнал Конана и других.

— Ты думаешь, эти наблюдатели нападут, Конан? — спросил бородач.

— Какие наблюдатели? — резко вмешалась Карела.

Абериус застонал.

Конан покачал головой.

— Люди на горе. Но сейчас нам не нужно с ними сталкиваться. Когда их будет достаточно для того, чтобы быть в состоянии навредить нам, мы об этом узнаем.

— Ордо, ты знал об этом и ничего мне не сказал? — глаза Карелы сверкали.

— Мы будем терять время на разговоры, — спросил Конан, — или мы будем искать кецанкианцев, прежде чем они нас обнаружат?

Вместо ответа Карела пустила своего вороного галопом.

— Если ее мысли не заняты тобой, киммериец, — проворчал Ордо, — никто не сможет направить их в нужное русло.

Абериус выглядел так, словно он очень хотел поехать вслед за остальными разбойниками, но Конан следил за ним.

— Вот наша дорога!

Хорек заскрипел зубами и, поколебавшись, повернул своего коня, чтобы ехать за обоими всадниками. Конан приблизился к нему вплотную и заставил его перейти на галоп.

Когда они почти поравнялись с двумя ехавшими впереди, Конан обнажил свой меч и положил его между колен. Задумчиво посмотрев на него, Карела и Ордо последовали его примеру. На узкой тропе, которая вилась узкой змеей среди скал, они в любую минуту могут неожиданно наткнуться на кецанкианцев, и вопрос тогда будет заключаться в одном: кто кого увидит первым. Абериус закусил губы и отстал.

Они выехали за поворот и перед ними оказался лагерь кецанкианцев. Там не было палаток, но остроносые люди в пестрых фесках и тюрбанах скатывали свои одеяла и гасили землей прогоревшие костры. Толстый кривоногий человек с перевязью, через голую грудь — в ножнах болтался могучий палаш — увидел их первым. Он испустил воющий крик. Какое-то мгновение все в лагере, казалось, застыло, а затем раздался пронзительный, почти единогласный вопль:

— Убить их!

И все они бросились к своим лошадям.

Конан тут же повернул коня. Не было нужды делать здесь еще что-либо. Кецанкианцы погонятся за ними без всяких сомнений.

— Назад! — крикнул он остальным и рванулся на коне мимо Карелы и Ордо. Абериус к тому времени уже исчез.

Карела повернула вороного, и вот уже все трое несутся галопом назад по той тропе, по которой пришли сюда. Конан все время оглядывался через плечо. Из-за крутых поворотов тропы он мог немного увидеть, но то, что он видел, говорило ему, что кецанкианцы вскочили на своих коней быстрее, чем он предполагал. Передний всадник, коренастый мужчина с

разделенной пополам и зачесанной в стороны в виде бараньих рогов бородой, все время появлялся из-за поворота, когда дорога петляла между скал. Когда они доберутся до солдат, им непременно надо оторваться от преследователей на значительное расстояние, чтобы их не приняли тоже за диких горцев, однако не настолько далеко, чтобы дать солдатам возможность задать им чересчур много вопросов.

Конан посмотрел вперед. Карела скакала на своем вороном так быстро, как только позволяла тропа, и Ордо неся почти вплотную за ней, хлеща своим кнутом ее коня. Если бы он мог хоть немного сократить дорогу! Когда он проскочил между двух огромных круглых скал, он внезапно повернул коня. Один только взгляд — и он понял, что ни один из его спутников этого не заметил. Он задержит их на несколько мгновений.

Кецанкианец с раздвоенной бородой выскочил из-за круглых скал и ошеломленно испустил боевой клич. В тот же миг свистнул меч Конана и разрубил турбан и голову до самых плеч. Когда убитый еще падал с седла, остальные люди в турбанах уже выскочили из узкого прохода. Меч Конана поднимался и опускался, не зная усталости.

Внезапно он увидел Карелу, которая неслась к нему со сверкающей саблей в руке. Ее рыжие волосы развевались, как конская грива, и радость предстоящего боя полыхала в зеленых глазах. Конан слышал, что Ордо зовет ее назад, но она совершенно не обращала на это внимания. Ее кривая сабля перерубила шею одному из кецанкианцев, и в это время другой разрезал повод ее коня. Острие пики вонзилось в бок ее вороного. Он зашатался, заржал и взвился на дыбы, вырывая у нее второй повод.

— Возьми ее отсюда, Ордо! — взревел Конан. Он ударил вороного жеребца мечом плашмя по крупу и получил из-за своей минутной невнимательности кровавую царапину через всю грудь. — Уведи ее в безопасное место, Ордо!

Одноглазый гигант схватил болтающиеся поводья и потащил вороного за собой, дальше по тропе. Конан

слышал, как ругается Карела и как ее проклятия постепенно затихают, удаляясь.

— Остановись, Ордо! — рычала она. — Деркэто да вырвет твой последний глаз и твой поганный язык! Сию секунду остановись, Ордо! Я тебе приказываю! Ордо!

У Конана не было времени смотреть ей вслед. Кецанкианцы пытались, используя свое численное преимущество, прорваться через ущелье, но перед ним могли оказаться одновременно только два человека, не больше. Когда остальные напирали сзади, передние падали, сраженные вращающимся клинком. Их было уже шесть, лежавших друг на друге, затем семь... восемь. Лошадь споткнулась о трупы и зашаталась. Мощный удар Конана, который был рассчитан на всадника, упал на шею лошади. Лошадь упала на гору трупов. Всадник, сидевший на ней, перелетел через воздух и рухнул прямо на клинок Конана.

Остальные темнокожие всадники отступили от этой кровавой кучи, которая достигла в высоту роста стоящего мужчины. Взлетающие в воздух палаши и лающие проклятия убедили Конана в том, что кецанкианцы не отступятся. Он повернул своего коня. Он мчался прочь, когда кецанкианцы начали разгребать баррикаду, чтобы гнаться за ним дальше — отмстить и восстановить свою честь. Но он уже выиграл время, которое было ему нужно.

Киммериец пустил коня галопом. Еще долго гремели ему вслед бешеные проклятия.

Глава четырнадцатая

Когда Конан догнал обоих своих спутников, Карела снова взяла поводья в свои руки и обрела власть над вороным, то и дело обращающая на Ордо яростный взгляд.

— А где Абериус? — спросил Конан. Но на всей дороге не было и следа Хорька.

Карела смерила высокого киммерийца убийственным взором, но для слов было слишком мало времени, потому что пока он говорил, они свернули за очеред-

ной поворот и увидели перед собой колонну заморанских всадников. Офицер, ехавший во главе колонны, повелительно поднял руку, когда все трое поравнялись с ним. Некоторые солдаты разглядывали окровавленный клинок киммерийца и теребили свои сабли в ножнах.

— Хо, мой господин генерал! — Конан поклонился коренастому, загорелому на солнце офицеру. Его вооружение выглядело несколько скромнее, чем генеральское, решил киммериец, но лезть никогда не повредит, хотя, вероятно, она была бы лучше встречена другим офицером, который все еще задирает нос, несмотря на покрывшую его грязь.

— Капитан! — поправил старший офицер. — Не генерал. Я капитан Гаранидес.

Конан внезапно понадеялся на то, что кецанкианцы довольно быстро пробьются через баррикаду, потому что темные глаза смотрели из-под шлема с гребнем так, словно они видели любую ложь.

— Кто вы? Что вы делаете здесь, в горах Кецанкиана?

— Я Крато, благородный капитан, — сказал Конан. — Еще до недавнего времени стражник, охранник каравана, отправлявшегося на Султанапур, как и этот человек, по имени Клаудо. Мы имели несчастье попасть в руки кецанкианцам. Эта дама — Ваниа, дочь Андиаза, одного купца из Турана, который шел вместе с караваном. Я боюсь, что мы трое — единственные, кто остался в живых, и точно так же я боюсь, что кецанкианцы гонятся за нами по пятам. Когда я некоторое время назад оборачивался, я видел, что они идут за нами по следу.

— Дочь купца? — воскликнул молодой офицер. — С таким бешеным взглядом? Если она дочь купца, то я король Турана!

Губы капитана дрогнули, но он промолчал. Конан заметил, что он ждет ее реакции.

— Что скажешь ты, Крато? Сколько она берет за час удовольствия?

Конан напряженно ждал, что сейчас Карела вытащит свой палаш, но она равнодушно повернулась на своем вороном.

— Капитан Гаранидес, — холодно произнесла она. — И вы разрешаете, чтобы этот парнишка разговаривал со мной таким тоном? Мой отец, скорее всего, погиб, но у меня есть родственники, к мнению которых охотно прислушивается Илдиз. Мне известно также, как я слышала в прошлом месяце, что ваш Тиридат заключил договор о дружбе с королем Иллизом.

Капитан продолжал молчать.

— Простите, благородный господин, — вставил Конан, — но кецанкианцы... — Он спрашивал сам себя, где же они, в конце концов.

— Я не вижу никаких кецанкианцев, — резко произнес молодой офицер. — И я не слышал ни о каких караванах, кроме тех семи пропавших. Мне кажется, вернее то, что вы сами бандиты и неизвестно по какой причине отбились от остальной вашей компании. Небольшой допросик развяжет ваши языки.

— Не торопитесь, Ахеранатес, — предупредил его капитан. И неожиданно посмотрел на троих с дружеской улыбкой. — Выбирайте слова более осмотрительно. Я уверен, что эти достойные сожаления люди расскажут нам все, что знают, когда мы... — Улыбка на его лице стала неживой, а потом исчезла. — Шеол! — взревел он. — Вы вывели их прямо на нас!

Конан бросил взгляд через плечо и больше всего на свете ему захотелось заорать от радости. Кецанкианцы остановились в двухстах шагах от них, смешавшись в нестройную толпу. Но они уже оправились от пережитого потрясения, которое сразило их в первый момент, когда они увидели солдат, и они уже задирали палаши над головами в тюрбанах. Их боевой клич летел к кавалеристам.

— Отступаем? — озабоченно спросил Ахеранатес.

— Идиот! — презрительно бросил ему капитан. — Даже если мы повернемся к ним спиной, они набросятся на нас, как стервятники на смердящий труп. Передайте приказ — только спокойно! — что я не подам знака, но когда я поеду вперед, каждый должен начать сражение, да так, словно демоны в него вселились. Быстро, лейтенант! Приступайте!

Стройный офицер поджал губы и начал объезжать колонну. Когда Гаранидес вынул саблю, он бросил на Конана острый взгляд.

— Я надеюсь, молодой человек, что вы используете свой меч по назначению. В любом случае вы останетесь рядом со мной. Если мы уцелеем, я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Само собой разумеется, благородный капитан, — ответил Конан, но Гаранидес уже выехал вперед. С диким криком колонна кавалеристов рванулась вслед за ним. Кецанкианцы атаковали, и в мгновение ока оба отряда смешались в бешеном вихре, где сверкали клинки.

Карела и Ордо отъехали от места схватки и помчались к расселине, которая уводила их с большой дороги. Конан колебался и смотрел на отчаянную битву. Гаранидес, скорее всего, попытался бы его убить, если бы догадался, кто он есть на самом деле, но, несмотря на это, киммерийцу совсем не нравилось посылать людей на смерть.

— Конан! — крикнул Ордо через плечо. — Чего ты ждешь? Идем, пока никто не видит, как мы удираем!

Бородач помчался дальше, вплотную к своей рыжеволосой предводительнице. Помедлив еще, Конан последовал за ними. Когда они ехали по расселине, которая была просто трещиной в скалах с отвесными стенами, шум битвы потихоньку стихал.

Еще долгое время после того, как крики сражающихся и лязг металла окончательно стихли, они ехали молча. Расселина вывела их в широкую долину, которая тянулась на восток. Конан и Карела предавались своим мрачным мыслям, а Ордо, хмурия лоб, переводил взгляд с одного на другого, пока наконец не произнес с деланной веселостью:

— У тебя ловкий язык, Конан. Пока ты болтал с невинным взглядом и честным лицом, мне самому почти что поверилось, что я этот Клаудо.

— Вор должен иметь хорошо подвешенный язык, — пробурчал Конан. — И разбойник тоже. И раз уж мы об этом заговорили, что же случилось с этой змеей Абериусом? Я не видел его с тех пор, как мы стали приближаться к кецанкианцам.

Бросив исподтишка озабоченный взгляд на Карелу, лицо которой было мрачнее грозового облака на горизонте, Ордо выдавил улыбку.

— Там внизу мы наткнемся на тропу и на труса. Он будет уверять, что охранял для нас пути к отступлению.

Конан зарычал, как волк.

— Ты должен был бы перерезать горло этому трусливому подонку.

— Нет, он нам очень полезен. Я пошлю его на поиски остатков нашего отряда, чтобы они позаботились о лагере. Если бы я знал, куда ведут все эти расселины, мы давно уже были бы с ними.

— Это мой отряд, Конан! — неожиданно прошипела Карела. — И приказы здесь отдаю я! Я, Рыжий Ястреб!

— Ну, если ты считаешь, что Абериус не должен платить за свою трусость, значит, у тебя есть на то основания, — мрачно произнес Конан. — Но это не значит, что я изменю свое мнение о нем.

Она попыталась развернуть вороного жеребца, чтобы преградить ему дорогу, но поскольку из двух поводьев цел остался только один, у нее ничего не получилось. Конь сделал шаг в сторону, и только. Рыжеволосая сдавленно всхлипнула. Звук этот, который Конан слышал от многих женщин и который свидетельствовал о бессилии, был очень уж необычен для Карелы.

— Ты... ты дурак, дурак даже для варвара! — закричала она под конец. — Какое право ты имел меня — м е н я! — отправить в безопасное место! Отдать мои поводья этому одноглазому болвану! Ударить мою лошадь, словно я какая-нибудь дорогостоящая рабыня, которую нужно охранять от малейшей опасности!

— Что ты бесишься? — Конан непонимающе посмотрел на нее. — Имея только один повод, ты была верной добычей для кецанкианцев.

— Ты сам принял это решение, а на это ты не имел никакого права! Я решаю, когда и где я сражусь и какой опасности я себя подвергаю. Я, больше никто!

— Определенно, нет никого, кто был бы так небла-

годарен за спасение собственной жизни, как ты, — проворчал Конан.

Карела потрясла кулаком у него перед носом, и ее голос поднялся до яростного визга.

— Ты не должен спасать мою жизнь! Я не хочу, чтобы ты спасал мою жизнь! Из всех людей на свете — меньше всего ты! Поклянись мне, что ты никогда больше не попытаешься спасти мою жизнь или свободу! Клянись, киммериец!

— Клянусь! — ответил он сердито. — Клянусь именем Крома, клянусь!

Карела кивнула и, ударив коня пятками, погнала его на следующий холм. Голый коричневый камень этой ложбины, выветренные слои скал в своей мрачной красоте очень хороши подходили к настроению Конана. Ордо немного задержался, чтобы оказаться рядом с ним.

— Поначалу я терпеть тебя не мог, киммериец, — сказал одноглазый так тихо, чтоб Карела не могла его слышать. — Теперь ты мне очень нравишься, и несмотря на это, я прошу тебя: покинь нас.

Конан кисло посмотрел на него.

— Если уж говорить о том, кто кого покинет, то, скорее, вы — ты и остатки вашего отряда должны покинуть меня. Я все-таки пришел сюда кое за чем, или ты это забыл?

— Она не пойдет назад и не свернет с дороги, безразлично, солдаты, кецанкианцы или даже демоны будут стоять у нее на пути. Это главная проблема — или большая часть того, что из нее следует. Это и твоя клятва, и еще несколько вещей. Она позволяет чувству вести себя, а не разуму, как это было раньше. Это добром не кончится!

— Я дал эту клятву не добровольно, — возразил Конан. — Если ты думаешь, что она бесится из-за своих капризов, то разговаривай с ней, а не со мной.

Руки бородатого вцепились в седло, так что кости на сгибах пальцев выступили под кожей и побелели.

— Я действительно хорошо к тебе отношусь, Конан, но если ты приведешь ее к смертельной опасности — ты узнаешь меня лучше. — Он ударил коня пятками и вырвался вперед. В угнетающем молчании все трое ехали дальше.

Длинные тени упали на долины, когда они нашли лагерь бандитов, разбитый между двух могучих скал, у подножия высокой отвесной стены. Несмотря на ощутимый холод костры горели низко, скрытые между валунов, чтобы уменьшить опасность быть обнаруженными. Полосатая палатка Карелы была прикреплена к отвесной скале.

— Приходи в мою палатку, Конан, — сказала рыжая. Не дожидаясь его ответа, она галопом поскакала туда, бросила поводья на руки одному из бандитов и исчезла в палатке.

Когда Конан спешил, небольшая толпа людей собралась вокруг него и Ордо. Среди них был и Абериус, но он все больше смотрел себе под ноги.

— Хо, Абериус, — обратился к нему киммериец. — Я счастлив видеть тебя невредимым. Я уже начинал бояться, что ты не выберешься живым оттуда, где ты так мужественно прикрывал для нас пути к отступлению.

Некоторые разбойники рассмеялись. Абериус оскалил зубы — вероятно, он рассматривал это как гримасу, но его глаза напоминали глаза крысы, попавшей в ловушку. Он молчал.

— Стало быть, кецанкианцев мы избежали? — спросил кофитянин, у которого было только одно ухо. — А солдаты?

— Солдаты и кецанкианцы успешно приканчивают друг друга, — ответил Ордо сердито. — О них нам больше не придется беспокоиться — никогда в этой жизни.

— А все остальное меня не заботит. — Кофитянин рассмеялся, и большинство присоединились к его хохоту, однако Абериуса среди них не было, как заметил Конан.

— Завтра, — обратился он к Хорьку, — ты сможешь снова взять след. И тогда через один или два дня мы будем возле сокровища.

Услышав свое имя, Хорек вздрогнул. Прежде чем ответить, он облизнул губы.

— Это невозможно. Следов больше не видно.

И он снова вздрогнул, когда остальные разбойники повернулись к нему и уставились на него.

— Их больше нет!

— Сейчас нет — и здесь нет, — сказал Конан. — Ты ведь это имел в виду, правда? Мы вернемся назад

в долину, где стоял лагерь кецанкианцев. Там ты снова сможешь найти следы.

— Это все не так просто. — Абериус переступал с ноги на ногу и смущенно теребил свою снятую с убитого кирасу. — Пока я шел по следу, я мог точно распознать, упал камень с вершины скалы или же его сбросило копыто лошади. Но теперь, когда я ушел от следа, даже если я вернусь назад, я не смогу отличить одно от другого.

— Дубина! — заворчал один из разбойников. — Это ты будешь виноват, если мы не найдем сокровища.

— Весь большой путь псу под хвост, — добавил другой.

— Перерезать ему глотку!

— Выпустить ему кишки!

Пот бисером выступил на лбу Хорька. Ордо быстро встал между ним и возбужденными людьми.

— Хватит! Хватит! Может быть, ты умеешь читать следы, Талбор? Алвар? Или кто-нибудь из вас?

Ответом ему было отрицательное мотание головы.

— Так вот, чтоб больше не приставали ко мне с Абериусом.

— Я все-таки скажу, что он боится, — пробормотал Талбор. — Он поэтому не может больше читать следы.

— Я не боюсь никого из людей! — вызывающе ответил Абериус. Он снова облизнул губы. — Никого из людей. — Последнее слово он выделил особо.

— Кого же тогда? — спросил Конан. Какой-то момент он думал, что Абериус уклонится от ответа, но он выпалил:

— На склоне, после того, как мы четверо поехали вперед я увидел... я увидел одну штуку! — Его голос звучал все тверже по мере того, как он говорил. — Существо, которое было как змея — и в то же время это был человек. На нем были доспехи и меч, и огонь вырывался у него из пасти, словно раздвоенный клинок. Пока я на него смотрел, он сделал знак другим, похожим на него. Если бы я не ускакал галопом так быстро, как только могла моя лошадь, эти твари убили бы меня.

— Но если у них есть такое пламя, — задумчиво сказал Конан, — тогда зачем им нужен меч?

Однако некоторые слушатели заговорили испуганно, и даже те, кто молчал, были явно встревожены.

— Почему же ты раньше ничего об этом не говорил? — поинтересовался Ордо.

— В этом не было необходимости, — ответил Абериус. — Я знал, что мы скоро уйдем отсюда, потому что мы потеряли след. Мы должны отступить. И кроме того, я думал, что вы мне не поверите.

— Под небом встречаются удивительные вещи. — сказал Конан. — Некоторые из них я видел сам, но никогда не встречал такого, что нельзя было бы умертвить холодной сталью. — Во всяком случае, не так много, добавил он про себя. — Сколько этих существ ты видел, Абериус?

— Только одно, — отозвался Абериус после заметного колебания. — Но он звал остальных, и целая куча их двигалась на скалах. Их было, может быть, сто или тысяча.

— Но видел-то ты только одного, — вставил Ордо. — Много подобных ему не может существовать, потому что в противном случае мы слышали бы о них. Рассказы о таких вещах распространяются быстро.

— Но... — начал Абериус.

— Но все, — фыркнул Ордо. — Мы будем бдительны насчет этих тварей. А утром выяснится, умеешь ли ты отличать следы лошадей от всех остальных следов.

— Но я же сказал...

— Кроме вас все остальные больше не интересуются сокровищем, — продолжал Ордо, словно он не слышал возражений Хорька вообще. Все вокруг вполголоса заверяли друг друга, что они-то, несмотря ни на что, хотели бы заполучить это сокровище.

— Отлично, — сказал Ордо. — Я поговорю с Рыжим Ястребом, и на рассвете мы выступаем. И позаботьтесь о том, чтоб не остаться с пустыми животами.

Люди поспешили к кострам. Абериус пошел последним и бросил на Конана еще один мрачный взгляд.

Когда Ордо заковылял к полосатой палатке, Конан уселся спиной к широкой скале, так чтобы никто не мог подойти к нему незамеченным. Взгляд Абериуса ясно сказал ему о том, что ему теперь придется считаться с возможностью заполучить от него нож в спину. Он вытащил свой оселок и начал сглаживать шербины, которые оставили на клинке кольчуги кецанкианцев. Небо постепенно наливалось темнотой, и над горизонтом светились красные полосы заката. Он уже закончил свою работу, когда одноглазый капитан Карелы выскочил из ее палатки.

Он пошел прямо к киммерийцу и остановился в двух шагах от него. Капитан казался необычайно смущенным и, бормоча себе что-то в бороду, тер свой шишковатый нос. Наконец он повернулся к Конану.

— Весьма разумная привычка. Я видел уже не одного славного воина, который погибал от того, что не заглаженная вовремя зазубрина ломала ему клинок при следующем могучем выпаде.

Конан положил меч на колени.

— Ты, вероятно, пришел не ко мне, раз ты беседуешь о достоинствах оружия. Что она говорит насчет завтрашнего дня?

— Она меня совсем не слушает. — Ордо покачал головой. — Меня, который при ней с первого ее дня.

— Это безразлично. Завтра она повернет назад, а я буду продолжать поиски. Может быть, она и права, что не хочет — наряду со всем прочим — подвергаться опасности еще и со стороны этих змеевидных людей.

— Митра! Ты меня не понял. Я пришел сюда совсем не для того, чтобы обсуждать с ней этих существ или заявление Абериуса о том, что он не может найти следы. Она мечется по своей палатке, как пойманная львица по клетке, и не дает мне произнести двух слов. — Он обеими руками вцепился в свою бороду. — Я слишком долго уже нахожусь при ней, чтобы изображать из себя мальчишку на побегушках. Человек, причина, по которой она так бесится, — ты, потому что ты не приходишь к ней, как она приказала. И ее

настроение будет тем хуже, чем дольше ты будешь здесь расслаиваться.

Конан зло улыбнулся.

— Я ей один раз уже говорил, что в деле послушания я безнадежно плох.

— Митра, Зандру и девять или десять других богов, чьих имен я сейчас не могу вспомнить! — Ордо тихонько простонал и сел на землю рядом с Конаном, обхватив могучими руками колени. — В других условиях я ничего не имел бы против пари, кто из вас двоих победит, но не сейчас, когда это может стоить мне головы, если я влезу между вами.

— Но речь вовсе не идет о победе или поражении, потому что мы ведь не ведем друг с другом войны.

Лицо, и без того перекошенное шрамом, исказилось еще больше.

— Ты мужчина, она женщина. Для войны этого достаточно. Ну ладно, что должно произойти, то случится. Но подумай о моем предупреждении: если ты подвергнешь ее опасности, я позабочусь о том, чтобы укоротить твой рост ровно на одну голову.

— Раз она и без того злится на меня, ты можешь, вероятно, уговорить ее повернуть сейчас назад. Этим ты добьешься того, к чему стремишься: разлучить нас.

Он выпустил из своей речи еще один нюанс: этим и он, Конан, добился бы того, к чему стремился он сам — не быть вынужденным по окончании операции красть подвески еще раз, из-под носа у разбойников.

— В ее теперешнем настроении она еще упорнее будет стоять на своем и ни за что не бросит дело, которое начала.

Конан провел большим пальцем вдоль острия своего меча, и его ярко-голубые, как ледник под солнцем, глаза вспыхнули опасным светом.

— Ну, к этому я не останусь неподготовленным.

— Не говори об этом, — пробормотал одноглазый. — Если она этого потребует... Я убью тебя этой ночью. Ба! Вести разговоры о том, что может случиться, а может и не случиться — это все равно что строить песчаные замки во время сильного ветра.

— Тогда поговорим о чем-нибудь другом, — предложил Конан с улыбкой, однако глаза его оставались мрачными. У него было такое чувство, что одноглазый

действительно любит его, но доверять ему нельзя в том случае, если речь пойдет о том, чтоб действовать вопреки приказам Карелы. — Ты как думаешь, Абе-риус изобрел этих человекозмей только для того, чтобы как-то замазать свое желание отступить?

— Он не дурак соврать, но я думаю, что он действительно видел что-то такое, что его сильно испугало. Я не хочу этим сказать, что то, что он видел, было именно таким, как он рассказывает. А, я не знаю, Конан. Змеи, которые ходят прямо, словно люди! — Бородатый непроизвольно содрогнулся. — Я становлюсь старым. Гоняться за королевским сокровищем — для меня это многовато. Караваны, охраняемые стражниками, которые не собираются изображать из себя павших героев, мне куда милее.

— Тогда уговори ее вернуться к караванам. Уже почти стемнело. Я хочу сегодня ночью покинуть лагерь, и когда утром выяснится, что я ушел, у нее не будет сложностей.

— Ты плохо ее знаешь! — фыркнул Ордо. — С ее настроением она прикажет нам гнаться за тобой, и убьет любого, кто не послушается ее в тот же миг.

Клапан полосатой палатки распахнулся. Карела вышла на воздух. Ее лицо было почти полностью скрыто под капюшоном багряно-красного плаща, который падал с ее плеч до пальцев ног. Карела решительно подошла к обоим мужчинам. Там и тут вспыхивали огоньки светлячков.

Ордо встал и смущенно развел руками.

— Я... я должен поглядеть, как там лошади. Всего хорошего, Конан.

Он поспешно ушел, не глядя в сторону приближающейся женщины. Конан снова взял в руки свой меч и согнул клинок, проверяя его. Разумеется, клинок должен быть острым, но острота бритвы, которой гордятся многие, быстро тупится о кольчуги, и то, что остается, превращается в обыкновенную металлическую палку. Краем глаза Конан видел подол плаща Карелы, но не поднимал глаз.

— Почему ты до сих пор не пришел ко мне в палатку? — внезапно спросила она.

— Я должен был заточить меч. — Он еще раз провел пальцем вдоль острия и вложил меч в ножны.

Ее изумрудно-зеленые глаза сверкали из-под капюшона, но его темно-синие встречали их взгляд равнодушно.

— Я же приказала тебе прийти. У нас есть о чем поговорить.

— Я не позволяю приказывать мне, Карела. Я не принадлежу к твоим верным псам.

Она шумно перевела дыхание.

— Ты осмеливаешься мне противоречить? Хотела бы я знать, не захочешь ли ты попробовать оспорить у меня мое место? Не воображай, пожалуйста, что если ты делишь со мной постель...

— Не будь смешной, Карела. — Киммериец пытался держать себя в руках. — Меня не интересует твоя банда. Командуй, кем хочешь, только не пытайся делать этого со мной.

— Пока ты идешь под началом Рыжего Ястреба...

— Я иду с тобой и рядом с тобой, точно так же, как ты — со мной и рядом со мной. И это одинаково как для тебя, так и для меня.

— Не перебивай меня, ты, покрытый мышцами тупица! — Ее крик, похожий на рычание львицы, прокатился по всему лагерю и отразился от отвесных скал и горных вершин. Разбойники у костров и в загоне для лошадей повернулись в ее сторону. Даже в темноте Конан видел, как покраснело ее лицо. Она понизила голос, но он все равно прозвучал пронзительно, когда она сказала: — Я-то вообразила, что ты — тот мужчина, которого я искала, мужчина, достаточно сильный для того, чтобы быть спутником Рыжего Ястреба! Да сожрет Деркэто твою душу! Ты просто карманник и ничего больше!

Он поймал ее занесенную руку прежде, чем она ударила его по щеке, и несмотря на ее отчаянное сопротивление, без всякого труда удержал ее. Ее багряно-красный плащ распахнулся и открыл ее наготу.

— Ты снова нарушаешь свою клятву, Карела. Неужели ты так мало считаешь свою богиню, что думаешь, она не накажет тебя за клятвопреступление?

Неожиданно рыжей, казалось, стало ясно, какой великолепный спектакль она разыгрывает для своих бандитов. Свободной рукой она запахнула свой плащ.

— Пусти меня, — сказала она холодно. — Проклятье, я же не сказала «пожалуйста»!

Конан разжал палыцы, но не из-за ее слов. Когда она вырывалась, он почувствовал, что волосы у него на затылке поднялись — знакомо и неприятно. Он обвел глазами круг черного теперь неба над обступившими его горами. Звезды казались сверкающими точками, луна еще не взошла. Горы возвышались как бесформенные тени.

— Имхеп-Атон все еще преследует нас, — спокойно сказал он.

— Я, может быть, позволяла тебе кое-какие вольности, когда мы были наедине, Конан, — прошипела Карела и потеряла запястье. — Но никогда больше не смей этого делать в присутствии других... Имхеп-Атон? Это имя, которое называл тот одержимый, тогда, ночью, в лагере! Имя волшебника.

Конан кивнул.

— Это был тот, кто рассказал мне о подвесках и для которого я должен был их достать. Если бы он в ту ночь не послал ко мне этого парня, чтобы убить меня, я принес бы их ему, как только они попали бы ко мне в руки — но теперь я ему больше ничего не должен.

— Как ты можешь быть уверен, что это именно он, а не какой-нибудь кецанкианец, или просто ночные тени этих гор тебя угнетают?

— Я это знаю, — ответил он.

— Но... — Внезапно она замолчала. Она смотрела куда-то мимо него. Ее зеленые глаза испуганно расширились, и она непроизвольно раскрыла рот.

Конан резко повернулся, выхватывая свой широкий меч из ножен, и мгновенно отбил в сторону копье, направленное на него рукой демоноподобного существа. Красные глаза пылали на темном, покрытом чешуей лице под шлемом. Из его пасти с острыми зубами вырвалось пронзительное шипение. Ни одного мгновения киммериец не позволил себе удивляться. Второй удар меча разрубил тело человека-ящерицы, и черная кровь хлынула наружу.

Вокруг лагеря поднялся свистящий боевой клич. Люди, сидевшие вокруг костров, вскочили на ноги, близкие к панике, когда на них из темноты ночи

набросились десятки покрытых чешуей воинов, похожих на людей и на ящериц одновременно. Алвартамер, глаза на них широко распахнутыми глазами, и успел крикнуть, когда в его грудь вонзилось копье. Темнокожий иранистанец повернулся, чтобы бежать, и боевой топор, сжатый извивающимися пальцами, опустился ему на позвоночник. Бандиты, словно крысы, искали дыру, в которую можно было бы забиться.

— Сражайтесь! Проклятье Крома на нас! — кричал Конан. — Они смертны!

Он бросился в самую гущу сражения в лагере и искал глазами Карелу. Он обнаружил ее в середине толпы. Она стояла среди своих людей с палашом, который, во всяком случае, не был ее собственным, украшенным драгоценностями, оружием. Свой плащ она намотала на левую руку как щит, чтобы отражать оружие ящериц. Нагая, она двигалась среди бойни, с разлетающимися рыжими волосами, как богиня тьмы и мрака, и ее клинок был вымазан черной кровью.

— Сражайтесь, собаки! — хрипло кричала она. — Сражайтесь за вашу жизнь!

Взревев, Ордо бросился, закрывая ее, и получил в бедро удар копья, которое было нацелено в ее спину. Клинок одноглазого нашел сердце того, кто нападал, и не успел еще упасть человек, покрытый чешуей, как он уже выдернул копье из своей ноги и отбросил его в сторону свалки. Кровь бежала по его сапогу.

Перед киммерийцем появился еще один человек-ящерица с поднятым копьем и повернулся к нему спиной, чтобы пронзить копьем Абериуса, лежавшего на земле с округлившимися, вылезающими из орбит глазами и широко раскрытым для вопля ртом, в котором недоставало нескольких зубов. Конан вонзил свой меч нападающему в спину и тут же вырвал клинок назад.

Человек-ящерица упал прямо на Абериуса, который снова заорал и возился под трупом до тех пор, пока не увидел Конана, которого удостоил таким взглядом, словно хотел ему дать понять, что с большим удовольствием увидел бы киммерийца на месте убитого змеобразного создания. Хорек схватил копье мертвой твари, и одно мгновение оба мужчины стояли

друг против друга и безмолвно смотрели друг на друга, затем Абериус бросился в гущу сражения и взревел:

— За Рыжего Ястреба! За Рыжего Ястреба!

— Кром! — подхватил Конан и перекрыл вопли сотен глоток. — Кром и Сталь!

Это сражение, постоянное вечно меняющихся картинах, казалось киммерийцу долгим и разнообразным кошмарным сном, как все битвы представляются воинам. В нем проснулся дикий дух его варварских предков, и даже рептилии узнавали, что такое страх, прежде чем умереть, когда они видели его ярко-синие глаза и слышали его свирепый хохот.

И вот между этих покрытых ночной мглой скал не осталось больше никого, кроме тех, в чьих жилах текла настоящая человеческая кровь. Ярость сражения отпустила Конана, и он огляделся вокруг.

Повсюду лежали покрытые чешуей фигуры, некоторые еще вздрагивали в агонии, но среди них лежало примерно такое же количество убитых разбойников. Ордо, с окровавленной тряпкой, завязанной на бедре, ковылял от одного раненого к другому и помогал, как умел. Абериус скорчился возле костра, опираясь на свое отнятое у мертвой твари копыте. И остальные разбойники постепенно стягивались к кострам.

Карела пересекла поле битвы и подошла к киммерийцу. Она бросила плащ, но чужой палаш все еще крепко сжимала в руке. Конан с облегчением увидел, что кровь, размазанная на ее пышной груди, была чужой.

— Значит, Абериус говорил правду, — сказала она, остановившись перед ним. — И мы теперь, по меньшей мере, знаем, что это было, кто за тобой наблюдал, когда ты это почувствовал. Я хотела бы только, чтобы ты обратил на это внимание немного раньше.

Конан покачал головой. Было бесполезно объяснять ей, что это не был взгляд этих ящеров — то, что он почувствовал.

— Я хотел бы знать, откуда эти...

С внезапным диким изумлением он прервал самого себя и наклонился, чтобы рассмотреть сапоги одной из этих убитых тварей. Они были украшены необыч-

ным для обуви узором: сплетенные змеи с поднятыми головами, в окружении лучей. Он поспешно наклонился ко второму трупу ящерицы и затем еще к нескольким. У всех были сапоги с такими украшениями.

— Ты что, Конан? — спросила Карела. — Даже если тебе нужны сапоги, не станешь же ты носить те, что прежде принадлежали этим тварям.

— Люди, которые украли подвески Тиридата из дворца, — объяснил он, — были обуты в сапоги с узором в виде змей.

Он стаянул с узкой, чешуйчатой ноги сапог и бросил его ей. Она оттолкнула его жестом отвращения.

— Я сыта по горло этими... штуками! Меня от них тошнит. Конан, ты же не думаешь в самом деле, что эти — ну, кто они там — вошли в Шадизар и никем не опознанные сумели его покинуть? Городские стражники абсолютно слепы — это я еще могу допустить, но все остальные вокруг — вряд ли.

— На них были плащи с кашушонами, которые полностью их скрывали. И они покинули город ночью, в то время, когда стражники у ворот едва продрали глаза. Они могли войти в город ночью и спрятаться, пока не пришло время их налета на дворец.

— Возможно, ты и прав, — поколебавшись, согласилась Карела. — Но я не понимаю, чем это может нам помочь.

Ордо проковылял мимо и мрачно покосился на Конана.

— Из-за твоих сумасшедших поисков, киммериец, я привел в эти проклятые горы сорок четыре человека. Пятнадцать из них станут этой ночью пищей для червей, и еще двое не доживут до рассвета. Благодаря твоим богам, которых ты так упорно считаешь, мы заполучили двоих этих ящеров живьем. Всеобщее веселье, которое ожидается по случаю их допроса, может быть, удержит людей от желания привязать тебя к кольям на их место. Но я скажу тебе прямо, как бы я тебя ни ценил, если они попытаются это сделать, я не стану их от этого удерживать.

— Пленные? — резко спросила Карела. — Эти чудища мало нравятся мне мертвыми, а живыми — тем более. Немедленно передай их людям. На рассвете мы покидаем эти горы.

— Стало быть, мы отказываемся от сокровища? — спросил одноглазый, скорее, с облегчением, чем удивленно. — Слава богам, Конан, тогда это будет последняя ночь, которую мы проводим с тобой в одном лагере.

Карела медленно повернулась и тяжело посмотрела на киммерийца.

— Значит, мы расстаемся?

Конан, сердито метнув взгляд на Ордо, поколебался и кивнул. Он совсем не хотел, чтобы она это узнала так быстро. На самом деле он решил исчезнуть ночью, тайно, захватив одного из пленных в качестве проводника, так чтобы они заметили его отсутствие только утром.

— Я буду преследовать эти подвески, — сказал он.

— И эту девушку, — ровным голосом добавила Карела.

— Мы не одни, — проворчал Ордо, прежде чем Конан собрался возражать.

Те из разбойников, которые могли держаться на ногах, подошли к ним. Среди них не было ни одного, на ком не видна была бы окровавленная повязка, и у каждого в руке было оружие. Во главе их выступал Абериус, опираясь на копьё, как на прогулочную трость. Лица у всех были решительные, он злобно смеялся. В десяти шагах от тройки, возглавлявшей банду, он остановился.

Ордо в ярости хотел заговорить с ними, но Карела положила руку ему на плечо. Он остался неподвижен, но выражение его лица предвещало бурю. Карела спокойно осмотрела толпу, держа руку на бедре и опустив острие палаша к земле.

— Я надеюсь, ты не очень опасно ранен, Абериус? — поинтересовалась она с неожиданной улыбкой.

Хорек удивленно посмотрел на нее. У него была оцарапана щека и на левой руке был кровоподтек.

— А ты, Талбор, — сказала она, прежде чем кто-либо из них успел раскрыть рот. — Тебе сейчас, во всяком случае, лучше, чем той ночью, когда мы напали на караван рабов из Замбулы и не знали, что они удвоили охрану, потому что боялись рабов, которых должны были доставить на каменоломни Кеты. Я припоминаю, что увезла тебя на своей лошади в без-

опасное место, потому что в груди у тебя торчала стрела...

— Это было давно! — мрачно бросил Абериус. Ордо хотел уже броситься на него. Абериус непроизвольно вздохнул, и его улыбка стала еще злее. — Теперь это все уже не имеет никакого значения.

— А что сейчас имеет значение? — спросила Карела.

Абериус сверкнул глазами.

— Рыжий Ястреб теряет свой острый взгляд? — Несколько человек за его спиной рассмеялись, другие мрачно смотрели исподлобья. — Сегодня ночью погибло больше трети наших людей. И ни одной монеты нет в наших кошельках. Мы хотели отобрать подвески у нескольких паломников. Нам пришлось проделать длинный путь и забраться сюда, в эти проклятые горы, чтобы ловить их, может быть, до самой Вендии, без всякой надежды получить за это еще что-нибудь. Кецанкианцы, солдаты, теперь еще демоны. Пришло время вернуться на равнины, в области, хорошо нам знакомые.

— Когда мы вернемся — это решаю я! — Голос Карелы прозвучал, словно хлопок бича. — Я вытащила вас из грязи, где вы в лучшем случае могли найти пару медяков, и организовала вас в регулярный отряд, которого боялся любой караван, покидающий Шадизар или Замбулу, или даже сам Аграпур! Я сделала из стервятников настоящих мужчин! Я наполняла золотом ваши кошельки и учила вас держаться гордо, так что мужчины уступали вам дорогу, а женщины с радостью подчинялись вам. Я Рыжий Ястреб, и я принимаю решение: мы пойдем дальше и захватим сокровище, которое было похищено у короля!

— Ты вела нас достаточно долго... Карела, — сказал Абериус. Услышав это фамильярное обращение, девушка шумно вздохнула, а Ордо глухо заворчал. Неожиданно она оказалась обыкновенной женщиной. Обнаженной женщиной. Абериус оскалил зубы и провел языком по губам. За его спиной горели радостные глаза мужчин.

Карела сделала шаг назад. Конан, словно по книге, читал каждое чувство из тех, что сменяли одно дру-

гое: ярость, стыд, беспомощность и, наконец, решимость дорого продать свою жизнь. Она крепче сжала свой палаш. Ордо между тем вызывающе выхватил свой меч.

Если бы я был хоть немного порассудительнее, сказал Конан сам себе, я бы сейчас испарился. В конце концов, я никому ничего не должен. Напротив, я давал клятву, которую не должен нарушать. Он задумчиво посмотрел на разбойников. Прежде чем они сообразят, что, собственно говоря, произошло, он может исчезнуть в ночи — с одним из пленников, который сможет вывести его на подвески. И на Велиту. Со вздохом он вышел вперед.

— Я не нарушаю мою клятву, — сказал он тихо, так, чтоб его слышала только Карела. — Я хочу лишь защитить мою собственную жизнь.

Дружелюбно улыбаясь, он пошел навстречу Аберису и остальным, держа ладонь на эфесе меча.

— Не воображай только, что ты можешь примкнуть к нам, Конан, — сказал Аберис. В его улыбке сквозило удовлетворение. — Ты слишком был хорош с ними.

— Я думал, что мы будем держаться все вместе, — ответил киммериец. — Ты хоть вспоминаешь, зачем мы вообще сюда пришли? Не так ли? Сокровище, королевское сокровище!

Хорек сплюнул и ловко попал Конану на сапог.

— Об этом мы смело можем забыть. Я не могу снова найти след.

Улыбка Конана стала еще шире.

— Этого уже и не требуется. Эти твари, которых мы сегодня ночью убивали, носили сапоги как раз такие, как были на тех, кто украли подвески и все остальное из дворца Тиридата. Ты можешь быть уверен, что они служат одному и тому же господину.

— Демоны! — произнес Аберис, качая головой. — Этот парень хочет, чтоб мы сражались за сокровище против демонов!

Остальные угрожающе забубнили. Конан быстро продолжал:

— О каких демонах ты говоришь? Я вижу только тварей с кожей, как у змей, но не демонов. — Конан говорил все быстрее и громче, чтобы заглушить возра-

жения. — Безразлично, как они выглядят, вы, в конце концов, убили их сегодня ночью — или, быть может, я ошибаюсь? — Он обвел их, одного за другим, острым взглядом. — Да, вы их убили — ваша сталь и ваша отвага. Разве демонов можно убить одной только сталью? А вы еще двоих из них захватили в плен живьем. Разве вы при этом бормотали волшебные заклинания, разве вы зачарованы? — Он искоса посмотрел на Абериса и широко ухмыльнулся: — И разве они плевались в вас огнем?

Бандиты начали смеяться, а Аберис покраснел.

— Это не играет никакой роли! Это не играет никакой роли, поверьте мне! Я не могу больше найти следов, и я не услышал от этих чудовищ ни одного слова, которое было бы нам понятно.

— А я говорю, что уже не имеет никакого значения, можешь ли ты найти след, — возразил Конан. — На рассвете мы позволим этим двоим бежать. Их-то следы ты с легкостью отыщешь.

— Они оба ранены, — ответил Аберис, уже почти отчаявшись. — Они вряд ли проживут еще хотя бы час.

— И все-таки это шанс. — Конан возвысил голос. — Шанс выйти на золото и драгоценные камни, на сокровище короля. Кто за золото? Кто за Рыжего Ястреба? — Он извлек меч из ножен и поднял его над головой. — Золото! Рыжий Ястреб!

Мгновение спустя все они, кроме Абериса, уже размахивали клинками. «Золото! — ревели они. — Золото!» — «Рыжий Ястреб!» — «Золото!»

Аберис поджал тонкие губы. «Золото! — крикнул он наконец и высоко вознес в воздух свое копьё. — Рыжий Ястреб!» Его глазки сверкали на Конана со смертельной ненавистью.

— Хорошо! — Голос Конана покрыл их вопли. — Выпейте еще разок вкруговую, а потом успокаивайтесь. Мы выступаем рано утром!

— Золото! — взревели они хором, отступая назад.

Конан подождал, пока они почти дойдут до костров, прежде чем повернуться к Кареле. Она смотрела на него сумрачно и неподвижно. Он успокаивающе протянул к ней руку, но она отбросила ее и исчезла

в своей палатке, не сказав ни слова. Конан, совершенно сбитый с толку, проводил ее глазами.

— Я уже как-то говорил, что у тебя хорошо подвешен язык. — Ордо вложил саблю в ножны. — Но, пожалуй, это даже больше, чем просто хорошо, Конан из Киммерии. Меня не удивит, если ты в один прекрасный день заявишь, что ты генерал или даже король. То есть, если ты живым вернешься из этих гор. Если вообще кто-нибудь из нас вернется...

— Что это с ней? — спросил Конан, не реагируя на его слова. — Я же сказал ей, что я это делаю не для нее, а для себя. Я не нарушил клятвы, которую она заставила меня дать.

— Она думает, что ты хочешь через нее руководить всей бандой.

— Очень глупо с ее стороны.

Ордо, казалось, не слышал его.

— Я только надеюсь, что ей не так скоро станет ясно, что то, что сегодня произошло, никогда уже не будет забыто. Дай ей, Митра, время на то, чтоб она могла это понять.

— Что ты там бормочешь, одноглазый ворон? Или какой-нибудь из ударов повредил сегодня ночью тебе мозги?

— Значит, ты этого не понимаешь? — Голос бородатого звучал подавленно. — То, что однажды было поломано, можно снова соединить, но все равно остаются трещины, и они будут все время ломаться, пока не развалятся окончательно.

— Пока золото звенит в их мешках, эти парни будут верны ей, как и прежде. Завтра утром, Ордо, нам нужно будет похоронить этих ящериц и наших мертвых. Стервятники, парящие в воздухе, не должны выдать нас тому, кто послал этих чудищ.

— Само собой разумеется. — Ордо зевнул. — Доброго сна, киммериец, и будем надеяться, что мы сумеем пережить еще и завтрашнюю ночь.

— Доброго сна, Ордо.

После того, как одноглазый исчез в той стороне, где горели лагерные костры, Конан посмотрел на палатку Карелы возле скалы. В свете лампы был виден ее силуэт. Она умывалась. Вскоре после этого она прикрутила лампу.

Тихонько ругаясь про себя, Конан завернулся в свой плащ и улегся под прикрытием выступа скалы. Доброй ночи, ха! Эти женщины!

Имхеп-Атон покинул свое укрытие на горе над лагерем разбойников и ушел в темноту. Когда он добрался до места, где тени на скалах, казалось, сгущались еще больше, он вошел в большую, ярко освещенную пещеру. Его лошадь и выюный мул были привязаны возле стены. Его одеяла лежали развернутые возле костра, над которым на вертеле жарился заяц. Рядом стоял ларец, где находилось все необходимое для его колдовского ремесла.

Чародей потер глаза, потянулся и размял затылок. Одно волшебство потребовалось ему для того, чтобы использовать глаза орла; второе — чтобы превратить ночь в яркий день для его взора; третье — чтобы слышать все, о чем говорится в лагере. Выполнить все три одновременно было трудно, и это вымотало его так, что сверлящая боль поползла по всему его телу от головы до поясицы.

Но то, что он узнал, стоило всех этих неудобств. Эти идиоты вообразили, что они по доброй воле повернут своих лошадей. Он спрашивал себя, что же они подумали бы, если бы узнали, что они просто собаки, которые напали на медведя и погибли после того, как обратят на себя его внимание. А он, охотник, придет за добычей.

Улыбаясь, волшебник с удовольствием приступил к ужину.

Глава шестнадцатая

А манар сидел на своем золотом «змеином» троне и смотрел на четырех танцовщиц. Они гибко извивались и раскачивались на мозаичном полу только лишь для его развлечения. Несмотря на то, что они были раздеты — за исключением золотых цепочек со звенящими колокольчиками на запястьях и щиколотках — на их нежной коже по-

блескивал пот. Причиной тому была не жара, а их страх перед новым господином. Четыре музыканта из людей играли для них на флейтах, но они держали глаза опущенными. В цитадели было лишь немного слуг-людей, и никто из них не осмеливался поднимать взгляд.

Аманар наслаждался их страхом, который так явно исходил от четырех женщин, наслаждался не меньше, чем видом их прекрасных обнаженных тел, которые они должны были бесстыдно выставлять перед ним. Пятая танцовщица, золотоглазая Ясмин, была первой, которую отдали человеку-ящерице Сите под душераздирающие вопли. Угрозы вызывают больше страха, когда выясняется, что они будут претворены в жизнь. Ей все же каким-то образом удалось перерезать себе горло клинком огромного с'тарра.

Аманару пришлось собрать всю свою волшебную силу, чтобы поддерживать в девушке жизнь хотя бы до того момента, когда она сможет быть принесена в жертву Морату-Аминэ. Но из-за того, что все произошло так стремительно, он не получил от нее никакого удовольствия. В любом случае он принял предосторожности, чтобы впредь ничего подобного не произошло. Полузакрыв веки, он смотрел на свою перепуганную собственность, которая прилагала все усилия, чтобы показаться ему лучше, чем та, которую он признает самой нерадивой.

— Магистр?

— Да, Сита? — спросил волшебник, не устаивая его взглядом. Могучий с'тарра, встал в стороне от трона, опустив голову и исподтишка жадно поглядывая на девушек.

— Карта, магистр. Она передает световые сигналы.

Аманар поднялся с трона и покинул зал. Сита шел вплотную рядом с ним. Девушки продолжали танцевать. Он не разрешил им прекратить танец, а сами они на это не осмеливались.

К тронному залу примыкала комната, где было всего два предмета обстановки: серебряное зеркало висело на одной из серых стен, а к противоположной стене была прислонена большая пластина из чистого хрусталя в раме из полированного дерева. На ней была вырезана картина горной местности, располо-

женной вокруг цитадели. Мерцающий красный огонек двигался медленно по долине. Только люди могли передавать этот сигнал, потому что механические стражи Аманара не разговаривали ни со зверями, ни со с'тарра.

Аманар повернулся к зеркалу, пробормотал несколько таинственных слов и нарисовал в воздухе знак, который слабо засветился. Когда он медленно исчез, серебряное зеркало стало прозрачным, как окно: окно, в которое с большой высоты были видны люди, которые медленно ехали на лошадях по долине.

Один из людей внимательно вглядывался в землю. Они, очевидно, шли вслед за следопытом. Аманар произнес еще несколько чужестранных слов, и картина в зеркале сдвинулась, казалось, поспешно уходя от людей. Как коршун, который разыскивает добычу, видит ее и бросается вниз. В зеркале показался тяжело раненный с'тарра, который брел, шатаясь, падал, снова вставал и снова ковылял дальше. Аманар перевел картину в зеркале снова на всадников, которые преследовали его слугу.

Это были хорошо вооруженные люди — около тридцати мужчин и одна женщина. Аманар не мог определить, кто возглавлял отряд — эта женщина или высокий, мускулистый парень с блестящими темно-синими глазами. В задумчивости Аманар потер подбородок своей длинной рукой.

— Девушка Велита, — обратился он к Сите. — Приведи ее немедленно сюда.

С глубоким поклоном с'тарра покинул комнату, а Аманар продолжал рассматривать картину в зеркале. С'тарра используют своих раненых, раны которых уже нельзя вылечить, как свежее мясо. Этим не было позволено живыми уходить из дозора. Значит, на патруль было совершено нападение и его больше не существует. То, что этот отряд следует за раненым, означает только одно: разъезд был разбит. Это неприятное открытие. Вряд ли эти люди следуют за раненым без всякой на то причины.

— Девушка, магистр. — Сита вернулся. Он держал Велиту за волосы, так что ей пришлось идти на цыпочках. Руки бессильно висели, и она дрожала от страха — и перед ящерицей, которая приволокла ее

сюда, и перед волшебником, который встретил ее взглядом.

— Отпусти ее, — приказал Аманар нетерпеливо. — Подойди сюда, девушка, и посмотри в это зеркало. Ну, живо!

Она неуверенно шагнула вперед, но из-за ее гибкости это было, скорее, танцевальное движение, чем неловкость — и глубоко вздохнула, когда увидела движущуюся картину. Какое-то мгновение волшебник думал, что она что-то скажет, но она тут же сжала зубы и сомкнула губы.

— В первый день ты назвала тут одно имя, девушка, — резко сказал Аманар. — Имя человека, который тебя освободит. Конан. Есть ли он среди тех, кого ты видишь?

Она не шевелилась и молчала.

— Я же не могу мыслями причинить человеку зло. Так что покажи мне его, или я велю Сите отхлестать тебя бичом.

С ее губ сорвался легкий стон, и она распахнула свои темные глаза — на мгновение, чтобы бросить отчаянный взгляд на высокого с'тарра.

— Не знаю, — прошептала она. Она дрожала всем телом, и слезы в беззвучном плаче катились по ее щекам, но больше она не произнесла ни звука.

Аманар раздраженно проворчал:

— Глупое существо! Я быстро узнаю все, что мне нужно. Сита, ей — двадцать ударов.

Растянув пасть в широкой ухмылке, тяжелый с'тарра снова схватил ее за волосы и поднял, вытаскивая ее из комнаты. Слезы потекли по ее лицу еще обильнее, но даже теперь она продолжала молчать.

Волшебник начал внимательнее изучать людей, отразившихся в зеркале. Несмотря на свое молчание, Велита ответила на его вопрос, по меньшей мере, частично, если она даже вообразила, что может как-то защитить этого человека. Все-таки этот Конан просто вор, как сказал Суракса, а воры обычно не скажут во главе двух с половиной десятков вооруженных всадников.

Из-под своего черного одеяния, украшенного змеями, он вынул предметы, которые обычно использовал для такой простой работы. Красным мелом он нари-

совал на каменном полу пятиконечную звезду, затем положил по шепотке порошка в каждый луч. Он протянул левую руку, и из каждого пальца вылетела искра и зажгла порошок на остриях лучей звезды бледным пламенем. Пять слабых огоньков с красным, едким дымом поднялись к высокому потолку.

Аманар проговорил несколько слов на мертвом языке и сделал левой рукой движение. Неожиданно дым сложился в магическую пентаграмму. Волшебный знак раскачивался и крутился, словно его хлестал ураганный ветер, но ни один язычок пламени не вырвался из пентаграммы. Волшебник прокричал еще одно слово, и дым исчез со страшным скрежетом. Вместо этого посреди пятиконечной звезды появилось нечто безволосое, серое, ростом едва до колен Аманару. В чем-то оно напоминало обезьянку, у него был скошенный лоб и длинные руки, достигавшие пола. Из его лопаток росли костистые крылья, затянутые грубой серой кожей.

Демон, кривляясь, оскалил клыки, которые в длину были почти в половину его обезьяньего лица, и выскочил из пятиконечной звезды, направляясь к волшебнику. Но когда он достиг меловой черты пентаграммы, он отскочил, осыпаясь дождем искр, назад в середину звезды, откуда он возник. Через некоторое время он поднялся, и когти его лап царапнули каменный пол. Его крылья летучей мыши дрожали, когда он попробовал подняться в воздух.

— Освободи меня! — проскрежетал он.

Аманар скривил губы от отвращения и злости. Уже давно не возникало такой необходимости лично общаться с этими низшими демонами. То, что девушка вынудила его к этому, он воспринял как испытание, за которое она ему заплатит.

— Освободи меня! — снова скрипнул демон.

— Стой смирно, Заф! — приказал колдун. Маленькое серое создание испуганно вздрогнуло, и Аманар позволил себе слегка улыбнуться. — Да, я знаю твое имя, Заф. И если ты не сделаешь того, что я от тебя потребую, я докажу тебе свою власть над тобой. Подобные тебе уже испытывали на себе мой гнев, они сами навлекли его на себя — и я запер их в крепкие сосуды — в сосуды из массивного золота.

Аманар откинул голову и издевательски засмеялся. Существо, похожее на обезьянку, содрогнулось от ужаса. Остановившимися белыми глазами оно злобно смотрело на Аманара, затем спросило:

— Что должен сделать Заф?

— Посмотри на этих двоих, — сказал Аманар и ткнул в картину, где были видны Конан и Карела. — Я хочу знать их имена, и я хочу знать, почему они преследуют моего с'тарра.

— Как? — проскрежетал демон.

— Не пытайся меня разыгрывать и дурачить! — фыркнул Аманар. — Ты что, вообразил, что я тебя не знаю? Если ты приближаешься к обыкновенному смертному на достаточно близкое расстояние, чтобы слышать его голос, ты начинаешь читать его мысли. И прекрати свои попытки проделать это со мной. Ты должен был уже заметить, что со мной это невозможно.

Демон бешено закричал зубами.

— Заф идет!

Он исчез со звуком, похожим на гром. Широкое одеяние Аманара взвилось под порывом ветра, вырвавшимся из пентаграммы.

Чародей обтер руки, словно касался чего-то очень грязного, и снова повернулся к зеркалу. Некоторое время те, за кем он наблюдал, ехали дальше, пока один из них внезапно не взглянул вверх. Потрясенные, все задрали головы, и наконец несколько человек схватили свои арбалеты и начали стрелять в воздух.

Со скрежетом демон вернулся назад в пентаграмму. Он сложил крылья и вырвал из тела арбалетный болт.

— Зафа хотели убить. — Он скрипнул и презрительно добавил: — Железом.

Он немного повеселился по этому поводу, втыкая извлеченный болт в свою костистую руку. Болт проходил свободно, словно не встречал никакой преграды, и рука оставалась целой и невредимой.

— Как их зовут? — нетерпеливо спросил Аманар.

Демон блеснул на него глазами, прежде чем наконец ответить:

— Большого мужчину — Конан. Женщину — Карела, ее также называют Рыжий Ястреб. Они пришли

сюда из-за подвесок и девушки. Отпусти меня теперь на свободу!

Аманар, улыбаясь, бросил взгляд на зеркало, где отряд успел оправиться от встречи с Зафом и продолжал путь. Стало быть, это вор прекрасной Велиты и знаменитая разбойница, Рыжий Ястреб, со своей бандой. Он найдет хорошее применение им всем.

— Впереди этих людей, — сказал он демону, не отводя взгляда от зеркала, — бежит один из моих с'тарра. Он ранен. Тебе разрешается подкрепиться его телом. Исчезни!

Смех волшебника можно было назвать каким угодно — только не приятным.

Склоны по обе стороны извилистой ложбины становились все более крутыми и отвесными, чем дальше продвигались бандиты. Конан рассматривал куст терновника, которые встречались гораздо реже, чем прежде на краю дороги. Он был изогнут и изуродован, словно кто-то в воздухе или на земле придавал растению эту отвратительную форму, изгибая его ветки и обламывая их. Остальные кусты были похожи на этот.

— Да, подходящая местность, — бормотал Ордо достаточно громко для того, чтобы его мог слышать только Конан. Он настороженно посмотрел на Карелу, которая ехала одна во главе отряда. — Сначала эти ящерицы, потом летающие Митра-ведает-кто.

— Он никому из нас ничего не сделал, — сказал Конан, внешне совершенно равнодушно. — И сразу же улетел прочь.

Он не хотел говорить ничего такого, что могло бы вызвать у остальных желание повернуть назад, но почему-то его не оставляло очень скверное предчувствие, которое не давало себя подавить так просто.

— Мы поразили его, — продолжал одноглазый, — по меньшей мере двумя болтами, но он даже не вздрогнул. Это счастье, что наши висельники не ударились в бегство.

— Может быть, вам и в самом деле лучше повернуть назад, Ордо. — Конан чуть не свернул себе шею, обернувшись к бандитам, которые ехали по извили-

стой дороге один за другим. Их вела жадность, но с той минуты, как они увидели это редкостное создание парящим над собой, они не выпускали из глаз серое небо и голые отвесные склоны. То один, то другой обеспокоенно проводил рукой по своим перевязанным ранам и бросал задумчивый взгляд назад, на дорогу, по которой они сюда пришли.

Киммериец сердито повернулся назад к одноглазому.

— Если Карела скажет им, что она приняла решение повернуть назад, они очень охотно последуют за ней. Если же она поедет дальше, они будут отставать один за другим.

— Ты-то должен знать, что она не повернет назад. До тех пор, пока этого не сделаешь ты.

От необходимости отвечать Конана избавил громкий вопль Абериуса. Хорек уехал далеко вперед, идя по следу раненого человека-ящерицы. Он остановил лошадь на повороте дороги, там, где высокая скала скрывала от глаз тропу, и торопливо махал обеими руками. Карела безмолвно помчалась к нему.

— Я надеюсь, что он потерял след, — пробубнил Ордо. Конан ударил лошадь пятками. Спустя мгновение одноглазый последовал за ним.

Когда Конан промчался мимо, рыжая чуть посторонилась. Он посмотрел на то, что показывал им Абериус. Человек-ящерица, за которым они гнались, лежал в тени скалы на спине, мертвый. Его кольчуга и грудь под ней были обкусаны.

— Стервятники уже потрудились, — проворчал Ордо. — Слишком глупо, потому что второй куда-нибудь забился, чтобы умереть. — Однако это звучало так, словно не огорчало его на самом деле.

— На небе не видно стервятников, — задумчиво сказал Конан. — И я еще не слышал ни об одном шакале, который съедает только сердце и оставляет все остальное.

Лошадь Абериуса заржала, когда он невольно содрогнулся в седле.

— Митра! Киммериец прав. Кто знает, что его убило! Может быть, это было то крылатое чудовище, которое не берет арбалетные болты.

Хорек дико озираясь, словно ожидая, что на него набросятся с какой-нибудь скалы.

— Молчи, дурак! — прошипела Карела. — Он умер от своих ран, а твой приход спугнул барсука или кто там был.

— Это не играет теперь роли, — сказал Абериус. — В любом случае нет больше следов, которые я мог бы читать.

Рыжая посмотрела на него презрительно-весело.

— Тогда ты мне больше не нужен. Я сама найду то место, куда он хотел попасть.

— Пора нам уже исчезнуть из этих окаянных гор. — Хорек повернул голову к остальным бандитам, которые ждали в некотором отдалении.

Их уважение к Рыжему Ястребу было еще достаточно большим, чтобы не примчаться толпой без разрешения.

Карела вела себя так, словно не слышала его пронзительного голоса.

— Пока эта ящерица думала уйти от нас, она все время придерживалась одного направления, от которого отклонялась, когда местность заставляла это делать. Так что мы можем продолжать ехать в этом направлении.

— Но... — Абериус проглотил остаток своей речи, когда Ордо придвинулся к нему на своей лошади. Карела смотрела прямо и не устаивала его больше ни одним взглядом.

— Если я услышу что-нибудь иное, кроме того, что ты спугнул здесь стервятника, я позабочусь о том, чтобы твой труп составил компанию этой падали.

Конан поднял глаза, когда он поворачивался, чтобы ехать вслед за Карелой, и одно мгновение одноглазый казался смущенным.

— Ей нужен по меньшей мере верный пес, который будет ей верен, киммериец. Вперед Абериус! — Он бросил взгляд через плечо. — Вперед, вы, неверные псы! — взревел он. Еще раз его взгляд наткнулся на взгляд Конана, затем он пустил лошадь галопом.

Еще немного Конан постоял, наблюдая за лицами проезжающих мимо бандитов, когда они смотрели на окровавленный труп человека-ящерицы. Каждый

вздрагивал, бормотал что-то про себя и ругался, огибая скалу. Но жадность в их глазах не уменьшилась.

И у Конана сорвалось ругательство, прежде чем он поехал вслед за Ордо и Карелой.

Глава семнадцатая

У стало подняв руку, Гаранидес дал знак сильно измученным кавалеристам, ехавшим позади него, остановиться. Совершенно очевидно, что здесь, между двух скал, стоял лагерь какой-то отряд. Хотя они пытались стереть следы, но там и тут еще шел дымок из небрежно присыпанных землей углей.

— Прикажите людям спешиться, Ахеранатес, — приказал капитан и невольно скривил лицо в гримасу, когда он сам слез с седла. Кецанкианская пика оставила между его ребер зияющую рану, и потребуется немало времени, прежде чем она заживет. — Возьмите десять человек и установите, можете ли вы найти, какую дорогу они избрали, только не очень затаптывайте их следы.

Стройный лейтенант — Гаранидес не переставал удивляться, как это ему удалось выйти из сражения без единой царапины — приложил руку ко лбу, отдавая честь.

— Сэр. — Он вывел свою лошадь и начал отбирать людей.

Гаранидес вздохнул. У него были не очень хорошие отношения с адъютантом, а это означало, что он будет не слишком лестно описан отцу адъютанта, а это все означало... Он отогнал от себя эти мысли, потому что его пальцы сами собой нащупали в его кисете на поясе каменный флакончик. Запах, который все еще шел от безделушки, встречался ему второй раз, но он только сейчас связал его именно с этим флакончиком, и все это исчезало в тот момент, когда он выбил кривую саблю из рук кецанкианца. Рыжая всадница, которая вместе с каким-то великаном предупреждала его о появлении горцев, была Рыжим Ястребом.

Проблема была в том, что Ахеранатес знал, что он уже держал ее в руках, и она ускользнула от них.

Едва закончилась битва и о раненых позаботились так хорошо, насколько это вообще возможно в полевых условиях, и Гаранидес пустился в погоню за этими троими вместе со своими людьми.

— Сэр? — Это был Резаро, который оторвал его от мрачных мыслей. — Пленный, сэр?

Когда бойня подошла к концу, они нашли среди мертвых одного кецанкианца, который был тяжело оглушен ударом по голове. Теперь Гаранидес хотел знать, зачем кецанкианцы собрались такой большой толпой. Обычно они объединялись в небольшие отряды для своих набегов. Передвигаются ли в этой местности еще другие большие отряды примерно такой же численности? Он сердито сказал:

— Допросите его, Резаро.

— Слушаюсь, сэр. Если господин капитан разрешит, я хотел бы сказать, что на поле боя было славное дело. Та горстка людей, что вышла из боя живыми, скачет до сих пор, не давая себе отдыха.

Гаранидес вздохнул.

— Позаботьтесь о пленном.

Резаро по-военному отдал честь и ушел.

Этот человек вполне мог говорить о хорошо сделанном деле, и в обычных условиях это можно было бы так и рассматривать, но они, в конце концов, не были обычным разездом. Двести отборных кавалеристов вывел он из ворот Меченосца. Теперь, после того, как мертвые преданы земле, те, кто слишком тяжело ранены, чтобы ехать с ним дальше, отделены от остальных, и выделены достаточно здоровые люди, чтобы охранять их на обратном пути, у него осталось всего восемьдесят и еще три человека сверх того, — но ни Рыжего Ястреба, ни королевских драгоценностей он еще не добыл. А ведь только это ценно в глазах короля и его советника и только за это его наградят.

Послышался дикий крик — без сомнения, он вырвался из глотки пленного кецанкианца.

— Проклятье Митры на голову Тиридата, а заодно и Рыжего Ястреба, — заворчал капитан. Он начал обход бывшей стоянки бандитов, изучая землю между высоких скал, не только в надежде отыскать что-нибудь такое, что поможет ему в дальнейшем, но и

просто для того, чтобы не думать о стогах кецанкианца.

Ахеранатес присоединился к нему в том месте, где стояла палатка.

— Я хочу, я должен видеть то, что она видела отсюда, — бормотал Гаранидес, не обращая внимания на стройного офицера. — Что-то странное есть в этом месте. Что же здесь происходило?

— Битва, сэр. — Высокомерная улыбка бегло скользнула по губам лейтенанта, словно он знал больше, чем Гаранидес. — Или по меньшей мере, бой, но замечательный. Кецанкианцы напали на бандитов и нанесли им большие потери. Рыжего Ястреба можно больше не опасаться. Если она еще жива, то кричит, небось, во все горло над пыточным костром.

— Вы нарисовали роскошную картину, лейтенант. Чем вы это докажете?

— Могилы. Массовое захоронение для сорока или даже больше человек, и семнадцать отдельных могил. Они расположены наверху, здесь к северу.

— Могилы, — задумчиво повторил Гаранидес. Обычно два горских рода не выступают в поход совместно. На их языке слово «враг» означало также «Человек-не-из-моего-рода». Но может быть, причина объединиться у них появилась потом.

— И кто же победил, лейтенант?

— Что?

Остроносый капитан покачал головой.

— Нужно изучать обычаи тех, за кем охотишься. Ни один из горских родов не погребает убитых врагов, а своих собственных мертвецов они забирают назад с собой, в свои деревни, чтобы их духи не оставались среди чужих. Если победили бандиты, то почему они похоронили мертвых кецанкианцев?

— Но ведь бандиты не принадлежат к племени горцев! — возразил Ахеранатес.

— Безразлично. Я предлагаю, чтоб вы взяли несколько человек и выяснили, кто похоронен в этих могилах.

Теперь уже Гаранидес немного свысока улыбнулся, наблюдая за выражением лица своего лейтенанта.

Когда стройный офицер сообщил, что он не осквернит гробниц и не ворует у покойников, пришел —

вернее, примчался — кривоногий кавалерист и, кашляя, остановился перед ними. Из-под его шлема выглядывал край окровавленной повязки.

— Господин капитан, — сказал он и смущенно начал переминаться с ноги на ногу. — Сэр, там кое-что такое, на что вам, наверное, надо бы взглянуть. Это... — Он судорожно глотнул. — Будет лучше, если вы посмотрите на это сами, сэр.

Гаранидес нахмурился. Он спрашивал себя, что могло так испугать этого храброго солдата.

— Хорошо. Иди вперед, Нарсес.

Солдат снова глотнул и, заметно колебавшись, пошел назад по тому пути, по которому прибежал. Гаранидес заметил, что Ахеранатес идет вплотную рядом с ним. Лейтенант, очевидно, думал, что даже то, что могло напугать испытанного в боях солдата, все же лучше, чем вскрывать захоронения, которым уже несколько дней.

Возле куста терновника, который рос из расселины в скале, стояли два вахтенных солдата. Они старались не смотреть в узкое отверстие в скале. Они были похожи на Нарсеса — в кольчугах, в шлемах, с горбатыми носами и кривыми ногами, и их глаза тоже казались испуганными, а их лица приняли зеленоватый оттенок.

Нарсес остановился перед этими двумя и указал на расселину.

— Там, внутри, сэр. Я заметил кровавый след, сэр, который вел туда, ну, я заглянул и... — Смущенно дернув плечами, он прервал себя.

Кровавый след был хорошо заметен. Он тянулся, словно черная полоса, по камню к терновому кусту.

— Вырвите куст, — резко приказал Гаранидес. Может быть, бандиты или кецанкианцы расчленили тут кого-нибудь и бросили труп воронам. Смотреть на жертвы такого убийства нравилось ему еще меньше, чем слушать их вопли, а судя по лицам этих людей, жертва была убита зверским образом.

— Приступайте немедленно, — добавил он, увидев, что они продолжают мяться, теребя свои сабли.

— Слушаюсь, сэр, — подавленно сказал Нарсес.

Они использовали свои клинки как ножи для подрезания кустов и сопровождали свою работу сдавлен-

ными проклятиями, когда колючки сквозь кольца кольчуги впивались им в кожу, и застревали в ней. Наконец куст был вырван, и колючие ветки не закрывали больше расселину. Гаранидес поставил ногу на выступ и заглянул в расселину. Он испуганно затаил дыхание.

Прямо на него смотрели невидящие, нечеловеческие глаза, выделявшиеся на лице, покрытом чешуей. Слегка приоткрытый в агонии рот с острыми клыками оскалился в усмешке, казавшейся издевательской. Нестественно длинная костлявая рука с перебитым запястьем, вцепилась когтями в покрытые кровью обрывки кольчуги, под которой угадывались глубокие рваные раны. Кроме этих ран, вероятно, были и другие, и все они, как заметил Гаранидес, были нанесены мечами или, во всяком случае, таким родом оружия, которое употребляется людьми.

Но стервятник, круживший неподалеку, не потревожил труп этой твари, подумал капитан.

— Что это там? — поинтересовался Ахеранатес.

Гаранидес выбрался наружу, чтобы освободить место лейтенанту — пусть посмотрит.

— Вы видели что-нибудь еще в том направлении? — обратился Гаранидес к солдатам.

Пронзительный вопль вырвался из уст Ахеранатеса, и стройный офицер почти свалился сверху. Он неподвижно уставился на своего начальника и на трех кавалеристов. Лицо его было совершенно диким. Он прижимал руки ко рту.

— Митра! — всхлинул он. — Что это?

— Во всяком случае, не кецанкианец, — сухо ответил Гаранидес.

Лейтенант, шатаясь и сдвленно рыдая, прошел несколько шагов, и его вырвало. Гаранидес покачал головой и снова повернулся к солдатам.

— Так видели вы что-нибудь еще или нет?

— Конечно, сэр. — Нарсес был откровенно рад возможности поговорить о чем-нибудь еще, кроме этого существа в расселине. — Лошадиные следы, сэр. Двадцать или больше. Они вышли из лагеря внизу, прямо здесь — прошли мимо этого места и направились в этом направлении. — Он показал, вытянув руку, на юг.

— Будем преследовать дальше? — пробормотал капитан, обращаясь сам к себе.

— Мы должны повернуть назад! — прохрипел Ахеранатес внезапно. — Мы не можем сражаться с демонами.

— Я впервые вижу демона, убитого обыкновенным человеческим клинком, — ровным голосом ответил Гаранидес. Он с облегчением заметил, что после слов Ахеранатеса паника прошла. — Вытащите труп наружу, — в его глазах появилась решимость. — Мы спросим нашего кецанкианского приятеля, видел ли он его или таких, как он.

Ворча себе под нос, кривоногие кавалеристы забрались в расселину и выволокли неподвижное тело наружу. Пока они занимались этим, капитан возвратился в лагерь.

Кецанкианец лежал с раскинутыми руками и ногами, привязанный к кольям, на земле, окруженный солдатами, которые заключали друг с другом пари, раскроет он наконец рот после следующей пытки или будет молчать. На углях небольшого костра лежало около дюжины металлических прутьев. Запах паленого мяса и красные полосы на ступнях и на безволосой груди пленного говорили о том, для чего использовались эти прутья.

Резаро, который сидел на корточках возле кецанкианца, осторожно засунул металлический прут в огонь.

— Он немного пока что рассказал, сэр, — доложил он.

— Неверные псы! — прохрипел пленный. Его черные глаза сверкнули на Гаранидеса поверх длинной спутанной бороды, которая была почти такой же черной. — Отродье грязных верблюдов! Ваши матери не лучше глупых овец! Ваши отцы...

Резаро равнодушно закрыл ему рот рукой.

— Я сожалею, сэр. Но в любой из их деревень любому из нас, окажись мы на его месте, пришлось бы намного хуже. Этот парень рассматривает как персональное оскорбление, что мы хотим получить от него немного сведений, вместо того, чтобы прикончить его на месте.

— Я не стану говорить! — проворчал кецанкианец. — Перебейте мне кости на руках — я не стану говорить! Выколите мне глаза — я не стану говорить! Отрежьте мне...

— Это действительно очень интересные предложения, — прервал его Гаранидес. — Но я хочу от тебя кое-чего совсем иного. — Черные глаза смотрели на него встревоженно. — Я ручаюсь, что кто-нибудь там, наверху, по меньшей мере, один из твоих людей смотрит сюда вниз, на нас. Может быть, кто-то из твоего рода. Но это не играет большой роли. Как ты думаешь, что случилось бы, если бы этот наблюдатель увидел, как мы, улыбаясь, развязываем твои путы, помогаем тебе встать на ноги и дружески похлопываем тебя по плечу?

— Убейте меня! — прошипел человек. — Я ничего не скажу.

Гаранидес рассмеялся.

— Нам не нужно тебя убивать. Этого они от нас и ждут. И от них ты примешь гораздо более долгую и мучительную смерть — вот чего я боюсь, приятель. И твой дух навсегда будет обречен бродить между этим миром и миром следующего рождения, одинокий, отверженный всеми живущими существами — и демонами.

Кецанкианец все еще молчал, но выражение его лица было нерешительным. Ну, хватит, подумал Гаранидес.

— Нарсес, принеси сюда падаль и покажи ее нашему гостю.

Солдаты отвернулись, глотнули и забормотали охранительные заговоры, когда Нарсес с еще одним товарищем приволокли окоченевший труп. Гаранидес не выпускал пленного из виду. А он быстро отвел глаза от мертвого человека-ящерицы и снова, полный жгучей ненависти, повернулся к капитану.

— Тебе знакома эта тварь, не так ли? — спросил его капитан.

Кецанкианец нерешительно кивнул. Теперь он смотрел на Гаранидеса так, словно хотел его убить.

— Таких, как он, называют с'тарра. — Он скривил рот и плюнул. — Многие из этих трижды проклятых стервятников служат злодею, который живет в мрач-

ной крепости на юге. Многие мужчины и даже женщины и дети пропали за ее толстыми стенами, и никто их больше не видел, ни живых, ни мертвых. Не осталось даже тел, которые можно было бы предать земле, чтобы их мертвые души могли обрести мир. Этого поругания мы не могли выносить безнаказанно. Поэтому мы убиваем друг друга...

Тонкогубый рот снова скривился, и человек мрачно посмотрел в пространство.

— Врешь, — насмешливо сказал Гаранидес. — Правда тебе известна так же, как твой папаша известен твоей мамаше. Вы, горные псы, не видели никакой крепости. Вы даже боитесь своих баб и покупаете себе детей за медные деньги.

Смуглое лицо становилось все более темным и яростным по мере того, как капитан говорил.

— Развяжи меня! — взывал кецанкианец. — Развяжи меня, ты, который пьет мочу шакалов, и я смогу доказать тебе свое мужество, я искромсаю тебя на куски!

Капитан презрительно рассмеялся.

— Даже если вас соберется несколько человек, вы не сумеете даже взять штурмом глинобитную хижину, в которой живут старая баба с внучками!

— Благодаря правоте нашего дела наша сила сравнится с силой тысяч, — горячо сказал человек. — Каждый из нас может убить две дюжины этих смердящих исчадий ада!

Гаранидес внимательно разглядывал глаза кецанкианца, которые застилала ярость, и незаметно кивнул. Это было лучшее подтверждение его предположению, что никто из горцев не находился сейчас на пути, по которому они собирались идти, как он боялся.

— Ты говоришь, эти отродья ящерицы воруют людей? Они интересуются драгоценностями? Золотом? Самоцветами?

— Нет! — внезапно вмешался Ахеранатес. Гаранидес в гневе резко повернулся к нему, но молодой офицер уже лепетал: — Мы не можем... мы не можем этих... этих чудовищ... дальше преследовать! Митра! Нас послали, чтобы мы ловили Рыжего Ястреба... а не

для того, чтоб мы убивали этих тварей, во имя всего святого!

— Заткнитесь, Ахеранатес! — выругался капитан. — Эрлик бы вас забрал!

— Я проведу вас, — вмешался кецанкианец, — и вы уничтожите этих чешуйчатых чудищ! Я действительно вас проведу.

Вместо дикой ярости на его лице появилось другое чувство, но какого рода, капитан не мог понять.

— Клянусь Черным Троном Эрлика! — проворчал Гаранидес. Он схватил Ахеранатеса за руку и оттащил лейтенанта за большую скалу, с глаз наблюдавших за ними людей. Капитан оглянулся, чтобы быть уверенным, что никто из них не пошел за ними следом. Когда он заговорил, голос его был тихим, но резким.

— Я терпел ваше бесстыдство, я сносил вашу глупость и вашу хитрость, и вашу чувствительность, которая хуже, чем распушенность десяти наложниц вместе взятых, но трусости я не потерплю, и особенно на глазах у моих солдат.

— Трусость! — дрожа от возбуждения, выкрикнул Ахеранатес. — Мой отец, Манерксес, друг...

— Мне плевать на это, даже если ваш папаша — сам Митра, собственной персоной. Клянусь Ханнуманом, ваш страх настолько велик, что его можно чуют, не приближаясь к вам на десять шагов. Нас послали сюда, чтобы мы привезли в столицу Рыжего Ястреба — а не какие-то слухи и предположения, что она, может быть, уже нашла свою смерть в горах.

— Вы хотите идти еще дальше?

Гаранидес заскрежетал зубами. Этот идиот доставит ему немало неприятностей, как только они вернутся назад в Шадизар.

— Да, во всяком случае, еще немного, лейтенант. Вероятно, мы найдем этих бандитов. А если их разбили эти с'тарра, — ну, кецанкианцы могут считать эту крепость цитаделью, но если они полагают, что возможно взять ее силами двухсот человек, то возможно сделать это, имея восемьдесят настоящих солдат. В любом случае, я не вернусь назад, пока не заполучу в руки Рыжего Ястреба и королевские безделушки, или и то и другое.

— Вы сошли с ума! — Голос Ахеранатеса был холоден и неестественно спокоен, и глаза его стали стеклянными. — У меня, стало быть, нет другого выхода. Я не могу допустить, чтобы вы привели нас всех к верной гибели.

С быстротой молнии он вытащил свою саблю.

Несмотря на свое потрясение, Гаранидес был в состоянии отскочить в сторону, уклоняясь от дикого натиска лейтенанта. Глаза Ахеранатеса были неподвижны, дыхание вырывалось с хрипом. Гаранидес прыгнул в сторону, и клинок противника вонзился в каменистую землю в том месте, где только что был капитан. Гаранидес обнажил саблю и сделал выпад. Клинок вошел между ребер юноши и острие его вышло между лопаток на спине.

Ахеранатес, словно не веря, посмотрел на сталь, которая его пронзила. «Мой отец Манерксес, — прохрипел он. — Он...» Кровь хлынула у него изо рта, и он рухнул на землю.

Гаранидес встал. Торопливо вырвал клинок из тела. Он вздрогнул, когда по камням за его спиной прозвучали чьи-то шаги. К нему подошел Резаро и, опустив голову, посмотрел на мертвеца.

— Этот идиот... — начал Гаранидес, но кавалерист прервал его.

— Извините меня за то, что я вмешиваюсь, сэр, но я вижу, что смерть лейтенанта вас потрясла, а я не хотел бы, чтобы вы в своем глубоком горе случайно произнесли то, чего мои уши не должны были слышать.

— Что ты хочешь этим сказать? — поколебавшись, спросил капитан.

Резаро твердо посмотрел ему в глаза.

— О, лейтенант был очень смелый человек, сэр. Очень мужественный. Он скрывал от нас свои страшные раны, которые получил в бою против кецанкианцев, пока не стало слишком поздно, чтоб мы смогли ему помочь. Но я верю, что мы будем помнить его всю нашу жизнь. Его отец будет гордиться таким сыном. — Он вынул платок из-под фуфайки, надетой под кольчугой. — Вытрите вашу саблю, сэр. Вы поскользнулись и упали прямо в кровь лейтенанта.

Поколебавшись, Гаранидес взял в руки платок.

— Когда мы снова будем в Шадизаре, найди меня. Мне нужен хороший фельдфебель, когда я получу новый отряд. Посади кецанкианца на его лошадь, и тогда мы посмотрим, сможем ли мы найти Рыжего Ястреба.

— Слушаюсь, сэр. И спасибо вам, сэр.

Резаро отсалютовал, приложив ладонь, и повернулся назад. Гаранидес остался стоять, неподвижно рассматривая тело лейтенанта. Если до сих пор у него был еще шанс остаться в живых, вернувшись в Шадизар без Рыжего Ястреба и подвесок Тиридата, то теперь этот шанс погиб вместе с высокообразованным молодым кретином. Ругаясь про себя, он вернулся к своим людям.

Глава восемнадцатая

Острые глаза Конана скользили по верхушкам гор, когда бандиты, растянувшись длинной колонной ехали по извилистой расселине. Ордо, который ехал рядом с ним, ворчал что-то себе в бороду, а Карела ехала рысью впереди, как обычно. Она отбросила назад свой изумрудного цвета плащ и уперла руку в бедро. Абериус, который больше не нужен был для того, чтобы читать следы, ехал среди других бандитов сзади.

— Она ведет себя так, словно она на параде, — ворчал Ордо.

— Это и так нечто вроде парада, — возразил Конан и пошевелил меч в ножнах. Снова и снова его взгляд обращался на вершины гор, не задерживаясь нигде надолго. — Во всяком случае, мы имеем зрителей.

Лицо Ордо перекосилось, но он не был новичком и быстро взял себя в руки.

— Где они? — спокойно спросил он.

— На вершинах с обеих сторон расселины. Я только не знаю, сколько их.

— Здесь много и не потребуется, — буркнул Ордо, с деланным равнодушием изучая отвесные склоны. — Я предупрежу Рыжего Ястреба.

— Я с тобой, — быстро сказал Конан. — Только медленно, как будто мы просто едем к ней, чтобы поболтать.

Одноглазый кивнул, и оба легонько прищипорили лошадей.

Карела посмотрела на них с удивлением, когда они оказались с обеих сторон от нее. Разозлившись, она уже раскрыла рот.

— Нас преследуют, — поспешно сказал Ордо, прежде чем она начала говорить. — Вдоль гор, на вершинах.

Она бросила беглый взгляд на Конана и снова повернулась к Ордо.

— Ты уверен?

— Я уверен, — ответил киммериец вместо него. Она пожала плечами и молча посмотрела прямо перед собой. — Я уже давно заметил краем глаза какое-то движение. Я подумал сперва, что это звери, но потом мне на глаза попались две на востоке и три на западе фигуры, почти незаметно мелькнувшие в тени.

— Во имя Ханнумана! — пробормотала она, глядя на него. В этот момент они свернули за поворот, и все, что она еще хотела сказать, пропало в ее тихом вскрике.

Посреди дороги, на расстоянии двадцати шагов от них, стояли восемь воинов-ящериц, таких, как те, которых они убили, в кольчугах и шлемах с гребнями. На плечах у них лежали четыре перекрещенных шеста, на которых стоял богато украшенный резьбой трон из слоновой кости, а на нем сидел человек в багряно-красном одеянии. Белые струны тянулись в его черных волосах. Он сжимал в руке длинный позолоченный посох, держа его поперек груди, и слегка кивнул головой, не поднимаясь с трона.

— Я — Аманар. — Его голос отразился от отвесных скал. — Я приветствую вас. Добро пожаловать!

Конан заметил, что он непроизвольным движением вынул из ножен свой меч, и краем глаза он видел, что и Карела с Ордо держат клинки в руках. Губы Аманара улыбались — но не его черные глаза с красноватыми точками, в которых киммериец читал злобу, которая была в этом человеке гораздо сильнее, чем в его змееподобных слугах. Ему позволяла видеть это

его первобытная дикая природа с ее хорошо развитым инстинктом, и киммериец знал, что на нее можно положиться.

— Не бойтесь, — сказал человек каким-то особенным голосом.

Упавший камень оторвал взгляд Конана от человека в багряных одеждах, и только тогда киммерийцу стало ясно, что он словно зачарован этим человеком. Теперь он видел, что сотни людей-ящериц с копьями и арбалетами появились на отвесных склонах скал. Бандиты за его спиной заворачали, когда им стало ясно, что они так плотно окружены.

— Крысы в ловушке, — проговорил Ордо. — Провалиться мне в адское пламя, Конан, если ты не привел нас в царство проклятых.

— Что это значит? — резко спросила Карела. — Если вы вообразили, что можете нас так легко захватить...

— Вы не поняли, — прервал ее человек на троне ласковым голосом, в котором Конан слышал насмешку. — С'тарра — мои слуги. Многие путешественники приходят сюда, и я прихожу их приветствовать, как сейчас приветствую вас. Но иногда среди них встречаются такие, которые, несмотря на все мое дружелюбие, применяют против меня силу оружия. Поэтому я вынужден брать с собой свиту в достаточных количествах. Вовсе не потому, что я не доверяю вам.

Конан был уверен, что слышит в его тоне сарказм.

— Что же вы за человек, если у вас такие слуги, как эти ящерицы?

«Волшебник» — таким должен быть ответ, соблаговолит он ответить или нет.

Но вместо того, чтобы ждать ответа от Аманара, Карела произнесла:

— Ты, кажется, забыл, кто здесь командует, киммериец? — Ее гневно сверкнувшие зеленые глаза обратились от Конана к человеку в багряных одеждах. — Меня, правда, тоже интересует ответ на этот вопрос, Аманар. Вы волшебник, который заставил служить себе этих чудовищ?

Бандиты испуганно затаили дыхание. Конан внутренне содрогнулся, потому что он знал, как опасно в открытую противопоставить себя колдовству. Но Ама-

нар улыбнулся, словно перед ним были несмышленные дети.

— С'тарра вовсе не чудовища, — объяснил он. — Это последние из одной расы, которая была распространена на земле, прежде чем появился человек, и они, несмотря на их жутковатую внешность, добрейшие существа. Прежде чем сюда пришел я, горцы охотились на них, как на диких зверей, и убивали их. Нет, вам в самом деле не нужно их бояться, так же, как и мне. Есть и другие племена этих с'тарра, которые мне не служат, и их невозможно отличить от кецанкианцев, которые их ненавидят, и от других людей.

— Мы встретили таких на дороге, — сказала Карела.

Конан бросил на рыжую косой взгляд, но так и не понял, поверила она этому человеку на самом деле или ее слова преследовали определенную цель.

— Благодарение богам за то, что вы пережили эту встречу, — сказал Аманар. — Разрешите мне дать вам приют в моей цитадели. Ваши люди будут чувствовать себя уверенно, если встанут лагерем у ее стен. Окажите мне честь и станьте моими гостями. У меня так редко бывают гости, и я хотел бы с вами немного поговорить о том, что может принести вам пользу.

Конан посмотрел на с'тарра, которые стояли плотными рядами, и спросил себя, отважился ли кто-нибудь отклонить приглашение Аманара.

Карела не колебалась.

— Я принимаю ваше великодушное предложение с благодарностью.

Аманар улыбнулся — и снова в этой улыбке не участвовали его глаза — коротко поклонился ей и хлопнул в ладоши. Восемь с'тарра повернулись, бережно держа трон, и пошли к подножию горы. Карела ехала следом, и Конан с Ордо спешили за ней. Идя по верхнему краю гор, с'тарра сопровождали бандитов. С ловкостью ящерицы они ступали по отвесным склонам. Почетный караул или просто конвой? — спрашивал себя Конан.

— Насколько ты веришь его словам? — тихо обратился к нему Ордо.

Конан бросил взгляд на человека, сидящего на троне и возглавляющего шествие — он подозревал, что волшебник имеет слишком острый слух. Аманар, казалось, не обращал на них внимания.

— Вообще не верю, — ответил он. — Этот с'тарра — так он называет своих ящериц? — умер по пути сюда.

Одноглазый помрачнел.

— Если мы неожиданно свернем, мы удерем от этих подручных палача прежде, чем они успеют сделать пару выстрелов из их арбалетов.

— Зачем? — Конан тихо рассмеялся. — Мы приближаемся к подвескам и ко всему прочему, что мы хотели найти. Он ведет нас в цитадель, прямо к ним.

— Об этом я совсем не подумал, — сознался Ордо и присоединился к его тихому смеху.

Карела посмотрела на них через плечо. Ее косящие зеленые глаза казались загадочными.

— Предоставь думать мне, старина, — сказала она. Воцарилось недоброе молчание.

Глава девятнадцатая

Когда узкая, извилистая расселина наконец вывела в широкую долину, они увидели цитадель Аманара. Черные башни устремлялись в небо, и их круглые бока, казалось, поглощали свет полуденного солнца. Черные оборонительные валы с зубцами и бойницами, из которых льют смолу, поднимались над скалой. К воротам вела дорога. Возле ворот стояли сторожевые башни, которые можно было защитить от неожиданных захватчиков, сливая кипящее масло. Вокруг не росло ни одного куста, даже терновника.

Аманар указал на широкую равнину вокруг крепости.

— Прикажите вашим людям разбить здесь лагерь, а что касается вас, то я приглашаю вас в цитадель, и я поговорю там с вами.

— Найди хорошее место для моих псов, Ордо. — Карела слезла с седла и отдала одноглазому поводья своего вороного. Конан тоже спрыгнул на землю. Ее

зеленые глаза вспыхнули опасным светом. — Что ты себе позволяешь!

— Я не принадлежу к твоим псам, — напомнил он ей ласково. Он начал подниматься по дороге и обратил внимание на расположение стражи на стенах. Проникнуть сюда вору будет определено непросто.

Киммериец остановился, услышав за спиной быстрые шаги. Карела догоняла его. Ее тяжелое дыхание можно было бы скорее приписать ее ярости, чем ее волнению, подумал он.

— Конан, — фыркнула она. — Ты ничего здесь не потерял!

— Я должен знать, что там внутри, Карела. Эти стены могут выдержать натиск целой армии. Может быть, мне придется пробираться здесь ночью, если мы получим в руки эти подвески. Может быть и так, что Аманар и его подручные заставят тебя думать по-другому.

— Я разве это сказала? Я не потерплю, чтобы ты подозревал меня в трусости!

Они остановились у закрытой подъемной решетки. По другую сторону железных прутьев, напротив них, смотрел на них с'тарра пустыми красными глазами, которые в темноте арки ворот словно слегка светились. Двое других подошли с пиками в руках от дозорных башен.

— Аманар ждет нас, — заявил Конан.

— Он ждет м е н я, — уточнила Карела.

С'тарра поднял руку, и скрежеща цепями, решетка поднялась.

— Да. Магистр сказал, что будет ждать двоих. Идите за мной. — Он повернулся и пошел в темные коридоры цитадели.

— Откуда он знал, что мы придем вдвоем? — пробормотала Карела, когда она пошла следом за с'тарра.

— Разве мы не должны были предоставить размышления тебе? — возразил ей киммериец. Со скрипом решетка упала за их спинами. Рослый варвар невольно с надеждой подумал о том, что желательнее было бы, чтоб она выпустила их так же легко, как и впустила. Вымощенный гранитными плитами двор крепости, казематы, сложенные черным камнем выгля-

дели так же мрачно, как и сама цитадель. С'тарра провел их через тяжелую, обитую железом дверь во внутренний двор крепости. Из мощной глыбы обсидиана вырастала самая высокая башня.

Они вошли в большой зал с мраморными стенами и мозаичным полом, украшенным арабесками всех цветов радуги. В серебряных настенных канделябрах горели золотые лампы в виде дракона. Они освещали даже высокий сводчатый потолок, который был украшен изваянными из мрамора единорогами и летающими конями. Конан кивнул удовлетворенно. Если Аманар выставляет уже в своей передней такие дорогие лампы, то он без сомнения обладает несметным богатством, от части которого он собирался его освободить. И еще, конечно, были Велита и его клятва позаботиться о свободе для нее.

С'тарра остановился перед высокой дверью из вороненой меди и постучал. Человек-ящерица склонил голову, словно прислушиваясь, хотя Конан не слышал ничего, затем раскрыл одну створку тяжелой двери. Музыка флейт и арф донеслась из-за нее. С'тарра поклонился и сделал знак обоим посетителям войти.

Конан последовал его приглашению, и Карела поспешила его догнать, чтобы это не выглядело так, словно она должна идти за ним следом. Он улыбнулся ей, а она в ответ яростно оскалилась.

— Добро пожаловать! Садитесь, будьте добры! — Аманар удобно устроился на стуле, покрытом богатой резьбой, возле низенького стола из эбенового дерева, и его пальцы играли с золотым посохом. Два похожих стула стояли по другую сторону стола.

Четверо музыкантов — это были люди — сидели, скрестив ноги, на подушках, которые были прислонены к стене. Они играли на своих инструментах, не глядя друг на друга и не отрывая взгляда от пола. Женщина с вином на серебряном подносе вошла из-за занавеса. И она тоже не поднимала глаз от дорогих ковров, пока ставила поднос на стол, низко кланялась Аманару и быстро выскальзывала из зала. Волшебник, казалось, и вовсе ее не заметил. Его глаза с красноватыми точками в глубине остановились на Кареле.

— А, так у вас есть и слуги из людей. — Конан уселся на стул и позаботился о том, чтобы меч можно было обнажить в любой момент.

Взгляд Аманара обратился к киммерийцу, который постарался не отводить глаз. Красные точки в глазах волшебника, казалось, хотели затянуть его в черную пропасть. Конан сцепил зубы и твердо ответил на этот взгляд.

— Да, есть несколько, — ответил Аманар. — Пустые создания и бездельники, если я за ними не слежу. Я уже не раз спрашивал себя, не лучше ли просто отдать их горцам. — Он говорил громко, и ему, казалось, было безразлично, слышат ли его музыканты, но они продолжали играть, ни на одно мгновение не сбиваясь с такта.

— Почему же вы не замените их слугами — с'тарра? — поинтересовался Конан.

— Да, польза от них весьма ограниченная, это так. — Человек со странно извивающимися белыми струнами в волосах внезапно потер руки. — Давайте выпьем!

Но ни один из его гостей не взял в руки хрустальный бокал.

— Вы мне не доверяете? — Легкая насмешка прозвучала в его голосе. — Тогда выберите какой-нибудь бокал, и я буду сам пить из него.

— Это смешно, — заявила Карела и потянулась к вину.

Железными пальцами Конан схватил ее за запястье.

— Один глоток из всех трех, — потребовал он у волшебника. Аманар пожал плечами.

— Отпусти меня! — тихо приказала Карела, но ее голос дрожал от подавленного гнева. Конан разжал пальцы. Она потерла запястье. — Твои грубые манеры мне не нравятся, — заявила она и снова потянулась к бокалу.

Аманар опередил ее, прежде чем она успела коснуться хрустального сосуда пальцами.

— Раз уж ваш друг мне все еще не доверяет... — Он быстро отпил по глотку из всех трех бокалов. — Смотрите, — сказал он, опуская последний на серебряный поднос. — Я все еще жив. Зачем мне пытаться

убить вас здесь, если мне это легко удалось бы сделать еще в расселине, отдав приказ моим с'тарра, когда они вас сопровождали?

Бросив на Конана злой взгляд, Карела взяла свой бокал и выпила вино, откинув голову назад. Конан осторожно пригубил второй. Его поразили терпкий аромат. Это было одно из крепких вин Аквилонии, которое было чересчур дорогим для простого смертного, живущего так далеко от мест, где оно производится.

— Да и кроме того, — спокойно продолжал Аманар, — зачем мне желать зла Конану, киммерийскому вору, и Кареле, которую называют Рыжий Ястреб?

С губ Карелы сорвался крик. Конан вскочил на ноги. По неосторожности он уронил драгоценный хрустальный кубок на ковер, вытаскивая из ножен широкий меч. Аманар даже не обратил на него внимания. Он повернулся к Кареле, которая тоже вскочила и резко повернулась, держа в руке свой украшенный самоцветами палаш, словно искала врагов. Темноволосый человек прикрыл глаза и глубоко вздохнул, словно наслаждаясь запахом духов. Музыканты, ничем не смущаясь, продолжали играть и даже теперь не поднимали глаз.

— Да, — проговорил Аманар и откинулся на своем стуле. Он делал вид, что поражен, словно только теперь он заметил, что Конан держит в руке меч. — Зачем вам это? Здесь только я и вряд ли я смогу победить вас одним только этим посохом. — Он протянул посох и постучал им по клинку Конана. — Уберите меч и садитесь. Вы вне всякой опасности.

— Я не сяду, — свирепо заявил Конан, — пока не получу ответа на несколько вопросов.

— Конан прав, — прошептала Карела, — вы волшебник.

Аманар развел руками.

— Да, я то, что некоторые охотно называли бы «волшебником». Лично я считаю себя естествоиспытателем, который старается сделать мир немного лучше, чем он есть. — Его слова, казалось, понравились ему самому. — Да, немного лучше, чем он есть, — повторил он.

— Что вам нужно от нас? — спросила Карела и еще крепче сжала пальцы на эфесе палаша. — Зачем вы привели нас сюда?

— Я хочу сделать вам одно предложение. Вам обоим. — Волшебник поиграл золотым посохом и улыбнулся. Карела немного помедлила, затем вложила кривую саблю в ножны и снова села.

— Прежде чем я спрячу мой меч, я хотел бы знать следующее, — сказал Конан. — Вы знаете наши имена — что вы знаете вообще о нас?

Аманар, казалось, немного подумал, прежде чем ответить.

— Когда мне стали известны ваши имена, я по чистой случайности узнал, что вы ищете пять танцовщиц и пять подвесок, а наведя справки, выяснил, что все это было украдено из дворца заморийского короля Тиридата. Почему вы их ищете, с какой стати вы решили искать их в горах Кецанкиана я, разумеется, не знаю.

Он улыбнулся, и Конан увидел на лице Карелы сомнение.

Известно, стало быть, немало, подумал киммериец, и не помешает узнать еще кое-что.

— Мы пришли сюда, потому что подвески и танцовщиц украли с'тарра.

Он угромо взглянул на Аманара, услышав его смех.

— Извини, Конан из Киммерии, но сама даже мысль, что с'тарра могут войти в Шадизар или даже в королевский дворец, просто смехотворна. Городская стража убила бы их при первом же взгляде, они не успели бы войти даже в городские ворота. И кроме того, мой дорогой друг, с'тарра никогда не покидают гор — никогда!

Конан твердо сказал:

— Те, кто проник во дворец Тиридата, носили такие же сапоги, что и с'тарра — сапоги с узором в виде змей.

Смех Аманара замер, и его глаза подернулись дымкой. Внезапно Конану показалось, что он видит перед собой гадюку. Наконец волшебник сказал:

— Кецанкианцы часто снимают сапоги с убитых ими с'тарра. Я могу себе представить, что какой-нибудь охранник из каравана, который во время напа-

дения убил кецанкианца, увидел, что тот носил неплохие сапоги и забрал их себе. Кто может сказать, какое далекое путешествие проделает такая пара сапог или как много таких сапог носят сейчас горцы?

В его голосе нельзя было заметить даже признака волнения, но его черные глаза, показалось Конану, угрожали ему, предупреждая, что лучше поверить такому объяснению. Тишину в зале нарушала только музыка.

Карела прервала тяжелое молчание.

— Клянусь Ханнуманом, Конан. Разве он бы упомянул о подвесках, если бы они были у него?

Молодому киммерийцу вдруг стало ясно, как идиотски он выглядит. Музыканты играют на флейтах и арфах. Карела поставила свой кубок на ковер и наполняет его вином. Аманар сидит и почти нежно гладит пальцами свой золотой посох. Посреди этой мирной картины стоит он со своим мечом, готовый к свирепой битве.

— Кром! — пробормотал он и вложил клинок в ножны. Он упал на стул и небрежно откинулся на спинку. — Вы говорили о каком-то предложении, Аманар, — резко сказал он.

Волшебник кивнул.

— Я предлагаю вам обоим убежище. Пока городская стража разыскивает Конана, вора, пока армия гоняется за Рыжим Ястребом, вы оба будете в безопасности здесь, где кецанкианцы отразят нападение любой армии, а моя крепость надежно охранит вас от кецанкианцев.

— И все это только по доброте вашего сердца, — проворчал Конан.

Карела предостерегающе глянула на него.

— Что вы ожидаете получить от нас взамен, Аманар? Мы не обладаем ни мудростью, ни способностями, которые сделали бы нас полезными для какого-нибудь волшебства.

— Напротив, — возразил волшебник. — Рыжий Ястреб — это имя, известное от моря Вилайет до Карпаши и дальше. Говорят, что она со своей бандой отправится даже в ад, если она отдаст такой приказ, ее люди безоговорочно последуют за ней. Конан, со своей стороны, общепризнанно ловкий вор. Я попрошу

вас иногда брать на себя кое-какие поручения. — Он широко улыбнулся. — Вам, разумеется, будут неплохо платить золотом, и я не имею в виду ни в коем случае отговаривать вас от занятий вашим... э... ремеслом.

Карела по-волчьи оскалилась.

— Караванная тропа на Султанапур лежит отсюда меньше, чем в половине дня пути на юг, не так ли?

— Правильно. — Аманар приглушенно рассмеялся. — И мне вовсе не повредит, если вы направите свое внимание именно туда. Возможно, я даже буду иметь для вас соответствующие поручения. Но вам не нужно решать все прямо сейчас. Отдохните, покусайте, выпейте вина. Завтра утром или послезавтра дадите ответ. — Он встал и сделал приглашающий жест. — Разрешите мне показать вам крепость.

Карела с готовностью поднялась.

— О да, я с удовольствием бы посмотрела.

Конан продолжал сидеть.

— Вы можете взять с собой ваш меч, — сказал Аманар насмешливо, — если у вас такое ощущение, что он может вас защитить.

Киммериец, разозлившись, вскочил на ноги.

— Ладно, показывайте нам вашу крепость, волшебник.

Аманар испытующе взглянул на него. У Конана внезапно появилось ощущение, что он и Карела словно лежат в разных чашах весов неведомого купца. Наконец волшебник кивнул и повел их, опираясь на золотой посох как на прогулочную трость, из зала. Музыканты продолжали играть.

Для начала волшебник привел их на внешнюю стену, которая поднималась над вершиной скалы на высоту добрых пятидесяти футов. Когда Аманар приближался, стражники-с'тарра в своих кольчугах, вооруженные пиками, падали на колени, но волшебник вообще не видел их. Оттуда они прошли к брустверу внутренней стены, где с'тарра, вооруженные луками, могли встретить любого, кому удастся взять штурмом внешнюю стену, выстрелами из бойниц и из-за зубцов стены. Кроме того, здесь были мощные катапульты. На башнях внутренней стены находились баллисты, стрелы которых могут пробить насквозь всадника вместе с конем, находящихся в долине. Из широких черных

каменных кубов были сделаны укрытия для сотен воинов-с'тарра. И здесь воины-с'тарра при виде волшебника бросались на колени, как только он к ним приближался, и их красные глаза провожали Конана и Карелу голодным взглядом.

В центральной башне Аманар показывал им этаж за этажом с колонными залами, с дорогими золотыми светильниками и ценнейшими коврами, с мебелью, инкрустированной розовым перламутром и темно-голубой ляпис-лазурью. Искусно вырезанные сосуды из яшмы и янтаря из далекого Китая, большие золотые вазы из Вендии и разнообразные безделушки, украшенные хризобериллами и карнеолами.

Слуг-людей здесь почти не было, а те, кого они встречали, не поднимали глаз от пола, пока исполняли свои обязанности. На них Аманар обращал еще меньше внимания, чем на с'тарра.

В подвале Конан заметил, пока Аманар вел их к выходу, арку, сложенную простым, ничем не украшенным камнем и являвшую собой резкий контраст всему остальному, что они видели до сих пор. Коридор, начинавшийся за ней, уходил, казалось, в сторону горы.

Конан указал на нее кивком головы.

— Это путь в ваши подземелья?

— Нет! — резко ответил Аманар, и ему явно не легко далось усилие вернуть на уста улыбку. — Этот коридор ведет к покоям, где я... занимаюсь моими исследованиями. Никто, кроме меня, не должен туда входить. — Улыбка не исчезала, но глаза его казались почти угрожающими. — Там установлены ловушки, которые могут оказаться смертельными для любого, кто не имеет права входить.

Карела натянута засмеялась.

— Что касается меня, мне совсем не интересно смотреть на чародейские комнаты.

Аманар перевел взгляд на рыжую.

— Может быть, я как-нибудь возьму вас с собой. Но не скоро. Сита проводит вас.

Конану пришлось сдерживать себя, чтобы не вытащить меч, когда неожиданно из бокового коридора вышел с'тарра, такой же рослый и сильный, как и он сам. Он спрашивал себя, обладает ли чародей умением

объясняться со своими слугами без слов. Нечто в таком роде могло бы оказаться весьма опасным для вора.

Высокий с'тарра протянул длинную когтистую руку.

— Сюда, — просвистел он. Его поведение по отношению к ним совсем не выглядело почтительным. Напротив, он посматривал на них несколько свысока.

Конан чувствовал глаза волшебника у себя на спине, когда он следовал за его слугой. Сита безмолвно приказал с'тарра, охранявшим ворота, поднять решетку. Послышался скрежет винтов, и тяжелая решетка поднялась на высоту груди Карелы. Сита дал знак, и скрежет затих. Пасть высокого с'тарра растянулась в издевательской ухмылке, когда он жестом предложил обоим пролезть под решеткой.

— Тебе разве не ясно, что мы гости твоего магистра? — воскликнула Карела. — Я...

Конан схватил ее за руку и протащил строптивницу под решетками на волю, и сразу же за ними решетка снова упала.

— Радуйся, что ты вышла отсюда, — сказал он и зашагал по дороге под гору. Он увидел Ордо, который ждал их у подножия горы.

Карела, злая, шла рядом с ним и растирала руку.

— Ты просто покрытый мускулами болван! Больше я не буду тебя терпеть! И я позабочусь о том, чтобы Аманар наказал этого дылду с'тарра. Они должны обращаться с нами уважительно. У меня все время чесались руки начать с ними воевать. Может быть, этого Ситу я возьму в оборот.

Конан уставился на нее с удивлением.

— Ты что, действительно примешь его предложение? Рыжий Ястреб хочет носить цвета волшебника и склонится по его приказаниям?

— У тебя что, глаз нет, Конан? По меньшей мере пять сотен этих человеко-ящеров ему подчиняются, а может быть, и больше. Даже если бы нас было в десять раз больше, мы не смогли бы взять эту крепость, а у меня нет ни малейшей охоты бросать моих людей под эти стены. И ты должен согласиться, что если сложить в одну кучу все то золото, которое ты и я, и вся моя шайка за всю нашу жизнь успели

увидеть, то она составит примерно сотую часть того, чем разукрашена эта крепость.

— Увидеть я успел довольно много золота, — фыркнул киммериец. — Сколько из того, что я увидел, прилипло к моим пальцам и сколько осталось потом, это другой вопрос. Этот Аманар что-то говорил о лучшем мире, но я не знал еще ни одного чародея, который не следовал бы по темным путям. Подумай сперва, чего он потребует от вас!

— Верное убежище неподалеку от караванной тропы — как ты думаешь, что это означает для меня? Мне не придется больше распускать моих людей, чтобы они прятались от властей, изображая из себя караванный конвой, и мне не нужно будет изображать из себя гадалку, пережидая время, пока нам нельзя будет собраться снова! Для меня это очень дорого.

Киммериец заворчал, как волк.

— Мне это ничего не говорит. Для меня достаточным убежищем всегда будет пустыня. Я пришел сюда, чтобы украсть пять подвесок, а не затем, чтоб служить колдуну.

Они добрались до подножия горы. Ордо пронизательно глянул на них.

— Опять ссоритесь? — спросил он. — Что хотел вам сказать этот Аманар?

Оба не смотрели на него, а бросали убийственные взгляды друг на друга. Карела закусил губу.

— У него нет подвесок. Подумай сам, он упомянул о них первым. И я видела в его покоех побольше, чем пять женщин, но ни одна из них внешне не была похожа на танцовщицу.

— Вы говорили о подвесках? — поразился Ордо.

Но и теперь киммериец не удостоил одноглазого ни единым взглядом.

— Ты доверяешь этому человеку? Волшебнику? Он хочет, чтобы мы поверили, что в горах Кецанкиана полным-полно племен с'тарра. Целый народ с'тарра. Но раненый, за которым мы шли, умер по пути сюда, в этом не может быть сомнений. И он знал о подвесках потому, что их похитили его люди.

— Волшебник! — прохрипел Ордо. — Этот человек волшебник?

Наконец Карела повернулась в сторону одноглазого, но ее глаза сверкали так дико, что он невольно отошел на шаг назад.

— Покажи, где ты разбил лагерь! Я хочу посмотреть, хорошо ли разместились мои псы. — Не дожидаясь его ответа, она прошла мимо.

— Я лучше пойду за ней, — обратился Ордо к Конану. — Она идет не в ту сторону. Поговорим потом. — Он побежал догонять рыжую.

Конан повернулся и посмотрел на крепость. Над решеткой подъемной он увидел силуэт с'тарра в тени, который определенно наблюдал за ним. Несмотря на то, что отдельные детали разглядеть было невозможно, Конан знал совершенно точно, что это Сита. Он еще раз мысленно представил себе расположение покоев в крепости, а потом принялся искать остальных.

Глава двадцатая

Прибывающая луна медленно плыла над долиной, расстилавшейся вокруг крепости Аманара, но тьма ночи не рассеивалась. А черна она была по-настоящему, несмотря на огни, вокруг которых сидели, скорчившись, бандиты, потому что бледный свет луны не проникал в эту долину.

— Такой мрачной ночи я еще никогда не видел, — ворчал Ордо, поднося каменный кувшин с килом к губам.

Конан сидел на другой стороне костра, напротив одноглазого. Костер был больше, чем это было необходимо, но Ордо и остальные пытались светом разрушить чары этой ночи.

— Это не ночь, — возразил Конан, — это место... и человек.

Его взгляд некоторое время искал Карелу, которая ходила от костра к костру, коротко беседуя с людьми, делая глоток кила и, улыбаясь, отходя прочь, и ему бросилось в глаза то обстоятельство, что смех людей, которым они отвечали на ее улыбки, звучит натянуто. Она принарядилась. Ее грудь украшали золотые чаши, на ней была изумрудно-зеленая юбка и кармино-красный плащ, кроме того, она надела свои багря-

ные сапоги, достигавшие до колен. Конан спрашивал себя, сделала она это ради своих разбойников или для себя самой, как своего рода вызов темноте, которая угнетала и ее, несмотря на то, что костры горели ярко.

Ордо вытер губы тыльной стороной руки и бросил очередной шарик конского навоза в огонь.

— Волшебник! Никогда не думал, что мы будем служить какому-то волшебнику. Она не хочет, чтобы я говорил это остальным — я хочу сказать, то что Аманар маг, вот что она хочет скрыть.

Он бросил еще одно конское яблоко в огонь.

Конан слегка отвернулся от жара.

— Раньше или позже они все равно это узнают.

Он посмотрел на расположение луны и неожиданно рассмеялся. В этой долине казалось, что вообще нет никакой луны и небо затянуто тучами. Неплохая ночь для взломщика.

— Еще глоточек кила, киммериец? Нет? Тогда я все равно выпью один.

Одноглазый поднял каменный кувшин и не отнимал его от губ, пока он не опустел.

— Мне нужно выпить пару бочек этой штуки, чтобы чувствовать себя спокойно такой ночью, как эта. Значит, волшебник! У Абериуса глаза бегают, как у хорька. Он удерет при первой же подвернувшейся возможности. И Талбор говорит совершенно открыто, что он тут же смоемся, если сумеет сперва стянуть пару медных монет.

— Зачем ждать медяков? — пробурчал Конан. — Тебе все это нравится так же мало, как Абериусу или Талбору. Почему бы вам лучше утром не уехать отсюда? — Он опасался, что утром волшебник не будет уже столь дружелюбен по отношению к бандитам. — Если кто-нибудь и может ее уговорить, так это ты, и я думаю, что ночка вроде этой уже наполовину убедила ее в том, что ты прав.

— Ты ее не знаешь, — пробормотал Ордо и отвел глаза от киммерийца. — Если она однажды что-нибудь решила, то доведет дело до конца. С этого ее не собьешь. А что делает она, то делаю и я. — Но это прозвучало так, словно он не очень счастлив по этому поводу.

— Я думаю пойти немного прогуляться. — Конан встал.

Ордо изумленно взглянул на него.

— Прогуляться! Человек, да ведь тут темно, как в сердце Аримана!

— А здесь зато жарко, как в аду. — Конан рассмеялся. — Если ты еще больше разведешь огонь, ты будешь весь копченый.

Он ушел прочь в темноту, прежде чем Ордо успел что-либо сказать. Когда он вышел из светового пятна, отбрасываемого огнем, а это было недалеко в такой странно угрожающей ночи, он остановился, чтобы его глаза приспособились к мраку, насколько это было возможно. Он удобнее поправил свой карпашийский кинжал и пристроил меч за спиной. У него, правда, не было троса и бордажного крюка, но он не думал, что ему сейчас понадобится то и другое.

После некоторой паузы ему стало ясно, что он — в определенной степени — видит. Почти полная луна, которая светила на небе голубовато-зеленым светом, все-таки слабо освещала ночь. Но сюда попадал только еле заметный рассеянный свет, который кое-где неестественно дрожал. То, что было видно, казалось странным из-за различных черных теней, и все в этом темном освещении, казалось, дрожало или двигалось.

Он быстро направился по дороге в замок. Ему все время приходилось отгонять от себя ощущение, что камни под его ногами сейчас покатаются и глыбы скал обрушатся над ним. Он заметил их впервые тогда, когда его вытянутые руки коснулись их. И тогда перед ним воздвиглась крепостная стена, словно ее соорудила и поставила здесь сама чернота ночи.

Огромные камни этой стены сложены были ровной вертикалью, но для того, кто знал, где ему искать, находилась опора для рук и ног.

Не глядя в бесконечный мрак, расстилавшийся под ним и не думая о том, что случится, если он внезапно утратит опору, киммериец взобрался на стену. Незадолго перед тем, как добраться до бруствера, он замер и прижался плотно к черному камню. Над ним прошагал стражник-с'тарра — сперва приближаясь, потом удаляясь. Затем он пробрался между зубцов на стену, спустился на другую сторону наружной стены

и слез вниз, что было намного легче, чем забираться по внешней ее стороне, потому что она не была построена с таким расчетом, чтобы на нее никто не мог вскарабкаться.

Его ноги коснулись камней мостовой, и он прижался к стене, чтобы для начала оглядеться. Разрозненные лампы из желтой меди, сделанные в форме змей, с фитилями в зубах, бросали на двор слабые пятна света. Обитая железом дверь внутренней стены была открыта и на первый взгляд казалась не охраняемой. Но направиться прямо туда могло оказаться опасным. Пока он отыскивал взглядом подходящее место для того, чтобы вскарабкаться наверх, краем глаза он заметил какое-то движение.

Из тени стены слева от него кто-то промчался через двор. Когда он на какое-то мгновение оказался освещен слабым светом одной из ламп, Конан узнал его. Это был Талбор. Стало быть, он хотел стянуть немного больше, чем просто две медных монетки. Он мог только надеяться, что никто его не заметит и не поднимет тревоги, потому что это серьезно осложнило бы ему дело. Талбор помчался прямо к раскрытой двери внутренней стены и прошел в нее.

Конан вынужден был ждать. Если Талбор будет обнаружен, было бы очень нехорошо ему самому при этом оказаться как раз на полпути к стене. Ни звука. Он ждал, но все по-прежнему было тихо.

Он отошел от стены и медленно прошел через двор, внимательно следя за тем, чтобы не попадать в пятна света, отбрасываемые лампами-змеями. Если его кто-нибудь и увидит, то только как одну из далеких колеблющихся теней. Такой ночью быстрые движения обращали на себя внимание. Он еще замедлил шаг и осмотрелся возле открытых ворот. Поблизости действительно не было стражников.

Все тем же медленным шагом он прошел через ворота и пересек внутренний двор. Перед стеной за собой он услышал размеренные шаги часового.

Когда он приблизился к огромному кубу центральной башни, он выбрал место, где можно было забраться наверх. Лучше всего было бы, конечно, забраться прямо по черной башне, но он еще при свете дня заметил, что между тщательно пригнанными плитами

нет ни одного зазора. Эта башня недобрым воспоминанием показалась ему похожей на башню из слоновьей кости волшебника Йары, только та сверкала даже в темноте, аманарова же сливалась с чернотой беспросветной ночи.

Стены донжона не представляли особой проблемы и совсем немного времени прошло, прежде чем он протиснулся через амбразуру — к счастью, она была немного шире, чем обычная — и оказался на верхнем этаже донжона. Он тут же взял меч в руки. В свете одной-единственной горящей масляной лампы он огляделся.

Ему не удалось догадаться о назначении этого помещения. Если не считать занавесей на стенах, единственным предметом обстановки было кресло с высокой спинкой из резной слоновой кости. Перед ним находилась игральная доска, вмонтированная прямо в пол и состоящая из ста цветных игровых полей. Фигуры — чужеземные звери — каждая высотой до колена, были расставлены. Он поднял одну из них и удивился. Он принял их было за позолоченные, но, судя по весу, все они были из чистого золота. Если бы ему удалось взять отсюда две или три таких фигурки, ему уже не нужны будут никакие подвески. Да, на-верное, и одной бы хватило.

Он задумчиво поставил фигуру на место. Она изображала обезьяноподобную тварь с оскаленными зубами и крыльями. Ему нужно сперва найти Велиту. Вешать на себя еще дополнительный груз было бы безумием. Он осторожно приоткрыл дверь и выглянул в узенькую щелочку. Мраморный коридор, освещенный серебряными лампами, был пуст. Он выскользнул из комнаты.

Мраморные плиты пола были украшены сложным узором в красных и белых красках, от которого он быстро отвел взгляд. Его поразила странная тишина. Он уже не раз пробирался по ночам в дома, но всюду были по меньшей мере какие-то шорохи. Однако здесь все было так, словно он залез в катакомбы, куда не отваживается проникнуть ни одно живое существо. Все покои, куда он бросал взгляд, один за другим оказывались пустыми. Нигде он не наткнулся ни на с'тарра, ни на слугу из людей, нигде не было Велиты.

Он ускорил шаги и спустился по алебастровой лестнице на нижний этаж.

Он обыскал еще два этажа. В блеске того богатства и роскоши, которые он видел на каждом шагу, фигуры из золота померкли. Он мимоходом восхитился серебряной статуей, изображающей женщину с сапфирами вместо глаз, рубинами на месте сосков и половинками жемчужин вместо ногтей; столом, инкрустированным бриллиантами и изумрудами, который отражал свет серебряной лампы, увеличивая его яркость в сотни раз; золотым тронем, выложенным черными опалами — только эти камни могли стоять столько же, сколько целое королевство.

Затем он попал в комнату, которая вполне могла сравниться со всеми остальными — с резными панелями на стенах из слоновой кости и черного дерева. Но первое, что бросилось ему в глаза, был нежный округлый задик. Та, которой он принадлежал, обнаженная, стояла на коленях, спиной к двери, прижимая лицо к полу. Конан непроизвольно ухмыльнулся, однако поспешно направил свои мысли в русло, более отвечающее его насущным задачам. Эта женщина была первым живым существом, которое он встретил с момента своего вторжения, и к тому же это существо не было с'тарра.

Неслышным прыжком он подскочил к ней и, зажав ей рот ладонью, поднял ее на ноги. На него удивленно смотрели нежные карие глаза Велиты.

— Это ты, — сказал он, выпустив ее. — Я уже боялся, что не найду тебя.

Она обвила его шею руками и прижалась к его широкой груди крепкими маленькими грудями.

— Конан! Ты пришел! Я никогда в это по-настоящему не верила... хотя надеялась и мечтала. Но теперь слишком поздно. Тебе нужно как можно скорее снова исчезнуть, пока не вернется Аманар. — При звуке этого имени ее тело содрогнулось.

— Я же поклялся освободить тебя, — сказал он почти грубо. — Почему ты стоишь тут голая на коленях, хотя ты явно совсем одна? Я не вижу здесь ни других людей, ни с'тарра.

— С'тарра не разрешается появляться в башне, если здесь нет Аманара, а слуг-людей он запирает,

если не нуждается в их услугах. — Она запрокинула голову и посмотрела на него снизу вверх. Она понизила голос. — Я не предала тебя, Конан. Ни разу, когда Сита бил меня плетью. Я не сказала Аманару, где ты.

— Все уже позади, Велита. — Он ласково погладил ее по волосам.

Казалось, она не слышит его. Слезы, как жемчужины, повисли на ее длинных ресницах.

— Этим я его и прогневала. В качестве наказания я должна по несколько раз в день приходить в эту комнату и стоять здесь на коленях, пока мне не позволят встать. Если я услышу шаги, я никогда не буду знать, послали меня к кому-нибудь другому или же это идет сам Аманар. Иногда он стоит рядом только лишь для того, чтобы послушать, как я плачу. Я его ненавижу, потому что он постоянно вызывает во мне этот страх, и я ненавижу себя, потому что я плачу, но ничего не могу с этим поделать. Иногда он меня бьет, когда я стою тут на коленях, а если я спокойна, он бьет меня еще сильнее.

— Я его убью! — яростно поклялся Конан. — В этом я клянусь своей жизнью. Пойдем, мы найдем эти подвески, и я заберу тебя отсюда этой же ночью.

Стройная девушка торопливо качнула головой.

— Не получится, Конан. Я заколдована.

— Заколдована?

— Да. Один раз я попыталась сбежать, но мои ноги привели меня к Аманару против моей воли, и мой язык доложил ему — без всякого моего участия, — что я задумала побег. В другой раз я хотела убить себя, но, когда острие кинжала коснулось моей груди, мои руки стали словно железными. Я не смогла ими шевельнуть ни разу, и нож упал на пол. Когда меня нашли, мне пришлось долго умолять Аманара, прежде чем он снял с меня это заклятие.

— Но должна ведь быть какая-то возможность! Я могу унести тебя с собой. — Он почувствовал бессмысленность этого предложения еще раньше, чем она горько рассмеялась.

— И я должна буду всю мою жизнь лежать где-нибудь связанная из страха, что подчинюсь этому влечению и против моей воли вернусь сюда? Я даже не знаю, как мне покончить с моей жизнью. — Она

глубоко вздохнула. — Потому что я уверена, что Аманар скоро обязательно убьет меня. Из нас пятерых остались лишь Суза да я. Остальные бесследно исчезли.

Громадный киммериец кивнул.

— Победить волшебника не очень просто — это я, к сожалению, знаю по своему опыту — но, когда он мертв, все его чары рассеиваются. Тебя освободит смерть Аманара.

— Будет лучше, если ты заберешь подвески и тотчас исчезнешь. Я знаю, где ты сможешь их найти. Четыре снова лежат в том ларце, покрытом ювелирными камнями в одном покое, к которому я могу тебя привести. Пятый, тот, который носила я, находится в его апартаментах, где он занимается колдовством. — Она нахмурила лоб и качнула головой. — Остальные он бросал перед собой, словно это ничего не стоящие камешки. А этот завернул в шелк и положил в хрустальную шкатулку.

Конан вспомнил, как выглядел этот камень. Черный овал длиной с сустав указательного пальца, и в черноте, казалось, танцуют, вспыхивая, красные искорки. Он так неистово сжал руки Велиты, что она вскрикнула.

— Его глаза! — сказал Конан. — Этот камень — такой же, как его глаза. Должна существовать связь между камнем и им. Он без сомнения лучше отпустит тебя на свободу, чем решится на уничтожение этого камня. Мы идем в его колдовские покои...

— Вниз? Это находится на самом верху в башне над нами. Пожалуйста, отпусти меня, Конан. Ты делаешь мне синяки на руках.

Он поспешно выпустил ее.

— Но это в самом конце коридора, который ведет словно прямо в скалу?

— Я не знаю, — ответила она. — Я не знаю ничего, кроме того, что никто не имеет права входить туда. Его колдовской покой находится там, где я сказала. Меня водили туда к нему. Великие боги, лучше бы он, как Тиридат, предпочитал мальчиков.

— Тогда пойдем наверх в его покои, — предложил Конан. Но она снова покачала головой. — Но в чем же дело? — спросил он.

— Вход на лестницу охраняет заклятие в том случае, если Аманара нет в башне. Он никому не доверяет, Конан. Один из его слуг-людей поднялся по лестнице, когда Аманар был в долине, чтобы поговорить с вами. — Она вздрогнула и прижалась лицом к его груди. — Казалось, его крик никогда не стихнет, и никто не мог подойти к нему достаточно близко, чтобы прекратить его страдания.

Он беспомощно провел рукой по ее волосам.

— Но тогда я должен пробраться туда, когда он будет там. Если он сейчас не в башне, Велита, то где он?

— В лагере бандитов. Я слышала, как он говорил, что ночь их, вероятно, испугает и что он хочет принести им дорогих вин и редких деликатесов, чтобы устроить маленький праздник.

Конан поднял руку. Его охватило предчувствие, что боги на каждом шагу взялись вредить ему.

— Велита, мне нужно назад, в лагерь. Если он заподозрит, что я был здесь...

— Я знаю, — спокойно сказала она. — Я знала с самого начала, что ты не сможешь взять меня с собой.

— Разве мое присутствие не убеждает тебя, что я сдержу свою клятву? Я убью Аманара и освобожу тебя.

— Нет! — вскрикнула она. — Аманар слишком могуществен. Ты потеряешь жизнь и ничего не достигнешь. Я освобождаю тебя от твоей клятвы, Конан. Покинь эти горы и забудь, что ты давал мне ее.

— Ты не можешь меня освободить от данного мною слова, потому что я дал его не тебе, а богам, — возразил он спокойно. — И я сам не освобождаю себя от него, потому что я поклялся своей жизнью.

— Тогда ты умрешь! Но я буду молить богов, чтобы ты все же нашел хоть какую-то возможность. Пожалуйста, уходи теперь, Конан. Я должна ждать здесь возвращения Аманара, и я не хочу, чтобы ты видел меня такой...

Красивая девушка опустила голову, и беззвучное рыдание сотрясло ее.

— Я сдержу слово! — скрипнул зубами Конан. Он почти хотел, чтобы волшебник появился в тот момент, когда он покидал покой.

Приближаясь к лагерю, Конан слышал громкий смех, вопли и крики бандитов. Он остановился в круге света и ошеломленно осмотрелся по сторонам. Попойка, подобной которой он давно уже не видел, шла полным ходом. Остроносый Реза двумя руками держал огромный кусок жареного мяса и вонзил в него зубы. Абериус, шатаясь, прошел мимо него. Он откинул голову назад и влил содержимое хрустального кубка в свою глотку. Большая часть вина текла по его груди, но он хохотал и швырнул драгоценный сосуд на скалистую землю, так что он разлетелся на осколки. Ордо размахивал палашиом, держа его в одной руке, и золотым бокалом — в другой и орал, обращаясь к луне, развеселую песенку. Все пели или смеялись, ели или пили, как кому хотелось, рыгали, вытирали жирные пальцы о штаны и вливали в себя дорогое аквилонское вино так, словно это было грошовое испанское пойло, которым пичкают местные шинкари.

Пробираясь между кутилами, к Конану приближались Карела и Аманар. Она держала хрустальный бокал с видом светской дамы, однако ее походка была уже не очень уверенной, и длинная рука волшебника лежала на ее узких плечах. Аманар откинул ее багряный плащ, так что его длинные когтистые пальцы по-хозяйски гладили ее шелковистую кожу. Конан подумал о Велите, и его охватили ярость и отвращение, но ему пришлось взять себя в руки, потому что подвески все еще были недосыгаемы.

— Мы уже спрашивали себя, где же ты, — сказала рыжая. — Посмотри только, сколько славных вещей принес нам Аманар! Это быстро вывело моих псов из скверного настроения.

Темные глаза Аманара были бездонны.

— Здесь даже светлым днем ничего не видно, Конан из Киммерии, и никому не пришло бы в голову бродить здесь такой черной ночью. Что такого интересного ты увидел в этом мраке?

— Этой ночью парни так раздули костры, что стало слишком жарко для моей северной крови, — ответил Конан. Он смотрел, как длинные пальцы мнут

плечо Карелы. — Это все-таки плечо, магистр, — сказал он резче, чем требовала осторожность, — а не хлебный мякиш.

Карела смущенно взглянула, а Аманар рассмеялся.

— Горячая кровь молодости. Сколько тебе лет, киммериец? — Он не убрал руки.

— Почти девятнадцать, — ответил Конан гордо, и почти сразу разозлился, когда заметил, как изменилось выражение лица Карелы. Нечто подобное он замечал и у других женщин — у женщин, которые воображали, что мужчина только тогда мужчина, когда ему уже немало лет.

— Почти девятнадцать! — Аманар захлебнулся смехом. — Совсем еще молокосос, несмотря на все твои мускулы. Рыжий Ястреб, грабительница караванов, ограбила колыбель!

Карела стряхнула руку мага. Ее зеленые глаза засветились опасным светом.

— Мальчишка-варвар, — пробормотала она. И громким голосом добавила: — Я совсем выпустила из виду ваше предложение, Аманар. Я принимаю его.

— Отлично. — Волшебник удовлетворенно улыбнулся. Он потер щеку золотым посохом и задумчиво посмотрел на Конана. — А ты, юный киммериец, который охотно гуляет в темноте? Несмотря на твою молодость, я делаю предложение и тебе, потому что полагаю, что ты хорошо владеешь своим ремеслом.

Конан вынудил себя улыбнуться.

— Я хотел бы еще немного времени на размышления. В один или два дня — как вы нам и предлагали — я дам вам ответ.

Аманар кивнул.

— Хорошо, киммериец. В один или два дня твое будущее решится. — Его глаза с красными точками обратились к Кареле и стали нежными, отчего у Конана мурашки пошли по коже. — Да, моя драгоценная Карела завтра придет ко мне в замок — без молодого киммерийца, само собой разумеется, потому что он еще ничего не решил. Нам нужно будет приватно побеседовать о моих планах касательно тебя.

Конану нестерпимо хотелось ударить его кулаком в темное лицо, но вместо этого он только и сказал:

— Вероятно, вы могли бы рассказать об этих планах нам всем. Это могло бы повлиять на мое решение и, вероятно, на решение многих.

Взгляд Карелы оценивающе бродил от одного к другому, но теперь она пожала плечами и обратила глаза наверх.

— Мои псы будут делать то, что я им прикажу, киммериец!

Внезапно смех и пение замерли в лагере, и медленно опустилась тишина. Конан искал причины этой перемены и увидел на краю светового пятна Ситу. Он прижимал к своей широкой груди мощную секиру. Красные глаза слабо светились, когда его взгляд скользил по людям у огня, которые беспокойно перемещались или хватались за оружие в ножнах. С'тарра растянул беззубый рот над клыками в улыбке — или в издевательской ухмылке?

— Сита! — резко крикнул Аманар.

Не глядя по сторонам, с'тарра зашагал через лагерь и упал перед волшебником на колени. Нетерпеливый жест его господина вынудил его подняться на ноги и что-то прошептать ему на ухо.

Конан не мог ни слышать того, что сообщил ему слуга, ни видеть лица Аманара, но скрежет ногтей по посоху выдал его. Киммериец понял, что ему не понравилось то, что он услышал. Талбор, подумал он тотчас. Аманар сделал с'тарра знак замолчать и повернулся к Кареле.

— Мне, к сожалению, нужно возвращаться, — сказал он. — Неотложное дело требует моего присутствия.

— Я надеюсь, ничего серьезного, — сказала она.

— Не особенно значительное, — уверил ее волшебник, но его губы сложились в узкую щель в короткой черной бороде. — Я жду тебя утром. Спокойной ночи.

Он повернулся к Конану: — Подумай как следует, прежде чем принять решение, киммериец. Есть гораздо худшие вещи, чем та, которую я предлагаю. Сита!

Волшебник зашагал из лагеря, с'тарра следом за ним.

После того, как чешуйчатая тварь исчезла из глаз, в лагере быстро оживилось прежнее веселье. Ордо подобрался к Конану и Кареле.

— Терпеть не могу этих ящериц, — заявил одноглазый заплетающимся языком. Он все еще держал обнаженный палаш в руке и кубок — теперь уже пустой. Он немного покачался на ногах, прежде чем снова заговорить. — Когда мы покинем эту проклятую долину и снова займемся вещами, в которых мы кое-что понимаем? Когда мы выйдем на караванную дорогу?

— Ты сильно пьян, мой старый пес, — сказала Карела почти нежно. — Сперва проспись, потом мы снова будем разговаривать.

— Сегодня ночью я был в крепости, — сказал Конан спокойно.

Зеленые глаза Карелы, казалось, хотели просверлить его насквозь, когда они уставились в его — синие.

— Ты идиот! — прошипела она.

Ордо воззрился на обоих с полуоткрытым ртом.

— Подвески у него, — невозмутимо продолжал киммериец. — И танцовщицы. Во всяком случае, две из них. Три остальных бесследно пропали. Я уверен, что он их убил.

— Рабынь? — возмущенно вскричал Ордо. — Кто сделал бы такое? Даже волшебник...

— Не ори так громко, — приказала Карела. — Я разве тебе не говорила, чтобы ты не употреблял этого слова, пока я тебе не разрешу, чтобы не беспокоить зря людей? А ты, Конан, что за чушь ты несешь? Если танцовщицы пропали, то он их, наверное, продал. А твоя милая Велита тоже среди них?

— Нет, — проворчал Конан. — Но почему ты все еще так злишься на ее счет? Ты знаешь, что между нами ничего нет, чего нельзя сказать о тебе и Аманаре, судя по тому, как он тебя ощупывает.

— Нет! — испуганно вскрикнул Ордо и положил руку ей на плечо. — Не Аманар! Не с тобой! Я гордился, я был рад, что ты взяла Конана в свою постель, но...

Карела с пылающим лицом резко прервала его:

— Заткнись, старый болван. Что я делаю — и с кем, касается только меня одну! — Ее глаза метали зеленые кинжалы, которые она охотно воткнула бы в Конана, когда она повернулась и зашагала прочь.

Проходя мимо, она вырвала у Абериуса фляжку из рук и приложила ее к губам.

Ордо потряс головой.

— Почему ты ничего не говоришь, Конан? Почему ты ее не удержишь?

— Она свободна делать все, что ей вздумается, — холодно отозвался киммериец. Его гордость все еще была оскорблена воспоминанием о том, что она терпела на своих плечах руки Аманара. — Я не имею права делать ей замечания. Почему тогда ты ее не удерживаешь?

— Я слишком стар, чтобы наживать себе колотье в бок, — фыркнул Ордо. — Твоя Велита и в самом деле в крепости? Я спрашиваю себя, почему же тогда ты не взял ее и подвески с собой и не смылся отсюда.

Он описал палашом широкую кривую.

— Она связана чарами. — Конан вздохнул и рассказал, какой он нашел Велиту и что она ему сказала.

— Стало быть он нас обманул, — пробурчал бородач, когда Конан закончил говорить. — А если он не сказал нам правды о подвесках и танцовщицах, то тогда в чем еще он нас обманул?

— Да почти во всем. Я хотел бы рассказать Кареле, что он сделал с Велитой, чтобы она убедилась, что он за человек, но если я скажу ей это теперь, то поставлю на карту все.

— И еще расскажет это Аманару, чтобы он посмеялся над твоей ревностью. Или над тем, что она считает ревностью, — поспешно добавил он, когда рослый киммериец бросил на него яростный взгляд. — Что мне делать, Конан? Даже сейчас не могу просто бросить ее в беде.

Конан вытащил свой меч на несколько ладоней из ножен и снова засунул его в ножны.

— Держи саблю наготове и глаза открытыми. — Его взгляд бродил по фигурам разбойников, которые, напившись, лежали возле костров. — И смотри, чтобы ее псы каждую минуту были готовы выступить. Конечно, так, чтобы она или Аманар этого не заметили.

— Ты не слишком многого требуешь, а, киммериец? Что ты задумал?

Конан внимательно посмотрел сквозь мглу в направлении крепости, прежде чем ответить. Даже в этой давящей черноте стены были заметны еще более черной тенью.

— Я убью Аманара, освобожу Велиту, украду подвески и вернусь в Шадизар. Не более того.

— Не более того, — простонал Ордо. — Мне нужно чего-нибудь выпить.

— Я тоже не откажусь от глотка, — тихо сказал Конан.

Ночь тяжело давила на его плечи. Эта долина — не то место, где он хотел бы встретить смерть.

Глава двадцать вторая

Удивительная темнота царил в долине. Она сопротивлялась утру и сперва превратилась в серые сумерки, прежде чем кроваво-красное солнце поднялось над горами, и прямой дневной свет проник сюда только к полудню. Но Конан был единственным во всем лагере, кому это вообще было заметно, потому что все остальные спали после попойки. Когда солнце послало наконец последний утасаживающий луч в долину, он отправился к источнику, который струился из-под скалы недалеко от лагеря.

Он зачерпнул воды руками и выпил. Рассерженно заворчал. Даже несмотря на то, что вода была холодной, она казалась пресной и была похожа на все остальное в этой скудной, мрачной долине. Одного глотка ему хватило, остальное он использовал для умывания. Потом огляделся.

На крепостных стенах с'тарра-часовые ходили по кругу, но ничего особенного не двигалось, кроме нескольких парящих в небе стервятников. Он сердито спросил себя, как вообще Велита могла пережить возвращения Аманара. Волшебник явно не осведомлен еще, как далеко завели его ночные прогулки — по меньшей мере, в крепости все, кажется, спокойно и волшебник не посылает с'тарра, чтобы они его схватили и покарали прямо на месте. Но это в любом случае не означает, что девушке не приходится тяжело.

— Сегодня ночью! — поклялся молодой киммериец.

Абериус задрал голову к воде и упал при этом на колени. Он уставился на Конана равнодушным взглядом. По всей вероятности, воздействие чересчур обильных возлияний сказывалось, и он утратил свою всегдашнюю враждебность. Хорек плеснул себе пригоршню воды в лицо и несколько горстей вылил за шиворот, а потом, не сказав ни слова, шатаясь, ушел в лагерь. Сразу после него явился Ордо. Он вытянулся на земле и засунул голову в воду.

Как раз в тот момент, когда Конан поспешил к нему, чтобы вытащить его из воды, потому что он явно не думал это делать сам, он вынырнул и встряхнулся. Сквозь спутанные волосы он взглянул на Конана.

— Эта вода действительно совершенно безвкусная, — проворчал он, — или это вино сделало мой язык нечувствительным?

— И то, и другое, — насмешливо ответил Конан. Ордо простонал и снова засунул голову под воду, но на этот раз так, чтобы пить.

— Ты видел Талбора, Ордо?

— Я не видел ничего, кроме внутренней стороны своих век. Оставь меня в покое, я хочу поразмышлять, должен ли я жить или умереть.

— Вчера в то же самое время, что и я, Талбор был в крепости.

Ордо оперся на локоть и брызнул себе воды в лицо.

— Тебе это непременно нужно было сказать мне тогда, когда у меня такая голова! Ты думаешь, что этот тип, похожий на ящерицу, из-за этого и увел Аманара в крепость?

Конан кивнул.

— Талбора нет в лагере. Я сразу же посмотрел, как только стало достаточно светло.

— Он мог украсть то, за чем он полез, взять лошадей и уже давно покинуть горы Кецанкиана, — предположил Ордо. — Его интересовали не такие уникальные вещи, как тебя, и ему не нужно было непременно найти тиридатовы безделушки или танцовщиц.

— Ты можешь быть и прав, — пробормотал Конан.

— Знаю. — Ордо вздохнул. — Я и сам так не думаю. Так что он или умер, или находится в подземелье замка. Что мы скажем ей?

— Подождем, посмотрим, что скажет ей Аманар. Его с'тарра по численности превышает нас в двадцать раз. Я не думаю, что мы много выиграем, связавшись с ними.

Он поднялся, когда Сита прошел под подъемной решеткой и ступил на тропу, ведущую из замка. Огромный с'тарра не взял с собой ни боевой секиры, ни клинка, насколько Конан мог видеть. Спустившись к подножию холма, он быстрыми шагами пошел к лагерю разбойников по гранитным обломкам. Конан спустился со скалы навстречу ему, и Ордо с трудом поднялся на ноги, чтобы идти за ним следом.

Когда киммериец добрался до лагеря, человек-ящерица стоял, окруженный людьми Карелы, но ни у кого в руках не было оружия, как он с облегчением установил, несмотря на то, что глаза людей рассматривали с'тарра отнюдь не доброжелательно.

Ордо отодвинул в сторону Конана и встал перед Ситой.

— Что ты здесь ищешь? Твой господин послал тебя сюда с поручением?

— Я здесь потому, что мне этого захотелось, — прошипел с'тарра. Он был выше одноглазого на полголовы и был крупнее даже, чем киммериец. Его лицо казалось неподвижным, но голос его звучал явно презрительно. Мягкая куртка и кольчуга достигали ему до колен, но шлема на нем не было.

— Я Сита, вождь с'тарра, и я здесь, чтобы вызвать вас на поединок.

Абериус, который стоял за спиной Конана, недоверчиво рассмеялся.

— Даже без кинжала?

Сита обнажил острые клыки.

— Моему магистру не понравится, если я убью одного из вас. Мы испытаем нашу силу на камнях.

— На камнях? На каких камнях?

С'тарра повернулся на каблуках и сделал знак людям следовать за ним. Ворча себе под нос, они гуськом пошли за ним по долине, прочь от крепости, к площадке, где обломки скал лежали так, что обра-

зовался круг диаметром около ста шагов. Земля между ними была ровной, а в середине лежали два почти правильной шарообразной формы камня. Конан оценил вес меньшего из них — он был равен весу двух человек, а больший еще примерно вполтину тяжелее.

— Поднимите один из камней, — потребовал Сита у людей. — Кто-нибудь из вас. — Он снова быстро обнажил клыки. — Или двое из вас вместе.

— Ордо! — крикнул кто-то. — Ордо самый сильный!

Абериус окинул взглядом камень, затем перевел глаза на бородатого капитана Карелы.

— Кто хочет пари? — он ухмыльнулся с неосознанной злобой. — Кто верит, что старый Ордо сможет поднять меньший из камней?

— Старый Ордо, да? — рявкнул одноглазый.

Он склонился над более легким из шаров, в то время как толпа орущих друг на друга заключающих пари разбойников сгрудилась вокруг Абериуса. Ордо положил ладони под гранитный шар, а руки вокруг круто изгибающихся краев. Шрам под повязкой через глаз побелел от напряжения, и глаз начал бешено вращаться. Гранитный шар шевельнулся. Внезапно его руки соскользнули и он, ругаясь, побрел прочь.

— Митра! — прохрипел он. — Я не могу схватить проклятую штуку.

Хихикая, Абериус спрятал свой выигрыш.

— Самый сильный из вас не смог его поднять, — зашипел Сита. — Могут ли двое из вас сделать это? Попробуйте!

Его презрительный взгляд упал на киммерийца, но Конан не обратил на это внимания.

Реза и еще один остроносый иранистанец по имени Банидр подошли к камню. Снова Абериус заключил свои пари. Те, кто потерял свои деньги при первой попытке, были самыми жадными.

Реза и Банидр договорились между собой, затем присели друг против друга над камнем. Они просунули руки под камень и свободными руками взяли друг друга за плечи. Поскольку они стояли вплотную к камню, им пришлось широко расставить ноги и наклониться низко. Некоторое время они раскачивались и внезапно попытались одновременно выпрямиться. Ве-

ны на шее напряглись. Камень оторвался от земли на ширину пальца — на ширину ладони. Банидр закричал. Камень разжал их руки, освободился от их хватки и снова рухнул на землю. Банидр быстро отскочил. Люди спорили, достаточно ли был поднят камень или же эту высоту нельзя считать выигрышем.

— Это! — возглас Ситы прервал спорящих на середине слова. — Вот это я называю — поднять!

С'тарра наклонился над тяжелым камнем, обхватил его руками и поднял так легко перед собой, словно это был игровой мяч. Люди пораскрывали рты, когда он подошел к ним, и затаили дыхание. Пять шагов, десять. Затем Сита бросил камень и повернулся к потрясенным людям.

— Вот это я называю — поднять! — Он издевательски расхохотался.

— Я попробую, — заявил Конан.

Смех с'тарра замер. Красные глаза рассматривали Конана с нескрываемым уничижением.

— Ты, человек? Ты хочешь камень вернуть на его место?

— Нет, — возразил молодой киммериец и склонился над большим камнем.

— Два против одного, что он этого не сделает! — крикнул Абериус. — Три против одного!

Люди разглядывали крепкие плечи киммерийца и заключали пари.

Конан встал на колени, чтобы удобнее положить руки на камень. Когда его пальцы нащупали хорошую опору, он почувствовал острый взгляд Ситы.

Коротко вскрикнув, киммериец поднялся. Бугры мышц вздулись на его спине, и мускулы рук перекачивались. Медленно выпрямился он, направив взгляд на Ситу. Ворча, с'тарра отступил на шаг. Чудовищным напряжением всех сил, со спиной, которая, казалось, трещит от перегрузки, Конан шагнул вперед — и еще раз.

— Конан! — произнес один из разбойников почти со страхом, и другой голос эхом откликнулся немного громче: — Конан!

Поджав от напряжения губы, киммериец шел дальше. Он видел только тот камень, который нес Сита.

Два других голоса подхватили крик:

— Конан! — Еще пять: — Конан! — Десять: — Конан!

«Конан» — несло над скалами. Двадцать глоток выкликали это имя при каждом его шаге. «Конан! Конан! Конан!»

Он дошел до меньшего камня, сделал еще один шаг и уронил большой гранитный шар так, что каждый из зрителей почувствовал, как содрогнулась земля. Плечи Конана трещали, когда он повернулся и посмотрел на Ситу:

— Не хочешь ли попробовать поносить мой камень?

Ликующие бандиты штурмовали Абериуса, который проиграл все свои пари и даже сверх того, а остальные трясли Конану руку или восхищенно глазели на него. Сита прижал ладонь к груди, словно он хотел положить ее на рукоять своей секиры.

Внезапно раздался удар мощного гонга из крепости, и медь зазвенела над долиной. При первом же звуке Сита резко повернулся и помчался назад к черной стене замка. Гонг все звучал и звучал, эхом отражаясь от скал. На бруствере бегали с'тарра.

— Нападение? — смятенно спросил Ордо. Разбойники столпились вокруг одноглазого. Их ликование пропало. Некоторые из них даже вытащили свои клинки.

Конан покачал головой.

— Подъемная решетка поднята, у катапульты и баллист нет людей. Но что-то там наверху происходит... — Он замолчал, когда Карела галопом подъехала к ним. Она уперла кулак в бедро и, сверкая глазами, посмотрела на них.

— Это ваших рук дело? — резко спросила она. — Я слышала, как вы орали тут, словно жабы в болоте, а потом ударил гонг. — Пока она говорила, гонг замолчал, но эхо все еще висело в воздухе.

— Мы знаем не больше, чем ты, — заверил ее Ордо.

— Тогда я разужнаю, что произошло, — заявила она.

— Карела, — сказал Конан. — Ты не считаешь, что лучше подождать?

Ее зеленые глаза презрительно скользнули мимо него. Не сказав больше ни слова, она повернула лошадь и галопом понеслась к крепости. Копыта вороного жеребца застучали по скалистой дороге. У подъемной решетки она ненадолго задержалась, но затем ей разрешили войти.

Через короткое время опущенная было решетка снова поднялась, и Сита в полном вооружении, с огромной секирой в руке выехал наружу, сопровождаемый двоянными рядами конных с'тарра. Конан сочитал пики, когда они спускались по склону и длинной лентой загремели по долине в северном направлении.

— Триста, — сказал киммериец после того, как последний человек-ящерица скрылся из глаз. — Неожиданный враг, как ты думаешь?

— Мне это безразлично, пока они выступают не против нас, — ответил Ордо.

Разбойники один за другим собирались возле оставших куч золы своих лагерных костров и располагались небольшими группами, чтобы заняться игрой в кости и прочими подобными же вещами. Абериус занялся тремя звенящими бокалами и кремнем на ровной скалистой площадке и заманивал своих товарищей, чтобы хоть немного возместить убыток от проигранного серебра. Конан прислонился к скале, стоявшей немного вкось, так что он мог видеть как крепость, так и расселину, куда Сита повел своих с'тарра. День проходил медленно, и Конан сменил свою позицию, когда Ордо принес ему мясо, сыр и кожаную флягу с жидким вином.

Только когда солнце красным шаром спустилось за западные вершины гор, с'тарра вернулись назад по той же узкой расселине, по которой они покидали долину.

— На первый взгляд, без потерь, — заметил Ордо, который стоял рядом с Конаном, когда он услышал стук копыт.

Киммериец снова сосчитал пики и кивнул.

— Но они взяли добычу. — Двадцать свободных лошадей были связаны одна с другой между рядами всадников, и на спине каждой лежал длинный сверток.

Слабый свет на востоке привлек внимание Конана. Блеск, который вспыхнул в тени сумеречных гор и пропал. И снова эта вспышка. Нахмурившись, он обводил глазами горы и долину. Высоко над ними на севере еще раз мелькнула вспышка.

— Ты думаешь, Аманар знает, что за долиной следят? — спросил Ордо.

— Исползуй получше свой глаз, — буркнул Конан.

С'тарра поднимались по длинному склону холма к крепости. Подъемная решетка со скрежетом поднялась, и они не останавливаясь въехали в ворота.

— Я больше догадываюсь, чем наблюдаю.

Одноглазый свистнул сквозь зубы.

— Да, кто же они? Это вопрос, на который не ответишь простым ломанием головы.

Конан понял, кого он имел в виду, когда спрашивал кецанкианцев, заморанских или туранских солдат — или Имхеп-Атона. Но он не знал, с кем бы он хотел иметь дело меньше всего. Если это для него и для разбойников не одинаково плохо. Теперь время работало на него.

— Я должен забрать Велиту из крепости сегодня, Ордо. Это может доставить вам осложнения, но я должен это сделать.

— По-моему, ты говорил это уже вчера ночью, — проворчал Ордо.

Карела выехала почти тотчас из крепости и помчалась вниз.

— Я почти хочу этого, киммериец. Этим мы, может быть, заставим ее бросить волшебника и эти места.

Карела достигла подножия холма и поскакала в лагерь. Кулак упирается в бедро, она сидит в седле ловко, как амазонка. Кроваво-красное солнце уже почти наполовину скрылось за вершинами гор, но последних его лучей довольно, чтобы окрасить ее лицо золотом.

— И если она не позволит себя убедить, ты последуешь за ней, куда она вас ни поведет, будет ли это пыточный огонь кецанкианцев или дьявольское рабство Аманара.

— Нет, теперь — нет, — угрюмо ответил Ордо. — Если не получится ничего иного, моей последней услугой Рыжему Ястребу будет — связать ее, привязать к седлу и силой увезти в безопасное место. — Внезап-

но его голос зазвучал жестко. — Но это сделаю я, Конан. Никто другой не поднимет на нее руки, пока жив Ордо — никто, даже ты!

Конан встретил дикий взгляд одноглазого внешне равнодушно. Он уже поклялся Кареле, что пальцем не шевельнет, чтобы ее спасти. Но, с другой стороны, не сможет же он просто смотреть, как она умирает. Это был обоюдоострый меч, поэтому ему лучше промолчать.

Рыжая остановилась перед обоими мужчинами. Она поднесла руку щитком к глазам, когда смотрела в сторону заходящего солнца.

— Я совсем не подозревала, что пробыла у Аманара так долго, — пробормотала она и повернулась к двум приятелям. — Почему вы устали друг на друга, как драчливые юнцы? Я думала, что вы заключили между собой нечто вроде боевого союза.

— Мы держимся вместе, Ордо и я, — возразил Конан. Он протянул руку. Второй взял его за руку и поднял его на ноги.

— И мы это успеем показать, пока нас не подмяли под себя, а, киммериец?

— Мы еще выпьем вместе из золотых бокалов в Аграпуре, — серьезно ответил Конан.

— О чем вы говорите, в конце концов? — спросила Карела, однако ответа не дождалась. — Собери моих псов, Ордо. Я хочу с ними говорить, прежде чем эта проклятая ночь опустится на нас.

Ордо кивнул и приступил к выполнению ее приказа. Карела посмотрела на Конана, словно хотела что-то ему сказать, но взгляд ее наткнулся на пустоту. Многое можно было бы сказать, подумал он, но он не хотел начинать этот разговор. Он отправился вслед за Ордо. Через некоторое время он услышал стук копыт ее вороного. Она не потрудилась остановить его.

Глава двадцать третья

Хотите ли вы золота? — кричала Карела. — Чего вы хотите?

Она стояла на скале высотой в человеческий рост, широко расставив ноги в высоких красных сапогах, упираясь кулаками в бедра. Ее рыжие волосы развевались как грива. Она изумительно выглядит,

подумал Конан, который стоял с внешней стороны полукруга разбойников, глядя на нее снизу вверх и слушая ее речи. Одного ее вида довольно, чтобы выполнять все ее требования.

— Конечно, мы хотим золота, — проворчал Реза. Несколько других разбойников согласно загудели, но большинство только глазели на нее молча. Глазки Хорька-Абериуса казались задумчивыми, отчего казались еще хитрее и злее, чем обычно. Ордо стоял рядом с обломком скалы и озабоченно не сводил глаз как с Карелы, так и с разбойников. Лагерные костры горели вокруг нее и далеко прогнали мрак ночи.

— Нравится ли вам, когда вас травят солдаты, словно дичь, и вам приходится прятаться по одному? — кричала разбойница.

— Нет! — проревели полдюжины голосов.

— Нравится ли вам по полгода жить на гроши, которые вы получаете в качестве охранников каравана?

— Нет! — взревела уже дюжина глоток.

— Тогда известно ли вам, что караванная тропа лежит всего в полдне конного перехода к югу отсюда? И известно ли вам, что именно здесь проходят караваны на Султанапур? Известно ли вам, что мы через три дня, начиная с сегодняшнего, сможем начать чистить эти караваны?

Все взревели восторженно, перекрывая друг друга — все, кроме Абериуса, как заметил Конан. Пока остальные вздымали кулаки в воздух и хлопали друг друга по плечам, взгляд Абериуса стал еще задумчивее, еще более неподвижным.

— И армия не сможет здесь нас достать, — продолжала разбойница. — Потому что мы вернемся сюда, прежде чем за нами отрядят погоню. А заморанские солдаты — не такие храбрые мужчины, чтобы отважиться сунуть сюда свой нос.

Поднялся вопль восторга. Разбойники были чересчур заняты тем, что расписывали друг другу, как мало отважны заморанцы, чтобы думать о том, насколько храбры они сами. Карела подняла обе руки над головой и купалась в восхищении своих псов.

Ордо покинул свое место возле скалы и подошел к Конану.

— Мы снова едим из ее руки. Ты думаешь...

Конан пожал плечами, когда одноглазый нерешительно замолчал.

— Ты сам должен знать, что ты делаешь.

Ордо нерешительно оглянулся. Конан вздохнул. Ему совсем не понравилось бы, если бы этот разбойник нашел здесь свою гибель. Темнота сгушалась, впуская в долину ночь, и казалось, что воздух замер в объятиях мрака.

— Я уйду, пока они не заметили моего исчезновения.

— Будь здоров, — проворчал Ордо.

Конан выскользнул из светового пятна лагерных огней. Облака, гонимые ветром, мчались, застилая луну, когда он торопливо поднимался по склону. Прежде чем ночь окончательно поглотила долину, он хотел добраться до крепостной стены так близко, как это только возможно.

Внезапно он остановился и беззвучно вытащил свой меч. До его уха не донеслось ни малейшего шороха, но обостренный варварский инстинкт подсказывал ему, что кто-то находится перед ним.

Темнота перед ним, казалось, внезапно сгустилась, и можно было различить длинную тень, которой перед этим не было.

— Откуда ты это узнал? — тихо прозвучал голос Имхеп-Атона. — Но это неважно. Я в самом деле не нуждаюсь больше в тебе. Твои отчаянные усилия бесполезны. Слово крыса, которая шмыгает между ног воинов и может послужить причиной падения и смерти того, кто намного сильнее ее, можешь и ты погубить более великого, чем ты.

Темная фигура подошла к Конану. Он видел протянутые руки, однако в них не было оружия.

Внезапно из-под каблука вырвался камень. Он быстро присел и больше почувствовал, чем увидел, как над его головой пролетело копьё. Он схватил свой меч обеими руками, повернулся на левой ноге и ударил в том направлении, откуда, по его предположению, было брошено копьё. Он почувствовал, как острие клинка прошло через кольчугу и тело, и увидел, как в ночи

вспыхнули красные глаза. Падающее копьё ударило его по плечу, красноватые искры погасли, и он выдернул свой меч из содрогающегося тела.

Конан стремительно обернулся. Он в каждый миг ожидал почувствовать холод стали Имхеп-Атона, но вместо этого он увидел теперь три фигуры, напоминающие больше тени, схлестнувшиеся в горячем бою. Шипящий крик замер, и одна из теней упала. Остальные двое продолжали сражаться.

Посыпавшиеся маленькие камешки выдали приближение еще одного с'тарра. На площадках стражи на стенах крепости можно было видеть движение факелов, и большой гонг раздался в темноте. Подъемная решетка начала со скрежетом подниматься.

Конан заметил только две пары горящих глаз, которые приближались к нему ближе всех остальных. Он спрашивал себя, в состоянии ли видеть в темноте люди-ящерицы и могли ли они узнать его. Поскольку он видел глаза, он мог оценить направление, откуда будут брошены копьё.

С молчаливой молитвой, обращенной к Бэлу, богу воров, киммериец прыгнул навстречу ближайшему с'тарра, и его меч описал круг там, где, как он предполагал, находится его копьё. С треском его клинок перерубил деревянное основание. Он крепче сжал пальцы, и в ответ на удар раздался крик боли. Он вырвал свой меч, поднял его рывком вверх и опустил туда, где ожидал найти шею и плечи своего противника. Шипение превратилось в звенящий крик.

Он бросился в сторону, когда второе копьё зацепило его по ребрам. Умирающий с'тарра, падая, бросился на него и рванул его к земле. Второй встал над ним, и их глаза триумфально светились, однако страшный вой был свидетельством тому, что сталь киммерийца перебила ему ногу в колене, и он упал на землю рядом с первым. Для точного удара не было времени. Клинок Конана снова взмыл вверх и упал как раз между светящихся глаз.

Со стороны крепости приближались торопливые шаги. Конан быстро вытащил свой меч из тела умирающего и бросился бежать в темноту. В лагере разбойников все были на ногах и собрались на краю светового пятна лагерных костров. Все глаза были

обращены на крепость, где все еще звенели удары гонга. Конан описал дугу вокруг лагеря, оторвал кусок от своей набедренной повязки и вытер им свой клинок, прежде чем присоединиться к остальным людям.

Взгляды разбойников были прикованы к приближающимся с'тарра. Кроме Ордо, никто не заметил его появления. Конан бросил лоскут в костер, поднял плащ со своей импровизированной постели и набросил его на плечи, чтобы скрыть царяину от копьё на ребрах.

— Что случилось? — шепнул Ордо. — Ты ранен!

— Я вообще не смог дойти до замка, — тихо ответил Конан. — И я выяснил, кто за нами следит. — Тут он вспомнил о второй вспышке света. — По крайней мере, я так думаю, — добавил он, когда одноглазый собрался задать ему вопрос.

С'тарра во главе с Ситой вошли в лагерь. Бандиты отпрянули и заворчали, когда люди-ящерицы появились на свету. Только Карела продолжала бесстрашно стоять. Скрестив на груди руки, она смотрела прямо на Ситу.

— Почему вы явились сюда с оружием? — резко спросила она.

— Этой ночью были убиты с'тарра, — ответил Сита. Его горящие красным светом глаза высокомерно осмотрели ее с головы до ног. — Мы обыщем твой лагерь и допросим твоих людей, чтобы выяснить, не может ли кто-нибудь из них быть связан с этим убийством.

Поднялся сердитый ропот бандитов. Руки вцепились в рукояти мечей.

— Попробуйте — это может стоить вам жизни, — холодно заявила Карела. — Я не позволю таким, как вы, обыскивать мой лагерь. Но если ваш магистр хочет задать несколько вопросов, я хочу выслушать их от него, а не от его скотины!

Она презрительно подчеркнула последнее слово. Сита задрожал от ярости. Его когтистые пальцы заскребли по рукояти его огромной секиры.

— Тебе нетрудно будет убедиться, — злобно прошипел Сита, — что отвечать на вопросы моему магистру гораздо менее приятно, чем мне.

Он резко повернулся всем корпусом и вышел из света, сопровождаемый остальными своими с'тарра. Когда последний из них исчез в темноте, Карела обратилась к своим людям.

— Если кто-нибудь из вас имеет отношение к этому делу, — горячо сказала она, — я отрежу ему уши!

Не произнеся больше ни слова, она расчистила себе путь через толпу и пропала в своей полосатой палатке.

Ордо громко перевел дыхание и отвел Конана в сторону.

— Что, в конце концов, случилось?

Разбойники собрались небольшими группками и гадали, что могло случиться. Абериус стоял в стороне и смотрел на Конана и Ордо.

— Я убил трех с'тарра, — сказал Конан. — И Имхеп-Атон двоих. Или же он сам был убит, но я не могу это точно утверждать.

— Тот, который послал против тебя Крато? — испуганно спросил Ордо. — Второй волшебник в этой покинутой Митрой долине все еще идет за нами! Я должен сказать Рыжему Ястребу.

Конан схватил одноглазого за руку и остановил его.

— Лучше не надо. Она расскажет Аманару, и я не думаю, что оба они в восторге друг от друга. Если они вцепятся друг другу в волосы, ты получишь шанс вытащить отсюда девушку.

— Ты думаешь, получится как с солдатами и горцами? — раздумчиво сказал Ордо. — Ты хочешь столкнуть их, чтобы они сражались друг с другом, пока мы делаем отсюда ноги. Но я боюсь, что окажется между двумя волшебниками намного хуже, чем это могло показаться. — Он коротко рассмеялся. — Я хочу повторить, киммериец: если ты останешься в живых, ты наверняка будешь генералом — или даже королем. Гораздо более ничтожные люди, чем ты, добились этого.

— Но у меня нет никакого желания становиться королем, — улыбаясь, ответил Конан. — Я вор. А Имхеп-Атон по меньшей мере не настроен против вас и Карелы. — Во что он не очень-то верил. — В крепости сегодня слишком шумно для меня. Боюсь, Вели-

те придется остаться у Аманара еще на один день. Пойдем посмотрим, не найдем ли мы повязку на мою рану, так чтоб это не бросалось в глаза. И поищем флягу с вином.

Негромко переговариваясь, оба пошли по лагерю. Абериус еще раз задумчиво поглядел на них и закусил нижнюю губу. Наконец он кивнул и быстро пошел в ночь.

Глава двадцать четвертая

Конан взглянул на небо. Солнце давно перевалило за полдень. Это был день после битвы со с'тарра, и Карела снова с утра была у Аманара. Разбойники спали, пили или играли и забывали при светлом солнечном свете неестественную черноту здешних ночей. Киммериец, скрестив ноги, сидел на земле и точил свой клинок, не отрывая глаз от черной крепости. Чтобы скрыть повязку на ране, он завернулся в черный плащ, который достигал ему почти до щиколоток. Когда он увидел с'тарра, который подошел к нему, он положил меч на колени.

— Это ты Конан из Киммерии? — спросил чело-
век-ящерица шипящим голосом.

— Это я.

— Та, которую называют Карела, просит тебя прийти к ней.

Дальнейших попыток допросить разбойников касательно событий прошедшей ночи не предпринималось, и Конан не думал, что требование явиться в крепость связано с этим. Он поднялся и засунул меч в ножны.

— Иди впереди, — приказал он с'тарра.

Внутренне напряженный, высокий киммериец прошел через ворота, но стражники не уделили ему даже беглого взгляда своих пустых красных глаз. В башне с'тарра повел его незнакомой дорогой к толстой двери, которая, как заметил пораженный Конан, была сделана из черного золота. Каждая из створок была украшена головой рентилии в венце из лучей. Человек-ящерица ударил в маленький серебряный гонг на стене. Волосы на затылке Конана шевельнулись, когда

створки распахнулись сами собой. С'тарра сделал ему знак войти.

Твердым шагом киммериец прошел через порог. Створки дверей с угрожающим скрежетом закрылись сразу за ним. Потолок огромного зала был крестово-купольным сводом, с мощными колоннами из резной слоновой кости, а пол был выложен мраморной мозаикой. Аманар сидел в некотором отдалении от двери на золотом троне, украшенном изображениями змей, на спинке которого поднималась еще одна змея из черненого золота, глаза ее, сделанные из рубинов, казалось, внимательно рассматривали того, кто подходит близко. Одевание волшебника было также из золота: из тысяч крошечных переплетенных золотых чешуек, которые сверкали в свете золотых ламп. Музыканты — это были люди — покинули зал через боковой выход, когда Конан вошел. Кроме Аманара в огромном зале была еще Карела. Она стояла возле его трона и жадно пила из кубка.

При виде Конана она удивленно опустила сосуд.

— Что тебе здесь нужно? — резко спросила она.

В огромном помещении было прохладно, но на ее лице горел румянец и она быстро дышала.

— Меня привели сюда, потому что ты хочешь со мной говорить, — ответил киммериец. Он предусмотрительно положил ладонь на рукоять меча.

— Я не посылала за тобой!

— Я позволил себе вольность попросить его прийти сюда твоим именем, чтобы быть уверенным, что этот человек действительно придет.

— Быть уверенным, что он придет? — Карела удивленно посмотрела на волшебника. — А почему он не пришел бы?

Аманар поджал губы и быстро потер их золотым жезлом. Его взгляд, обращенный на Конана, казался слегка насмешливым.

— Сегодня ночью были убиты пять с'тарра.

Конан спрашивал себя, с какой стороны явятся рабы, исполняющие должность палачей. За этими колоннами из слоновой кости может быть спрятана добрая дюжина дверей.

— Ты думаешь, что их убил Конан? — удивленно спросила Карела. — Я говорила с тобой утром

об этом деле, и тогда ты ничего подобного мне не говорил.

— Иногда, — возразил волшебник, — лучше подождать, чтобы виновный почувствовал себя в безопасности. Но я вижу, что тебе нужны доказательства. — Он постучал жезлом по маленькому хрустальному колокольчику на серебряной подставке рядом с тронem.

Дверь, через которую музыканты покинули зал, распахнулась. Абериус, поколебавшись, вышел вперед. Его глаза блуждали от Конана к трону, когда он оценивал расстояние до одного и до другого. Он спрятал руки под своей желтой курткой.

— Говори! — приказал Аманар.

Лицо Хорька дрогнуло.

— Прошлой ночью, еще до того, как ударил гонг, я увидел, что Конан из Киммерии покинул наш лагерь. — Его маленькие глазки избегали взгляда Карелы. — Это меня удивило, потому что мы все считали черноту здешних ночей очень неудобной и не отошли бы от костров без особой причины. И никто иной, как он, делал это две последних ночи. После того, как поднялась тревога, Конан вернулся назад с раной на боку. Я быюсь об заклад, что он носит повязку, пряча ее под плащом.

— Почему же ты не пришел ко мне, Абериус? — рассерженно спросила Карела. Ее взгляд обратился к киммерийцу, словно она хотела просверлить его глазами насквозь. — Я же сказала, Конан, что каждый, кто имеет отношение к этому делу, поплатится своими ушами, и я...

— Я боюсь, — бросил ей Аманар опасно нежным тоном, — что наказание буду определять именно я, потому что именно я — тот, кому был причинен ущерб. Ты, Абериус, — добавил он более жестким тоном, — можешь теперь идти. Заработанное тобой золото ты получишь, когда тебя отпустят.

Хорек раскрыл рот, но прежде чем он успел что-то сказать, он сжал губы и бросился бежать из зала. Маленькая дверь захлопнулась за ним.

— Но почему, Конан? — тихо спросила Карела. — Неужели эта девушка так много значит для тебя? — Она зажмурилась и качнула головой. — Забирай его, — обратилась она к Аманару.

Клинок Конана скользнул из ножен.

— Ты распорядилась добром, не спросив хозяина, — заворчал он. — Я никому не принадлежу!

Аманар поднялся, держа золотой жезл, как скипетр, перед грудью.

— Ты можешь продлить свою жизнь, киммериец. Падай передо мной на пол и умоляй, может быть, я смилостивлюсь.

Медленными шагами он подошел к нему.

— Собака среди колдунов! — заскрежетал Конан. — Не подходи ко мне близко. Я знаю колдовские штучки с порошком, который убивает, если его вдохнуть.

Одетый в золото чародей продолжал приближаться, однако замедлив шаги.

— Я тебя предупредил! — зарычал Конан. — Так умирай!

С ловкостью падающего ястреба киммериец атаковал. Жезл Аманара со свистом взлетел в воздух, и из его острия вырвался ядовито-желтый дым. Конан затаил дыхание, и его меч по рукоять вошел в грудь Аманара. Одно мгновение Конан стоял перед чародем, глаза в глаза, потом его мускулы ослабли. Он хотел вскрикнуть, падая, но кроме грохота, вызванного его падением на мозаичный пол, ничего не было слышно. Он поспешно и жадно дышал, и каждый мускул сжимался и дрожал помимо его воли.

Волшебник наклонился над ним и посмотрел на него с таким же сочувствием, с каким, вероятно, он смотрел на мертвую птицу, которую подстрелил во дворе замка.

— Действие золотой пылицы лотоса из Китая, — объяснил он светским тоном. Жестокая улыбка играла на его губах. — Он действует при контакте, а не при вдыхании, мой образованный грабитель. Если нет никаких защитных средств, паралич проникает все глубже и наконец захватывает сердце. Как я слышал, человек чувствует, как он умирает — дюйм за дюймом.

— Аманар, — прохрипела Карела. — Меч!

Она все еще стояла рядом с тронem и прижимала дрожащие ладони к губам. Волшебник посмотрел на меч, словно он полностью забыл о том, что тот все еще торчит в его груди. Он схватил его за рукоять и

вытащил наружу. Ни одна капля крови не упала с клинка. Его, казалось, забавлял испуг девушки.

— Видишь, моя драгоценная Карела? Ни одно обыкновенное оружие не может причинить мне вреда.

Он презрительно уронил меч, почти задев им руку Конана. Киммериец попытался положить пальцы на обмотанную ремнями рукоять, но рука его бессильно дрожала. Аманар со смешком, полным ненависти, подтолкнул меч ногой еще ближе к киммерийцу, пока рукоять не оказалась прямо под содрогающейся ладонью.

— Еще до того, как тебя предал Абериус, я подозревал, что моих с'тарра убил именно ты, несмотря на то, что двое из убитых выглядели странно. Тебе нужно знать и то, что предала тебя и Велита. — Его смех скрежетал, как жестяной лист, бьющийся о кость. — Чары, которые я применил против нее, заставили ее мне рассказать, что она видела и слышала, несмотря на то, что она со слезами умоляла меня убить ее, прежде чем предательское слово сорвется с ее губ.

Он снова рассмеялся. Конан попытался выругаться, но оказался в состоянии лишь глухо заворчать. Он поклялся себе, что убьет этого человека, даже если ему придется встать для этого из могилы.

Холодные, слегка затуманенные глаза чародея задумчиво рассматривали его. Красноватые точки в их глубине, казалось, снова начали плясать.

— Ты полон ярости, — сказал он, — но даже сейчас ты не чувствуешь страха. Но там, где я встречаю такое сильное сопротивление, я нахожу потом большой страх, когда это сопротивление бывает наконец сломлено. И ты будешь сломлен, киммериец!

— Пожалуйста, — обратилась к нему Карела, — если он должен умереть, то убей его, но не пытай.

— Как ты хочешь, — невозмутимо сказал Аманар. Он вернулся к своему трону и снова ударил в хрустальный колокольчик.

На этот раз через маленькую дверь вошел Сита. Еще четверо с'тарра следовали за ним с носилками. Они грубо швырнули Конана на жесткое дерево и привязали его кожаными ремнями через грудь и бедра. Когда они потащили его прочь, Конан услышал, как Аманар сказал:

— У нас есть много вопросов, которые нужно обсудить, моя дорогая Карела. Подойди поближе.

Дверь захлопнулась.

Глава двадцать пятая

Когда носилки несли через башню — двое вооруженных с'тарра впереди, двое сзади и Сита во главе процессии — Конан лежал тихо. В этот момент сопротивление было невозможно, но он втайне все время пытался освободить правую руку. Если бы он уже смог начать двигать пальцами... Но рука содрогалась без его воли и это было все. Сейчас ему приходилось бороться даже за дыхание.

Носилки пронесли через роскошный коридор и под арку двери, затем по крутой каменной лестнице вниз, в глубину. Стены, поначалу полированные, уступили место грубо обтесанному булыжнику, которым был сложен проход. Те, которые сработали их, имели иные задачи, чем радовать глаз изящной отделкой или цветными мраморными плитками.

Сита треснул могучим кулаком по деревянной двери, обитой железом и ничем не украшенной. К удивлению Конана, ее открыл человек — первый человек в этой крепости, который не смотрел в пол.

Он был меньше, чем киммериец, но еще шире, и его крепкие мышцы были покрыты толстым слоем жира. Поросячьи глазки на лунообразном лице разглядывали Конана.

— А, Сита, — сказал он поразительно тонким голосом. — Ты снова привел Орту гостя.

— Отойди в сторону, Орт! — прошипел Сита. — Ты знаешь, что нужно сделать, и только теряешь время.

Толстый человек хихикнул, как юная девица.

— Как охотно ты разmozжил бы Орту голову своей симпатичной секирой, правда, Сита? Но Орт нужен Аманару для его камеры пыток. Вы, с'тарра, слишком быстро теряете терпение и убиваете, прежде чем на все вопросы получены ответы.

— Этот уже так хорош, что все равно что мертвый, — презрительно отозвался Сита. Он равнодушно

повернулся и ударил Конана по лицу тыльной стороной ладони. Орт снова захихикал.

Киммериец почувствовал кровь на губах. Мучительным напряжением всех сил он выдавил несколько слов:

— Убью... тебя... Сита!

Поросячьи глазки Орта удивленно расширились:

— Он говорит? После дымка? Он силен!

— Силен? — проворчал Сита. — Не сильнее меня.

На этот раз он ударил его кулаком по лицу и разодрал кожу. Какое-то мгновение с'тарра стоял с поднятым кулаком и оскаленными зубами, потом с видимым неудовольствием опустил свою когтистую лапу.

— Запри его в камере, Орт, пока я не забыл приказ своего магистра.

Хихикая, Орт повел процессию дальше. Обитые железом двери одна за другой проплывали среди холодных каменных стен. Возле одной толстяк остановился и открыл тяжелый железный замок ключом, который вместе с остальными висел у него на поясе.

— Там уже есть один, так что постепенно тут будет довольно тесно, — проворчал он.

Под внимательным присмотром Ситы остальные с'тарра развязали сыромятные ремни. Затем они подняли Конана с носилок и затащили его в камеру, которая, как и все подземелье, была сложена грубо обтесанными булыжниками. Когда они заковывали в цепи его руки и ноги, киммериец увидел второго пленника, который был прикован к противоположной стене таким же образом. Это был заморанский капитан, к которому он привел гнавшихся за ним кецанкианцев.

Когда все остальные с'тарра покинули камеру, Сита остановился перед лежавшим киммерийцем:

— Если бы это зависело от меня, — яростно защищал он, — ты умер бы уже сейчас. Но магистр нашел тебе еще одно применение. — Из кармана на своем поясе он вытащил фляжку и всунул ее между зубов Конана. Горькая жидкость потекла ему в рот. — Когда магистр получит твою душу, он отдаст мне, вероятно, то, что останется от тебя.

С шипящим смехом Сита засунул пустую фляжку обратно в карман и вышел из подземелья. Со скрежетом он закрыл дверь за собой.

Конан почувствовал, как постепенно к нему возвращаются силы. Он слабо оперся на локоть, пока не смог наконец сесть и прислониться к холодной каменной стене.

Остроносый заморанский капитан наблюдал за ним задумчивыми темными глазами. На его руках видны были длинные полосы содранной и стертой кожи. И еще на груди, там, где его куртка была разорвана.

— Мое имя Гаранидес, — сказал он после некоторой паузы. — С кем я имею честь разделить этот... э... приют?

— Я Конан, — ответил киммериец. Он попробовал цепи на прочность, которые приковывали его запястья и щиколотки к железному кольцу на стене. Они были длиной около трех футов, и их звенья слишком толсты, чтобы он мог их порвать. Даже если бы с ним была вся его сила — а это случится еще нескоро — он все равно не смог бы это сделать.

— Конан, — пробормотал Гаранидес. — Я слышал это имя в Шадизаре. Вор. Если бы я только узнал тебя, когда мы встречались в последний раз.

Киммериец повернулся к нему.

— Значит, ты меня вспомнил? — Когда другой человек говорил ему «ты», он не видел никаких оснований отвечать на «вы», даже если этот Гаранидес и был капитаном.

— Я не забываю так быстро человека с плечами как у вола — и уж совсем не забываю, если он привел мне в подарок две сотни горских воинов.

— Вы и в самом деле преследовали нас? Я это сделал только потому, что вы гнались за нами.

— Я преследовал тебя, — горько ответил Гаранидес. — Или Рыжего Ястреба — того, кто украл драгоценности Тиридата. Или это сделал все-таки ты, вор, который забрался во дворец и лютовал там, словно демон?

— Ни я, ни Рыжий Ястреб, — заверил его киммериец. — Это были с'тарра, люди-ящерицы. Мы гнались за ними так же, как вы гнались за нами. Но как ты попал сюда, в подземелье Аманара?

— Потому что я преследовал рыжую потаскуху, вместо того, чтобы как умному человеку вернуться в Шадизар и сложить свою голову более простым и верным способом. — Гаранидес бросил взгляд на Конана. — Когда мы подъехали ближе по расселине, эти чудовища — ты называешь их с'тарра, кажется? — обрушили на нас лавину. Только двадцать из моих людей и я остались в живых после осыпи. С нами был проводник-кепанкианец, но я не знаю, специально завел он нас сюда или и сам был погребен, а может быть, он ускользнул невредимым.

— Но эти ожоги у тебя совсем не от падающих камней!

Гаранидес бросил беглый взгляд на свои руки.

— Наш тюремщик, парнишка по имени Орт, с удовольствием играет с раскаленным железом. Для человека такого сложения он удивительно проворен. Он ударяет и отпрыгивает назад. И поэтому, — он звякнул цепью, — я не могу ни схватить его, ни избежать удара.

— Когда он снова появится со своим железом, — сказал Конан страстно, — один из нас, может быть, сумеет его схватить, пока другой уклоняется.

Он вытянул свою цепь, насколько она это позволяла, и оценил расстояние. С сердитым ворчанием он снова прислонился к стене. Между ним и Гаранидесом было еще достаточно места, чтобы Орт сумел ускользнуть. Толстый Орт мог приближаться к одному или к другому на расстояние, равное толщине пальца, ничего при этом не опасаясь. Внезапно Конан увидел, что капитан смотрит на него, нахмурившись.

— Мне стало ясно, что я уже рассказал тебе больше, чем Орту. Как же это случилось, что тебя заковали, как осла, Конан?

— Я недооценил возможности чародейства, — коротко ответил киммериец.

Он был в ярости сам на себя, что он дал так просто себя победить. Насколько он мог припомнить, он хвастался тем, что волшебники покоряются ему не сопротивляясь. И теперь он дал себя одолеть, словно трехлетний ребенок, да еще перед глазами Карелы.

— Тогда ты был на службе? — спросил Гаранидес. Конан тряхнул головой.

— Наверно, ты и сейчас еще на службе и послан ко мне в камеру лишь затем, чтобы легче выпытать все, чем это делает добрый Орт.

— Волшебник, вероятно, украл у тебя остатки мозгов? — яростно взревел Конан и вскочил на ноги, но его цепи не позволяли ему дотянуться до соседа, не хватало многих шагов. По крайней мере, подумал он, у меня достаточно сил, чтобы стоять. С издевательским смехом он снова уселся к стене.

— Подземелье — не очень подходящее место для поединка, — проворчал он. — Мы даже не можем добраться друг до друга. Я попробую тебя, однако, убедить, чтобы ты думал, когда говоришь. Я не служу никакому волшебнику!

— Может быть, — пробормотал Гаранидес и замолчал.

Конан устроился поудобнее — насколько это позволил твердый каменный пол и голая стена. Мальчишкой он спал в горах часто в более скверных условиях — просто так, а не вынужденный обстоятельствами. Но сейчас он хотел не спать — ему нужно было подумать, как бежать отсюда и как убить Аманара. А последнее он сделает обязательно, даже если в тот же миг должен будет потерять свою жизнь. Но как можно убить человека, которому не повредило железо, загнанное на три фута в грудь, который даже не уронил после этого ни капли крови? Это была по-настоящему сложная проблема.

Многие люди носят амулеты, волшебная сила которых специально направлена на то, чтобы охранять их. Эти амулеты могут быть использованы во зло или во благо тех, кто их носит. Он вспомнил о глазе Эрлика, который в конце концов привел к концу хана Замбулы, хотя и не с помощью чар. То, что Аманар бережет подвеску, которая в Шадизаре висела между нежных грудей Велиты, как зеницу ока, доказывало киммерийцу, что речь идет здесь о таком же амулете. Он был уверен, что подвеску можно использовать для того, чтобы убить Аманара, он только не знал, как это сделать.

Но для начала ему нужно выбраться отсюда. Он перебрал в мыслях все, что видел на своем пути в подземелье, все, что упомянул Орт и рассказал ему

Гаранидес, и постепенно его план принял определенную форму. Теперь ему нужно только ждать — а терпением он, к счастью, обладал таким, что ему позавидовал бы охотящийся леопард. Он был горец из Киммерии. В пятнадцать лет он вместе с дикой ордой штурмовал стены Венарии и разграбил эту аквилонскую цитадель. Но с тех пор ему было заказано место возле костров воинов его рода. И с тех пор он обошел много земель, он видел, как шатаются троны и время от времени помогал свергнуть или возвести то одного, то другого. Он знал, что для успешной борьбы необходимо знать, когда нужно ждать и когда разить. Сейчас нужно ждать. И так проходили часы.

Когда ключ заскрежетал в тяжелом железном замке, киммериец напряженно вслушался. Он заставил себя напрячься. Сила вернулась к нему полностью, но он должен был быть осторожным.

Дверь раскрылась наружу, и вошли с'тарра с Ордо, которого они заволокли, бесчувственного, держа его перед собой. Они подтащили его к третьему месту с цепями у другой стены и застегнули наручники на его запястьях и щиколотках. Не удостоив двух других пленников ни единым взглядом, они покинули камеру, но дверь не закрыли. В дверном проеме стоял Аманар. Сверкающее золотое одеяние он уже сменил на черное, вышитое золотыми змеями. Он нащупывал нечто под одеянием тонкими пальцами на груди, разглядывая подземелье холодными глазами.

— Жаль, — проговорил он почти неслышно. — Вы трое могли бы сослужить мне хорошую службу — лучшую, чем все остальные вместе взятые, за исключением Карелы, но все вы должны умереть.

— Ты хочешь запереть тут нас всех? — спросил Конан без всякого уважения и кивнул головой на Ордо. Одноглазый застонал и слегка пошевелился.

Аманар посмотрел на него, словно ему только теперь что-то стало ясно.

— Нет, киммериец. Как и ты, и человек по имени Талбор, он проник сюда, чего мы здесь не любим. Остальные остаются на свободе — пока что они мне не нужны.

Цепи Гаранидеса зазвенели, когда он повернулся.

— Чтоб Митра разорвал твою черную душу! — захрипел капитан.

Волшебник, казалось, вообще не слышал его. Его удивительные глаза по-прежнему смотрели на Конана.

— Велита, — сказал он шепотом, — ждет меня в моем колдовском покое. Когда я использую ее в последний раз, она умрет и найдет нечто худшее, чем смерть. Смерть — это страшно, киммериец, но еще страшнее, когда после человека не остается души, которая сможет проснуться для будущей жизни!

Лицо Конана напряглось почти против его воли.

От смеха Аманара кровь застыла в жилах.

— Забавно, киммериец. Ты боишься гораздо больше за других, чем за самого себя. Да, забавно. Это можно будет еще использовать.

Снова зазвучал его чудовищный смех, потом он вышел.

Гаранидес неподвижно смотрел на захлопнувшуюся дверь.

— Он отравляет воздух одним только своим дыханием, — сказал он.

— Дважды, — задумчиво проговорил Конан, — я слышал о душах, которые вынимаются из тел. Я знал как-то человека, который умел красть души.

Капитан сложил пальцы «рогами», отводя дурное.

— Как ты познакомился с этим человеком? — спросил он.

— Он украл мою душу, — ответил киммериец спокойно.

Гаранидес недоверчиво засмеялся, потому что не знал, всерьез это говорится или нет.

— И что же ты тогда сделал?

— Убил его и вернул мою душу назад.

Конан вздрогнул. Это было совсем непросто — получить ее назад. Еще раз попасть в опасность, где можно ее потерять и, возможно, не получить назад, было намного страшнее, чем умереть. И именно это предстояло Велите и, возможно, Кареле, если он не сумеет это предотвратить.

Ордо снова застонал, с трудом сел и прислонился спиной к стене. Когда зазвенели цепи, он уставился на наручники, затем поспешно вновь закрыл глаза.

— Что случилось, Ордо? — спросил Конан. — Аманар приказал своим с'тарра притащить тебя сюда. Он сказал, что ты куда-то проник, где он не желал бы тебя видеть. Что ты сделал?

Лицо Ордо, перекошенное шрамом, дрогнуло, словно он хотел заплакать.

— Ее так давно не было в лагере, — сказал он наконец. — И тебя тоже. Это меня беспокоило. Приближалась ночь, и мысль, что она останется в крепости или не сможет найти в темноте дорогу к лагерю... В воротах меня пропустили, правда, неохотно, и один из ящериц привел Ситу. Я пришел в зал, где этот трижды клятый Аманар — чтоб его черви сожрали! — восседал на своем золотом троне.

Ордо прикрыл свой глаз, но продолжал говорить, правда, медленнее.

— Музыканты играли — люди, которые ни разу не подняли глаз от пола. Это змеиное отродье, этот демон, набросился на меня и ударил древком копья, потому что колдун буркнул ему, что я нужен ему живьем. Мне удалось убить по меньшей мере двоих, прежде чем я потерял сознание. Да, насчет двоих я знаю точно.

Он замолчал. Конан посмотрел на него.

— Аманар, конечно, не приказал бы тебя бить только за то, что ты вошел в его тронный зал?

Бородатое лицо дико искажилось. Сквозь стиснутые зубы Ордо наконец выдал:

— Карела! Она танцевала для него, обнаженная, словно наложница — и разукрашенная, словно из гарема! Она плясала обнаженная для этого...

Его потрясло рыдание, и он замолчал.

Ярость, еще более сильная, охватила Конана.

— Ордо, он умрет! — обещал он. — Он сдохнет!

— Эта Карела, — спросил Гаранидес, не веря своим ушам, — это... Рыжий Ястреб?

Лицо Ордо потемнело еще больше. Он хотел наброситься на капитана, но цепи рванули его назад.

— Она была заколдована! — взревел он, и его голос прозвучал как прежде. — Она даже не узнала меня. Ни одного взгляда она не уделила мне, ни на одно мгновение не прервала танец. Она заколдована!

— Мы тебе верим, — попытался успокоить его Конан.

Одноглазый злобно сверкнул на Гаранидеса.

— Кто этот человек, Конан?

— Ты его не узнаешь? — Киммериец рассмеялся. — Гаранидес, заморанский капитан, которого мы познакомили с кецанкианцами.

— Заморанский офицер! — фыркнул Ордо. — Если б у меня были свободны руки, я освободил бы мир от еще одного солдата, прежде чем мне умереть.

— Это останется только твоим желанием! — издевательски заметил Гаранидес. — Я прикончил пятерых вроде тебя уже перед первым завтраком.

Капитан и разбойник обменялись убийственными взглядами.

— Давайте на время забудем ваши цепи, — вмешался Конан, внешне безразличный. — Можете ли вы действительно взяться за это дело?

Теперь яростные взгляды устремились на него.

— Мы без сомнения умрем, — буркнул Ордо.

— Умирай, если тебе непременно этого хочется, — огрызнулся Конан. — Я попробую в любом случае этого избежать, и тогда умереть придется Аманару!

— Как? — спросил Гаранидес.

Киммериец улыбнулся.

— Ждите. И успокойтесь.

Несмотря на то, что они приставали к нему, требуя, чтоб он открыл им свой план, он спокойно уснул. И снилось ему, что Аманар удушен цепочкой от черной подвески.

Глава двадцать шестая

Карела проснулась и в смятении огляделась вокруг. Она лежала на шелковом диване — не в своей палатке, а в роскошном покое — который был покрыт багряным шелковым покрывалом. Серебряные чаши и кувшины стояли на позолоченных столиках, а пол был покрыт драгоценным туранским ковром. Солнце пробивалось сквозь узкое окно. Ей стало ясно, что она находится в крепости Аманара, и одновременно с этим она заметила, что совершенно обнажена.

— Деркэто! — пробормотала она и быстро села. В голове стучало. Выпила ли она слишком много вина? Во всяком случае она знала, что провела ночь в замке. Она смутно вспоминала жгучую музыку и свой безумный танец. Она прижала ладонь ко лбу, словно хотела стереть румянец — и с проклятием отняла ее. В покое было прохладно, и лоб был тоже холодным. Она торопливо встала и начала искать свою одежду.

Ее золотые чаши для груди и изумрудно-зеленая юбка лежали в полном порядке на расстеленном пурпурном плаще на ларце в ногах дивана. Красные сапоги стояли перед ларцом, а украшенный драгоценными камнями палаш прислонен рядом. Она поспешно оделась.

— Кто была эта танцовщица? — бормотала она себе под нос, натягивая сапоги. Танец был откровенно бесстыдным, вызывающим к самым низшим чувствам.

— Но почему это должно ее интересовать? — спрашивала она себя. Намного важнее то, что ей в будущем нужно быть осторожнее с вином. Она доверяла Аманару не настолько, чтобы ей хотелось проводить в этом замке и следующие ночи. Ее щеки пылали, и лишь частично это было вызвано злостью. Это еще счастье, что она проснулась не в его постели. Нет, не потому, что она находила его недостаточно красивым, хотя и на несколько сумрачный лад, и он был тоже силен, хотя его сила и не бросается в глаза. Но когда она улеглась с этим человеком в кровать, это она уточнит.

Дверь раскрылась. Она вскочила и схватила палаш, прежде чем осознала это движение. Она с удивлением увидела девушку, которая вошла с опущенной головой, не глядя на нее, и внесла большой серебряный кувшин с деревянной ручкой на подносе. Почему я так беспокоюсь? — подумала она, засовывая кривую саблю в ножны.

— Мне жаль, девочка. Я не хотела испугать тебя.

— Горячая вода, госпожа, — сказала девушка беззвучным голосом. — Для вашего утреннего туалета.

Все еще не поднимая взгляда, она поставила поднос на столик и повернулась, чтобы идти. Казалось, ее ничуть не смутило приветствие в виде обнаженной сабли.

— Момент, — попросила Карела. Девушка остановилась. — Кто-нибудь у подъемной решетки спрашивал меня? Ордо? Бородатый человек с одним только глазом?

— Такой человек был без сознания принесен в подземелье прошлой ночью, госпожа.

— В подземелье? — возбужденно переспросила Карела. — Клянусь грудями Деркэто! Почему?

— Говорят, его схватили, когда он хотел освободить этого человека, Конана, и еще потому, что он спрятал в свой мешок много золотых вещей.

Рыжая испуганно задержала дыхание. Она должна была предусмотреть такую возможность. Ордо и Конан были очень близки, они стали чем-то вроде братьев по оружию, как это называют горцы. А мужчины, которые в других вещах совершенно ненадежны, в таких вопросах обычно ведут себя, как сумасшедшие. Но несмотря ни на что, он был самым верным из ее псов, она должна что-то сделать для него.

— Где твой господин, девочка?

— Я не знаю, госпожа.

Карела нахмурила лоб. Рабыня слегка помедлила с ответом.

— Тогда води меня в подземелье. Я хочу говорить с Ордо.

— Госпожа, я... я не могу... мой господин... — Девушка уставилась в пол.

Карела взяла ее за подбородок и подняла ее лицо.

— Смотри на меня...

У нее перехватило дыхание. Девушку можно было бы считать даже красивой, но ее лицо было совершенно неподвижно, ни следа чувств не найти было на нем. И ее карие глаза были — пусты. Да, пусты — это единственное слово, способное объяснить производимое ими впечатление. Карела поспешно убрала руку. Ей пришлось подавить желание вытереть руку. Прежде чем она выпустила подбородок, девушка снова опустила голову. Она не пыталась защитить себя и только спокойно стояла и ждала.

— Девушка, — сказала Карела угрожающим тоном. — Я здесь, а твой господин неведомо где. Покажи мне дорогу в подземелье.

Рабыня, поколебавшись, кивнула и пошла из покоя. Карела установила, что она находилась на верхнем этаже башни. Они спустились по витой мраморной лестнице, которая выглядела так, словно висела в воздухе. На первом этаже девушка свернула в боковой ход и остановилась перед аркой, лишенной всяких украшений, возле грубо вытесанных из камня ступеней, которые вели в глубину. За всю дорогу она ни разу не подняла глаз, и Карела была рада этому.

— Ход ведет вниз, госпожа, — сказала рабыня. — Я не могу идти дальше.

Карела кивнула.

— Спасибо, девочка. Если у тебя возникнут из-за этого неприятности, я сама поговорю о тебе с твоим господином.

— Господин сделает то, что захочет, — ровным голосом ответила рабыня. Прежде чем Карела смогла что-то ответить, она уже свернула за угол.

Рыжая разбойница глубоко вздохнула, положила пальцы на рукоять сабли и начала спускаться по лестнице, пока не оказалась перед дверью, обитой железом. Она постучала по двери рукоятью.

Толстый человек в желтой куртке открыл. Она приставила обнаженный клинок к его лицу, прежде чем он успел открыть рот. Он, по крайней мере, не смотрел упорно в пол, подумала она. Но может быть, потому, что она держит меч и он боится поранить лицо.

— Человек по имени Ордо, — сказала она. — Веди к нему.

— Но Аманар... — начал толстяк. Острие палаша легонько кольнуло жирную шею, и поросычьи глазки испуганно уставились на нее. — Я приведу вас к нему, — заверил он ее высоким, визгливым голосом и поспешно добавил: — Госпожа.

Приставив острие сабли к его спине, она шла за ним по коридору, сложенному природными скалами. Он нащупал ключ на своем поясе и наконец открыл тяжелую деревянную дверь.

— Веди внутрь, — приказала она и указала кривой саблей направление. — Так, чтоб я могла тебя видеть. Одно предательское движение, и я превращу тебя в жабу, если ты еще ею не стал!

Яростно исказив свое жирное лицо, он подчинился. Она раскрыла дверь и удивленно посмотрела на трех человек в камере: Конана, Ордо и еще одного, который был ей почему-то знаком. Все трое смотрели, как дверь со скрипом раскрывается.

— Ты пришла! — вскричал Ордо. — Я знал, что ты придешь!

Ее зеленые глаза остановились на широкоплечем киммерийце. Он встретил ее взгляд равнодушно. Она чувствовала облегчение от того, что он был еще жив, и сердилась на себя за это. Твердые черты его лица не были безобразны, что верно, то верно, и он был действительно очень мужественным — она непроизвольно покраснела — но он ведь идиот. Почему ему надо было противопоставить себя Аманару? Почему он не может забыть эту девчонку Велиту? Почему?

— Почему? — непроизвольно громко спросила она и в замешательстве обернулась к Ордо. — Почему ты это сделал, Ордо?

Одноглазый глянул смущенно:

— Что я сделал?

— Почему ты ограбил Аманара и попытался освободить остальных кретинов? — Она указала головой на Конана, не глядя на него.

— Я ничего не украл! — защитил себя Ордо. — И я вообще не знал, что Конан лежит тут в цепях, пока они меня сюда не зашвырнули.

— Но у них же была причина сделать это? — насмешливо спросила она.

Ордо промолчал.

— Ха! — сказал Конан. Ордо остановил его, прерывая его попытку продолжать.

— Нет, киммериец! — И добавил: — Пожалуйста. — Это прозвучало вымученно и умоляюще одновременно.

Карела, ничего не понимая, смотрела на обоих. Глаза этих двоих встретились, и Конан кивнул.

— Ну? — резко спросила она. Никто из двоих не ответил. Ордо отвел глаза. — Разрази тебя Деркэто, Ордо! Я прикажу бить тебя плетью. Если я смогу уговорить Аманара освободить тебя, я, наверно, сделаю это.

— Освободи нас сейчас, — быстро сказал одноглазый. — У Орта есть ключ. Ты можешь...

— Тебя! — возразила она резко. — Только тебя я попытаюсь освободить. Второй меня не интересует. — Она чувствовала взгляд Конана и отвернулась. — Но тебе явно пойдет на пользу побыть здесь еще немного и поразмышлять, удастся ли мне уговорить Аманара отпустить тебя отсюда.

Она указала кривой саблей на толстого тюремщика.

— Эй, ты! Закрой дверь снова! — Она прошла несколько шагов из камеры и держала теперь палаш наготове, когда Орт пошел к двери.

— Карела! — взревел Ордо. — Послушай, уходи отсюда. Забудь меня и заberi свою лошадь...

Дверь захлопнулась и оборвала его на полуслове.

Толстяк повернул ключ в замке и снова обернулся к ней. Она положила кривой клинок на его шею, и ее глаза засверкали сталью.

— Если до меня дойдут слухи, что ты плохо общался с Ордо, я изрублю тебя на куски!

Она презрительно повернулась к нему спиной и зашагала к лестнице.

Когда она поднялась наверх, она кипела от ярости. Аманар не имел права делать такие вещи! С Конаном — да, но с Ордо — другое дело. Она сама в состоянии заботиться о дисциплине и порядке своих псов, и она не потерпит, чтобы волшебник вставал поперек ее воли. С саблей в руке она стремительно шла через роскошные залы черной башни.

С'тарра, который преградил ей путь, удивленно посмотрел на оружие в ее руке.

— Где Аманар? — резко спросила она.

Человек-ящерица не ответил ни слова, но указал ей глазами на простую полукруглую дверь. Она вспомнила, что Аманар говорил, что ход за этой дверью ведет в покои, где он занимается своими исследованиями. В ее теперешнем настроении ей было безразлично, где разговаривать с чародеем. Она повернулась к этой двери.

С шипящим криком человек-ящерица прыгнул перед ней, чтобы преградить ей дорогу, но тотчас отскочил и избежал смертельного удара ее клинка, кото-

рый успел лишь скользнуть по кольчуге на его груди и высечь сноп искр.

— Если ты отважишься идти за мной, ты никогда уже ни за кем не сможешь ходить! — пригрозила она.

Его красные глаза не отрывались от ее лица, но он не шевельнулся, когда она пошла по косо уходящему вниз коридору, который был освещен факелами, горевшими в простых железных настенных канделябрах. Этот коридор был длиннее, чем она предполагала. Дверь и все еще стоявший возле нее с'тарра скоро превратились в едва различимую точку, когда она остановилась перед высокой деревянной дверью.

Дверь была, как и весь коридор, украшена рельефами змей. Она решила, что находится в самом сердце горы. Она толкнула одну из створок двери и вошла в большое, круглое помещение с колоннами, которые большей частью терялись в полумраке. Узор мозаичного пола изображал редкостную золотую змею. С другой стороны зала к ней резко повернулся Аманар. Сита, который сидел на корточках рядом с чародеем, приподнялся.

— Ты решилась прийти сюда! — загремел волшебник.

— Я решаюсь на все, — фыркнула она, — пока ты держишь Ордо в цепях...

Только теперь она обратила внимание на то, что находилось за спиной одетого в черное волшебника: залитый кровью черный мраморный алтарь и привязанная к нему нагая стройная белокурая девушка, которая замерла от страха.

— Клянусь черным сердцем Аримана! — выругалась Карела. — Чем ты тут занят, чародей?

Вместо ответа Аманар описал в воздухе знак, который бегло вспыхнул. Он пробудил в ней спящее воспоминание. Она почувствовала жжение в глазах, словно туда попал песок. Она покажет ему, как пробовать на ней свои колдовские трюки! Она хотела идти к нему — и удивленно посмотрела на свои ноги, которые не хотели двигаться. Она не чувствовала себя слабой, она была совершенно нормальной, но они ей не повиновались.

— Что это за чертовщина? — яростно зашипела она. — Отпусти меня сию секунду, Аманар, иначе...

— Брось саблю перед собой! — приказал он.

Она не смогла подавить возгласа, когда ее рука против ее воли повиновалась, и украшенный драгоценными камнями палаш упал на пол, зазвенел и откатился к колонне.

Аманар удовлетворенно кивнул.

— Раздевайся, Карела!

— Идиот, — начала она, но замолчала, когда увидела, как ее тонкие пальцы поднялись к пряжке, которая скалывала ее багряный плащ, и расстегнули ее. Плащ скользнул за ее спиной на пол.

— Я Рыжий Ястреб, — сказала она. Голос ее звучал беззвучно. Тогда она напрягла его и взревела: — Я Рыжий Ястреб!

Ее зеленые глаза, казалось, вылезут из орбит, когда им пришлось наблюдать, как ее собственные руки срывают чаши с груди и бросают их на пол, как они распахивают зеленую юбку, и она тоже летит на пол.

— Хватит! — сказал Аманар. — Оставь себе сапоги. Мне нравится, когда они на тебе.

Она хотела плакать, когда ее руки послушно улеглись на бедра.

— Вне этих стен, — продолжал одетый в черное чародей, — ты Рыжий Ястреб. Внутри крепости ты — то, что я прикажу. Я думаю, что с этого момента я позволю тебе узнать, что здесь происходит. Твой испуг дороже самого редкого вина.

— Ты вообразил, что я вернусь сюда еще раз, если сумею освободиться? — фыркнула она. — Отдай мне сперва мою саблю в руки и собери вокруг меня моих псов, я обрушу эту крепость тебе на голову!

От его смеха по спине у нее заструился ледяной пот.

— Когда ты покинешь эти стены, ты сможешь только то вспомнить, о чем тебе позволю вспомнить я! Ты уйдешь отсюда с убеждением, что мы обсуждали здесь это или то. Но когда ты снова вернешься в крепость, тебе снова откроется вся правда. Рыжий Ястреб будет валяться у моих ног и радовать меня всем тем, что я потребую. Ты будешь ненавидеть — и повиноваться.

— Скорее я умру! — яростно крикнула она.

— Этого я не допущу. — Он холодно рассмеялся. — А теперь попридержи язык!

Все, что она хотела еще сказать, замерло на ее губах. Аманар вытащил кинжал с позолоченным клинком из-под одеяния и блеснули искры.

— Ты увидишь, что здесь происходит. Я не думаю, что Суза выкинет что-нибудь неожиданное.

Девушка на алтаре застонала. Глаза Аманара с красными точками в глубине приковывали взгляд Карелы, словно змеиные глаза — птицу. Она чувствовала, как они проникают в ее душу — глубоко-глубоко.

— Ты будешь смотреть, — повторил Аманар, — и ты научишься страху — в его настоящем смысле.

Он снова повернулся к алтарю и начал нараспев произносить заклинание, каждое слово которого, не смотря на то, что она не понимала их смысла, пронзало ее, как кинжал. Запахло дымом.

Глаза Карелы вылезали из орбит. Нет, я не буду кричать, заклинала она себя. Даже если у меня снова появится голос, я не закричу. Но пот струился по ее телу, и дрожь, которой она никогда не знала в жизни, охватила ее.

Глава двадцать седьмая

Конан! — позвал Гаранидес. — Конан!

Все трое были все еще закованы в цепи в подземелье.

Конан, который устроился так уютно, насколько это позволял каменный пол, открыл один глаз.

— Я сплю, — пробормотал он и снова закрыл его.

Киммериец решил, что с момента посещения Карелы прошел по меньшей мере целый день. Им с тех пор ничего не приносили поесть, только три миски с застоявшейся водой.

— Ты спишь! — буркнул Гаранидес. — А когда ты поделишься с нами своим планом?

— Рыжий Ястреб, — произнес Ордо голосом, полным надежды. — Как только она меня освободит, я вытащу вас отсюда. Даже тебя, заморанец!

Конан сел и потянулся, пока его суставы не хрустнули.

— Она давным-давно вернулась бы назад, если бы ей это позволили, Ордо.

— Она может еще прийти, — возразил одноглазый. — Но может быть, она послушала моего совета и ускakasла отсюда.

Конан промолчал. Лучшее, на что он надеялся, для нее было то, что она поверит Аманару в вопросах, касающихся Ордо, и вернется назад в лагерь, где будет окружена людьми, которых так охотно называет своими псами.

Как бы то ни было, — сказал Гаранидес, — мы не можем надеяться на нее. Даже если она освободит тебя, Борода, она не сделает того же для киммерийца и для меня. Ты сам слышал, как она говорила это. И я думаю, что она женщина, которая держит слово.

— Подождите, — буркнул Конан. — Еще не время. Ключ повернулся в замке.

— Это Орт, — заворчал Гаранидес. — Без сомнения, со своим железом.

— Орт? — переспросил Ордо. — Кто это...

Тяжелая, обитая железом дверь повернулась. Толстый подручный палача стоял за ней, держа латунную жаровню, полную пылающих углей, из которых торчали деревянные ручки шомполов, которые светились тем же красным светом, что и угли.

— Кто хочет быть первым? — Орт захихикал.

Он вытащил шомпол из жаровни и провел раскаленным острием в воздухе. Ордо прижался спиной к стене и свистнул сквозь зубы. Гаранидес пригнулся, готовясь к прыжку, насколько позволят ему цепи. Конан не шевелился в своем углу.

— Ты, капитан? — издевался Орт. Он сделал вид, что хочет ткнуть железом в Гаранидеса, который весь напрягся. — Орт охотно показывает свое искусство офицерам. — Хихикая, он обратил пылающую сталь против Ордо. — Или ты, одноглазый? Орт может сделать тебе второй шрам, выжечь твой второй глазик. А ты, силач? — Он повернулся к Конану. — Ты полагаешь, тебе удастся тут отсидеться?

Внезапно Орт подошел к киммерийцу. Раскаленный шомпол свистнул и отскочил назад. На плече Конана зашипело сожженное мясо. Он беспомощно поднял руку, чтобы защитить голову. Он прижался к стене,

вполоборота к палачу. Трое мужчин недоверчиво смотрели на высокого парня.

— Защищайся! — взревел Гаранидес и Конану пришлось поспешно отшатнуться, чтобы избежать раскаленного железа, которое едва не рассекло лицо.

— Будь мужчиной, Конан! — заклинал его Ордо.

Орт предусмотрительно отскочил, ударил и снова отскочил. Было просто поразительно, насколько он был проворен, несмотря на свой вес. Конан стонал, когда вторая полоса ожогов косо легла на его плечи и еще теснее прижался к стене.

— Да он не мужчина, — хихикнул Орт. Палач, почти круглый от жира, гордо приблизился к нему, встал рядом с Конаном и поднял свое пылающее оружие.

Тогда Конан испустил свой яростный боевой клич, отскочил от стены и схватил Орта рукой. Затем он подтянул его ближе, другой рукой наматывая цепь на горло палача и почти одновременно хватая его рукой. Силой мускулов он стянул цепи так, что жирное мясо проступило между звеньев. Свиные глазки Орта вылезли из орбит, его обутые в сапоги пятки заскребли по полу. У него еще было оружие, и он использовал его. Горячее железо хлестало и хлестало по широким плечам киммерийца.

Запах паленого мяса заполнил воздух. Но Конан превозмогал боль. Ему другого не оставалось. Ничего другого для него не существовало. Только человек, который был перед ним, только человек, свиные глазки которого вращаются на жирном лице, только человек, которого он должен убить. Орт попытался глотнуть воздуха, вероятно, чтобы закричать, когда он зажал ему рот. Цепь полностью охватила складки его жирной шеи. Он уронил шомпол, захрипел и больше не двигался.

Киммерийцу с трудом удалось освободить цепь, чтобы выпустить труп.

— Митра! — выдохнул Гаранидес. — Твоя спина, Конан! Я ни за что бы не выдержал такого.

Вздрагивая, Конан нагнулся к шомполу. На мертвеца он больше не обращал внимания. По его мнению, все мерзавцы заслуживали подобного же конца.

— Это поможет нам удрать, — проворчал он и поднял оружие пытки. Металл был еще горячий, но уже не обжигал.

Он осторожно просунул железо сквозь звено цепи на расстоянии ширины ладони. Он глубоко вздохнул, затем потянул железо в одну, а руку в другую сторону. Кандалы впились в едва зажившие раны, оставшиеся после ремней, которыми связали его разбойники в первую ночь, когда привязывали его к колышкам. Кровь потекла по его руке. Двое остальных затаили дыхание. С резким звоном цепь порвалась.

Улыбаясь, киммериец поднял вверх свободное запястье, с наручника свисало несколько звеньев цепи.

— Я надеялся, что огонь не причинил ущерба прочности железа, иначе он сломался бы скорее, чем цепь.

— Ты на это надеялся! — фыркнул Ордо. — Надеялся!

Разбойник запрокинул голову и затрясся от смеха.

— Ты основывал наше освобождение на одной только надежде — и ты победил!

Так быстро, как он только мог, киммериец сорвал остальные цепи с себя и других. Как только Ордо был свободен, он подскочил. Конану пришлось поймать его за руку, чтобы он не рванулся в дверь.

— Стой, не торопись! — предостерег киммериец.

— Время поджигает, — возразил Ордо. — Я должен убедиться, что Рыжий Ястреб в безопасности.

— Или умереть за нее? — спросил Конан не без насмешки.

— Первое, киммериец, но я готов и ко второму.

Конан глухо заворчал.

— Я не намеревался умереть от копий с'тарра, и если ты этим кончишь, то ты мне не будешь нужен — и Кареле тем более. — Он повернулся к офицеру. — Гаранидес, сколько еще твоих людей живы, как ты думаешь? И сколько из них могут сражаться?

— Наверное, двадцать, — ответил капитан. — И чтобы выйти из этого подземелья, они готовы сражаться даже с Ариманом и Эрликом персонально.

— Хорошо, тогда возьми ключи с пояса Орта и освободи их. Если ты с ними захватишь башню, охра-

няющую ворота и сможешь ее удержать, мы сделаем то, что задумали.

Гаранидес кивнул.

— Я удержу ее. Что же ты все-таки задумал, киммериец?

— Я убью Аманара, — свирепо ответил Конан.

— А что же я? — спросил Ордо, когда оба они договаривались, не обращая на него внимания.

— Ты хочешь с нами? — спросил Конан. Он дождался кивка и продолжил: — Собери разбойников. Тебе придется позаботиться о том, чтобы незамеченным перебраться через стену. Приведи их наверх, прежде чем с'тарра смогут расстрелять их из катапульты. Ты и псы Карелы будете сражаться против с'тарра, и вы разожжете под стенами столько костров, сколько сможете! Вы, ты и Гаранидес со своими людьми, ждите моего сигнала. Когда шпиль самой высокой башни загорится, начинайте.

— Я буду готов, — заверил его Ордо. — Говорят, что ни один план битвы не пережил еще начала атаки. Будем надеяться, что у нас случится по-другому.

— Сделай свое дело хорошо, Гаранидес, — сказал Конан, после чего он и Ордо поспешили прочь из подземелья.

В самом конце каменной лестницы, как раз когда они вошли в самую башню, в двух шагах от них шарахнулся в угол с'тарра. Ордо заломил ему руки назад, а кулак Конана вывел его из строя. Киммериец торопливо сунул в руку Ордо саблю человека-ящерицы и вытащил для себя кинжал с широким лезвием. После этого Конан и Ордо расстались.

Дорогу к покоям Аманара наверху в башне было легко найти. Нужно только подниматься по ступеням, думал Конан, пока они не кончатся. А потом будут мраморные арки, словно висящие в воздухе, и широкий парадный вход из полированного эбенового дерева, лестница, по которой двадцать человек могут подниматься одновременно плечо к плечу, и достаточно крепкая для того, чтобы выдержать целую армию.

Потом он поднялся по каменной витой лестнице, шедшей по стене башни и не имевшей поручней с внешней стороны, которые могли бы предохранить от

падения в пропасть. У подножия этой лестницы Конану пришло в голову, что он забыл о предостережении Велиты относительно зачарованности этого места. Если Аманара нет в крепости, то уже следующий шаг может означать его верную смерть от черных чар — медленную смерть, как он тут же вспомнил. Но если он не поднимется по этой лестнице, то не он, а другие примут страшную смерть от рук Аманара. Он поднялся на одну, потом на две, на три ступеньки вверх, не думая больше о том, что может произойти. Наконец он поднялся на последнюю и встал перед дверью, обитой железом.

Он облегченно вздохнул. Теперь он знал, что Аманар в крепости. Однако собирать информацию подобным образом — это было не совсем в его духе.

Он открыл дверь и вошел в помещение, где стены словно забрызганы были злобой и воздух отравлен чернейшим колдовством. Это был круглый покой, без окон, с рядами книг на стенах, но их кожаные переплеты были сделаны из такого материала, что Конан содрогнулся. Раздробленные остатки мумий лежали вокруг между разбросанными сосудами всех видов, треножников и маленьких жаровен, в которых сейчас не горел огонь. В прозрачных хрустальных сосудах плавали в прозрачной жидкости предметы, которые могли быть частями человеческих тел. Это помещение было освещено стеклянным шаром, светящимся непонятным огнем на стенном канделябре.

Но Велиты здесь не было. Ему пришлось признать себя в том, что он этого больше и не ожидал. Сначала ему нужно отомстить.

Ему не понадобилось много времени для того, чтобы отыскать хрустальную шкатулку, о которой она говорила. Она стояла на почетном месте на бронзовом треножнике в середине чародейских покоев. Он презрительно сорвал дымчатую крышку и отбросил ее, так что она разлетелась на куски на каменном полу, разорвал шелковую обертку и схватил оправленную в серебро черную подвеску на тонкой серебряной цепочке. Светящиеся красные точки плясали в глубине камня, совсем как в глазах Аманара.

Он спрятал подвеску в своем широком кожаном поясе и поспешно поискал еще чего-нибудь, что могло

бы быть ему полезным. Он уже решил уйти отсюда, когда внезапно увидел свой широкий меч на столе среди всякого хлама. Он протянул руку к нему — и она остановилась над рукоятью. Зачем Аманар принести меч в свой чародейский покой? Конан успел познакомиться с заколдованными клинками. Он сам видел, как один из них убил человека, который взял его по приказу другого в руки. Что сделал Аманар с его оружием?

Дверь покоя отворилась. Вошел Сита. Он изумленно раскрыл пасть с острыми клыками при виде киммерийца. В этот момент пальцы Конана сомкнулись на рукояти, и он поднял меч. По меньшей мере, подумал он облегченно, он меня еще не убил!

— А, киммериец, — прошипел человек-змея. — Так ты вырвался.

Почти равнодушно он смахнул разбросанные в беспорядке предметы, по большей части непонятные, и выхватил копьё с наконечником шириной в половину запястья мужчины и длиной равным короткому мечу.

— Магистр не накажет меня, если я убью тебя прямо здесь!

— Для начала попробуй это сделать, — зарычал Конан.

А мне нужно зажечь огонь и как можно скорее, подумал он. Он попытался зайти за стол и так встать перед с'тарра, чтобы ничего больше между ними не было, потому что имея на дороге стол, он мог воспользоваться только своим копьём. Осторожно поднимая копьё, с'тарра кружил вокруг стола.

Внезапно в крепости зазвенел большой гонг. Человек-ящерица на мгновение оторвал взгляд от Конана, который присел, засунул плечо под край длинного стола и опрокинул его. Сита отскочил, и тяжелый стол упал туда, где только что были его ноги. Каменные коробочки с редкостными порошками и сосудики из стекла с разноцветными жидкостями рассыпались по полу. Ядовитый дым поднялся от этого смещения предметов. Удары гонга звучали и звучали, и были слышны заглушенные расстоянием крики перед стенами. Неужели Ордо или Гаранидес, или оба они, не сумели дожидаться и начали?

— Мой магистр послал меня сюда за порошком, — зашипел Сита. — За порошком, который усиливает ужас жертвы, как он полагает.

С последним словом он поднялся и копьё полетело в Конана.

Широкий меч киммерийца отбил его в сторону, и ответный удар зацепил чешуйчатую кожу на подбородке. Сита поспешно отскочил. Он прижал длинную когтистую руку к кровоточащей ране и дико выругался.

— Ты меня еще не убил, — улыбаясь, поддразнил его Конан.

Шипящий голос Ситы превратился в скрежет.

— Жертва, киммериец, — это девушка, из-за которой ты пришел сюда. Велита. Я убью тебя, и ты умрешь с мыслью о том, что ее принесли в жертву.

Конан ощутил ярость берсерка. Велита еще жива. Но она останется жить только в том случае, если он успеет.

— Где она, Сита?

— В зале для жертвоприношений, человек.

— И где этот зал для жертвоприношений? — спросил Конан.

Сита обнажил клыки в издевательской усмешке. Конан взревел, подпрыгнул, вскочил на край перевернутого стола и набросился на человека-ящерицу. Острые копыта задело его бедро, но клинок широкого меча делал свое дело. Конан был теперь охвачен гневом берсерка. Неудержимо напал он на Ситу, не обращая внимания на свои ранения и не давая Сите времени ни на что, кроме как на то, чтоб в ужасе отшатнуться. Второй удар, скорее, продолжение первого, перерубил Сите руки. Хлынула черная кровь, и звенящий крик вырвался из-за острых клыков. Третий удар перерубил шею. Красные глаза, в которых еще некоторое время теплилась жизнь, смотрели на Конана одно мгновение, затем чешуйчатая голова упала с глухим стуком. Хлынула кровь с'тарра, и безголовое тело рухнуло на пол.

Тяжело дыша, Конан огляделся. Ему нужно еще зажечь огонь... Тут он увидел, что там, где колдовские порошки смешались с цветными жидкостями, на полу поползли желтые огоньки, от которых поднимался

едкий дым. С мгновенной быстротой охватывал огонь перевернутый стол, и он загорелся, словно был облит маслом из лампы.

Кашляя и задыхаясь, Конан стоял посреди колдовского покоя. Перед ним бушевал огонь. Из лестничного проема поступал свежий воздух. Скоро это пылающее помещение превратится в кузнечный горн, и башня сама подаст сигнал.

Киммериец нашел покой с окном, откуда можно было видеть крепостные стены и долину. С удивлением он распахнул глаза. На стенах сновали с'тарра, деловито, как муравьи вокруг потревоженного муравейника. А вдалеке, в долине, было около тысячи горцев в турбанах. Они ехали на лошадях, вооруженные копьями и саблями.

Где же могут быть Ордо и Гаранидес? Их план теперь невыполним. Но может быть, он успеет еще спасти Велиту, если она действительно находится в зале для жертвоприношений. Но где он будет искать его в этой огромной башне? Ему понадобится целый день только для того, чтобы бросить в каждое из этих помещений один беглый взгляд. Но тут он вспомнил кое о чем. Возможно, для девушки существовало еще одна вероятность спасения.

Гигантскими прыжками он пробежал алебастровые залы и помчался вниз по мраморной лестнице, мимо изумленных с'тарра, которые очень спешили выполнить полученные приказы и не отваживались его остановить. Как коршун ворвался он вниз, прямо в тот простой нижний ход, который отвесно вел вниз и о котором Аманар лживо утверждал, что тот ведет в его чародейские покои.

Конан помчался по коридору, который вел в сердце гор, и его легкие работали, как кузнечный горн. Смерть смотрела из его ярко-синих, как горный ледник, глаз, и ему было безразлично, будет ли это его собственная смерть, если с собой он заберет в царство теней Аманара.

Серые каменные стены коридора, освещенные факелами, снова и снова повторяли запутанный узор, изображающий змей, как и высокая дверь, перед которой он наконец остановился. Он толкнул обе створки и вошел.

Аманар в черном, вышитом змеями одеянии стоял, произнося заклинание перед черным мраморным алтарем, к которому была привязана обнаженная Велита. За алтарем клубился дымный пар и уходил в бесконечную черноту. Конан поспешно пробрался между колонн к стене круглого зала. Его губы вздрагивали, словно он неслышно рычал.

Чародей сделал паузу в своих заклинаниях и сказал, не оборачиваясь:

— Давай сюда, Сита! Поторопись!

Конан был еще в двенадцати шагах от алтаря. Он рассматривал чародея, приближаясь. Золотого жезла на этот раз у Аманара не было, но что это вместо того держал он в руке?

— Я не Сита! — сказал киммериец.

Аманар вздрогнул и резко повернулся. Он увидел Конана, который стоял в тени колонн.

— Это ты, киммериец? Как же ты... А, это неважно. Так ты быстрее попадешь к пожирателю душ.

Велита смотрела мимо Аманара — на Конана. Ее темные глаза были полны надежды и отчаяния одновременно. Клубящийся дым сгустился.

— Отпусти девушку! — приказал Конан. Аманар издевательски захохотал. Тогда киммериец вынул подвеску из пояса и покачал ее, держа за цепочку. — У меня есть кое-что, колдун!

Смех Аманара замер.

— Что это такое! — зашипел он, но его язык облизал губы, и он бросил откровенно растерянный взгляд на все более сгущающийся мрак. Что-то зашевелилось в глубине. — Но это может привести... к осложнениям. Отдай мне его, и я...

— Это его душа! — загремел голос, который, казалось, раздавался сразу отовсюду. Тени, лежавшие на другой половине круга, против Конана, казалось, внезапно раскололись и слились в одну тень, которая приняла твердые очертания — и перед ними оказался Имхеп-Атон.

Стигийский чародей был одет в золотой веночек на волосах с большим изумрудом надо лбом, в черное, строгих очертаний одеяние, которое достигало пола. Медленно приближался он к Аманару и к алтарю.

— Ты! — фыркнул Аманар. — Я должен был догадаться, когда увидел, что двое убитых с'тарра не имеют явных ранений.

— Подвеска, Конан из Киммерии, — сказал Стигиец властно. — Она содержит душу Аманара, которую он хочет защитить от пожирателя душ. Уничтожь подвеску — и ты уничтожишь Аманара.

Конан поднял руку, чтобы швырнуть камень между колонн. Но он не смог выпустить подвеску. Как он ни старался, пальцы не разжимались. Наконец он снова опустил руку.

Аманар звонко рассмеялся.

— Дурак! Ты решил, что я не сумею защитить то, что мне дорого? Никто не может причинить вреда подвеске.

Внезапно он повернулся к нему целиком.

— Убей его! — крикнул он.

Наконец Конану стало ясно, ЧТО во мраке за алтарем двигалось и вырисовывалось все четче. Огромная золотая голова змеи поднималась оттуда, окруженная длинными щупальцами, которые напоминали лучи вокруг солнечного диска. Покрытое золотыми чешуями тело терялось в черноте за дымом, и рубиново-красные глаза изучающе смотрели на Имхеп-Атона.

У Стигийца осталось время на прямой взгляд, затем огромная змея ударила быстрее, чем молния. Длинные золотые щупальцы схватили кричащего и подняли его высоко в воздух. Они держали его осторожно, почти нежно, как это казалось, но исполненный ужаса вопль Имхеп-Атона продрал Конана до костей. Он кричал, как будто у него отнимали самое дорогое. Пожиратель душ, подумал Конан и содрогнулся.

Щупальцы ослабили хватку. Они обхватили Имхеп-Атона с головы до пят и снова крепко сжались. Его крик тянулся бесконечно страшно и долго, как показалось Конану, гораздо дольше, чем хватило бы дыхания обычному человеку. Затем щупальцы выпустили безжизненное тело, и оно упало на мраморный пол с таким звуком, словно это была мокрая тряпка. Конан хотел посмотреть туда. Но вместо этого он напряженно уставился на подвеску в своем кулаке.

— Ты приказываешь мне, — зашипел голос в голове Конана. Ему не нужно было объяснений, что это говорила большая змея — бог это был или демон, в данный момент не играло роли — которая разговаривала с Аманаром. — Ты стал слишком властолюбив!

Снова Конан посмотрел на подвеску в своей руке. Кром, жестокий бог его северной родины, дал человеку только жизнь и волю. Что человек сделает с ними — или не делает — это его личная забота. Жизнь и воля.

— Твой слуга попросил тебя заняться им, — сказал Аманар ровным голосом, но его самоуверенность исчезла, когда змея продолжила размышления вслух.

— Нет, Аманар. Твое время кончилось. Сними амулет и отдай себя своему богу, чтобы он стал сильнее. Жизнь и воля. Воля.

— Нет! — крикнул Аманар. Он сжал пальцы на груди. — Я еще ношу мой амулет, и ты не можешь тронуть меня, Пожиратель Душ.

— Ты сопротивляешься мне? — Голова змеи двинулась к Аманару, щупальцы протянулись к нему — и отдернулись.

Воля. Ловец душ. Пожиратель Душ. Воля.

— Кром! — взревел Конан. Он с трудом перевозмог себя и швырнул подвеску в сторону огромной змеи.

Время, казалось, потекло медленно, словно мед, и подвеска, вращаясь на цепочке, словно повисла в воздухе.

Губы Аманара искривились:

— Н-н-нет.

Медленно двигалась золотая голова змеи. Раздвоенный язык высовывался между острых клыков. Он подхватил подвеску, втянул ее в пасть и проглотил.

Крик Аманара превратился в отчаянный пронзительный вопль. К нему присоединился второй голос — шипящий, отдающийся в самой глубине сознания тех, кто его слышал. Велита судорожно дернулась на алтаре и сникла, обессиленная. Конану казалось, что его кости превратились в студень.

Луч синего огня вырвался из груди волшебника, разорвал его одеяние и связал его с золотым демоном. Вопли, вырывающиеся у Аманара и Мората-Аминэ становились все пронзительнее и резче, они, казалось,

вот-вот порвут барабанные перепонки людей и заморозят кровь в их жилах. Аманар превратился в живую статую из голубого огня — и он все еще кричал. Золотая чешуйчатая шкура Мората-Аминэ была охвачена голубым пламенем, которое уходило в бесконечную черноту и там терялось. И его крик никак не замолкал и потрясал души.

Наконец вопли волшебника стихли. Конан взглянул и увидел, что от Аманара осталась кучка жирной золы и небольшое количество обгоревшего металла. Но Морат-Аминэ все еще горел, и та часть его огромного тела, которая была видна в этом зале, билась в страшных мучениях, извиваясь и потрясая основание горы.

На потолке жертвенного покоя образовались трещины, и пол колебался и качался, как палуба корабля во время шторма. Стараясь сохранить равновесие, Конан добрался до черного мраморного алтаря, который находился как раз перед горящим, бушующим в смертных муках демоном. К счастью, Велита потеряла сознание. Он сорвал с нее путы, переброшил обнаженную девушку через плечо и пустился бежать. Потолок жертвенного покоя обрушился как раз тогда, когда он достиг коридора, и тучи пыли поднялись за его спиной. Гора тряслась все страшнее, она вздрагивала и колебалась. Конан мчался.

В крепости царило безумие. Колонны ломались, башни падали, широкие расселины прорезывали стены, и посреди всего этого хаоса с'тарра убивали все, что движется — даже друг друга.

Огромный киммериец промчался к воротам. Его сверкающий клинок очищал ему путь от тех с'тарра, которые отваживались встать у него на дороге. Башня Аманара, из которой вырывалось пламя, словно из факела, наклонилась в сторону и разлетелась на тысячи обсидиановых осколков. Земля вздыбилась, словно необъезженная лошадь, когда Конан пробирался через подъемную решетку.

Она была открыта, и когда киммериец с танцовщицей, которая все еще была без сознания, на плечах хотел пробежать под ней, открылась дверь караульного помещения. Оттуда выскочил Гаранидес с мечом

в руке, с окровавленным лицом, сопровождаемый полудюжиной солдат в одежде и доспехах Заморы.

— Я удерживал ворота какое-то время, — рявкнул он, перекрывая шум землетрясения и резни. — Но потом нас рассеяли. Хорошо еще, что проклятые ящеры чересчур заняты тем, что убивают друг друга, чтобы обращать внимание еще и на нас. Какое безумие их обуяло?

— Нет времени говорить об этом сейчас! — крикнул Конан через плечо. — Побежали, пока эта крепость не обрушилась на нас!

Они спустились с холма, и за их спинами рухнули башня над воротами и подъемная решетка. Теперь это была просто груда мусора.

Долина была кровавым полем битвы, и крик и вопли умирающих висели в воздухе. Земля была покрыта трупами павших с'тарра и кецанкианцев, там и тут видны были убитые бандиты. Несмотря на гром содрогающейся горы шум битвы был слышен тем, кто спаслись из разрушающейся крепости лишь затем, чтобы быть убитыми после.

Конан увидел Ордо сидящим возле полосатой палатки Карелы, как будто ничего особенного не случилось. С Велитой, все еще лежавшей у него на плечах, Конан остановился перед одноглазым. С гор скатывались лавины. Наконец-то, подумал Конан, замолчал у меня в голове предсмертный крик демона.

— Ты нашел ее, Ордо? — спросил он негромко — настолько негромко, насколько позволял это стоявший вокруг грохот.

Что касается опасности провалиться сквозь землю из-за землетрясения, то они находились в относительно спокойном месте, где не было вероятности быть засыпанными.

— Она исчезла, — мрачно ответил Ордо. — Может быть, она мертва. Я не знаю.

— Ты будешь ее искать?

Ордо покачал головой.

— После этого землетрясения я могу искать ее годами и не найти, даже если она будет находиться под самым моим носом. Нет, я отправляюсь в Туран и устроюсь проводником караванов. А может быть, найду себе симпатичную вдовушку, хозяйку какого-ни-

будь трактирчика. Пойдем со мной, Конан. У меня есть еще две медных монеты, но мы можем ведь продать девушку и прожить на это какое-то время.

— Только не эту девушку, — возразил Конан. — Я обещал освободить ее, и я это сделаю.

— Необычная клятва, — вмешался Гаранидес, — но и ты необычный человек, Конан из Киммерии, и поэтому-то ты мне так нравишься. Послушай, мне не имеет смысла возвращаться в Шадизар, потому что там меня ждет эшафот. Так что я тоже еду в Туран. Со мной Резаро и еще несколько человек из тех, что остались в живых. Илдиз мечтает о мировом господстве, он вербует воинов. Я хочу сказать — пойдем с нами.

— Не могу. — Конан рассмеялся. — Потому что я — не солдат, не проводник и не хозяин. Я взломщик и вор.

Он внимательно осмотрелся вокруг. Добрая половина черной крепости лежала в развалинах. Землетрясение прекратилось, можно было стоять, не опасаясь снова упасть, можно было передвигаться без особых сложностей.

— И поскольку я вор, — продолжал он, — я считаю для себя возможным одолжить тут на время двух лошадей, прежде чем кецанкианцы решатся сунуться сюда снова.

Упоминание о горцах заставило их поторопиться. Все трое пожелали друг другу удачи и отправились каждый в свой путь.

Эпилог

Конан направил своего коня на вершину холма, где Велита на своей собственной лошади ждала его, и смотрела, как внизу движется караван на Султананур. Это был тот самый Караван, о котором говорила Карела. Это был особенно большой караван, состоявший из людей, которые не раз слышали о пропавших караванах и были тем более исполнены решимости дойти до цели. Он растянулся до самого горизонта по дороге, которая вела через перевал. Конан был уверен, что он доберется до места назначения.

— Все решено, — обратился он к Велите, которая была с ног до головы закутана в белое льняное полотно. Так она меньше чувствовала жар полыхающего солнца, а кроме того, она решила одеться именно таким образом, потому что в этом бесформенном одеянии, с капюшоном, опущенным на лицо, ее красота не так бросалась в глаза.

— Я дал возглавляющему караван золотую монету кроме обычной платы, чтобы он лучше заботился о твоей безопасности и пригрозил ему, чтобы он не вздумал причинять тебе неприятности, потому что тогда я достану его из-под земли.

— Я до сих пор не понимаю, откуда у тебя золото, которым ты заплатил за мое путешествие вместе с караваном. — Она взглянула на него. — Мне кажется, что когда я пришла в себя, я слышала, как ты говорил одноглазому, что у тебя нет ни медяка.

Конан вложил кошелек ей в руку.

— Это я взял в покоях у Аманара. Этого хватит заплатить караванную пошлину и еще восемнадцать золотых останется. Если бы я рассказал об этом остальным — а я не лгал, Велита, потому что я уже тогда считал эти деньги твоими — они могли бы потребовать свою долю. Мне пришлось бы, наверно, их убить, чтобы спасти деньги для тебя, а я для этого слишком хорошо к ним обоим отношусь.

— Ты и вправду удивительный человек, Конан из Киммерии, — сказала она нежно. Она склонилась с седла и ласково коснулась его губ своими губами. Затаив дыхание, она ждала.

Конан хлопнул по крупу ее коня.

— Будь здорова, Велита, — крикнул он ей вслед, когда лошадь помчалась в сторону каравана. А я проклятый дурак, вероятно, подумал Конан.

Он направил свою лошадь вниз, на дорогу, которая должна была вывести его к Замоге западнее Кецанкиана. У него оставалось медяков как раз на два стакана кислого вина у Абулетиса.

— Конан!

Услышав свое имя, он повернул коня. Крик раздался из невольничьих рядов. С этим караваном шли разные группы, которые обычно образовывали свои собственные караваны и объединились на этот раз, чтобы избежать судьбы пропавших ранее людей и иметь возможность защищаться, используя численное преимущество. Он подъехал ближе и рассмеялся.

Торговец рабами разделил свой товар согласно полам, чтобы избежать никому не нужных осложнений. Женщины, по большей части обнаженные, сидели на коленях в редкой тени длинного полотняного навеса. Цепи, свисавшие с их шей, были прикованы к общей длинной цепи. Посреди этого ряда сидела на коленях — Карела!

Он остановился возле нее. Она вскочила, так что ее слегка загоревшая уже на солнце грудь подпрыгнула.

— Конан, выкупи меня, тогда мы сможем вернуться назад и забрать из сокровищ Аманара все, что захотим. Кецанкианцы наверняка уже ушли оттуда, и я сомневаюсь, что они тронули там что-нибудь.

Киммериец еще раз мысленно пересчитал все медяки в своем кошельке. Потом он вспомнил о клятве, к которой она вынудила его не так много дней назад. Клятва — это нечто серьезное.

— Как ты попала сюда, Карела? Ордо уже считал тебя погибшей.

— Так он жив. Это хорошо! Моя история невероятна. Я проснулась в крепости Аманара словно после жуткого ночного кошмара и увидела, что ее сотрясает землетрясение, что горцы нападают и что с'тарра одержимы безумием. Мне показалось, что мои кошмары стали явью.

— Не совсем, — пробормотал Конан. Он чувствовал облегчение оттого, что она не может вспомнить всего, что было. Может быть, это ее и спасло. — Продолжай.

— Я нашла саблю, к сожалению, не мою, о чем я очень сожалею. Но может быть, я сумею еще ее вернуть, если мы как следует осмотрим развалины. Во всяком случае я расчистила себе путь из крепости, но еще до того, как я добралась до лагеря, дешевый клинок сломался. Он был из плохой стали. Мне удалось украсть лошадь, но не успела я сесть в седло, на меня напали горцы и погнались за мной на юг, из долины. Я почти доскакала до караванной тропы, прежде чем мне удалось их оставить позади. — Она печально тряхнула головой.

— Но это не объясняет, как ты оказалась здесь, — напомнил он.

— О, я была слишком занята тем, чтоб избежать нападения горцев, чтобы следить за тем, куда меня несет — и вот я оказалась внезапно среди дюжины охранников работоторговца. Через короткое время они привязали меня поперек седла моей собственной лошади. — Она рассмеялась, но смех ее прозвучал вымученно.

— В таком случае любой магистрат утвердит необходимость твоего освобождения. Тебе нужно будет только доказать, что ты не рабыня и объяснить, кто ты на самом деле.

Она понизила голос и взглядом удостоверилась, что две другие женщины, с которыми она скована, не подслушивают.

— Что ты изображаешь из себя, Конан? Если я сумею доказать магистрату, кто я такая, мою отрубленную голову отправят в Шадизар, чтобы там водрузить ее на копье. Разрази тебя Деркэто! Выкупи же меня!

К его удивлению, она упала на колени. Причину он выяснил быстро. Толстый человек с жидкой, торчащей бородкой и с золотым кольцом в ухе, которое было украшено рубином размером с ноготь указательного пальца, топая сапогами, воздвигся рядом с ними.

— Доброе утро. — Он слегка поклонился Конану. — Я вижу, вы выбрали самую симпатичную. Колени чуть плотнее, девушка, а плечи назад. Назад плечи, я говорю!

Карела с пылающим лицом, яростно глядя на Конана, подчинилась. Толстяк, словно довольный учитель, покровительственно улыбнулся прилежной ученице.

— Не знаю, — задумчиво сказал Конан.

Карела бросила на него еще один яростный взгляд, а работорговец оценивающе окинул взором скудное одеяние киммерийца. Он уже шевельнул губами, однако вид широких плеч Конана и его мощного меча невольно заставил его обратиться к нему совсем с другими словами:

— Я хочу быть с вами откровенным: эта девушка новенькая и поэтому стоит дешево. Я дорожу своей репутацией и никогда не продаю то, за что не могу поручиться покупателю. Эта девушка принадлежит мне всего два дня и уже дважды пыталась бежать. Ей однажды почти удалось отобрать саблю у охранника.

Конан потихоньку разглядывал Карелу краем глаза. При этих словах она гордо расправила плечи, так, как требовал от нее работорговец.

— Это все было еще в первый день. — Щеки Карелы начали пылать. — Однако хорошая порка сделала свое дело, с тех пор она ведет себя примерно. — Ее лицо залила густая краска. — Теперь вам известны ее хорошие и дурные качества, насколько они стали известны мне.

— Я весьма ценю вашу откровенность, — заверил его Конан. — Что вы намереваетесь делать с ней в Султанапуре?

Теперь ее зеленые глаза смотрели на него изучающе.

— Я продам ее в какой-нибудь гарем, — ответил работорговец. — Для домашней работы она чересчур красива, для публичного дома слишком хороша, для Илдиза же недостаточно хороша, потому что она не обучена петь и танцевать, она уверяет, что не имеет об этих искусствах ни малейшего понятия. Так что она подходит только для гарема какого-нибудь состоятельного купца, которому она будет согревать постель, а? — Он рассмеялся, но Конан не поддержал его веселья.

— Конан, — умоляюще сказала Карела. — Пожалуйста!

— О, так она вас знает, — сказал работорговец удивленно. — Так что вы ее покупаете?

— Нет, — ответил киммериец.

Карела и работорговец — оба уставились на него в изумлении.

— Так вы просто так отнимали у меня время? — возмутился торговец. — У вас, наверно, не хватает денег на покупку?

— Вовсе нет! — горячо возразил Конан. Он сказал себе, что обмануть работорговца — вовсе не значит запятнать себя ложью. — Но я поклялся священной клятвой не помогать этой женщине — не шевельнуть ради нее ни единым пальцем.

— Нет, Конан! — простонала Карела. — Конан, нет!

— Удивительная клятва, — проворчал работорговец, — но я вполне могу ее понять. Да ничего, с такой грудью мы выручим неплохие денежки в Султанапуре.

— Конан! — зеленые глаза Карелы умоляли его, а голос звучал просительно. — Конан, я освобождаю тебя от твоей клятвы.

— Некоторые не могут себе представить, как боги могут наказать за нарушенную клятву. Они могут даже поставить того, кто нарушил ее, в положение того, ради которого это было сделано.

— Вполне может быть, — поддержал его торговец, который, после того, как стало ясно, что сделка не состоится, утратил к ним интерес.

Карела схватилась за стремя.

— Ты не можешь сделать этого со мной, Конан. Забери меня отсюда! Забери меня отсюда!

Конан отвел лошадь подальше от рыжей.

— Будь здорова, Карела! — его голос звучал опечаленно. — Как бы я хотел, чтобы все у нас с тобой было по-другому.

Пока он ехал дальше вдоль каравана, она кричала ему вслед:

— Разрази тебя Держэто, киммерийский болван! Вернись и выкупи меня! Я освобождаю тебя от твоего слова! Конан! Проклятье Держэто на твою голову! Конан! Конан! Конан!

Ее проклятия остались позади вместе с караваном. Конан вздохнул. Ему совсем не по душе было оставить ее в цепях. Если бы у него были деньги, или если бы он не давал ей слова... Но несмотря на все это, он почувствовал нечто вроде злорадства. Может быть, она сообразит, наконец, что не стоит привязывать к кольям того, кто спас тебе жизнь, или ни слова не возражать волшебнику, который бросает такого чело- века в мрачное подземелье. Насколько он знал Карелу, ни один гарем не выдержит ее дольше, чем полгода. Самое позднее месяцев через шесть Рыжий Ястреб будет на свободе.

А что касается его самого, то у него есть все, что ему нужно: четыре медяка в кошельке и весь мир впереди. Если он захочет, то может еще поискать сокровищ в Ларше, привидения и духи его не пугают. Улыбаясь, Конан повернул свою лошадь к Шадизару.

Пролог

Мощная гранитная скала, называемая Вратами Аль-Киира, темнела в ночи, как громадная жаба. Почти что две дюжины династий офирских владык пытались соорудить здесь долговечные строения, и память об этом хранила венчающая скалу корона из зубцов полуразрушенных стен и рухнувших колонн. Давно уже было забыто предание, которое дало название древней скале, но люди помнили, что место это было проклято и отдано во власть Злу. Народ смеялся над королями минувших эпох, которые не знали об этом. Однако самый смех звучал неуверенно, потому что было в этой скале нечто, заставляющее избегать даже мыслей о ней.

Над Иантой, великолепным городом с золотыми куполами и алебастровыми башнями, бушевала гроза. Тяжелые черные тучи клубились, казалось, над самой скалой, но ни одного громового раската, ни отзвука штормового ветра, срывающего в городе крыши, ни отблеска молнии, сверкающей, подобно огню из пасти дракона и озарявшей глухую ночь, не проникало в глубины самого сердца Врат Аль-Киира.

Высокородная Синэлла знала, что снаружи разразилась гроза, хотя не могла ни видеть ее, ни слышать. Такой ночи и приличествует буря. Если бы небо могло треснуть и горы расколоться в честь Е Г О возвращения в мир!

Ее узкое одеяние из черного шелка, стянутое золотым наборным поясом, было разрезано от подола до

самых бедер. Никто из знавших офирскую принцессу не узнал бы ее теперь. Ее темные глаза сверкали, ее прекрасное лицо, казалось, было высечено из мрамора, ее золотистые волосы, туго заплетенные в косы, были схвачены обручем из золотых звеньев. Надо лбом вышались четыре золотых рога. При виде их посвященный сразу бы понял, что она была верховной жрицей бога, которому отважилась служить. Что ей не нравилось по-настоящему, так это браслеты из простого, ничем не украшенного черного железа на обоих запястьях. Она обязана была носить их, ибо бог Аль-Еиир брал к себе на службу только тех, кто готов был стать его рабом.

Черный шелк, расшитый по подолу золотыми бусами, колебался над ее длинными стройными ногами, когда она, босая, шла во главе необычной процессии, уводя ее все дальше в глубь горы, по грубо высеченным в скале переходам, освещенным факелами в черных железных канделябрах, сделанных в форме жутких четырехрогих голов.

Лица двадцати воинов в черных доспехах были полностью скрыты под шлемами странной формы, и только в прорезях сверкали их глаза. Каждый шлем также был увенчан четырьмя рогами: два по бокам, торчащие в стороны, и два впереди. Это делало воинов похожими скорее на демонов, чем на людей. Чашки их мечей с широкими клинками были также сплетены из четырех рогов. И на груди каждого светилась слабым мерцанием в свете железных корзин с углями, свисающих с потолка, багряно-красная четырехрогая голова.

Еще странной была женщина, которую они сопровождали. На ней был наряд офирской невесты, сшитый из множества полос развевающегося небесно-голубого шелка, расшитый золотыми нитями. Волосы цвета воронова крыла, падавшие локонами на плечи, были усеяны мелкими белыми цветочками, символом чистоты; ноги ее были босы в знак смирения. Женщину шатало, и грубые руки солдат хватали ее, не давая ей упасть.

— Синэлла! — воскликнула женщина удивленно. В ее голосе прозвучала нотка высокомерия, к которой она, видимо, была привычна (и это несмотря на то,

что благодаря выпитому ею средству она была немного не в себе). — Где мы, Синэлла? Как я сюда попала?

Шествие не остановилось ни на миг. Синэлла даже виду не подавала, что слышит. В глубине души она чувствовала облегчение от того, что действие напитка закончилось. Его пришлось применить для того, чтобы увести женщину из ее дворца в Ианте, доставить сюда и завести достаточно далеко. Однако предстоящий ритуал требовал, чтобы она была в полном расстройстве.

«О, власть», — думала Синэлла. В Офире женщина не может обладать настоящей властью. А ведь это было именно то, к чему она стремилась. Синэлла жаждала власти, и она будет обладать ею! Люди воображают, что она довольствуется поместьем, которое получила в наследство, что она когда-нибудь выйдет замуж и отдаст бразды правления в руки своего супруга, так что в общем и целом ее имение будет принадлежать ему. В своей ограниченности эти люди не думают о том, что в ее жилах течет кровь королей. Если бы древние законы не запрещали женщине быть повелительницей и носить корону, она унаследовала бы престол после смерти теперешнего короля, который умирал бездетным. В своем состязании со смертью король Вальдрик нанял целую армию врачей и чародеев, дабы они усердно искали средство от его болезни, медленно, но верно сводящей его в могилу. По этой причине он был слишком занят, чтобы назвать своего преемника. По той же причине король не видел, как высокие лорды его страны уже сейчас ведут войну за его корону, которая освободится сразу же после его смерти.

Жестокая, удовлетворенная улыбка играла на полных губах Синэллы. Пусть эти гордые мужчины сражаются друг с другом, пусть перегрызутся, как голодные волки, пусть разорвут друг друга на кусочки! Они скоро очнутся от своих грез о власти и увидят, как графиня Асмарк станет королевой Синэллою Офирской, а уж она-то научит их, как нужно лизать ей ноги — побитым собакам полезно будет это знать.

Коридор привел их под мощные высокие своды. Об этом зале не знал ни один непосвященный. Горящие свечи на стенах, высеченных из грубого камня и ни-

чем не украшенных, освещали гладкий каменный пол, на котором высились два деревянных столба. Они были увенчаны все той же четырехрогой головой.

Под этим сводом, высеченным в скале, никто не был погребен в незапамятные времена. Еще менее его предназначением была красота. Он служил местом заточения. Могучая фигура цвета засохшей крови, притягивая к себе взоры, стояла здесь. Она вызывала бы всеобщее внимание и в другом, гораздо более значительном помещении. Она казалась скульптурным изображением, однако на самом деле им не являлась.

Тяжеловесное тело принадлежало мужчине, однако он был в полтора раза выше самого высокого человека и вместо пяти пальцев мощные руки имели по шести — и с опасными когтями. Три глаза, лишенные век, сверкали мрачным огнем на страшной рогатой голове, а рот его представлял собой широкую безгубую щель с рядами острых, как иглы, зубов. Толстые руки были украшены браслетами, на которых повторялось изображение демона. Вокруг талии эти изображения сплетались в искусно выкованный пояс, поддерживающий набедренную повязку. Плетеный черный бич посверкивал металлическим блеском у одного бедра, а возле другого висел большой кинжал с рогатой чашкой.

Синэлла затаила дыхание — как в первый раз, когда она увидела своего бога. Это происходило с ней всегда, снова и снова, как только она оказывалась перед этим созданием.

— Приготовьте невесту Аль-Киира! — приказала она.

Пронзительный крик вырвался у женщины в голубом одеянии, когда двое стражей потащили ее к столбам. Они привязали ее, высоко подняв ей руки, причем так жестоко, что веревки глубоко врезались ей в тело. Ее голубые глаза, казалось, лезли из орбит, когда она смотрела на огромную фигуру, не в силах оторвать от нее взора. Она безмолвно раскрыла рот, словно ужас отнял у нее даже силы кричать.

— Тараменон! — позвала Синэлла.

Услышав это имя, связанная женщина вздрогнула.

— И он тоже? — прохрипела она. — Что здесь происходит, Синэлла? Скажи мне! Прошу тебя!

Синэлла не обратила на нее внимания. Один из воинов приблизился, держа маленький ларец из медных пластин, и церемонно опустился на колени перед женщиной — офирской принцессой, верховной жрицей мрачного Аль-Киира. Бормоча охранительные заклинания, Синэлла раскрыла ларец и вынула оттуда все, что ей было нужно.

...Впервые Синэлла услышала об Аль-Киире еще ребенком от своей няньки — о древнем, давно забытом всеми, за немногим исключением, боге. Няньку немедленно выслали, как только король узнал, что за жуткие истории она рассказывала. В действительности старуха сообщила Синэлле очень немного, но девочка была уже отравлена мечтой о власти, которую Аль-Киир дарует своим верховным жрицам — тем женщинам, что отдают свое тело и душу, желая радовать жестокого бога болью и смертью; женщинам, исполняющим страшные ритуалы его культа. Уже тогда грезила она о власти...

С маленьким флаконом в руках Синэлла подошла к пленнице. Она вытащила хрустальную пробку и влажным концом нарисовала знаки рогов на лбу женщины.

— Это создаст тебе нужное настроение, как и положено невесте, Телима, — сказала Синэлла мягко и в то же время насмешливо.

— Я не понимаю, Синэлла. — Голос Телимы звучал тверже. Кашляя, она дергала головой, и волосы, как черное полуночное облако, падали ей на лицо. — Что здесь происходит? — стонала она.

Синэлла поставила флакончик обратно в ларец. Порошком из крови и костей она вывела на полу знаки рогов, так что эти рога заканчивались как раз у ног Телимы. Кисточкой из волос девственницы она провела по широкому рту Аль-Киира и смазала кровью его могучие чресла. Теперь все было готово.

Но Синэлла медлила. Эту часть ритуала она ненавидела так же сильно, как и свои железные браслеты. Хотя свидетелей этому нет, кроме ее воинов, которые отдадут за нее жизнь, и Телимы, которая так или иначе уже никогда не будет иметь значения в этом мире, — но она с а м а будет это знать. Но, как и всегда, это нужно сделать. Нужно!

Она нерешительно опустила на колени перед огромной фигурой, набрала полную грудь воздуха и, раскинув руки, бросилась на пол.

— О могущественный Аль-Киир! — молила она. — Повелитель крови и смерти, твоя раба лежит у ног твоих. Тело ее принадлежит тебе. Душа ее принадлежит тебе. Верь же преданности ее и делай с ней все, что тебе по сердцу.

Она вытянула вперед дрожащие руки, чтобы обхватить пальцами шиколотки огромной фигуры. Медленно придвинулась она к ним, все ближе и ближе, пока не приникла губами к когтям на ноге.

— О великий Аль-Киир! — выдохнула она. — Повелитель похоти и боли, твоя раба приносит жертву тебе. Тело невесты принадлежит тебе. Душа невесты принадлежит тебе. Возьми же ее и делай с ней все, что тебе по сердцу.

...Давным-давно, еще задолго до того, как была построена первая хижина на том месте, где впоследствии возникнет Ахерон, что много веков назад рассыпался в прах, Аль-Киiru поклонялись в той стране, где спустя столетия было основано государство Офир. Этот бог требовал себе в жертву самых гордых и самых прекрасных женщин, и они непрерывно доставлялись ему. Совершавшие ритуал осквернили себя, и души тех, кто присутствовал при этих жертвоприношениях, были обречены на муки.

Наконец появились несколько магов, которые освободили мир от чудовищного бога, и за это их благословили Митра, Азура и другие, ныне забытые божеества. Из всех этих решительных и отважных чародеев в живых остался один лишь Аванрахаш, и ему удалось создать темницу для Аль-Киира с помощью волшебного посоха. То, что стояло под сводом в самом сердце Ворот Аль-Киира, было не статуей бога, а им самим...

Двое стражников сняли свои шлемы и приложили к губам флейты. Зал наполнился безумной музыкой. Двое других встали позади пленницы. Остальные сняли с поясов широкие мечи в ножнах и начали стучать ими по каменному полу в такт флейтам.

Со змеиной гибкостью Синэлла принялась танцевать. Она двигалась в ритме мелодии и стука мечей.

Каждое движение ее танца следовало древнему образцу, и она монотонно пела на забытом языке. Она кружилась, стоя на одной ноге, и черный шелк взлетал в воздух, обнажая ее до самой талии. Она чувственно изгибалась, перемещаясь от высокой фигуры бога к женщине, брошенной на колени.

Пот выступил на лице Телимы, и ее глаза остекленели. Казалось, она больше не сознает того, что происходит вокруг, бессильно поникнув в своих путах. На ее лице появилось выражение похоти и ужаса, потому что она сама это поняла.

Как белые птицы, порхнули к Телиме руки Синэллы, отвели влажные волосы с ее лица, провели по ее плечам и сорвали полосу со свадебного платья.

Телима пронзительно вскрикнула, когда стражники, стоявшие за ее спиной, ударили ее по спине широкими кожаными бичами крест-накрест. Сильные судороги, сотрясавшие ее, были следствием не только этих ударов, но и действия того средства, которым отметила ее жрица. К похоти добавилась боль — этого требовал бог.

Синэлла все еще пела и танцевала. И еще один слой развевающегося шелка сорвала она с плеч Телимы, и ее крики, в которых звучала боль, смешались с заклинаниями жрицы.

Образ Аль-Киира начал вздрагивать.

Не было ни времени, ни пространства, но вот шелохнулось нечто, словно просыпаясь от долгого сна. Нежнейшая радость тянула свои тонкие нити и звала куда-то, звала. Жестокий голод побежден был пресыщением. Множество женщин приносились в жертву, их души жили несчетные столетия, одетые плотью, вечно юные, и вечно служили они бесконечной похоти своего бога. Воспоминания вспыхивают — полубред, полусон. Посреди вечной ночи воздвигли твердый фундамент. Тысячи женщин, рожденных тысячелетия назад, танцевали обнаженными. Их тела — пустые пещеры, ибо лишены чувств. Ни один бог не сумеет сохранить для вечной жизни человеческую душу. И вот пропали они бесследно. Откуда взялось столько чувств после целой вечности, которую длилось Ничто?

Эти тени принесли с собой будоражащие воспоминания о потерянном, но откуда пришли они? И вот образовался заслон, и воздвигся щит, и снизошел благословенный мир. И снова вернулся сон.

Задыхаясь от напряжения, Синэлла упала на пол. Кроме ее порывистого дыхания и всхлипываний черноволосой красавицы, избиваемой ремнями, ни одного звука не было слышно под сводами.

С усилием, причиняющим боль, жрица встала на ноги. Еще одна неудача! Так много неудач! Она шаталась, двигаясь к ларцу, но рука ее не дрогнула. Она извлекла кинжал, копию того, что висел на бедре бога, но обычного размера.

— Чашу, Тараменон, — приказала Синэлла. Ритуал не удался, но он должен быть доведен до конца.

Телима застонала, когда Синэлла схватила ее за волосы и оттянула голову назад.

— Нет, пожалуйста! — завизжала женщина.

Ее крик замер, когда клинок перерезал ей горло. Воин, который держал ларец, подставил чашу под кровь.

Синэлла равнодушно смотрела, как черноволосая невеста умирает, повисая на веревках. Мысли ее блуждали далеко. Она думала о будущем. Несмотря на очередную неудачу, постигшую ее не в первый раз, она будет продолжать, даже если для этого тысяче женщин придется расстаться с жизнью в этом зале. Она вернет Аль-Киира в мир людей. Не удостоив мертвую ни единым взглядом, она завершила церемонию.

Глава первая

Никто не сказал бы, что в стране, по которой путешествовал этот караван, царит мир. Судя по тому, как выглядела длинная вереница тяжело нагруженных мулов, можно было подумать как раз обратное, когда они приближались к зубчатым гранитным стенам Ианты. Три дюжины всадников в остроконечных шлемах и темно-синих шерстяных плащах, посеревших от пыли, скакали по обе стороны от вьючных животных. Даже здесь они настороженно осматривались по сторонам, отмечая любую деталь, попадающую в поле их зрения. Многие держали наготове короткие луки. Покрытые испариной погонщики подхлестывали мулов. Они не могли дожидаться того момента, когда доберутся, наконец, до цели — теперь уже такой близкой.

Единственный, кто казался равнодушным ко всему, был командир конвоя, офицер с такими широкими плечами, что они грозили проломить доспехи. В то время как остальные беспокойно озирались по сторонам, в его ярко-синих глазах не было заметно и следа тревоги. Однако, несмотря на видимое спокойствие, он внимательно глядел по сторонам, может быть даже внимательнее, чем остальные. С тех пор как они покинули золотой рудник на немедийской границе, на караван уже трижды совершались нападения. Дважды острая наблюдательность варвара замечала засаду, и таким образом они предупреждали атаку. В третий раз его широкий двуручный меч обратил разбойников в бегство, прежде чем они смогли обнару-

жить оружие. В суровых горах его родной Киммерии те, кто не умеет вовремя распознавать засады, не имеют больших шансов дожить до старости. Там он выдержал свои первые сражения и занял свое место у военного костра — и это в том возрасте, когда другие еще считаются детьми и сидят у ног своих отцов.

У северных ворот Ианты — они назывались Золотыми — караван остановился.

— Откройте ворота! — крикнул офицер.

Он снял шлем. Открылось лицо, в выражении которого читалось куда больше жизненного опыта, чем этого можно было ожидать от юноши его лет. Грива черных волос обрушилась на плечи.

— Разве мы похожи на бандитов? Пусть Митра покарает вас, если вы сию секунду не откроете нам!

Стальной шлем, мелькавший между зубцов стены, сменился лицом со сломанным носом и короткой бородкой.

— А, это ты, Конан? — Человек обернулся и крикнул, обращаясь к кому-то за своей спиной: — Откройте им!

Медленно, со скрежетом распахнулась внутрь правая створка ворот, обитых железом. Конан галопом ворвался туда и направил своего сильного аквилонского жеребца в сторону, пропуская мимо себя караван. Десяток солдат в кольчугах держали створку плечами, пока последний мул не вошел в город. После чего ворота с грохотом захлопнулись. Послышался скрежет, и тяжкий замок был заперт.

Солдат, кричавший с бруствера, спустился вниз, к стене. Свой шлем он сунул под мышку.

— Я должен был узнать ваши проклятые восточные племена, киммериец, — сказал он, улыбаясь. — В конце концов, твоя рота наемников сделала себе это имя.

— Почему ворота закрыты, Юниус? — удивленно заговорил Конан. — Еще три часа до наступления темноты.

— Приказ, киммериец, приказ. Если ворота будут закрыты, мы, возможно, и сумеем уберечь город от беспорядков. — Юниус поглядел по сторонам и понизил голос: — Будет лучше, если Вальдрик умрет скорее. Тогда граф Тиберио сможет, наконец, положить предел разногласиям.

— А я думал, что генерал Искандриан держит армию в стороне от этих дел, — холодно произнес Конан. — Или ты нашел-таки себе место в этой сваре?

Солдат со сломанным носом нервно облизал губы.

— Я все это вижу немного не так, — промямлил он. Неожиданно он выпрямился, как шест, и произнес приказным тоном: — Позаботься лучше о том, чтобы продолжать свой путь, киммериец. Толкаться у ворот запрещено — особенно для наемников.

Он поспешно нахлобучил шлем, словно пытаюсь придать своему распоряжению еще больше веса. Возможно, что на самом деле причиной этому было желание избежать пронизательного взгляда киммерийца.

Презрительно фыркнув, Конан сжал пятками бока своего жеребца и бросился догонять свой отряд. Пока Искандриану — его называли Белым Орлом Офира, а кое-кто считал его лучшим полководцем столетия, — пока ему удавалось уберечь Офир от гражданской войны, он заботился о том, чтобы армия сохраняла верность Вальдрику, несмотря на то, что сам король этого почти не замечал, — как, впрочем, не замечал он и того, что его государство находится на грани уничтожения. Но если старый генерал потеряет власть над армией...

Помрачнев, Конан продолжал свой путь. Эта — пока что тайная — борьба за наследование престола ему не нравилась, но забота о своей безопасности и о безопасности его отряда вынуждала Конана постоянно быть в курсе событий.

Равнодушный прохожий не заметил бы на улицах Ианты ничего такого, что выдавало бы ту необъявленную войну, которую вели между собой личные армии высокопоставленных господ за владычество над этой страной. Все так же были заполнены суетящейся толпой узкие мостовые и широкие бульвары, где мелькали кучки в роскошных одеждах рядом с оборванными торговцами, нарядные дамы в шелках, сопровождаемые свитой из нагруженных коробками слуг, высокомерные господа в бархате, благоухающие помадами и притираниями, запах которых смешивался с вонью из переулков и задних дворов, подмастерья в кожаных фартуках, которые среди всех своих забот всегда

найдут минутку перекинуться словечком с девушкой, торгующей апельсинами и гранатами, грушами и оливами. Попрошайки, чью наготу прикрывали жалкие лохмотья, а на слепом глазу или плохо залеченном обрубке руки или ноги красовалась грязная повязка, лепились на каждом углу, и их было гораздо больше, чем прежде, потому что беспорядки в стране лишили земли и крова многих и многих крестьян. В прозрачных шелках и позолоченных ручных и ножных браслетах выставляли себя на обозрение девицы, приносящие утешение мужчинам, уютно расположившись возле храмов на широких лестницах или перед дворцами.

И все же в толпе ощущалось какое-то новое настроение, и это был знак того, что не все идет так, как надо. Побагровевшее лицо — там, где должно царить спокойствие. Учащенное дыхание, хотя нет никаких причин для спешки. Острый, ищущий взгляд, хотя оснований для подозрительности вроде бы не имеется. То, что происходило за городскими стенами, тяжелым грузом ложилось на Ианту, хотя никто открыто не признавался в том, что знает о военных столкновениях, и страх, что война войдет в город, мучил каждого.

Конан протолкался сквозь толпу и натянул поводья, останавливая жеребца возле своего унтер-офицера, поседевшего уже немедийца. У этого человека был в свое время выбор: дезертировать из роты городской охраны Бельверуса* или дать себя повесить за то, что слишком хорошо выполнял свой долг — к великому огорчению одного высокородного господина из того же города.

— Держи глаза открытыми, Махаон, — заговорил с ним киммериец. — Если кто-нибудь заподозрит, что мы везем, на нас могут напасть даже здесь.

Махаон плюнул, попав довольно далеко. Даже шлем не мог целиком скрыть приметный шрам, рассекающий его широкую переносицу. След от шестиугольной кофийской звезды синел на его левой щеке.

— Я сам отдал бы серебряную монету, лишь бы узнать, как это барону Тимеону удалось отхватить такой куш. Я и не подозревал, что наш толстяк имеет хоть какое-то отношение к рудникам.

* Бельверус — второй по величине город Немедии.

— Он с ними и не связан. Немного золота и, быть может, парочка хороших камешков застрянет у него между пальцев, а остальные предназначены другому.

Темноглазый ветеран бросил на Конана вопросительный взгляд, но киммериец больше ничего не сказал. Ему не стоило большого труда установить, что Тимеон был всего лишь орудием графа Антимидеса; однако Антимидес как будто был одним из немногих вельмож Офира, которые не старались захватить престол после смерти короля. Если это так, то ему не требуется тайная поддержка. Судя по тому, как обстоят дела, это может означать только одно: он ведет куда более крупную игру, чем кто-либо мог подозревать. Но ведь и Антимидес не имеет прав на рудники и, следовательно, на содержимое седельных сумок, нагруженных слитками золота и коробками с изумрудами и рубинами. Для умного человека это была вторая причина молчать, пока он не узнает большего. И это грызло гордость молодого киммерийца.

Он возглавил свой отряд наемников в Немедии не столько благодаря удаче, сколько обстоятельствам, но год удачных операций, которые они провели с тех пор, как перешли офирскую границу, создал им хорошую репутацию. Конные лучники Конана-киммерийца были известны своей неустрашимостью и целеустремленностью — чертами, которые были особенно присущи самому командиру отряда. Их уважали даже те, у кого имелись все основания ненавидеть их. Долгим и суровым был путь Конана от вора — этим он промышлял в ранней юности — к капитану отряда наемных солдат. И этого положения он достиг в том возрасте, когда большинство из подобных ему могут только задумываться о таком успехе. Для него же это означало восхождение к свободе — так, во всяком случае, он это рассматривал, потому что ему никогда не нравилось выполнять чужие приказы. Но сейчас его втянули в игру человека, которого он ни разу еще даже не видел, и это ему мешало. Это очень мешало ему.

Когда показался дворец Тимеона — вызывающее роскошное здание кубической формы, сложенное искусно обтесанным камнем с колоннадой и широкой лестницей, зажатое между храмом Митры с одной

стороны и гончарней с другой, — Конан неожиданно спрыгнул с седла и бросил удивленному Махаону поводья и шлем.

— Как только все будет доставлено в подвалы, можешь отпустить людей до утра. Они заслужили небольшого отдыха.

— Барон будет не в восторге от того, что ты ушел, когда золото еще не заперто на замок, Конан.

Конан тряхнул головой.

— Если я его сейчас увижу, я могу брякнуть такое, чего лучше бы не брякать.

— Да он наверняка так занят своей новой девкой, что у него вряд ли найдется время сказать тебе пару слов.

Один солдат за их спиной засмеялся. Это выглядело довольно странно. Улыбка на его истощенном лице казалась чем-то лишним. Он был так измучен болезнью, что можно было решить, что несчастный близок к кончине.

— Тимеон пользуется у баб таким же бешеным успехом, как ты, Махаон. — Он ухмыльнулся. — Ну, к нему-то их тянет богатство. А вот почему они липнут к тебе — этого я еще не понял.

— Если бы ты поменьше времени тратил на кости, Нарус, — ответил Махаон, — и побольше бы занимался охотой, мои тайны не были бы тайнами для тебя. Или ты хочешь услышать, что дело в том, что у меня не такие костлявые ноги, как у тебя?

Дюжина солдат, слышавших этот диалог, взревели от смеха. Нарус был любимцем женщин. Все они пытались его выходить и откормить, и поэтому их было на удивление много.

— У Махаона-то баб столько, что хватило бы на пятерых, — вмешался Таурианус, худой, темноволосый офит. — У Наруса их на десять мужиков, а наш Конан вполне мог бы заменить собой двадцать самцов.

Таурианус был одним из тех, кто присоединился к Вольному Отряду с момента его прибытия в Офир. Из двадцати первых воинов отряда осталось только девять человек. Одни погибли, другим надоела постоянная опасность быть убитыми, неразрывно связанная с их профессией.

Конан подождал, пока стихнет гогот.

— Если у Тимеона новая возлюбленная, что весьма вероятно, поскольку он верен себе, то он вообще не заметит моего отсутствия. Идите дальше, Махаон.

Не дожидаясь возражений, Конан смешался с толпой.

Конан и сам не знал, чего он хотел. Разве что не встречаться с Тимеоном, пока настроение не станет получше. Может быть, женщину? Путешествие к рудникам и обратно заняло восемь дней и по дороге им не встретилось даже старой карги. На рудниках женщины запрещены. Приговоренных к пожизненным каторжным работам было и без того слишком трудно держать в узде, чтобы позволить им еще видеть нечто, способное вызвать бунт.

Нужна женщина. Но — никакой спешки. Он немного побродит по городу и где-нибудь выпьет кружечку пива или стакан вина. Несмотря на осязаемый страх возможных кровавых беспорядков, жизнь города, в общем и целом, текла своим чередом.

Офир был очень старым королевством. Еще во времена отравленного чародейством Ахерона возникло оно, а Ахерон рассыпался в пыль еще три тысячелетия назад. Офир был одной из тех немногих стран, что смогли выдержать натиск диких кочевых орд. Ианта, столица этого государства, изначально была построена по регулярному плану и разделена на просторные кварталы, но на протяжении своей долгой истории этот город устремился ввысь золотыми куполами и шпилями и совершенно изменил планировку. Кривые переулки пролегли между тесно посаженных домов, и всюду, где только имелось хоть немного свободной земли, появлялись новые строения. Мраморные храмы с большими залами и лесами каннелированных колонн высились на улицах беззвучными громадами — если не считать тягучих монотонных песнопений молящихся жрецов и бормотания верующих, они были немые. Бок о бок с храмами стояли кирпичные стены домов веселья и дымных кузниц, где целыми днями напролет стучали молоты. Роскошные здания из алебастра соседствовали с дешевыми кабаками и ювелирными лавками. Хотя в городе и имелась специальная свалка, отбросы обычно вываливали просто на улицы, и вонь, распространяемая ими, отнюдь не спо-

собствовала улучшению городского воздуха. Что касается ночных ваз, их опорожняли прямо через окно. Но несмотря на букет ароматов и тлеющий страх, в городе царило оживление.

Девушка, всю одежду которой составляли тонкие полоски шелка, свисающие с пояса, набранного из монет, призывно улыбнулась молодому великану. Она продела пальцы в свои темные локоны и тронула языком губы при виде его широких плеч. Конан ответил на ее зазывную улыбку такой гримасой, что ее передернуло, и мурашки побежали у нее по спине. Он подумал, что потом и такая девушка будет в самый раз, но для начала он хотел еще поглазеть по сторонам. Девушка с сожалением поглядела ему вслед. Он бросил монету торговке фруктами и, купив горсть слив, принялся жевать на ходу. Косточки он выплевывал в люки, если таковые подворачивались.

В лавке оружейника он принялся рассматривать благородные клинки со знанием дела, выдающим опытного воина. Но ни один меч не мог сравниться с тем древним оружием, которое он постоянно носил в ножнах из лошадиной шкуры. Затем его снова стали осаждать мысли о женщинах и, в частности, воспоминание о стройных бедрах той потаскушки. Может быть, стоит найти себе кого-нибудь и побыстрее?

Он купил в ювелирной лавке позолоченную латунную цепочку с янтарем. Она хорошо будет смотреться на кудрявой девушке, а если он не сумеет отыскать ее снова, то и на любой другой. Имея такие подарки, как украшения, духи и цветы, можно добиться у женщин многое — будь то простые потаскушки или дочери богатых и знатных людей. Гораздо большего, чем, скажем, имея на руках мешок с золотом. Хотя профессиональные проститутки предпочитают, конечно, звонкую монету. Духи он приобрел у одноглазого уличного торговца, который таскал на себе свой лоток, повесив его на тощую шею. Это был ароматный флакончик с запахом роз. Теперь Конан во всеоружии.

Он огляделся по сторонам — куда бы выплюнуть последнюю косточку от сливы — и его взгляд упал на фасад магазина медных изделий. Витрина была заполнена кусками меди и бронзы, несомненно, предназначенными для переплавки. На этих заготовках лежала

покрытая толстым слоем зеленой патины бронзовая фигурка длиной в локоть. Голова — это была голова чудовища с четырьмя рогами — была широкой и плоской, трехглазой, из щели рта торчали острые зубы.

Усмехнувшись, Конан поставил фигурку на ноги. Она была отвратительной, обнаженной, с гротескно выраженными признаками пола. Вполне подходящий подарок для Махаона.

— Благородный господин — знаток, как я полагаю. Эта статуэтка — одна из лучших вещей моего собрания.

Конан воззрился на улыбающегося маленького толстяка, который вышел из дверей лавки и скрестил руки на груди — вернее, на животе, выпиравшем из-под пояса.

— Одна из твоих лучших вещей? — Насмешка в голосе Конана звучала еле заметно. — И среди отходов?

— Это мой подмастерье проглядел, благородный господин. Глупый, бездарный мальчишка, и ничего больше. — В тоне толстяка появилась нарастающая злоба против беспамятного ученика. — Но он отведаст моего ремня. Две жалких золотых монетки, сударь, и статуэтка будет принадлежать...

Конан прервал его, подняв руку.

— Еще раз согреешь, и я вообще ничего не стану покупать. Если ты что-нибудь о ней знаешь, говори.

— Я и говорю, благородный господин, она стоит по меньшей мере...

Конан повернулся, чтобы уйти, и торговец начал задыхаться.

— Пойдите! Пожалуйста! Митра свидетель, я скажу вам чистую правду!

Конан остановился и посмотрел назад через плечо, явно заколебавшись. Этот парень, подумал он, наверняка не один день толкался среди туранских купцов.

Несмотря на то, что день был прохладный, пот поблескивал на лице владельца магазина.

— Прошу вас, высокородный господин, зайдите в дом, чтобы мы могли поговорить.

Внутренне все еще сопротивляясь, Конан позволил ему пригласить себя в лавку. Проходя мимо витрины, он снял с нее статуэтку. В лавке на плотно сдвинутых

столах были разложены для обозрения многочисленные поделки из металла — все тонкой работы. На полках также можно было видеть всевозможные предметы: вазы, чаши, кувшины и кубки всех форм и размеров. Киммериец положил медную фигурку на шаткий столик, который затрепал под ее тяжестью.

— А сейчас назови мне цену, — сказал он. — Но я не хочу больше слышать о золоте, которое я должен заплатить за то, что ты собирался пустить в переплавку.

Жадность на лице торговца откровенно боролась со страхом потерять клиента.

— Десять серебряных, — сказал он наконец и сделал попытку восстановить на физиономии первоначальную улыбку.

С подчеркнутым безразличием Конан вынул единственную серебряную монету и положил ее на стол. Скрестив на груди свои сильные руки, он ждал.

Маленький толстяк беззвучно зашевелил губами, голова его дернулась, словно он хотел сказать «нет», но наконец он вздохнул и кивнул.

— Она ваша, — пробормотал он с горечью, — за одну серебряную монету. Столько она стоит как сырье для переплавки, без учета работы. Но эта штука приносит несчастье. Ее принес мне крестьянин, который бежал из своей деревни. Он нашел ее в поле, во время пахоты. Старинные бронзовые вещи всегда пользуются большим спросом. Но эту никто не хотел брать. Некоторые называли ее Приносящей Беду. И они не были так уж не правы, потому что, пока она находилась в моем магазине, она не принесла мне ничего хорошего. Одна из моих дочерей родила ребеночка от неизвестного отца, вторая связалась со сводней, которая продала ее. Моя жена бросила меня ради извозчика. Заметьте, ради простого извозчика! Я говорю вам, эта вещь — она...

Он замолчал, потому что ему вдруг стало ясно, что он может сейчас потерять и этого покупателя. Он поспешно схватил серебряную монету и спрятал ее под одежду.

— Словом, эта вещь — ваша, благородный господин, и всего за одну серебряную монету. Более удачной сделки вы никогда не совершали.

— Ну конечно, раз ты так считаешь, — проворчал Конан. — Только дай мне что-нибудь, чтобы я мог завернуть эту фигурку. Не могу же я нести ее по улицам просто так. — Он посмотрел на статуэтку и непроизвольно ухмыльнулся, представив себе лицо Махаона, получающего такой подарок. — При виде этого мощного тела покроется краской стыда самая отъявленная шлюха.

Как только торговец бронзой вышел в заднюю дверь своей лавки, в магазин вошли двое крепких мужчин, одетых в поношенную одежду с плеча богатых господ. Один, на котором была заляпанная пятнами бархатная куртка, не мог похвастаться наличием носа и ушей — они были отрезаны. Обычное наказание, которому подвергается вор, пойманный при повторной краже. После третьего раза он отправляется на рудники. Второй, плешистый, со свалывшейся черной бородой, набросил на плечи потрепанный шерстяной плащ; немного осталось от прежнего золотого и серебряного шитья. Оба тут же устали на бронзовую фигурку, лежавшую на столе. Конан не выпустил их из виду. Их мечи выглядели ухоженными, а судя по состоянию рукоятей было ясно, что оружие часто пускается в дело.

— А вам что нужно? — спросил владелец магазина, возвращаясь с грубым мешком в руках. Для подобных посетителей у него не находилось вежливого тона.

— Это. — Тот, что с отрезанными ушами, показал на фигурку. — Золотую дам.

Маленький толстяк поперхнулся, внезапно подавившись, и предупреждающе посмотрел на Конана.

— Эта вещь моя, — спокойно заявил киммериец, — а я не продаю.

— Пять, — просяще сказал лысый.

Отрезанные Уши яростно повернулся к своему спутнику.

— Если ты окончательно пропил свои мозги, то молчи! Не делай меня идиотом! Учти, осел, я тебе предлагал! — Он резко повернулся и выдернул меч из ножен.

Конан даже не стал вытаскивать оружие. Он схватил статуэтку за ноги и, как следует размахнувшись

ею, нанес сокрушительный удар. Треск ломающихся костей смешался с воплем кандидата на рудники.

Теперь плешивый извлек свой меч, но Конан легко уклонился от удара, шагнув в сторону и одновременно используя статуэтку в качестве булавы. Убитый рухнул, увлекаемый силой инерции своего же собственного выпада, на столики. Те, что не обрушились под его тяжестью, опрокинулись и бронзовые вазы, чаши и прочее покатились по полу. Конан повернулся к первому из нападавших, который уже приготовился броситься на него с кинжалом. Клинок скользнул по доспеху Конана, и они сцепились. Одно мгновение стояли они грудь в грудь, и Конан прочитал отчаянный страх в черных глазах своего противника. На этот раз он не стал прибегать к оружию. Его мощный кулак врезался в лицо безухого, и тот отлетел к полкам, которые немедленно упали на него вместе с тяжелым товаром, выставленным на них. Конан не знал, оставался ли он после этого в живых.

Торговец бронзой переминался с ноги на ногу.

— Мой магазин! Мой чудесный магазин! — причитал он. — За одну серебряную монету вы забрали у меня то, за что я мог бы получить пять золотых, а после этого разнесли всю мою лавку...

— У тебя где-то был мешок, — проворчал Конан. — Убытки возместишь за счет...

Он прервал сам себя на полуслове. Отчетливый аромат духов ударил ему в ноздри. Он пошарил в своем кошельке и извлек оттуда осколки флакончика с духами. Розовая эссенция разлилась не только по доспеху. Она надежно пропитала плащ.

— Чтoб Эрлик забрал этих двоих болванов! — выругался он.

Конан поднес к глазам бронзовую фигурку, которую все еще держал в руках.

— Чтo же в этой проклятой штуке такого? За что они давали пять золотых? Почему рисковали жизнью?

Хозяин лавки, занятый осмотром кошельков обоих негодяев, не ответил.

Все еще ругаясь себе под нос, Конан вытер со статуэтки кровь и сунул ее в мешок, который толстяк перепугу выронил. С воплем радости торговец поднял руку, показывая пригоршню серебра, и тут же

поспешно отдернул ее, опасаясь, что Конан отнимет у него деньги. Он вздрогнул и уставился на тела двух мужчин, распростертые на полу, словно увидел их по-настоящему в первый раз.

— Но что же мне делать с трупами? — воскликнул он.

— Возьми их себе в подмастерья, — насмешливо посоветовал Конан. — Бьюсь об заклад, они не подойдут в отходы для переплавки ничего ценного.

Стоя на коленях возле трупов, толстяк смотрел на Конана, разинув рот. Киммериец вышел на улицу.

Глава вторая

Трактир «У кабана и медведя» был почти пуст, когда Конан переступил его порог, и мрачная тишина подействовала на него угнетающе. Кудрявая девица уже нашла себе клиента, когда он вернулся к ней, а по пути сюда он не встретил другой, которая понравилась бы ему.

В воздухе висел запах перестоявшего вина и пота. Здесь явно не имелось отдельного кабинета для благородных клиентов. Около полудюжины посетителей — извозчики и подмастерья в шерстяных рубашках — сидели каждый один за своим столом, погружившись в свои мысли. Одна-единственная девушка стояла в углу, повернувшись к залу спиной. Судя по ее поведению — она не обращала ни малейшего внимания на мужчин, — девица совершенно явно не собиралась заниматься своим ремеслом. Мягкая волна рыжеватых каштановых волос падала на ее плечи. Закутанная в многослойные зеленые шелка, она была одета, если уж на то пошло, куда более скромно, чем многие офирские дамы, считающие себя вполне порядочными. Вызывающие блески и мишура не украшали эту девушку — в отличие от многих, кто зарабатывал на жизнь подобным образом. Но все же обилие косметики выдавало тот род занятий, которому она себя посвятила — не говоря уж просто о ее присутствии в подобном заведении. Чтo-то в ее манерах и внешности позволило Конану предположить, что она взялась за свое дело совсем недавно.

Конан был так поглощен мыслями о девушке, что сперва совсем не заметил седоватого человека с окладистой бородой ученого, который сидел возле двери, держа в руке мятую металлическую кружку и бормоча себе что-то под нос. Когда же киммериец все же соизволил его увидеть, он вздохнул и спросил себя: неужели девушка важна для него настолько, что он позволит старику засечь себя?

Но в этот миг бородач как раз обнаружил его присутствие и уставился на него с пьяной щербатой улыбкой. Одежда его была разукрашена пятнами всех цветов, часть которых происходила вследствие неаккуратного обращения с вином, а часть — с едой.

— Конан!!! — взревел он и замахал киммерийцу, приглашая его подойти, так отчаянно, что едва не упал со стула. — Присаживайся! Давай выпьем!

— У меня такое чувство, что ты уже достаточно нагрузился, Борос, — сказал Конан сухо. — Тебе я больше ничего заказывать не буду.

— Это не так уж важно, — заверил его Борос, улыбаясь. Неверной рукой он схватил свою кружку. — Видишь? Вода. Но немножечко, капельку маленького...

Он понизил голос и забормотал что-то нечленораздельное, описывая свободной рукой пассы над кружкой.

— Кром!

Конан сообразил, что происходит, и отпрянул. Некоторые из тех, кто сидел в харчевне, посмотрели в его сторону, но поскольку не увидели ни крови, ни возможности извлечь из происходящего какую-либо выгоду, снова обратились к своим стаканам.

— Не делай этого, ты же пьян, старый дурак! — поспешно сказал Конан. — Нарус до сих пор весь в бородавках, которыми ты его наградил, пока лечил его фурункулы.

Борос закричал и сунул ему кружку.

— Глотни, это вино. Не бойся.

Киммериец осторожно взял кружку и принял. Потом сморщил нос и вернул ее.

— Сам пей. В конце концов, это твоё творение.

— Боишься, ха! — Борос хмыкнул. — Такой сильный, и боишься. Да будь у меня твоя мускулатура...

Он засунул нос в кружку, откинул голову — и почти в тот же миг, давась и отплеываясь, отшвырнул от себя кружку.

— Митра милостивый!.. — прохрипел он и быстро вытер рот тыльной стороной костлявой ладони. — Ничего более отвратительного я в жизни своей не пробовал! Придется вылить. Что это такое, во имя Ауры?

Конан подавил гримасу.

— Молоко — судя по запаху, чистое молоко.

Борос содрогнулся, как будто его тошнило.

— Ты подменил сосуд, — обвинил он киммерийца, как только снова смог говорить. — У тебя ло-овкие руки, но я все заметил, киммериец. За тобой должок! Тащи сюда выпивку.

Конан рухнул на стул по другую сторону стола и поставил мешок с бронзовой фигуркой на пол. Он не привык к обществу волшебников, однако Бороса считать таковым можно было с очень большой натяжкой. Старик когда-то обучался Черной Магии, но его пристрастие к крепким напиткам, которое становилось все сильнее, завело его в конце концов на обочину, вместо того чтобы вести его по кривым дорогам Черного Искусства. В трезвом виде он устранял бородавки и другие небольшие физические недостатки, либо же промышлял любовными зельями. Но если он напивался, он представлял опасность не только для окружающих, но и для себя самого. До тех пор, пока удавалось удерживать его от занятий чародейством, он был тем не менее неплохим собутыльником.

— Это что такое? — рывкнул хозяин. Он обтер руки о грязноватый, некогда вполне белый фартук и подбежал к ним. Тонкие руки и ноги и раздутый живот придавали ему сходство с жирным пауком. — Что это за штука на полу? Да будет вам известно, что здесь приличное заведение и...

— Вина! — грубо оборвал его Конан и выронил на пол несколько медных монет. — И проследи за тем, чтобы служанка не забыла подать его. — Он указал на девушку, одетую для потаскушки так необычно. — Вон та в углу, она мне оченьглянулась.

— Она не работает у меня, — проворчал хозяин. Он нагнулся, подбирая кружку Бороса и монеты, потом встал на четвереньки, чтобы дотянуться до последнего медяка, который закатился под стол. — Но вы получите девку, не сомневайтесь.

Он исчез, нырнув в заднюю дверь харчевни, и вскоре оттуда выскочила ядреная девица. Полоса голубого шелка почти не прикрывала ее подпрыгивающую на ходу грудь, а вторая полоска, чуть шире, охватывала ее бедра. Она поставила кувшин вина и два мятых кубка перед обоими посетителями. Аппетитно вертя задом, она придвинулась к Конану и призывно улыбнулась. Но он почти не заметил ее, потому что взгляд его был прикован к девушке с рыжеватыми волосами.

— Дурак! — прошипела ядреная девица. — Вы скорее получите свое от сосульки, чем от той фифы в углу. — И она отодвинулась.

Конан удивленно поглядел ей вслед.

— Девять адов Зандру! Какая муха ее укусила? — проворчал он.

— Да кто их поймет, баб, — рассеянно сказал Борос. Он быстро наполнил свой кубок и тут же наполовину опустошил его. — Да и вообще, — продолжал он мрачным тоном, после того как перевел дыхание, — теперь, после смерти Тиберио, у нас хватает других забот.

Он снова взялся за кубок.

— Тиберио мертв? — недоверчиво переспросил Конан. — Не прошло и двух часов, как мы говорили о нем, и никто даже не упомянул о его смерти. Трон Эрлика! Да перестань ты пить! Говори, что с Тиберио?

С явной неохотой Борос отставил свой кубок.

— Слово ходит по кругу. Тиберио... Тиберио... Он умер прошлой ночью. Вскрыл себе в ванной вены. Во всяком случае, так считается.

Конан заворчал.

— Да кто такому поверит? В конце концов, после смерти Вальдрика он имел прав на престол больше, чем кто бы то ни было.

— Люди верят тому, чему хотят верить, киммериец. Или боятся не верить.

Может быть, подумал Конан. Уже столько устранил: жен, сыновей, дочерей. Иногда этого требовал разрыв отношений или желание навеки скрыть тайну; порой замолкали навсегда и творцы этих планов, а многие дворяне жили в своих замках, парализованные страхом. Теперь нашлись наемные убийцы. Конан порадовался тому, что треть состава Вольного Отряда постоянно дежурит во дворце Тимеона. Потерять на-

нимателя, да еще подобным образом, весьма не полезно для репутации.

— Одно к одному, — отрывисто продолжал Борос. — Кто-то пытается воскресить Аль-Кири. Я видел сполохи огней на проклятой горе, я слышал шепот Черного Знания. А на этот раз уже не будет Аванрахаша, чтобы удержать его в узде. Нам нужно второе рождение Морантеса Великого. Только такой, как он, мог бы еще навести порядок.

— О чем ты болтаешь, наконец? А, неважно, кто следующий претендент на трон после Тиберио? Валентиус, не так ли?

— Валентиус. — Борос пренебрежительно шелкнул языком. — Он никогда не взойдет на трон. Слишком молод.

— Он взрослый человек, — сердито возразил Конан. Он мало знал о Валентиусе, да и не интересовался особенно его персоной, но все же граф был старше Конана на целых шесть лет.

Борос улыбнулся.

— Между тобой и графом есть небольшая разница, Конан. Ты в свои юные годы уже приобрел опыт, которого хватило бы на две жизни в суровых условиях. А Валентиус влачил существование изнеженного придворного, среди изящных фраз, галантерейных манер и прочего политеса.

— Болтаешь ерунду, — пробормотал Конан. Как это старику удалось прочесть его мысли? Быстрое восхождение не делало его менее обидчивым, если речь заходила о его юности, и он продолжал злиться на каждого, кто считал, будто он слишком молод для такой должности. В любом случае можно найти занятие и поинтереснее, чем сидеть с пьяницей, который даже толком колдовать не умеет. Например, недурная компания — девочка с рыжеватыми каштановыми волосами.

— Остатки пойла — твои, — проворчал он. Прихватив с собой мешок, где лежала бронзовая фигурка, киммериец покинул Бороса.

За все это время, что Конан наблюдал за девушкой, она не пошевелилась в своем углу и не изменила позы. Ее лицо сердечком оставалось неподвижным, когда он подошел ближе, но опущенные глаза, голубые, как утреннее небо северных стран, расширились, словно у испуганной лани. Она вздрогнула, точно хотела бежать.

— Пойдем, выпьем вместе винца, — пригласил ее Конан, показывая на свободный столик.

Девушка посмотрела на него и — хотя это казалось невозможным — распахнула глаза еще шире. Потом покачала головой.

Он заморгал в растерянности. Может быть, не стоит доверять ее невинному лицу? Похоже, она предпочитала перейти прямо к делу.

— Ну, если ты не хочешь вина, что ты скажешь о такой цене: две серебряных монеты?

Девушка приоткрыла рот, словно в испуге.

— Нет... Я думаю... нет... — Ее дрожащий голосок звенел, как колокольчик.

— Ладно, три серебряных — и четвертая сверху, если окажется, что ты того стоишь.

Она лишь молча смотрела на него. «Зачем я теряю тут время с этой... сосулькой?» — подумал Конан. В конце концов, такого добра, как веселые девицы, в городе хватает. Может быть, дело в том, что она напоминала ему Карелу. Хотя волосы у нее не такие огненно-рыжие, а скулы не такие высокие, как у разбойницы, делившей некогда с ним постель и вносившей в его жизнь волнения и опасности с того мгновения, как пути их впервые пересеклись. И все же что-то общее было. Карела была единственная женщина, и она себя сама возводила на этот престол. Но стоит ли оживлять старые воспоминания?..

— Девочка, — резко сказал он, — если тебе не нужно мое серебро, то так и скажи, я поищу себе другую.

— Останься, — шепнула она. Выговорить это слово ей удалось с большим трудом.

— Хозяин! — заорал Конан. — СПАЛЬНЮ!

Девушка густо покраснела под толстым слоем косметики.

Паукообразный владелец таверны тут же вырос перед ними и требовательно протянул к нему руку.

— Четыре медяка! — Он подождал, пока Конан вложит деньги ему в ладонь, и добавил: — Вверх по лестнице и сразу направо.

Конан взял пунцовую от стыда девушку за руку и потащил ее за собой по скрипучим ступенькам.

Комната была именно такой, какой он и ожидал

ее увидеть: тесной с пылью на полу, многочисленными паутинами по углам. Расшатавшая кровать с бывалым матрасом, набитым соломой, и не слишком чистым одеялом; трехногая табуретка и стол составляли всю обстановку. Но для того, чем он собирался сейчас заняться, было безразлично, где произойдет действие: здесь или во дворце. Здесь даже лучше.

Он с грохотом выронил тяжелый мешок, закрыл дверь на щеколду и положил руки девушке на плечи. Он разматывал зеленый шелк ее одеяния, опустив его до талии, и привлек ее к себе. Грудь у нее была полная и острая. Она прерывисто дышала, и он закрыл ей рот поцелуем. Тогда она посмотрела ему в глаза. С тем же успехом он мог поцеловать статую.

Он слегка отстранил ее, не выпуская, однако, из рук.

— Что ты за женщина такая странная? — спросил он. — Можно подумать, что ты никогда еще не целовала мужчину.

— Так и есть! — фыркнула она и тут же поспешно поправила: — То есть, я хочу сказать, целовала, и очень многих. Больше, чем ты мог бы сосчитать. Я... очень опытная.

И она оскалила зубы, видимо полагая изобразить таким образом призывную улыбку, которая совершенно исказила ее лицо.

Он презрительно хмыкнул и оттолкнул ее. Ее руки нащупали спущенное платье, но потом она смущенно затихла. Тяжелое дыхание поднимало прекрасную грудь, лицо заливалось краской.

— У тебя выговор не простой девчонки, — сказал он наконец. — Кто ты? Дочка купца, которая сбежала из дома и слишком глупа, чтобы вернуться обратно?

Ее лицо застыло, превращаясь в маску высокомерия и гордости.

— Ты, варвар... Для тебя большая честь взять... в свою постель офицерскую дворянку.

Даже то, что она запинаясь, не могло нарушить ее высокомерия.

Такие слова в сочетании с такой одеждой (вернее, с полураздетым состоянием) — все это уже было че-

ресчур для киммерийца. Он запрокинул голову и взвыл от хохота.

— Ты высмеиваешь меня? — проскрежетала она. — Ты посмел!..

— Прикройся, — фыркнул Конан, перестав ржать. Ему пришлось подавить свое желание, и в ответ на это вспыхнула злоба. Девчонка была очень хорошенькая, и он так радовался, что пошел с ней. Но нетронутая девушка, сбежавшая от высокородного папочки, — это было последнее, в чем он нуждался. Нет, с ней он связываться не будет. Но не может же он просто бросить ее здесь, когда она нуждается в помощи? Я слишком мягкосердечный, подумал Конан и ворчливо обратился к девушке:

— Давай одевайся, пока я тебя не отшлепал.

Одну секунду ее небесно-голубые глаза сверкали, соперничая с его синими. Но синие победили. Она торопливо натянула на себя платье, беззвучно шевеля губами.

— Ну, как тебя зовут? — сердито спросил он. — И не ври мне, иначе я лично доставлю тебя в госпиталь для убогих. Кроме голодающих больных туда берут также сбежавших девушек и потерявшихся детей. А ты, как мне кажется, и то, и другое.

— Ты не имеешь права так обращаться со мной! Я думала, что все будет иначе. Мне не нужны твои деньги! — Она сделала повелительный жест. — И закрой за собой дверь!

Конан спокойно смотрел на нее, не двигаясь с места.

— Еще одно слово — и ты окажешься у воспитательницы из исправительного дома, где тебя научат хорошим манерам при помощи хорошей дубины. Ну так как же тебя зовут?

Она в ярости отвела взгляд.

— Леди Юлия, — сказала она высокомерно. — Но я не запятнаю мой род, произнося его имя в этой грязи. И даже если ты будешь пытаться меня каленым железом, бить кнутом или загонять иголки под ногти, я...

— Почему ты здесь, Юлия, почему изображаешь из себя проститутку, вместо того чтобы сидеть под боком у своей матери, занимаясь изящным рукоделием?

— И какое право ты... Чтоб тебя Эрлик побрал! Моя мать давно умерла, а мой отец скончался три месяца назад. Его земли были заложены и, наконец, проданы. У меня нет родных, которые взяли бы меня к себе, и нет друзей, которые дали бы крышу над головой девушке, не имеющей ничего, кроме платья на теле. А ты должен называть меня «леди Юлия». Я все еще офицерская дворянка!

— Дурочка ты, — ответил он. — Хороша честь, коли нечего есть! Почему ты вообще взялась за это ремесло? Почему не пошла в горничные к какой-нибудь даме? На худой конец, ты могла бы просить милостыню!

Юлия сморщила нос.

— Так низко я еще не пала. Мое происхождение...

— Стало быть, лучше податься в шлюхи?

Он заметил, что она слегка покраснела. Она вообще легко краснела.

— Я думала... — начала она, помедлив, и снова замолчала. Когда она наконец заговорила опять, голос ее звучал еле слышно. — Мне казалось, что я буду кем-то вроде тех куртизанок, которых содержал мой отец. Они были дамы. — Она испытующе посмотрела на Конана. — Но до сих пор я этого не делала... Я еще... Я думала... Ох, зачем я тебе все рассказывала?

Конан привалился к двери, и грубо оструганные доски закрывали под тяжестью его тела. Будь он цивилизованным человеком, он предоставил бы ей идти по избранной ею дороге. Сейчас он переспал бы с ней, оставил бы ей денег, сколько договаривались, и бросил бы ее ревечь одну. Или вообще обманул бы ее с деньгами, что тоже не было чем-то необычным в среде культурных людей. Все остальное потребует куда больших затрат, чем она сама стоит. Одни боги знают, почему они до сих пор ей не помогали. И им одним лишь ведомо, каких врагов он наживет себе, если все-таки ей поможет.

Он растянул рот в сердитой ухмылке, и Юлия сжалась. Слишком много он думает о всяких причинах-следствиях и чересчур уж увлекся офицерской политикой. Все это не для него. Этим боги должны заниматься. И девушками, кстати, тоже.

— Я Конан, — неожиданно заявил он. — Капитан Вольного Отряда. У нас есть свой повар, потому что кухня нашего нанимателя способна выдать лишь легкие закуски для изнеженных юнцов, неспособные наполнить желудки настоящих мужчин. У Фабио, у нашего повара, давно уже возникла нужда в помощнице, которая выполняла бы мелкую работу и подавала на стол. Если хочешь, работа для тебя найдется.

— Кухонная прислуга! — вскричала она беспомощно. — Я?!

— Тихо, девушка! — рявкнул он, и она испуганно отшатнулась. Он помолчал, желая увериться, что она послушалась, и удовлетворенно кивнул, увидев, что она закрыла лицо руками и, видимо, не собирается больше проронить ни слова.

— Если ты решишь, что это не уронит твоего достоинства, то на закате солнца приходи ко дворцу барона Тимеона. Если ты не придешь — что ж, я знаю, что ждет тебя впереди.

Она испуганно вскрикнула, когда он бросился к ней, схватил ее и прижал к себе. Свободную руку он запустил в ее длинные волосы и приложился ртом к ее губам. Какое-то время она молотила его босыми пятками, но постепенно перестала. Потом он отпустил ее. Она стояла, трепеща и глядя на него влажными от слез глазами.

— А я еще нежный по сравнению с другими, — проворчал он.

Он схватил мешок с бронзовой статуэткой и выскочил из комнаты.

Глава третья

Спустившись вниз, киммериец обнаружил, что Борос исчез, чему он несказанно обрадовался. Паукообразный хозяин бросился к нему, потирая руки.

— Вы не слишком долго пробыли у девочки, благородный господин. Я вам сразу говорил, что от нее мало радости. А вот моя Селина...

Конан мрачно посмотрел на него, и хозяин шарахнулся. Кром! Что за день такой, подумал варвар. Он

так хотел найти девушку, и все закончилось тем, что ему пришлось спасать какую-то курицу, вообразившую себе неизвестно что, — и спасать от ее собственной глупости! А он-то думал, что застрахован от подобных вещей.

Улица, на которую он вышел, была кривой и узкой, скорее переулком, чем настоящей улицей. Там, где из мостовой были вынуты булыжники, зияли огромные дыры. Но даже здесь повсюду сидели нищие и кланчили денег. Конан швырнул горсть монет в очередную протянутую чашу и торопливо пошел дальше, пока остальные убогие не успели наброситься на него, скуля и хныча. Пахло гнилыми овощами и отбросами.

Он еще не успел уйти далеко, когда до него вдруг дошло, что нищие, вместо того чтобы бежать за ним и умолять о подаении, куда-то исчезли. У таких людей, как Конан, инстинкт был развит как у дикого зверя. Правая рука сама собой легла на меч еще до того, как перед ним в конце улицы вынырнули три человека. Их предводитель замотал себе лицо старой тряпкой, прикрывая то место, где должен был бы находиться правый глаз. Двое других заросли бородами, причем у одного из них она состояла из нескольких жиденьких прядей. Все трое держали в руках мечи. За спиной Конана хрустнуло — кто-то подходил сзади.

Киммериец не стал ждать, пока они сделают еще шаг. Он швырнул мешок с бронзовой фигурой в одноглазого, вытащил свой старый двуручный меч и низко пригнулся — все одним движением. Клинок просвистел над его головой, когда он сел на корточки, — и вот уже его меч вонзился в бок человека, подкрадывающегося со спины. Убийца пронзительно закричал и упал.

Конан перепрыгнул через тело и, перекатившись, вскочил на ноги, держа меч наготове, как раз вовремя, чтобы успеть проткнуть насквозь одноглазого, который набросился на него с поднятым мечом. Одно мгновение Конан смотрел в одинокий карий глаз. Угасая, взгляд утрачивал выражение отчаяния. Затем подоспел следующий бандит и попытался свалить киммерийца, пока его меч еще торчал из груди одноглазого. Конан вырвал кинжал из-за пояса убитого и

вонзил его в горло нападающего. С утробным воплем тот опрокинулся на спину.

Все это произошло так быстро, что заколотый только теперь начал падать, и Конан вытащил свой меч из тела.

Человек с жидкой бороденкой и не собирался вступать в битву. Он стоял, опустив меч, и переводил взгляды с одного убитого на другого. Его острый нос вздрагивал, он был похож на крысу, которая только теперь заметила, что имеет дело со львом.

— ...не так уж дорого, — бормотал он. — Жизнь дороже золота.

Он осторожно отступил назад, пока не оказался на углу; бросил в боковую улицу испуганный взгляд и помчался по ней прочь. В несколько секунд его торопливые шаги затихли.

Конан не потрудился догонять его. Уличные разбойники, которых в этом городе было больше, чем нужно, его не интересовали. Эти попытались своего счастья и дорого заплатили за свои эксперименты. Он наклонился, чтобы вытереть свой клинок, когда внезапно кое-что пришло ему на ум. Тот парень, что удрал, упоминал о золоте. Только высокородные дворяне имеют обыкновение носить при себе золото, а киммериец совершенно явно не был похож на дворянина. Золотом можно оплатить либо смерть, либо похищение, но уж никак не смерть наемника, даже если это капитан. Тут вполне можно было обойтись серебром. Вообще, золотом платят за убийство крайне редко — разве что за этим скрывается нечто совершенно особенное!

Зарывав от ярости и слыша свой голос, отраженный эхом каменных стен, Конан схватил свою статуэтку в мешке и побежал. В руке он держал меч, все еще окровавленный. Если его пытались убрать с дороги, самый простой путь — пробраться к Тимеону. Вероломные убийства такого рода уже начались. Он бежал все быстрее и вырвался наконец из переулков на одну из центральных улиц.

Цветочница пронзительно завизжала при виде кровавой стали в руках приближающегося великана и отскочила с его дороги. Торговец овощами оказался недостаточно проворным. Он налетел на Конана, и

мешельсины покатились из его корзины в разные стороны. Проклятья бедняги, частично адресованные рослому киммерийцу, а частично уличным мальчишкам, растащившим рассыпанные фрукты, преследовали Конана по переполненным улицам, но от этого он не стал бежать медленнее. Носильщики, которые не имели возможности избежать столкновения, выпускали из рук ручки портфезов, и благородные господа, проклиная все на свете, неизящно приземлялись прямо в уличную грязь. Купцы в развевающихся одеждах и камеристки, которые вышли за покупками для своих хозяек, ругаясь и крича, разбегались в разные стороны.

Наконец, показался дворец Тимеона. Когда Конан взлетел по алебастровой лестнице, оба часовых, стоявших у портика, бросились ему навстречу. Они достали стрелы и подняли луки в ожидании тех, кто гнался за киммерийцем.

— Дверь! — взревел он. — Эрлик вас заберит! Дверь откройте!

Они поспешно распахнули створку тяжелой бронзовой двери, на которой был отчеканен фамильный герб Тимеона, и Конан проскользнул внутрь.

В большом вестибюле к нему подошли Махаон и десять человек из его отряда. Их сапоги громко стучали по блестящим мраморным плитам. Беспорядок в их одежде и далеко не один кувшин на полу свидетельствовали о том, что крики Конана ворвались в их мирный отдых и нарушили его. Но все они были при оружии.

— Что случилось? — спросил Махаон. — Мы слышали твои вопли и...

— Где Тимеон? — оборвал его Конан. — Вы видели его с тех пор, как пришли?

— Он наверху в кровати, со своей новой девочкой, — ответил Махаон. — А что...

Резко отвернувшись, Конан побежал к следующей лестнице. Сделанная из алебастра, она вилась в центре зала. Махаон и остальные пошли за ним следом. Закрытая дверь опочивальни, украшенная изображениями фантастических существ, также не остановила его. Он рванул ее и ворвался в спальню.

С воплем свалился барон Тимеон со своей воздуш-

ной постели, так что его круглый живот подпрыгнул, и схватился за длинное одеяние из красного бархата. Стройная обнаженная девушка, лежавшая на постели, прижала одеяло к маленькой, изящной груди. Она с отвращением поглядывала на Конана сквозь вуаль своих черных шелковистых волос, доходивших ей до пояса.

— Что это значит? — Тимеон поспешно застегнул пояс на своей окружности.

Согласно последней моде, распространенной среди местной знати, он носил узкую бородку; у него было круглое, как луна, лицо, глаза навывкате, и Тимеон напоминал жирного козла. В данный момент — разъяренного козла.

— Я требую немедленного ответа! Ворваться в мою опочивальню с мечом за здорово живешь!

Только теперь он как следует разглядел меч Конана.

— Кровь! — прохрипел он и шарахнулся. Барон торопливо схватился за резную колонну балдахина, словно хотел таким образом защитить себя, если вообще не спрятаться за ней. — На нас напали? Вы должны задержать их, пока я не скроюсь. То есть я поскачу за подмогой. Задержите их, и все вы получите приличную плату в золоте.

— О нападении речи нет, лорд Тимеон, — торопливо заверил его Конан. — По крайней мере не здесь. Но в городе на меня напали.

Тимеон бросил взгляд на девушку. Казалось, ему вдруг стало ясно, что он вел себя не слишком героически у нее на глазах. Он выпрямился во весь рост, одернул свое одеяние, словно желая придать ему более строгий вид, и провел рукой по жидким волосам.

— Ваши стычки со всяким отребьем на улицах Ианты меня не интересуют. А моя прелестная Тивия слишком нежна, чтобы пугать ее вашими рассказами о драках и тем более видом окровавленного меча. А теперь идите, и я попытаюсь забыть о вашем недостойном поведении.

— Лорд Тимеон, — сказал Конан подчеркнуто спокойным и терпеливым тоном. — Если кто-нибудь задумает что-либо против вас, он постарается прежде всего убрать с дороги меня. Прошлой ночью граф

Тиберио нашел свою смерть от руки наемного убийцы. Я поставил охрану возле вашей двери и в саду под вашими окнами.

Белесые глазки толстого аристократа снова обратились к девушке.

— Вы могли бы и не делать этого! Тиберио сам покончил с собой, как я слышал. А что касается убийц... — Он подошел к столу, на котором лежал его меч, отбросил ножны в угол и выставил клинок на обозрение. — Если кому-нибудь и удастся обмануть вашу бдительность, я сам позабочусь о Тивии. А теперь идите! Я должен... — Его взгляд непроизвольно скользнул по стройной девушке, которая все еще безуспешно пыталась прикрыть свою наготу. — Я должен еще заняться некоторыми неотложными делами.

Конан нехотя покинул спальню. Не успев закрыть за собой дверь, он разразился бранью:

— Грязный мешок с салом! Старая баба! Ведьма со скалкой может гонять его по дворцу, сколько ей вздумается!

— Что мы должны делать? — спросил Махаон. — Если он не хочет, чтобы стража...

— Будем тем не менее охранять его, — фыркнул Конан. — Он может не бояться никаких опасностей, пока мы его стережем и пока ему хочется производить впечатление на женщин, но мы же не можем допустить, чтобы его убили. Выдели двоих для охраны сада и поставь их так, чтобы их не видели из окна. По одному часовому поставь на каждом конце коридора, за углом, чтобы они могли спрятаться, если Тимеон выйдет из спальни, но так, чтобы они могли не выпускать из виду его дверь.

— Об этом я позабочусь. — Воин, покрытый шрамами, увидел наконец мешок. — Что это ты с собой таскаешь?

Только теперь Конан сообразил, что все еще держит под мышкой мешок со статуэткой. Торопясь попасть к Тимеону, он совсем забыл об этом. И теперь он спрашивал себя, не хотели ли те люди, что пытались убить его, — если, конечно, они не расчищали себе путь к барону, — не хотели ли они забрать у него эту фигурку? Во всяком случае, двое уже готовы были убивать и умирать из-за бронзовой фигурки. И

за нее они хотели платить золотом. Ему показалось, что лучше будет сперва найти ответы на эти вопросы, прежде чем вручить Махаону подарок, из-за которого кто-то намеревался его убить.

— Да так, всякая ерунда, которую я купил в городе, — ответил он. — Поставь часовых немедленно, я не хочу рисковать в том случае, если мое первое предположение окажется правильным.

— Первос? — эхом отозвался Махаон, не понимая, о чем речь, но Конан уже повернулся к нему спиной.

Комната, которую занимал Конан, была просторной и — с точки зрения Тимеона — подходила для командира наемников. Стены затянуты занавесями, не лучшего качества, лампы из цинка и латуни, а не из серебра и золота, на полу из простых крашенных досок никакого ковра. Два полукруглых окна открывали вид на сад, расположенный тремя этажами ниже, однако балкона не имелось. Но на большой кровати лежала пуховая перина, а столы и стулья, хотя и из простого лакированного дерева, были достаточно прочными, чтобы выдерживать его вес, — не то что шаткие позолоченные мебелишки в покоях для избранных гостей.

Киммериец бросил грубый мешок в угол и поставил бронзовую статуэтку на стол. Она показалась ему злобной и необыкновенно живой, словно она действительно была полна жизни и только ждала минуты вцепиться когтями и клыками. Человек, создавший ее, был настоящим художником. И совершенно очевидно, что он был близко знаком со Злом, подумал Конан, иначе ему не удалось бы вложить столько злости в свое творение.

Конан вытащил кинжал и постучал рукояткой по фигурке. Она, несомненно, не была полой, так что в ней никак не могли быть спрятаны драгоценные камни. Не производила она впечатления и золотой вещи, покрытой бронзой лишь для отвода глаз. Он не мог понять, ради чего стоило затевать драку.

Он все еще разглядывал рогатую фигурку, пытаясь разгадать ее тайну, когда в дверь постучали. Он помедлил, затем сунул статуэтку в мешок и пошел к двери. Там стоял Нарус.

Тебя спрашивает девушка, — сказал костлявый солдат. — Она одета, как нормальная потаскуха, но лицо у нее как у девственной послушницы из храма. И она достаточно хорошенькая, чтобы оказаться на поверку и тем, и другим. Говорит, что ее зовут Юлия.

— Я ее знаю. — Конан улыбнулся.

Выражение лица Наруса, напоминающее выражение лица трупа, не изменилось, но Нарус вообще не мог похвастаться богатством мимики.

— Ставлю золотой слиток против серебряной монеты, что мы с ней хлебнем еще горя, киммериец! Потребовала, чтоб ей открыли главный вход! Гордичка, принцесса! А когда я провел ее через черный ход, она попыталась прочитать мне краткую лекцию об истории своей семьи. Говорит, что она благородных кровей. Сейчас скверное время связываться с такими, как она.

— Отправь ее к Фабио. — Конан рассмеялся. — Это наша новая кухонная работница. Скажи ему, пусть сразу даст ей свеклу, пусть начистит для ужина.

— С удовольствием, — заявил Нарус и изобразил некоторое подобие улыбки. — А то она разговаривает слишком уж свысока.

Так что сегодня еще не все идет из рук вон плохо, подумал Конан, отворачиваясь от двери. Потом его взгляд упал на мешок, брошенный на статуэтку, и его мимолетное облегчение сразу испарилось. Было еще нечто, с чем он должен разобраться. Нехорошее предчувствие говорило ему, что это «нечто» связано со смертельной опасностью.

Глава четвертая

Сам себя он именовал Галбро. Сейчас этот человек с хитрой физиономией нервно слонялся по пыльной комнате, где ему было приказано ждать. Два больших чучела орлов на высоких шестах составляли единственное украшение комнаты. Кусочки янтаря, вставленные вместо глаз, сверкали еще более дико, чем живые глаза настоящей хищной птицы. А единственной мебелью в помещении

был длинный стол. На него Галбро и поставил кожаную сумку с товаром, который надеялся продать. Ему эти встречи не нравились. Несмотря на золото и серебро, которые он уносил с этих свиданий, он ненавидел женщину, платившую столь щедро. Он не знал ее имени и не хотел знать — как не хотел знать о ней вообще ничего. Познакомиться с ней поближе было, без сомнения, опасное дело.

Но ему самому было ясно, что его тревожила не столько мысль о женщине, сколько о том человеке. Он откуда-то с севера, сказал Урман. Но откуда бы он ни был, он убил пятерых лучших людей Галбро, а сам ускользнул, не получив ни единой царапины. Ничего подобного еще ни разу не случалось, по крайней мере с тех пор, как Галбро перенес свою деятельность в Офир. Плохое предзнаменование. Впервые за много лет он пожалел о том, что не находится в своем Зингаре, в воровском квартале, состоявшем из кривых переулочков, которые сплелись в настоящий лабиринт у набережных Кордавы. А это было уже настоящим идиотизмом, потому что даже если бюститители порядка и не успеют сделать его на одну голову короче, жители этого славного квартала, без сомнения, пережуют ему глотку еще до первого восхода. Коли служишь одновременно и тем, и этим, всегда рискуешь, что противоборствующие стороны объединятся против тебя.

Легкие шаги прервали его мрачные мысли. Вошла она, и он почувствовал легкую дрожь. Были видны только ее глаза, темные, ледяные. Она завернулась в серебряный плащ, подол которого волочился по полу. Темная непроницаемая вуаль скрывала нижнюю половину ее лица, а волосы она забрала под белый шелковый платок, скрепленный брошкой с рубином, причем размеры камня были значительны — с сустав его большого пальца.

Рубин не возбудил в нем алчности. В нем вообще не шевельнулось ни одного чувства, кроме страха, — и ему было это ненавистно. Да, он боялся женщины, хотя она была довольно щедра. Его жадность была единственным, что он мог противопоставить своему страху.

Внезапно он с ужасом сообразил: она ждет, пока

он, наконец, заговорит. Он облизал губы — почему они вечно пересыхают в ее присутствии? — раскрыл сумку и выставил ее содержимое на стол.

— Как видите, моя госпожа, на этот раз я принес много, и все очень ценное.

Бледная узкая рука протянулась из-под плаща и тронула то, что он принес, перебирая вещь за вещь. Медную дощечку с выгравированной головой демона, которым она была столь очарована, она презрительно оттолкнула в сторону. Галбро постарался скрыть разочарование. Леандрос вложил в эту вещь немало труда, но в последнее время она почти не покупала подделки, сработанные коринфийцем. Три фрагмента грязного и рваного манускрипта она изучала долго и внимательно и в конце концов положила их в другую сторону. Ее пальцы задержались на несколько мгновений на глиняном бюстике, который от времени так стерся, что нельзя было с уверенностью определить, кого он изображал — искомое существо или какую-то другую тварь. Но она отодвинула бюст к манускрипту.

— Два золотых, — спокойно произнесла она, наконец осмотрев все, что было на столе. — Одну за бюст, вторую за обрывки рукописи. Это лишь копии с того, что у меня имеется.

Золотая монета за бюст — это хорошо, он ожидал получить за него не больше пары медяков, но что касается фрагментов, он рассчитывал на две золотых за каждый.

— Моя госпожа, — занял он, — я могу принести вам только то, что нахожу. Я не умею читать такие рукописи и не знаю, достали ли вы себе уже эти тексты или еще нет. Вы не можете себе представить все трудности, все издержки, с которыми я имею дело на службе у вас! Пять моих людей убиты! Слишком высокая цена за кражу!

— Пятеро убитых? — Голос ее просвистел, как удар кнута, хотя она даже не повысила его.

Он сжался под ее взглядом, пот побежал по его лицу. Эта ледяная женщина не хотела ничего знать о поражениях и неудачах, и еще меньше она любила тех, кто привлекал к себе внимание, оставляя позади себя трупы. Примером мог служить Барака. Кофитя-

нина нашли подвешенным за ноги, с содранной кожей, но еще живого — он кричал еще много часов.

— Что же ты такого натворил, что потерял сразу пятерых, Галбро? — Ее тихие слова прозвучали, как удары кинжалом.

— Ничего, госпожа. Личные дела. Я не должен был упоминать о них. Простите меня, госпожа, умоляю.

— Дурак! Я вижу тебя насквозь с твоим враньем. Знай же, что бог, которому я служу и которому служишь — через меня — ты, дает мне власть над болью.

Она проговорила слова, смысл которых не укладывался в его сознании. В воздухе она начертила несколько знаков.

Перед его глазами вспыхнул ослепительный свет, и его пронзила невыносимая боль. Каждый мускул его тела сводили судороги. Он беспомощно опустился, все в нем дрожало, он корчился, пока дергающиеся пятки и голова не застыли на полу. Он хотел было закричать, но горло перехватило, точно шнуром, и он не смог выдать из себя ни звука. Дыхание давалось ему с трудом. Черная пелена разлилась перед его глазами, и он замычал, без слов умоляя о смерти, о чем угодно, что спасет его от этой непереносимой муки.

Внезапно попытка прекратилась, и он рухнул бесформенной истерзанной грудой на пол.

— Даже смерть не принесла бы тебе облегчения, — прошептала женщина. — Ибо царство смерти принадлежит тому, кто сам — лишь подданный моего повелителя. Смотри!

Она снова проговорила слова, которые запылали в его мозгу.

Он умоляюще посмотрел на нее снизу вверх, попытался попросить о пощаде, но слова застряли у него в горле. Он знал, что орлы — это всего лишь чучела, что они мертвы, он сам их трогал. Но теперь они расправили крылья. Один из них испустил пронзительный крик. Второй перелетел со своего шеста на стол, и его когти оставили на крышке стола царапины. Он косо склонил голову и уставился на Галбро так, словно тот был кроликом. У него невольно выступили слезы, покотившиеся по впалым щекам.

— По моему приказу они разорвут тебя на кус-

ки, — сказала женщина, закутанная в плащ. — А теперь говори и не вздумай ничего утаивать!

Галбро начал свой доклад. Слова текли из его рта, словно вода из фонтана. Он описал бронзовую фигуру в мельчайших подробностях. Он рассказал, как узнал о ней, и о своих попытках приобрести ее. Но несмотря на весь свой страх, он не стал рассказывать о рослом человека с севера и давать ей точное его описание. Меньшая часть его «я» хотела поквитаться с этим парнем, который вверг его в такие неприятности, а большая думала о цене, которую женщина заплатит за статуэтку. Если она будет знать, что сможет выйти на фигурку демона без его участия, он ей вообще не понадобится. Он знал других людей, которые, подобно ему самому, служили этой женщине, а судьба Бараки напомнила ему о ее страшной жестокости. Когда он закончил говорить, он остался лежать на полу, исполненный ужаса.

— Я терпеть не могу тех, кто что-либо от меня скрывает, — сказала она наконец, и его передернуло. — Достань мне эту бронзовую статуэтку, Галбро. Если ты будешь послушен, я забуду о твоей лжи. А если нет...

Ей не нужно было облекать свою угрозу в слова. Он быстро представил себе несколько вариантов ее мести, один кошмарнее другого.

— Я буду послушен, госпожа, — прохрипел он и прижался лицом к пыльному полу. — Я буду послушен. Я буду послушен.

Он перестал повторять эти слова — полуклятву, полумольбу — только тогда, когда ее шаги окончательно стихли. Она ушла. Он приподнял голову и обвел комнату диким взглядом. Обнаружив себя живым и в одиночестве, он почувствовал огромное облегчение. Потом взор его упал на орлов. Они снова были неподвижны, но один из них слегка наклонился вперед и немного приподнял крылья, словно готовясь в любое мгновение наброситься на свою жертву. Второй все еще цеплялся когтями за стол и, склонив голову набок, смотрел на него янтарными глазами, как будто хотел просверлить в нем дыру.

С каким удовольствием Галбро бы сбежал, но он знал, что не может бегать достаточно далеко, чтобы

избежать ее мести. Во всем виноват проклятый северянин. Если бы не он, все шло бы так, как прежде. В нем поднималась ярость, благословенная ярость, которая перевешивала все, даже страх. Северянин заплатит за все, что пришлось по его милости пережить сегодня Галбро. Да, да, он заплатит!

Заплатит!

Синэлла уселась в свои носилки, начисто лишенные каких-либо украшений; чтобы не привлекать к себе внимания, задернула светло-серые занавески и только после этого сняла наконец с лица вуаль. Слуги, не дожидаясь приказа, понесли ее со двора маленького дома, где она встречалась с Галбро. Поскольку языков у этих людей уже не было, они не могли бы никому рассказать, куда они ее доставляли, но и без этого они знали, что обязаны быть покорны ей во всем — знали так же хорошо, как знал это вор с хитрой рожей.

Хорошо, что она так тщательно подготовилась к этой встрече. Платок, которым Галбро вытирал пот, был прибран одним из ее слуг, а пара выпотрошенных орлов помогли ей сделать вора совершенно шелковым. Она может быть спокойна. У него нет иного выбора, кроме как подчиняться ей. И все же она не ощущала приятной расслабленности, как обычно в покачивающихся носилках.

Что-то в описании бронзовой фигурки, которую упустил хитрый вор, не давало ей покоя. Ей было известно уже немало изображений головы Аль-Киира, множество медальонов и амулетов с отчеканенной головой демона или его рогатым символом, но до сих пор ей не встречались фигуры, представляющие его в полный рост. По описанию Галбро, это была уменьшенная копия натурального «портрета» ее бога. На ее лице проступила печать удивления. А фрагмент рукописи она взяла потому, что там имелось нечто важное — она была уверена.

Синэлла слегка отодвинула занавеску и выглянула в узенькую щелочку.

— Быстрее! — крикнула она. — Проклятье Эрлика на вас! Быстрее!

Носильщики ускорили шаги и пробились сквозь толпу, не обращая внимания на брань, летевшую им вслед. Если они не угодят Синэлле, она угостит их кое чем покрепче брани. В своих носилках она нетерпеливо ударяла узким кулачком по сиденью, в бешенстве от того, что поездка через город занимает столько времени.

Не успели носильщики вступить во двор ее загородного поместья и поставить носилки на шиферные плиты, как Синэлла уже выскочила. Но даже в этой спешке она ощутила прилив ярости при виде дома. Несмотря на то, что он был не менее велик и роскошен, чем городские дворцы, все же это здание не было настоящим дворцом. Беленые стены и крыша, покрытая красной черепицей, — такой дом подошел бы купцу... или женщине. Согласно старинному закону, ни одна женщина, будь то принцесса или даже королева, не имела права владеть дворцом в черте Ианты. Но она изменит этот закон. Во имя богов! Если то, на что она надеялась, правда, все изменится уже в этом месяце! Почему она должна ждать смерти Вальдрика? Даже армия не сможет ее остановить. Искандриан, Белый Орел Офира, будет брошен перед ней на колени, как и прочие высокие офирские вельможи.

Она сбросила плащ — служанка потом заберет его — и подняла подол своего платья выше колен, не обращая внимания на слуг, тут же уставившихся на ее белые ноги. Так взлетела она по лестнице, торопясь на самый верхний этаж, в комнату без окон, куда не имел доступа никто, кроме нее самой. То, что там находилось, она стерла из своей памяти с помощью чародейства, так что, пока она находилась вне этого помещения, она сама ничего не знала и никто, таким образом, не сумел бы выманить у нее тайну.

В золотых канделябрах горели бледные, коптящие свечи, но всего их света не хватало для того, чтобы рассеять тяжелое чувство, вызываемое зловещим назначением этого покоя. В определенном смысле то была молельня, хотя здесь не имелось изображений божества и алтаря. Единственным предметом обстановки был стол — вернее, три длинных, отполированных до зеркального блеска. На одном из них стояли запечатанные бутылки, содержимое которых слабо булькало или светилось призрачным светом, и сосуды

со скверно пахнувшими порошками — орудия ее искусства, которому она обучалась самостоятельно. На втором лежали амулеты и талисманы. В некоторых скрывалась страшная сила. Она хоть и чувствовала это, но не могла заставить ее служить себе. Но Аль-Киир позаботится о том, чтобы это случилось.

Она спешила к третьему столу, потому что на нем находились фрагменты свитков и рваные пергаментные листы из рукописей, которые она с большим трудом собирала годами. Они хранили страшное знание о чародейских силах, которые мир стремился позабыть, — волшебные силы, и они дадут в ее руки власть. Она торопливо перелистала их, не слишком заботясь о том, чтобы не повредить этим древние страницы. Наконец она нашла то, что искала, и с трудом прочла слова, написанные на языке, мертвом вот уже тысячелетие. Может быть, она была последним человеком, владеющим этим языком, потому что тот мудрец, что обучил ее этому, уже мертв. Она задушила его его собственной бородой, а для полной уверенности убила его жену и детей. Смерть сохраняет тайны лучше, чем любое золото.

Ее темные глаза загорелись, и она еще раз перечитала найденные строки.

«Так взываю к великому богу, так молю его, так воздвигаю перед его изображением мост между мирами, подобный огненному свету, дабы указать ему путь к тебе».

Она полагала, что под «мостом» подразумевается жрица, и поэтому сама стояла перед изображением Аль-Киира. Но то, что покоилось под горой, не было фигурой в полный рост. Это было поясное изображение божества. Следовательно, во время ритуала перед жрицей должна стоять полная фигура. Полная! Бронзовая статуэтка! Так должно быть! Ее переполняла чудовищная радость, когда она выскочила из комнаты.

В коридоре служанка зажгла огонь в серебряной лампе, свисающей с потолка. В руках у нее была чаша с углями и лучина, но тем не менее она поспешно упала на пол перед своей госпожой.

Синэлла даже не подозревала о том, сколько времени прошло. Над городом уже опускались сумерки, и драгоценное время уходило, пока она изучала листы.

— Найти лорда Тараменона! — приказала она. — Он должен был уже прийти в мою гардеробную. Беги, девчонка!

Служанка помчалась так быстро, как только могла, потому что недовольство леди Синэллы могло повлечь за собой такое наказание, о котором лучше и не думать.

Было бы бесполезно спрашивать, почему молодой лорд приятной наружности остановился в ее загородном доме. Тараменон хотел стать королем. Идиотское желание для того, кто был, во-первых, не королевского рода, а во-вторых, не располагал деньгами; желание, которое он полагал скрыть от нее. Конечно, он был лучшим фехтовальщиком в Офире — она позаботилась о том, чтобы самые искусные бойцы на мечях были к ней привязаны, — но это не идет в счет, когда на карту ставится трон. Он помогал Синэлле в ее стараниях оживить бога и в темноте своей воображал, будто она не сможет править, не имея супруга. Обладающий завышенной самооценкой лорд считал, что этим супругом будет он, — и таким образом он окажется на престоле. Она не делала ничего, чтобы лишить его этого счастливого заблуждения. Пусть пока!

Четыре камеристки, стройные золотоволосые девушки; специально подобранные по внешности, одетые в полупрозрачные шелка, лишь на мгновение застыли в низких поклонах и тут же снова быстро принялись за работу, когда Синэлла вошла в гардеробную. Это были сестры знатного коринфийского рода, и к тому же погодки, родившиеся друг за другом. Синэлла сама сломила их гордость и вымуштровала их. Теперь они преданно и молча проследовали за ней через комнату и раздели ее, не мешая ей идти вперед. Обнаженная и еще более соблазнительная, чем в дорогих шелках и сатине, с длинными ногами и полной грудью, Синэлла позволяла им служить себе. Одна держала зеркало в раме из слоновой кости перед ее лицом, в то время как вторая красила ее губы и веки тонкой кисточкой из волос дикого зверя. Две остальные осторожно обтирали ее прохладными влажными платками и смазывали изысканными ароматными маслами из Вендии. Капля такого масла стоила золотой.

В вестибюле слышались тяжелые мужские шаги. Одна из служанок поспешно взяла пеньюар из багряного бархата. Синэлла протянула руки, чтобы девушка могла ее одеть, и в этот момент шаги прозвучали перед самой дверью.

Тараменон произвольно затаил дыхание при мимолетном, но невероятно волнующем видении этих дух захватывающих окружностей, которые слишком быстро исчезли под бархатом. Сам он был высокого роста, с широкими плечами, орлиным носом и глубокими карими глазами, которые растопили уже немало женских сердец. Синэлла радовалась тому, что он пренебрег современной модой и не отпустил себе бородку. Но, к своему удивлению, эту радость она скрывала.

— Теперь ступайте! — приказала она, туго затягивая на талии атласный пояс. Четыре девушки покорно покинули помещение.

— Синэлла! — прошептал Тараменон сдавленным голосом, когда они остались одни, и подошел к ней, как будто хотел взять ее на руки.

Она подняла ладонь и отстранилась. Для этого не время, как бы это ни было соблазнительно. И в то же время она не собиралась подавлять его желание. Да и свое тоже. Ее познания убеждали ее в том, что она может добиться силы, если позволит мужчине взять ее во имя Аль-Кири, но планы Тараменона были ей известны. И она слишком часто видела, как гордые, полные чувства собственного достоинства женщины отдавались мужчинам и теряли свою гордость. Нет, это не для нее — ждать, затаив дыхание, шагов возлюбленного, радоваться его улыбке и плакать при виде его мрачного лица, поспешно выполнять любые его желания, будто она рабыня. Нет, такой опасности она подвергать себя не собирается. Она никогда не будет принадлежать мужчине.

— Пусть два лучших фехтовальщика найдут Галбро и следят за ним. Он ищет бронзовую статуэтку Аль-Кири в локоть высотой. Она слишком важна для того, чтобы доверять ее сохранность вору. Как только он найдет ее, они должны ее забрать и немедленно доставить ко мне. Ты вообще слушаешь меня, Тараменон?

— Я слушаю, — ответил он сипло, с едва заметной ноткой раздражения в голосе. — Когда ты велела

позвать меня в этот час в свою гардеробную, я подумал, что на уме у тебя что-нибудь еще, кроме проклятой статуи.

Насмешливая улыбка заиграла на ее полных губах. Она подошла к нему вплотную, так что ее груди коснулись его груди.

— Для этого у нас будет много времени, когда мы захватим трон, — заверила она его нежнейшим голосом. Ее тонкие пальцы водили по его губам. — Все время мира будет наше...

Он хотел схватить ее, но она сделала вид, что не замечает, и отошла в сторону.

— Сначала трон, Тараменон. Это бронзовая фигурка, которую ты проклинаешь, непременно нужна нам, если мы хотим победить. Отправляй своих людей прямо сейчас!

Целый букет разнообразных чувств расцвел на его лице, и снова она подумала о том, как все-таки легко читать мысли мужчин. Он без сомнения, вообразил, что «на его лице не дрогнул ни один мускул», но она знала, что это заблуждение он разделяет со множеством других мужчин и к тому же думает о том, какова будет расплата, когда она все-таки будет принадлежать ему.

— Я тотчас позабочусь об этом, Синэлла, — заверил он.

Когда он вышел, она победно улыбнулась. Скоро она будет располагать чудовищной властью. Потом она рассмеялась. Ей одной, совсем одной будет принадлежать эта неограниченная власть!

Глава пятая

Ночные улицы Ианты были темны и пустыжны, но какая-то тень двигалась неподалеку от дворца Тимеона. Закутанная в плащ фигура прижалась к богато украшенным мраморным стенам, и холодные зеленые глаза, слегка косящие, рассматривали часовых, ходивших между мощных каннелированных колонн. Эти часовые не помеха ей, но не вспомнит ли тот, кто спит во дворце, уловки той поры, когда он сам был вором?

Фигура отбросила плащ с капюшоном и оказалась женщиной. Узкая полоса ткани скрывала ее грудь; кожаные досыны и мягкие красные сапоги — больше на ней ничего не было. Лунный свет мерцал на ее пылающих рыжих волосах, перевязанных на лбу красивой лентой. Она быстро сняла с талии пояс и повесила его себе на шею, так что кривая туранская сабля оказалась у женщины на спине. Потом проверила кожаную сумку, висевшую у нее на боку. Точечные пальцы осторожно ощупали высеченный на мраморе узор; а затем женщина полезла наверх, ловко, как обезьяна.

Под карнизом плоской крыши она остановилась. Сапоги хрустели по кровельной черепице — значит, он ничего не забыл. Но несмотря на добрую славу Вольного Отряда, заработанную им в этой стране, речь шла все-таки всего лишь о солдатах. Те, на крыше, ходили размеренными кругами, как часовые в лагере. Тяжелые шаги приближались, приближались — и удалялись.

Гибко, как пантера, вскочила она на крышу и скользнула в тень между добрыми тремя дюжинами дымовых труб. Лежа на животе, она смотрела через противоположный край крыши в сад, лежавший внизу и окружавший дворец. Потом взгляд ее метнулся к окнам, расположенным прямо под ней, пока она не нашла окна его спальни. Там было темно. Стало быть, он спит. Она сильно подозревала, что он там развлекается с какой-нибудь не в меру услужливой девицей — одной из бесконечного ряда. Это была одна из тех вещей, что она вспоминала с большой охотой: его страсть к женщинам и женщин — к нему.

Было совсем нетрудно узнать все в подробностях, не понадобилось даже никого подкупать. Она просто притворилась служанкой — для всех была уже давно привычной мысль о том, что служанки такой наружности быстро попадают в хозяйскую постель, — и она мгновенно завоевала доверие девушек из дворца барона Тимеона, которые ходили на рынок за покупками. Они с готовностью рассказывали ей о богатом доме, где они служили; об их жирном хозяине и его постоянно меняющихся куртизанках; о наемниках, которых он содержит, чтобы они охраняли его. Да о них

девушки рассказывали охотнее всего, при этом хихикая и подталкивая друг друга. Судя по всему, довольно часто случалось так, что то одна, то другая возвращались из конюшни с соломой на платье, а то кого-нибудь ловили в укромном уголке...

Она была уверена в том, что в саду имелись часовые, но это ее не интересовало. Она вытащила из кожаной сумки веревку витого черного шелка, на одном конце которой был привязан крюк с несколькими зубцами. Его она укрепила, зацепив за украшение на карнизе, и отпустила веревку в темноту. Шнур был как раз такой длины, чтобы она могла добраться до нужных ей окон.

Она ловко спустилась по веревке вниз и вот уже она стоит в комнате. Здесь было темно, как в седьмой преисподней Зандру. Она взяла в руку кинжал — и замерла, как парализованная. Что, если она перепутала окна? Она не хотела ошибиться и убить не того! Она должна быть уверена!

Беззвучно выругавшись, она пошарила в темноте в поисках стола, лампы — и наткнулась на угли и лучины. Она дула на угли, пока они слабо не засветились, и сунула лучину в стоявшую рядом лампу. Вспыхнул свет, и она испуганно затаила дыхание, когда увидела, что еще стоит на столе. На нее глазел отвратительный рогатый уродец. С облегчением она убедилась в том, что это всего-навсего рогатая фигурка из бронзы, но в глубине души она затаила злобу на это существо, потому что ее инстинкт подсказал ей: оно враждебно женщинам. Мог ли человек, которого она искала, так измениться, чтобы держать в своей комнате подобных монстров? Человек, которого она искала!

Со стучащим сердцем, с кинжалом в руке, она обернулась. Он еще спал, молодой великан, вытянувшись на кровати во весь рост. Конан из Киммерии! Тихими шагами она подошла ближе. Ее глаза схватывали каждую деталь, резкие черты лица, широкие плечи, сильные руки, которые когда-то ее...

Все! Она оборвала воспоминания. Что он сделал с ней, этот человек? Она жила в степях Заморы и Турана, вольная, как сокол, пока не появился Конан. Из-за него пришел конец ее разбойничьей банде. Его

идиотская мужская честь и глупая клятва, которую она вырвала у него в минуту гнева, — вот причина тому, что она была продана в рабство и оказалась в султанapurском гареме. Всякий раз, когда на нее обрушивался удар кнута, всякий раз, когда ее заставляли обнаженной танцевать для тучного купца, ее хозяйина, и его гостей, она снова и снова клялась отомстить Конану.

Ей наконец удалось бежать и скрыться в Немедии, где она быстро сделалась королевой местных контрабандистов. И там она снова встала поперек ее пути. Она погрузила на мулов свое с таким трудом добытое добро и снова вынуждена была бежать.

Тогда она сама прогнала его — но не воспоминания о нем. Воспоминания о том жаре, который он зажег в ней и раздул в полыхающий костер, испепеливший ее, истощивший ее душу, как полная трубка наркотика истощает того, кто курит ее. Это воспоминание преследовало ее, оно швырнуло ее в водоворот беспутства, в такой разврат и излишества, которые поставили бы на уши даже терпимый к таким делам аквилонский двор. Только когда все ее золото было истрачено, она снова обрела личную свободу. Она начала вести свою прежнюю жизнь, как ей нравилось, и перебивалась кое-как, кормясь от своей острой сабли и не менее острого ума. Так она пришла в новую для себя страну, в Офир, где намеревалась собрать вокруг себя новую орду бандитов.

Сколько месяцев прошло с тех пор, как она впервые услышала о рослом человеке с севера, о его отряде вольных наемников, который стал ужасом для тех, кто бывал вынужден сражаться с ним? Как долго она выясняла, не тот ли это человек, что постоянно ввергал ее во все более скверные неприятности? И вот теперь она знала, что снова находится в одной стране с ним. Но в этот раз она не побежит. Наконец-то она будет свободна от него. Непроизвольно всхлипнув, она подняла кинжал и резко опустила его.

Станный шум нарушил сон Конана — всхлипывание женщины, подумал он удивленно — и вырвал его из объятий Морфея. Он как раз увидел возле

своей кровати фигурку, падающий с высоты кинжал и успел откатиться в сторону.

Кинжал воткнулся в перину, там, где только что была его грудь, и сила этого удара бросила нападающего к нему. Он тут же схватил разбойника — даже сонный, Конан ощутил нежную кожу бандита — и отшвырнул его через всю комнату. В тот же миг он спрыгнул с кровати, схватил обмотанную ремнями рукоять своего меча и отбросил ножны. И только тут он впервые увидел убийцу как следует.

— Карела! — вскричал он удивленно.

Рыжеволосая красавица осторожно поднялась с пола у стены и зашипела ему в лицо:

— Да! Пусть Деркэто вырвет твои глаза! Если б она заставила тебя спать еще мгновение!

Он посмотрел на кинжал, торчащий в перине, и поднял брови. Но он сказал просто:

— А я думал, ты живешь в Аквилонии как светская дама.

— Я не дама! — фыркнула она. — Я женщина! И я достаточно женщина для того, чтобы покончить с тобой раз и навсегда!

Она протянула руку к плечу и внезапно набросилась на него, заноса трехфутовый острый, как нож, кривой клинок.

Злость полыхнула в глазах Конана, когда он встретил мечом этот удар. Лицо Карелы исказилось от страха, она недоверчиво приоткрыла рот, потому что сабля чуть не выпала из ее руки. Она отклонилась на шаг назад и только этим сумела избежать удара, который обрушил на нее его сверкающий меч. Он не теснил ее назад, но всякий раз, когда она отступала, делал шаг следом за ней. При такой быстроте его ударов ей не оставалось ничего иного, как только отходить. Она хрипела, отчаянно пыталась перейти в наступление, но для этого у нее не было возможности. Демонстрируя полное презрение, он метил только в ее клинок, но при этом заботился о том, чтобы каждый удар сотрясал ее. Холодная усмешка на его лице и полнейшее спокойствие, с которым он дрался, жалили ее куда сильнее, чем любая рана.

— Чтоб Деркэто лишила тебя мужской силы, ты покрытый мышцами варвар! — взывала она.

Кривая сабля пролетела по воздуху и упала с лязгом и дребезжанием. На мгновение Карела застыла, но потом наклонилась поднять клинок.

Конан отбросил в сторону свой широкий меч. Когда она приготовилась к прыжку, он схватил ее. Ткань, которой она перевязывала грудь, лопнула по всей длине, пока они боролись, и теперь ее грудь была почти обнажена. Конан быстро сорвал с нее ткань и связал Кареле руки. Он поймал дику, разрывающуюся от злости кошку, однако, как он установил, довольно-таки соблазнительную кошку с прелестным бюстом.

— Трус, — рычала она, — отродье вонючей козы! Сражайся со мной клинок против клинка, я сделаю из тебя каплуна! Но ты и есть каплун.

Он без труда отнес ее к своей кровати, уселся и уложил ее себе на колени, не обращая внимания на ее отчаянные попытки вырваться.

— Нет! — проскрежетала она. — Не это! Киммериец, я вырву твое сердце! Я отрежу тебе...

Ее бессильные угрозы завершились пронзительным воплем, когда он звонко шлепнул ее своей ручищей по мягкому месту.

По тяжелой деревянной двери забарабанил кулак, и из коридора донесся голос Махаона:

— Что там у тебя, к черту, творится, Конан?

— Ничего опасного для жизни, — отвечивал Конан. — Я тут воспитываю одну очень неговорящую шлюху.

При этих словах Карела бешено забила в его руках, но при железной хватке Конана это было бесполезно.

— Отпусти меня, киммериец! — пыхтела она. — Или я подвешу тебя голыми пятками над медленным огнем, пока ты весь не прокоптишься. Отпусти же! О, чтоб Деркэто забрала твою мужскую силу!

Конан ответил ей следующим шлепком и, как следствие, раздался новый вопль.

— Ты хотела убить меня! — Каждое слово он для большей убедительности сопровождал увесистым ударом. — С первого же дня, как я тебя увидел, тебе нельзя было доверять. В Шадиаре ты оставила меня

без единого слова предупреждения о том, что на меня вот-вот нападут!

Невнятные проклятия Карелы стали еще менее разборчивы. Она в ярости вырывалась и дергалась, но Конан не прекращал ее бить.

— В горах Кецанкиана ты предала меня и перешла на сторону чародея. Там я спас тебе жизнь, однако в Немедии ты подкупила стражников. Ты заплатила им золотом, чтобы они пытали меня. Почему? Почему ты хочешь всадить мне в сердце кинжал, пока я сплю? Что я тебе такого сделал? Есть ли в твоей душе место чему-либо, кроме коварства?

В ее воплях неохотно и невнятно прозвучала мольба, разом охладив его ярость. Он опустил руку, занесенную для удара. Карела умоляет? Что бы она ни сделала и что бы она ни пыталась сделать, это уже неважно. Еще меньше, чем убивать, он хотел ломать ее гордость. Конан столкнул ее на пол, и она сильно ударилась коленями.

С лицом, залитым слезами, всхлипывая, Карела осторожно провела рукой по больному месту. И тут же, словно впервые вспомнив о присутствии Конана, поспешно отдернула руку. Влажные зеленые глаза засверкали.

— Чтоб Деркэто вырвала твои глаза, киммериец! — Голос ее звучал еще не совсем твердо. — Чтоб Эрлик забрал к себе твою душу! Ни один человек, оскорбивший меня, не остался после этого в живых! И никто со мной не обращался так, как ты!

— И никто, — спокойно возразил он, — ни мужчина, ни женщина не отвечали на мою дружбу таким вероломством. И я все еще не готов возненавидеть тебя. И что же? Ты еще никогда не опускалась до убийства исподтишка, Карела. Ты хотела зарезать меня из-за золота? Ты всегда любила золото больше всего на свете.

— Не из-за денег. Из-за меня! — фыркнула она, ударяя себя по бедру кулаком. Она покусала губы и понизила голос до еле слышного шепота. — Одно твое присутствие — и мои мускулы слабеют, превращаются в студень. Куда исчезает моя воля, когда ты

смотришь на меня?... Могу ли я не желать твоей смерти?

Конан удивленно покачал головой. Он никогда не понимал женщин и меньше всего эту дикарку. Снова и снова он убеждался в том, что мужчин и женщин лепили разные боги.

Пока она беспомощно стояла перед ним, обнаженная до пояса, в Конане росло, заглушая удивление, другое чувство. Она была женщина с чудесной фигурой, удивительно нежная и в то же время крепкая. Ей всегда удавалось разбудить в нем желание, и часто она пыталась использовать это и подчинить его себе. Неожиданно ему пришло в голову, что нет никакой нужды так спешно допрашивать ее, что она делает в Офире. Он ласково привлек ее к своим коленям.

Ясные зеленые глаза поднялись к нему, и они все еще были строптивы.

— Что ты делаешь? — спросила она нерешительно.

Он сорвал с нее полоску ткани, которой связал ей руки, и отбросил в сторону. Она прикусила нижнюю губу своими мелкими белыми зубами и тряхнула головой.

— Нет, — беззвучно шепнула она. — Я не хочу! Нет! Пожалуйста, нет!

Он легко поднял ее на кровать и стянул с Карелы сапоги.

— Я тебя ненавижу, Конан! — Но ее голос звучал для подобного заявления до странного умоляюще. — Я пришла сюда убить тебя! Разве тебе не ясно?

Он вытащил кинжал из перины и, держа его двумя пальцами, поднес к ее лицу.

— Ну так бери, если ты действительно хочешь, чтобы я умер!

Несколько мгновений он смотрел ей в глаза. Вздвигнув, она отвернулась. Конан улыбнулся. Он равнодушно выронил кинжал на пол и попытался хоть немного заглушить ее вопли, которые уже не имели ни малейшего отношения к боли.

Солнечные лучи, проникшие в комнату через окно, разбудили Конана. Он раскрыл глаза и увидел кинжал Карелы, который снова торчал в перине, всаженный по самую рукоятку. На этот раз на клинок был наколот кусочек пергамента. Самой Карелы нигде не было видно.

— Чертова девка! — выругался он и сорвал пергамент, исписанный твердыми буквами.

«Еще одно оскорбление прибавилось к прочим, киммериец! В следующий раз ты умрешь. Я не хочу и думать о том, чтобы бежать из-за тебя в другую страну. Клянусь грудями Деркэто, я этого не сделаю!»

Нахмурившись, он разорвал записку. На эту женщину было похоже — исчезнуть, прежде чем он проснется, и осыпать его проклятиями, вместо того чтобы дать ответ на его вопросы. Он-то думал, что с ее угрозами покончено. Во всяком случае, от этой ночи она получила такое же удовольствие, как и он, в этом Конан был уверен.

Он быстро оделся и спустился в главный корпус дворца. Он еще не застегнул пояса, когда вошел в длинный зал, расположенный возле кухни, которую Тимеон предоставил его отряду и где как раз завтракали наемники. Простые, но сытные блюда, что готовил Фабио, оскорбляют дворцовых поваров, заявил барон. Примерно тридцать солдат без доспехов, но с оружием сидели за простыми столами, которые они разыскали в хлеву среди старого хлама.

Махаон и Нарус сидели за одним столом с кружками пива в руках и деревянным блюдом с обильной трапезой перед носом. Они видели, как Конан вошел в зал.

— Эй, киммериец, — громко крикнул Махаон. — Ну, как прошла ночка с этой непокорной девчонкой?

Грянувший хохот яснее слов говорил о том, что Махаон не преминул сделать эту историю достоянием общности.

Неужели этот проклятый идиот никогда не научится держать язык за зубами? Об этом Конан подумал со злостью, но сказал лишь:

— Удвой охрану на крыше, Махаон, и позаботься о том, чтобы люди, по крайней мере, держали глаза и уши открытыми. Если дело и дальше пойдет, как шло до сих пор, то в один прекрасный день они обнаружат на крыше толпу девственниц из храма.

Нарус уже приготовился рассмеяться, но, скроив удивленно-мрачную мину, посмотрел на Конана, когда тот опустился на лавку против него.

— Девка-то была немного строптивой, а? Это всегда так с бабами. Меньше всего ты им нравишься, когда сходишь по ним с ума.

— Тебе пришлось ее высечь? — крикнул Таурианус с оттенком зависти, скрытой под личиной насмешки. — Я уж думал, что от ее воплей крыша рухнет.

— Завтрак! — рявкнул Конан. — Я что, по-вашему, должен подохнуть тут с голоду?

— А на кухне появился лакомый кусочек. Я бы так его и проглотил, целиком, — сказал Махаон и подтолкнул Наруса, когда из кухни поспешно вышла Юлия, держа в руках блюдо с горячим завтраком, кружкой пива и краюхой хлеба.

С тех пор, как Конан видел ее в последний раз, она изменилась. Рыжевато-каштановые волосы она перевязала зеленой лентой, подняв их над лицом, которое теперь не было густо накрашено. На нем были заметны следы пота и копоты, имевшие своим происхождением атмосферу кухни. Ее длинное платье из мягкой белой шерсти, в равной степени заляпанное сажой и брызгами помоев, было бы весьма скромным, если бы оно не облегало ее столь плотно, обтягивая все прелестные очертания ее фигуры, что девушка невольно притягивала к себе взоры всех присутствующих.

— Ты должен поговорить с этим человеком, — сказала она, подавая Конану завтрак. Он посмотрел на нее вопросительно. Она жалобно показала рукой в сторону кухни. — Ну с этим человеком, с Фабио! Он угрожал мне... он говорил о розгах! Скажи ему, что я...

Конан поковырял ложкой в тарелке. Такое или что-нибудь в том же роде люди его отряда ели два раза в день — утром или вечером.

— Ты работаешь на кухне, — возразил он. — Это вотчина Фабио. Если бы какая-нибудь королева мыла у него котлы и делала бы это не совсем тщательно, то и она, без сомнения, отведала бы у него прута. Лучше скорее научись делать свою работу как следует, как он требует. Возмущенная Юлия пробормотала что-то нечленораздельное, и Махаон развеселился.

— Ты слишком задираешь нос, девочка, — хмыкнул ветеран со шрамами на лице. — Притом ты довольно упитанная для того, чтобы работать.

Он шипнул ее, как бы подтверждая свое заявление.

Вскрикнув, Юлия отскочила. Она схватила тарелку Конана и опорожнила ее, метя Махаону в голову. Нарус так хохотал, что подавился и принялся отчаянно кашлять.

— Дуреха! — проворчал Конан. — Я есть хочу! Принеси мне новую порцию и шевелись побыстрее!

— Сам принеси, — фыркнула в ответ Юлия, — или голодай, коли садишься за стол с такими, как этот.

Она резко повернулась и удалилась на кухню. Ошеломленный Махаон вылавливал из волос большие куски мяса и овощей.

— Я бы с огромным удовольствием сам выдрал эту девку! Воображает о себе невесть что...

— Будь немного терпеливей, — посоветовал ему Конан. — Скоро она всему научится, хочет она того или нет. Она привыкла к более комфортабельной жизни, чем та, которую она вынуждена была вести сейчас.

— Я ее быстро успокою, — сказал Махаон. — Но ставлю палец, что в конце концов она будет принадлежать тебе, киммериец.

Конан покачал головой.

— Она не будет принадлежать ни мне, ни тебе, если сама этого не захочет. В городе достаточно потаскушек, если ты уж так интересуешься бабами.

Оба собеседника Конана в изумлении уставились на него, но тем не менее кивнули, и он был этим удовлетворен. Они могут думать, что он хочет прибе-

речь эту девушку для себя, и удивляться, зачем делать из этого тайну, но в любом случае это удержит их от чрезмерных требований. Они наверняка расскажут о своих соображениях другим солдатам отряда, и это тоже удержит их на расстоянии от девчонки. Он спрашивал себя, почему бы ему и в самом деле не прибрать эту девушку к рукам? Вероятно, его решение как-то связано с Карелой. Ему было трудно думать о других женщинах, когда огненная рыжеволосая дикарка была так близко. При этом Карела приносила ему неприятностей в десять раз больше, чем Юлия могла бы только придумать. И Карела всегда пыталась действовать так, чтобы слово у нее не расходилось с делом. Если бы он не нашел способа остановить ее, она давно всадила бы ему нож в ребра. А еще хуже, что она мстительна, как стигиец. Было бы очень похоже на нее, если бы она уничтожила весь Вольный Отряд ради того, чтобы прикончить Конана — если только она найдет способ сделать это.

— До кого-нибудь из вас доходили слухи о разбойнице, орудующей в этих краях? — спросил он с деланным равнодушием.

— Мне нужно смыть эту дрянь с башки, — проворчал Махаон, вытаскивая кусок мяса из волос и отправляя его в рот. — Женщины не созданы для того, чтобы разбойничать. Я ни об одной такой не слышал.

— Я тоже, — вставил Нарус. — Женщины не годятся для рискованной жизни. Кроме, быть может, рыжей шлюхи, с которой мы столкнулись в Немедии. Она говорила, будто она разбойница. Но я, во всяком случае, еще никогда о ней не слышал. А эта красивая бабенка была тогда страшно оскорблена, что я ведать не ведаю о ее славе. Припоминаешь?

— Она не шлюха, — возразил Конан, — и если она услышит, как ты ее называешь, это может стоить тебе жизни.

Киммериец раскаялся в своих словах, едва только они сорвались с его губ.

— Стало быть, она здесь? — вскричал Махаон. — Как ее зовут-то?

— Карела, — ответил Нарус. — Терновый куст — настоящая перина по сравнению с ней.

Неожиданно Махаон засмеялся.

— Так это она была у тебя прошлой ночью! — Он передернул плечами в ответ на злобный взгляд Конана. — Во дворце, во всяком случае, нет такой женщины, которая сперва заслужила бы хорошей взбучки, а потом забралась бы к тебе в постель. Это она! Это должна быть она! Я не лег бы с ней под одно одеяло без доспехов и меча, и при этом неплохо бы, чтобы кто-нибудь с оружием прикрывал меня со спины.

— Да, это была она, — сознался киммериец и неохотно добавил: — Она хотела меня зарезать.

— Действительно, очень похоже на женщину, которую я вспоминаю, — сказал Нарус. — Судя по ее воплям, я решил, что ты обучаешь ее светским манерам.

— Вот бы ее и нашу Юлию засунуть в один мешок! — заржал Махаон.

По лицу Наруса от хохота катились слезы.

— Чтобы поглядеть, как они сцепятся, я выложил бы на бочку звонкую монету!

— Чтоб Эрлик забрал вас обоих! — выругался Конан. — Она представляет опасность большую, чем вы можете себе вообразить. Она считает, что у нее есть основания мстить мне, и она наделает отряду крупных неприятностей, если сумеет.

— Что может сделать нам женщина? — глубоко-мысленно изрек Нарус. — Ничего.

— Я бы не поставил на это утверждение свою жизнь, — возразил Конан. — Нет, если эту женщину зовут Карела. Я бы хотел, чтобы вы поискали ее в кабаках, притонах, публичных домах. Вполне возможно, что она изменила имя, но внешность свою она изменить не могла. Рыжеволосая разбойница с фигурой детской подружки богини Деркэто — такая не может остаться незамеченной. И скажите остальным, пусть будут настороже.

— Почему же прошлой ночью ты не проявлял такой готовности схватить ее? — спросил Махаон. — Пару шлепков по мягкому, а потом в постельку. Ладно, ладно... Он поднял ладонь, увидев, что Конан уже раскрывает рот, готовясь яростно возразить. — Ладно, я поищу в публичных домах. Во всяком случае,

у меня появится предлог проводить там больше времени.

— И не забудь про Дом Девушек-С-Медовыми-Глазами, — добавил Нарус.

Конан мрачно смотрел на них. Эти дураки не знают Карелу так, как знает ее он. Во имя спасения отряда он надеялся, что его люди осознают опасность, которая им угрожает, прежде чем будет слишком поздно. Только теперь он заметил, что все еще держит полную ложку в руке, и отправил ее в рот.

— Фабио опять охотился на лошадей, — проворчал он, жуя.

Нарус застыл с ложкой на полпути.

— Конина? — подавился он.

Махаон уставился на котелок с таким видом, словно ожидал, что тот сейчас подпрыгнет.

— Ну да, конина, — подтвердил Конан и бросил свою ложку на грубые доски стола.

Нарус рыгнул. Только когда киммериец вышел из зала, он позволил себе ухмылку. Мясо было, разумеется, говяжьим, во всяком случае судя по вкусу, но эти двое заслужили испорченного аппетита. Пусть теперь мучаются над вопросом, что подсунет им Фабио в очередной раз.

— Конан!

Юлия выбежала из той двери, в которую он как раз хотел войти, и упала ему на грудь. Ее пальцы нервно вцепились в белое платье. — Конан, ты не... я думала... Простой ночью... Я думала... — Она остановилась и глубоко вздохнула. — Конан, ты должен поговорить с Фабио. Он меня ударил. Ты только посмотри!

Повернувшись вполоборота, она приподняла платье, демонстрируя алебастрово-белое бедро. Конан увидел слабую красноватую полоску и скользнул взглядом к ее лицу. Она прикрыла глаза и беспокойно водила по губам кончиком языка.

— Да, я поговорю с ним, — произнес он серьезным тоном. Она тут же распахнула глаза, и ее лицо озарила улыбка. — Я обращаю его внимание на то, что бить нужно сильнее, если хочешь, чтобы наказание действительно произвело на служанку впечатление.

— Конан! — взвизгнула она и поспешно прикрыла

свою наготу, разглаживая светлую шерстяную ткань. Глаза ее стали жесткими, как сапфиры. — У тебя была в комнате женщина той... той ночью. Я... Я случайно проходила мимо и слышала.

Он улыбнулся, заметив, что она густо покраснела. Значит, подслушивала!

— И что тебя во всем этом касается? — спросил он. — Ты здесь для того, чтобы мыть посуду, помещивать супы в котлах и слушаться Фабио. А вовсе не для того, чтобы разгуливать по тем комнатам дворца, где тебе совершенно нечего делать.

— Но ты же поцеловал меня! — вскричала она. — И к а к ты меня поцеловал! Ты не имел права разбудить во мне все эти чувства и просто уйти. Я все-таки женщина, проклятье! Мне уже восемнадцать! Я не позволю бросать меня, как ненужную игрушку!

Во второй раз за эти несколько часов женщина заявляет ему о том, что она — женщина. Но какая разница между ними! Карела отважна, строптива, даже когда ее испепеляют страсти. Юлия, напротив, пуглива, как бы она ни старалась казаться искусственной. Карела отлично разбиралась как в мужчинах, так и в женщинах, имея в том изрядный опыт. Юлия вспыхнула от одного поцелуя. Карела знала, кто она и чего хочет. Юлия...

— Хочешь, пойдем со мной? — предложил он ласково. Он взял ее за подбородок и обратил к себе ее лицо. Посмотрев ему в глаза, она покраснела еще сильнее, но вырваться не пыталась. — Скажи «да» — и я сейчас же уведу тебя отсюда.

— Остальные... — шепнула она. — Они же обо всем догадаются.

— Забудь о них. Ты будешь такой, какой захочешь сама.

— Я не могу, Конан. — Она всхлинула, когда он выпустил ее, и прислонилась к нему, словно не в силах от него оторваться. — Я бы хотела сказать «да», но я боюсь. А ты разве не можешь... Я хочу сказать, разве ты не можешь... просто переспать со мной? Я знаю, так делают. Зачем ты хочешь взвалить всю тяжесть решения на меня? Я совсем не хочу этого.

Их разделяли всего четыре года, но в этот миг ему казалось, что они превратились в четыре столетия.

— Потому что ты не рабыня, Юлия. Ты говорила, что ты женщина. Но если ты женщина, значит, ты в состоянии сказать «да» или «нет». И ты должна знать, действительно ли ты хочешь того, о чем говоришь. А до тех пор... Нет, я сплю с женщинами, а не с перепуганными маленькими девочками.

— Проклятье Эрлика на тебя! — горько сказала она. И тут же погладила его по щеке. — Нет, это я несерьезно сказала. Ты так запутал меня. Когда ты меня поцеловал, ты разбудил во мне что-то такое, что мне захотелось стать женщиной. Поцелуй меня снова, чтобы я вспомнила об этом. Поцелуй меня, дай мне мужества, в котором я так нуждаюсь.

Конан протянул руку к ней.

В этот миг по коридорам пронесся дикий крик, в котором смешались ярость и боль. Он резко повернулся и сразу же схватился за рукоять своего меча. Крик раздался снова — из верхних комнат, в этом он был уверен.

— Тимеон! — пробормотал он, вытащил клинок и заорал: — Идемте! Вперед, псы! Это барон, он орет, как роженица! Торопитесь, черт побери!..

Слома голову носились рабы и слуги, они хрипели, визжали, вопили, размахивая руками. Солдаты отряда наемников бесцеремонно растолкали всех остальных по сторонам и бросились наверх. Нахлобучивались шлемы, сверкали клинки — наемники мчались за киммерийцем по мраморной лестнице, и все больше их присоединялось к Конану.

Двое часовых, которых Конан поставил в коридоре перед спальным покоем Тимеона, растерянно глядели на резную дверь. Конан бросился к ней, и они шаркнулись от него.

Тимеон лежал посреди пестрого иранистанского ковра. Он бился в судорогах, колотил по полу ногами и прижимал к горлу жирные руки. Голова его была запрокинута, и каждый раз, когда ему удавалось глотнуть воздуха, он испускал пронзительный вопль. Тивия, наложница барона, прижалась спиной к стене и пыталась скрыть свою наготу под плащом. Ее широко распахнутые темные глаза, полные отвращения, остановились на беспомощно корчащемся Тимеоне. Ря-

дом с ним лежал опрокинутый кубок, и вино постепенно пропитывало ковер.

— Зандровы преисподнии! — выругался Конан. Его взгляд упал на Махаона, который пробивался через толпу в коридоре. — Врача, Махаон, скорее! Тимеона отравили!

— На кухне торчит Борос, — сказал Махаон. Конан заколебался, и ветеран заметил это. — Дьявольщина, киммериец, полдня пройдет, прежде чем мы найдем дипломированного медика!

Судороги Тимеона ослабевали. Он больше не кричал и только хрипел.

— Ладно, тащи Бороса!

Махаон бросился бежать, и Конан снова повернулся к расprostертому на ковре барону. Как же это вышло, что его отравили? Ответ мог означать жизнь или смерть для всего отряда. И он должен найти этот ответ, прежде чем будет отдан приказ королевским палачам. Вальдрик может не иметь ни малейшего представления о том, что творится в его государстве, но смерть аристократа из числа своих придворных он без внимания не оставит.

— Нарус! — рявкнул Конан. Тощий солдат заглянул в спальный покой. — Запри дворец. Никто, даже посыльные, не должны покидать его без моего разрешения. Живо!

Когда Нарус убежал, Махаон приволок в спальню Бороса. Бывший ученик Чародея выглядел, по крайней мере, трезвым, с облегчением установил Конан.

— Он выпил яд, — сказал Конан.

Борос удостоил его таким взглядом, точно смотрел на неразумное дитя.

— Это я вижу, — буркнул он.

Ковыряясь в своем кисете, седобородый опустился на колени рядом с Тимеоном. Он вынул белый гладкий камень размером с мужской кулак, и маленький нож. С трудом ему удалось выпрямить руку барона. Он закатал на ней рукав и сделал глубокий надрез, прижимая к ране белый камень. Сквозь камень стали проступать черные жилы.

— Камень Безоара, — пояснил Борос. — Он высасывает яд. Вообще-то, это медицинский инструмент, но я тоже нахожу его весьма полезным. О да.

Он потерял свою окладистую бороду и склонился над камнем. Камень Безоара становился все чернее и чернее — сначала как сгоревшая лучина, потом как крыло ворона, потом еще чернее. Наконец, он рассыпался. В тот же миг остановилось дыхание Тимео-на — и жирный барон больше не шевелился.

— Он умер! — выдохнул Конан. — Я думал, твой камень освободит его от яда?

— Ты погляди на него! — взвыл Борос. — Теперь мой камень рассыпался! Яд, который он выпил, прикончил бы десятерых. Будь у меня целый мешок, набитый камнями Безоара, я и то не смог бы спасти барона!

— Значит, смерть, — подытожил Конан.

Испуганный ропот волной пробежал по коридору.

Конан сжал пальцы на рукояти меча. Большинство из своих пяти дюжин наемников он завербовал в Офире. Это были люди родом из разных стран, и в их верности он был убежден далеко не так сильно, как в преданности тех нескольких человек, что были с ним с самого начала. Конечно, все они прошли вместе с ним множество сражений — в конце концов, на кон поставлена жизнь — но если он немедленно не найдет убийцу, страх подвергнуться допросу под пыткой делает то, чего не смог добиться ни один враг: они разбегутся в разные стороны.

— Хочешь, я найду того, кто подсыпал яд? — спросил Борос.

Мгновение Конан смотрел на него, приоткрыв рот.

— Ты можешь это сделать? — спросил его Конан удивленно. — Разрази тебя Эрлик, достаточно ли ты трезвый для таких опытов? Если ты с твоим застарелым алкоголизмом сделаешь ошибку, я с тебя шкуру спущу.

— Я тверез, как жрец Митры, — заверил его Борос. — И даже трезвее, чем большинство из них. Эй ты, девочка, вино было отсюда?

Он указал на хрустальный графин, который стоял на столике возле кровати, наполовину полный рубиново-красным вином. Тивия открыла рот, но не произнесла ни звука. Борос потрянул головой.

— Ладно. Я больше ничего не вижу, так что вино

может быть только отсюда. — Он кряхтя поднялся и снова пошарил в своем кисете.

— Он действительно трезвый? — тихо спросил Конан у Махаона.

Ветеран нервно потрогал три тонких золотых кольца, качавшихся в его правом ухе.

— Надеюсь, что так. Фабио обычно радуется его обществу, но пить не дает.

Киммериец вздохнул. Чтобы избежать раскаленного пыточного железа, он вынужден доверять человеку, который по ошибке может привить им всем проказу.

Куском угля Борос нарисовал знак на крышке стола вокруг графина с вином. Он начал медленно петь, так тихо, что все остальные из находившихся в спальне почти не слышали его. Левой рукой он всыпал в графин порошок из пергаментного сверточка, одновременно выводя правой странные пассы в воздухе. В хрустальном сосуде засветилось что-то красное.

— Здесь! — Борос уронил руки. — Действительно, совсем просто. — Нахмутив лоб, он уставился на графин. — Киммериец, отравитель совсем близко. — Я вижу это по свечению.

— Кром! — пробормотал Конан.

Люди, ломившиеся в двери, отхлынули назад, в коридор.

— Чем ближе к вину убийца, тем сильнее оно светится, — пояснил Борос.

— Давай дальше! — приказал Конан.

Борос схватил графин и поднес его вплотную к Махаону. Свечение ярче не стало. Он пошел, держа сосуд, к двери и протянул его по направлению к стоящим там людям. Свечение побледнело. Неожиданно волшебник-недоучка прижал наполненный вином сосуд к груди Наруса. Тощий солдат испуганно шарахнулся. Свечение не изменило своей окраски.

— Какая жалость, — пробурчал Борос. — Ты выглядишь как раз так, как должен выглядеть убийца. Стало быть, остается только...

Все взгляды обратились к Тивии, которая все еще прижималась спиной к стене. Она посмотрела на мужчин с отвращением, потом резко тряхнула головой, однако продолжала молчать. Борос шагнул к ней, держа графин в вытянутых руках. С каждым шагом

огонь разгорался все ярче, пока, наконец, не стало казаться, что графин охвачен оранжевым пламенем.

Тивия отвела взгляд от светящегося сосуда.

— Нет! — закричала она. — Это какой-то трюк. Кто бы ни подсыпал яд в вино, он должен быть сведущ в чародействе.

— А, стало быть, не только отравитель, но еще и колдун? — сказал Борос почти ласково.

С диким проклятьем Конан прошел через комнату.

— Правду, девушка! Кто заплатил тебе?

Она качнула головой.

— Я против того, чтобы подвергать женщин пыткам, — продолжал он. — Но возможно, Борос найдет какое-нибудь заклинание, которое вырвет у тебя правду.

— Хм. Мне нужно подумать, — проворчал старик. — Да, думаю, что как раз кое-что подходящее имеется. Возраст! Чем больше времени тебе потребуется для того, чтобы рассказать все как было, тем старше ты будешь становиться. Я должен предупредить, что это действует быстро, дитя мое. Я бы на твоём месте сказал бы все сразу, иначе легко может статься, что ты покинешь эту комнату сморщенной старухой.

Глаза Тивии перебежали с ужасного киммерийца на старика, имевшего такую добродушную внешность и тем не менее мучившего ее страшной угрозой.

— Я не знаю его имени, — прошептала она, сжимаясь. — Он был в маске. Он дал мне пятьдесят золотых и порошок. Пятьдесят остальных я должна получить после смерти Тимеона. Больше я сказать не могу.

Всклиывая, она скользнула на пол.

— Что бы вы со мной ни сделали, я больше ничего не знаю.

— И что нам с ней делать? — спросил Махаон. — Передать ее правосудию?

— Ей отрубят голову за убийство аристократа, — сказал Нарус. — Жалко. Она слишком хорошенькая, чтобы умереть, да и прикончить такого болвана, как Тимеон, — это почти не преступление.

— Нам невыгодно отдавать ее судейским крючкотворам, — сказал Конан.

Ему хотелось бы продолжать разговор наедине с Махаоном и Нарусом, но дверь была открыта, и большая часть отряда толкалась в коридоре. Если он сейчас закроет дверь, останется, наверное, не больше дюжины. Он глубоко вздохнул.

— Из-за убийства мы потеряли нанимателя. В обычном случае это означало бы конец Вольного Отряда. — Невнятное бормотание в коридоре стало громче. Он повысил голос почти до крика. — В обычном случае, я сказал. Но Тимеон поддерживал графа Антимидеса, который рвется унаследовать трон Вальдрика. Возможно, мы сможем поступить на службу к нему, если предадим ему убийцу.

По крайней мере это шанс, подумал он. За одно это Антимидес может присмотреть для них работу.

— Антимидес? — В голосе Махаона звучало сомнение. — Киммериец, говорят, что он — один из немногих аристократов, кто не имеет видов на трон Вальдрика!

Из коридора донеслось согласное гудение.

— Когда Тимеон напивался, он много болтал, — возразил Конан. — Он говорил о хитрости Антимидеса, которая всех обманывает, и о том, что он сам станет одним из могущественнейших людей Офира, когда Антимидес сядет на трон.

— Похоже на то. — Махаон кивнул. — Но возьмет ли нас Антимидес к себе на службу? Если он делает вид, что стоит в стороне от драки за власть, то Вольный Отряд может вызвать подозрение относительно его истинных намерений.

— Он нас возьмет, — сказал Конан с уверенностью большей, чем он испытывал на самом деле. — Или использует нас каким-либо иным способом. В этом я могу поклясться.

И кроме того, подумал он, это единственный выход, который нам остается.

— Это колдовство с постарением, — неожиданно сообразил Нарус. — Мне кажется, довольно странный вид чародейства, даже для таких странных людей, как наш волшебник. Где ты научился этому, Борос?

— Сыр во всем виноват, — ответил Борос, хихикнув. — В молодости я с ума сходил по хорошо выдержанному сыру. И так я изобрел колдовство превра-

щать свежий сыр в старый. Поскольку я транжирил на эти глупости свое время, мой хозяин здорово выдрал меня. Ну, чтобы быть честным до конца, скажу, что сильно сомневаюсь, может ли это колдовство вообще иметь какое-либо влияние на людей.

— Ты обманул меня! — проскрежетала Тивия. — Сын шелудивой суки!

Скрючив пальцы, она набросилась на бородача. Конан схватил ее за руки, но она пыталась добратся до старика, смотревшего недоуменно.

— Я выцарапаю тебе глаза, позорный аферист! Поганое отродье навозного жука! Я тебе с корнем вырву то, чем гордятся кобели! Твоя мать была спившейся потаскухой! Твой отец — вонючий карла!

— Дайте мне веревку, чтобы я мог связать ей руки, — попросил Конан. — И кляп, — добавил он, подумав.

Ее брань была настолько грязной и непристойной, что Махаон слушал ее с огромным интересом. Киммериец яростно сверкнул глазами Нарусу, чтобы тот поторопился принести все требуемое. Ему еще только недоставало теперь тащить по улицам упирающуюся и бранящуюся девицу. Нарус вскоре вернулся с полосами ткани. Бормоча себе под нос, Конан связал отчаянно сопротивляющуюся пленницу.

Глава седьмая

Торопливо пробираясь по улицам Ианты, Конан почти не притягивал к себе любопытных взглядов, несмотря на то, что на плечах у него лежала закутанная в плащ извивающаяся женщина — или, может быть, как раз она и была причиной, по которой встречные отводили глаза. На улицах столицы, где царили страх и озлобленность, никто не хотел вмешиваться в нечто такое, что могло иметь отношение к событиям в стране. Они не увидели бы похищения или убийства, совершенного у них на глазах. Кем бы ни был молодой великан и какова бы ни была причина тащить женщину, точно куль с мукой, никто не хотел знать этого, потому что весьма опасно проявлять даже простое любопытство. Поэтому

киммерийца с его ношей никто не удостоил более или менее пристального взгляда.

Он почти уже добрался до дворца Антимидеса. С помощью небольших расходов — ибо величавый привратник был в своем роде не менее горд, чем аристократ, и не намеревался давать какие-либо разъяснения чужеземцу, тем более варвару, — он узнал, что граф живет сейчас в королевском дворце. Король Вальдрик охотно беседовал с Антимидесом и утверждал, что это самая лучшая медицина, чем все его медики и чародеи вместе взятые. Лорд Антимидес проживет в королевском дворце еще несколько дней. Это было просто удивительно, каким разговорчивым вдруг сделался гофмейстер, когда могучая лапища схватила его за шиворот, так что его шелковые туфли закачались над полом.

Королевский дворец более напоминал крепость, чем изящное строение из мрамора и алебаstra, вроде тех, что возводили для себя в городе аристократы. Неслучайно король жил под укрытием толстых гранитных стен, в то время как его придворные проводили дни в палатце, созданных для роскоши и наслаждений, но не для защиты. Слишком часто на офирском троне сидели короли, которым время от времени приходилось защищаться даже от своих собственных придворных. Поскольку же последние не имели в Ианте личных замков, им не оставалось ничего иного, как бежать из города и тем самым оставлять его во власти короля. А вследствие того, что Ианта была тем ключом, который запирал путь к короне... Все это означало одно: тот кто владел королевским дворцом, владел Офиром.

Стражники, стоявшие у высоких башенных ворот дворца, посмотрели на Конана недовольно. Толстощекий сержант, под подбородком которого тряслась остроконечная борода, бывшая в моде среди аристократов, поднял руку, приказывая ему остановиться.

— Да что же это? — спросил он, озадаченный. — Теперь вы, наемники, тащите сюда своих перепившихся шлюх? — Ухмыляясь, он бросил через плечо взгляд на своих людей, вооруженных пиками. — Убирайся! Королевский дворец — неподходящее место для оргий. А если вам приходится связывать баб, чтобы они от

вас не удрали, так сделайте это по крайней мере не на глазах у офирских солдат, иначе нам придется вмешаться.

— Эта девушка — подарок графу Антимидесу, — заявил Конан, постаравшись изобразить подмигивание заговорщика. — Прелестная игрушка, посылка от моего нанимателя. Возможно, он хотел таким образом заручиться милостями графа.

Тивия дергалась так сильно, как только могла, и нечленораздельные звуки донеслись сквозь кляп.

— Кажется, ей это все не слишком-то нравится, — усмехнулся сержант.

Конан ответил ему улыбкой.

— Готов поспорить, что лорд Антимидес захочет иметь с ней дело, понравится ей это или не понравится.

— Вот уж точно. Подожди-ка здесь.

Сержант исчез за воротами. Живот его колыхался от смеха. Вскоре он возвратился вместе с худым человеком, в волосах которого мелькала седина и который был облачен в мундир цветов Антимидеса — зелено-золотой.

Худой человек смерил огромного киммерийца высокомерным взглядом.

— Я Людовик, — сказал он резко, — камердинер графа Антимидеса. Вы хотите говорить с графом? Кто вы?

На ношу Конана он не обращал внимания.

— Я Конан из Киммерии, капитан Вольного Отряда на службе барона Тимеона.

Людовик задумчиво провел пальцем по бороде, затем его взор скользнул по извивающейся связанной пленнице, лежавшей на плечах киммерийца, и он кивнул.

— Следуйте за мной, — распорядился он. — Может быть, граф найдет возможность уделить вам несколько минут.

Конан помрачнел. От всей этой придворной обходительности у него сводило желудок. Он безмолвно последовал за камердинером во дворец.

Снаружи резиденция короля производила впечатление настоящей крепости; внутри же она поражала роскошью. Сверкающие белые мраморные стены, пест-

рые мозаичные полы, каннелированные алебастровые колонны; золотые лампы, свисавшие с высоких потолков, расписанных картинами на темы славной офирской истории; сады, окруженные крытыми галереями, полные редкостных цветов, привезенных с разных уголков света; дворики, вымощенные зеленым камнем, где придворные дамы, одетые в прозрачные шелка, почти не скрывающие их прелестей, гуляли у роскошных фонтанов, погружая свои белоснежные пальцы в их сверкающие воды...

Вслед Конану летели смешки, шепоток и взгляды, сопровождавшие рослого киммерийца со странной ношей на широких плечах всю дорогу. Здесь никто не боялся выказывать свое любопытство открыто и велух обсуждать непонятное явление. Высокородные дамы с пламенными глазами в полный голос высказывали предположение о том, что, должно быть, приятно, когда тебя несут на таких плечах, — разумеется, если ты не связана.

Графский камердинер мрачно скривился и сердито пробормотал себе что-то под нос. Конан, который шел за ним вплотную, мог только пожелать, чтобы этот человек двигался немного побыстрее.

Наконец Людовик остановился перед широкой дверью, на которой красовался старый офирский герб.

— Ждите, — сказал он. — Я должен сперва справиться, изволит ли граф дать вам аудиенцию.

Конан раскрыл рот, но, прежде чем он успел что-либо сказать, худой человек уже прошел за дверь и запер ее за собой.

«Аудиенция!» — яростно подумал Конан. Антимидес ведет себя так, словно он уже носит корону.

Дверь приоткрылась, и Людовик сделал ему знак войти.

— Поспешите, не задерживайтесь. Граф Антимидес нашел для вас всего лишь несколько минут.

Конан, ворча, втащил в покой свою ношу. Едва лишь успев бегло оглядеть зал, он с удивлением поднял брови. Кому-нибудь другому, возможно, это помещение не показалось бы примечательным. Однако Конан знал амбиции Антимидеса. Для графа это был на редкость маленький и скромный зальчик. На стене висел ковер, украшенный изображением знаменитой

битвы Морантеса Великого, в которой он разбил последние силы Ахерона у отрогов Карпашийских гор. Перед этим огромным ковром на пьедестале стояло тяжелое кресло из темного дерева с высокой спинкой; богатая резьба, украшавшая его, изображала множество леопардов и орлов — старинные символы офирских владык.

Если кресло и не было настоящим тронem, то человек, сидевший в нем, превращал его в престол. Глубоко посаженные пронзительные глаза и мощный нос, суровый рот, крепкий подбородок с остроконечной бородой — таким был граф. Длинные пальцы с мозолями, обличавшими тесное знакомство с эфесом шпаги, играли рубиновой подвеской. Граф был облачен в золотые одежды. Сквозь парчу в искусно сделанные разрезы проглядывал изумрудно-зеленый шелк.

— Господин мой граф, — Людовик низко поклонился человеку, сидевшему на троне, — вот тот, кто называет себя Конан из Киммерии.

— Меня так зовут, — подтвердил Конан. Он усадил Тивию на пол, покрытый толстыми многоцветными коврами драгоценной вендийской и иранистанской выделки. Она молча скорчилась на полу. Страх совершенно явно пересилил в ней ярость.

— Граф Антимидес, — заносчиво сказал Людовик, — велел узнать, почему вы явились к нему.

— Эта девушка Тивия, — ответил Конан, — наложница барона Тимеона, во всяком случае, она была его наложницей, пока сегодня не отравила его.

Антимидес поднял палец, и Людовик снова заговорил:

— Но почему вы доставили ее сюда? Она должна быть передана королевскому правосудию.

Конан терялся в догадках, почему граф не говорит сам. Но аристократы часто вели себя не менее странно, чем чародеи. В тот момент его занимало совсем другое. Настало время риска.

— Поскольку барон Тимеон поддерживал графа Антимидеса в его стремлении стать преемником короля на офирском троне, я счел возможным привести ее графу. Мой Вольный Отряд лишился покровителя. Возможно, граф...

— Стать преемником короля! — взревел Антимидес. Его лицо побагровело от гнева. — Как вы осмеливаетесь обвинять меня...

Он прервал сам себя и заскрежетал зубами. Людовик уставился на него в явном недоумении. Тивия, отчаянно пытавшаяся избавиться от кляпа, казалось, страшилась даже взгляда графа.

— Шлюха! — прохрипел он. — Значит, ты отравила своего господина, и этот наемник-варвар тебя застукал. Так моли же меня о легкой смерти! Уведи ее, Людовик.

Девушка удвоила свои усилия и попыталась выдвинуть сквозь кляп хотя бы несколько слов. Она яростно извивалась в своих путах, когда камердинер схватил ее, однако Людовик легко унес ее за настенный ковер. Открылась и захлопнулась дверь, после чего воцарилась тишина.

Киммериец припомнил, что Тивия сама вызвалась на убийство, к тому же за деньги. И несмотря на это, ему совсем не по душе было то обстоятельство, что он сам привел женщину на смерть. По его глубочайшему убеждению, женщины были предназначены вовсе не для того, чтобы погибать насильственной смертью, — в противоположность мужчинам. Он заставил себя не думать о ней больше и все свое внимание направить на человека с глазами сокола.

— Граф Антимидес, речь идет о моем Вольном Отряде. У нас очень хорошая репутация и...

— Хорошая репутация! — вскричал Антимидес. — Ваш наниматель убит — и вы еще говорите о хорошей репутации! И что еще хуже — вы являетесь ко мне с противоестественными намеками! Да я велю вырвать вам язык!

— А! Что это за намеки, которые повергли тебя в такую ярость, Антимидес?

Оба собеседника непроизвольно вздрогнули, поскольку были так заняты друг другом, что не заметили появления женщины. Но как только Конан ее заметил, он уставился на нее в изумлении. Ноги у нее были длинные, грудь полная. В ее красоте было что-то чужеземное. Странными казались ее волосы, подобные тончайшей серебряной пряже, ее большие темные глаза, полные страсти, — два бездонных ко-

лодца. Она двигалась с кошачьей грацией, а ее багряное одеяние с длинным разрезом до бедра, плотно обтягивало ее фигуру.

— Значит, ты здесь, Синэлла? — спросил Антимидес. — Не утомляй меня своим острым языком!

— Я не была в этом зале с тех пор, как ты появился в королевском дворце, Антимидес, — сказала она с угрожающей улыбкой. — Когда ты видишь графа Антимидеса здесь и таким, ты можешь почти поверить в то, что он уже коронован. К тому же граф так открыто демонстрирует свое презрение к тем, кто проливает кровь по ту сторону городской стены...

Лицо Антимидеса омрачилось, и костяшки пальцев, которыми он сжимал подлокотники, побелели. Улыбка Синэллы стала еще шире.

— Но ты можешь узнать, зачем я пришла. Итак, во дворце побалтывают, что к тебе пробрался огромный северянин с женщиной, которую он связал, словно пакет от торговца рыбой. Такого я, разумеется, не могла упустить. Но где же сам подарок? Она ведь была подарком, не так ли?

— Это тебя совершенно не касается. — Антимидес скрипнул зубами. — Занимайся-ка лучше своими женскими побрякушками! У тебя что, нет рукоделья?

Синэлла круто взвела бровь и ближе подступила к киммерийцу.

— А это, значит, наш варвар! Он действительно такой огромный, как о нем говорят. Я люблю крупных мужчин. — Вздрагивая от удовольствия, она прикоснулась к пластинам его доспеха. — Вы наемник, мой прекрасный норманн?

Он улыбнулся ей, невольно купаясь в лучах ее удивления.

— Я капитан Вольного Отряда. Мое имя Конан.

— Конан. — Она повторила его имя почти с любовью. — А почему же вы пришли к Антимидесу, Конан?

— Довольно, Синэлла! — фыркнул Антимидес. — Это касается только варвара и отчасти меня.

Он бросил на киммерийца мрачный взгляд, предостерегая его и приказывая молчать.

Конан разозлился и ответил взглядом не менее свирепым.

— Я пришел предложить услуги моего отряда, госножа, но граф не нуждается в них.

Что же этот болван граф полагает, что Конан так же глуп, как он сам? Говорить о Тимеоне и о связях убитого с Антимидесом — это не принесет ему пользы. Напротив, это может дорого ему стоить.

— Не нуждается? — В ее голосе послышалось сочувствие. — Почему бы вам тогда не пойти на службу ко мне? — Она уверенно подняла глаза, и ему показалось, что он читает в них обещание. — Разве вы не хотите?

Антимидес фыркнул с отвращением.

— А тебе не хватит уже, Синэлла? Тараменона тебе никак мало? Теперь тебе потребовалась целая рота? Или ты все-таки решила захватить трон?

Он взревел от смеха, развеселившись над собственной шуткой, но когда он сверкнул глазами в сторону Конана, киммериец увидел сквозившую в них ревность.

Лицо Синэллы стало жестким, и Конан подумал, что она с трудом подыскивает резкий ответ. Наконец она произнесла с металлом в голосе:

— Мой род такой же древний, как и твой, Антимидес. Если бы престолонаследование зависело только от древности крови, трон после Вальдрика был бы моим. — Она глубоко вздохнула, и на ее уста вернулась улыбка. — Я принимаю услуги вашего Вольного Отряда, Конан. И заплачу вам вдвое больше золота, чем заплатил бы Антимидес.

— Согласен, — сказал Конан. Правда, это был не тот род службы, на который он рассчитывал, но по крайней мере его люди порадуются деньгам.

Графа, казалось, смутила стремительность событий.

— Ты же все это не всерьез, Синэлла? — недоверчиво спросил он. — Какое применение ты найдешь для таких людей? Ты разбрасываешься золотом, как маленькая глупая девочка!

— Разве мои владения не находятся под угрозой? Я имею в виду угрозу бандитских нападений, конечно. Ведь армия защищает только город. И кроме того, — добавила она с чарующим взглядом в сторону Конана, — мне так нравятся широкие плечи. — Голос ее

заввучал тверже. — Или ты отказываешь мне в праве нанимать людей на службу?

— Женщина, которая полагает, что ей нужна защита, должна найти себе мужчину, чтобы он оберегал ее, — резко ответил Антимидес.

— Как раз это я и нашла. — Ее воинственное согласие превратилось в пылкость. — Идемте, Конан. Нам здесь больше нечего делать.

Конан вышел следом за ней из зала, и только Антимидес, едва владеющий собой от ярости, остался там.

В коридоре она внезапно обернулась — явно для того, чтобы что-то сказать. Конан, не ожидавший этого, едва не налетел на нее. Одно мгновение она стояла, словно взвешивая свои слова, и смотрела на него снизу вверх большими темными глазами.

— Я еще никогда не встречала такого мужчину, — прошептала она словно бы про себя. — Не можете ли вы оказаться тем, кто...

Она замолчала, но продолжала смотреть на него, словно прикованная к нему чарами.

Улыбка понимания тронула лицо Конана. В зале он еще не был уверен, действительно ли она интересуется им, или же только дразнит Антимидеса. Но теперь он больше не сомневался. Он поднял ее на руки и поцеловал. Она ответила на поцелуй пылающими губами, взяла в ладони его лицо и прижалась к нему.

Внезапно она отпрянула. В ее глазах появился ужас, и она ударила его по щеке.

— Отпустите меня! — крикнула она. — Вы забываетесь!

Удивленный, он поставил ее на пол. Она поспешно отступила на два шага назад и приложила к губам трепещущую руку.

— Простите, — протянул он. Она что, играть с ним вздумала?

— Я не потерплю этого! — Она тяжело дышала. — Я не могу такого терпеть. — Медленно возвращалось к ней самообладание, и когда она заговорила снова, ее голос звучал так же холодно, как в зале, когда она разговаривала с Антимидесом. — Я забуду это происшествие, и вам советую сделать то же самое. На улице Короны у меня дом, ваш Вольный Отряд может стать

там на постой. Во дворе вы найдете конюшни для ваших людей. Найдите этот дом и ждите моих указаний. И забудьте то, что произошло, варвар, если жизнь вам дорога!

Интересно, женщины вообще знают, чего они хотят? — спросил себя Конан, глядя, как она гордой походкой идет по коридору. Как же они могут тогда ожидать, что мужчины их поймут?

Но злился он недолго. Ему все же удавалось спасти свой отряд, по крайней мере на какое-то время, и нужно ли требовать от жизни большего? Теперь ему оставалось только убедить своих людей, что нет никакого позора в том, чтобы поступить на службу к женщине. Занятый этими мыслями, он разыскивал дорогу из дворца.

Глава восьмая

Толстые стены и могучие башни королевского дворца стояли неизменно уже много столетий, однако внутри его каждая династия что-нибудь перестраивала, так что в конце концов он превратился в настоящий лабиринт коридоров и садов. У Конана создалось такое ощущение, что он прошел их все и все же не нашел ворот.

По переходам непрерывно сновали слуги с какими-то поручениями, так что варвар в тяжеловесных доспехах не успевал задать им вопрос. Они были высокомерны почти так же, как придворные, наслаждающиеся в садах прохладой фонтанов, и вежливые вопросы, с которыми он обращался к этим роскошно одетым господам, вызывали в ответ лишь насмешливые замечания. Несколько раз он был близок к тому, чтобы обнажить меч и потребовать уважения к себе. Изнеженные скучающие дамы встречали его насмешливыми улыбками и предложениями, не менее откровенными, чем зазывания уличных девиц. Возможно, он даже принял бы их, если б не спешил скорее попасть к своим. Но даже и эти своенравные женщины изрядно потешались над тем, что он не знает дворца. Хихикая, они показывали ему дорогу. Он последовал их совету и описал круг.

Конан оказался в очередном саду и неожиданно увидел короля Вальдрика собственной персоной. Король прогуливался со своей свитой. Конан нашел владыку еще более истощенным, чем Нарус. Расшитое золотом роскошное одеяние болталось на его костлявом, как у скелета, теле, которое когда-то было вдвое шире. Король опирался на длинный, усыпанный драгоценностями посох, как на трость. Его золотая корона, плотно утыканная изумрудами и рубинами, камень к камню, — их добывали на копях у немедийской границы — сидела почти на его бровях. Запавшие глаза лихорадочно блестели на скуластом лице.

Его спутниками по большей части были пышнобродые мужчины, судя по наружности — врачи; несколько придворных в разноцветных шелках и несколько офицеров в позолоченных доспехах, которые держали свои шлемы с гребнями и султанами под мышкой. Степенно гуляя по двору, бородатые ученые мужи беспрестанно перебивали друг друга, склоняя слух Вальдрика к своим замечаниям.

— Сегодня ночью расположение звезд указывало на благоприятные обстоятельства для призвания Митры, — кричал один.

— Вам нужно пустить кровь, Ваше Величество. Я получил свежих пиявок из болот Аргоса.

— Это новое чародейство надежно избавит вас от последнего демона! — вступил в беседу третий.

— Нам нельзя упустить подходящий момент для кровопускания, мой король, — не сдавался второй.

— Этот напиток...

— Это чудесное средство...

Конан неловко поклонился, хотя его, кажется, никто не замечал. Однако он знал, что к таким вещам король относится очень чутко.

Когда он выпрямился, Вальдрик и его свита были уже далеко, но седоволосый офицер остался и теперь смотрел на него. Конан тут же его узнал, несмотря на то, что никогда прежде не встречал. Это был Искандриан, Белый Орел Офира, генерал, которому удавалось удерживать армию в стороне от грызни за престол. Несмотря на его почтенный возраст и белые волосы, его обветренное лицо казалось суровым, как

стены замка-дворца, а серые глаза под густыми бровями были ясными и твердыми. Сильная мозолистая рука покоилась на рукояти меча.

— Вы, вероятно, тот человек, который доставил Антимидесу девушку, — неожиданно заговорил седой генерал. — Как вас зовут?

— Конан из Киммерии.

— Наемник, — сухо сказал Искандриан. Его неприязнь к наемникам была общеизвестна. По его мнению, ни один чужеземный воин не должен ступать по офирской земле, даже будучи на службе у офита. — Я слышал о вас. Вы — человек этого жирного болвана Тимеона, не так ли?

— Я ничей человек, а только мой собственный, — резко возразил Конан. — Мой отряд находился на службе у барона Тимеона, а теперь нам платит леди Синэллы.

Во всяком случае, она будет им платить, как только он уговорит своих парней.

Искандриан присвистнул сквозь зубы.

— Тогда вы создадите себе серьезную проблему, господин наемник. Плечи у вас как у быка, и я полагаю, что дамы находят вас привлекательным. Но Тараменону очень не понравится, если вы окажетесь рядом с Синэллой.

— Тараменон? — Конан припомнил, что Антимидес тоже упоминал это имя, намекая на то, что Тараменон имеет личный интерес к Синэлле.

— Он — лучший фехтовальщик в Офире, — заявил Искандриан. — Как можно скорее заточите ваш клинок и молитесь своим богам, чтобы они вам помогли.

— Мужчина помогает себе сам, — ответил Конан. — Мой клинок всегда остер.

— Ответ, достойный наемника, — сказал Искандриан, улыбаясь. — И вообще солдата. — Вертикальная морщинка на лбу придавала его лицу жесткость. — Но как вы оказались в этой части дворца? Эта дорога совершенно явно не ведет к выходу из покоев Антимидеса.

Конан поколебался, затем почти смущенно дернул плечом.

— Я заблудился, — сказал он.

Генерал вновь рассмеялся:

— Это совсем не похоже на то, что я о вас слышал. Но я дам вам провожатого.

Он жестом подозвал своего слугу, который низко склонился перед ним и сделал вид, что вообще не замечает киммерийца.

— Доставь этого человека к выходу, — приказал генерал.

— Благодарю вас, — сказал Конан. — От вас я услышал здесь первые слова, которые не были ни издевательством, ни ложью.

Искандриан смерил его испытующим взглядом.

— Вы не ошибаетесь, Конан из Киммерии. У вас репутация отчаянно смелого человека и умного тактика, и если бы вы были офитом, я сделал бы вас своим офицером. Но вы, к сожалению, наемник, к тому же чужестранец. Если бы на то была моя воля, то пришел бы день, когда вам пришлось бы с большой поспешностью покинуть Офир. Если, конечно, вы не хотите, чтобы ваш пепел был развеян над его полями.

Он повернулся и зашагал прочь.

Конан задавался вопросом: было ли у него еще когда-нибудь столько врагов сразу? Сам Искандриан, казалось, отнесся к нему с симпатией, но предоставься генералу шанс, он предал бы его смерти. Антимидес ненавидит его всей душой и с удовольствием потащил бы к пыточному горну, живого или мертвого. В Синэлле он не был столь уверен. То, чего она хотела разумом, и то, к чему стремилось ее тело, были вещи совершенно противоположные, и близость к такой противоречивой даме может быстро стоить ему головы. Карела утверждала, что мечтает видеть его мертвым, однако она не использовала возможность убить его, которую он ей предоставил. Но это ничего не значило. Ее угрозы в любом случае заслуживали внимания. И еще существовала эта трижды проклятая рогатая фигурка. Была ли вторая попытка ограбить его связана с первой, еще там, в лавке? Если да, то он готов был биться об заклад, что подобное повторится, хотя он до сих пор не имел ни малейшего понятия, о чем идет речь.

Конечно, этой опасности он мог бы избежать, просто выбросив статуэтку. Но такой поступок слишком напоминал бы уступку страху, а подобное ему понравиться никак не могло. Если он когда-нибудь выяснит, почему ради нее люди убивают и умирают, он от нее, может быть, и откажется, но бежать от трудностей было не в его духе. Он едва не рассмеялся, когда ему стало ясно, что смерть Тимеона была за последнее время единственной преодоленной трудностью.

Его солдаты, стоявшие у белых колонн, смотрели на него с ожиданием. Он успокаивающе улыбнулся им.

— Все в порядке, — заверил он. — У нас теперь новый наниматель и достаточно денег для того, чтобы побаловать хороших девочек.

Солдаты стали с облегчением хлопать друг друга по плечам, однако когда он вошел во дворец, улыбка исчезла с его лица. Если бы они знали хотя бы половину того, что их ожидает, они, без сомнения, швырнули бы свои луки на землю и проклинали все на свете.

— Махаон! — крикнул он. Это имя звонко отразилось от высоких стен.

Нарус, стоявший на галерее сверху, крикнул:

— Он в саду. Как все прошло с Антимидесом?

— Собери всех здесь, — распорядился Конан и поспешно пошел дальше.

Покрытый шрамами ветеран был в саду, как и сказал Нарус. Он сидел на скамейке и обнимал девушку. Наконец-то Махаон стал похож на себя, подумал Конан весело, хотя он и не знал, что девушка была готова провалиться сквозь землю. Наконец-то хоть что-то отрадное для глаз за целый день...

— Отпусти-ка ее, — сказал Конан. — Лизаться будете по... — Он прервал сам себя, когда девушка вскочила на ноги. Это была Юлия, вся красная и задыхающаяся. Обеими руками она подняла подол юбки, беспомощно посмотрела на Конана, перевела влажные от слез глаза на Махаона. Потом, всхлиывая, пробежала мимо киммерийца и скрылась во дворце.

Махаон поднял руки, защищаясь, когда Конан яростно двинулся на него.

— Прежде чем бить, выслушай меня, киммериец. Она явилась ко мне, притащила сюда, она ластилась и требовала, чтобы я ее поцеловал. И она совсем не пыталась удрать, когда я это сделал.

Конан нахмурился. Он спас ее от участи публичной женщины, дал ей работу — и на тебе!

— Она не солдатская подстилка, Махаон. Если она тебе по нраву, женись на ней. Нечего ее лапать, как уличную девку!

— Клянусь Митрой! Жениться? Ты так выражаешься, словно речь идет о твоей сестре. Преисподний Зандру! Я еще ни одну женщину не брал против ее воли!

Молодой киммериец уже раскрыл было рот, чтобы резко возразить, но ничего умного в голову не приходило. Если Юлия хочет стать настоящей женщиной, он не может ей этого запретить. И Махаон действительно достаточно искушен в этих делах, чтобы доставить ей удовольствие.

— Я, наверное, пытаюсь взять под свое крылышко того, кто совсем в этом не нуждается, — сказал Конан задумчиво. Тут он вспомнил наконец, зачем пришел к своему ветерану. — Все случилось так, как я говорил, Махаон. У нас есть новый покровитель.

Махаон рассмеялся и обрадованно потряс кулаком над головой.

— Сейчас Нарус собирает людей в холле. Позаботься о том, чтобы пришли все. Я должен поговорить с отрядом.

Широкий зал, устланный коврами, быстро наполнился солдатами. Пять дюжин воинов — исключая охрану, которую было бы глупо отвлекать, — стояли от стены до стены. Конан остановился на нижней ступеньке мраморной лестницы. Он заметил, что Борос тоже здесь. Но после того, как седобородый нашел убийцу, Конан не собирался его прогонять — по меньшей мере до того, как чародей снова примется за свои трюки.

— У нас новый наниматель, — заявил он, и все радостно заревели. Он переждал, пока они успокоятся, и продолжал:

— Мы будем получать вдвое больше золота, чем до сих пор.

В конце концов, подумал он, пока люди снова разразились восторженными воплями, Синэлла обещала заплатить в два раза больше, чем заплатил бы Антимидес; почему бы то же самое не отнести на счет жалованья, которое положил им Тимеон?

— Слушайте меня! — крикнул он. — Замолчите же, наконец, и слушайте! Наши новые квартиры расположены в доме на улице Короны. Мы покидаем дворец Тимеона немедленно.

— Но кто же взял нас на службу? — спросил Таурианус, и остальные поддержали его вопрос.

Конан набрал в легкие побольше воздуха.

— Леди Синэлла.

Мертвенное молчание последовало за этим ответом. Наконец Таурианус осуждающе проворчал:

— Ты хочешь, чтобы мы служили женщине?

— Да, женщине, — ответил Конан. — Вы полагаете, что, если вы выложите на стол в кабаке золотишко, полученное из женских ручек, вам за него меньше дадут? А многие ли из вас беспокоились о нашей судьбе, которая ждала бы нас в том случае, если бы после смерти Вальдрика оказалось, что мы служили проигравшему? Женщина не может взойти на трон. Так что нам нужно будет только охранять ее владения от бандитов и грести ее денежки!

— Вдвое больше, чем теперь? — уточнил Таурианус.

— Вдвое больше!

Вот теперь они у него в руках. Он читал это по их лицам.

— Собирайте свои пожитки — и чтоб ничего не брать из дворца! У Тимеона есть наследники! Я не хочу, чтобы кого-нибудь из вас повесили за кражу.

Снова повеселев, люди разошлись, а Конан сел на ступеньку. Порой держать в руках отряд было делом не менее сложным, чем сражаться с врагом.

— Ты сделал все так ловко, как настоящий король, — похвалил его Борос.

— С королями я мало знаком, — возразил Конан. — Все больше с оружием да с битвами.

Седобородый чародей нахмурился.

— Как ты думаешь, мой юный друг, каким образом короли становятся королями?

— Не знаю и знать не хочу, — ответил киммериец. — Все, чего я хочу, — это сохранить мой отряд. И ничего больше.

На обнаженном теле женщины блестел пот, когда она, вытянувшись, лежала на пыточной скамье. Мерцание углей в железных жаровнях у сырых каменных стен подземелий королевского дворца отражалось на влажной от пота коже. Из жаровни торчали рукояти шомполов, готовых к употреблению. Но поскольку женщина взахлеб рассказывала свою историю, то и дело прерывая ее пронзительным криком, когда наголо бритый палач подгонял ее бичом, шомпола, вероятно, вообще не понадобятся.

Она призналась, что взяла деньги за то, что отравит Тимеона, но она не знала человека, который ей заплатил. Он был в маске. Она безумно испугалась, когда первая порция яда не возымела действия. Именно поэтому она и высыпала остатки яда в вино. Но она клялась всеми богами, что нанимателя своего не знала.

Антимидес слушал молча, а палач делал свое дело. Его удивляло, что она так упорно цепляется даже за короткий миг жизни, хотя допрашиваемая должна была знать, что у нее нет ни малейшего шанса. Снова и снова происходила эта борьба, безразлично, о ком шла речь: о мужчине или о женщине. Умирать не хотел никто. Едва он заговорил, он увидел по выражению лица Тиви, что она узнала его голос, так что теперь она знала, КТО был тот человек в черной маске. Но несмотря на ужас и на кнут, она молчала — надеялась, что он пощадит ее, думая, что тайна надежно охраняется.

Примечательно было и то, как внезапно возросла опасность. Если бы девушка давала яд ежедневно, точно в предписанных дозах, то даже самые лучшие врачи установили бы, что Тимеон умер естественной смертью. Тогда Антимидес избавился бы от дурака, который слишком много пил и чересчур много болтал, когда напивался. Был еще этот варвар с иностранным именем, который приволок ее сюда, — последнее, чего бы он желал. И за все это он должен благодарить

длинный язык Тимеона! Вопрос состоит еще и в том, расскажет ли парень Синэлле о том, что знает или предполагает.

Он, Антимидес, был первым, кто узнал о болезни Вальдрика, первым, кто смог подготовиться к тому, чтобы после смерти короля занять трон. И это — он был уверен — без чьих-либо подозрений на его счет. Пока остальные-прочие убивают друг друга за городскими стенами, он остается в Ианте. Когда Вальдрик, наконец, умрет, те, кто имеют виды на трон, — те несколько, которых его наемные убийцы не успеют еще прикончить — вдруг окажутся перед фактом: королевский дворец в его руках. А тому, кто захватил дворец, принадлежит и офирский трон. И вот его столь тщательно продуманные планы нарушены и тайна может быть открыта.

С Синэлой должно что-нибудь случиться. У него всегда были свои планы относительно этой ядовитой змеи. К черту кровное родство! Что, в конце концов, нужно женщине, кроме детей, которых она рождает? Он намеревался извлечь из этого большую пользу, сделать ее послушной себе, а это кровное родство, о котором она столь высокого мнения, будет очень кстати. Их общие дети будут иметь на трон больше прав, чем он. И вот теперь ему придется избавиться от Синэллы как можно быстрее. И варвар тоже помеха.

Он рассеянно слушал Тивию. Она начала повторяться.

— Довольно, Рага, — сказал он, и бритоголовый остановил пытку. Антимидес сунул в лапу палачу золотую монету. Он давно уже покупал услуги Раги, но никогда не вредило добавить к прежней сумме еще.

— Она твоя.

Рага поблагодарил с сияющей улыбкой. Несколько зубов у него не доставало.

— Когда закончишь, убери ее обычным способом.

Когда граф выходил из подземелья, крики Тивии возобновились. Погруженный в мысли о Синэлле, Антимидес вообще не слышал их.

Владение Синэллы на улице Короны было трехэтажным: помещения первого этажа служили стойлом с выходом на пыльный внутренний двор. Балкон с навесом, выстроенный над ветхой лестницей, опоясывал весь второй этаж со стороны двора. Грязная красная черепица кровель слабо блестела в лучах вечернего солнца. Облезлая штукатурка и причудливые тени придавали дому такой вид, словно он был болен проказой. Большие ворота с ржавыми скрипучими петлями вели с улицы на двор, где заброшенный пыльный фонтан был засыпан сухими коричневыми листьями.

— Приют для крыс и летучих мышей, вот уж точно, — проворчал Нарус тоном, еще более мрачным, чем он выглядел.

Таурианус огляделся, сидя на лошади.

— И э т о нам выдают за дворец? — Из верхнего окна вылетели голуби. — Поглядите. Они думают, что мы будем жить на голубятне!

— Вы слишком уж привыкли к роскошной жизни во дворце! — рявкнул Конан, когда недовольное ворчание стало разрастаться. — Прекратите брюзжать, как старые бабы, и вспомните-ка лучше те времена, когда мы спали на болотах!

— Там было лучше, чем здесь, — буркнул Таурианус, но spryгнул с седла.

Люди нехотя перенесли в дом скатки одеял и узлы со своими пожитками, чтобы подготовить себе место для ночлега. Другие повели лошадей в стойла, откуда сразу же понеслись проклятия в адрес целых стад мышей и огромного количества паутины. Фабио искал кухню. Его сопровождала Юлия, которая обеими руками прижимала к себе закопченные горшки, а за спину повесила связки трав, гирлянды чеснока и перца. Борос стоял в дверях и недоверчиво оглядывался, хотя обычно лучшего пристанища он и не имел. Синэлле предстоит еще научиться понимать, как нужно встречать Вольный Отряд, подумал Конан.

По мнению Конана, они своими поисками дома и так привлекли к себе слишком уж много внимания. Пять дюжин вооруженных всадников с мешками, уз-

лами и одеялами, напоминающие караван странствующих торговцев, — они должны были притягивать к себе взоры всех, кого встречали. Даже в таком несчастном городе, который пытался не видеть ничего, что может таить в себе опасность...

Киммерийцу же хотелось, чтобы все они стали невидимы, пока не будут забыты обстоятельства смерти Тимеона. И у него не было никакой охоты делать достоянием общности содержимое багажа своих людей, в котором что-то подозрительно звякало и который выглядел тяжелее, чем должен быть. Несмотря на его приказ ничего не трогать, они, несомненно, прихватили с собой несколько серебряных кубков и маленьких безделушек из золота. Большая часть его отряда и в первую очередь офиты, не упускали случая что-нибудь стянуть.

Конан поручил одному из солдат позаботиться о его лошади и занялся поисками комнаты для себя. Свое скатанное одеяло он повесил себе на плечо, а мешок с бронзовой фигуркой зажал под мышкой. Не считая оружия, доспехов, лошади и одной смены одежды, это было все его состояние.

Он нашел большое угловое помещение на втором этаже, где благодаря четырем окнам было светло и приятно. Холмик соломы в углу свидетельствовал о том, что здесь свила себе гнездо крыса. Посреди помещения находились две скамьи и стол, покрытый толстым слоем пыли. Кровать, откровенно провалившаяся, но достаточно большая для него, стояла у стены. Матрас скрипел сухой соломой, когда он надавил на него и Конан со вздохом вспомнил пуховые перины во дворце Тимеона. Подумай лучше о болоте, напомнил он себе.

Со двора донесся голос Махаона:

— Конан! Ты где, Конан? У нас новости!

Конан бросил свои пожитки на кровать и выскочил на балкон.

— Какие новости? Синэлла прислала за нами?

— Нет еще, киммериец. Но наемные убийцы не сидели без дела и прошлой ночью. Валентиус бежал из своего дворца после того, как трое его собственных стражников подняли на него мечи. Остальные его люди вроде одолели их, но теперь этот лордишка

боится собственной тени. Он ищет убежища у графа Антимидеса.

Конан поднял брови. Антимидес! Валентиус, этот молодой болван, сам того не зная, отдал себя в руки своему сопернику. Другой лорд, как предполагают, покончил с собой. Кто наследует трон после Валентиуса? Однако все эти склоки вокруг престола теперь их вовсе не касаются, подумал он.

— С этим мы покончили, Махаон, — крикнул он, улыбаясь. — Пусть они хоть все друг друга пере-режут!

Седоволосый ветеран рассмеялся в ответ:

— Если никого не останется, мы коронуем тебя. Я буду удовлетворен графским титулом.

Конан открыл уже было рот, чтобы ответить, когда ему внезапно стало ясно, что он слышит шорох, не имеющий отношения к происходящему во дворе. В том покое, который он выбрал для себя и только что оставил, скрипели половицы. Даже под весом **ОЧЕНЬ** тяжелой крысы они бы так не скрипели. Он вырвал клинок из ножен и устремился к двери. Вслед ему летел удивленный крик Махаона.

Четверо мужчин в поношенной одежде, один из которых как раз влез через окно, испуганно устали на молодого великана. Но их изумление длилось недолго. Когда он сделал первый шаг в комнату, они уже держали в руках мечи, готовые наброситься.

Конан отбил клинок первого в сторону и одновременно ударил его ногой в живот, так что бандит, отчаянно хватая ртом воздух, рухнул к ногам своего товарища — человека с густой бородой. Бородач споткнулся, и острие Конанова меча перерезало ему горло. Когда умирающий упал на первого из нападавших, через него перепрыгнул человек с зигзагообразным шрамом на левой щеке, яростно взмахнув мечом. Конан пригнулся. Свистящая сталь растрепала его густые волосы на макушке, и меч Конана глубоко вонзился в бок бандита. С пронзительным воплем клейменный упал. Меч, поднявшийся с пола, скользнул между пластин доспеха и рассек кожу на боку Конана, когда киммериец вонзил клинок в грудь нападавшего.

— Забери тебя Эрлик! — взревел последний из убийц. Он был костляв, лицо у него было хитрое. До

сих пор он еще не принимал участия в битве, потому что появился в комнате позднее остальных. — Восемь моих людей ты убил! Проклятье Эрлика на весь твой род!

Визгливо крича, он набросился на киммерийца с бешеным отчаянием.

Конан хотел оставить этого человека в живых, чтобы допросить его, но давать слишком много воли его дикому напору было чересчур опасно. Ужас и безумие горели в его глазах, сверкавших на потном лице, и он кричал при каждом ударе. Трижды скрещивались клинки бойцов, а затем голова убитого покатилась по полу.

Тяжело шагая, весь отряд наемников, все с мечами в руках, вломился в дверь.

— Митра! Киммериец! — вырвалось у Махаона, когда он обозрел поле битвы. — Неужели ты не мог оставить нам хоть бы одного?

— Об этом я как-то не подумал в спешке, — сухо ответил Конан.

Юлия протолкалась вперед. Увидев убитых, она в страхе закрыла лицо руками и вскрикнула. Но затем она обнаружила Конана, и самообладание вернулось к ней так же быстро, как и было утрачено.

— Ты ранен! — воскликнула она. — Садись на кровать, я буду тебя лечить.

Только теперь Конан ощутил, как горит рана на боку.

— Это простая царапина, — начал отбиваться он. — Убери это, — добавил он, указывая Махаону на трупы.

Однако Юлия не позволила отослать себя.

— Царапина это или не царапина, — заявила она решительно, — но если за раной не следить, она может воспалиться, и тогда ты заболеешь. Принесите мне горячей воды и чистых платков! — крикнула она через плечо, пытаясь оттеснить Конана к кровати. — Чистых! Слышали?

Увидев решительно всех, двое наемников побежали выполнять ее приказ.

Забавляясь, Конан подчинился ей. Бормоча себе под нос, она пыталась расстегнуть кожаные доспехи, укрепленные металлическими пластинами. Она осто-

рожно соединила края длинной резаной раны и, хмурясь, посмотрела на нее. Казалось, она не замечала крови на своих пальцах.

— Ребра не сломаны, и зашивать тоже не надо, но после того, как я тебя перевяжу, ты должен внимательно следить за тем, чтобы не напрягаться, — и никаких резких движений, слышишь? Может быть, если ты бу... — Она замолчала, испуганно затаив дыхание. — Митра, защити нас! Что это за орудие Зла?

Конан проследил ее испуганный взгляд и заметил бронзовую фигурку, которая лежала на кровати без мешка.

— Купил в подарок Махаону, — ответил он и взял фигурку в руки. Юлия отшатнулась. — Да что с тобой, девушка? Это мертвый металл!

— Ее страх совершенно справедлив, — сказал стоящий в дверях Борос. Взгляд волшебника был прикован к статуэтке, словно к живому демону. — Эта штука гораздо поганее, чем можно себе представить. Я ощущаю ее влияние даже отсюда.

— И я, — прошептала Юлия, дрожа. — Оно задумало причинить мне что-то ужасное! Я чувствую это!

Борос важно кивнул.

— Да, женщина восприимчива к нему. Обряды Аль-Кирира были ужасны! Десятки мужчин, сражавшихся насмерть, пока жрицы возносят молитвы, — а тем, кто оставался жив, вырезали сердце из груди! Были кошмарные пыточные обряды, при которых в жертвах несколько дней поддерживали жизнь, пока они лежали на алтаре, — и никто не обращал внимания на крики боли и ужаса. Но самым страшным было то, что давало ему власть, — жертвоприношения женщин. Жертвоприношения и кое-что похуже этого.

— Что же может быть хуже? — спросила Юлия.

— Быть отданной живому богу, изображение которого вы видите здесь, чтобы стать его игрушкой на всю вечность. Такой вполне могла стать судьба женщин, посвященных Аль-Кириру.

Юлия покачнулась, близкая к обмороку.

— Хватит, старик! — фыркнул Конан. — Ты пугаешь ее! Я припоминаю, ты как-то уже болтал про

этого Аль-Кирира, когда напивался. Ты и сейчас пьян? Ты прочитал все эти сказки в винных парах, пока они плавали у тебя в голове.

— Я не мог быть трезвее, чем сейчас, — заверил его седобородый. — Хотелось бы мне быть пьяным в стельку! Эта штука не простое изображение Аль-Кирира, киммериец. Она — важная, просто необходимая часть культа этого жестокого бога. Я думал, что все они были уничтожены еще столетия назад. Кто-то здесь пытается снова привести Аль-Кирира в наш мир. И если бы этот «кто-то» обладал бы нечестивым изображением, его затея могла бы увенчаться успехом. Я бы этого в любом случае не пережил.

Конан уставился на бронзовую фигурку, которую держал в руках. Двое погибли, пытаясь отобрать ее у него в том магазине. Еще трое не пережили вторичного нападения на него, а теперь он уже не сомневался в том, что их целью была именно статуэтка, потому что, прежде чем человек с хитрым лицом нашел в этой комнате свою смерть, он обвинил Конана в убийстве восьми своих людей. Число совпадало. Те, кто хотели вернуть бога, знали, что статуэтка, необходимая для выполнения их замысла, находится у киммерийца. В определенном смысле он почувствовал облегчение, потому что прежде он не мог избавиться от мысли, что за всеми этими нападениями скрывается Карела.

Явились солдаты с чистыми платками и горячей водой. Конан сунул статуэтку под одеяло и сделал остальным знак молчать, пока солдаты не уйдут.

Когда они вновь остались одни, Юлия сказала:

— Я займусь твоей раной, только не доставай эту отвратительную вещь! Даже так я чувствую ее присутствие.

— Я оставляю ее там, где она есть, — обещал киммериец.

Она встала возле него на колени и принялась промывать и перевязывать рану.

— Рассказывай дальше, Борос, — попросил Конан старика. — Почему же этот бог не может найти дорогу в наш мир без посторонней помощи? Если ему это не удастся, значит, он, несмотря на все свои рога, не так уж страшен.

— Ты все шутишь, — заворчал Борос. — Но дело это не такое уже забавное. Чтобы рассказать об Аль-Киире, мне нужно заглянуть в далекое прошлое. Вы знаете, что Офир — самое древнее из всех современных королевств, но о туманном его начале известно нам очень немного. Я знаю кое-что. Совсем чуть-чуть. Еще до того, как возникло государство Офир, эта страна была центром поклонения Аль-Киiru. Самые сильные и красивые мужчины, самые гордые и прекрасные женщины привозились из дальних краев для совершения тех ритуалов, о которых я вам уже говорил. Но, как вы легко можете догадаться, были также у Аль-Киира и враги. И в первую очередь ими стали люди, которые объединились в КРУГ ИСТИННОГО ПУТИ.

— Ты бы не мог излагать все это покороче? — спросил Конан. — Тебе не обязательно разукрашивать эту историю так цветисто. Ведь ты не сказочник в ярмарочный день!

Борос фыркнул.

— Тебе нужна краткость или тебе все-таки нужны факты? Слушай! Предводителем Круга Истинного Пути был один человек по имени Аванрахаш, возможно самый могущественный Белый Маг, какой когда-либо жил на свете.

— Я вообще не знал, что существуют такие штуки, как Белая Магия, — проворчал Конан. — Я еще никогда не встречал ни одного чародея, который бы не вонял злом и мраком, как куча отбросов воняет дерьмом.

На этот раз старик вообще не удостоил его внимания.

— Эти люди напрямую заключили союз с богами. Ни один из богов не хотел в открытую противопоставлять себя Аль-Киiru, потому что они боялись, что война богов уничтожит все сущее, включая их самих. Одни — среди них, как предполагают, был и Сэт — решили предоставить событиям идти своим чередом. Но другие дали Людям Истинного Пути дополнительные силы — достаточно для того, чтобы они все вместе могли выступить против одного-единственного бога. Вы, конечно, понимаете, что они не хотели давать эту силу одному человеку, потому что это сдела-

ло бы его по меньшей мере полубогом, а все вместе эти маги были в состоянии одолеть лишь одного бога. Так что в случае необходимости два божества могли бы их уничтожить по одному.

Против ожидания, Конан слушал с интересом. Юлия, внимавшая рассказу с полуоткрытым ртом, зажала о повязке, которую держала в руке.

Во время битвы лик этой страны изменился. Горы поднялись там, где их никогда не было, реки проложили себе новые русла, древние моря стали пустынями. Все, кто поднялся против Аль-Киира, были уничтожены им. Все, кроме Аванрахаша, который получил тогда смертельную рану. Но умирая, он своим посохом сумел изгнать власть Аль-Киира из того тела, которое этот бог носил здесь. И так Аль-Киир был изгнан из нашего мира. Тогда же начались восстания против храмов Аль-Киира и был коронован первый офирский король. Целые города были обращены в пепел, и не осталось даже памяти о них. Все, что было хоть каким-то образом связано с именем Аль-Киира, уничтожалось.

Пытались разрушить и земное тело бога, но даже огонь и крепчайшие клинки ничего не могли с ним поделать. Наконец его заперли под горой и замуровали входы. Со временем о его существовании полностью забыли. Так считалось.

Те, кто хотел искоренить самое имя Аль-Киира, преуспели в этом и одновременно потерпели неудачу, потому что гора, в которой была создана гробница для бога, получила название «Врата Аль-Киира». Однако вот уже столетия лишь немногие знают о происхождении этого имени, несмотря на то, что всем известно: гора — место Зла и ее нужно избегать.

Я думал, что я — последний, кто имеет обо всем этом представление, и мое знание найдет свой конец вместе со мной в огне погребального костра. Но по ночам я вижу огни у ворот Аль-Киира. Я слышал о том, что ведутся определенные розыски. Кто-то пытается вернуть в этот мир рогатого быка. Я был уверен, что им не удастся, поскольку отсутствует необходимое изображение. Но если они получают его в свои руки, это может означать ужас и отвратительное рабство для всего человечества.

Когда старик завершил свой рассказ, Конан длинно зевнул.

— Решить эту проблему совсем просто. Я отнесу эту проклятую штуковину к первому же кузнецу и попрошу ее расплавить.

— Нет! — испуганно вскричал Борос. Страх захлестнул его. — Без необходимых охранительных чар это выпустит на волю такие могущественные силы, что наш город будет сметен с лица земли, а с ним, может быть, полстраны. Пока ты меня не спросил, отвечу сразу: я не знаю нужных заклинаний, а те, кому они известны, скорее всего, захотят использовать статуютку в своих целях, но никак не уничтожить.

— Посох! — внезапно воскликнула Юлия. — Тот, что использовал Аванрахаш!.. Может ли он уничтожить ее?

— Вопрос хороший, ясная моя головка, — пробормотал старик. — Этого я не знаю, дитя мое. Но он в любом случае содержит в себе Силу.

— Вот уж что нам не поможет, так это посох, — проворчал Конан. — Вне всякого сомнения, он уже давно рассыпался в прах.

Борос покачал головой.

— А вот и нет. Это не просто Посох Силы. Люди тех, прошедших времен, почитали эту Силу, и посох Аванрахаша превратился в скипетр офирских владык. Он существует в таком качестве до сих пор, только покрытый золотом и драгоценными камнями. Говорят, что благодаря этому скипетру, который несли впереди офирской армии, как знамя, Морантес Великий одержал свою победу над Ахероном. Если ты доберешься до скипетра, Конан...

— Во всяком случае, в мои намерения не входит красть скипетр короля Вальдрика только на том основании, что ты отважно предположил, будто бы в нем скрывается некая Сила. Клянусь девятью преисподними Зандру! Вальдрик использует скипетр как прогулочную трость и не расстанется с ним.

— Ты должен знать, киммериец... — начал Борос, но Конан не дал ему договорить.

— Нет! Я спрячу эту трижды клятую штуку под половицами, а уж потом закопаю где-нибудь, где ее уж точно никто никогда не найдет. Не беспокойся ни

о чем, Борос, и главное — держись подальше от вина, по меньшей мере до того, как я навсегда избавлюсь от статуэтски.

Глубоко задетый, старик заявил:

— Я хранил эту тайну пятьдесят лет, киммериец, и ты не имеешь права называть меня болтуном!

Конан проворчал нечто, что могло бы считаться извинением, и потребовал, чтоб Юлия, наконец, пошевелила руками и закончила перевязку.

Как можно уничтожить нечто, не подлежащее уничтожению — по крайней мере не подлежащее без доброго чародейства? А добрые чары встречаются еще реже, чем девственные шлюхи. И теперь ему нужно всерьез подумать о Кареле. Какие еще коварные планы вынашивает рыжеволосая разбойница?

Глава десятая

Карела остановила свою лошадь недалеко от высоких деревьев, отбрасывающих длинные тени в лучах заходящего солнца, и посмотрела на небольшой домик с покатой крышей, видневшийся в просвете между деревьями. Там был привязан жеребец; сильный боевой конь под цветной попоной. Она должна была встретиться здесь с одним человеком, но она решила подождать еще немного, чтобы убедиться в том, что он действительно пришел один.

Треск тонкой ветки предупредил ее о приближении человека в куртке из грубой шерсти и коричневых штанах; благодаря своей одежде он почти сливался с тенями. Шум был произведен намеренно, она знала это. Он хотел, чтобы она услышала его шаги и не была бы, не раздумывая, своей кривой туранской саблей. Агорио мог двигаться по лесу бесшумно, как падающее перо, если хотел. Оба уха у него были отрезаны в наказание за неоднократные кражи, и через все его худое лицо тянулся шрам, из-за которого правый глаз приобрел навсегда удивленное выражение.

— Он пришел один, госпожа, как он вам и обещал.

Карела кивнула. Они годились не слишком на многое, эти люди, что шли за ней сейчас, — не то что ее

головорезы из заморанских степей. Большинство из них были контрабандистами и карманниками, когда она собрала их вокруг себя. И все они были не в восторге от дисциплины, которой она требовала. Но за короткое время она уже сумела создать такую же хорошую и опасную банду, как и ее прежняя.

Медленно выехала она на прогалину — гордая, как королева. Она не позволила заметить свою осторожность. Спешившись, она обнажила свою кривую саблю и открыла тяжелую деревянную дверь домишки.

За дверью находилось одно-единственное помещение. Обстановка его была такой простой, как и ожидалось. Огонь горел в открытом очаге, немного освещая комнату. На всем лежала пыль, повсюду висела паутина. Человек в простом красном мундире поверх кольчуги стоял на грязном полу, засунув большие пальцы рук за широкий пояс, сползающий на бедра. На поясе висел длинный меч в ножнах. Он был почти так же высок, как и Конан, заметила она, и плечи почти такие же широкие. Красивый мужчина, и ему есть о чем поболтать с женщиной, — это она увидела по той улыбке, которой он встретил ее появление.

Она толкнула дверь и стала ждать, пока он заговорит первым. Саблю Карела держала наготове.

— А вы не такая, как я себе представлял, — прервал он молчание. Его темные глаза, казалось, ласкали ее прекрасное тело под узкой курткой и плотными брюками. — Вы очень красивая девушка!

— Вот вы уже и сделали свою первую ошибку. — Ее голос звучал угрожающе, но он этого не заметил. — Ни один человек не смеет называть меня девушкой. Я требую ответа на несколько вопросов, прежде чем мы приступим к делу. Вы передали свое сообщение способом, известным лишь немногим. Как вы узнали о нем? Кто вы? Почему послали мне пятьдесят золотых, хотя вы не могли быть уверены в том, что я приду?

(Такова была сумма, сопровождавшая послание.)

— Но вы же пришли, — ответил он. Он был очень уверен в себе. Из-под мундира мужчина достал два туго набитых кожаных мешочка и бросил их на стол. Они зазвенели. — А здесь еще сто золотых, и они ваши, если вы выполните одно мое поручение. Столько

же вы получите в том случае, если дело завершится удачно.

Ее тон стал жестче.

— Мои вопросы!

— К величайшему сожалению, я не могу на них ответить, — ровно сказал он. — Вам не нужно бояться, что вас схватят, моя любознательная красавица. Я пришел один, как и обещал. На деревьях не сидят стражники, моя прелесть.

— Кроме одного моего человека, — возразила она и порадовалась его удивлению, которое он не сразу сумел скрыть.

Но он быстро взял себя в руки.

— Этого следовало ожидать. Когда я впервые услышал о банде, которой управляет одна... одна женщина, я уже тогда знал, что она должна быть очень умна, если ей удалось продержаться так долго. А вы знамениты, вы знаете об этом? Поднимите сабельку повыше. Вы пришли с востока, не так ли? А вообще откуда вы родом, моя прелестная разбойница? Цвет кожи у вас не такой, как у восточных красоток, и потому вы милее, чем все они вместе взятые.

Его улыбка стала еще шире. Улыбка, по которой она безошибочно определила, чего он ожидает, потому что при виде этой усмешки каждая женщина испытывала радостное возбуждение. И с Карелой это произошло тоже. Но вся ее натура тут же воспротивилась. «Девочка», ха! «Прелестная разбойница», ха! «Красавица» — ха! Она попыталась не растерять свою злость. Но саблю все же убрала.

— Я не собираюсь рассказывать историю моей жизни, — проворчала она, — если даже не знаю вашего имени. Но не поделитесь ли вы со мной хотя бы одной тайной? Что я должна сделать за две сотни золотых? Или это секрет?

Он не перестал удивленно изучать ее фигуру, но теперь он раздевал ее глазами не столь интенсивно.

— Барон Инарос переселился из своего замка в столичный дворец. Он не замешан в теперешней сваре. Он даже боится их. Это тоже было причиной искать безопасности в городе. Число его охранников невелико. Банда отважных разбойников не будет иметь с ним неприятностей. За две сотни золотых вы доставите

мне его библиотеку, которую он перевозит на двух телегах. Вы, разумеется, сможете оставить себе все прочее, что заберете у него.

— Библиотека? — удивилась Карела. — Вы платите две сотни золотых за кучу пыльных бумаг?

— Скажем, так. Я коллекционирую всякие раритеты, а в собственности Инароса находятся редкие произведения. Вот за них я и готов заплатить эту цену.

Карела едва не рассмеялась. Тому, что этот человек — собиратель редких рукописей, она не поверила. Но назвать его лгуном не было смысла.

— Ну хорошо, — сказала она. — Но я потребую двести золотых при передаче этих... э... раритетов. — Теперь она улыбнулась. — Вы готовы заплатить эту сумму?

Он медленно кивнул и еще раз смерил ее взглядом с ног до головы.

— Я нашел бы эту цену почти дешевой, но я бы посоветовал вам не заходить в своих требованиях еще дальше, иначе я поручу это дело кому-нибудь другому, кто хоть и не будет столь красив, но зато и не будет так жаден. И теперь скрепим сделку...

— Что...

Но не успела она сказать ни слова, как он уже притянул ее к себе, и ей не удалось высвободить руки, чтобы вынуть саблю из ножен.

— У меня есть свой собственный способ скреплять договоры с женщинами, — заявил он с улыбкой. — Ну, сопротивляйся, это доставит тебе еще больше удовольствия, когда мы закончим.

Внезапно он замер, почувствовав острие кинжала у своего горла.

— Я могла бы перерезать тебе глотку, — прошептала она, — как свинье. Ты и есть свинья. Назад! Прочь от меня! И немедленно!..

Он послушно отошел назад. Лицо его превратилось в застывшую маску гнева. Едва лишь очутившись вне пределов досягаемости ее кинжала, он вытащил меч.

Она подбросила кинжал и поймала его за клинок.

— Спорим на твою жизнь, что я попаду этой штукой тебе в глаз?

Кареле пришлось бороться со своим желанием убить этого человека. По ее мнению, он заслужил

смерти. Но как ей сохранить в тайне, что она убила того, кто хотел дать ей поручение? Такие вещи быстро становятся известны. И все, кто услышат об этом, будут думать, что она это сделала ради денег, и тогда уже никаких хороших поручений у нее не будет.

— Смердящий навоз хворого верблюда! Я совсем недавно видела истукана, на которого ты похож. Отвратительная вещь, от нее у любой женщины кровь застынет в жилах, — очень похожа на тебя! Ничего, кроме рогов и свидетельства о мужественности, вдвое больше нормального, а мозги у него, будь он живым, уж наверняка были бы тупые и куцые, как у тебя. Конечно, в том случае, если у тебя вообще есть то, что должно быть у мужчины!

Пока она говорила, он странно притих. Вся его злость пропала, и он с трудом подавил волнение, когда заговорил:

— Эта фигурка! Сколько рогов у нее было? Сколько глаз? Действительно ли она была мужского пола?

Карела изумленно уставилась на него. Он что, пытается отвлечь ее? Если это так, то он делает это весьма странным способом.

— Тебе-то что за интерес?

— Очень большой. Больше, чем ты можешь себе представить. Говори же!

— Статуетка напоминала мужчину, — сказала она, все еще настороженно. — Если не считать, что на руках и ногах у него многовато пальцев, да еще и с когтями. Кроме того, у него четыре рога и три глаза. И оно смердило Злом, совсем как ты!

К нему вернулась улыбка, но теперь она предназначалась не женщине. И к ее удивлению, она была почти триумфальной.

— Забудь Инароса, — сказал он. — Принеси мне эту фигурку, и я дам тебе ПЯТЬСОТ золотых.

— Ты, наверное, полагаешь, что я еще возьму твое золото после того, что ты пытаешься сделать?

— Я полагаю, что ты возьмешь пятьсот золотых, даже если бы их протягивала тебе рука Эрлика. Подумай! Пятьсот!

Карела заколебалась. Сумма была головокружительная. И к тому же ей платили за киммерийца, что

радовало ее уже само по себе. Но иметь дело с этим типом...

— Согласна, — с удивлением услышала она свой собственный голос. — Где мы встретимся, когда эта вещь будет у меня?

Он снял свой красочный мундир, так что стала видна его позолоченная кольчуга.

Один из твоих людей наденет это на свою куртку и в час, когда солнце стоит в зените, появится перед главными воротами дворца. В тот же вечер на закате я буду в этой хижине с деньгами.

— Согласна, — снова сказала Карела. — Теперь я ухажу. Советую тебе сосчитать до тысячи — если ты, конечно, умеешь считать, — прежде чем трогаться с места. Иначе тебе придется убедиться на собственном опыте, что твои распрекрасные доспехи не спасут тебя от арбалетного болта.

Она вышла из хижины и прыгнула в седло.

Пока она скакала по лесу, ей хотелось громко петь. Пять сотен золотых и гадость киммерийцу, пусть даже незначительная. Но и более чувствительные удары не заставят себя ждать. И тогда Конану придется бежать из страны. Конану, а не ей! Да, он бежит — или умрет!

Синэлла металась по своей опочивальне, как гантера в клетке. Она ненавидела свое волнение и все же не могла его подавить. Серебряные лампы рассеивали мрак, сочившийся из-за окон, и тонкие, как воздух, занавеси ее ложа мерцали. Светлые волосы, мокрые от пота, липли к лицу, хотя ночь была прохладной. Обычно она следила за тем, чтобы ее экзотичная внешность была воплощенным совершенством, и никогда не позволяла ни одному локону растрепаться или краске на губах размазаться — никогда, даже если она была одна. Но в своем крайнем возбуждении сейчас она не замечала ничего.

В сотый раз уже она рассматривала в зеркало свои чувственные полные губы. Они выглядели точно так же, как обычно, и все же ей казалось, что они пылают. В ярости, скрежеща зубами, она снова заме-

талась по комнате. Ее длинное одеяние из переливающегося шелка обтягивало грудь и бедра.

С тех пор как этот... этот варвар поцеловал ее, она чувствовала себя так. Она просто не могла перестать думать о нем. Он такой рослый, с плечами, как у быка, с глазами, как зимнее море. Грубый чурбан! Никаких манер! Дикий и необузданный. Его руки легко могут раздавить женщину.словно теплый мед растекался по ее телу, не давая ей покоя. Она не могла спать. Часами ворочалась она на своей постели, полная чувства, неведомого прежде.

Почему она вообще взяла к себе на службу этот Вольный Отряд? Только затем, чтобы позлить Антимидеса, а это всегда доставляло ей удовольствие. Нет никаких причин оставлять наемников у себя, кроме одной: пусть Антимидес не воображает, что она может дать слабину. И еще... этот варвар!

Она отчаянно пыталась направить свои мысли в другое русло.

— Я не отдам себя ему, — громко крикнула она. — Ни одному мужчине! Никогда!

Есть другие дела, которыми она должна заняться. Женщины. Да. В бронзовой статуэтке Аль-Кирира она была теперь уверена. Люди, которых Тараменон послал вслед за Галбро, доставят ее ей. Но для ритуала ей необходима еще женщина, и не каждая подойдет. Это женщина должна быть великолепной красавицей, наделенной к тому же невероятной, дикой гордостью. Гордых женщин полно, но все они либо безобразны, либо стары, либо не подходят по каким-либо иным причинам. Прекрасных женщин множество, некоторые даже имеют известное количество гордости — но дикой гордости?... Без исключения все они дрожат перед сильным мужчиной и в конце концов склоняются перед ним, даже если и сопротивляются какое-то время.

Почему с женщинами всегда бывает так? Но теперь она понемногу начинает понимать почему. Какое же создание женского пола может устоять перед мужчиной вроде варвара? Опять о нем! Она беспомощно ударила себя кулаком по бедрам. Почему он все время пробирается в ее мысли?

Внезапно она решительно сжала губы. Она подошла к столику с мраморной доской, который стоял у стены, натянутой коврами, и взяла клочок свернутого пергамента. Там лежали три длинных черных волоса, которые остались на ее одежде после того, как варвар... Ее рука задрожала. Нет, об этом она не должна теперь думать! У нее должна быть совершенно ясная голова. Должна!

Почему же он? Почему не Тараменон?

Потому что Тараменон никогда не пробуждал в ней таких чувств, как Конан? Потому что она так долго играла с ним, что осталось лишь наслаждение от самой игры?

— Это будет Конан! — прошептала она. — Но это будет так, как захочу я!

Она схватила пергаментный сверток и быстро вышла из спальни.

Рабыни, которые чистили полы в то время, когда госпожа их обычно спала, поспешно освободили ей дорогу и прижались лбами к мраморным плитам. Она обратила на них внимания не больше, чем на мебель своего роскошного дома. Она бежала прямо в свой потайной покой. Закрыв за собой дверь, Синэлла зажгла лампы. Восторженное чувство направляло теперь все ее действия — уверенность в том, что скоро она достигнет своей цели.

На столе, заставленном различными сосудами, она осторожно извлекла один волос. Одного вполне достаточно, а два других пусть останутся у нее на тот случай, если она захочет еще раз применить чары против варвара.

На гладкой серебряной пластине кровью девственницы нарисовала она знак рогов — знак Аль-Кири. Для этой цели она использовала кисточку из волос нерожденного ребенка на стержне, сделанном из кости пальца его матери. Затем она поставила две свечи на двух противоположных сторонах пластины и зажгла их. Черными были свечи, сделанные из вытопленного жира убитых, похищенных из могил в освященной земле. Теперь нужно было действовать быстро, но и очень осторожно, чтобы не получить вместо желаемого нечто ужасное. Она прижала язык зубами и нарисовала на краю пластины остальные знаки: Требование, Похоть, Желание, Вожделение, Страсть, Порыв.

Быстро отбросила она кисточку, подняла руки над головой, затем опустила их и протянула вперед в жесте мольбы. На чужом языке, который она выучила с большим трудом, прошептала она слова, и звук отразился от бледных стен, словно крик. Синэлла призывала силы, связанные с Аль-Кириром, но не его собственные. Силы этого мира, а не той пустоты, где он заточен. Когда-то, в самом начале своего пути, она пыталась использовать эти силы, чтобы найти связь с Аль-Кириром. Результатом был штормовой огонь, спаливший башню ее замка, что на полпути к аквилонской границе. Этот огонь не могли потушить водой. Он горел так, словно не было ничего, что он не мог бы уничтожить. Еще долго после этого она боялась повторять попытки, не в последнюю очередь из-за косых взглядов в ее сторону и из-за слухов о чародействе в замке Асмарк. Эти слухи преследовали ее. Чтобы отвести от себя подозрение, Синэлла обвинила в ведовстве одну старуху, кухонную прислугу. Бабка выглядела как раз так, как должна выглядеть, по мнению людей, ведьма, и ее сожгли на костре. Эта первая ошибка научила Синэллу осторожности.

Медленно догорели свечи до отметки, сделанной черным шнуром, и Синэлла опустила руки. В первый раз за много часов она вздохнула с облегчением. Знаки, начертанные на пластине, волосы — все превратилось в золу. Жестокая улыбка заиграла на ее губах. Теперь ей нужно было бояться своего желания. Варвар принадлежал ей, и она может делать с ним все, что только пожелает!

Глава одиннадцатая

Кожа у Конана зудела, когда он шел по пыльному двору дома, где разместился его Великий Отряд. Волоски на его руках и затылке, казалось, начали жить своей собственной жизнью. Несмотря на теплоту лучей полуденного солнца, ему казалось, что его окутывает ледяной воздух. С того момента, как он проснулся, его не оставляло это странное ощущение, и он не мог понять почему.

Страх в качестве причины такого состояния киммериец отбросил сразу. Он хорошо знал все свои страхи и крепко держал их в узде. Ни один страх не мог дать о себе знать таким своеобразным способом — во всяком случае, так было для Конана. Годами страх пытался схватить его, однако киммериец умел смотреть в глаза такому, отчего другой давно уполз бы в ужасе. Что же касается статуэтки — да даже и самого Аль-Киира, — ну не в первый же раз он имеет дело с демонами и волшебниками, а также со всевозможными чудовищами, начиная с гигантских червей-людоедов и пауков, чьи жала, истекающие ядом, протыкают любые доспехи, и кончая драконами с непробиваемым панцирем и огненным дыханием. И всех их он побеждал, и хоть Конан не очень-то любил числить этих тварей среди своих врагов, он все же не боялся их.

— Киммериец! — крикнул Нарус. — Иди сюда, выберешь себе плащ!

— Потом! — ответил Конан тощему солдату, который вместе с другими рылся в огромной куче одеял и свертков, доставленных сегодня на телеге.

Наконец-то Синэлла позаботилась о нуждах Вольного Отряда, который взяла себе на службу. Багряные длинные шерстяные плащи были разбросаны по двору, равно как и чистые матрасы и толстые шерстяные одеяла, а кроме того — аквилонские сапоги из мягкой черной кожи, маленькие зангарские зеркальца из полированного металла, острые бритвенные ножи из Коринфии и множество других необходимых солдатам вещей из доброй дюжины стран. Кроме того, в качестве аванса был прислан полный мешок золотых монет.

Наемники уже с утра организовали по такому случаю празднество, и Фабио гонял Юлию больше обычного. Она таскала мешки с репой и горошком, огромные куски говядины, зажаренных целиком барашков, сосуды, полные вина и пива.

Конан нашел Фабио у пересохшего фонтана. Толстый повар вытирал со лба пот старой тряпкой.

— Конан, эта ленивая девица, которую ты повесил мне на шею, сбежала и где-то прячется. Посмотри сам. Она и четверти двора не подмела. Утверждает, что

она леди. Чтоб ее Эрлик забрал, если это правда. Ругается-то она, как матрос. Измывается надо мной в моей собственной кухне и поливает меня такой бранью, какой я даже от наших солдафонов не слышал.

Конан раздраженно тряхнул головой. Он был сейчас совсем не в настроении выслушивать жалобы, особенно когда ему казалось, что по всему его телу ползают муравьи.

— Если ты хочешь вычистить двор, — проворчал он, — так и займись этим сам.

Фабио уставился на него с раскрытым ртом, но киммериец уже ушел.

Конан поскреб голову. Что с ним такое? Могло ли так быть, что эта проклятая бронзовая фигурка, Зло, которое Юлия сразу почувствовала, вышло из-под полы и околдовало его, пока он спал?

— Киммериец! — крикнул Борос, выходя из дома. — А я тебя повсюду ищу!

— Зачем? — Буркнул Конан, но быстро постарался взять себя в руки. — Что тебе надо? — осведомился он более приветливо.

— Беспокоюсь я из-за этой статуэтки. — Старик огляделся по сторонам и понизил голос. — Ты больше не думал, как ее уничтожить? Чем больше я размышляю, тем больше склоняюсь к мнению, что это может сделать только посох Аванрахаша.

— Я не буду красть этот чертов скипетр! — рявкнул Конан.

Когда он увидел приближающегося Махаона, он почувствовал, что окончательно выходит из себя. Седоволосый наемник удивленно посмотрел на мрачное лицо киммерийца, но сказал только:

— За нами следят — или, во всяком случае, следят за домом.

Конан вцепился пальцами обеих рук в пояс. Это касалось отряда и потому было важно. Слишком долго и слишком сурово пришлось ему потрудиться, создавая и сохраняя его, чтобы теперь из-за своего странного раздражения позволить ему попасть в беду.

— Люди Карелы? — спросил он почти спокойным голосом. Ему стоило больших трудов держаться так спокойно.

— Вряд ли. Разве что она стала принимать в свою банду молодых щеголей, — ответил Махаон. — Двое, начищенные, словно собрались нанести визит к леди, с платочками, которые они все время прикладывают к носу. Они прогуливаются по улице взад-вперед. Их интерес к нашему дому очевиден.

Молодые дворяне, подумал Конан. Это могут быть люди Антимидеса, потому что граф вполне мог задуматься над тем, много ли из известного Конану рассказал ему киммериец. А может быть, они явились ради статуэтки? Хотя до сих пор никаких нежных господ за ней не гонялось. Возможно, речь шла сейчас об этом Тараменоне, ревнивце, волочащемся за Синэллой и его друге, и оба они хотят поглядеть, что за человека взяла к себе на службу красавица с серебряными волосами. Слишком много вариантов ответа, а он сейчас не в том состоянии, чтобы найти среди них правильный.

— Если мы их прихватим, когда они в следующий раз подойдут к дому... — начал он и прервал сам себя, когда оба его собеседника испуганно отшатнулись.

— Ты, должно быть, ненормальный, — сказал Брос. — Это, несомненно, все проклятая статуэтка. Она замутила твой разум. Ее нужно уничтожить как можно скорее!

— Не знаю, что там лопочет этот старый болтун, — буркнул Махаон, — но среди бела дня украсть двух аристократов на улице Ианты... Киммериец, чтобы после этого уйти живым из города, потребуется обладать счастьем десяти британских мудрецов.

Конан прикрыл глаза. В голове у него все смешалось. Клубы тумана, казалось, и впрямь замутили его сознание. Это может быть смертельно! Он ДОЛЖЕН ясно соображать, иначе он может погубить все и всех.

— Милорд Конан? — произнес смиренный голос.

Конан открыл глаза и увидел босого человека в короткой белой куртке раба с красной каймой.

— Я не лорд, — сказал он.

— Так что... м-м... простите, благородный господин. Мне было поручено передать вам, что леди Синэлла хочет видеть вас у себя дома.

Воспоминания о стройной полногрудой аристократке поплыли перед внутренним взором Конана и заслонили собой все остальное. Теплое чувство тоски по ней прогнало мучительное беспокойство. Он строго сказал себе, что она, вне всякого сомнения, позвала его для того, чтобы обсудить с ним обязанности, возложенные на отряд. Но эта мысль была слышна так же хорошо, как шепот во время бури на озере Вилайет. Что бы она там ни произносила вслух, ее тело выдавало все ее тайны!

— Показывай дорогу! — приказал Конан и вышел из ворот на улицу, не дожидаясь. Рабу пришлось догонять его и потом бежать рядом, чтобы не отстать.

Конан почти не обращал на него внимания. С каждым шагом образ Синэллы становился все притягательнее и его дыхание учащалось. Теперь он так отчетливо видел все подробности ее фигуры: ее округлую грудь над великолепно узкой талией, которую он мог полностью обхватить двумя ладонями, ее крутые бедра, стройные ноги. Только она для него и существовала, и он вовсе не замечал кипящей толпы на улице, он почти не сознавал, что идет по городу.

При приближении к дому Синэллы человек в короткой куртке забежал вперед, чтобы провести киммерийца по лестницам и бесконечным коридорам. Но Конан был уверен в том, что нашел бы дорогу и без него. Его ладоням не терпелось ощутить прикосновение шелковистой кожи Синэллы.

С глубоким поклоном раб открыл дверь в покой Синэллы. Белокожая красавица стояла, прижимая к горлу ладони. Огромные темные глаза горели на лице, обрамленном шелковистыми волнами платиновых волос. Прозрачный шелк не скрывал ее алебастрового тела.

— Оставь нас, Сципио, — приказала она слегка дрожащим голосом.

Конан даже не заметил, что раб закрыл за собой дверь. Воздух с трудом вырывался из его легких, ногти впились в кожу ладоней. Он никогда еще не посягал на женщину, которая сама этого не хотела, но здесь — и он знал это — ему с собой не совладать. Одного жеста, одного ее слова, которое можно истолковать как приглашение, будет достаточно. В нем

бушевала буря, непреодолимое желание сражалось с его железной волей. И в первый раз в жизни он почувствовал, что его воля начала сгибаться.

— Я звала тебя, варвар, — начала она. Она глотнула и попыталась начать с начала. — Я велела привести тебя...

Голос ее замер, когда он шагнул к ней. Нежно положил он ладони на ее плечи. Она не подозревала, как трудно ему сейчас не сорвать с ее тела этот вызывающий прозрачный шелк. Заглянув в запрокинутое к нему лицо, он увидел страх и желание. Ее смоляные глаза, казалось, превратились в бездонные озера, и в них можно было затеряться навсегда. А его глаза горели синим огнем.

— Не бойся меня, — попросил он жарко, — я не причиню тебе боли.

Она склонилась к нему щекой и прижалась грудью к его груди. Улыбка, которой он не мог видеть, скользнула по ее губам. Эта улыбка смягчила страх в ее глазах, но не прогнала его совсем.

— Ты мой, — прошептала она.

— С тех пор, как я поцеловал тебя в первый раз, — хрипло сказал Конан, — тебя потянуло ко мне так же сильно, как сейчас я жажду тебя. Я знал, что мне тогда не почудилось.

— Идем, — прошептала она и схватила его за руку. — Моя кровать за этой дверью. Я велю принести вина и фруктов.

— Нет! — рявкнул он. — Я не могу ждать так долго!

Он схватил тонкий шелк и сорвал его, обнажая цветущее тело. Не обращая внимания на ее протестующие крики о том, что могут войти слуги, он повлек ее на пол. Вскоре протесты стихли.

Глава двенадцатая

Солнце снова приближалось к полудню, когда Конан покинул дом Синэллы. Мысли его были обращены к часам, которые протекли быстро почти незаметно. Она так занимала его, что он совсем не замечал времени. Если бы она не покинула кровать, пока он спал, он наверняка еще оставался бы

там. Целый день и целую ночь провели они вместе, и все это время почти не спали. Но в нем до сих пор пылало вожделение к ней, которое вздымалось до небес, когда он думал о ней. Только чувство долга по отношению к отряду и ее отсутствие позволили ему преодолеть желание одеться и уйти.

Оглушенный, шагал он по оживленным улицам так, что они были пусты, и не видел ничего, кроме женщин, взявшей его в плен. Купцы в развевающихся одеждах с капюшонами, девицы для радости, одетые лишь в позолоченные пояски и звенящие браслеты, поспешно бросались врассыпную, чтобы он не сбил их с ног. Аристократы в дорогих шелках и длиннородые мудрецы забывали свое достоинство и отскакивали прочь, когда они возмущенно понимали, что он будет слепо идти своей дорогой. Он слышал «добрые напутствия», летевшие ему вслед, но проклятия, изрыгаемые дюжиной глоток, не говорили ему ничего. Для него это было лишнее бессмысленное бормотание, которое не имело к нему отношения.

Вдруг один человек, который не отошел в сторону, толкнул Конана в грудь, и киммериец внезапно замер, уставившись в возмущенное лицо. Воспоминания о шелковистом теле Синэллы немного поблекли, не исчезнув, впрочем, окончательно. Человек был не старше его. Его куртка из голубого бархата с золотой вышивкой, золотая цепь на шее, маленькая модная бородка, платочек в руке — все свидетельствовало о том, что он знатного рода.

— Эй ты, вор! — издевательски сказал молодой лорд. — Вот я тебя поймал!

— Прочь с дороги, болван! — рявкнул Конан. — У меня нет времени играть в игрушки с маленькими лордиками.

У него на поясе был меч, что не очень-то подходило к щегольской одежде, заметил киммериец.

Он попытался обойти молодого аристократа, но второй дворянин с тонкими усиками и бородкой встал рядом с вызывающе-высокомерным видом. На каждом его пальце сверкало по кольцу с драгоценным камнем, но и у него с собой был меч.

— Этот инородец, — громко произнес он, — ограбил моего друга.

Конан спрашивал себя, кому он все это говорит? Ведь никто на оживленной улице не обращал на них внимания. На самом деле они заняли большую часть мостовой, так что прохожие протискивались мимо них. Не хотел он знать и о том, что за удовольствие было этим двоим его останавливать. Он хотел только удостовериться в том, что с его отрядом все в порядке, а затем вернуться к Синэлле так быстро, как это только возможно. К Синэлле с шелковистой кожей цвета алебаstra.

— Оставьте меня в покое, — предупредил он и сжал огромный кулак, — или вы услышите, как звенят колокола. Я ничего не украл.

— Он напал на нас! — взревел юноша с усами и вытащил меч из ножен, в то время как второй бросил Конану в лицо свой платок, смоченный розовыми духами.

Слишком много поединков было за плечами у Конана, чтобы он мог позволить воспоминаниям о Синэлле завладеть собой полностью. Клинок, который должен был снести ему голову, просвистел в воздухе, когда он отпрыгнул в сторону. Ярость очистила его мысли от всего, кроме сражения. Эти ребята хотели сделать себе развлечение из его смерти. И за это их не привлекут к ответственности — ведь речь идет о каком-то иностранце. Но они выбрали себе не беззащитную жертву. Обнажив меч, Конан ударил аристократа, толкнувшего его ногой в нежную часть тела с такой силой, что тот закричал, как женщина, и, скорчившись, повалился.

Молниеносно повернувшись, Конан отбил клинок, который юноша с усами пытался всадить ему в спину.

— Кром! — взревел киммериец. — Кром и сталь!

Меч его превратился в сверкающее оружие уничтожения.

Шаг за шагом теснил он своего противника, на куртке которого множились кровавые пятна, поскольку его отчаянное сопротивление было недостаточно ловким для того, чтобы вовремя отбивать широкий меч киммерийца. На лице юноши проступило недове-

рие, как будто он не мог понять, как это его противник обращается с мечом лучше, чем он. С безумной отвагой он бросился в атаку. Только один раз сверкнула еще сталь Конанова меча, но и этого юноша не пережил.

Когда тело упало на камни мостовой, скрип сапог по плитам предупредил Конана об опасности. Он развернулся и встретил выпад первого аристократа, который снова поднялся на ноги. Лицом к лицу, скрестив клинки, они стали друг против друга.

— Я лучше, чем Деметриос, — сказал нападающий. — В этот час ты уже предстанешь перед своими богами, варвар!

Резким движением своего могучего плеча Конан оттолкнул его, так что он зашатался.

— Иди лучше, поплачь на груди своей мамочки, — сказал ему Конан. — И дождись, пока доживешь до такого возраста, чтобы развлекать своим хвастовством глупых женщин — если они станут слушать тебя.

С криком ярости молодой человек кинулся с мечом на Конана. Раз за разом высекали искры их клинки. Затем широкий меч киммерийца скользнул, рассекая ребра до самого сердца обидчика.

Еще мгновение смотрел Конан в его темные глаза.

— Ты был лучше, — сказал он. — Но все же недостаточно хорош.

Молодой лорд еще раз шевельнул губами; но вместо слов изо рта хлынула кровь, и смерть похитила блеск его глаз.

Конан выдернул меч из тела и вытер его о куртку из голубого бархата. Прохожие все еще держались на почтительном расстоянии, словно вокруг Конана и обоих убитых выросла невидимая стена, и никто даже не смотрел в их сторону. При том настроении, какое царило в городе, было более чем вероятно, что никто, даже столкнувшись с ними нос к носу, ничего «не увидит» — за исключением, конечно, тех, кого королевские палачи примутся тянуть за язык. И тем не менее совсем не обязательно было стоять здесь и ждать, что вот-вот из толпы вынырнет отряд воинов Искандриана. Сунув меч в ножны, Конан смешался с толпой и пропал в ней.

Теперь его сознание не было уже так затуманено

мыслями о Синэлле. Убив двоих забияк, он вспомнил слова Махаона насчет того, что два каких-то юных дворянчика следят за их домом. Предположение о том, что на следующее утро на него напали два каких-то других лорда, он отменил как несостоятельное. Один из нападавших громко вопил, что Конан ограбил его друга, словно хотел, чтобы у него были свидетели.

Это было не в обычаях убийц, но они, возможно, хотели изобразить необходимую оборону.

Если бы им посчастливилось убить его, кто в Ианте принял бы сторону мертвого варвара против двух живых аристократов? Прохожие сочли за лучшее вообще не замечать происходящего. Но если бы их заставили говорить под угрозой пытки, кто бы не вспомнил о том, что Конан был обвинен в краже, а те, кто мог доказать его вину, подверглись нападению? С судьей короля и отрядом офицеров Деметриос и его друг отправились бы к Вольному Отряду и потребовали бы отдать украденное. Возможно, после этого они перерыли бы весь дом. И тогда бронзовая статуэтка попадет в руки тех, кто хочет использовать ее в своих целях. После этого Борос и Юлия могут очень долго распространяться насчет злых богов и обрядов в Воротах Аль-Кири. Никто не станет слушать лепет вечно пьяного бывшего ученика чародея или болтовню кухонной прислуги.

Конан ускорил шаги, подгоняемый почти мучительным желанием удостовериться в том, что бронзовая фигурка все еще находится под половицами спальни. В одном он был уверен до конца: ни одной ночи в Офире он не будет теперь спать спокойно, пока эта проклятая штука еще не уничтожена.

Медленно погасли черные свечи, и Синэлла опустила руки с удовлетворенным вздохом. Она завершила волшебство, которое привязывало к ней варвара. Его тяга к ней станет немного нежнее и перестанет быть столь сокрушительной.

С усталым вздохом она опустилась на низкую скамеечку и смахнула с лица серебряные волосы. Она сняла одежду — ничем не украшенное платье из

красной шерсти было единственным, что ей удалось схватить во время бегства. И какого бегства!

— Но как же я могла знать, какие силы я развязываю? — прошептала она. Кто бы мог подумать, что человек так...

Она беспомощно вздрогнула.

В руках Конана она почувствовала, что ее захватила такая стихия, против которой был человек бессилен, как перед лавиной. Он зажег и раздул в ней пламя, и погасить его было невозможно. И когда это пламя поглотило все и варвар удовлетворил разбуженное в нем желание, он сумел зажечь его снова. Она пыталась порвать бесконечный круг — не раз и не два, — но ее захлестнули воспоминания... Воспоминания о криках, которые невозможно было подавить, когда слова не шли на язык и разум висел на тонком волоске, когда рассудок раздирали страсти. Ее чары не только пробудили в нем похоть, но и усилили его многократно, сделали ее неодолимой и ненасытной. Его сильные руки обращались с ней, как с куклой. Его руки, которые были такими сильными, опытными и так в ней были уверены.

— Нет, — пробормотала она рассерженно.

Она не хотела думать о его руках, это делало ее слабой! Лучше она подумает о том унижении, которое она испытала, когда, почти без сил, она выбралась из своей собственной кровати, когда варвар наконец заснул и как она кралась, словно воровка: только чтобы не разбудить его. Она знала — влечение вспыхнет в нем снова, если он только ее увидит. Она спала на полу своего чародейского покоя, свернувшись на жестком мраморе, без всякого матраса, даже тонюсенького, какие имеются даже у ее рабынь. Спала, укрывшись плащом, не то размышляя, не то погружаясь в грезы. Да, подумай об этом, приказала она себе, а вовсе не о том влечении, которое даже в воспоминаниях окатывало ее жаром.

Из ее горла вырвался громкий всхлип. Она вскочила на ноги и заметалась. Ее взгляд упал на серебряную пластину. Расплавленный воск затвердел. Зола крови и волос все еще лежали на ней. Чародейство было завершено. Больше ей никогда не придется пере-

живать ночей, подобно этой, когда она стала пылинкой в урагане страстей варвара. Он всегда будет принадлежать ей к вершинам наслаждения, но его похотью можно будет управлять.

«Почему я так долго боялась?» — спросила она себя. Если этим заниматься с умом, то это что-то изумительное, чудесное. Нужно только держать мужчин под контролем, чтобы они не использовали свою власть.

Вот то, чему женщины не научились. Но ей это как раз хорошо известно. Если женщины не хотят избегать мужчин, им нужно уметь управлять мужчинами. У Синэллы всегда будет власть. Как удивительно и как прекрасно, что в данном случае эта власть будет также и ключом к ее безопасности!

Стук в дверь прервал ее размышления. Кто же осмелился мешать ей здесь? Постучали снова, на этот раз более требовательно. Держа плащ на груди и запахнув его, она рванула дверь, намереваясь пригрозить слуге содранной шкурой.

Но вместо этого у нее вырвалось удивленное:

— Ты?!

— Да, я, — сказал Тараменон, едва сдерживая ярость. — Вчера вечером я хотел навестить тебя, но ты была... занята.

Она нежно положила ладонь на его грудь и оттолкнула его. Как легко она могла управлять им даже в его гневе! Она закрыла за собой дверь. Ни один человек, даже Тараменон, не должен входить в ее колдовские покои.

— Хорошо, что ты здесь, — сказала Синэлла, словно не услышав обвинения в его голосе. — У нас есть кое-что, что мы должны обсудить. Нам нужно найти женщину...

— Ты была с ним! — проскрежетал аристократ. — Ты дала этой свинье, этому варвару то, что обещала отдать мне.

Синэлла выпрямилась во весь рост, и ее ледяная ярость ударила его, как кинжал.

— То, что я кому-то даю, — МОЕ дело. То, что я делаю, — МОЕ право. И НИКТО не смеет мне здесь приказывать!

— Я убью его! — простонал Тараменон, полный душевной муки. — Я убью его, как шелудивую собаку!

— Ты будешь убивать, кого я тебе прикажу убить. И когда прикажу.

Голос Синэллы стал мягче. Эта встряска прогнала ярость с лица Тараменона. У нее еще найдется применение для этого человека. Она уже давно знала, как управлять им без всякого колдовства.

— Варвар мне еще понадобится некоторое время. Потом я разрешу убить его, если ты захочешь.

Последнее пришло ей в голову только что. Конан был чудесный любовник, но зачем ограничивать себя только одним? Мужчины тоже ведь обычно не удовлетворяются одной женщиной. Но все же молодой великан всегда будет занимать в ее сердце особое место, потому что он открыл ей путь к неожиданной радости. Как только она станет офирской королевой, она соорудит ему роскошный мавзолей.

— Я нашел нужного тебе бандита, — ворчливо проговорил Тараменон. — Или, во всяком случае, бандитку.

Синэлла подняла брови.

— Женщина? Без сомнения, холодная как лед, шлюха с лохматыми волосами и сверлящими глазами!

— Она самая прекрасная женщина, какую я когда-либо видел, — возразил он.

Внутренне Синэлла вздрогнула, и лицо ее напряглось. А почему этот болван вломился к ней? Что это за нашествие? Прислужницы не успели одеть ее и сделать привлекательной!

— Если она принесет мне свитки из собрания Инароса, мне безразлично, как она выглядит.

Он усмехнулся, и она уставилась на него. Внезапно он стал держаться куда увереннее, словно что-то было у него на уме.

— Если ты полагаешь, что у тебя получится меня провести, — начала она угрожающе, но он прервал ее:

— Я не стал поручать ей это дело с библиотекой Инароса, — сказал он.

Синэлла онемела. Когда голос вновь вернулся к ней, она смогла лишь прошептать:

— Почему же?

— Потому что я велел ей достать статуэтку Аль-Киира. Она знает, где эта вещь. Она описала мне ее. Это я, я достану тебе то, что тебе необходимо. И ты думаешь, тебе удалось скрыть твое нетерпение, твою жадность? Ты жаждешь заполучить эту вещь больше, чем все остальное из собранного тобою вместе взятое! Я принесу тебе то, чего ты жаждешь, Синэлла, я — а не этот зверюга-варвар. И за это я ожидаю награды. Хотя бы такой, что получил от тебя он.

Ее темные глаза, казалось, излучали лед. Плащ упал на пол. Тараменон закашлялся, пот проступил на его лбу.

— Ты попадешь в мою постель тогда... — сказала она ласково, но следующие ее слова хлестнули, как бичи железными шарами на концах: — ...когда я прикажу тебе туда лечь! Ты придешь, да, может быть, даже раньше, чем мечтаешь. И уж конечно, раньше, чем ты заслуживаешь. Но только если я скажу. — Она снова презрительно завернулась в плащ. — Когда тебе передадут статуэтку Аль-Киира?

— Знак, условленный между нами, — ответил он сердито, — человек в моем красном мундире. Он будет стоять в полдень у главных ворот королевского дворца. При заходе солнца того же дня я встречу с ней в одной лесной хижине.

Синэлла задумчиво кивнула.

— Ты говоришь, эта женщина красива? Красивая женщина, которая делает то, что обычно делают только мужчины... Женщина, которая ведет за собой мужчин, вместо того чтобы повиноваться им... У нее, должно быть, дьявольская гордость. Я пойду в эту хижину вместе с тобой, Тараменон.

Уголкем глаза она заметила раба, который осторожно приближался к ней по коридору. В ярости от того, что ей мешают, она бросила:

— Что?..

Человек упал перед ней на колени, касаясь лбом мраморного пола.

— Послание, всемилостивейшая госпожа, от благородного Элфрика.

Не поднимая головы, он протянул свернутый в трубку пергамент.

Синэлла нахмурилась и вырвала из рук раба послание.

Элфрик был гофмейстером Асмарка, ее старого фамильного поместья. Он честно служил ей, но был также и рад тому, что графиня редко посещала Асмарк и позволяла ему делать там что угодно. Было нечто необычное в том, чтобы он таким образом напоминал о себе. Синэлла поспешно сорвала печать с оттиском перстня.

«Всемилоостивейшей леди Синэлле.

В глубокой печали посылаю я это известие. В прошедшие дни наглые бандиты, объединившись, напали на личные луга моей госпожи, подожгли посевы и сено, угнали в леса скот. Даже сейчас, когда ваш нижайший слуга принужден писать сие плачевное послание, на горизонте видны новые столбы пламени. Молю вас, миледи, пришлите нам помощь, иначе ничего нельзя будет здесь спасти из урожая, и голодная смерть станет участью здешнего люда.

С нижайшим почтением ваш преданный слуга
ЭЛФРИК».

Синэлла гневно скомкала пергамент. Бандиты напали на ЕЕ поместье? Как только она воцарится на престоле, она позаботится о том, чтобы каждый разбойник в стране был посажен на кол на стенах Ианты. А Элфрик, между прочим, должен сам кое-что делать.

«Минутку!» — сказала она себе. Имея власть Аль-Киира, она сможет завоевать трон и в равной степени повелевать и крестьянами, и аристократами, но не к лучшему ли этот повод доказать всем, что она — нечто большее, чем любая другая женщина? Если отряд Конана отправится в Асмарк и покончит с бандитами...

Она пнула раба ногой.

— Я уезжаю в поместье. Скажи остальным, пусть приготовят все, что нужно. Ступай!

— Слушаюсь, госпожа. — Раб отполз на коленях

на несколько шагов, прежде чем встать. — Сию секунду, госпожа.

Он низко наклонился и быстро пошел по коридору назад.

— А ты, Тараменон, — приказала Синэлла, — поставь какого-нибудь человека ждать условленного сигнала. Как только ты его получишь, скачи к замку Асмарк и жди меня там. В ту ночь и закончится твое ожидание.

Она чуть не рассмеялась, заметив на его лице похотливое выражение.

— Ступай! — сказала она ему тем же тоном, что и рабу, и Тараменон побежал почти так же, как раб.

Каждой вещью можно управлять, сказала она себе. После чего принялась составлять письмо варвару.

Глава тринадцатая

Оглядывая караван, который снова остановился по приказанию Синэллы, Конан подтянул подпругу и выпрямился. Двадцать три телеги с большими колесами, каждая запряжена двумя быками, были нагружены доверху всем тем, что графиня Асмарк сочла необходимым для долгосрочного переезда в свой провинциальный замок. Здесь были свернутые пуховые перины, шелковые, пестро расшитые подушки, сосуды драгоценнейших вин из Аквилонии, Коринфии и даже Каурана; ящики с деликатесами, которые трудно достать за пределами столицы; ларцы и бесконечные сундуки, набитые сатином, бархатом, кружевами.

Синэлла путешествовала в позолоченных носилках, которые несли шесть крепких рабов; портшез был занавешен шелковыми шторами, которые хотя и пропускали освежающий ветерок, но защищали ее алебастровую кожу от лучей солнца. Ее четыре белокурых горничных жались в тени повозки и защищались, как могли, от полуденной жары. Их грациозность притягивала к себе немало взоров. Тридцать наемников окружали повозки. Но женщины не замечали ничего, кроме приказов своей госпожи. Кроме того, пять дюжин рабов и слуг — погонщики, служанки, швеи,

даже два повара, яростно спорившие между собой, кто вкуснее приготовит языки колибри — все они искали спасения в тени.

— Проклятье, посмотрите на деревья, — сердито сказал Конан.

Вздвогнув, наемники оторвали взгляд от белокурых красавиц, чтобы снова осмотреть лес, который окружал широкую поляну, где они расположились на отдых.

Киммериец был против этого привала, как, впрочем, против каждой из предыдущих остановок тоже. Из-за бычьих упряжек они и так двигались достаточно медленно, и даже при самой большой из возможных для этих животных скорости могут достигнуть крепости Синэллы только к завтрашнему вечеру. Одной ночи в лесу будет для этого странного пуга более чем достаточно. В одной палатке будет спать Синэлла; в другой она же будет умываться; третья предназначена для ее горничных. Затем надо зажечь костры: один — где Синэлла будет греться, два — для поваров, еще несколько — чтобы девицы не боялись темноты. И все, без сомнения, такие большие, что даже сквозь деревья их будет видно с очень далекого расстояния.

Махаон направил лошадь к Конану.

— Я слышал о Кареле, киммериец, — сказал он. — Вчерашней ночью в «Голубом кабане» я разговаривал с одним сводником, хитрющим пройдохой. Он отбил своих девок и с ними весь доход свой у другого. После третьего кувшина пива он стал довольно разговорчив. Я хотел тебе раньше рассказать, но тут свалился приказ нашей нанимательницы, и стало не до того.

— Что же ты слышал в конце концов? — нетерпеливо спросил Конан.

— Ну, во-первых, что она снова выступает под своим именем. Хотя она совсем недолго в Офире, она уже сколотила банду в двадцать человек и добилась чести у Искандриана: он оценил ее голову в двадцать золотых.

— Такая маленькая цена ее бы разозлила. — Конан засмеялся. — Но она не останется такой низкой, это уж точно. Как бы получить от нее известие или найти ее самое? Что он говорил об этом?

— Через некоторое время парню, кажется, стало ясно, что он болтает слишком много, и больше он не проронил ни звука. — Махаон улыбнулся откровенному разочарованию Конана. — Но я от него узнал достаточно, чтобы разнюхать кое-что самостоятельно. К северу от Ианты, час езды на хорошей лошади, еще сохранились развалины старой крепости, которая так заросла лесом, что едва найдешь. Там банда Карелы обычно проводит ночи. Я уверен.

Конан широко ухмыльнулся.

— Я не найду себе покоя, пока она не скажет, что у нее нет против меня ничего, даже если мне придется спустить шкуру с нее, добиваясь этих слов.

— Это лекарство я бы с радостью прописал кое-кому другому, — проворчал ветеран с многозначительным взглядом в сторону портшеза.

Конан проследил его взгляд и вздохнул.

— Мы слишком долго отдыхаем, — просто сказал он.

Когда молодой киммериец шел к занавешенным носилкам, он пытался (и сегодня уже не в первый раз) понять, что же произошло в последние два дня. Прошедший день и прошлая ночь вставали перед ним, как сон, безумный лихорадочный сон, где желание выжгло все остальные чувства. Было ли все то, что он грезил, на самом деле? Были ли белые ноги Синэллы, ее страстные вопли? Все это казалось далеким и нереальным.

Когда он появился по ее приказу, он не ощущал этой всепоглощающей потребности. Он хотел ее, хотел больше, чем любую другую женщину до нее. Больше, чем всех женщин своей жизни вместе взятых. Но он остался верен своей сдержанности и не поддался тому странному принуждению, которое было чуждо его натуре. Он не терял самообладания, когда дело доходило до женщин. Так могли ли воспоминания о прошлом дне вообще быть правдой?

Но он ей подчинялся! Когда она высокомерно и величественно, точно королева, давала ему указания, как он должен разделить людей для этого перехода, он хотел было, фыркая, объяснить ей, что это уже все его заботы. Вместо этого он, чуть ли не с мольбой,

принялся устало уговаривать ее, просить оставить ему команду над его отрядом. Он имел дело с королями и другими владыками, но ни с кем он не вел себя так необъяснимо. Как же это вышло, что женщина оказывает на него такое странное влияние? Он поклялся, что будет держать себя с ней иначе.

Он остановился у носилок с задернутыми шторами и поклонился.

— Если миледи не возражает, то нам уже пора отправляться в путь.

Про себя он выругался. Свою клятву он принимал серьезно, но нарушил ее почти сразу. Да что с ним случилось? Но он просто не мог иначе.

— Опасно, миледи, так долго оставаться на одном месте. Здесь бродят бандиты и кое-что похуже.

Нежная ручка отодвинула прозрачные занавески, и Синэлла спокойно взглянула на него. Слабая улыбка играла на ее полных губах. Ее дорожная одежда из тонкого льна обтягивала фигуру, подчеркивая ее округлости. Конан глотнул при виде ее, и ладони у него вспотели.

— Было бы не так опасно, — заметила она, — если бы ты меня послушался и взял с собой весь отряд.

Конан скрипнул зубами. Половина его «я» хотела сообщить этой дурище, что она должна была бы оставить военное ремесло тем, кто в нем что-то понимает. Вторая половина испытывала потребность бормотать извинения.

— Нам пора выступать, — с трудом выдавил он. Он не знал, что сказал бы еще, если бы ему не удалось сильно сжать зубы.

— Ладно, позаботься об этом, — сказала она и снова задернула занавес.

Прежде чем повернуться, Конан снова поклонился. Желудок у него сводило, когда он возвращался к своей лошади. Наверное, он и впрямь свихнулся!

— По коням! — взревел он и прыгнул в седло. — Готовьтесь, мы выступаем! Погонщики, к быкам!

Болтающие и смеющиеся женщины побежали вдоль ряда телег.

— Сгоните девиц с повозок! — крикнул он. — Нам

нужно выжать из быков всю скорость, на какую они способны. Никакого лишнего веса. Живо!

Зазвенела посуда, когда тяжеловесные быки начали двигаться. Гремя оружием и доспехами, наемники сели на лошадей.

Не успел Конан поднять руку, чтобы дать сигнал, как большая группа всадников в кольчугах лавиной накатила на них из леса. Испуганные женщины в ужасе завизжали, ослы, которым переданся страх, жалобно заревели. Как раз этого киммериец и боялся с самого начала их похода из Ианты. Но как раз потому он и подготовился к подобному сюрпризу.

— Луки! — приказал он, и тридцать коротких луков оказались на высоте груди их владельцев.

Эти сильные луки, которые на западе никому — за исключением Вольного Отряда — не были известны, не могли быть натянуты, как обычные. Взяв тетиву тремя (а не двумя пальцами), киммериец натянул лук до щеки.

Их было около ста, прикинул он. Они не носили никаких отличительных цветов какого-либо знатного дома; не было у них знамен, но для разбойников они были слишком хорошо вооружены. За стрелой Конана последовали тридцать других. Нападающие были еще слишком далеко для того, чтобы удобно было целиться, но большинство стрел все равно достигли цели. Поэтому некоторые седла опустели. Несмотря на это, нападающие с боевым кличем неслись вперед. Когда Конан выпустил третью свою стрелу — оперенная смерть вонзилась в прорезь для глаз шлема, украшенного целым кустом перьев; всадник схватился ладонями за лицо и опрокинулся; лошадь продолжала бежать, — когда это произошло, противник был уже слишком близко, чтобы имело смысл доставать из колчана четвертую стрелу.

— Мечи к бою! — крикнул Конан. Он сунул лук в колчан из лакированного дерева, притороченный к седлу. Обнажив меч и просунув левую руку в ремешковые петли щита с шипом посередине, он вдруг сообразил, что шлем его все еще висит на луке седла. Ярость боя охватила его. Пусть они видят, кто убивает их, подумал он.

— Кром! Кром и сталь!

Сжав колени, он пустил своего сильного аквилонского жеребца в галоп. Конан увидел, что Синэлла стоит возле своих носилок, приоткрыв губы, словно собираясь кричать, но он ничего не слышал — все заглушало бешено стучащая в ушах кровь. И вот он уже сталкивает своего жеребца с другой лошадью, повергает ее на землю и топчет вооруженного всадника тяжелыми подковами.

Щитом встретил киммериец клинок и в тот же миг отсек нападавшему руку до самого плеча. Он тут же повернул меч в другую сторону, глубоко вонзая его в шею другого противника.

Все это время он думал о своих людях, которые были втянуты в борьбу один на один. Только если случайность сводила в бою двух товарищей, они могли помочь друг другу.

Один воин в кольчуге подскочил, высоко подняв широкий меч и желая опустить его на Конана, но киммериец направил длинный шип своего шипа в грудь нападавшему и одним рывком своей могучей руки вырвал его из седла. Жеребец Конана, приученный к битвам, ударил копытами передних ног лошадь противника, и Конан направил его дальше, в гущу сражения.

В грохоте и сумятице звенящих клинков и орущих глоток звучал клич:

— Конан! За киммерийца!

Пора, подумал Конан и увидел Наруса во главе двадцати своих солдат, нападающих на врага с тыла. Для дальнейших размышлений времени не оставалось. Он обменялся сильными ударами меча с парнем, кольчуга которого была забрызгана кровью его предыдущего противника. Он увидел, как один из его солдат падает на землю с разрубленной головой. Убийца промчался мимо, размахивая мечом и выкрикивая боевой клич. Конан высвободил ногу из стремени и ударом вышвырнул из седла победителя. Одновременно с этим он успел отбить своим мечом меч другого противника и вонзить клинок тому под подбородок, там, где кожа виднелась над звеньями кольчуги. Мертвый, воин понык в седле. Тот, кого Конан сбросил на землю, поднялся на ноги. Конан отразил его выпад и следующим ударом опять швырнул его в пыль — мертвого.

- Кром и сталь!
- Конан! Конан!
- За киммерийца!

Это было уже чересчур для агрессоров: сжатые с двух сторон, они увидели в самом эпицентре боя огромного северянина, одержимого боевой яростью, а противников было не счесть в суতোлке сражения! Страх охватил одного, потом другого. Паника росла, и теперь у них была только одна мысль: добраться до безопасного места. Когда они бросились бежать, рассыпаясь по всем направлениям, некоторые из наемников принялись преследовать их с радостным улюлюканием, как охотники дичь.

— Назад, идиоты! — рывкнул Конан. — Чтоб вас Эрлик забрал! Назад!

Нехотя они прекратили погоню и вскоре после этого последний человек в кольчуге, который еще в состоянии был бежать, исчез в лесу. Люди отряда вернулись назад с победным воплем на устах.

— Великолепный план, киммериец, — крикнул Нарус, смеясь и рысью подъезжая ближе. — Бросить нас неожиданно в тыл непрошеным визитерам.

Его доспех был забрызган кровью, но ни одна капля не была его собственной. Тощий человек, каким бы несчастным он ни выглядел, с клинком в руке мог потягаться с Махаоном, и никто не мог бы одолеть ни одного из них — за исключением Конана.

— Ставлю десять против одного в золоте, что они не сообразили, сколько нас всего!

— Это пари слишком легко выиграть, — ответил Конан, слушая вполуха. — Махаон! — крикнул он. — Как у нас с потерями?

— Я как раз считаю, киммериец. — Ветеран завершил свой обход и остановился перед Конаном. — Двое убитых и двенадцать раненых, которых нужно положить в повозки, — доложил он.

Конан мрачно кивнул. Более двадцати врагов лежали на лужайке, разбитой множеством копыт, и только несколько из них еще слабо шевелились. Примерно столько же осталось у края леса с оперенными стрелами в груди. В том суровом мире, где жили наемники, это все означало не более чем исход

вничью, потому что враги найдутся всегда, в то время как новых наемников не так-то просто завербовать.

— Посмотри, не осталось ли в ком-нибудь достаточно жизни, чтобы ответить на наши вопросы, — приказал киммериец. — Я хочу знать, кто натравил их на нас и почему.

Махаон и Нарус быстро разошлись. Они осматривали лежащих вокруг, то и дело переворачивая то одного, то другого. Наконец они вернулись назад вместе с истекающим кровью человеком. Ужасная рана пересекла лицо и шею.

— Пощады, — прохрипел он. — Имейте сострадание...

— Имя того, кто послал тебя, — потребовал Конан. — Всех ли вы должны были перебить или только некоторых?

В намерения киммерийца не входило убивать беспомощного раненого пленника, но тот, вне всякого сомнения, опасался худшего. Он поспешно ответил:

— Граф Антимидес. Он приказал нам убить вас, а леди Синэллу целую и невредимую, однако в цепях и нагую, доставить к нему.

— Антимидес! — прошипела Синэлла. Наемники удивленно смотрели на нее, когда она стремительно шла по полю битвы. Повсюду кровь, убитые, умирающие — это зрелище не для женщины. Но Синэлла, казалось, вовсе не замечала этого.

— Так это он осмелился идти мне наперерез? — продолжала она. — За это он заплатит своими глазами — и еще тем, что делает его мужчиной! Я...

— Миледи, — прервал ее Конан, — те, кто на нас напал, сейчас, вероятно, собирают свои силы, чтобы повторить попытку. — Он беспокоился за нее, не за себя. — Вам нужно тотчас возвращаться в Ианту, и лучше всего верхом.

— Назад, в город? — Синэлла резко кивнула. — Да. И когда я там появлюсь, Антимидес заплатит мне!

Ее глаза светились ожиданием мести.

Конан позаботился о приготовлениях и отдал приказы, которые тотчас были выполнены. Наемники знали, насколько они будут уязвимы, если враг вернется, возможно даже с подкреплением.

— Махаон, выдели десять человек для охраны повозок. Пусть все с них выгрузят, за исключением украшений леди Синэллы и ее туалетов. Надо облегчить поклажу быкам. Носилки мы оставляем здесь, чтобы сразу было понятно, что леди больше не сидит в них. И во имя Крома, заберем всех наших убитых. Раненых распределить по повозкам, пусть служанки позаботятся о них. Раненых врагов тоже!

— Нет! — вспыхнула Синэлла. — Люди Антимидеса останутся здесь! Нагую и в цепях они хотели доставить меня к нему! Они умрут здесь!

Рука Конана вцепилась в поводья, так что костяшки побелели. В висках у него застучала кровь.

— Раненых врагов тоже! — приказал он и жадно глотнул воздуха. Ему стоило невероятных усилий произнести эти слова.

Синэлла посмотрела на него с любопытством.

— Сильная воля, — пробормотала она задумчиво. — Это может даже доставить удовольствие...

Она поспешно прервала себя, словно вдруг поняла, что сказала слишком много, но киммериец не понял, что она имела в виду.

— Миледи, — обратился он к ней, — я боюсь, что вам придется сидеть в обычном седле. У нас нет с собой дамских.

Она протянула к нему руку.

— Твой кинжал, варвар.

Когда она брала кинжал, ему показалось, что искры перетекают из ее пальцев в его. Не чинясь, она разрезала свое платье спереди. Нарус подвел лошадь, и она села, сверкнув ногами, которые были обнажены теперь до самых бедер. Она не сделала ничего, чтобы прикрыть их, когда уже сидела в седле. Конан почувствовал на себе ее взгляд так явственно, точно это было прикосновением. Однако он не мог сказать, какого рода это было прикосновение. Он с трудом отвел глаза от ее ног и услышал тихий смех, который, казалось, отдавался в глубине его мозга.

— Выступаем! — приказал он резко и галопом помчался назад, к Ианте.

Остальные вплотную следовали за ним.

Карела низко надвинула капюшон своего темно-синего шерстяного плаща. На переполненных улицах Ианты наверняка есть несколько человек, которые не придерживаются всеобщего обычая ничего «не замечать», потому что таким образом они получают возможность заработать объявленную Искандрианом награду.

Она презрительно рассмеялась при мысли об этом. Двадцать золотых! Сто раз постольку давали за ее голову короли Заморы и Турана. Купцы этих стран даже предлагали еще больше — и они полагали, что это дешево, потому что тогда им не придется больше ждать ее нападений на караваны. Высокие советы владык обдумывали способы обезвредить ее; целые армии гонялись за ней, и никто не пускался в путь из одного города в другой, не помолившись предварительно богам о том, чтобы она пренебрегла их поклажей. И все это было бесполезно. И теперь за нее предлагают такую смехотворную сумму, судя по которой здесь ее считают всего лишь незначительным вредом. Это она встретила как злейшее оскорбление и так разозлилась, что едва могла вспомнить о цели своего прибытия в город.

Дом, в котором разместился отряд Конана, был перед ней. Утром она видела, как Конан с половиной своих людей куда-то уехал, а короткое время спустя второй большой отряд тоже выступил в путь, покинул город через другие ворота и последовал за своими товарищами. Хитрый киммериец! Она давно уже оставила глупую привычку недооценивать его. В нормальном случае его не поймаешь. Но она приготовила немало уловок.

Невольно ее мысли обратились к той аристократической даме, которую он сопровождал вместе со своим отрядом. Насколько она его знала, он с ней уже переспал. Он всегда имел глаз на податливых девочек, и только немногие не становились податливыми, когда он им улыбался. Рыжей разбойнице хотелось стиснуть ладони на горле этой Синэллы. Леди! Ха! Не станет она марать рук об эту дамочку, которая именует себя «леди». Карела покажет ей, что такое настоящая

женщина, а потом отправит ее назад Конану в подарок — голую и в мешке. Когда кто-то предложил ей золото за то, чтобы поджечь поместье этой бабенки, она даже не потрудилась спросить (или выяснить каким-либо иным способом), кто же был этот человек с глубоко посаженными властными глазами, прятавший свое лицо под черной шелковой маской. Ей было довольно того, что это удар по Конану и его дражайшей Синэлле. Она будет наносить ему удар за ударом, пока он не увидит, что нет иного выхода, кроме бегства. И если он этого не сделает...

Рассерженная, она стряхнула с себя эти мысли и вернулась к действительности. «Мне абсолютно наплевать, с какой бабой он там лижется», — сказала она себе. Ее интерес к этому человеку до сих пор приносил ей одни лишь неприятности. Поскольку он взял с собой такое большое количество солдат, чтобы охранять свою новую милашку, в доме, естественно, осталось их не так уж много. Проходя мимо дома, она заглянула в открытые ворота. Примерно пятеро их сидели возле колодца во дворе и играли в кости. Один, явно недовольный, ругался, а остальные, улыбаясь, разбирали выигрыши.

Карела подняла руку, словно сгоняя муху с лица, и двое мужчин с тачкой побежали в ее сторону. Тачка была нагружена подушками, крепко привязанными веревками. Они завернули в переулок рядом с домом. Карела шла следом. Оба посмотрели на нее вопросительно. Она кивнула, и они встали, наблюдая за улицей.

Один из них, заморанец с обвислыми усами, которого она взяла с собой в память о лучших временах, тихо сказал:

— Здесь никто не видит.

В несколько мгновений Карела забралась по подушкам в окно первого этажа и оказалась в спальне Конана. Местоположение этой комнаты ее люди выводили быстро.

Она презрительно сморщила нос, оглядывая почти пустое помещение. Низко же он пал с тех пор, как покинул дворец в Немедии. Она точно не знала, почему он оставил эту страну после того, как король оказал ему почести и осыпал богатством. Но она

почувствовала удовлетворение при виде того, что он ничего не выиграл по сравнению с теми временами, когда оба они пережили приключения, завершившиеся ее бегством. Да, ей было приятно видеть, как сильно ухудшилось его положение. Но одеяло на его кровати лежало аккуратно, на потолке не было паутины, пыль не скапливалась кучей по углам, а пол был тщательно подметен. Женщина! И уж точно не изнеженная Синэлла. Киммериец собрал целый гарем, как какой-нибудь восточный бей.

Она сурово одернула себя, напомнив, что не имеет ни малейшего интереса до Конановых телок. Она здесь для того, чтобы забрать эту отвратительную бронзовую фигурку, — и все. Но где ей начать поиски? Здесь, конечно, не очень много удобных мест, где ее можно спрятать. Может, под кроватью?

Не успела она шагу ступить, как дверь раскрылась и вошла девушка в простом белом платье. Что-то в ее лице и волосах было странно знакомо, хотя Карела могла поклясться, что никогда ее не видела.

— Тихо, шлюха! — приказала Карела. — Закрой дверь и быстренько отвечай на мои вопросы. Тогда тебе ничего не будет.

— Шлюха! — возмущенно вскричала Юлия. — А что тебе вообще здесь надо... Шлюха? Я думаю, что погляжу еще, как тебе понравятся колотушки Фабио. Тогда ты сможешь ответить на мои вопросы!

— Я тебя предупредила, — начала Карела, но девушка была уже возле двери. С проклятием разбойница прыгнула через всю комнату, схватила девушку, и ей удалось ударом ноги снова захлопнуть дверь.

Она ожидала, что девушка будет вырываться или, по меньшей мере, звать на помощь, но вместо этого Юлия с яростным воплем вцепилась в рыжие волосы Карелы. Обе упали на пол, царапая и осыпая ударами друг друга.

«Дерзко!» — подумала Карела. Она не хотела убивать девчонку, но она слишком давно привыкла обороняться клинком в руке, чтобы помнить, как дерутся женщины. Она чуть не закричала от боли, когда Юлия впилась зубами в ее плечо, и была уже близка к тому, чтобы вырвать у нее клочок волос. В отчаянии Карела ударила ее коленом в живот. Девуш-

ка задохнулась, и Карела прижала коленями ее руки. Она поспешно вытащила кинжал и поднесла его к лицу девушки.

— Клянусь Деркэто! Умолкни же, наконец, и ведем себя скромно!

Девушка строптиво посмотрела на нее, однако подчинилась.

Внезапно Кареле стало ясно, что же в этой девушке было ей так знакомо. Глаза были другие, но цвет волос, овал лица... Конан нашел себе возлюбленную, которая была похожа на Рыжего Ястреба! Она не знала, смеяться, плакать или перерезать этой девчонке горло — а может быть, дожидаться киммерийца и убить его... Нет, нет, никакого интереса, сказала она себе снова, ни малейшего интереса!

— Как тебя зовут? — проскрежетала Карела. Нет, так она ничего не узнает. Она попыталась сделать свой голос дружеским, насколько такое вообще возможно, когда ты держишь кинжал у человека под носом.

— Как тебя зовут? Я бы очень хотела знать, с кем имею дело.

Девушка поколебалась, затем ответила:

— Юлия. Но больше ты из меня ничего не вытянешь.

Карела выдавила из себя улыбку.

— Юлия, у Конана есть бронзовая фигурка, которую мне непременно нужно заполучить. Отвратительная такая штуковина, с рогами. Если ты ее видела, так уж точно ее не забыла. Ни одна женщина бы не забыла. Скажи мне, где она, и я уйду, а тебе ничего не сделаю.

— Тебе я вообще ничего не скажу! — фыркнула Юлия. Но непроизвольно она метнула взгляд в угол.

Там ничего не было, во всяком случае Карела ничего не видела. И все же...

— Ну хорошо, Юлия, тогда я найду ее без твоей помощи. Но мне придется связать тебя. Прошу тебя, отнесись к моему предупреждению серьезно! Если ты еще попытаешься сопротивляться или бежать, я буду вынуждена всадить тебе нож в сердце. Поняла?

Ярость пылала на лице Юлии, однако она кивнула, все еще строптиво.

Карела осторожно разрезала одежду девушки. Юлия вздрогнула, но с ее лица так и не исчезло выражение ненависти. Связывая полосы в веревку, Карела бросила взгляд на обнаженное тело своей пленницы. Киммериец всегда отдавал предпочтение женщинам с полной грудью, кисло подумала она. Но я красивее. Однако что это такое? Я больше не интересуюсь этим человеком!

— Повернись, — приказала она и пнула Юлию ногой. Когда девушка повернулась, Карела быстро связала ей руки и ноги. Девушка простонала сквозь стиснутые зубы, когда разбойница связала оба узла на затылке, но угрозы в виде приставленного кинжала было довольно, чтобы она замолчала.

Конечно, этой Юлии не слишком приятно подобное обращение, подумала Карела, но, в конце концов, девчонка не ответила на ее вопрос. Она свернула еще одну полосу и использовала ее в качестве кляпа. Покончив с этим, она приподняла голову Юлии за волосы и посмотрела на нее с насмешливой улыбкой.

— Конану нравятся женщины с пышными формами, а ты плоская, как мальчишка!

Юлия яростно задержалась в своих путах и попыталась в бешенстве проговорить что-то сквозь кляп, но Карела уже занялась углом, куда поглядела тогда Юлия. Угол был совершенно пуст, и не было видно ни полосы на штукатурке, ни слоя новой побелки, за которой могла прятаться статуэтка... Тут под ее ногой скрипнула половица, и она улыбнулась.

Быстро встала она на колени и поняла доску кинжалом. Отвратительная бронзовая фигурка была там. Подходяще, подумала она. Она хотела было схватить рогатого божка, но, не донеся до него ладонь, отдернула руку. Зло, которое она ощутила, увидев его близко, свело судорогой ее желудок. Если она дотронется до этой штуки, она, без сомнения, причинит себе вред. Карела торопливо сняла с кровати одеяло, положила его на бронзовую фигурку и так подняла ее, держа подальше от себя. Но и так она все еще чувствовала излучение Зла. Но пока она не видела божка, она могла, по крайней мере, заставить себя нести его.

У окна она на миг задержалась.

— Поблагодари от меня Конана, — сказала она извивающейся в веревках девушке. — Скажи ему спасибо за мои пять сотен золотых.

Она перелезла через подоконник и забралась на подушки. В переулке она спрятала завернутую в одеяло фигурку в одну из подушек на тачке. Она сама удивилась тому, какое облегчение испытала, выпустив божка из рук.

— Встречаемся у стойл Сореллы, — сказала она усатому заморанцу.

Когда Карела, снова низко надвинув капюшон на лицо, вернулась на улицу, она испытующе посмотрела на солнце. Глупо. Сегодня уже поздно посылать человека к воротам королевского дворца. Но завтра она передаст знак и на закате солнца получит свои пятьсот золотых монет. Как бы ей хотелось видеть лицо Конана, когда он узнает, ЧТО он потерял!

Глава пятнадцатая

С развевающимися серебряными волосами, в разрезанной юбке Синэлла стремительно шла по широкому коридору своего дома, похожего на дворец, не обращая ни малейшего внимания на испуганные крики слуг и рабов, ужасавшихся ее растерзанному состоянию. Их беспокойных вопросов о ее внезапном возвращении она также не слышала. Конан поставил десятерых стрелков перед входом, после чего отбыл, прежде чем она смогла задержать его. Он собирался рассчитаться с графом Антимидесом, доверительно сообщил ей один из охранников. Но она не собиралась ждать, пока он покончит с мерзавцем, от которого отступился Митра! Антимидес поднял руку на нее — НА НЕЕ! — и уничтожение этого человека, беспощадное и абсолютное, было целиком ее правом! И это будет сделано таким страшным способом, чтобы весь мир еще столетия спустя дивился тому, как был выжжен этот чумной бубон. Все узнают, как он тайком рыдится в короля, как он хотел наложить на нее цепи!

Со стены она сорвала зеркало из посеребренного стекла. Зажав его под мышкой, она поспешила в свой

потайной покой. Среди пузырьков с мерцающими жидкостями и сосудов, полных отвратительного булькающего состава, она нашла стеклянную трубочку с кровью Антимидеса. До сих пор ей всегда было полезно иметь чужую кровь, которой она шантажировала тех, кто вынуждал ее к этому. Но она всегда знала, что это могло быть опасно и для нее. Кровь добыла для нее одна служанка, которая часто делила с графом постель. Девушка рассказывала Синэлле обо всех его планах, как только она о них узнавала. Как раз для таких случаев, как нынешний, Синэлла и берегла эту кровь. В ней было растворено чародейство, которое сохраняло труп на тысячу лет нетленным.

С большой осторожностью Синэлла нарисовала кровью графа офирскую корону на зеркале, а под ней кровавую цепь.

— Смотри же на себя с вожденной короной на голове, Антимидес, — прошептала она. — Но недолго. Очень недолго. Короткое, полное боли время.

С жестоким смехом она принялась за свою мрачную работу.

— Мы привлекаем к себе внимание, — сказал Махаон себе под нос.

Ряды девятнадцати всадников в остроконечных шлемах, с круглыми щитами, возглавляемые Конаном, пробивали себе путь по улицам Ианты, и толпа, расчищая им дорогу, смотрела на них, вопреки привычке, потому что смертоносная решимость, которая исходила от наемников, испугала даже тех, кто хотел бы отвести взгляд, но продолжал смотреть не отрываясь.

— Это может вызвать осложнения, — мрачно бубнил Нарус. Он ехал сразу за Махаоном. — Даже если мы прикончим Антимидеса, одни боги знают, сколько стражников охраняют его, Искандриан не станет спокойно смотреть, как важный господин погибает ужасной смертью прямо в Ианте. Нам придется бежать из Офира, если мы вообще сумеем вырваться из города.

— А если мы не сможем убить его, нам все равно придется бежать. Или тебе нравится всегда следить за тем, чтобы садиться спиной к стене, потому что он будет преследовать нас?

А в том, что новые нападения не заставят себя ждать, киммериец не сомневался. Хотя он и не знал точно, почему Антимидес хотел захватить Синэллу таким необычным способом, он, несомненно, захочет заставить его замолчать навсегда. Граф не найдет себе покоя, покуда Конан не будет мертв — или покуда не погибнет сам.

— Я не говорю, что мы не должны его убивать, — вздохнул Нарус. — Просто потом придется уносить отсюда ноги.

— Если мы в любом случае должны исчезнуть из Офира, — сказал Таурианус, — тогда к чему нам вообще подвергать себя опасности? Если граф останется жить, мы удерем из Ианты, никем не преследуемые и без кровавых потерь.

Смуглый человек выглядел еще более мрачным, чем Нарус, а его темные волосы, торчащие из-под шлема, были влажными от пота.

— Ты никогда не будешь капитаном, — сказал тощий солдат. — Вольный Отряд живет за счет своей славы. И умирает, вероятно, тоже ради нее. Если на нас можно нападать безнаказанно, значит, наш отряд так же мертв, как если бы нам всем перерезали глотки. Мы тогда не лучше простых бродяг и нищих.

Таурианус проворчал про себя что-то невнятное, но вслух больше не жаловался.

— Вот дворец Антимидеса! — неожиданно сказал Махаон. Нахмурившись, он посмотрел на длинное строение из мрамора и алебаstra с позолоченным куполом. — Я не вижу охраны. Это мне не нравится, киммериец.

Дворец Антимидеса был в Ианте вторым по величине после королевского. Он блистал своими колоннами залами, террасами и остроконечными башнями и широкой лестницей, выводящей на улицу. Никаких стражей на этой лестнице не было, и створка мощных бронзовых дверей стояла полуоткрытой.

«Может быть, ловушка?» — подумал Конан. Слышал ли Антимидес уже от своих людей о неудачном нападении? Не собрал ли он всех охранников внутри дворца, окружив ими себя? Это было бы идиотизмом, и ни один добросовестный командир охраны на такое

бы не пошел. Но столь влиятельный аристократ, да еще с антими́десовским высокомерием, мог бы уже давно полностью подчинить себе командира дворцовой охраны, и, возможно, так, что тот еще и рад.

Конан повернулся в седле и посмотрел на своих людей. Семеро из них, за исключением Махаона и Наруса, пришли с ним из Немедии. Они шли за ним давно и верно.

Долго и сурово боролся он за то, чтобы сколотить свой отряд и сделать его тем, чем он стал теперь. Однако его честность вынудила сказать:

— Я не знаю, сколько противников ждет нас. Если кто-нибудь хочет вернуться, еще есть время.

— Не болтай глупостей, — проворчал Махаон. Таурианус открыл было рот, но тут же закрыл его, не проронив ни слова.

Конан кивнул.

— Четверо останутся с лошадьми! — приказал он, спешиваясь.

Решительным шагом поднялись они по мраморной лестнице и обнажили мечи. Конан вошел в раскрытую дверь, на широких бронзовых створках которой был выкован огромный герб Антимидеса. Он вошел в длинный зал с высоким сводом, из которого широкая алебастровая лестница вела наверх к балкону, опоясывающему зал кругом.

Из боковой двери поспешно вышла толстая служанка в простом зеленом платье, которое оставляло открытыми ее ноги почти до середины бедра. Она несла большой мешок. При виде вторгшихся во дворец вооруженных людей она испустила испуганный вопль. Уронив мешок, она бросилась с криком по той дороге, по которой пришла.

Конан задумчиво посмотрел на выпавшие из мешка золотые кубки и серебряные пластины.

— Как вы думаете, что здесь происходит?

— Антимидес бежит от нашего праведного гнева? — с надеждой предложил Махаон.

— Мы не можем допустить, чтобы он ушел от нас, — проворчал Конан. Он не мог себе представить, что граф действительно отказался от своего дворца. Что-то здесь в самом деле было не так.

— Разделитесь и найдите его! — приказал Конан.

Осторожно, держа мечи наготове, они принялись искать Антимидеса. Слишком во многих битвах отражались, слишком часто их пытались заманить ловушки, так что осторожность стала их второй натурой. Останется ли наемник жить — это часто зависело от того, готов ли он в каждое мгновение встретиться с боем.

Покои лорда обычно располагаются на втором этаже, подумал Конан. Он взбежал наверх по винтовой лестнице.

Комнату за комнатой осматривал он, не обнаруживая там никого — ни живых, ни мертвых. Однако повсюду он видел следы поспешного бегства и желая взять с собой все ценное. Нетрудно было догадаться, где до сих пор висели на стенах дорожные ковры и где они лежали на полу. Некоторые столы были опрокинуты, а то, что стояло на них, исчезло. Золотые лампы, которые не так-то легко поддавались, были наполовину вырваны из креплений. Удивительным было также и то, что все зеркала покрылись сетью трещин.

Мечом Конан ткнул следующую дверь и заглянул в покой, который явно оставался нетронутым. Мебель стояла на месте. Золотые чаши и серебряные вазы аккуратно занимали свои места, ковры с вытканными сценами героического прошлого Офира висели на стенах. Но зеркало здесь тоже лопнуло. Перед ним стояло кресло, украшенное искусной резьбой, высокая спинка его была обращена к двери, и просторные расшитые золотом рукава зеленого одеяния свисали с его подлокотников.

Гибким шагом дикой кошки киммериец пересек покой и приставил острие меча к горлу человека, сидевшего в кресле.

— Ну Антимидес...

Голос Конана замер, и волосы встали у него дыбом. Глаза графа вылезали из орбит на почти синем лице, черный язык высовывался изо рта, прикушенный зубами. Звенья золотой цепи впились глубоко в мясо его шеи, и его собственные руки, казалось, сами хотели затянуть ее еще туже в железной хватке смерти.

— Кром! — вырвалось у Конана. Совершенно ясно, не страх мести заставил Антимидеса сесть перед зер-

калом и смотреть, как он душит сам себя. Слишком часто сталкивался киммериец с волшебством, чтобы не умирать его теперь.

— Конан, где ты?

— Здесь! — рывкнул он в ответ на зов из коридора.

Махаон и Нарус вошли вместе с полностью разбитым стройным юношей в грязных лохмотьях, которые были когда-то роскошным атласным одеянием. На его запястьях остались кровавые следы от кандалов, а бледность его кожи и ввалившиеся щеки свидетельствовали о лишениях и голоде.

— Смотри, кто был прикован в подвале, — сказал лотеран.

Бросив на него второй взгляд, Конан увидел, что определение «юноша» не очень подходит к этому человеку, хотя припухшие губы и упрямое выражение глаз говорили о его юношеской незрелости.

— Ну? — спросил Конан. — И кто это? Ты так держишься, точно я должен его знать.

Юноша задрал подбородок. Его высокомерие было похоже на женское.

— Я Валентиус, — сказал он высоким голосом, которому пытался придать твердость. — Сейчас граф, но скоро — король. Я благодарю вас за мое освобождение. — Его взгляд нерешительно блуждал от Наруса к Махаону. — Если это действительно освобождение.

Нарус пожал плечами.

— Мы сказали ему, зачем мы здесь, — сказал он Конану, — но он нам не верит. Или, по крайней мере, верит не до конца.

— Внизу два стражника с перерезанными глотками, — сказал Махаон, — но нигде нет ни одного живого существа. Тут что-то неладно, киммериец. Антимидес действительно удрал?

Вместо ответа Конан кивком головы указал на кресло с высокой спинкой. Все трое помедлили, затем подошли поближе.

Они испугались, когда Валентиус засмеялся.

— Как вам удалось заставить его сделать это? А, неважно! Он заслужил этого своим предательством. — Тонкое лицо Валентиуса омрачилось. — Я пришел к

нему просить помощи и убежища. Он высмеял меня. Меня! Потом он велел заковать меня в цепи и бросить в подвал, где я должен был гнить заживо и отбивать у крыс мою ежедневную миску отбросов. Он держался со мной так спокойно, так ласково! Он не собирался пачкать своих рук моей кровью, сказал он и рассмеялся. Он предоставил это крысам!

— Я видел разную смерть на поле битвы, Конан, — проворчал Махаон, — но это слишком жестокий способ убивать человека, даже если он и заслужил смерти.

Его пальцы на рукояти меча побелели, пока он смотрел на труп. Нарус нарисовал в воздухе охранительный знак, спасаясь от зла.

— Я не убивал его, — заверил их Конан. — Посмотрите, он держится руками за цепь. Антимидес сам себя убил.

Валентиус пронзительно засмеялся.

— Это правда! — Его настроение мгновенно изменилось, лицо передернуло от ярости, и он плюнул трупу в посиневшее лицо. — Как мне жаль, что я не был свидетелем этому!

Конан переглянулся со своими друзьями. И это — человек, имевший самые большие права на офирский трон после смерти Вальдрика! Киммериец упрямо тряхнул головой. Его желание уйти от этого человека было очень острым, но если он его просто оставит, этот идиот может погибнуть. Для Офира, возможно, это будет не так уж плохо, но все же Конан не мог этого допустить.

Валентиусу же он сказал:

— Мы доставим вас в королевский дворец, там Вальдрик позаботится о вашей безопасности.

Молодой человек посмотрел на него дико и задрожал всем телом.

— Нет! Вы не должны, нет! Вальдрик убьет меня. Я наследник. Он убьет меня!

— Ваши слова — суший бред, — не выдержал Конан. — Вальдрик не интересуется ничем, кроме спасения собственной жизни. Вероятно, он уже на следующий день не вспомнит, что вы находитесь во дворце.

— Вы не понимаете! — захныкал Валентиус и стиснул руки. — Вальдрик увидит меня. Это ему напомним о том, что он при смерти и что после его смерти королем буду я. Он начнет думать о тех долгих годах, что я буду править после него, и возненавидит меня. Поэтому он и велит меня убить!

Он отчаянно переводил взгляд с одного на другого и под конец пробормотал:

— Так поступил бы я. И он сделает то же самое.

Махаон плюнул в отвращении на дорогой туранский ковер.

— А как насчет кровного родства? — ворчливо произнес он. — Друзья, близкие?

Испуганный юноша затряс головой.

— Откуда мне знать, кому из них я могу доверять? Мои собственные охранники повернулись против меня, люди, годами преданно служившие моей семье. — Внезапно голос его стал тверже, глаза блеснули хитростью. — Вы будете охранять меня. Когда я стану королем, я дам вам чины и деньги. Вы получите дворец Антимидеса и станете графом вместо него. Вы и ваши люди составят королевскую лейб-гвардию. Я обещаю вам богатство сверх всякой меры. И власть. Если вам нужна женщина, благородного или простого рода, она будет ваша. Две — если вам так хочется, три! Назовите почести, которых вы добиваетесь! Каждое желание ваше будет выполнено.

Конан скривился. Он не мог бы найти лучшей службы для отряда, чем та, которую предлагал Валентиус, что правда, то правда, но он с большей радостью охранял бы ядовитую змею.

— А что Искандриан? — спросил он. — Генерал не вмешивается ни в какие споры и не принадлежит ни одной из партий.

Валентиус, помедлив, кивнул.

— Если вы не хотите поступить ко мне на службу... — сказал он сердито.

— Значит, мы уходим отсюда, — заключил Конан. — Не будет ничего хорошего, если и нас увидят над трупом Антимидеса.

Когда все поспешно выходили из покоя, Конан бросил на убитого последний взгляд. Какое бы вол-

шебство здесь ни было замешано, киммериец был рад, что его это не касается. Содрогнувшись, он последовал за остальными.

Глава шестнадцатая

Сгустились сумерки, когда Конан вернулся в расположение отряда. Чернота ночи вполне подходила к его настроению. Искандриан, правда, с готовностью взял Валентиуса под свою защиту и препроводил в казарму, но их историю выслушал, не сводя с киммерийца недоверчивых глаз. Только благодаря заверениям Валентиуса, что Антимидес, судя по всему, действительно сам задушил себя, наемники смогли покинуть длинное здание казармы. Но мрачный взгляд, который юный лорд устремил на Конана, пока тот давал разъяснения, сказал киммерийцу о том, что Валентиус придерживается иного мнения о причине гибели графа, а не высказывает его вслух потому, что в таком случае подозрение пало бы и на него.

И еще была Синэлла. Он нашел ее в странном настроении — смесь ярости и удовлетворения. Она уже знала о смерти Антимидеса — хотя Конан не думал, что новость распространится так быстро, — этим объяснялось ее удовлетворение. Но она резко выбранила его за то, что он уехал без ее разрешения и за то, что он потратил время, доставляя Валентиуса к Искандриану.

Последнее, казалось, разозлило ее еще больше, чем первое. Киммериец, в конце концов, находится на службе у нее, Синэллы, а не у этого мерзавца Валентиуса. Неплохо об этом не забывать и впредь! К своему величайшему удивлению, он выслушал ее с кротостью ягненка, и самое скверное было то, что ему пришлось напрячь всю свою волю, чтобы еще вдобавок не начать просить у нее прощения. Он никого никогда не умолял, ни мужчину, ни женщину, и теперь у него сводило судорогой желудок, когда он думал, как был близок к этому.

Он рванул дверь своей спальни — и остановился как вкопанный. В сумеречном свете он увидел Юлию,

связанную по рукам и ногам. Она смотрела на него снизу вверх, отчаянно пытаясь избавиться от кляпа.

— Махаон! — рявкнул он. — Нарус!

Он торопливо вытащил кляп. Ее пути были затянuty очень туго и, поскольку она сопротивлялась им, глубоко врезались в тело. Ему пришлось очень осторожно разрезать их кинжалом, он боялся поранить ее.

— Кто сделал это? — спросил он, освободив ее.

Прежде чем ответить, она со стоном пошевелилась.

— Не дай им меня увидеть, — попросила она на-конец жалобно. — Скорее!

Махаон, Нарус и Борос ворвались в комнату, все трое одновременно и стали сыпать вопросами. Юлия закричала. Когда Конан освободил ее от последней веревки, она бросилась к кровати и схватила покрывало.

— Махаон, убирайся! — крикнула она, скорчившись перед кроватью, и щеки ее запылали. — Я не хочу, чтобы ты видел меня такой! Убирайся!

— А эта исчезла, — выговорил Борос, ворочая тяжелым языком, и указал в угол, где Конан прятал статуэтку.

Только теперь киммериец сообразил, что половица вынута и тайник под ней пуст. Ледяной холод пробежал по его спине. В чем-то было даже правильно, что день завершился именно так, и несчастья преследовали его, как взгляд пустых глазниц черепа.

— Может быть, мы и спасемся, — пробубнил Борос, — если поскачем быстро-быстро и пересечем границу, прежде чем они пустят ее в дело. Я всегда хотел побывать в Вендии. Или даже в Китае. Кто-нибудь из вас знает более отдаленные страны?

— Молчи, старый дурак! — зарычал Конан. — Юлия, кто взял фигурку? Кром! Девочка, прекрати комкать это проклятое одеяло и отвечай!

Не прерывая своих попыток полностью скрыть свою наготу под одеялом и сделать ее как можно менее заметной, Юлия сверкнула глазами и задрала нос.

— Это была потаскуха в мужских штанах и с саблей. — Уголкем глаза она наблюдала за Махаоном. — Она сказала, что я плоская, как мальчик. Ну, задница у нее, конечно, побольше моей...

Конан заскрипел зубами.

— Глаза? — нетерпеливо спросил он. — Зеленые? А волосы рыжие? Что еще она говорила?

— Карела? — спросил Махаон. — Я думал, она хочет убить тебя, а не ограбить. Но почему Борос так трясется из-за вещи, которую она прихватила? Ты еще никогда не впутывался в колдовство, киммериец!

— Так ты ее знаешь? — обвиняюще крикнула Юлия. — Я так и подумала после того, что она сказала о моей... — Она запнулась, но тут же нашла: — После всего, что она сказала. Мне еще запомнилось, что она ругалась именем Держэто и просила передать тебе, что благодарит за пятьсот золотых. Ты действительно дал ей так много? Я вспоминаю наложниц моего отца и не могу себе представить даже, что эта Карела стоит хотя бы серебряной монетки.

Конан ударил себя по бедру кулаком.

— Я должен найти ее, Махаон, немедленно! Она украла бронзовую фигурку, которую я нашел случайно. Эта вещь принадлежит Злу, и оно может вызвать непредвиденные по размерам уничтожения, если Карела продаст ее тем, кто сможет применить ее. Этого я и опасаясь. Расскажи мне точно, как добраться до руин крепости.

Юлия застонала.

— Так вот что она имела в виду, когда говорила о деньгах? Она доставит эту адскую штуку тем, о ком говорил Борос? Спаси Митра нас всех — и всю страну!

— Я не понимаю ни слова, — проворчал Махаон, — но одно я точно знаю: если ты ночью попрешься в Сарелианский лес, ты точно сломаешь себе шею. Эти заросли и днем уже достаточно паршивое место, но в темноте их будет как раз довольно для того, чтобы пожалеть о своем рождении.

— Я могу найти ее, — бросил Борос, слегка покачиваясь на ногах, — если бронзовая фигурка все еще у нее. Зло светится, как сигнальный огонек. — Он засучил рукава на костлявых руках. — Совсем простое дело.

— Если ты в своем теперешнем состоянии займешься магией, — прервал его Конан, — я собственноручно прибью твою голову над воротами.

Седобородый посмотрел на него с глубокой обидой и пробормотал что-то про себя, но предпочел вслух не высказываться.

Конан повернулся к Махаону.

— Нельзя терять время. Если мы будем ждать света, может быть, будет уже слишком поздно.

Ветеран, помедлив, кивнул, но Нарус сказал:

— Возьми, по крайней мере, несколько человек с собой. Ее банда...

Но киммериец прервал его.

—...Ее банда услышит, как мы приближаемся, и исчезнет. Нет, я иду один.

Ветеран нехотя описал ему дорогу.

Махаон был прав, думал Конан, когда вот уже, наверное, в сотый раз ветка, которую он не заметил, хлестнула его по лицу. В этой темноте действительно просто сломать себе шею. Он направил лошадь в заросли, понадеявшись, что не сбился с пути. Мальчишкой он учился искать направление по звездам, но под этими старыми дубами, могучие кроны которых сплетались в плотную крышу, неба было почти не видно.

— Ты зашел слишком далеко! — крикнул голос из темноты. — Еще немного, и схлопочешь в ребра арбалетный болт.

Конан положил ладонь на рукоять меча.

— Это тебе не поможет, — произнес второй голос, и кто-то засмеялся. — Тенью и я — мы выросли в этом лесу, Большой, и здесь по ночам промышляем королевских оленей. Он видит даже лучше, чем я. Что касается меня, то с тем же успехом ты мог бы стоять под полной луной — и то я не видел бы тебя лучше.

— Я ишу Карелу, — начал Конан, но не смог продолжать.

— Этого довольно, — сказал первый. — Взять его!

Внезапно грубые руки стащили Конана с седла, и он оказался среди группы людей. Он не мог сосчитать их, но схватил чью-то руку и сломал ее. Раздался пронзительный крик. Здесь не было места для двуручного меча и не доставало света, чтобы действовать

осознанно. Поэтому он выхватил из ножен свой кинжал и принялся размахивать им. Когда он задевал кого-нибудь, слышались вопли и проклятия. В конце концов он не смог больше сражаться против такого числа врагов, а они навалились на него со всех сторон. Бандитам удалось скрутить ему руки за спиной и связать ему ноги так, что он мог делать только маленькие шажки.

— Ранен ли кто-нибудь тяжело? — прохрипел тот человек, что смеялся вначале.

— Моя рука, — жалобно сказал один, а другой оборвал его:

— В преисподнюю твою руку! Он мне чуть ухо не отрезал!

Проклиная темноту — кошачьи глаза были не у всех — они вздернули Конана на ноги и погнали сквозь деревья; им все время приходилось поднимать его, потому что веревки, связавшие ему ноги, запутывались в корнях или траве, и он падал.

Наконец перед ними отодвинули в сторону занавес и Конана втокнули в помещение, сложенное из камня. Оно было освещено факелами, торчащими в ржавых гнездах. Огромный очаг занимал длину целой стены. Над потрескивающим огнем покачивался огромный котел. Одежда на окнах — вернее, узких бойницах — не позволяла свету вырываться наружу, в лес. Десяток человек — пестрая шайка головорезов — сидели на лавках перед простыми деревянными столами, пили вино из глиняных кружек и жадно хлебали дымящееся варево из деревянных мисок.

Карела поднялась, когда люди, одолевшие Конана, заволокли его в помещение и громко обвинили в пролитии крови и нанесении увечий. Ее темная кожаная куртка, которую она носила поверх своих узких брюк из бледно-серого шелка и красных сапог с высокими голенищами, была застегнута доверху, но не скрывала очертаний ее тяжелой груди. На поясе, затянутом на бедрах, висела кривая сабля.

— Стало быть, ты еще глупее, чем я думала, киммериец. Ты все-таки вынудишь убить тебя.

— Бронзовая фигурка, Карела, — сказал он настойчиво. — Ты не должна ее продавать! Они хотят...

— Заставить его замолчать! — фыркнула она.

— ...вернуть с ее помощью Аль-Кири! — удалось ему выкрикнуть, прежде чем дубина ударила его по затылку и перед его глазами расплылась чернота.

Глава семнадцатая

«Вот идиот», — думала Карела, глядя на киммерийца, неподвижно лежащего на полу. Неужели его мужское самомнение настолько велико, что он полагал, будто ему достаточно приехать сюда — и взять статуэтку? Она знала, что он горд и что для гордости у него есть все основания. Он один, вооруженный одним только мечом...

Проклятье, киммериец больше не тот, кто украл у нее часть ее «я» и забрал с собой. Она представляла его себе таким, каким увидела впервые: вор, одиночка, вооруженный только своим разумом и силой руки и меча. Теперь он командует отрядом, и его люди — это она вынуждена была нехотя признать — были куда более опасной сворой, чем те псы, что шли за ней.

— Он был один? — осведомилась она. — Если вы притащили на хвосте его Вольный Отряд, я пушу ваши шкуры на сапоги!

— Никого не видали, — проворчал Теньо. — Стало быть, никого и не было.

Это был маленький человечек с узким лицом и острым носом, странно похожий на енота. Он со злостью выплюнул раскрошенный зуб в ладонь и поглядел на него мрачно.

— Я за то, чтобы сразу его зарезать!

Несколько других разбойников, перевязывающих друг другу сломанные ребра и ножевые раны, ворча, согласились с ним.

Марусса, заморанец Карелы, показал кинжал, зажатый между длинными гибкими пальцами.

— Для начала разбудим его. Он выглядит сильным и долго еще покричит, прежде чем замолчать навеки.

Тут же разбойники взревели, перекрикивая друг друга, наперебой предлагая разные пытки.

— Нет, убьем немедленно! Он чересчур опасен!

— Он всего лишь человек! Снимем с него кожу, и вот увидите, будет орать, как любой другой.

— Ты не был с нами там и не знаешь, что это за дикарь!

— Он порезал меня до кости, а Агориосу сломал руку, хотя мы висели на нем вдсятером.

— Молчать, вы! — загремела Карела.

Люди перестали спорить и повернулись к ней.

— Здесь решаю я, кто умрет, и я говорю: не он! Еще нет, по меньшей мере! Кто-нибудь из шелудивых псов хочет возразить? Марш по своим клеткам!

Она положила ладонь на рукоять сабли, и угрожающий огонек запылал в ее зеленых глазах. Один за другим отводили они от нее взгляды, бормотали и отступали назад, снова принимались пить или заниматься своими ранами. Джамаран, огромный, наголо обритый кушит с плечами шире, чем у Конана, и толстыми пальцами, сверкнул на нее глазами последний. Его лицо было искажено от ярости, а рана на разбитой щеке свидетельствовала о близком знакомстве с могучими кулаками Конана.

— Ну, Джамаран? — спросила Карела.

Она знала, что он рвется главенствовать в банде, но знала также и то, что он мечтает попасть в ее постель.

В свою очередь, он не подозревал, что его самые тайные мысли ей известны. Он находил, что место женщины — где угодно, только не во главе группы мужчин. Рано или поздно, ей придется показать ему, как он ошибается, — или убить его.

— Ты зашел уже так далеко, что отказываешь мне в праве решать?

Удивление отразилось на его лице, но его быстро сменила насмешливая улыбка.

— Еще нет, — проворчал он. — Я скажу тебе, когда это произойдет, моя рыжеволосая милашка.

Его взгляд прошелся по ее фигуре, лаская ее, затем он повернулся с легкостью, странной для такого большого человека, и прошел к столу, где схватил полную кружку и выпил вино, откинув голову.

Карела дрожала от возмущения, неподвижно глядя на его широкую спину. Он никогда еще не держался так откровенно. Да, ей, наверное, придется убить его. Но сейчас этого делать пока нельзя. При теперешнем настроении ее людей это было бы слишком рискован-

но. Как бы неохотно она от этого ни отказывалась, но один неверный шаг мог уничтожить все, чего она добивалась. С рычанием она сняла ладонь с сабли.

Здесь все не так, как было в Заморе, думала она со злостью. Тогда никто из ее банды не отваживался противоречить ее слову или, еще хуже, смотреть на нее как на женщину. Это все Конан! Это его вина! Он изменил ее каким-то образом — она даже не поняла как. Он сделал ее другой, и это ей было неприятно. В тот материал, из которого она была скроена, он вплеп несколько нитей слабости, и иногда другие мужчины чувствуют это.

Киммериец захрипел и зашевелился, словно его разбудили ее мысли.

— Заткните ему рот! — приказала она. — Разрази вас Деркэто! Шевелитесь! Я не хочу слушать, что он там лепечет!

Конан встряхнулся, когда Тенью и Джамаран опустились возле него на колени.

— Карела! — крикнул он отчаянно. — Послушай меня! Они хотят, чтобы Зло...

Тенью попытался засунуть ему тряпку в рот и закричал, когда киммериец впился зубами ему в руку. Джамаран ударил Конана в подбородок. Парень, похожий на енота, вырвал свою руку и потряс ею. Брызнула кровь. Как только Конан слегка приподнялся, Джамаран всунул ему кляп в рот и привязал полоской ткани. Выпрямившись, бритоголовый ударил Конана под ребра и снова занес ногу в сапоге для второго пинка, когда Тенью вытащил неповрежденной рукой кинжал. Его глаза сверкали убийственно.

— Немедленно прекратить! — приказала Карела. — Оставьте его в покое!

Помедлив, оба все же отвернулись.

Карела чувствовала на себе взгляд ярко-синих глаз. Конан яростно тряс головой, пытался вытолкнуть кляп и громко рычал. Содрогнувшись, она повернулась к нему спиной и уставилась в огонь.

Она знала, что не должна допустить ошибки. Он не должен говорить с ней! Он все еще в состоянии убедить ее в чем угодно. Если он коснется ее, вся ее решительность расплавится, как воск. Но на этот раз, сказала она себе, все будет иначе!

Ей казалось, что ночь не кончится никогда. Это могло иметь только одну причину: у нее за спиной горел взгляд Конана. Разбойники наконец улеглись спать. Большинство из них растянулись на голом каменном полу, завернувшись в одеяла. Но Карела не могла уснуть. Как тигрица в клетке, расхаживала она взад и вперед. Ей не давал покоя этот упорный взгляд из синей ледяной глубины. Она с удовольствием приказала бы завязать ему глаза, но не хотела признаваться — даже самой себе — в том, что глаза Конана оказывают на нее такое влияние.

Наконец рыжеволосая красавица опустила на пол у огромного очага и стала смотреть в затухающее пламя так, словно то была самая важная вещь на свете. Но и так она не могла уйти от киммерийца, потому что представляла себе все муки проклятых душ, все пытки, которые он заслужил. Она не понимала, почему чувствовала себя при этом еще несчастнее, и уже совсем не могла взять в толк, почему слезы тайком потекли у нее из глаз.

На рассвете она послала в Ианту Тенью в красном мундире. Весь день она не обращала на Конана внимания и не давала ему ни есть, ни пить.

— Когда я уйду, дайте ему воды и кусок хлеба, — приказала она.

Люди сидели вокруг, большинство из них были заняты костями и картами. Они вполголоса обсуждали ее и бросали на нее своеобразные взгляды. Но ей до этого не было дела. Ни мгновения она не хотела слушать киммерийца и не позволяла вынуть из его рта кляп. Нет, пока она не получит в руки свои пять сотен золотых, чтобы поиздеваться над ним, он будет молчать. Да, он будет молчать, пока она снова не обретет полного внутреннего спокойствия, и это, несомненно, самое трудное.

Солнце медленно клонилось к горизонту, и настало для Карелы время ехать к хижине на опушке. Бронзовую фигуру, все еще завернутую в одеяло, она оставила лежать под деревом. Здесь не было никого, кто мог бы ее украсть, а Карела не хотела ночевать с этой тварью под одной крышей, коли была возможность избежать этого.

Когда она привязала узелок позади своего седла (у нее снова свело желудок, едва она подумала только об омерзительной статуэтке), Джамаран вышел из единственной сохранившейся башни бывшего замка.

— Вещица дорогая, — проворчал он требовательно, — пять сотен золотых, говоришь?

Карела не ответила. Сейчас такое же неподходящее время убивать его, как и прошлой ночью.

— Я должен проводить тебя, — продолжал великан, поскольку она молчала. — И позаботиться о том, чтобы ты действительно вернулась с деньгами. Этот аристократиска наверняка мерзавец. А может быть, что-нибудь еще задержит тебя, когда ты получишь золотишко.

Лицо Карелы омрачилось. Уж не думает ли этот дурак, что она собиралась удрать, прихватив золото? Или он хочет заграбастать деньги и ее самое в придачу?

— Нет, — сказала она и села в седло. — Ты останешься здесь и будешь охранять пленника.

— Как будто двадцати человек для этого недостаточно! Такая куча золота...

— Болван! — Это слово прозвучало, как свист бича. — Тебе нужно для начала научиться думать, если ты хочешь повелевать людьми. Северянин, пусть даже связанный, опаснее какого-либо другого человека, которого ты когда-либо встречал. Я могу только надеяться, что вам удастся удержать его в плену, пока я не вернусь.

Прежде чем Джамаран нашел гневные слова для ответа (она ясно могла прочитать их на его лице), Карела дала шпоры своей рыжей кобылке и рысью двинулась по узкой дороге, вернее, по лесной тропинке. Многие дорожки пересекали ее в густом лесу, и вскоре разбойница уехала так далеко, что ни одни преследователь не нашел бы ее.

Она действительно не считала, что охранять Конана должны все ее люди. Но то, что она сказала кушиту, было чистой правдой. Киммериец так опасен, что даже Карела обращалась с ним очень и очень осторожно, несмотря на обычное свое презрение к мужчинам. Она видела, как он сражается, когда поражение уже кажется неизбежным, как он убивает,

когда его смерть уже словно бы дело решенное, как побеждает, хотя только что был на грани уничтожения. Но теперь, когда Конан связан по рукам и ногам и когда его охраняют двадцать человек, Карела не сомневалась, что найдет его там, где оставила.

Не думала она и того, что Джамаран мог бы отобрать у нее золото — или чего еще он там от нее хотел, — избежав при этом смертоносного удара рыжеволосой разбойницы. Но ее гордость не могла допустить, чтобы неизвестный аристократ стал свидетелем открытого неуважения к ней со стороны бритоголового. Кроме того, этот аристократ наверняка даст ей другие поручения — ведь он уже поручал ей что-то еще, и изменил свое распоряжение, только узнав о бронзовой фигурке, однако, если он заметит, что она не держит свою банду в узде, он может усомниться — стоит ли ему иметь с ней дело.

Когда Карела добралась до опушки, на которой стояла хижина, солнце превратилось в кровавый шар, наполовину скрытый вершинами гор, и длинные тени потянулись на восток. И снова боевой жеребец в красно-черном облачении один стоял перед дверью. Медленно объехала она вокруг опушки, прячась в тени деревьев. Это был поверхностный осмотр, она признавала это, но слишком уж ощутимо было присутствие статуэтки. Ей было некогда осматривать все более пристально. Не раз Карела ловила себя на том, что двигается в седле вперед, только чтобы избежать прикосновения к шерстяному одеялу, в которое была завернута фигурка. Ей очень хотелось поскорей избавиться от опасной ноши.

Смеясь сама над собой, она галопом влетела на опушку и спешила. Одеяло она несла, как мешок. Ударом ноги Карела распахнула грубую деревянную дверь хижины.

— Ну, лорд Как-Вас-Там, ждали мо...

В удивлении она проглотила остаток слов. Рослый аристократ пришел не один, как это было в первую их встречу. Рядом с ним стояла женщина в багряно-красном платье с капюшоном, низко опущенном на лицо. Холодные темные глаза изучающе сморели на Карелу поверх вуали из почти совершенно непроницаемого шелка. Карела невозмутимо ответила на этот

взор и бросила одеяло с фигуркой на глинобитный пол.

— Вот ваш проклятый божок. Где мое золото?

Закутанная в покрывало женщина опустилась на колени возле свертка и жадно раскрыла его. Когда рогатая фигурка высвободилась, она благоговейно вздохнула. Нежными пальцами она поставила божка на стол. Карела удивилась — как легко женщина касается статуэтки.

— Это Аль-Киир! — выдохнула женщина в плаще. — Это то, что я искала, Тараменон.

Карела моргнула. Лорд Тараменон? Если правда то, что она слышала о его фехтовальном искусстве, он будет непростым противником. Карела положила руку на рукоять сабли.

— Прежде чем вы заберете эту штуку, я должна получить пятьсот золотых!

Глаза женщины обратились к ней.

— Это действительно то, что ты ищешь? — спросил Тараменон.

Женщина в покрывале задумчиво кивнула.

— Оно выглядит именно так. Как тебя зовут, девушка?

— Я Карела, девушка! — Рыжая разбойница подчеркнула последнее слово. — А теперь вам неплохо было бы узнать, что вас ждет, если вы не принесли с собой обещанные деньги. Вас, мой милый лордик, я продам в Коф, где ваша смазливая мордашка будет услаждать взоры вашей госпожи.

Лицо Тараменоно омрачилось, однако женщина рассмеялась. Карела повернулась к ней.

— А вас я сплавлю в Аргос, где вы будете голая плясать в мессантийских кабаках и удовлетворять прихоти клиентов за стакан пива.

— Я принцесса Офира, — холодно произнесла женщина в плаще, — и я велю посадить тебя на кол на стенах королевского дворца. Как ты смеешь говорить таким тоном с теми, перед кем должна трепетать?

Карела резко ответила:

— Я отваживаюсь не только говорить. Клянусь сосками Деркэто, я сорву с твоего тела платье, чтобы поглядеть, достаточно ли хорошо ты сложена для

аргосского кабака. Большая часть офирских дворянок так костлявы, что им никак не удастся удовлетворить мужчину, хоть они и стараются изо всех сил. — Сталь скользнула по коже ножен, когда Карела вытащила саблю. — А теперь я хочу получить свое золото.

— Она и впрямь своенравна, — сказала женщина в багряном покрывале. — Взять ее!

Карела резко повернулась к Тараменону. У нее осталось мгновение, чтобы заметить его смущенную улыбку и понять, что он вообще не собирается браться за меч, пока двое в кожаных доспехах легкой кавалерии не прыгнули на нее с потолочных балок и не швырнули ее на пол.

— Разрази вас Деркэто! — взревела она, яростно извиваясь в тисках их рук. — Я разрежу вас на куски, как петухов. Трусливые шакалы!

Тараменон вырвал саблю у нее из рук и забросил в угол.

— Это тебе больше не понадобится, девушка.

Несмотря на ее отчаянное сопротивление, кавалеристы вздернули ее на ноги. «Дура!» — выругала она себя. Дать себя заманить в гнездо похитителей, словно невинная девица! Почему ей не пришло в голову, что не было второй лошади — для женщины?

— Я полагаю, мы ожидали бы от нее слишком много, если бы предположили, что она еще невинна, — сказала женщина.

Тараменон рассмеялся:

— Разумеется!

— Вероломная потаскуха! — зашипела Карела. — Воюющий мальчонка для развлечений! Я натяну ваши шкуры на сапоги! Выпустите меня, или мои люди подстрелят вас, как стервятников! Неужели вы настолько глупы, что полагаете, будто я пришла одна?

— Возможно, ты и взяла кого-то с собой, — спокойно сказал Тараменон, — хотя в последний раз я никого не видел. Но в любом случае по моему сигналу здесь появятся пятьдесят вооруженных людей. Ну что, попробуем и поглядим, что смогут сделать твои бандиты?

— Хватит, Тараменон, — сказала женщина, закутанная в покрывало. — Не трать на эту шлюху слов.

Она что-то говорила о том, чтобы сорвать платье... — Она смерила глазами узкие брюки Карелы и короткую кожаную куртку. В голосе ее зазвучали злые и насмешливые нотки. — Я хочу поглядеть, не слишком ли она... костлява для моих целей.

Тараменон засмеялся, и трое мужчин принялись за дело. Карела отбивалась, как дикая кошка, и когда они закончили, у нее осталась кровь под ногтями и на зубах. Теперь она стояла нагая, и ее тяжелая округлая грудь сильно вздымалась и опускалась от волнения. Жадные мужские глаза дивились ее красоте, ласкали все изгибы ее холодно и с оттенком легкой зависти. Зеленоглазая разбойница стояла гордо, выпрямившись, насколько позволяли связанные за спиной руки. Она не станет извиваться под этими взглядами, как стыдливая девственница в брачную ночь.

Высокий дворянин ощупал свою щеку, отмеченную четырьмя глубокими царапинами, и посмотрел на кровь, оставшуюся на кончиках пальцев. Внезапно рука его взметнулась в воздухе, и сила удара была так велика, что Карела и те двое, что держали ее, зашатались.

— Не оскорбляй ее! — резко одернула его женщина. — Эти царапины не нанесли ущерба твоей красоте, Тараменон. Так, а теперь свяжите ее, чтобы мы могли взять ее с собой.

— Пара ударов плеткой не нанесут ей ущерба, Синэлла, — проворчал красавец. — Я научу ее хорошему поведению.

Имя поразило Карелу настолько, что она не слышала ответа женщины. Покровительница Конана! Слышала ли она о ее связи с киммерийцем, не хочет ли она всего лишь разделаться с предполагаемой соперницей? Ну, она может использовать киммерийца в качестве заложника. И если Деркэто будет милостива к ней, Карела повесит подлую аристократку за ноги рядом с киммерийцем.

Карела открыла рот, желая выдвинуть свое предложение: свобода Конана в обмен на ее свободу. И тут же кусок тряпки, послуживший кляпом, забил ее слова обратно в горло. Словно голодная львица, отбивалась она, но трое мужчин — чересчур много для

одной женщины. С легкостью, которую она воспринимала как издевательство, они связали ей щиколотки и запястья и прикрутили колени под подбородком и обмотали тонкими ремнями, которые врезались ей в тело. Когда один из кавалеристов притащил большой кожаный мешок, она вспомнила, как хотела послать Синэллу Конану, и густая краска залила ее лицо.

— По крайней мере она еще умеет краснеть. — Синэлла засмеялась, когда Карелу засунули в мешок. — А по ее манере выражаться я уж было заключила, что в ней нет больше ни капли стыда. Отнесите ее к лошадям. Нам нужно спешить. Дела приняли стремительный оборот, куда более быстрый, чем мне бы хотелось и нам нужно кое-что предпринять.

— Я должен вернуться во дворец, на службу, — сказал Тараменон, — но я приду к тебе так быстро, как смогу.

— У тебя не слишком много времени, — холодно сказала Синэлла. — Смотри, как бы твое место не занял Конан.

Темная тюрьма Карелы закачалась в воздухе. Рыжая почувствовала, как слезы потекли по ее щекам. Проклятье Деркэто на киммерийца! Ее снова унизили из-за него! Она надеялась, что Джамаран перережет ему горло — и сделает это немедленно!

Глава восемнадцатая

Конан лежал на грязном каменном полу уже целый день и одну ночь. Он не мог пошевелиться в своих путах, но у него было терпение хищника, и он умел ждать и наблюдать. Указанием Карелы дать ему еды и питья пренебрегли. Он ощущал голод и жажду, но это ему не мешало. Иногда ему приходилось голодать и дольше, и он знал, что, как только он одолеет охранников, ему не придется больше терпеть лишения. Рано или поздно они сделают ошибку, которой он воспользуется. Да, рано или поздно.

С наступлением вечера разбойники зажгли медные лампы. Но без Карелы никто и не подумал повесить

одеяла перед высокими узкими бойницами. Глиняные кружки наполнялись стремительно, чаще, чем это было в ее присутствии. Четверо разбойников, которые не последовали примеру остальных и не пошли спать в верхние помещения спальни, были заняты беседой, игрой в кости и вином. Огонь в длинном очаге догорал. Толстые факелы на стенах давно уже прогорели, и никто не принес новых. Некому было позаботиться о железном котле, висевшем над пламенем, и вонь подгоревшей похлебки смешалась с отвратительным запахом пота давно не мытых тел.

Внезапно Тенью бросил кости и кожаный стаканчик.

— Она уже давно должна была вернуться, — проворчал он. — Где она шляется так долго?

— Может быть, она вообще не вернется, — сказал Джамаран. Его черные глаза нашли Конана, а желтые зубы обнажились. — Она оставила нам этого — его она, кажется, очень боится.

Марусса схватил кости.

— Но вы же не думаете, что она унесла ноги вместе с золотом? Конечно, сумма немаленькая, но одна только ее доля от грабежей в том месяце была примерно такой же.

— Эрлик! Отдай, наконец, кости! — фыркнул разбойник с двумя дырками на том месте, где когда-то был нос. Его тусклые глаза смотрели злобно и недоверчиво, словно он знал и заранее ненавидел все, что думают другие при виде его увечья. — Двадцать серебряных монет лежат на столе. Бросай же кости, проклятье!

Трое остальных не обратили на него внимания. Джамаран стукнул по столу кулаком размером с небольшой окорок.

— И еще одно! Почему женщина должна получать долю в десять раз больше, чем мы? Если мы предоставим ей как-нибудь сделать всю работу одной, тогда она поглядит, сколько удовольствия она может доставить мужчинам, которых обкрадывает. Без нас она не стала бы атаманшей. Была бы карманницей, а при поимке пускала бы в ход свои чары (от нас-то она их бережет!), чтобы ей не выжгли случайно клеймо на щеке.

— Лучше поставь вопрос так: кем бы мы были без нее? — возразил Теньо. — Чего бы мы одни достигли? Теперь ты расстраиваешься, что заполучил за месяц только пятьдесят золотых, но прежде ты был рад, если изредка получал хотя бы десять.

— Она женщина! — резко сказал огромный кушит. — Место женщины в постели ее мужа или у очага, где она варит ему еду. Но никак уж не во главе банды.

Марусса засмеялся и подергал себя за обвислые усы.

— Я ничего не имел бы против того, чтобы разок оседлать ее самому. Должно быть, недурное удовольствие — укрощение строптивой.

— Вы и вдвоем с ней не справитесь, — насмешливо сказал Теньо. — Мне не больше вашего нравится выполнять приказы женщины, но она добыла золота для моего кошелька больше, чем я когда-либо видел. И я знаю, что мне пришлось бы держать ее связанной по рукам и ногам, если я не хочу проснуться с собственным кинжалом в глотке. Или даже похуже.

— Да ты совсем скис! — фыркнул Джамаран. Он толкнул замаранца крепким локтем. — Я уже давно знал, что ты больше баба, чем мужчина. Наверно, он проводит свое свободное время в молитвенных домах Ианты.

Оба взревели от смеха, и безносый, похоже, нехотя вторил им.

Лицо Теньо побелело как мел, и в руке его неожиданно оказался узкий кинжал.

— Такого никто не смеет говорить мне безнаказанно! — зарычал он.

— Я говорю все, что мне вздумается. — В голосе Джамарана не было теперь веселья. — А если тебе это не по душе, я твоим собственным ножом поковыряюсь в твоём теле, поищу, где ты прячешь свою храбрость.

— Вы оба просто болтливые бабы! — рывкнул безносый. — Вам не хватает меня, чтобы поиграть в кости?

Не пересохни у него горло, Конан бы засмеялся под своим кляпом. Если так пойдет и дальше, эти четверо

поубивают друг друга, и ему останется лишь заняться своими веревками.

Джамаран швырнул свой кубок через всю комнату, так что вино выплеснулось, и поднялся. Ноги у него были толщиной в обхват талии обычного человека. Он встал над киммерийцем. Ярко-синие, словно лед, глаза с холодным спокойствием встретили мрачный взор кушита.

— Большой, — презрительно сказал Джамаран и, пнув Конана ногой под ребра, заставил приподняться с каменного пола. — Мне ты совсем не кажешься таким уж большим. Почему Карела не хочет, чтобы с тобой что-нибудь случилось? Она боится тебя? А может быть, немножко даже любит... Кто знает, может, я дам тебе поглядеть, как я сделаю ее покорной, если она вообще вернется.

Каждую фразу он сопровождал пинком сапога, пока киммериец не остался лежать, хватая ртом воздух, у края очага и глядя на Джамарана с яростью и злобой. Бритоголовый сел рядом с ним на корточки, сжал кулак и показал ему.

— Вот этим я убил десятерых. Ты будешь одиннадцатым. Я не верю, что Карела вернется. Если бы она собиралась это сделать, она давно была бы уже здесь. Но я подожду еще немного. Я хочу, чтобы она все-таки это увидела. Хочу посмотреть, какие чувства пробуждает в женщине мужчина, убитый таким образом.

Хохоча, кушит выпрямился и вернулся к столу.

— Где мой кубок? — заревел он. — Я хочу вина!

Ругаясь под своим кляпом, Конан откатился от пылающих углей, возле которых лежал, но его мысли были далеки от тех ожогов, что он при этом получил. Он так жадно ловил мгновение, когда подвернется возможность бежать, что почти не обращал внимания на разговоры об опоздании Карелы. Он знал ее достаточно хорошо, чтобы понимать: она совершенно точно не просто удрала и прикарманила все вырученное золото. Он вспоминал слова Бороса о том, что Аль-Киру приносили в жертву самых красивых и самых гордых женщин страны. Мало было на свете женщин, более прекрасных, чем Карела, а гордость ее была ему хорошо известна. Эта дура не только доставила тем, кто хочет вызвать к жизни бога-демона, средство для

достижения их цели, но и предоставила им самое себя в качестве жертвы. В этом он был теперь уверен. Придется спасать ее от ее же собственной глупости. Но как? И как же ему самому освободиться?

Он немного повернулся, чтобы не лежать прямо на ожоге, который здорово болел, и неожиданно улыбка появилась на его губах под кляпом. Не обращая внимания на обжигающий жар, он сунул свои связанные запястья в догорающее пламя. Он вцепился зубами в кляп, потому что боль была жуткой, и накрепко под веревкой могучие мышцы. Пот выступил у него на лице.

Запах паленой пеньки ударил ему в ноздри. Он удивился тому, что другие этого явно не замечали, потому что никто из четверых не смотрел в его сторону. Они были очень заняты пьянством, а безносый все еще пытался уговорить остальных продолжать игру, желая вернуть свой проигрыш.

Наконец веревка порвалась и Конан вытащил свои обожженные руки из жара, но продолжал держать их за спиной. Взглядом он искал свой старый испытанный широкий меч. Он был прислонен к стене позади пьянчуг — добраться до оружия невозможно, не вступив в поединок с этими четверьмя.

Безносый в бешенстве опрокинул скамью. Конан замер. Человек схватил свой кубок и принялся расхаживать взад и вперед. При этом он бормотал насчет людей, которые выигрывают и не хотят после этого играть дальше, — и бросал мрачные взгляды на остальных троих, которые мало о нем беспокоились. Киммерийца, неподвижно лежавшего возле очага, он вообще не замечал.

Медленно, чтобы не привлечь к себе внимания, Конан придвинулся к жару ноги. К воню от горящей пеньки добавился запах паленой дубленой кожи, но на это обратили столь же мало внимания. Обе веревки были теперь порваны. Вытаскивать кляп слишком долго. Киммериец перекатился по полу, схватил кочергу и вскочил.

Безносый первым сообразил, что Конан больше не связан, но времени у него хватило только на то, чтобы успеть распахнуть глаза, прежде чем мешком свалиться на пол с разможенной головой.

Рыча, остальные поднялись на ноги. Тенью выхватил кинжал, и в тот же миг острая кочерга вонзилась в его грудь. Нож выскользнул из его пальцев, и киммериец подхватил оружие. Марусса поднял меч, но большего сделать не смог, поскольку кинжал уже торчал у него в горле.

С ревом бросился Джамаран на киммерийца. Он сомкнул свои медвежьи лапы на его теле и поднял его в воздух. Конан чувствовал, как мощные руки великана давят на его позвончики, как начинают трещать кости. Конан замолотил кулаками по бычьему затылку своего противника, но тот, казалось, ничего не чувствовал. Джамаран давил все сильнее и сильнее, и киммериец знал, что его спина может сломаться в любой миг. В отчаянии он сдвинул ладонями уши врага.

Закричав, Джамаран бросил его. Едва лишь пятки Конана коснулись пола, он ударил кушита по шее. Джамаран шатнулся и в тот же миг поднял огромный кулак. Конан отбил удар, обхватил рукой бритоголового и начал его бить, чувствуя, как ребра трещат под кулаками.

И тут в ночи горны протрубили сигнал к атаке, принятый в офирской армии.

— Первая рота — факелы наготове! — взревел голос. — Вторая рота — вперед! Пленных не брать!

На верхних этажах застучали пятки. Послышались пронзительные вопли.

Занятый смертельной схваткой, Конан не сразу сообразил, что на него свалилась новая напасть. Джамаран, скрежеща зубами, ударил головой о его голову. Конан зашатался, пытаясь совладать с чернотой, которая вот-вот уже грозила охватить его. И снова огромный кушит вцепился в него. И тогда Конан резко ударил его коленом пониже живота, так что тот выпустил его, и сразу вслед за этим нанес мощный удар в подбородок. С ужасающим хрустом бритая голова откинулась назад на сломанной шее, и кушит рухнул.

Конан сорвал со рта кляп и бросил его на труп того, кто грозился убить его. В этот момент в бойницу всунулся факел. Киммериец перепрыгнул через стол, опрокинув его по дороге, схватил свой меч и отшвырнул ножны из лошадиной кожи. Если солдаты получили приказ не брать пленных, они убьют всех, кто

попадется им на пути, не спрашивая, враг это или пленник врага. Конан не имел ни малейшего желания погибнуть по недоразумению.

Один человек ворвался в дверь с поднятым мечом, Конан занес свой и поспешно отдернул его, когда он остановился всего лишь на ширине ладони от головы Махаона. Нарус обжег ветерана кругом, а за ним последовали еще двое из Вольного Отрада.

— Вы! — вскричал Конан. — Так это вы «офирская армия»?

Нарус передернул плечами и поднял медный горн.

— Я как-то учился. То и дело выясняется, что не зря. — Он оглядел лежавшие вокруг трупы. — И снова ты нам не оставил работы!

— Наверху еще много, — возразил Конан, но Нарус потряс головой.

— Они попрыгали через окна в крепостной стене. Решили, что мы те, за кого себя выдаем. Удрали в ночь.

— Все равно дел по горло, — заверил его Конан. — Карелу скрутили. Я собираюсь освободить ее.

Борос видел огни на горе Аль-Киира. — вот его единственный ориентир. Там и нужно искать.

— Нам надо поворачиваться побыстрее, если вы хотите идти со мной.

— Митра! Конан, — проворчал Махаон, — можно мне тоже вставить словечко? Сейчас не время заниматься женщинами, даже такой, как эта. Мы прибежали искать тебя, потому что в Офире разверзлись преисподнии Зандру.

— Аль-Киир! — У Конана желудок свело судорогой. — Им, стало быть, удалось вновь призвать этого бога!

— Я ничего не знаю ни о каких богах, — буркнул Махаон, — но Вальдрик-таки помер от своих хвороб, и Искандриан занял королевский дворец.

Конан уставился на него, недоверчиво моргая.

— И?..

— И старый генерал открыто встал на сторону Валентиуса, — пояснил Нарус. — А этот молодой балбес взял себе имя «Морантес Второй». Как будто имя уже сделает его королем. Я слышал, будто он не стал ждать погребения, даже жреца не дождался, сорвал корону с еще теплого тела и водрузил на себя.

— Прекрати молоть языком, Нарус, — фыркнул Махаон. — Большинство аристократов думают так же, как ты, киммериец. Они собирают свои силы, но Искандриан уже выступил, чтобы разбить их, прежде чем они успеют причинить вред. Через час после того, как Орел посадил Валентиуса на трон, он выступил из Ианты с большей частью армии. Таурианус громко ворчит, что Отряд должен примкнуть к аристократам. Он рассказывает всем и каждому, что если Искандриан победит, это будет конец всем наемникам. — Лицо Махаона, украшенное шрамом, приняло свирепое выражение. — И я скажу тебе, Конан, что здесь Таурианус прав. Искандриан быстро положит конец всем наемникам в Офире.

— Об Искандриане мы позаботимся позже, — рявкнул Конан. — Сначала Карела и кое-что поважнее, чем она. Сколько с тобой человек, Махаон?

— Семь, включая Наруса и меня. Все, кто пришел с нами из Немедии. Двоих я оставил охранять Юлию. С остальными дело скверно, киммериец. Если ты хочешь сохранить отряд, ты должен немедленно вернуться. Карела продержится какое-то время. Она делает это лучше, чем любая другая женщина.

— Мы нашли твоего жеребца среди лошадей этих разбойников, — вставил Нарус.

— Кром! — вскричал Конан. Их было слишком мало, если они хотели встать на пути того, что он боялся встретить возле Ворот Аль-Киира. — Мы едем в Ианту собирать отряд и тут же выступаем. Нет, не для того, чтобы поддержать аристократов, а к Воротам Аль-Киира. На ваши вопросы я отвечу потом. Сейчас на это нет времени. По коням! Вперед! И молитесь всех богов, какие только придут вам на ум, чтобы мы не опоздали!

Глава девятнадцатая

Летели искры из-под копыт, ударявших о булыжную мостовую, когда Конан галопом промчался по темным пустым улицам Ианты в сопровождении семи всадников в развевающихся плащах. У мрачной гранитной скалы Врата Аль-Киира трепетали огни, выделявшиеся на фоне безлунного

неба, и они подстегивали киммерийца. Конан ругался про себя и злился на городских стражников, которых пришлось упрашивать впустить его в город, теряя дорогое время.

С каким удовольствием он разбудил бы громким кличем горожан, спящих за каменными и деревянными стенами своих домов, чувствуя себя там в безопасности — по крайней мере временные. Траурные флаги свисали из закрытых окон. У общественных колодцев были видны букеты из сакармана — черные и белые ягоды смешивались на ветках, символизируя смерть и возрождение. Столица Офира погрузилась в траур по почившему королю, полная страха и неуверенности, но никто в Ианте не подозревал, что самый большой их страх — не больше, чем коптящий огонек свечи, по сравнению с лесным пожаром того ужаса, который ждет их, если известные усилия увенчаются успехом.

Промчавшись рысью в ворота дома, где квартировал отряд, Конан взревел:

— К оружию! На коней! Проклятье, живо, клянусь адом Зандру!

Тишина тяжело опустилась на темный дом, и его слова прозвенели, отражаясь эхом от высоких стен, когда остальные его спутники подскружили вслед за киммерийцем.

— Таурианус! — крикнул он. — Борос!

Со скрипом повернулась дверь на ржавых петлях. Слабый свет озарил четыре фигуры, которые поспешно вышли во двор. Приблизившись, тени превратились в Бороса, Юлию и двух солдат с потайными фонарями в руках. Это были последние люди, с которыми Конан пришел из Немедии и которых Махаон оставил охранять Юлию.

— Где остальные? — спросил Конан.

— Ушли, — глухо ответил Борос. — Таурианус — чтоб Эрлик сгноил его душу на всю вечность! — убедил их, что ты мертв, иначе бы ты, мол, давно уже вернулся. Примерно половина пошла за ним, чтобы примкнуть к аристократам против Искандриана.

— А остальные?

Волшебник пожал костлявыми плечами.

— Забились в какую-нибудь щель. Без тебя страх сожрал их сердца.

Конан сдержался, чтобы не проклясть Тауриануса. Сейчас действительно не время для этого. На горе все еще пылали факелы. Что бы ему ни пришлось делать, ему придется делать это с теми немногими людьми, что остались с ним. Но он никого не поведет сражаться с волшебством, может быть даже с богами, не открыв этим людям всей правды.

— Борос, — мрачно сказал Конан. — Расскажи об Аль-Кири. Но постарайся кратко. Он вернется в наш мир, может быть, уже на рассвете, если мы ничего не предпримем.

Борос испуганно глотнул воздуха, подергал себя за бороду и заговорил дрожащим голосом, который выдавал его возраст больше, чем что-либо иное. Он говорил о тех днях, когда древний Офир был еще молодым, об отрядах Аль-Кири, о Круге Праведного Пути, о пленении и изгнании бога-демона и о тех, которые хотят вернуть веру в него и самого бога, алчущего столь страшных жертвоприношений.

Когда он закончил, воцарилось испуганное молчание, прерываемое лишь уханьем совы и тяжелым дыханием людей.

— Если мы явимся к Искандриану с такой историей, — сказал Конан, — то он сочтет это происками партии аристократов и велит нас убить или объявит сумасшедшими и запрет — а тогда уже будет поздно. Но каждое слово этого рассказа — правда, и все это дело в целом убивает вернее, чем удар копья в сердце. Борос рассказал вам, какая судьба ожидает ваших сестер, жен, дочерей, если они горды и прекрасны. Я еду к Вратам Аль-Кири, чтобы предотвратить самое худшее. Кто со мной?

Долгое время лишь молчание было ему ответом. Затем вперед вышла, подняв голову, Юлия.

— Если нет мужества у тех, кто называет себя мужчинами, то, по крайней мере, я буду сопровождать тебя.

— Ты ляжешь спать на свой матрас, — рявкнул Махаон, — или я свяжу тебя, как это делала Карела, и оставлю так до своего возвращения.

Девушка юркнула за спину Бороса и испытующе посмотрела на седого ветерана, словно хотела дознаться, не собирается ли он и впрямь исполнить свою угрозу. Махаон кивнул с довольным видом и повернулся в седле к Конану.

— С тех пор, как я дерусь за тебя, киммериец, я имел дело с колдунами больше, чем другой за всю свою жизнь. Колдовство не так уж много значит.

— Сова, ухажующая в новолуние, предвещает смерть, — мрачно прогудел Нарус. — Но я еще никогда не видел бога. Я тоже с тобой, киммериец.

Один за другим семеро наемников решались идти с Конаном, и голоса их звучали смущенно, потому что девушка превзошла их мужеством и была готова идти спасать от кровавого ритуала женщину, которая ее так унизила. Но это вовсе не означало, что все преодолели свой страх.

Взгляд Конана скользнул по лицам, освещенным слабым светом фонарей, и киммериец вздохнул.

— Нас вполне достаточно, — сказал он (только ради того, чтобы заставить себя поверить в это). — Потому что нас должно быть достаточно. Кларан, Мемтес, возьмите своих лошадей.

Оба, кого он назвал по имени, поставили фонари и побежали к стойлам.

— Мы выступаем сразу же, как только они вернутся, — продолжал он. — На гору придется забираться пешком, потому что лошади не полезут по граниту...

— Подожди, Конан, — вмешался Борос. — Спешка нужна только при ловле блох. Если, конечно, ты не торопишься угробить нас всех и себя в придачу. Сначала ты должен завладеть посохом Аванрахаша.

— На это нет времени, старик, — сердито возразил Конан. Он нетерпеливо повернулся в седле, чтобы поглядеть сквозь глубокую темноту на Врата Аль-Ки-ира. Все еще горели там факелы, и слабый их свет, казалось, мигал, издеваясь над киммерийцем. Что там происходит с Карелой, пока он сидит тут на лошади, как конная статуя?

— Если ты отправишься убивать льва, — возразил бородач, — ты тоже скажешь, что у тебя нет времени взять с собой лук и копье? Что ты его, чтобы не тратить время зря, лучше задушишь голыми руками?

Ты хочешь встать на пути Аль-Ки-ира! Не воображаешь ли ты и в самом деле, что твое мужество и твой клинок — это все, что нужно для битвы против бога? С таким же успехом ты мог бы просто перерезать себе горло.

Конан вцепился в поводье. Он не страшился смерти, хотя искал ее не больше, чем любой другой человек. Но его смерть будет бессмысленной, если Карела будет принесена в жертву и Аль-Ки-ир вырвется на волю и начнет пожирать человечество. Конан принял решение быстро, как того требовала ситуация. Он бросил поводья Махаону и соскочил на землю.

— Возьми моего жеребца к горе, — приказал он, стаскивая с себя доспехи. То, что он должен сделать, лучше делать без лишней тяжести. Потом киммериец сел на землю и снял с себя сапоги. — Я встречу вас на перекрестке у подножия горы.

— Ты вообще знаешь хоть, где искать этот посох, о котором говорил старик? — осведомился Махаон.

— В тронном зале, — заявил Борос. — По древнему закону, скипетр и корона после смерти короля должны девять дней и девять ночей лежать на троне. Валентиус нарушил традицию, сразу надев корону, но он не осмелился полностью пренебречь ею.

— В королевском дворце! — воскликнул Махаон. — Киммериец, ты, должно быть, рехнулся, если полагаешь, что сумеешь забраться туда! Идем! Честной сталью сделаем все, что сумеем!

— Когда-то я был взломщиком и вором, — возразил Конан. — Это не первый дворец, куда я вхожу не через дверь.

Теперь на нем была только набедренная повязка. Он перекинул перевязь через грудь, так что меч оказался у него за спиной, а кинжал повесил под левую мышку. Кларан и Мемтес вернулись верхом, и копыта их лошадей звенели на толстых каменных плитах двора.

— Я приду к перекрестку с посохом, на это можете положиться. Будьте там.

Шагая быстрым, широким шагом, Конан исчез в ночи. За ним со двора выехали Махаон и остальные. Они направили своих лошадей в противоположную сторону, к северным воротам. Киммериец уже раство-

рился в темноте: дух, исполненный решимости убивать, который спешил по неосвещенным, безлюдным улицам Ианты. Каждая дверь была заперта, каждое окно закрыто ставнями. Жители города прятались от собственного страха перед неясным будущим, забившись в свои дома. Только несколько ободренных псов, изголодавшихся до костей, рыскали в переулках в поисках отбросов. Но и они шарахались от огромной фигуры киммерийца. Булыжник мостовой ложился под его жесткие босые ноги, точно скалы родной Киммерии, и это ощущение окрыляло его. Ему казалось, что он снова мальчишка в горах. Дыхание его участилось, и он мчался вперед — ради Карелы, ради любой другой женщины, обреченной потерять жизнь (и больше чем жизнь), если предприятие его сорвется.

Снова заухала сова, и Конан вспомнил слова Наруса. Может быть, ее крик и вправду означал смерть — для него или кого-то иного. Кром, суровый и жестокий бог скудных ледяных стран севера, где Конан родился, дает человеку только жизнь и волю, но он не обещает при этом, что жизнь будет долгой или что воля всегда одержит верх. Человеку ничего не остается, как бороться и снова бороться — всегда, куда он еще дышит.

Киммериец замедлил шаги тогда, когда перед ним выросли тяжелые стены королевского дворца и на фоне неба темной тенью поднялись зубцы и шпили башен. Толстая, обитая железом дверь была закрыта и, без сомнения, заперта на замок. Но он и не поглядел в их сторону. Он не собирался проникнуть во дворец через дверь.

Пальцы Конана ощупывали стены, вздымавшиеся перед ним, словно черная скала. Много столетий назад были они воздвигнуты из камней, каждый из которых был в двадцать раз тяжелее взрослого мужчины. Только тяжелые метательные машины могли швырять такие большие камни, что в состоянии пробить в этих стенах брешь. Но Конан не позволит этому препятствию встать у него на пути всерьез и надолго. Годы прорезали щели между огромными квадратами, так что для рожденного в горах не составляло особого труда вскарабкаться по ним.

Уверенно и ловко Конан забрался наверх. Пальцы рук и ног все время находили опору в щелях, и его сильные мышцы поднимали его наверх, даже если он цеплялся за стену лишь одним кончиком пальца. Под ним, уже на опасной глубине, во мраке лежала булыжная мостовая. Если он упадет, он переломает себе все кости, но время поджимало, и он не мог уделять большого внимания своей безопасности.

На стене он остановился между двумя высокими зубцами, увенчанными каменными леопардами, и наострил уши, — от его слуха не должны уйти шаги, шорох кожи, звяканье кольчуги. Драка с охраной расстроит все его дела, прежде чем оно успеет начаться. Но ничего не было слышно. Он протиснулся между зубцов. На бруствере охраны не оказалось. Дворец был тих, как гробница. Вполне могло оказаться, что Искандриан оставил охрану только у ворот. Белого Орла хватит удар, если у Конана получится задуманное.

От бруствера вниз вел изогнутый скат. Здесь вора вполне могли заметить, безразлично, сколько стражников там имелось или сколько слуг пряталось. Наверняка имелась прислуга, которая боялась быть наказанной, если она станет слишком рьяно служить теперешнему носителю короны, а его вдруг свергнут. Самая верная дорога, решил Конан, — по крышам. Ближайшая — крыша дворцового флигеля — была вполне достижима для ловкого прыгуна, если бы можно было взять разбег. Однако не так-то это просто сделать с отвесной стены, особенно если хорошо знать, что в случае ошибки придется лететь с высоты в четыре этажа.

Конан оценил расстояние и угол, затем набрал побольше воздуха и побежал по скату вниз. После шестого шага он прыгнул. Кончиками пальцев он сумел зацепиться за край крыши. Черепица сорвалась, соскользнула по краю и разлетелась в куски далеко внизу, на камнях. Мгновение киммериец висел на одной руке. Медленно втянул он себя наверх и закинул ногу на крышу. Кирпич, за который он держался, качнулся, но ему удалось распластаться на крыше, осторожно отодвинуть в сторону вылетевший кирпич и подождать, пока успокоится дыхание. Он напряженно вслушивался — не привлекло ли к себе внима-

ния падение первой черепицы. Но ничего не шелохнулось.

Как дикий зверь, Конан побежал по крыше наверх, ноги его сами находили верную опору среди торчащих кирпичей. Он забрался по водостоку, спрыгнул с балкона из черного и белого мрамора на острый фронтон, прижался к стене, нащупывая опору для рук на карнизе. Затем он полез мимо окон, забранных ажурными решетками, пока, наконец, не заглянул в вентиляционное окошко и не посмотрел с большой высоты на гигантский тронный зал.

С потолка на толстых золотых цепях свисали массивные золотые люстры. Их яркий свет падал далеко вниз на мозаичный пол, на котором были изображены невероятной величины леопарды и орел — королевские знаки власти Офира. Посреди зала стоял закрытый черным покрывалом саркофаг, в котором лежало тело Вальдрика в королевском облачении у расшитого золотом и жемчугом пурпура. У почившего короля никто не стоял в почетном карауле.

Конан поискал глазами трон. Похожий на тяжелое кресло, в котором некогда сидел Антимидес, он был украшен изображениями орлов и леопардов, однако трон был гораздо больше и весь из золота. Глаза геральдических зверей были сделаны из рубинов; клыки и когти — изумрудные, размером с ноготь большого пальца человеческой руки. Короны видно не было. Существовал ли такой старый закон или нет, но невзирая ни на что, Валентиус не мог допустить, чтобы его разлучили с короной даже на девять дней, после того как он ее наконец-то заполучил. Но то, что искал киммериец, лежало поперек подлокотников трона и сверкало во всю свою длину, позолоченное, усыпанное бесконечными драгоценными камнями разных видов.

Конан осторожно спустился по барельефам мраморных стен почти до низу. Оставалось всего двадцать футов. На этой высоте висели настенные ковры. Конан отодрал угол одного из них — на ковре была выткана охотничья сцена: король в короне с седла бьет красную дичь — и спустился по нему, как по канату.

Когда ноги киммерийца коснулись пола, он выпустил ковер и побежал к трону.

Почти дрожа, он схватил скипетр. Так много зависело от слов пьяного пьянчуги! Конан поспешно содрал своим ножом мягкое листовое золото и сверкающие камни и небрежно бросил их на пурпурные бархатные подушки трона. При виде древесины он облегченно вздохнул, но работы своей не бросал, пока перед ним не оказалось простое дерево — посох длинной в вытянутую руку и толщиной в два больших пальца.

Но был ли то и в самом деле посох Аванрахаша? Конан не чувствовал, чтобы от посоха исходило что-либо магическое, и он не казался столь древним, каким должен был быть. В самом деле, создавалось впечатление, что его вырезали всего несколько дней назад.

Но этот посох находился под оболочкой скипетра, и альтернативы Конану никто не предлагал. Не разбирая, какого сорта были драгоценные камни, киммериец схватил пригоршню их с подушки и сунул в мешочек.

— Обыкновенный, пошлый, вульгарный воришка! — произнес Тараменон от двери через весь тронный зал. — Вот Синэлла удивится, когда вернется и увидит твою голову на колу над воротами!

Конан выхватил меч, висевший у него за спиной. Держа посох в левой руке, он шагнул к рослому дворянину. Он молчал — времени на слова у него не было, но уголком сознания уже загорелся при упоминании имени женщины. Он опять желал обладать ею. Синэлла! Возможно ли, что он так долго не думал о ней? Но ярость затопила все остальные его чувства.

Тараменон отбросил свой подбитый мехом багряный плащ и обнажил меч.

— Я пришел сюда только затем, чтобы плюнуть Вальдрику в лицо. Оказывать почести мертвецу, который наполовину сгнил еще при жизни, — от этого у меня желудок сводит. Найти здесь тебя — вот приятная неожиданность. Никак не думал, что мне так повезет! — Внезапно злоба превратила лицо Тарамена в отвратительную маску. — Я расскажу ей о

твоей смерти, когда увижу ее. Твои грязные лапы никогда больше не коснутся ее, варвар, скотина!

Скрипнув зубами, он бросился вперед, нацелив удар в голову Конана.

Киммериец парировал удар Тараменона и нанес ответный. Глаза офита расширились от силы этого удара, но это не остановило его, и он вновь занес меч. И снова его встретил меч Конана, высекая ливень искр. Тараменон сражался с убийственным изяществом лучшего фехтовальщика в Офире. Его длинный клинок был гибок, как кофитянская змея. Конан же дрался холодно и беспощадно, как северянин и берсерк, и его сталь сверкала, точно молния между вершин киммерийских гор. У него не было времени обороняться, он должен был напасть и победить как можно скорее, прежде чем шум поединка донесется до слуха людей и он увидит перед собой силы, значительно превосходящие его собственные. Так что Тарамену оставалось лишь защищаться.

Пот крупными каплями катился по лицу лучшего фехтовальщика страны. Он все время отступал, теснимый безжалостным демоном с лицом из камня и глазами из синего льда, в глубине которых офит уже читал свою смерть. Паника охватила дворянина, и в первый раз в жизни страх победил его.

— Стража! — заревел он. — Воры! Стража!

В этот роковой миг он отвлекся, Конан нашел брешь в его обороне, и широкий меч скользнул между звеньев кольчуги, рассекая мясо и кости — и вот уже из груди офита торчит лишь рукоять меча.

Конан посмотрел в неверящие неподвижные глаза.

— Синэлла принадлежит мне! — прошептал он. — Мне!

Кровь вытекла изо рта Тараменона, и он упал. Покачив головой, Конан посмотрел на труп, а потом лишь вспомнил о мече и вытащил его из тела. Почему он сказал это? Синэлла не имеет сейчас никакого значения. Важна Карела, важен Аль-Киир, важен посох; но прежде всего важно суметь добраться до перекрестка. Однако картина, которую почти было закрыли собой все эти события, вновь встала перед его внутренним взором, ломая его сопротивление: стройные ноги, атласная кожа, высокая грудь... Конан

потряс головой, на этот раз смущенно, и схватил снятый Тараменом плащ, чтобы вытереть о него клинок и отрезать полосу, которой он хотел привязать посох к спине. «Вернусь ли я назад?» — спросил он себя, когда его снова стал осаждать образ Синэллы, словно взялся заставить его никуда не ходить. Конан отчаянно гнал воспоминания. Перекресток! — думал — он. Перекресток! Время!

Он помчался к полуотодранному настенному ковру и забрался по нему наверх.

Синэлла.

Перекресток!

Время!

Глава двадцатая

Карела подавила вскрик, когда мешок, в который ее засунули, перевернулся и она, все еще связанная и нагая, была брошена на холодный камень. После долгой темноты свет ослепил ее, и из глаз брызнули слезы. Она злилась на себя за эти слезы, потому что не хотела, чтобы те, кто захватил ее в плен, решили, будто это они заставили ее плакать. Моргая, она наконец рассмотрела грубо сложенные из камня стены небольшой пещеры, которая была освещена факелами в черных железных держателях.

Карела была не одна. Здесь имелись еще Синэлла и четыре белокурые женщины, удивительно похожие между собой. Аристократка была одета теперь иначе, чем в хижине. На каждом запястье у нее были железные обручи, и две черных шелковых полосы оставляли открытыми ее бедра и грудь; кроме того, она украсила себя поясом из золотых звеньев. Карела замерла, увидев пряжку этого пояса, — она сделана в форме головы той отвратительной бронзовой статуэтки, которую она продала, — хотела продать, горько поправила себя разбойница, — но та была сделана, кажется, целиком из золота. Обруч, тоже состоящий из золотых звеньев, украшал серебристо-белые волосы Синэллы, заплетенные в косы и уложенные короной, и на этом золотом обруче поднимались четыре рога, как у демонической фигурки.

Остальные женщины были одеты, как Синэлла, только их узкие пояса были сделаны из черного железа, а кроме того, они носили цепи и обручи на шее. Их волосы, заплетенные и уложенные таким же образом, ничего не украшало. Опустив головы, они смиренно ловили каждое движение этой прекрасной на чужеземный лад аристократки.

Карела глотнула и снова ощутила, что в горле у нее пересохло. Будь она в состоянии говорить, она сказала бы этой Синэлле, что Конана она может оставить себе. Это было бы враньем — разбойница не собиралась отказываться от своих намерений из-за белокурой шлюхи, которая сама себя называет «ле-ди», — но солгать ей казалось в тот момент очень разумно.

Синэлла кивнула, и четыре женщины вытащили кожаные ремни. Карела отчаянно извивалась в своих путах. Ей бы кинжал — или хотя бы одну руку освободить. Да даже просто языка хватило бы, чтобы выплюнуть белобрысой в лицо, кто она есть, целиком и полностью.

— Послушай меня, девушка, — сказала Синэлла. — Эти женщины оденут и подготовят тебя. Если ты станешь им сопротивляться, тебя будут бить, но приказ мой выполнят все равно. Я бы предпочла, чтобы ты осталась по возможности неповрежденной, так что, если ты готова подчиниться, кивни.

Карела пыталась кричать сквозь кляп. Подчиниться! Не вообразила ли эта женщина, что перед ней испуганный ягненок, который позволит себя утешить угрозами? Ее зеленые глаза сверкали в немой ярости.

Синэлла подошла к ней, поставила ногу на колени Карелы, привязанные у нее под подбородком, перевернула ее на спину и удержала так.

— Ну хорошо, тогда маленькая проба на качество. Не стоит быть слишком деликатными.

Женщины тоже подошли поближе, и их кожаные ремни засвистели, хлеща по незащищенному телу Карелы, которое выступало, стянутое веревками, сквозь путы.

Зеленые глаза Карелы, казалось, вот-вот вылезут из орбит, и в один миг она почти порадовалась кляпу

во рту, который удержал ее от крика. Наконец она яростно кивнула. Во имя Деркэто, глупо дать засечь себя до смерти, пока она связана, точно свинья, которую притащили на ярмарку.

Синэлла сделала знак женщинам.

— Я была уверена, что ты послушаешь голос рас-судка.

Карела попыталась выдержать взгляд темных глаз, неподвижно глядящих на нее сверху вниз; но сдалась и опустила веки. Судя по выражению лица Синэллы, та никогда не сомневалась, что ей удастся сделать послушной эту рыжую.

«Но я еще покажу им, чего стоит обещание, вырванное пыткой, как только они меня развяжут, — подумала Карела. — Я...»

Внезапно ее веревки были разрезаны. Карела заметила блеск кинжала. Она хотела схватить его — и упала на каменный пол от страшной боли. Ее мышцы так устали от неестественного положения, в котором она была связана, что способны были лишь судорожно дергаться. Бесконечно медленно подняла она руку, чтобы снять кляп со рта. Охотнее всего она бы сейчас заплакала. Кинжала больше не было видно, и она даже не увидела, кто его держал. Не знала она также, куда его спрятали.

Когда Карела выбросила кляп, две женщины поставили ее на ноги, и она охнула от боли. Если бы они не держали ее, она была бы не в состоянии удержаться на ногах. Служанка начала расчесывать гребнем из слоновой кости спутанные рыжие волосы. Еще одна вытирала мягким платком пот с ее тела.

Карела попыталась облизать губы.

— Я не продам тебя в кабак, — удалось ей выдавить из себя, — я вырву твое сердце голыми руками.

— Хорошо, — произнесла Синэлла, явно обрадованная. — Я уже боялась, что мужество твое сломлено. Для этого довольно было бы одного путешествия сюда. Я очень рада, что с тобой этого не произошло.

Карела издевательски сказала:

— Тебе самой доставит много удовольствия ломать меня! Но тебе меня не взять, пока я цела. А если ты хочешь вернуть Конана...

— Конан! — прервала ее аристократка, и ее темные глаза расширились от удивления. — Откуда ты знаешь варвара?

— Мы с ним однажды... — начала Карела, но больше говорить не стала. Она была утомленной, она заговорила о вещах, которые предпочитала держать про себя. — Неважно, откуда я его знаю. Если ты хочешь заполучить его, прекрати свои угрозы, и мы можем начать переговоры.

Синэлла взорвалась смехом:

— Так ты думаешь, что я хотела устранить тебя, как свою соперницу? Мне нужно бы усмотреть в этом оскорбление. Ты вообразила, будто я хочу удержать тебя заложницей? Я нахожу это смешотворным! Я признаю, что он мужчина, у которого было много женщин, и что ты — одна из многих. Это доказывает лишь одно: он очень неразборчив. Покончим с этим. — Синэлла протянула узкую руку. — Вот чем я теперь удержу варвара, девушка. Он приползет ко мне на брюхе, если я позову его. Он будет плясать вокруг меня, как дрессированный медведь, если я того захочу. И ты решила, что можешь быть мне соперницей? — Она откинула голову назад и громко рассмеялась.

— Ни одна женщина не может так обращаться с Конаном! — возразила Карела. — В этом я уверена, потому что сама пыталась, а я, клянусь Держэто, в десять раз больше женщина, чем ты.

— Ты вполне подготовлена для обряда, — холодно прервала ее красавица с серебряными волосами. — Я верховная жрица бога Аль-Киира. Но даже если бы я не была ею, ты недостаточно женщина даже для того, чтобы прислуживать мне! Мои горничные — высокородные дворянки из Коринфии, а та, что приготавливает для меня ванну и натирает меня благовониями, была принцессой в далекой Вендии. А теперь они не знают ничего иного, кроме как смиренно и преданно выполнять любое мое повеление. Как же рвань и бандитка может встать рядом с ними? А ведь они служат мне, как рабыни.

Карела раскрыла рот, чтобы возразить, но вместо этого глубоко глотнула воздух, когда в пещеру вошел человек в черных доспехах и шлеме с четырьмя рогами. Одно мгновение она думала, что это — та жуткая

тварь собственной персоной, которую изображала бронзовая фигурка. «Глупости! — одернула она себя. — Такого существа на самом деле быть не может».

— Тараменон уже прибыл? — спросила Синэлла.

— Нет, моя госпожа. И никаких известий от него.

— Он еще пожалеет! — пылко сказала Синэлла. — Если он вздумает мне противоречить, он будет наказан! — Она глубоко вздохнула и пригладила шелк, плотно облегающий ее полную грудь. — Начнем без него. Если он явится, схватить его и заковать. Есть и другие обряды, кроме жертвоприношения женщин!

— Тараменона, госпожа? — спросил человек, ужасаясь.

— Ты не ослышался! — Синэлла раздраженно махнула рукой, и человек в доспехах поспешно удался.

Карела напряженно вслушивалась в надежде узнать что-нибудь такое, что могло помочь бы ей бежать. Только теперь она вдруг осознала, что четыре женщины одевают ее и украшают волосы маленькими белыми цветами, и увидела прозрачные слои голубого шелка, которые они укладывали один на другой для обольщения жениха.

— Что это значит? — зарычала она. — Ты все-таки видишь во мне соперницу! Но если ты думаешь убрать меня с дороги таким способом, то ты и впрямь рехнулась! Я не выйду замуж ни за одного мужчину! Слышишь, ты, потаскуха с рожей из теста!

Жестокая улыбка заиграла на губах Синэллы, и от ее взгляда мурашки побежали по спине Карелы.

— Ты выйдешь замуж не за мужчину, — обещала высокомерная аристократка почти ласково. — Сегодня ночью ты обвенчаешься с богом, а я стану владычицей Офира!

Высокий дорожный указатель на перекрестке — прямоугольная мраморная колонна, на которой указано расстояние до границ с Немедией и Аквилонией, — высился в ночи перед Конаном. Ни один звук не нарушил тишины, только его взволнованное дыхание и равномерный шаг по каменным плитам. Позади

указателя вздымался черный массив Врат Аль-Киира: могучая гранитная скала, главенствующая над плоской равниной.

Киммериец присел возле мраморной колонны и напряженно стал вглядываться в темноту. Его людей видно не было. Он крикнул, искусно подражая голосу немедийского козодоя.

Приглушенное звяканье металлических пластин на кожаных доспехе возвестило о приближении Махаона и остальных. Лошадей они вели в поводу. Мемтес, замыкавший отряд, держал повод Конанова аквилонского вороного и собственного боевого коня. Луки и полные колчаны висели у солдат за спиной.

— Я счел за лучшее спрятаться, — тихо произнес ветеран. — Когда мы уходили, добрых три дюжины вооруженных людей промчались мимо, одни за другими, преследуя большой отряд. Два раза галопом пронеслись эскадроны легкой кавалерии — разведчики, надо полагать.

— Если я не заблуждаюсь, — вставил Нарус еще тише, — Искандриан пытается еще этой ночью вызвать столкновение, в то время как аристократы хотели бы его избежать, пока они не собрали всех сил. Не думал не гадал, что полезу на гору, пока идет последняя битва за Офир!

— Если ты одержим мыслями о славе, тогда иди к Таурианусу, — проворчал Конан. Он сильно потрянул гривой своих волос. Он волновался — совсем некстати. Но его мысли, казалось, окончательно вышли из-под контроля. С отчаянием, которое всегда было ему чуждо, Конан попытался сосредоточиться только на своем деле и выбросить из головы образ Синэллы и невероятно острую потребность владеть ею.

— Это и есть знаменитый посох? — осведомился Махаон. — Не похоже, чтобы в нем было что-то магическое.

— Это тот самый посох, и он обладает невероятной магической силой, — возразил киммериец. Он лишь надеялся, что говорит правду. Конан развязал веревку, которой был привязан посох, и взял меч в одну руку, а жезл Аванрахаша — в другую.

— Вот последняя возможность для вас подумать еще раз. Каждый, кто не уверен, что хочет следовать за мной, пусть отойдет в сторону.

Тихое шуршание клинков, выходящих из ножен, было единственным ответом. Конан хмуро кивнул.

— Тогда спрячьте лошадей в той рощице — и за мной.

— Твои доспехи, — напомнил Махаон. — Они у тебя на седле.

— Нет времени, — проворчал Конан. Не дожидаясь остальных, он начал карабкаться по склону.

Кром был не из тех богов, что прислушиваются к молитвам. За исключением того дара, который он вручает человеку при его рождении, никто ничего от него и не ждет. Но Конан готов был молиться любому богу, способному внять его мольбе. Если он умрет во время своего предприятия, то пусть это будет уже после завершения дела!

Молча шли за ним остальные, чтобы всем вместе остановить бога-демона.

Кнут снова упал на ее плечи, и Карела стиснула зубы, чтобы не закричать. Она стояла на коленях, привязанная к двум столбам, увенчанным отвратительными головами Аль-Киира. Лишь последний из многочисленных слоев голубого покрывала обвивался еще вокруг ее тела, мокрого от пота. Но не боль от бесчисленных ударов рвалась криком с ее губ, по меньшей мере не только боль. Карела лучше умерла бы, чем доставила удовольствие своим мучителям. Пылающие полосы, свившиеся в багровый кровавый узор на ее теле, были булавочными уколами по сравнению с пламенным желанием, которое разбудило в ней против ее воли снадобье Синэллы. Беспомощная Карела извивалась, и унижение было больше и больнее, чем все остальные муки, вместе взятые.

Аристократка с серебряными волосами танцевала перед ней. Она изгибалась и кружилась, шептала неслышные слова, заглушенные флейтами и грохотом мечей в ножнах, которые ритмично ударяли о каменный пол сводчатой пещеры. Между жертвой и жрицей стояла бронзовая фигурка, украденная у Конана, но

даже зло, исходившее от нее, захлестывалось волнами ужаса, которые излучало огромное кроваво-красное изображение в полный рост, которое, казалось, главенствовало над всем пещерным залом. Три черных глаза, лишенные век, излучали свет, приковывая к себе Карелу. Она пыталась оторвать взгляд от этого адского создания, молила дать ей сил, но как птица под взором змеи, утратила всякую волю.

Бичи хлестали снова и снова. Связанные руки Карелы дрожали от напряжения, но она не кричала. Демоническая бронзовая фигура начала вибрировать, и гудение, которое исходило от нее, смешалось с завывающими звуками флейт.

«Конан! — беззвучно вскричала она. — Конан, где ты?..»

«...И слабое движение там, где не было ни времени, ни пространства, одно лишь бесконечное Ничто. Почти что полное пробуждение, ибо торжествующая похоть пробила непробиваемый щит. И росло огромное желание, и было оно, как будто все люди на свете вдруг возгорелись похотью. Неужели нет конца этим мукам? О, возвращение древних воспоминаний, почти совсем забытых, — лучше бы им оставаться забытыми. Неужели они никогда... Полное сознание, впервые за множество эонов, сознание, такое холодное, что солнце замрет и миры остановятся.

Направление. Тончайшие нити ясного, как кристалл, желания и чистейшей боли тянутся в Бесконечное Ничто. Медленно, с осторожностью, порожденной веками разочарования, из середины Ничего протянулся навстречу злой нити ответ...»

Конан внимательно осмотрелся вокруг. Край огромного заросшего мхом мраморного блока, который когда-то предназначался для строительства. Стрекотали кузнечики, ухали ночные птицы. И темнота. Все тихо.

Стены без крыши, сложенные белым камнем, рухнувшие алебастровые колонны, которые никогда не были достроены до конца и теперь заросли вьющимися растениями, тянулись на плоской вершине горы.

Между колонн находились добрые две дюжины воинов в черных кольчугах и шлемах с четырьмя рогами. Факелы, которые держал каждый третий, отбрасывали танцующие тени на развалинах.

Конан вздохнул облегченно, когда увидел на груди у них красный знак — без сомнения, изображавший голову божка, которого украла у него Карела, — череп Аль-Кири. Только теперь киммериец признался сам себе в том тайном страхе, что это не то место, что они ищут.

Люди в черных кольчугах, несомненно, охраняют вход в подземные помещения, где и должны происходить страшные обряды, подумал Конан. Борос сказал, что гробница находится в середине горы. По меньшей мере эти ребята получили приказ охранять вход, поправил он себя, однако они знают, что из-за жуткой славы, которая идет об этой горе, сюда никто не полезет, и потому они беспечны. Некоторые прислонились к каннелированным мраморным колоннам, другие сидели на каменных блоках и болтали между собой. Ни один не смотрел в сторону склонов, откуда могли бы появиться незваные гости.

Конан сделал знак своим девяти. Благодаря многолетней выучке действовать заодно, они бесшумно последовали его приказу. Киммериец молча посчитал. Он знал, сколько времени пройдет, пока каждый доберется до своего места.

— Вперед! — взревел он и рванулся из своего укрытия, чтобы броситься на стражников. Как он и ожидал, его крик и неожиданное появление заставили стражей замереть — и этого хватило, чтобы в воздухе пропели девять стрел и нашли себе девять жертв.

Стражники собрались, однако, достаточно ловкие и умелые. Не успели упасть их убитые товарищи, как оставшиеся в живых нашли себе укрытие за колоннами. Но Конан опередил их. Держа посох, как пику, он ударил одного под подбородок, и тело безжизненно опустилось на пол.

— За Конана! — услышал он позади себя. — Конан!

Клинок метнулся к киммерийцу, и его широкий меч перерубил руку, которая держала оружие. Конан при-

сел, избегая удара, который должен был бы снести ему голову, и ударом своего меча отшвырнул нападавшего почти до колонны. Отпихнув сапогом труп в сторону, он посмотрел по сторонам в поисках следующего противника, но больше никого не нашел. Его люди стояли среди убитых и настороженно ждали, не появятся ли еще враги.

— Все мертвы? — спросил Конан.

Махаон покачал головой.

— Двое побежали туда, вниз. — Он указал на темное отверстие, в котором начинались ступени, ведущие внутрь горы.

— Кром!

Конан рванулся ко входу и полетел вниз по лестнице. Остальные безмолвно следовали за ним.

Мокрое от пота, блестело стройное тело Синэллы, когда она изгибалась и извивалась в древнем танце, движения которого должны были выражать высшую степень желания и похоти. Давно забытые слова срывались с ее губ, отражались эхом от стен, восхваляя ее ужасного и жестокого бога, взывая к нему. Страшная кроваво-красная фигура, воплощение Зла, перед которой она танцевала, вибрировала, как струна арфы. Странное жужжание, испускаемое статуей, перекрывало теперь и пение флейт, и стук мечей в ножнах, и даже звук ударов кожаных ремней о нагретую кожу. Но с голосом Синэллы оно, казалось, слилось воедино, усиливая звучание песни.

Синэлла мельком заметила, что рыжеволосая, уже обнаженная, изнемогает в своих путах, но все еще борется, не хочет сдаваться. Это хорошо, подумала жрица, ни на мгновение не останавливаясь ни в танце, ни в заклинании. Она была уверена, что успех, который уже казался недалеким, был обязан своим торжеством упорной и негибкой гордости этой Карелы. Во всяком случае, заслуга жертвы не меньше, чем заслуга бронзовой фигурки. Рыжая разбойница оказалась куда полезнее, чем все эти высокомерные аристократки, которые в конце концов ломались, рыдали и умоляли, предлагая свое тело тем, кто их бил, чтобы те прекратили, хотя бы на мгновение.

В подземелье ворвался стражник в рваной окровавленной кольчуге.

— На нас напали, госпожа! — прохрипел он. — Сотни злодеев! Их боевой клич — «Конан!».

Синэлла качнулась и вновь в отчаянии возвратилась к танцу и заклинанию. Остановиться теперь означало навлечь на себя несчастья, о которых лучше не думать. Но мысли захлестывали ее. Конан? Невозможно! Само по себе нападение на Врата Аль-Кирира, да еще ночью, было делом немыслимым!

Желания, слова, движения — все остановилось одновременно. Воцарилась мертвая тишина, когда мощная голова, увенчанная четырьмя рогами, повернулась к ней, и три черных глаза, лишенные век, уставились на нее, излучая темное пламя недоброй жизни...

Люди в черных кольчугах, чьи рогатые шлемы делали их в слабом мерцании догорающих ламп похожими скорее на демонов, чем на людей, выступили словно из стены, готовые защищать высеченные в скале. Они, конечно, могли быть похожими на демонов, но умирали все же как простые смертные. Сквозь их ряды рвался Конан, и его старый двуручный меч поднимался и опускался без усталости. Тот, кто осмеливался встать у него на пути, находил скорую гибель. Лишь немногие поднимали на него меч и встречали взгляд ярко-синих глаз. Куда чаще они прижимались к стенам, пропуская его, и вступали в бой с теми девятью, что шли следом за этим берсерком.

Киммериец не думал о них. То, что они охраняли и что он искал, находилось далеко впереди. Тут-то он и пробивал себе дорогу, пока не добрался до огромной пещеры. То, что он там увидел, заставило кровь застыть в его жилах.

Еще двадцать воинов в черных кольчугах стояли там, но они замерли, как и киммериец, и казались такими незначительными по сравнению с тем, что предстало его взору. Карела, исполосованная плетьюми, обнаженная, висела, привязанная за руки, между двух деревянных столбов. Перед ней стояла Синэлла в странном одеянии из черного шелка, который прилипал к ее мокрой от пота коже. На серебряных волосах лежал четырехрогий обруч. А за ее спиной высилась фигура цвета засохшей крови, похожая на

кошмарный сон безумца. Пробудившийся Аль-Киир откинул голову назад, и из широкой прорези рта загремел смех, вселявший ужас даже в сердца героев.

Но если хохот ужасного бога заморозил рассудок киммерийца, то присутствие Синэллы вновь пробудило его. Посох выскользнул из его пальцев, и он шагнул к ней.

Темноглазая красавица указала пальцем на молодого великана. Словно заказывая себе стакан вина, она приказала:

— Убейте его!

Странная нерешительность, которая в последнее время нападала на него в ее присутствии, замедлила движение Конановой руки. И все же меч его обезглавил первого человека, что приблизился к нему, еще до того, как меч противника успел покинуть ножны. Дворяне могут рассуждать о рыцарстве, сидя в мягких креслах, потому что сами они редко принимают участие в битвах, но сын суровой северной страны сражается, чтобы побеждать.

Теперь все остальные набросились на него, и он отступил к выходу, который был достаточно широк для того, чтобы могли пройти одновременно три человека. Конан дрался с дикостью, близкой к безумию, и сталь его меча бушевала над черными доспехами. Мысль о Синэлле горела в нем. Он должен быть с ней, даже если это означает, что сперва ему нужно уничтожить здесь все живое.

Пронзительный вопль отвлек его от противников. Аль-Киир схватил Синэллу когтистой лапой, крепко сомкнув на ее талии пальцы, и поднес ее к трем черным безвеким глазам, желая рассмотреть получше.

Конан удвоил усилия и ярость натиска. Его очевидное равнодушие к смерти вынудило воинов в черном отшатнуться от него.

— Не меня! — кричала Синэлла с лицом, искаженным от ужаса. — Я преданная твоя раба, о могущественный Аль-Киир! Твоя жрица! Вот та, что предназначена для твоих воцелений!

Аль-Киир повернул свою рогатую голову к Кареле, и его безгубый рот с острыми клыками растянулся — это вероятно, должно было обозначать улыбку.

Он сделал к ней шаг и протянул руку.

— Нет! — взревел Конан, и отчаяние охватило его. — Не Карела!

Он наступил на что-то, и оно покатилося по полу с глухим стуком — так дерево стучит о камень. Это был посох Аванрахаша.

Не замечая теперь людей, готовых напасть на него, Конан поднял посох и метнул его, как копье. Простая деревянная палка полетела прямо в грудь чудовищного создания, ударила его и вонзилась в его тело. Свободной рукой Аль-Киир схватился за древко, но оно вошло так прочно, словно зацепилось крюками. Темная кровь хлынула из раны, и четырехрогий бог заревел — оглушительный вопль казался бесконечным, он подавлял все мысли, обессиливал все мускулы.

Сталь загремела о каменный пол, когда воины в черных доспехах побросали свои мечи и бросились бежать мимо Конана, не обращая внимания на его меч. Он не замечал их. Пронзительный крик бога не оставлял места ничему.

Капли крови, выступившие вокруг посоха, застыли и стали твердыми, как куски обсидиана; онемение распространилось и наконец охватило всю мрачную фигуру.

Синэлла отчаянно содрогалась в когтях, которые ее обхватили, и дико дергала ногами.

— Выпусти же меня, — молила она, — освободи преданную свою жрицу, о могучий Аль-Киир!

Лапа вокруг нее уже превратилась в камень. Медленно, словно каждое движение давалось ему страшным напряжением сил, рогатый повернул к ней лицо.

— Выпусти меня! — визжала она. — Выпусти! Нет! Митра, спаси меня!

Ее движения стали безжизненными, затем ноги окаменели и крики затихли. Ее бледная кожа сверкала теперь в свете факелов — то был полированный мрамор. Воцарилась мертвая тишина.

«...Бегство! Бегство от боли, такой огромной, что она могла бы уничтожить тысячи миров. Бежать назад, в ненавистную тюрьму, имя которой — Ничто. Но что-то он забрал с собой. Оно одето той же плотью, которую некогда носил и он. Прекрасная нагая женщина была это, темноглазая, с серебром волос. Она

падала в пустоту Ничего, раскрыв рот в крике, и никому не суждено услышать его. Мрачная радость, черная, как бездонная пропасть. Женщина доставит ему несколько столетий наслаждения, прежде чем угаснут жалкие искры, эссенция человека. Но боль не кончалась, напротив, она росла. Тонкая нить, связавшая это место небытия с иным миром, была еще цела, она еще не порвана. Но она должна быть разрублена; иначе его ждут эоны непереносимых мук. Она должна быть разрублена!»

Конан потряс головой, словно очнувшись от лихорадочного бреда, и бросился к Кареле. Он быстро перерезал связывавшие ее веревки и подхватил ее, когда она стала падать.

Прекрасная рыжеволосая разбойница подняла к нему залитое потом лицо.

— Я знала, что ты придешь, — пылко прошептала она. — Я молилась, чтобы ты спас меня, и я ненавижу тебя за это.

Киммериец не выдержал и рассмеялся. Что бы с ней ни случилось, Карела никогда не изменяет себе. Он сунул меч в ножны и поднял рыжую на руки. Слабо вздохнув, она обвила его шею руками и прижалась лицом к его груди. Ему показалось, что он чувствует влагу ее слез.

Взгляд Конана упал на окаменевшую фигуру, пробитую деревянным посохом. Кроваво-красное чудовище обхватило могучей лапой алебастровую фигурку женщины, которая, очевидно, пыталась освободиться. Лицо ее навек застыло. Вся страсть, все смущение, наполнявшие Конана, исчезли, словно их никогда и не было. «Я был заколдован», — подумал он яростно. Синэлла привязала его к себе чародейством. Он надеялся, что она — где бы она сейчас ни находилась — имеет достаточно времени для раскаяния.

Махаон и Нарус вбежали в пещеру с окровавленными мечами и внезапно остановились, распахнув глаза.

— Я бы лучше и спрашивать не стал, что тут произошло, — проворчал тощий солдат, — потому что, скорее всего, не поверю ответу.

— Они удрали, киммериец! — сказал Махаон. — Десятеро из них при виде нас нырнули в боковой ход. Что ты тут с ними сделал? Ты начисто лишил их мужества!

— Где остальные? — спросил Конан, и ветеран мотнул головой.

— Все мертвы. Но они сражались храбро и могут сполна заплатить Перевозчику*.

Внезапно Нарус указал на огромную каменную фигуру.

— Он... Он... — пробормотал солдат, не в силах отыскать слов.

Конан резко повернулся. Неподвижное тело мрачного бога дрожало. От него исходило гудение, которое становилось все пронзительнее, пока не стало ввинчиваться в уши гвоздем.

— Бежим! — рявкнул киммериец, но из-за ужасной боли, от которой, казалось, вот-вот расколется голова, он сам себя не слышал. Однако обоим его друзьям не требовалось указания на этот счет. Они уже мчались к выходу, вырубленному в скале. Несмотря на тяжесть тела Карелы, Конан без труда догнал их. В своем диком бегстве они перепрыгивали через трупы, валявшиеся повсюду. Живых нигде не было видно. А гудение, отнимавшее рассудок, следовало за ними по пятам, вверх, к каменным ступеням, выводящим к развалинам дворца.

Когда киммериец вырвался наружу, пробравшись между колонн, заросших плющом, гудение, грозившее расколоть ему череп, умолкло. Птицы и кузнечики исчезли; единственным звуком был оглушительный шум крови, стучавший в ушах, как барабан. Не успели они вздохнуть, в тишине, как гора заколебалась. Недостроенные колонны и замшелые стены рухнули. Глыбы мрамора, способные раздавить человека, сыпались на землю дождем. Но их треск терялся в грохоте светопреставления, исчезавшего в недрах Врат Аль-Кири.

Сквозь облако пыли, мимо летящих и падающих каменных блоков, Конан стремительно спускался вниз по склону, крепко прижимая к себе Карелу. Склон

* Махаон имеет в виду, вероятно, перевозчика душ в царство мертвых.

горы, да еще ночью — не то место, где следует находиться во время землетрясения, но падающие руины были подходящим местом еще в меньшей степени. Безопасность во время ЭТОГО землетрясения (Конан был уверен в этом) можно было найти только подальше от Врат Аль-Киира. Так далеко, как только могут человека унести ноги. И он бежал по земле, качавшейся, как палуба во время бури. Все время приходилось следить за тем, чтобы не потерять равновесие, потому что камни вырывались у него из-под ног, и обломки скал летали по воздуху, как гигантские птицы. Он не знал, находятся ли Нарус и Махаон все еще рядом с ним, но искать их не стал. Они мужчины и должны сами о себе заботиться. А его долг — доставить в безопасное место Карелу, потому что первобытный инстинкт варвара подсказал ему: худшее впереди.

С оглушительным треском взорвалась вершина горы Аль-Киира. Вверх взметнулось пламя, и скалы, алебастровые колонны и мраморные стены полетели в небо, освещенное теперь сполохами огня. Взрыв вырвал почву у Конана из-под ног. Он повернулся так, чтобы при падении Карела упала на него. Снова подняться на ноги было невозможно. Он покатился, стараясь прикрыть своим сильным телом рыжую женщину от камней, которые летели по воздуху и падали во множестве. А когда ему удалось это сделать, его взору предстала картина, никогда уже не изгладившаяся из его памяти: пламя бушевало, вырвавшись на тысячу шагов вверх из вершины Врат Аль-Киира. Один-единственный язык пламени, который принял форму посоха Аванрахаша.

Эпилог

Наступил рассвет. Конан посмотрел в сторону Ианты. Высокие башни выступали из утреннего тумана; красные черепичные крыши начинали сверкать в лучах еще не вставшего солнца. К городу подходила армия. Развевались яркие знамена, длинные ряды пехотинцев со щитами за спиной маршировали следом. Тысячи копыт и крепких сапог вздымали пыль. Победоносная армия, подумал Конан. Но чья?

Он старался не смотреть на дымящийся кратер горы, ставшей теперь ниже, и попытался найти дорогу среди валявшихся повсюду обломков скал. Ночью почти четвертая часть горы рассыпалась на куски, а как выглядит теперь ее вершина, киммериец и знать не хотел.

С некоторого расстояния послышался голос Наруса. Он звучал с легкой горечью:

— Женщинам нельзя разрешать играть в азартные игры. Я почти уверен, что ты подменила кубик! Я хотел бы выкупить назад...

— Нет! — перебила его Карела, как раз в тот момент, когда Конан снова примкнул к трем своим спутникам. На ней были штаны Наруса, узковатые в бедрах, они болтались на коленях. На плечи она набросила его красный плащ, а его меч лежал у нее на коленях. Там, где плащ распахивался, была видна ее пышная грудь.

— Одежда мне нужнее, чем золото, — сказала разбойница. — И я не подменила кубик. Ты просто

плохо смотрел, потому что слишком пялишься на мою голую грудь.

Махаон рассмеялся, а тощий солдат заворчал, пытаясь натянуть доспехи по возможности до своих костлявых колен.

— Нам нужно идти, — сказал Конан. — Дело явно дошло до битвы, и без сомнения, тут есть много наемников, у которых нет ни нанимателей, ни командиров — независимо от того, кто победил. Нам нужны люди, чтобы снова сколотить наш отряд. Кром, их, возможно, столько, что каждый из нас мог бы стать во главе своего собственного отряда.

Махаон, прислонившийся спиной к мраморному блоку, покачал головой.

— Я занимаюсь этим ремеслом больше лет, чем ты прожил, киммериец, и прошлая ночь заставила меня задуматься. В Кофе у меня есть земелька. Повешу я свой меч на стену и стану-ка хозяйничать.

— Ты? — Конан недоверчиво посмотрел на него. — Если ты проковыряешься в земле хотя бы месяц, ты разорвешь голыми руками ближайшую деревню, так соскучишься по сражениям.

— Это все не так, как ты себе представляешь, — заверил его седеющий ветеран. — Десять человек сейчас работают на моей земле. Я буду уважаемым человеком, сам стану задавать там тон. А если Юлия захочет, я заберу ее из города и женюсь на ней. Крестьянину нужна жена, которая подарит ему здоровых и сильных сыновей.

Хмурясь, Конан перевел взгляд на Наруса.

— А ты тоже собрался в крестьяне?

— Ну нет, лично я корни пускать не собираюсь, — ответил тощий и отобрал у Карелы кубики, которые она хотела рассмотреть поближе. — Но... знаешь что, Конан, чародеи не очень мне докучали, как, впрочем, и эти ребята, которые выглядели так, словно их мамы сюсюкались с ядовитыми змеями. Но и они были не страшнее, чем толпа кровожадных пиктов. Однако этот бог, которого ты тут раскопал, сделал мои колени мягче, чем тогда, в битве на Черной реке, когда у меня еще борода не проклюнулась. На ближайшее время я подыщу себе городок посимпатичнее с девчонками поадренее, с которыми так хорошо поваляться в

постели... — Он бросил кубики на землю. — И с молодыми пареньками, у которых золота больше, чем ума.

— Тогда они должны быть **ОЧЕНЬ** молодыми, раз ты собрался обтрясти с них денежки, — улыбаясь, перебила Карела. — Как ты думаешь, киммериец?

Нарус удостоил ее злобного взгляда и заворчал под нос.

Не успел Конан открыть рот, как заметил далеко внизу, у подножия горы, что-то белое, и повернулся в ту сторону.

— Кром! — воскликнул он. Это были Борос и Юлия. — Я сверну ему его тощую шею за то, что он притащил девочку сюда.

Остальные встали и пошли за ним. Только оказавшись почти рядом со стариком и девушкой, Конан увидел, что они были не одни. Юлия стояла на коленях возле Тауриануса и обрывала полосы от своего белого платья, чтобы остановить кровь, сочившуюся сквозь десяток дыр в доспехах офита. Волосы солдата слиплись от крови и грязи, и каждый хриплый выдох приносил кровавую пену на его губы.

Борос воздел руки, увидев Конана.

— Я ничего не смог поделать! Я пытался остановить ее, но сил у меня не хватило. Тогда я счел за лучшее сопровождать и охранять ее, как только могу. Она говорила, что тревожится за Махаона.

— За всех вас, — поправила его Юлия, покраснев. — Конан, мы нашли его здесь. Ты не можешь ему помочь?

Киммерийцу не нужно было видеть рану Тауриануса, чтобы понять, что тот жить не будет. Земля вокруг него уже пропиталась его кровью.

— Значит, дворяне проиграли битву, — спокойно установил он. — Наемник, сражавшийся на стороне победителей, не полез бы сюда, чтобы умереть.

Веки офита дрогнули, и он открыл глаза.

— Мы поймали Орла... — захрипел он и заговорил, делая короткие паузы, во имя которых судорожно глотал воздух. — Мы оставили наш лагерь... после того, как разожгли там огни... и Искандриан... напал ночью. Тогда мы бросились на него с тыла... Мы бы... уничтожили его... но огромный язык пламени... вонзил-

ся в небо... и беловолосый черт, заревел... что боги с ними... Некоторые кричали... что это посох Аванрахаша... Паника... охватила нас. Мы бежали... бежали, а его воины... они убивали, убивали нас. Не дай им поймать тебя, киммериец... Искандриан велел... сажать на кол... любого наемника, которого он поймают! — Внезапно, собрав последние силы, он оперся на локти и протянул к Конану судорожно сжатый кулак. — Я... лучше... тебя!

Кровь хлынула у него изо рта, и он упал. Еще раз тело содрогнулось, затем его мертвые глаза уставились в небо.

— Огромный язык пламени, — пробормотал Нарус. — Ты состоишь на службе у Судьбы, киммериец. Ты создаешь королей, даже когда у тебя нет таких намерений.

Конан раздражительно отмахнулся. Ему было безразлично, кто носит корону Офира, пока это не мешало его планам.

Имея Искандриана на стороне Валентиуса, — возможно, настало время называть этого паршивца «Морантесом Вторым», — уже не будет возможности снова собрать отряд наемников. Да и возможно, нет уже в живых никого, с кем можно было бы возродить Вольный Отряд.

— Ты!!! — фыркнул Махаон так неожиданно, что Юлия испуганно подскочила. — Разве я не сказал тебе, чтобы ты оставалась в Ианте? Что мне, пороть тебя всю дорогу? Жизнь жены бедного крестьянина тяжела, и нужно учиться послушанию. Или ты хочешь, чтобы мы потеряли нашу единственную свинью, потому что ты ее не накормишь, когда я скажу?

— Ты не имеешь права так бранить меня! — зашипела девушка. — Ты... — Только теперь, казалось, смысл его слов дошел до ее сознания. — Жена? Ты действительно имел в виду это? Супруга? — Она глубоко вздохнула и проговорила очень серьезно: — Махаон, я буду заботиться о твоей свинье так, словно это моя родная сестра.

— Ну нет, так далеко заходить не стоит. — Махаон рассмеялся, оборачиваясь к Конану. — Мы прошли с тобой вместе долгий путь, киммериец, и вот добрались до конца. Поскольку я не хочу, чтобы Искандри-

ан посадил меня на кол, пойду-ка я лучше отсюда прочь! Я хочу оставить Ианту далеко позади еще до того, как завершится этот день.

— Совсем как я! — влез Нарус. — Я хочу в Тарантию, потому что рассказывают, будто аквилонские дворяне великодушны и очень любят азартные игры.

— Так живите долго! — сказал им Конан на прощанье. — И если вы попадете в ад раньше меня, выпейте там за мое здоровье.

Юлия прижалась к Махаону, и вместе с Нарусом они стали спускаться вниз.

— После всего, что вытворяла здесь эта девушка, мне необходим хороший глоток, — проворчала Карела, — потому что меня до сих пор с души воротит.

Конан задумчиво посмотрел на нее.

— Лично меня тянет в Аргос, потому что говорят, будто там легко наберечь наемников. Идем со мной, Карела. Вместе с тобой мы станем владыками всей страны меньше чем за год.

Рыжеволосая красавица уставилась на него мрачно.

— Ну неужели ты не понимаешь, почему я не могу, киммериец? Клянусь грудями Деркэто, человек, ты пробуждаешь во мне потребность стать такой, как эта потаскушка Юлия. Ты доведешь меня до того, что я поддамся моей слабости и позволю тебе защищать меня. Ты что, вообразил, что я стану женой, которая будет прибирать за тобой постель и варить тебе еду?

— О таком я бы тебя и не попросил, — возразил Конан, но она вообще его не слышала.

— ...И в один прекрасный день дело дойдет до того, что я начну ходить за тобой следом, молчаливая, только ради того, чтобы не упустить ни одного твоего слова. А если дело и впрямь зайдет так далеко, я всажу тебе нож в спину. После этого меня, вероятно, ждет безумие и я начну выть, но ведь ты сам меня до этого доведешь. Нет, такого я не хочу, Конан! Такого я не хочу!

Он ощутил глубокую грусть, но гордость не позволила ему показать это.

— По крайней мере ты добила того, чего хотела. На этот раз бегу я, а ты остаешься здесь.

— Нет, Конан. Эти отбросы, из которых состояла моя банда, не стоят трудов, чтобы снова собирать их. Я еду на восток. — Она гордо вскинула голову, и ее глаза сверкнули, как изумруды. — Степи Заморы снова вспомнят о Рыжем Ястребе.

Он порылся в кошельке и вытащил добрую половину драгоценных камней, которые снял с офирского скипетра.

— Вот, — сурово сказал он.

Карела не пошевелилась.

— Ты не можешь быть настолько гордой, чтобы не взять на прощание подарок от друга.

Поколебавшись, она протянула руку, и он насыпал в ладонь камни.

— Ты куда лучше, чем сам даже знаешь, киммериец, — шепнула она. — А я дура.

Она легко поцеловала его в губы и бросилась бежать так отчаянно, что ее плащ взвился за плечами, как багряное знамя. Конан провожал ее глазами, пока она не исчезла у подножия горы.

— Даже богам не дано понять образ мыслей женщины, — хмыкнул Борос. — А мужчины — те вообще сплошь и рядом думают не головой.

Конан сверкнул на бородача глазами. Он почти забыл о присутствии Бороса.

— Теперь ты можешь спокойно вернуться к своим кабакам и пьяным выходкам, — ядовито заметил он.

— Только не в Офире! — возразил Борос. Он дергал себя за бороду и тревожно поглядывал на вершину горы. — Бог не может быть убит, как обыкновенный демон. Аль-Киир живет еще где-нибудь. Предположим, его тело еще лежит там. Предположим, существуют другие его изображения. Я не хочу находиться в этой стране, если кто-нибудь другой попытается вновь вернуть его на землю. Я многого жду от Аргоса. Морской воздух весьма полезен моим легким, и я смогу уехать на корабле в далекие страны, если дурное наследие Офира вновь пробудится.

— Только не в моем обществе! — проворчал Конан. — Я хожу один!

— Я могу применить разные чары, которые облегчат наш путь, — заверил его старик, но киммериец

уже быстро шел вниз по склону. Беспреданно бормоча, седобородый ковылял за ним, но Конан не потрудился заметить этого.

И вот я снова один, думал киммериец, и только мой разум и мой меч при мне. Но к этому он давно уже привык. В кошельке у него были драгоценности. А перед ним лежал Аргос — Аргос и еще мысли, которые никогда прежде не приходили ему в голову. Если Случай мог возвести на трон такого болвана, как Валентиус, то почему бы и самому Конану не отыскать эту дорогу? Да, почему бы и нет? Засмеявшись, Конан ускорил шаги.

СОДЕРЖАНИЕ

Мир Хайборийской Эры	5
Письмо Роберта Говарда	12
<i>Роберт Говард. Хайборийская эра</i>	16
ЧЕТЫРЕ СТИХИИ	27
ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ АМАНАРА	219
ТАЙНА ВРАТ АЛЬ-КИИРА	443

Литературно-художественное издание

**РОБЕРТ ГОВАРД
СТИВ ПЕРРИ**

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ

Ответственный редактор *Геннадий Белов*
Художник *Владислав Асадуллин*
Форзац *Сергея Троицкого*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Елена Капитанова*
Верстка *Антонины Помазовой*
Корректоры:
Нина Богачева и Вера Дроздова

Подписано к печати с готовых диапозитивов 05.04.93.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура школьная. Бумага тип. № 2.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6. Тираж 300 000 экз.
-й завод: 1—100 000 экз.). Изд. № 201. Заказ № 118. С 201.

Издательство «Северо-Запад»,
191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, д. 18.

Отпечатано на издательско-полиграфическом предприятии
«Уральский рабочий», 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

К64 Говард Р., Перри С.
Конан и Четыре Стихии: Роман / Пер. с
англ. — СПб.: Северо-Запад, 1993 — 638 с.
ISBN 5-8352-0201-6

Конан из Киммерии... Большинство российских читателей легендарный герой-варвар известен по американским фильмам «Конан-варвар» и «Конан-разрушитель», где главную роль сыграл Арнольд Шварценеггер. «Конан и Четыре Стихии» — книга, открывающая большой сериал произведений о непобедимом Конане из Киммерии. Демоны и колдуны, наемные убийцы и жрецы давно забытых богов — все это читатель найдет на страницах блистательной саги о знаменитом Конане-варваре.